

# ДРУЗЬЯ ПУШКИНА







*И в жизни сей мне будет утешенье:  
Мой скромный дар и счастье друзей.*

*А. С. Пушкин*

# ДРУЗЬЯ ПУШКИНА



В.А. ПУШКИН  
О.С. ПАВЛИЩЕВА  
Л.С. ПУШКИН  
А.Р. ЯКОВЛЕВА  
И.И. ПУЩИН  
А.А. ДЕЛЬВИГ  
В.К. КЮХЕЛЬБЕКЕР  
И.В. МАЛИНОВСКИЙ  
Ф.Ф. МАТЮШКИН  
М.А. ЯКОВЛЕВ  
В.А. ЖУКОВСКИЙ  
П.А. ВЯЗЕМСКИЙ  
А.И. ТУРГЕНЕВ  
П.Я. ЧААДАЕВ  
СЕМЬЯ КАРАМЗИНЫХ





# ДРУЗЬЯ ПУШКИНА



ПЕРЕПИСКА  
ВОСПОМИНАНИЯ  
ДНЕВНИКИ

В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ

**1**



МОСКВА  
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“  
1985

*Составление,  
биографические очерки и примечания  
В. В. Кунина*

- Д 76     **Друзья Пушкина.** Переписка; Воспоминания; Дневники. В 2-х т. Т. 1 /Сост. биографические очерки и прим. В. В. Кунина.— М.: Правда, 1985.—640 с., 2 л. вкл.

В двухтомнике собраны документы и материалы, характеризующие отношения А. С. Пушкина с тридцатью его близкими друзьями. В отрывках из писем, мемуаров, дневников передается атмосфера трудной и прекрасной жизни поэта и тех людей, которые были ему близки их дороги. Все подборки материалов предваряются биографическими очерками о друзьях Пушкина.

Текст печатается по изданию: Друзья Пушкина: Переписка; Воспоминания; Дневники. В 2-х т.— М.: Правда, 1984.



С годами и десятилетиями Пушкин не отдаляется от нас — он приближается. У Пушкина миллионы друзей. В пересчете на читательские поколения — сотни миллионов. Удивительно ли, что все они хотят больше знать о великом поэте и глубже понимать его? Необъятна литература о Пушкине. И все же общественная потребность определяет дальнейшее расширение и жанровое обновление советского пушкиноведения. Мало сказать, что наша пушкинистика стала уже самостоятельной отраслью литературоведения — она стала областью изучения отечественной культурной истории. Ибо Пушкин не только высочайшая вершина литературы, но и высочайшая вершина нравственности, патристического чувства и уважения к иным народам и культурам. «При имени Пушкина, — провидчески писал Н. В. Гоголь в 1832 г., — тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более назваться национальным; это право решительно принадлежит ему. В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла».

Тема пушкинского окружения была и остается одной из важнейших в пушкиноведении. Точно так же, как биография Пушкина неотделима от его творчества и не может изучаться в отрыве от него, личность поэта не может быть правильно понята вне связи с жизнью людей, которые были ему близки и дороги. В свою очередь, такое рассмотрение помогает ощутить особую сложность, политическую и социальную противоречивость времени, в котором жили Пушкин и его друзья. Автор недавней биографии Пушкина Ю. М. Лотман\* обоснованно начинает свою книгу с утверждения: «В редкую эпоху личная судьба человека была так тесно связана с историческими событиями — судьбами государств и народов, — как в годы жизни Пушкина».

---

\* Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Л., 1982.

Круг друзей Пушкина в литературе о нем подчас неоправданно расширяется: понятие «друг» фактически становится синонимом понятия «знакомый Пушкина». Нужно ли доказывать, что на самом деле это было не так? Личных, истинных друзей у каждого человека, даже такого отзывчивого на дружбу и чуткого к людям, как Пушкин, не столь уж много. Даже из числа товарищей по Лицею, столько значившему в его судьбе, мы включили лишь семь имен. Быть может, спорными остаются еще несколько — но не более. Определяющим фактором для «выбора» друзей Пушкина должна быть прежде всего глубина взаимного духовного воздействия, близость душевных побуждений и сокровенных мыслей. Друзья Пушкина были не только людьми, с которыми он щедро делился мыслями и чувствами, неисчерпаемыми богатствами своего гения, но от которых он получал постоянный ответный отклик, импульсы к творчеству и обыкновенную человеческую поддержку. «Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастет», — призывал Жуковский. И они, вольно или невольно, соединились для этого. Тем горше читать те страницы жизни Пушкина, где говорится о непонимании, о долгом или коротком отчуждении даже самых преданных его друзей. Особенно важны при этом поэтические, дневниковые, эпистолярные свидетельства самого поэта о его отношении к тому или иному человеку, собранные в документальных подборках предлагаемого читателю двухтомника.

Бесспорно, что к числу друзей Пушкина принадлежат его старшие соратники по арзамасскому братству (или шире — по карамзинскому кругу) писателей: В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, А. И. Тургенев, Д. В. Давыдов; едва ли кто возразит против присутствия в нашем списке П. Я. Чаадаева, П. В. Нащокина, П. А. Плетнева, С. А. Соболевского, семей Карамзиных, Раевских, Осиповых-Вульф. Нужно только не забывать, что даже самые тесные дружеские связи Пушкина не были идиллическими. Порой обнаруживались острейшие мировоззренческие и личные разногласия (как, например, с Вяземским или с Александром Раевским). В сущности, о многих дружеских связях Пушкина можно было бы сказать:

Меж ими все рождало споры  
И к размышлению влекло;  
Племен минувших договоров,  
Плоды наук, добро и зло,  
И предрассудки вековые,  
И гроба тайны роковые,  
Судьба и жизнь в свою чреду,  
Все подвергалось их суду.

(«Евгений Онегин»).

Имеющийся документальный и биографический материал диктовал целесообразность включения в книгу разделов о нескольких родственниках Пушкина, которые одновременно были и его друзьями. Это дядюшка — поэт В. Л. Пушкин (ему Пушкин во многом был обязан литературным образованием и



принадлежностью к определенному литературно-общественному кругу); сестра поэта О. С. Павлищева (Пушкина), многими духовными нитями связанная с ним; младший брат Лев Сергеевич, который долгие годы был предметом трогательной любви, заботы и тревоги Пушкина; и, наконец, жена Наталья Николаевна — сколько бы и в каких аспектах ни писали об их отношениях, несомненно одно: в последние шесть лет жизни Пушкина она была близким другом и поверенной его надежд, печалей, а нередко и литературных замыслов (последнее обстоятельство иногда игнорируется). Обойти этот факт — значило бы погрешить против объективности.

Закономерным представляется и присутствие среди друзей Пушкина «подруги дней... суровых» — няни Арины Родионовны Яковлевой. Исследования пушкинистов давно уже показали, как много дало Пушкину общение с нею, как глубоко отзывалась дружба с няней в душе поэта и в его творчестве.

Разумеется, список друзей Пушкина не может быть ни каноническим, ни окончательным. Вполне естественны по этому вопросу различные суждения. Возможно, читателям покажется, что каких-то достаточно важных имен в двухтомнике нет, а другие (но очень немногие) могли бы остаться за его пределами. Что же — в этом лишь отразится глубочайшая любовь нашего народа к Пушкину и возросший уровень знаний о нем небывало широкого круга читателей, к которому и обращено настоящее издание. Как бы то ни было, это сборник материалов именно о друзьях Пушкина, а не о его знакомых и не о пушкинском окружении в целом. Напомним, что двухтомник В. В. Вересаева «Спутники Пушкина» (М., 1937) содержит почти 400 литературно-бытовых очерков, словарь-справочник Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение» (Л., 1975) — 2500 имен. В настоящее издание вошло 30 очерков и документальных подборок о друзьях Пушкина и об их отношениях с поэтом.

\* \* \*

Подготовка двухтомника основывалась на книгах и статьях, отразивших огромную публикаторскую, текстологическую, комментаторскую и литературоведческую работу, сделанную научными коллективами и отдельными пушкинистами. В конце каждого очерка указывается *Основная литература* (некоторые дополнительные ссылки имеются и в примечаниях). Обратившись к этим, в основном недавним, работам, любознательный читатель найдет многие подробности и более полную, разветвленную библиографию по интересующему его вопросу. Здесь же мы назовем несколько важнейших изданий, без которых никакая пушкиноведческая работа в наши дни невозможна.

А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, тт. I—XVII, М.-Л., 1937—1959.

А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах, М.-Л., 1949 (и ряд последующих стереотипных переизданий)\*.

А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Л., 1977—1979.

А. С. Пушкин. Письма, тт. I—III. М.-Л., 1926—1935 (тт. I—II—под редакцией и с примеч. Б. Л. Модзалевского; т. III—Л. Б. Модзалевского).

А. С. Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. Л., 1969. (Отв. ред. Н. В. Измайлов).

Временник Пушкинской комиссии, 1962—1979. М.-Л., 1963—1982.

А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1—2. М., 1974. (Сост. В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсон, Р. В. Иезуитова, Я. Л. Левкович).

На последней стадии подготовки «Друзей Пушкина» вышла из печати «Переписка А. С. Пушкина». Т. 1—2 (М., 1982), на основании которой были внесены многие уточнения в материалы двухтомника.

В подборки материалов включены: стихотворения Пушкина, обращенные к соответствующему лицу, а также относящиеся к теме статьи, заметки, дневниковые записи поэта; стихотворения друзей Пушкина, посвященные ему; переписка Пушкина с друзьями (подавляющее большинство писем дается во фрагментах—в каждом случае это не оговаривается; полный текст читатель может найти в источниках, указанных в примечаниях\*\*); письма третьих лиц, раскрывающие тему дружеских отношений Пушкина и характеризующие его друзей; дневниковые записи; мемуарные свидетельства. В ряде случаев к мемуарам приравниваются и работы первых пушкинистов—П. В. Анненкова, П. И. Бартенева, Я. К. Грота,—написанные на основе личного общения с людьми, знавшими Пушкина.

В примечаниях указывается источник, откуда взят текст, и даны самые краткие пояснения ситуаций, имен и фактов. Все документальные фрагменты пронумерованы, им соответствуют номера примечаний.

Составитель благодарит Государственный музей А. С. Пушкина, книжными фондами и библиографическими картотеками которого он имел возможность пользоваться, а также московского собирателя-пушкиниста И. И. Потоцкого, предоставившего в распоряжение составителя свою превосходно подобранную пушкиниану.

---

\* Все тексты Пушкина в настоящем двухтомнике даются по этому изданию, поскольку оно более доступно для читателя, чем большое академическое, и принятые в нем орфографические нормы представляются наиболее последовательными.

\*\* Тексты писем всех корреспондентов Пушкина даются по Большому академическому изданию (т. XIII—XVI); сделаны лишь некоторые орфографические исправления и уточнены переводы с французского с учетом новейшего издания «Переписки» (т. 1—2).



Фигура родного дяди А. С. Пушкина, довольно известного в свое время поэта, входившего в круг Карамзина, человека образованного и не лишенного разнообразных дарований, столь колоритна, и воздействие его, личное и литературное, на поэта-племянника (хотя и не слишком долговременное) столь несомненно, что обойти Василия Львовича в списке друзей Пушкина было бы несправедливо. А поскольку из всех известных контактов Пушкина, из всех факторов, формировавших его личность, неотделимую от творчества, влияние Василия Львовича первое по времени, то с него и начинается книга о друзьях Пушкина.

Так случилось, что в раннем детстве, которое в душе каждого человека оставляет обычно самые дорогие воспоминания на всю жизнь, Александр Сергеевич Пушкин был обделен материнской и отцовской лаской. Знаменитые иронические строки «Евгения Онегина» были как раз той самой шуткой, в которой всегда есть доля правды:

Родные люди вот какие:  
Мы их обязаны ласкать,  
Любить, душевно уважать  
И, по обычаю народа,  
О Рождестве их навещать  
Или по почте поздравлять,  
Чтоб остальное время года

Не думали о нас они...  
Итак, дай бог им долги дни!

Из этих шуточных правил Пушкин всю жизнь делал два исключения: он любил сестру и брата — и отнюдь не по большим праздникам, но изо дня в день тревожился, заботился о них, а в последнее десятилетие неустанно помогал им. С Василием Львовичем было несколько по-иному: литературные взаимоотношения подчас заслоняли родственные связи, и Пушкин во многом разделял те симпатии и одновременно ту иронию, которые проявляли к дядюшке-поэту их общие литературные друзья: Н. М. Карамзин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, братья Н. И. и А. И. Тургеневы. Но при этом нельзя забывать, что первоначальное знакомство Пушкина со всеми названными и многими другими литераторами произошло именно через Василия Львовича. Пушкин не слишком преувеличивал, говоря, что дядюшка-поэт его «с музами сосватал», и называя Василия Львовича «парнасский мой отец». (Впрочем, искренняя благодарность не мешала Пушкину «обыгрывать» и шуточный вариант «парнасского родства»: «Нет, нет — вы мне совсем не брат://Вы дядя мне и на Парнасе».)

\* \* \*

Отец братьев Пушкиных, дед великого поэта, артиллерийский подполковник Лев Александрович был верным слугою императора Петра III и в 1762 г. отказался присягнуть совершившей дворцовый переворот Екатерине II. Мало сказать, что на этом оборвалась его служебная карьера, — он был посажен под арест на два года и чудом избежал более сурового наказания. В поэтическом переложении внука события выглядели так:

Мой дед, когда мятеж поднялся  
Средь петергофского двора,  
Как Миних \* верен оставался  
Паденью третьего Петра.

---

\* Фельдмаршал, приближенный Петра III, не признавший Екатерину II.



Попали в честь тогда Орловы,  
А дед мой в крепость, в карантин,  
И присмирел наш род суровый,  
И я родился мещанин.

Дед Пушкина не то чтобы присмирел, но, выйдя из крепости через два года, перебрался в Москву, зажил на широкую ногу, соединив расточительное хлебо-сольство с барским самодурством, и в службу более не вступал (тем паче, что был он обладателем 3000 крепостных душ), да и в Петербурге не появлялся, ограничиваясь поездками в родовое имение Болдино. Непреклонный нрав деда Пушкина проявился и в семейной жизни: первая жена его умерла после тяжелых семейных раздоров; он женился вторично — на Ольге Васильевне Чичериной, от которой у него было четверо детей: сыновья Василий и Сергей и дочери Анна и Елизавета. Л. А. Пушкин из оппозиции ко всяким екатерининским учреждениям не отдал сыновей в Московский университет, зато дал им блестящее домашнее образование. Василий Львович знал не только французский язык и литературу, но и латынь, немецкий, итальянский. Вдобавок он был одарен чувством юмора, способностью импровизации и некоторыми артистическими задатками. Нужно ли говорить, что, едва выйдя из отроческих лет, он стал желанным гостем в московских салонах, непременным участником домашних спектаклей и всех иных развлечений. По обычаям века Василий Львович был записан в гвардию, но прослужил совсем недолго и в 1797 г. уже числился поручиком в отставке, каковым оставался до конца дней.

Несомненное, хотя во времена Пушкина уже несколько старомодное остроумие, незлобивый нрав и добродушие — не в отца и не в пример младшему брату (отец поэта был истеричен и себялюбив) — сделали В. Л. Пушкина всеобщим добрым знакомым и даже своего рода достопримечательностью дворянской Москвы.

Женился В. Л. Пушкин на одной из первых московских красавиц, Капитолине Михайловне Выше-славцевой, но брак их оказался несчастливym, а бракоразводный процесс — скандальным. Обвиненный в «прелюбодейной связи с вольноотпущенною девкою»,

Аграфеной Ивановой, Василий Львович «с горя» уехал в Париж.

По случаю путешествия Василия Львовича в чужие края и была сочинена шутливая пародия И. И. Дмитриева, которую так любил А. С. Пушкин (№ 24).

За два года (1803—1804) В. Л. Пушкин побывал во Франции, Германии, Англии. Но более всего понравился ему Париж, где он пополнял свою библиотеку великолепными редкими изданиями и брал уроки декламации у знаменитого актера Тальма. В политических перипетиях Василий Львович не слишком стремился разобраться. Своему близкому другу Н. М. Карамзину он писал: «Французы ласковы и любят иностранных. Красавиц везде много, но должно признаться, что нигде нет столь любезных женщин, как во Франции». Возвратился он одетым с парижской иголки, надушенный французскими духами, в модных ажурных чулках и не слишком смущенный тем, что за время его отсутствия синод признал его виновным в нарушении святости брака и определил «подвергнуть семилетней церковной епитимии с отправлением оной в течение шести месяцев в монастыре, а прочее время под смотрением его духовного отца». Наказанный за грехи свои «обетом безбрачия», Василий Львович впоследствии сожительствовал с Анной Николаевной Ворожейкиной, остававшейся ему верной гражданской женой до самой его смерти. У них было двое «незаконных» детей, которым В. Л. Пушкин не мог дать свою фамилию, но оставил имущество.

Современные пушкиноведы считают, что, описывая наряд графа Нулина, Пушкин вспоминал о триумфальном возвращении из Парижа своего дядюшки:

Себя казать, как чудный зверь,  
В Петрополь едет он теперь  
С запасом фраков и жилетов,  
Шляп, вееров, плащей, корсетов,  
Булавок, запонок, лорнетов,  
Цветных платков, чулков à jour \*.

И хотя о прототипах пушкинских героев всегда приходится говорить лишь предположительно, приведенное описание к Василию Львовичу вполне подходит.

---

\* ажур, ажурные (фр.).

Война 1812 года и пожар Москвы были для него ударом страшным и неожиданным (французы под водительством Наполеона I оказались не столь ласковыми, как померещилось Василию Львовичу в Париже). Добравшись с превеликими трудами до Нижнего Новгорода, он писал П. А. Вяземскому: «Я вижу, что ты грустишь о Москве, да как и не грустить о кормилице нашей. Другой Москвы не будет, а час от часу разорение столицы нам будет чувствительнее. Я потерял в ней все движимое мое имение. Новая моя карета, дрожки, мебели и драгоценная моя библиотека — все сгорело. Я ничего вынести не мог; денег у меня не было, и никто не помог мне в такой крайности. Что делать? Я благодарю теперь бога, что он осенил щитом своим храбрые наши войска, поражающие бегущего злодея. Аттила нашего века покрыл себя вечным стыдом, и бедствия наши ни малейшей не принесли ему пользы».

Возвратившись в Москву, он скоро зажил прежней беспечной жизнью, «вращаясь» в литературных кругах, толкуя о журнальных новинках, пытаюсь, несмотря на мучившую его подагру, сохранить важный вид и светские манеры, подвергаясь бесконечным, как правило, беззлобным насмешкам своих сверстников и в особенности литераторов младшего поколения. При этом В. Л. Пушкин был одним из учредителей Общества любителей российской словесности при Московском университете, старостой и представителем в Москве петербургского литературного общества «Арзамас» (куда по выходе из Лицея вступил и его племянник) и, наконец, радушным хозяином популярного в Москве литературного салона на Старой Басманной, где бывали И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский, Е. А. Баратынский, А. А. Дельвиг, Адам Мицкевич и многие другие писатели.

Так продолжалось без малого еще двадцать лет — до того самого дня, когда был разослан его друзьям и знакомым пригласительный билет с печальным текстом: «Александр Сергеевич и Лев Сергеевич Пушкины с душевным прискорбием извещают о кончинеяди своего Василия Львовича Пушкина, последовавшей сего августа 20 дня в два часа пополудни...»

На похоронах В. Л. Пушкина в Донском монастыре была вся литературная Москва. Единственным наследством, которое досталось Пушкину после смерти дяди, была печатка XVIII в., когда-то полученная Василием Львовичем от отца. В 30-х годах Пушкин запечатывал этой печатью свои письма...

Узнав о кончине Василия Львовича, П. А. Вяземский писал: «Я в Пушкине теряю одну из сердечных привычек жизни моей... Черты младенческого его простосердечия и малодушия могут составить любопытную главу в истории сердца человеческого. Они придавали что-то смешное личности его, но были очень милы».

\* \* \*

Поэтическое творчество В. Л. Пушкина было скромным по своему значению, не всегда глубоким по содержанию, но для своего времени довольно ярким и новаторским по форме. Недаром любимым его поэтом был автор искрометных песен французской революции П.-Ж. Беранже. Одну из песен Беранже Василий Львович перевел на русский язык. Если верить мемуаристам, Василий Львович, почувствовав приближение кончины, доплелся до полка с книгами, вытащил томик Беранже и, прижимая его к сердцу, отошел в иной мир. Дядюшка-поэт был талантливым версификатором, но, право, трудно теперь говорить о том, что из его творений сохранилось бы в памяти, если бы не «знатное родство» с величайшим поэтом России. Если до появления южных поэтов Пушкина, принесших ему огромную славу, в переписке современников мелькают слова «племянник Василия Львовича», то после 1822—1823 гг. Василия Львовича стали именовать: «дядя Пушкина». Впрочем, наиболее проникательные из друзей угадывали «поэтическое соотношение» дяди и племянника еще раньше. В 1815 г. П. А. Вяземский писал К. Н. Батюшкову: «Что скажешь о сыне Сергея Львовича? Чудо и все тут. Его Воспоминания\* вскружили нам голову с Жуковским. Какая сила, точность в выражении, какая

---

\* Стихотворение А. С. Пушкина «Воспоминания в Царском Селе».



твердая и мастерская кисть в картинах. Дай бог ему здоровья и учения и в нем прок и горе нам. Задавит каналья! Василий Львович, однако же, не поддается и после стихов своего племянника, которые он всегда прочтет со слезами, не забывает никогда прочесть и свои, не чувствуя, что по стихам он племянник перед тем».

Однако некоторые басни, послания, сатиры, переводы Василия Львовича, написанные в духе карамзинской реформы русского литературного языка, т. е. без славянизмов и архаизмов, живым понятным стихом, стали своего рода школой для юного Пушкина. Русским стихом В. Л. Пушкин владел отменно и не раз доказывал это, что было не так-то легко во времена Державина, Крылова и Жуковского. Приведем характерную для его творчества «Сказку»:

Шестидесяти лет Пульхерия старушка,  
Которая в свой век была  
Кокетка и вострушка,  
Мечтала, что еще пленять она могла,  
И что амуры вокруг прелестницы резвились.  
Но в зеркале себя увидев невзначай,  
Сказала, прослезясь: «Веселие, прощай!  
Как зеркала переменились!»

(1821)

Или вот басенка еще короче:

Змея ужалила Маркела.  
Он умер? — Нет, змея, напротив,  
околела.

(1808)

Вдобавок Василий Львович был яростным полемистом, «не щадя живота своего» бросавшимся на литературных недругов и защищавшим друзей. Эту черту его впоследствии подметил Н. Г. Чернышевский: «В. Л. Пушкиным, одним из ревностных приверженцев карамзинского направления, были сделаны две или три счастливые вылазки в стан противников — вылазки, если и не имевшие влияния на ход борьбы — В. Л. Пушкин не был авторитетом даже в то блаженное время, когда авторитетам не было числа — то, по крайней мере, заслужившие благосклонную улыбку в его литературных патронах и наделавшие



нях, запряженных парой рысаков. И тут же язвительная стрела летит в архаиста А. С. Шишкова:

Кузнецкий мост и вал, Арбат и Поварская  
Дивились двоице, на бег ее взирая.  
Позволь, Варяго Росс, угрюмый наш певец,  
Славянофилов кум, взять слово в образец,  
Досель в невежестве коснея, утопая,  
Мы парой двоицу по-русски называя,  
Писали для того, чтоб понимали нас.  
Ну, к чорту ум и вкус! Пишите в добрый час.

Герой этой фривольной истории Буянов прославлен в «Евгении Онегине»: «мой брат двоюродный Буянов //В пуху, в картузе с козырьком// (Как вам, конечно, он знаком)». Литературного отпрыска дядюшки Пушкин называет своим двоюродным братом и в письме к Вяземскому беспокоится: «Что-то с ним будет в потомстве? Крайне опасаясь, чтоб двоюродный брат не почелся моим сыном. А долго ли до греха». Благодаря предусмотрительности автора «Евгения Онегина» потомство разобралось что к чему, и «Опасный сосед» занял свое скромное место в истории литературы. Правда, при жизни автора «Опасный сосед» напечатан не был \*. За границей он появился в печатном виде в 1855 г., а в России — лишь в начале нашего века. Василий Львович только сокрушенно вздыхал, когда приятели подтрунивали над ним: «Эх, брат, Василий Львович, много-много написал ты на своем веку, а все-таки лучшее твоё произведение нецензурный «Опасный сосед», да и тот приписывают не тебе, а твоему племяннику».

После этого престарелому поэту оставалось только при жизни сочинить собственную эпитафию, что он и сделал:

Здесь Пушкин наш лежит; о нем скажу  
два слова,  
Он пел Буянова и не любил Шишкова.

\* \* \*

В июле 1811 г. Василий Львович Пушкин, отправляясь в Петербург в надежде издать некоторые свои

---

\* В 1815 г. в Мюнхене вышло в нескольких экземплярах литографированное воспроизведение списка поэмы, о котором сам автор не знал. Теперь это ненаходимая редкость.

сочинения, направленные против шишковистов, взял с собою племянника Александра, которого решено было определить в открывавшийся Царскосельский лицей. Чуть ли еще не в дорожной карете двенадцатилетний мальчик попал в атмосферу литературной борьбы, взаимных стихотворных уколов и импровизаций, которой дышал его дядюшка. Друзьями В. Л. Пушкина в Петербурге были и многие будущие декабристы и все будущие «арзамасцы». А. С. Пушкин поступал в Лицей уже со сложившимися литературными вкусами и пристрастиями. Этим он, несомненно, обязан В. Л. Пушкину, с которым неразлучно провел несколько месяцев в квартире на Мойке перед переездом на долгие шесть лет в Царское Село. Определив племянника в Лицей, Василий Львович еще заехал к нему в декабре 1811 г. перед возвращением в Москву, и они расстались на пять лет. В пушкинской «Программе записок», которую считают важным автобиографическим источником, первая запись под 1811 годом: «Дядя Василий Львович». В 1816 г. В. Л. Пушкин вновь посетил северную столицу для торжественного вступления в «Арзамас» и вместе с В. А. Жуковским и П. А. Вяземским побывал у племянника в Лицее. Трудно даже представить себе ту громадную перемену, которую он обнаружил: неуклюжий мальчик, жадно слушавший литературные разговоры и стихи, превратился за пять лет в Поэта, и не нужно было большого воображения, чтобы представить себе, сколь многое ждет его в будущем. С тех пор Василий Львович всегда относился к племяннику с восхищением, удивлением и даже некоторым страхом перед непостижимой тайной гениальности.

Следующая разлука дяди и племянника была уже не на пять, а на десять лет. За это время акценты в их отношениях несколько переместились. Детское восхищение дядюшкой-поэтом постепенно сменилось у А. С. Пушкина иронией и шутливым тоном, характерным для многих его упоминаний о Василии Львовиче в письмах к друзьям. При этом Пушкин сохранил доброжелательство и даже профессиональное уважение: он интересовался, как идут дела с первым сборником стихотворений дядюшки (1822 г.), и торопил П. А. Плетнева, взявшего на себя хлопоты по этому



изданию. Что касается Василия Львовича, то, узнав о царской немилости и ссылке, постигших племянника, он несколько струхнул: в переписку с Пушкиным долгое время не вступал и даже отговаривал И. И. Пущина от поездки к опальному поэту в Михайловское.

Тут еще как на грех случилось происшествие, несколько поколебавшее сохранявшиеся родственные чувства Василия Львовича. В октябре 1824 г. в Москве скончалась любимая сестра его, старая дева Анна Львовна Пушкина. Племянник-поэт относился к ней вполне по-родственному и помнил, как она баловала его в детстве. Это от нее при отъезде в Лицей он получил сто рублей «на орехи», которые позаимствовал да позабыл возвратить Василий Львович (№ 7). В Москве шутили, что привязанности В. Л. Пушкина «делятся на три степени: первая — сестра Анна Львовна, вторая — князь Вяземский, третья — однобортный фрак, который выкроил он из старого сюртука по модному французскому покрою». Сразу же после кончины Анны Львовны друг Василия Львовича слезливый стихотворец П. И. Шаликов напечатал в «Дамском журнале» стихотворное соболезнование:

Брат лучший, лучшую утративший сестру!  
Я знаю, слез, тобой струимых, не сотру!

Василий Львович вскоре и сам оплакал покойницу:

Где ты, мой друг, моя родная,  
В какой теперь живешь стране?  
Блаженство райское вкушая,  
Несешься ль мыслию ко мне?

Все эти стихотворные некрологи сообщил Пушкину А. А. Дельвиг, приехавший в Михайловское в апреле 1825 г. Пушкин так был рад приезду долгожданного друга, что настроение у него было веселое (да ему ведь еще не исполнилось 26 лет!). Короче говоря, на свет появилась такая шутливая «Элегия на смерть Анны Львовны» — плод коллективного творчества Пушкина и Дельвига:

Ох, тетенька! ох, Анна Львовна,  
Василья Львовича сестра!  
Была ты к маменьке любовна,  
Была ты к папеньке добра,  
Была ты Лизаветой Львовной  
Любима больше серебра;

Матвей Михайлович, как кровный,  
Тебя встречал среди двора.  
Давно ли с Ольгою Сергеевной,  
Со Львом Сергеечем давно ль,  
Как бы на смех судьбине гневной,  
Ты разделяла хлеб да соль.  
Увы! Зачем Василий Львович  
Твой гроб стихами обмочил,  
Или зачем подлец попович  
Его Красовский пропустил.

Елизавета Львовна — другая сестра Василия Львовича, в замужестве Сонцова. Намек насчет серебра не без яда: Сонцовы были скупы и фамильное серебро берегли пуще глаза. Матвей Михайлович — это Сонцов, муж сестры, свойственник Анны Львовны, отнесившийся к ней как кровный, т. е. как родной. Наконец, Красовский — цензор Петербургского цензурного комитета. Пушкин послал «Элегию» Вяземскому и получил такой ответ: «Если *«Ах тетушка! ах Анна Львовна»* попадется на глаза Василию Львовичу, то заготовь другую песню, потому что он верно не перенесет удара». Конечно, элегия попала к Василию Львовичу; он, хотя и перенес удар, почувствовал себя оскорбленным. Пришлось Пушкину посылать Вяземского и брата Льва в качестве парламентаров. В стихотворных строчках, включенных в письмо Вяземскому, Пушкин даже подольстился к Василию Львовичу, назвав его «писателем нежным, тонким, острым» (№ 8). На этот раз письмо было намеренно показано старику и, видимо, произвело должный эффект. Во всяком случае, в июне 1826 г. Дельвиг писал Пушкину: «Вяземский сказал мне, что он уверил Василия Львовича, что *Ах, тетушка! ах Анна Львовна* написана мною, — и тем успокоил его родственную досаду. Мы очень смеялись над этим». Но все же Василий Львович не скоро остыл. Так оскорбить память тетушки! «А она его сестре 15 тысяч оставила!» — повторял он с горькой обидой. Как-то в Тригорском П. А. Осипова спросила Пушкина, что собственно умного находит он в этой элегии. «Надеюсь, сударыня, — ответил Пушкин, — мне и барону Дельвигу разрешается не всегда быть умными».

Полное примирение между дядей и племянником произошло, по-видимому, только 8 сентября 1826 г.,

когда возвращенный из ссылки Пушкин, после разговора с императором в Чудовом дворце, без предупреждения как снег на голову появился у дядюшки на Старой Басманной. С того дня, как Василий Львович отвез мальчика в Петербург, прошло больше пятнадцати лет. Неузнаваемо переменилась Москва, неузнаваемо переменились дядя и племянник. Щеголеватый и еще недавно молодившийся Василий Львович стал сдавать на глазах. По воспоминаниям современников, в те годы это был уже «старик, чуть движущийся от подагры, его мучившей, не большой ростом... с седыми немногими оставшимися еще волосами».

Тонкий знаток биографии и творчества А. С. Пушкина Т. Г. Цявловская, изучая листы рукописей поэта, заполнявшиеся в ноябре 1826 г. (когда Пушкин ненадолго возвратился в Михайловское), определила восемь профильных зарисовок, сделанных Пушкиным, как попытку запечатлеть этот новый облик Василия Львовича — «перепуганного дяди опального поэта». Франт XVIII века превратился в беззубого старика.

В последние четыре года жизни В. Л. Пушкина отношения с племянником были неплохие. Бывая в Москве, Пушкин неизменно посещал дядюшку. Так, еще до появления в печати своего «Путешествия в Арзрум» он рассказывал о поездке на Кавказ в доме Василия Львовича. Известно, как любил Пушкин слушать и записывать рассказы людей уходящих поколений о прошлом. В этом смысле Василий Львович не был для него исключением. Надо отдать должное и дядюшке-поэту: с упоением декламировал произведения Пушкина в Обществе любителей российской словесности, перевел на французский язык и напечатал «Черную шаль» и даже пытался в стихотворной повести «Капитан Храбров», над которой работал в конце 20-х годов, подражать «Евгению Онегину».

Самым последним его произведением оказалось послание к А. С. Пушкину (№ 13). Василий Львович защищал племянника-поэта от несправедливых нападок, предрекал ему великую славу и поздравлял с предстоящей женитьбой. Но свадьбу А. С. Пушкина и Н. Н. Гончаровой пришлось отложить из-за траура: 20 августа 1830 г. Василий Львович скончался. Родителей Пушкина в Москве не было — они жили тогда в

Михайловском, да Пушкин и не хотел волновать отца (он написал лишь хозяйке Тригорского П. А. Осиповой с просьбой осторожно подготовить Сергея Львовича к печальному известию).хлопоты и расходы по похоронам Пушкин взял на себя. Современники рассказывают, что всю дорогу за гробом от Старой Басманной до Донского монастыря он прошел пешком — мрачный и подавленный. Так что не следует слишком доверяться ироническому тону некоторых его писем того времени (№ 14). Уход Василия Львовича племянник-поэт переживал болезненно. Автор недавних работ о В. Л. Пушкине Н. И. Михайлова делает справедливый вывод: в лице дядюшки-поэта «А. С. Пушкину открывался колоритнейший тип эпохи, человек разносторонний и одаренный». Теперь, через полтора столетия после смерти Василия Львовича, все, так сказать, распределено по справедливости: отмечены и то относительно скромное место, которое он занимал в истории русской словесности, и та существенная роль, которую он сыграл на ранних этапах формирования творческой личности своего племянника.

### *Основная литература*

Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. Л., 1959.

Поэты начала XIX в. Л., 1961.

Н. И. Михайлова. В. Л. Пушкин и литературный быт Москвы первой трети XIX века.— В кн.: Болдинские чтения, Горький, 1980.

Н. И. Михайлова. Читая «Опасного соседа». — «Литературная учеба», 1981, № 1.

Н. И. Михайлова. «Парнасский мой отец». М., 1983.

1

Благодарю тебя, мой милый, что ты обо мне вспомнил. Письмо твое меня утешило и точно сделало с праздником. Желания твои сходны с моими; я истинно желаю, чтоб непокойные стихотворцы оставили нас в покое. Это случиться может, только после дождика, в четверг. Я хотел, было отвечать на твое письмо стихами, но с некоторых пор Муза моя стала очень ленива, и ее тормозить надобно, чтоб вышло что-нибудь путное... Николай Михайлович в начале мая отправляется в Сарское-Село. Люби его, слушайся и почитай. Советы такого человека послужат к твоему добру и может быть к пользе нашей словесности. Мы от тебя многого ожидаем... Что до тебя касается, мне в любви моей тебя уверять не должно. Ты сын Сергея Львовича и брат мне по Аполлону. Этого довольно. Прости, друг сердечный. Будь здоров, благополучен, люби и не забывай меня.

*В. Л. Пушкин — Пушкину. 17 апреля 1816.*

2

Тебе, о Нестор Арзамаса,  
В боях воспитанный поэт,  
Опасный для певцов сосед  
На страшной высоте Парнаса,  
Защитник вкуса, грозный *Вот!*  
Тебе, мой дядя, в новый год  
Веселья прежнего желанье  
И слабый сердца перевод —  
В стихах и прозою посланье.

В письме Вашем Вы называли меня братом; но я не осмелился назвать Вас этим именем, слишком для меня лестным.

Я не совсем еще рассудок потерял,  
От рифм бахических шатаюсь на Пегасе.  
Я знаю сам себя, хоть рад, хотя не рад,  
Нет, нет, вы мне совсем не брат,  
Вы дядя мой и на Парнасе.

Итак, любезнейший из всех дядей-поэтов здешнего мира, можно ли мне надеяться, что Вы простите девятимесячную беременность пера ленивейшего из поэтов-племянников?

Да, каюсь я, конечно, перед вами  
Совсем неправ пустынный-рифмоплет;  
Он в лености сравнится лишь с богами,  
Он виноват и прозой и стихами,  
Но старое забудьте в новый год.

Кажется, что судьбою определены мне только два Рода писем — обещательные и извинительные; первые в начале годовой переписки, а последние при последнем ее издыхании. К тому же заметил я, что и вся она состоит из двух посланий, — это мне кажется неппростительным.

Но вы, которые умели  
Простыми песнями свирели  
Красавиц наших воспевать,  
И с гневной музой Ювенала  
Глухого варварства начала  
Сатирой грозной осмеять,  
И мучить бледного Шишкова  
Священным Феба языком,  
И лоб угрюмый Шаховского  
Клеймить единственным стихом!  
О вы! которые умели  
Любить, обедать и писать,  
Скажите искренно, ужели  
Вы не умеете прощать?

Р. С. Напоминаю себя моим незабвенным. Не имею более времени писать; но — надобно ли еще обещать? Простите, вы все, которых любит мое сердце и которые любите еще меня.

Шапель Андреевич конечно  
Меня забыл давным давно,

Но я люблю его сердечно  
За то, что любит он беспечно  
И пить и есть свое вино,  
И над всемирными глупцами  
Своими резвыми стихами  
Смеяться — право, пресмешно.

*Пушкин — В. Л. Пушкину.  
28 (?) декабря 1816.*

3

Сегодня я получил пренеприятное письмо: наш поэт Александр был отчаянно болен, но, благодаря бога, ему легче.

*В. Л. Пушкин — П. А. Вяземскому.  
30 января 1818.*

4

Брат Сергей Львович живет в Опочке, на границе Белорусских губерний. Он приехал в свою деревню 27 июня, а 28-го, то есть на другой день, умерла его теща; Надежда Осиповна и Оленька в большом огорчении. Покойница была со всячинкой, и мне ее вовсе не жаль, но здоровье Оленьки очень худо, и я о том сокрушаюсь. Александр остался в Петербурге; теперь, узнав о кончине бабушки своей, он, может быть, поедет к отцу. Я о нем знаю только по слуху, около года я от нашего поэта не получал ни строки...

*В. Л. Пушкин — П. А. Вяземскому.  
2 августа 1818.*

5

Я получил вчера известие, которое меня очень огорчило, и я должен сообщить его Вам, ибо я знаю, кем Вы для всех нас являетесь. Александр, мой племян-

ник, впад в немилость графа Воронцова, только что отстранен от службы. Это внезапный удар для его родителей и истинное огорчение для меня. Мой брат, который находится теперь в Опочке, еще не знает об этом происшествии.

*В. Л. Пушкин — Н. И. Кривцову.  
31 июля 1824.*

6

Какую песню из Béranger\* перевел дядя Василий Львович? уж не le bon Dieu \*\* ли? Объяви ему за тайну, что его в том подозревают в Петербурге и что готовится уже следственная комиссия, составленная из графа Хвостова, Магницкого и г-жи Хвостовой (автора *Камина*, и следственно соперницы Василия Львовича). Не худо уведомить его, что уже давно был бы он сослан, если б не чрезвычайная известность (extrême-popularité) его Опасного соседа. Опасаются шума!

*Пушкин — П. А. Вяземскому.  
Начало июля 1825.*

7

1811 года дядя мой Василий Львович, по благорасположению своему ко мне и ко всей семье моей, во время путешествия из Москвы в Санкт-Петербург, взял у меня займы 100 рублей ассигнациями, данных мне на орехи покойной бабушкой моей Варварой Васильевной Чичериной и покойной тетушкой Анной Львовною. Свидетелем оного займа был известный Игнатий; но и сам Василий Львович, по благородству сердца своего, от оного не откажется. Так как оному прошло уже более 10 лет без всякого с моей стороны взыскания или предъявления, и как я потерял уже все законное право на взыскание вышеупомянутых 100

---

\* Беранже (фр.).

\*\* Господь бог (фр.).



рублей (с процентами за 14 лет; что составляет более 200 рублей), то униженно молю его высокоблагородие, милостивого государя дядю моего заплатить мне сии 200 рублей по долгу христианскому — получить же оные деньги уполномочиваю князя Петра Андреевича Вяземского, известного литератора.

Коллежский секретарь

Александр Сергеев сын Пушкин.

*Пушкин — П. А. Вяземскому. 15 августа 1825.*

8

Ради бога докажи Василию Львовичу, что элегия на смерть *Анны Львовны* не мое произведение, а какого-нибудь другого беззаконника. Он восклицает «а она его сестре 15.000 оставила!»... Это напоминает чай, которым он поил Милонова. Дело в том, что конечно Дельвиг более виноват, нежели я. Похлопочи обо мне, душа моя, как о брате —

Сатирик и поэт любовный,  
Наш Аристип и Асмодей,  
Ты не племянник *Анны Львовны*,  
Покойной тетушки моей.  
Писатель нежный, тонкий, острый,  
Мой дядюшка — не дядя твой,  
Но, милый, — музы наши сестры,  
Итак, ты всё же братец мой.

Variante \*: *Василий Львович тонкий, острый.*

Кланяюсь княгине и сестре — некогда более писать...

*Пушкин — П. А. Вяземскому. Сентябрь 1825.*

9

Александр Пушкин здесь, и едет в Тифлис, к брату. Вчера он избран в члены пресловутого нашего Англин-

---

\* Вариант (фр.).

ского клуба. Он, по возвращении своем из Грузии, будет печатать все свои сочинения. «Мазепа» уже печатается в Петербурге...

В. Л. Пушкин — П. А. Вяземскому.  
21 марта 1829.

10

Новая поэма А. Пушкина показалась в свет, но под названием «Полтавы», а не «Мазепы». Я нахожу, что А. Пушкин напрасно переименовал ее название, но, как бы то ни было, поэма его есть превосходное творение. Характер Мазепы, описание казни Кочубея, Полтавское сражение — все это написано мастерски. Он употребил новое слово: дрема *долит* вместо *одолевает*; он говорит, что сие слово находится в старинных русских песнях, равномерно и *топ* вместо *топот*, но я много читал песен старинных, и иные переводил на французский язык; признаюсь, однако, что сих слов нигде не заметил. Впрочем, что значит одно слово пред множеством красот, коими наполнена его поэма? Еще повторяю, она есть превосходное творение, и я несколько раз ее перечитывал сряду...

В. Л. Пушкин — П. А. Вяземскому.  
4 апреля 1829.

11

Александр женится. Он околдован, очарован и огончарован. Невеста его, рассказывают, милая и прекрасная. Эта свадьба меня радует, и должна утешить брата моего и невестку. Лев в Петербурге и, верно, бывает у тебя нередко. Он также малый добрый и умный... Вчера я был именинник. У меня обедали мои родные, а Александр был поутру...

В. Л. Пушкин — П. А. Вяземскому.  
27 апреля 1830.

12

Дядя Василий Львович также плакал, узнав о моей помолвке. Он собирается на свадьбу подарить нам стихи. На днях он чуть не умер и чуть не ожил. Бог знает чем и зачем он живет.

*Пушкин — П. А. Вяземскому. 2 мая 1830.*

13

А. С. ПУШКИНУ

Племянник и поэт! Позволь, чтоб дядя твой  
На старости, в стихах поговорил с тобой!  
Хоть модный романтизм подчас я осуждаю,  
Но истинный талант люблю и уважаю.  
Послание твое к вельможе есть пример,  
Что не забыт тобой затейливый Волтер!  
Ты остроумие и вкус его имеешь  
И нравиться во всем читателю умеешь.  
Пусть бесится, ворчит московский Ла-Бомель!  
Не оставляй свою прелестную свирель!  
Пустые критики достоинств не умалят,  
Жуковский, Дмитриев тебя и чтут и хвалят!  
Крылов и Вяземский в числе твоих друзей,  
Пиши и утешай их музою своей,  
Наказывай глупцов, не говоря ни слова,  
Печатай им назло скорее Годунова!  
Творения твои для них тяжелый бич,  
Нибуrom никогда не будет наш москвич,  
И автор повести, топорные работы,  
Не может, кажется, проситься в Валтер-Скоты.  
Довольно и того, что журналист сухой  
В журнале чтит себя романтиков главой!  
Но полно! Что тебе парнасские пигмеи,  
Нелепая их брань, придирки и затеи?  
Счастливцу некогда смеяться даже им!  
Благодаря судьбу, ты любишь и любим!

Венчанный розами ты грации рукою,  
Вселенную забыл, к ней прилепясь душою!  
Прелестный взор ее тебя животворит  
И счастье прочное, и радости сулит.  
Блаженствуй! — Но в часы свободы,

вдохновенья

Беседуй с музами, пиши стихотворенья,  
Словесность русскую, язык обогащай  
И вечно с миртами ты лавры съединяй!

*Всл. Пушкин.*

Шлю тебе мое послание с только что внесенными исправлениями. Скажи мне, дорогой Александр, доволен ли ты им? Я хочу, чтобы это послание было достойно посвящения такому прекрасному поэту, как ты, — назло дуракам и завистникам. (*Франц.*)

*В. Л. Пушкин — Пушкину. Июнь — июль 1830.*

14

В довершение всех бед и неприятностей только что скончался мой бедный дядюшка Василий Львович. Надо признаться, никогда еще ни один дядя не умирал так некстати. Итак, женитьба моя откладывается еще на полтора месяца, и бог знает, когда я смогу вернуться в Петербург. (*Франц.*)

*Пушкин — Е. М. Хитрово. 21 августа 1830.*

15

Смерть дяди моего, Василия Львовича Пушкина, и хлопоты по сему печальному случаю расстроили опять мои обстоятельства. Не успел я выдти из долга, как опять принужден был задолжать. На днях отправляюсь я в нижегородскую деревню, дабы вступить во вла-

дение оной. Надежда моя на Вас одних. От Вас одних зависит решение судьбы моей.

*Пушкин — А. Н. Гончарову. 24 августа 1830.*

16

Бедный дядя Василий! знаешь ли его последние слова? приезжаю к нему, нахожу его в забытьи, очнувшись, он узнал меня, погоревал, потом, помолчав: *как скучны статьи Катенина!* и более ни слова. Каково? вот что значит умереть честным воином, на щите, *le cri de guerre à la bouche!* \*

*Пушкин — П. А. Плетневу. 9 сентября 1830.*

17

20 августа, день смерти Василия Львовича, здешние арзамасцы поминали своего старосту вотрушками, в кои воткнуто было по лавровому листу. Светлана произнесла надгробное слово, в коем с особенным чувством вспоминала она обряд принятия его в Арзамас.

*Пушкин — П. А. Вяземскому. Август 1831.*

18

Сергей Львович и брат его, столь известный Василий Пушкин, получили полное французское воспитание, писали стихи, знали много умных изречений и острых слов из старого и нового периода французской литературы, и сами могли бойко размышлять о серьезных вещах с голоса французских энциклопедистов, последнего прочитанного романа или где-нибудь перехваченного суждения. Никто больше их не ревновал и не хлопотал о русской образованности, под которой

---

\* С боевым кличем на устах! (фр.).

они разумели много разнообразных предметов: сближение с аристократическими кругами нашего общества и подделку под их образ жизни, составление важных связей, перенятие последних парижских мод, поддержку литературных знакомств и добывание через их посредство слухов и новинок для неумолкаемых бесед, для умножения шума и говора столицы. К числу необходимостей своего положения причисляли они и ухаживание за всякой своей и иностранной знаменитостью и проч. Дом Сергея Львовича в Москве действительно посещаем был членами того блестящего литературного круга, который в начале столетия образовался там около Карамзина; в числе друзей и знакомых дома встречаются самые почетные имена того времени — Жуковский, А. Тургенев, Дмитриев и проч., вместе с именами заезжих эмигрантов, туристов, артистов. То же было и у другого брата.

*П. В. Анненков.*

19

В числе прочих посетителей первое место занимал родной дядя Василий Львович Пушкин. Он тогда уже пользовался известностью как литератор и часто читывал свои послания и басни. Несмотря на разгульный, цинический дух «Опасного соседа», написанного им на двадцатом году от роду, он искал счастья в супружеской жизни и рано женился; но, разочарованный, вскоре развелся с женою. Перенеся неудачу безропотно, он умел сохранить навсегда свою любезность, необыкновенную доброту души и набожность истинно христианскую. Собираясь путешествовать за границу, он подал повод Ивану Ивановичу Дмитриеву, принадлежавшему также к приятельскому кругу Сергея Львовича, пошутить насчет впечатлений нового путешественника. Появилась брошюрка под названием: «Журнал путешествия Василия Львовича Пушкина», с портретом автора, изображающим его за уроком деклама-

ции у Тальмы, в Париже. В этой брошюрке, напечатанной в нескольких экземплярах, для друзей, Иван Иванович описал будущую поездку Василия Львовича. Вот ее начало, с отрывками:

Друзья, сестрицы, я в Париже,  
Я начал жить, а не дышать;  
Садитесь все вокруг поближе  
Мой маленький журнал читать.

. . . . .

Я был в Музее, в Пантеоне,  
У Бонапарте на поклоне,  
Стоял близехонько к нему,  
Не веря счастьем моему.

*О. С. Павлицева.*

Воспоминания о детстве А. С. Пушкина.

## 20

Владимир Васильевич Измайлов первый достойно оценил дарования Пушкина; он напечатал многие из его пьес в своем журнале «Музеум». Кто не помнит там «Воспоминаний в Царском Селе», «Посланий к Батюшкову», «К \*\*\*» и проч. и проч. Тут светились дарования Пушкина ясно. Дядя его, Василий Львович, также предвидел в этих опытах многое; но никак не сознавался, чтоб Александр Сергеевич мог когда-нибудь превзойти его, как поэта — и чтеца, в совершенстве чистого. «Милый мой, — говорил он мне, — ты знаешь, что я люблю Александра, он поэт, поэт в душе; но я не знаю, он еще слишком молод, слишком свободен, и, право, я не знаю, установится ли он когда, говоря между нами, как мы остальные, и т. д. и т. д.?»

Приятель наш Борис Кириллович Бланк нередко споривал об этом с Васильем Львовичем и говорил против него за Александра Сергеевича; но Василий Львович стоял на своем: «Увидим, милый мой, вот он поучится; но, между нами говоря, я рад и тому, что Александровы стихи не пахнут латынью и не носят на себе ни одного пятнышка семинарского». Таковы или

почти таковыми были тогда все заключения поэта-дяди о его великом поэте-племяннике.

Наконец и Василий Львович Пушкин признал своего племянника поэтом с отличием, но иногда ветреным, самонадеянным.

...В последний раз я встретил Александра Сергеевича на похоронах доброго Василья Львовича. С приметною грустью молодой Пушкин шел за гробом своего дяди; он скорбел о нем, как о родственнике и как о поэте.

*М. Н. Макаров.* Александр Сергеевич Пушкин  
в детстве.

21

Некогда приятель и почти ровесник Карамзина и Дмитриева, сделался он товарищем людей, по меньшей мере, пятнадцатью годами его моложе. Надобно им было чем-нибудь отличить его, признать какое-нибудь первенство его перед собою. И в этом деле помог Жуковский, придумав для него название «Старосты Арзамаса», с коим сопряжены были некоторые преимущества. Из них некоторые были уморительные и остались у меня в памяти; например, место старосты «Вота», когда он налицо, подле председателя общества, в дни же отсутствия — в сердцах друзей его; он подписывает протокол с прилично размахкой; голос его в нашем собрании... имеет силу трубы и приятность флейты, и тому подобный вздор.

*Ф. Ф. Вигель.*

22

Вот как принимали в члены Арзамасского общества Василия Львовича Пушкина. Это происходило в доме С. С. Уварова.



Пушкина ввели в одну из передних комнат, положили его на диван и навалили на него шубы всех прочих членов. Это прообразовало шутливую поэму князя Шаховского «Расхищенные шубы» (которая была напечатана в Чтениях Беседы любителей российского слова) и значило, что новопринимаемый должен вытерпеть, как первое испытание, шубное прение, т. е. претъ под этими шубами. Второе испытание состояло в том, что, лежа под ними, он должен был выслушать чтение целой французской трагедии какого-то француза, петербургского автора, которую и читал сам автор. Потом, с завязанными глазами, водили его с лестницы на лестницу и привели в комнату, которая была перед самым кабинетом. Кабинет, в котором было заседание и где были собраны члены, был ярко освещен, а эта комната оставалась темною и отделялась от него аркою, с оранжевою, огненною занавескою. Здесь развязали ему глаза — и ему представилась, посредине, чучела огромная, безобразная, устроенная на вешалке для платья, покрытой простынею. Пушкину объяснили, что это чудовище означает дурной вкус; подали ему лук и стрелы и велели поразить чудовище. Пушкин (надобно вспомнить его фигуру: толстый, с подзобком, задыхающийся и подагрик) натянул лук, пустил стрелу и упал, потому что за простыней был скрыт мальчик, который в ту же минуту выстрелил в него из пистолета холостым зарядом и повалил чучелу. Потом ввели Пушкина за занавеску и дали ему в руки эмблему Арзамаса — мерзлого арзамасского гуся, которого он должен был держать в руках во все время, пока ему говорили длинную приветственную речь. Речь эту говорил, кажется, Жуковский. Наконец поднесли ему серебряную лохань и рукомойник, умыть руки и лицо, объясняя, что это прообразует «Липецкие воды», комедия кн. Шаховского. Все это происходило в 1816 или 1817 году. Разумеется, так принимали только одного добродушного Василия Львовича, который поверил, что все подвергаются таким же испытаниям. Общий титул членов был: их превосходительства гении Арзамаса.

Случилось, что Василий Львович, едуци из Москвы, написал эпиграмму на станционного смотрителя и мадригал его жене. И то и другое он прислал в Арзамасское общество, и то и другое найдено плохим, и Пушкин был разжалован из имени «Вот»; ему дано было другое — «Вотрушка!» Вас. Льв. чрезвычайно огорчился и упрекнул общество дружеским посланием, которое напечатано в его сочинениях:

Что делать! видно, мне кибитка не Парнас!  
Но строг, не справедлив ученый Арзамас!  
Я оскорбил ваш слух; вы оскорбили друга! и пр.

По рассмотрении послания оно было найдено хорошим, а некоторые стихи сильными и прекрасными — и Пушкину возвращено было прежнее «Вот» и с прибавлением «я вас»: т. е. «Вот я вас»... Пушкин (Василий Львович) был от этого в таком восхищении, что ездил по Москве и всем это рассказывал.

*М. А. Дмитриев.* Мелочи из запаса моей памяти.

23

За три дня до отъезда своего за границу Василий Львович обещал, на дружеском ужине, верно передать свои впечатления приятелям. И. И. Дмитриев возразил, что письма его всегда будут драгоценны для них, но что содержание корреспонденции почти уже известно. В подтверждение своих слов он сочинил: «Путешествие», к которому приложил еще картинку, изображавшую будущего туриста в Париже, за уроком декламации у Тальмы. Чрезвычайно остроумно и верно изображен там автор «Опасного соседа», с его жаждой новостей, слепым поклонением иностранным диковинкам, усвоением всех возможных мод и вместе неизменным добродушием и прямою сердцем.

*П. В. Анненков.*

ПУТЕШЕСТВИЕ В. Л. П.

*Путешествие Н. Н. в Париж и Лондон, писанное за три дня до путешествия. В трех частях. Москва, тип. Платона Бекетова, 1808, in 16°. Картинка представляет В. Л. Пушкина и Тальма.*

Эта книжка никогда не была в продаже. Несколько экземпляров розданы были приятелям автора, от которого имел я счастье получить и свой (чуть ли не последний). Я храню его как памятник благосклонности, для меня драгоценной...

*Путешествие* есть веселая, незлобная шутка над одним из приятелей автора; покойный В. Л. Пушкин отправлялся в Париж, и его младенческий восторг подал повод к сочинению маленькой поэмы, в которой с удивительной точностью изображен весь Василий Львович. Это образец игривой легкости и шутки живой и незлобной.

Для тех, которые любят Катулла, Грессета и Вольтера, для тех, которые любят поэзию не только в ее лирических порывах или в унылом вдохновении элегии, не только в обширных созданиях драмы и эпopeи, но и в игривости шутки, и в забавах ума, вдохновенных ясной веселостью, искренность драгоценна в поэте. Нам приятно видеть поэта во всех состояниях, изменениях его живой и творческой души: и в печали, и в радости, и в парениях восторга, и в отдохновении чувств — и в Ювенальном негодовании, и в маленькой досаде на скучного соседа... Благоговею пред созданием «Фауста», но люблю и эпиграммы.

Виноват: я бы отдал всё, что было писано у нас в подражание лорду Байрону, за следующие незадумчивые и невосторженные стихи, в которых поэт заставляет героя своего восклицать друзьям:

Друзья! сестрицы! я в Париже!  
Я начал жить, а не дышать! etc.

Есть люди, которые не признают иной поэзии, кроме страстной или выпренней; есть люди, которые находят и Горация прозаическим (спокойным, умным, рассудительным? так ли?). Пусть так. Но жаль было бы, если б не существовали прелестные оды, которым подражал и наш Державин.

*А. С. Пушкин.*

25

А между тем, Василий Львович, принятый в «Арзамасе» после шутовской церемонии, устроенной В. А. Жуковским нарочно для него, как замечает Ф. Ф. Вигель, считался влиятельным литератором, а после своего «Опасного соседа» достиг даже некоторого рода знаменитости. Он заслуживал благодарности литераторов за неослабное свое хлопотание около них и около русской литературы вообще, в течение добрых 25-ти лет. Он уже едва двигался от подагры в 1830 г., но, сохраняя свою важную осанку, за которой скрывалось у него так много добродушия, легковерия и беспечности, продолжал толковать о журналах и раз в одном из сильнейших пароксизмов болезни нашел минуту сказать окружающим: «Как скучны статьи Катенина об испанской литературе!» Самая смерть его, последовавшая в тот же год, имела одинаковый характер с его жизнью. Нам рассказывал один из близких его знакомых, что раз, утром, больной старик поднялся с постели, добрался до шкапов огромной своей библиотеки, где книги стояли в три ряда, заслоня друг друга, отыскал там Беранже и с этой ношей перешел на диван залы. Тут принялся он перелистывать любимого своего поэта, вздохнул тяжело и умер над французским песенником.

*П. В. Анненков.*

*Остафьево, 25-го (августа).* Бедный Василий Львович скончался 20-го числа в начале третьего часа пополудни. Я приехал к нему часов в одиннадцать. Смерть уже была на вытянутом лице и в тяжелом дыхании его. Однако же он меня узнал, протянул мне уже холодную руку свою, и на вопрос Анны Николаевны: ради ли он меня видеть? (с приезда моего из Петербурга я не видал его) отвечал он слабо, но довольно внятно: очень рад. После того, кажется, раза два хотел он что-то сказать, но уже звуков не было. На лице его ничего не выражалось, кроме изнеможения. Испустил он дух спокойно, безболезненно, во время чтения молитвы при соборовании маслом. Обряда не кончили, помазали только два раза. Накануне был уже он совсем изнемогающий, но, увидя Александра, племянника, сказал ему: «Как скучен Катенин!» Перед этим читал он его в «Литературной газете». Пушкин говорит, что он при этих словах и вышел из комнаты, чтобы дать дяде умереть исторически. Пушкин был, однако же, очень тронут всем этим зрелищем и во все время вел себя как нельзя приличнее. На погребении его была депутация всей литературы, всех школ, всех партий: Полевые, Шаликов, Погодин, Языков, Дмитриев и Лже-Дмитриев, Снегирев. Никиты-мученика протопоп в надгробном слове упомянул о занятиях его по словесности и вообще говорил просто, но пристойно. Я в Пушкине теряю одну из сердечных привычек жизни моей.

*П. А. Вяземский. Записные книжки. 1830.*



Как ни странно, московское детство Пушкина относительно редко привлекает внимание исследователей и беллетристов, изучающих тему «дружеские связи поэта». Отсчет его дружеских привязанностей обычно начинают с Лицея. В самом деле, деспотизм матери, эгоцентризм отца окрашивают детские годы Пушкина в довольно мрачный колорит. Как правило, светлые впечатления Пушкина связывают с добротой няни — Арины Родионовны Яковлевой, заботой бабушки — Марии Алексеевны Ганнибал.

Между тем, был человек, которого, в применении к понятиям того возраста, о каком идет речь, смело можно назвать первым другом Пушкина. Это сестра его Ольга Сергеевна — «друг бесценный», как называл ее брат в стихотворении, присланном уже из Лицея. Анна Петровна Керн, говоря о близких поэта, утверждала, что он «никого истинно не любил кроме няни, а потом сестры».

У Надежды Осиповны и Сергея Львовича Пушкиных было восемь детей. Пятеро умерли в малолетстве. Остались в живых трое — Ольга, Александр и Лев. Ольга Сергеевна была старшая. Как и Александр, она не привыкла к родительской ласке. Любимцем Надежды Осиповны стал младший сын Лев. Но это еще более объединило Ольгу с «ближайшим» по возрасту братом. Общая няня растила их, общие были учителя, гувернантки.

Домашнее образование Ольга Сергеевна получила неплохое: учили рисованию, музыке, не говоря уж о французском языке, который она знала превосходно, как и брат. Отец их, Сергей Львович, убежденный в своих декламационных способностях, бывало, читывал дочери вслух комедии Мольера. Живописец Ксавье де Местр (автор известного портрета Н. О. Пушкиной) хвалил свою ученицу. Музыкантши из нее не вышло: клавикорды были старые, расстроенные, да и учитель попался крикливый — из танцмейстеров. Так что пушкинские строки «под беглою рукой Моцарта оживляешь» были поэтическим преувеличением. Зато благодаря отличной преподавательнице — мисс Белли, Ольга Сергеевна бегло читала по-английски, любила Шекспира и более всего «Макбета». Как все Пушкины, Ольга Сергеевна писала стихи. В юности ей, например, не стоило больших трудов сочинить французский акrostих (т. е. стихотворение, в котором первые буквы образуют какое-нибудь заданное слово или имя). Обладая острым умом и чувством юмора, она могла, побывавши на званом вечере, описать его, скажем, так:

По стенам вокруг  
Грозный ряд старух  
Сидит жабами!

Обращаясь к приятельнице, принадлежавшей к духовному сословию, она писала:

Грустна ты, словно панихида,  
И молчалива, как кутя.

Словом, сестра поэта была того же «роду-племени» и оказывалась достойной его собеседницей не только в детстве, но и в последующие годы. Она вспоминала потом, что их общим любимым детским развлечением был домашний театр. Родители вряд ли всерьез отнеслись бы к этой затее, и поэтому единственным зрителем и критиком 10—11-летнего драматурга и режиссера была сестра Ольга. Французскую комедию брата «Похититель» Ольга Сергеевна раскритиковала. Обиженный «драматург» тут же ответил четверостишием, в котором сетовал на то, что «Похититель» освистан партером, поскольку сочинитель «похитил» его у Мольера. Отметим в этом эпизоде два

обстоятельства: во-первых, перед нами самое первое свидетельство чуткости маленького Пушкина к языку и его умение играть словами («Похититель» похищен!); во-вторых, эпизод с «Похитителем», многие другие неоценимые подробности детства, наконец, сам текст стихотворения «К сестре» — все это сохранилось благодаря отличной памяти Ольги Сергеевны и ее любви к брату. Автограф стихов Пушкина на простой серой бумаге она хранила как реликвию и, умирая, передала сыну.

Разлука с братом, уехавшим с дядюшкой Василием Львовичем из Москвы в 1811 г., продолжалась три года. В 1814 г. семейство Пушкиных переселилось в Петербург, и Ольга получила возможность, хоть и не часто, навещать брата в Царском Селе. Эти встречи юного поэта «с подругой... весны златой» всегда были радостны — он читал ей стихи, а она рассказывала о своем житье-бытье в столице и о прочитанных книгах. Все это отразилось в послании «К сестре».

Летом 1817 г. Пушкин был выпущен из Лицея и тут же уехал в Михайловское, где жили родители и сестра. Это лето — одно из самых счастливых и безоблачных в жизни поэта. Он ведь тогда подружился с соседями в селе Тригорском и прежде всего — с близкой подругой Ольги Сергеевны Анной Николаевной Вульф. В библиотеке Пушкина, находящейся в Институте русской литературы (Пушкинский дом), сохранился экземпляр басен Лафонтена, подаренный сестрою брату в тот счастливый год (13 июля). Пушкин в суете Петербурга вспоминал потом бесконечные разговоры и прогулки с сестрой и мечтал об их повторении. С очень большой долей вероятности пушкинисты относят к Ольге Сергеевне строки неоконченного стихотворения, относящегося к 1818 или 1819 г.:

Позволь душе моей открыться пред тобою  
И в дружбе сладостной отраду почерпнуть.  
Скучая жизнью, томимый суетою,  
Я жажду близ тебя, друг нежный, отдохнуть...  
Ты помнишь, милая, — зарею наших лет,  
Младенцы, мы любить умели...  
Как быстро, быстро улетели...

Черновой набросок, не заверченный поэтом, говорит о том, какое важное и совершенно особое место



занимала сестра в его воспоминаниях и мечтах. Интересно предположение И. М. Дьяконова, изучающего историю создания «Евгения Онегина», что на ранних этапах замысла прототипом (или точнее — «опорным образцом») главной героини была сестра поэта Ольга Сергеевна \*. В 1817 г. в деревне, пишет литературовед, «Пушкин впервые ближе узнал свою сестру, задумчивую любительницу одиноких прогулок и французских книжек, бледную и черноглазую, постарше Татьяны Лариной». Исследования И. М. Дьяконова показали, что именем «Ольга» первоначально Пушкин предполагал назвать главную героиню, а не ее сестру. Именно она полюбила Евгения и была им отвергнута. Конечно, эти доводы весьма гипотетичны, но духовная близость Пушкина с сестрой в послелицейский период сомнению не подлежит (он ненадолго заезжал в Михайловское и летом 1819 г.).

Ссылка Пушкина на юг, конечно, отдалила его от сестры. Письма к ней в тот период редки и не касаются важнейших жизненных и литературных проблем, которые волновали тогда поэта. Он спрашивал Ольгу, что она читает, ездит ли верхом и собирается ли замуж. Не исключено, впрочем, что это была, так сказать, «отвлекающая терапия»: в литературе есть глупие упоминания о том, что Пушкин знал о какой-то безнадежной любви, неудачном романе сестры. Она же влачила в родительском доме невеселое существование «засидевшейся» девушки и не на шутку тревожилась о брате. В 1822 г. появилась возможность отправить родным письма не почтой, а «по okazji»: в Петербург по делам служебным отправился И. П. Липранди — близкий кишиневский приятель Пушкина. Посетив Пушкиных, он вынес определенное впечатление, что из всех родных «интересовалась более знать о Пушкине сестра его».

Летом 1824 г. кончилась южная ссылка Пушкина и началась северная — псковская, в родительском имении Михайловском. Он свалился «как снег на голову» 9 августа 1824 г. и до смерти напугал не столько верноподданного, сколько трусливого Сергея Львовича. До того напугал, что родной отец согласился осуществлять полицейский надзор за опальным сыном. Это

---

\* См.: Пушкин. Исследования и материалы, т. X. Л., 1982.

скоро привело к кратковременной резкой ссоре поэта с родителями и долгому взаимному отчуждению. Сергей Львович особенно упирал на то, что вольнодумство старшего сына приносит огромный вред сестре и брату. В октябре 1824 г. Пушкин с горечью писал В. Ф. Вяземской: «Заявляют, что я проповедую атеизм сестре, небесному созданию». Надо отдать должное Ольге Сергеевне — в этой сложной и нервной обстановке она проявила полное понимание существа дела, встала на сторону брата и твердо решила остаться с ним в Михайловском. И если бы не воспротивился сам Александр Сергеевич, не желавший подвергать ее тяготам зимней жизни в глухой деревне, так бы оно и получилось.

По мнению друзей Пушкина, хорошо знавших все его семейство, единственным человеком, который мог примирить поэта с родителями, была Ольга Сергеевна. П. А. Вяземский писал ей в конце 1824 г.: «Убедительно прошу вас написать вашему брату... и умолять его сделать миролюбивые шаги по отношению к вашему отцу, заставив его понять, что этот мир необходим для вашего спокойствия. Кроме того, я опасаюсь для него того впечатления, которое может произвести в свете и в уме самого императора его ссора с родителями. Мы живем в такое время, когда все становится известным; у брата вашего есть враги,— они не преминут обрисовать его в глазах императора человеком, который восстал против всех законов божеских и человеческих, который не выносит ни малейшего ограничения, из которого получится дурной гражданин, так как он дурной сын». Это очень важное и умное письмо могло быть написано только тому, кто понимал «подспудные течения», связанные с судьбой Пушкина. Не имея возможности полностью доверяться почте, Вяземский давал понять Ольге Сергеевне, что хлопоты друзей о возвращении поэта находятся под угрозой из-за тех слухов о его поведении, которые распространяет Сергей Львович. При этом автор письма намекает и на единственное средство, которое может заставить Пушкина извиниться перед отцом: он пойдет на это, если увидит, что его ссора с родителями приносит вред сестре. Вывод из этого документа может быть только один: Пушкин и Вяземский считали Ольгу Сергеевну своим

союзником, прислушивались к ее суждению. Однако старания Ольги Сергеевны в ту пору успеха не имели.

В январе 1828 г. произошло событие, обозначившее в отношениях брата и сестры новый поворот. 27 января 1828 г. в Петербурге О. С. Пушкина поутру тихонько вышла из родительского дома и села в сани, где уже ждал ее будущий муж Николай Иванович Павлищев. Они тайно обвенчались в церкви Св. Троицы Измайловского полка. Собственно, другого выхода у Ольги Сергеевны не было: ей перевалило уже за тридцать, согласия на брак с Павлищевым, не очень богатым человеком, пятью годами моложе ее, да по слухам еще и серьезно больным, Сергей Львович ни под каким видом не давал. Между тем, жить с деспотичными родителями она больше не могла. «Мы трое (т. е. сестра и оба брата.— В. К.) бежали из дома, так как иго было невыносимо»,— вспоминала Ольга Сергеевна впоследствии. Побег ее, по правде сказать, был тайной только для отца. Мать, хоть и недолюбливала зятя, отнеслась к этому как к неизбежности. Александр Сергеевич по просьбе Надежды Осиповны после венца встречал молодых в квартире А. А. Дельвига вместе с Анной Петровной Керн, выступавшей в роли посаженной матери. Потом Пушкин отправился к отцу. В итоге многочасовой беседы Сергей Львович капитулировал. Ольга Сергеевна Пушкина стала Павлищевой, сохранив родственные связи. Дядюшка Василий Львович проявил больше мудрости, чем младший брат. «Любезные друзья, Николай Иванович и Ольга Сергеевна! — писал он из Москвы 2 февраля 1828 г.— Молю бога, чтоб он благословил вас и чтоб вы были счастливы совершенно. Я вас поздравляю от искреннего сердца и уверен, что во всякое время вы будете стараться быть утешением ваших родителей. Поручая себя в вашу любовь, остаюсь преданный вам и любящий вас дядя Василий Пушкин».

К сожалению, столь романтически обставленный брак оказался несчастливym. Жизнь не баловала Ольгу Сергеевну. Долгие переговоры с Павлищевым привели к трудным хлопотам и раздражали ее брата-поэта. Павлищев требовал сначала приданого, потом выделения доли Ольги Сергеевны в имуществе семьи; наконец, когда скончалась Надежда Осиповна (29 марта

1836 г.), он придирчиво проверял, не обделили ли Ольгу при дележе наследства. Поскольку Сергей Львович в имущественных делах не понимал решительно ничего, Александру Сергеевичу пришлось потратить много времени на переписку с зятем, донимавшим его бесконечными расчетами. Ольга Сергеевна оказалась как бы между двух огней. Она то съезжалась, то надолго расставалась с мужем, занимавшим чиновничью должность в Варшаве. Нет худа без добра: ее письма к Павлищеву донесли до нас немало подробностей о петербургской жизни Пушкина. Очень по душе ей пришлось сначала невестка — Наталья Николаевна («молода, хороша, умна, детски простодушна»). Наблюдая необычайно тяжелые материальные условия жизни поэта, она даже пыталась умирить финансовые требования мужа, но — тщетно.

В октябре 1834 г. Ольга Сергеевна родила сына-первенца Льва и, не дождавшись даже пока ребенку исполнится год, снова перебралась из Варшавы в Петербург. Пушкин от души обрадовался ее приезду: это уже было начало самых трудных его лет, когда все меньше оставалось рядом друзей, понимавших поэта, когда все туже стягивались узлы, которые уже ничто не могло развязать. Ольга Сергеевна чутьем угадала это. Она писала о брате: «Он, по-видимому, опять меня очень любит и Лелю моего очень любит и ласкает». Сестра понимала, что поэту необходимо вырваться из Петербурга, жить и творить подальше от светских интриг. Говоря о семье брата, она сетует: «Они уже не едут в нижегородскую деревню, как предполагал барин, потому что барыня об этом и слышать не хочет, и он ограничивается поездкой на несколько дней в Тригорское, а она из Петербурга не тронется».

После смерти матери Ольга Сергеевна занемогла — началась долгая болезнь глаз. Николай Иванович приехал в отпуск из Варшавы, и лето 1836 г. семейство Павлищевых провело в Михайловском; зять «обстреливал» оттуда Пушкина хозяйственными письмами, рассчитывая прибрать к рукам Михайловское (от доходов с нижегородского имения Пушкин давно отказался в пользу сестры).

Больше брат и сестра никогда не виделись. Едва поправившись, Ольга Сергеевна в сентябре 1836 г.

уехала с мужем и сыном в Варшаву. Там и настигла ее ужасная весть о гибели Александра Сергеевича. Несколько дней Медовая улица в Варшаве, где жили Павлищевы, была запружена экипажами: знакомые и незнакомые люди приезжали со словами соболезнования к сестре великого русского поэта. Надо сказать, что Ольга Сергеевна принадлежала к тем из друзей Пушкина, которые поначалу склонны были винить его жену в непростительном легкомыслии. Она писала из Варшавы в Москву старику отцу, в один год лишившемуся жены и сына: «Теперь я не стану скрывать от вас, что общественное мнение раздвоилось; если большинство считает вполне правым Александра, то некоторые, чтобы оправдать Наталию Николаевну, винят его в слепой безумной ревности, а пока сохранится память об ее молодости и красоте, у нее будет много сторонников».

Одной из последних, кто беседовал с Пушкиным накануне его дуэли, была Евпраксия Николаевна Вревская (Вульф). Она вспоминала, что «Александр Сергеевич очень часто говорил про Ольгу Сергеевну и с большой нежностью».

\* \* \*

Нерадостными были последние десятилетия жизни Ольги Сергеевны Павлищевой. Семейное спокойствие так и не воцарилось в ее доме. Много времени она проводила в Петербурге, где воспитывался сын \*, а когда возвращалась в Варшаву, то поручала своего Лелю невестке — Наталье Николаевне Пушкиной-Ланской. Она уже давно простила ей, если было что прощать, и любила ту, которую боготворил ее брат. На старости лет Ольга Сергеевна увлеклась модным тогда спиритизмом: все чаще являлась к ней тень любимого брата. Она хранила в памяти и нередко рассказывала семейные легенды и предания. По-видимому, мистические настроения побудили ее сжечь свои записки о семье Пушкиных. В литературе есть сведения, что юношеская переписка брата и сестры хранилась у вдовы поэта, но точных данных об этом нет.

---

\* 23 мая 1837 г. она родила еще дочь — Надежду (в замужестве — Н. Н. Панэ).

В 1851 г. по просьбе П. В. Анненкова, начавшего собирать материалы к биографии Пушкина, Ольга Сергеевна продиктовала свои короткие воспоминания (болезнь глаз мешала ей писать самой). К сожалению, к этим воспоминаниям «приложил руку» Н. И. Павлищев. Во-первых, из-за этого в них оказались сглаженными подробности жизни семьи Пушкиных в Москве в начале века, а во-вторых, боясь «продешевить», Павлищев втянул сестру поэта в конфликт с его первыми биографами. Воспоминания создавались по просьбе П. В. Анненкова, но попали сперва к П. И. Бартеневу — другому собирателю материалов о Пушкине (отголоски этой истории читатель найдет в письме С. А. Соболевского, включенном в подборку документов). Как бы то ни было, многие черты детства Пушкина, которые могла знать одна только Ольга Сергеевна, были ею сообщены. С ее слов П. В. Анненков записал рассказ о том, как Пушкин, получая в Михайловском письма из Одессы, запечатанные печатью-талисманом, запирался в своей комнате и долго не выходил оттуда...

Грустно смотреть на сохранившуюся фотографию Ольги Сергеевны начала 1860-х годов: полуслепые глаза, старушечий чепец, отцветшее морщинистое лицо. С 1862 г. она фактически потеряла зрение и не могла ходить. Но и в беспросветной своей старости не забывала поэзию:

Я смерти жду, как узник ждет свободы,  
Но дни текут и месяцы и годы;  
Она нейдет, глуха к моим мольбам,  
Безжалостна к томленью и слезам!  
Она нейдет, и долгой жизни время  
Так стало тяжело!

2 мая 1868 г. сестра Пушкина скончалась. В 1930 г. прах ее, захороненный на петербургском Новодевичьем кладбище, был перенесен в некрополь Александровской лавры. Муж ее вскоре женился на женщине, с которой был связан уже много лет. Сын — Лев Николаевич написал впоследствии «Воспоминания об А. С. Пушкине», в которых, увы, не только искажен облик поэта, то и дело произносящего слащавые, придуманные автором сентенции, но «отредактированы» и даже сфальсифицированы многие письма из семейного

архива. С большим трудом удастся пушкинистам пробираться сквозь частокोल выдумок к крупницам истины в этих «мемуарах». К счастью, впоследствии подлинники писем попали в Пушкинский дом и по сей день служат важным источником для исследователей биографии Пушкина.

Еще в 1825 г. П. А. Вяземский посвятил Ольге Сергеевне стихи, в которых прозорливо определил самую суть ее отношений с Пушкиным и даже предрек ей посмертную память:

Нас случай свел; но не слепцом меня  
К тебе он влек непобедимой силой:  
Поэта друг, сестра и гений милый,  
По сердцу ты и мне давно родня!

Так! в памяти сердечной без заката,  
Мечта о нем горит теперь живей:  
Я полюбил в тебе сначала брата;  
Брат по сестре еще мне стал милей.

Удел его — блеск славы вечно льстивой,  
Не часто нам сияющий из туч;  
И от нее ударит яркий луч  
На жребий твой...

### *Основная литература*

Н. О. Лернер. Сестра поэта.— В кн.: Н. О. Лернер. Рассказы о Пушкине. Л., 1929.

М. А. Цявловский. Воспоминания О. С. Павлищевой.— В кн.: Летописи Государственного литературного музея. Кн. 1. Пушкин. М.— Л., 1936.

1

К СЕСТРЕ

Ты хочешь, друг бесценный,  
Чтоб я, поэт молодой,  
Беседовал с тобой  
И с лирою забвенной,  
Мечтами окриленный,  
Оставил монастырь  
И край уединенный,  
Где непрерывный мир  
Во мраке опустился  
И в пустыни глухой  
Безмолвно воцарился  
С угрюмой тишиной.

. . . . .

И быстрою стрелой  
На невский брег примчуся,  
С подругой обнимуся  
Весны моей златой,  
И, как певец Людмилы,  
Мечты невольник милый,  
Взошед под отчий кров,  
Несу тебе не злато  
(Чернец я небогатый),  
*В подарок пук стихов.*

Тайком взошед в диванну,  
Хоть помощью пера,  
О, как тебя застану,  
Любезная сестра?  
Чем сердце занимаешь  
Вечернею порой?  
Жан-Жака ли читаешь,  
Жанлиса ль пред тобой?  
Иль с резвым Гамильтоном



Смеешься всей душой?  
Иль с Греем и Томсоном  
Ты пренеслась мечтой  
В поля, где от дубравы  
В дол веет ветерок,  
И шепчет лес кудрявый,  
И мчится величавый  
С вершины гор поток?  
Иль моську престарелу,  
В подушках поседлу,  
Окутав в длинну шаль  
И с нежностью лелея,  
Ты к ней зовешь Морфея?  
Иль смотришь в темну даль  
Задумчивой Светланой  
Над шумною Невой?  
Иль звучным фортепьяно  
Под беглою рукой  
Моцарта оживляешь?  
Иль тоны повторяешь  
Пиччини и Рамо?

Но вот уж я с тобою,  
И в радости немой  
Твой друг расцвел душою,  
Как ясный вешний день.  
Забыты дни разлуки,  
Дни горести и скуки,  
Исчезла грусти тень.

Но это лишь мечтанье!  
Увы, в монастыре,  
При бледном свеч сиянье,  
Один пишу к сестре.  
Всё тихо в мрачной келье:  
Защелка на дверях,  
Молчанье, враг веселий,  
И скука на часах!  
Стул ветхий, необитый,  
И шаткая постель,

Сосуд, водой налитый,  
Соломенна свирель —  
Вот всё, что пред собою  
Я вижу, пробужден.  
Фантазия, тобою  
Одной я награжден,  
Тобой пренесенный  
К волшебной Иппокрене,  
И в келье я блажен.

Что было бы со мною,  
Богиня, без тебя?  
Знакомый с суетою,  
Приятной для меня,  
Увлечен в даль судьбою,  
Я вдруг в глухих стенах,  
Как Леты на берегах,  
Явился заключенным,  
Навеки погребенным,  
И скрипнули врата,  
Сомкнувшись за мною,  
И мира красота  
Оделась черной мглою!..  
С тех пор гляжу на свет,  
Как узник из темницы  
На яркий блеск денницы.  
Светило ль дня взойдет,  
Луч кинув позлащенный  
Сквозь узкое окно,  
Но сердце помраченно  
Не радуется оно.  
Иль позднею порою,  
Как луч на небесах,  
Покрытых чернотою,  
Темнеет в облаках,—  
С унынием встречаю  
Я сумрачную тень  
И с вздохом провожаю  
Скрывающийся день!..

Сквозь слез смотрю в решетки,  
Перебирая четки.

Но время протечет,  
И с каменных ворот  
Падут, падут затворы,  
И в пышный Петроград  
Через долины, горы  
Ретивые примчат;  
Спеша на новоселье,  
Оставлю темну келью,  
Поля, сады свои;  
Под стол клобук с веригой —  
И прилечу расстригой  
В объятия твои.

1814

А. С. Пушкин

2

Вернулась ли ты из своего путешествия? Посетила ли снова подземелья, замки, Нарвские водопады? Развлекло ли это тебя? Любишь ли ты попрежнему одинокие прогулки? Какие собаки твои любимицы? Забыла ли ты трагическую смерть Омфалы и Бизара? Чем ты развлекаешься? Что читаешь? Виделась ли ты снова с соседкой, Анетой Вульф? Ездишь ли верхом? Когда возвращаешься в Петербург? Что поделывают Корфы? Не вышла ли ты замуж? Не собираешься ли выйти? Сомневаешься ли в моей дружбе? Прощай, мой добрый друг. (*Франц.*)

Пушкин — Л. С. Пушкину и О. С. Пушкиной.  
27 июля 1821.

3

Добрый и милый мой друг, мне не нужно твоих писем, чтобы быть уверенным в твоей дружбе, — они необходимы мне единственно как нечто, от тебя исхо-

дящее. Обнимаю тебя и люблю — веселись и выходи замуж. (Франц.)

*Пушкин — Л. С. Пушкину и О. С. Пушкиной.  
21 июля 1822.*

4

Милая Оля, благодарю за письмо, ты очень мила, и я тебя очень люблю, хоть этому ты и не веришь. Si ce que vous dites concernant le testament d'Anna Львовна est vrai, c'est très joli de sa part. Au vrai j'ai toujours aimé ma pauvre tante, et je suis fâché que Chalikof ait pissé sur son tombeau. \* Няня исполнила твою комиссию, ездила в Святые горы и отправила панихиду или что было нужно. Она целует тебя, я также. Твои троегорские приятельницы несносные дуры, кроме матери. Я у них редко. Сижу дома да жду зимы.

*Пушкин — О. С. Пушкиной. 4 декабря 1824.*

5

Милый друг, думаю, что ты уже приехала. Сообщи мне, когда рассчитываешь выехать в Москву, и дай мне свой адрес. Я очень огорчен тем, что со мной произошло, но я это предсказывал, а это весьма утешительно, сама знаешь. Я не жалею на мать, напротив, я признателен ей, она думала сделать мне лучше, она горячо взялась за это, не ее вина, если она обманулась. Но вот мои друзья — те сделали именно то, что я заклинал их не делать. Что за страсть — принимать меня за дурака и повергать меня в беду, которую я предвидел, на которую я же им

---

\* Если то, что ты сообщаешь о завещании Анны Львовны, верно, то это очень мило с ее стороны. В сущности я всегда любил тетку, и мне неприятно, что Шаликов обмочил ее могилу (фр.).

указывал? Раздражают его величество, удлинняют мою ссылку, издеваются над моим существованием, а когда дивишься всем этим нелепостям,— хвалят мои прекрасные стихи и отправляются ужинать. Естественно, что я огорчен и обескуражен,— мысль переехать в Псков представляется мне до последней степени смешной; но так как кое-кому доставит большое удовольствие мой отъезд из Михайловского, я жду, что мне предпишут это. Всё это отзывается легкомыслием, жестокостью невообразимой. Прибавлю еще: здоровье мое требует перемены климата, об этом не сказали ни слова его величеству. Его ли вина, что он ничего не знает об этом? Мне говорят, что общество возмущено; я тоже — беззаботностью и легкомыслием тех, кто вмешивается в мои дела. О господи, освободи меня от моих друзей! (Франц.)

Няня заочно у вас, Ольга Сергеевна, ручки целует, голубушке моей.

*Пушкин — О. С. Пушкиной. Август 1825.*

6

Вяземскому не терпится с его тарабарщиной, он прислал мне это письмо незапечатанным, как бы нарочно предоставив мне полную свободу прочесть его, но — убей меня бог, если я могла пойти дальше 4-го куплета. Это бесконечно раздражает меня — а между тем я люблю его почти до обожания, этого князя Вяземского! Вчера Лев переслал мне твое письмо ко мне, но ничего не сообщил о письме, которое я должна была получить через Дельвига — Вяземский утверждает, что оно было ему вручено еще в Петербурге, однако, думаю, он не знает, что говорит. Насчет Ревеля скажу тебе, что очень довольна своим пребыванием здесь. Морские купанья, свобода, какой я располагаю, чтобы гулять одной, видаться с людьми, которые совершенно чужды всему, что творится в Петербурге и так мало похожи на дорогих моих соотечественников —

всё заставляет меня воображать, что я нахожусь за 35 тысяч верст от любезной моей родины, и это дает мне мгновения счастья. Однако довольно на эту тему,—я начинаю впадать в грусть. Грустно мне, что я еще только в Ревеле, 300 верст от Петербурга\*. Если бы ты только знал, как хочется мне поехать за море — ты бы пожалел меня. Прощай! Надеюсь, что мы скоро увидимся. Будь здоров, береги себя, бога ради.

Если Анета Вульф уже вернулась,—скажи ей, чтобы написала мне. Известно ли ей, что я настолько подружилась с ее кузиной Керн, что была крестною матерью ее дочери, которую нарекли моим именем. Смею льстить себя надеждой, что это вернет мне немного ее нежности.

*Поцелуй няню.\**

Ольга П.

Карамзины тебе кланяются, они очень все милы.\* Мать никогда не казалась мне такой интересной, а ведь я ее всегда любила. (Франц.)

*О. С. Пушкина — Пушкину. 31 июля 1826.*

7

...Мой бедный брат готов осквернить свой поэтический гений и осквернить его единственно для того, чтобы удовлетворить насущным материальным потребностям; но судя по тому, что он мне рассказывал, описывая свое ненадежное положение, Александр иначе и поступить не может. Но куда ему с его высокой созерцательной идеальной душой окунуться в самую обыденную прозу, возиться с будничным вздором, прочитывать всякий день полицейские известия, кто приехал, кто уехал, кто на улице невзначай разбил себе нос, кого потащили за уличные беспорядки в часть, сколько публики было в театрах, какая актриса или актер там восторгался, болтать всякий день о дожде и солнце, а что всего хуже, печатать да разбирать бесчисленные побасенки иностранных лгунов, претендующих на политические сведения, черт с ни-

ми!.. Гораздо лучше предоставить все эти пошлости Булгарину и Гречу... (*Франц.*)

О. С. Павлищева — Н. И. Павлищеву.  
28 апреля 1832.

8

Батюшка назначил когда-то содержания жене моей по *четыре тысячи* в год, назначение это было принято с полною благодарностию. Несмотря на то, в первые два года дано было только по 2 т., в последующие два по 1500, а в остальные и еще менее, так что в последние 20 месяцев пребывания нашего в Варшаве вся выдача ограничилась только тысячью руб. Оставленный таким образом на одном царском жалованье, я не смел никогда роптать, сократил расходы и только старался предупреждать неприятные последствия нужды: два раза имел случай получить награды, я отказался от *чинов и крестов*, а удовольствовался *деньгами* для расплаты с кредиторами, и вперед, куда положение мое не переменится, буду просить денег. Но случай не всегда может представиться, и тогда кто заплатит долги мои? Не мне одному грозит нужда: об мне и речи нет; но жена моя, сестра ваша, имеет, кажется, право на участие родных в ее судьбе. Считая доходы не тысячами и сотнями, а единицами, я порадовался, что наконец вы, вступив в управление имением Сергея Львовича, будете постоянно помогать нам хотя тысячью пятьюстами руб. Но скажите, когда именно начнется *первый год*? Разрешение этого вопроса, как видите, для меня очень важно.

Н. И. Павлищев — Пушкину. 26 апреля 1834.

9

Милостивый государь  
Николай Иванович,

Благодарю Вас за Ваше письмо. Оно дельное и деловое; следовательно отвечать на него не трудно.

Согласясь взять на себя управление батюшкинова имения, я потребовал ясного расчета долгам, казенным и частным, и доходам.

Батюшка отвечал мне, что долгу на всем имении *тысяч сто*, что процентов в год должно уплачивать *тысяч семь*, что недоимок *тысячи три*, а что доходов *тысяч 22*.

Я просил все это определить с бóльшею точностию, и батюшка не успел того сделать сам, я обратился в ломбард и узнал, наверное, что

Долгу казенного	190 750
Что процентов ежегодных	11 826
Что недоимок	11 045
(Частных долгов полагаю около	10 000)

Сколько доходу, наверное знать не могу, но, полагаясь на слова батюшкины и ставя на 22 000, выйдет, что за уплатою казенных процентов, остается до 10 000.

Из оных, если батюшка положит по 1500 Ольге Сергеевне, да по стольку же Льву Сергеевичу, то останется для него 7000. Сего было бы довольно для него, но есть недоимки казенные, долги частные, долги Льва Сергеевича, а часть доходов сего года уже батюшкой получена и истрачена.

Покаместь не приведу в порядок и в известность сии запутанные дела, ничего не могу обещать Ольге Сергеевне и не обещаю. Состояние мое позволяет мне не брать ничего из доходов батюшкина имения, но *своих* денег я не могу и не в состоянии приплачивать.

*Пушкин — Н. И. Павлищеву. 4 мая 1834.*

А делать нечего. Если не взяться за имение, то оно пропадет же даром, Ольга Сергеевна и Лев Сергеевич останутся на подножном корму, а придется взять их



мне же на руки, тогда-то наплачусь и наплачусь, а им и горя мало. Меня же будут цыганить. Ох, семья, семья!

*Пушкин — Н. Н. Пушкиной. 11 июня 1834.*

11

В последнем письме вы спрашивали, скоро ли родит Ольга? 8/20 октября она разрешилась сыном *Львом* благополучно: не пишет сама к вам потому, что глаза у нее еще очень слабы. Вы были так добры, что обещали прислать что-нибудь к ее родам; теперь, более нежели когда-нибудь, вы сделаете доброе дело исполнением благого вашего намерения. Крайность положения моего вам известна, и говорить о ней больше было бы здесь повторением всего прежде к вам писанного. Если у вас нет лишних тысячи полторы, то я убедительно прошу выкупить в ломбарде фермуар и булавку, заложенные за 450 руб., и продать, по вашему усмотрению. Что бы не дали, я в теперешней моей нужде приму с благодарностью; здесь же покупателей не найдешь; варшавские щеголихи незнакомы с петербургскою придворною роскошью.

*Н. И. Павлищев — Пушкину. 25 октября 1834.*

12

Милостивый государь  
Александр Сергеевич!

Зная довольно хорошо домашние дела Сергея Львовича, я не могу хладнокровно подумать о намерении вашем отказаться от управления имением. Отказываясь от управления, вы оставляете имение на произвол судьбы, отдаете его в руки Михайла, который разорял, грабил его двенадцать лет сряду; чего же ожидать теперь? — первой недоимки, — продажи с молотка, и может быть зрелища, как крепостные по-

купают имения у своих господ. Я не говорю, чтобы Михайло купил его,— нет; но уверен, что он в состоянии купить. Положим, что управление отдается не Михайлу, а другому,— и тогда последствия будут не лучше. Какой управитель удержится, когда господин, проживая доходы без остатка, будет еще делать новые долги? Я разумею здесь Льва Сергеевича. Вы заплатили за него 18 тысяч: легко станется, что через несколько времени новому на месте Михайлы управителю придется заплатить столько же. Теперь было еще что заложить, а тогда? — тогда придется продать часть имения,— продать, разумеется, за бесценок,— потом еще продать и наконец остаться без имения. Конечно, вы не допустили бы до такой крайности; но у вас может также не случиться на тот раз денег, и тогда — беда неизбежна.

Все это так сбыточно, так правдоподобно, что я не мог долее оставаться равнодушным зрителем гибели, грозящей общему вашему имению. Обдумав, я нахожу, что помочь беде еще можно, и считаю долгом объяснить свои мысли.

Расстройство дел Сергея Львовича происходит от двух причин: от дурного управления имением и от поглощения доходов чрезвычайными долгами Льва Сергеевича. Худое правление заменить можно хорошим; но чрезвычайные долги Льва С.? — это имеет свою причину. Возможность брать без хлопот деньги в чужом кармане не обязывает знать меру, вместимость его; да и кто, при этой возможности, не станет брать полною горстью? Это рассуждение применяется к положению Л. С. Беспечная жизнь его оправдывается тем, что он, будучи незнаком с собственностью, не знает ей и цены. Дайте ему собственность, и я поручусь, что он оставит странствования свои по закавказским степям; что он, взяв имение в руки, по необходимости должен будет математически сообразить расход с приходом; — что он сделается помещиком, как всякий другой. Кроме личной пользы его, самая справедливость оправдывает эту меру. Он живет теперь на счет целого, нераздельного имения,— поэтому жи-

вет на счет ваш, на счет сестры своей. Какие-нибудь восемьдесят душ, припадающих на долю жены моей, для нас не безделица; напротив, это один верный ломоть хлеба, который у меня в виду; сегодня окажись я по какой-нибудь причине ненужным для службы, завтра же, без этого ломтя, должен буду пойти по миру.—Итак справедливость требует не обижать одного, помогая другому. Я не говорю уже о том, что за расточительностью Л. С. мы остаемся три года без всякого пособия; — что скудная доля жены моей в течение этого времени умалилась, подвергнувшись залогу, для уплаты долгов Л. С. Надо же сказать правду.

Вы скажете, быть может, что отделить Л. С. значит дать ему нож в руки; т. е. что он проживет имение.—До нищеты, конечно, ни вы, ни я, никто другой из друзей его не допустит. Но если уже ему суждено прожить имение, то пускай же проживает свое, а не чужое: пускай он тогда примет за милость то пособие, которое теперь считает своим правом. Но это одни лишь предположения; я не поверю, чтобы Л. С., получив имение, не мог быть, если не отличным хозяином, то по крайней мере помещиком не хуже многих.

Обдумайте, Александр Сергеевич, всю важность моего мнения. Как старший в семействе, и пользующийся доверием Сергея Львовича, вы только можете осуществить мою мысль, и тем спасти ваших родных от гибели. Я умоляю вас не отступаться от управления имением; напротив, удержав его за собою, настоять, чтобы Лев Сергеевич был отделен.—Знаю, что управление это вам в тягость; но как же быть? — Впрочем, если б жене моей дана была какая частица, то я имел бы повод взять отпуск месяцев на шесть, поехать в Болдино, и там, занявшись своим, устроить ваше общее: на это у меня толку станет. Теперь же ехать туда, не в качестве владельца, а в виде управителя, я не должен, и не поеду. Еще раз прошу вас обдумать все это и действовать; во всяком же случае, не оставить меня без ответа.

*Н. И. Павлищев — Пушкину. 31 января 1835.*

Долгов моих платить вы не обязаны, оно так; но..? этих *но* я мог бы подобрать много, но ограничусь несколькими главнейшими. Или жена моя дочь Сергея Львовича, и дети ее — внуки его, или нет; последнее невероятно, следовательно первое остается в своей силе. На этом основании я делаю вопрос: почему не выделить ее, не дать ей того, что раньше или позже ей должно быть отдано? Сыновей холостых, и даже женатых, не все отцы и не всегда при жизни своей выделяют; но замужних дочерей?.. все, и всегда, — так водится на святой Руси. Причитающаяся ей законная доля не велика, — слова нет; но все она таки кусок хлеба, и гораздо больший сегодня, нежели завтра. Заплатите завтра еще *двадцать тысяч* за Льва Сергеевича и вы обрежете этот кусок вдвое против прежнего. Что же наконец останется?.. Ничего, или очень мало. Тогда как в моих руках кусок этот не только уцелеет, но даже прокормит меня с женою и детьми, и еще — странное дело, — даст мне ход по службе, в которой все виды мои до сих пор ограничивались квартирою, дровами и свечами. Но служба в сторону, а главное в том, что я терплю нужду и решительно не могу перебиться жалованьем, которое за отчислением законной (по здешним польским законам четвертой) части на уплату долга, и такой же части на квартиру, убавилось целой половиной. По течению же дел, я вижу, что вы не можете дать и не дадите нам ничего с имения: четырехлетние обещания служат тому доказательством. И так, *отделите* нас, сделайте благое дело. С моей стороны благодарность; с вашей — спокойствие, освобождение от докучных моих притязаний: шансы, кажется, равные. Я уверен, что предложение это вы одобрите: прошу только вас, Александр Сергеевич, не откладывать этого дела, так для меня важного, и почтить меня в ответ несколькими строками, адресуя прямо в мои руки, так как все это писано покамест без ведома Ольги.

*Н. И. Павлицев — Пушкину. 25 апреля 1835.*

Я Вам долго не отвечал, потому что ничего утвердительного не мог написать. Отвечаю сегодня на оба Ваши письма: Вы правы почти во всем, а в чем не правы, о том нечего толковать. Поговорим о деле. Вы требуете сестрину, законную часть; Вы знаете наши семейственные обстоятельства; Вы знаете, как трудно у нас приступить к чему-нибудь дельному или деловому. Отложим это до другого времени. Вот распоряжения, которые на днях предложил я батюшке, и на которые он, слава богу, согласен. Он Льву Сергеевичу отдает половину Кистенева; свою половину уступаю сестре (т. е. доходы), с тем, чтоб она получала доходы и платила проценты в ломбард; я писал о том уже управителю. Батюшке остается Болдино. С моей стороны это, конечно, ни пожертвование, ни одолжение, а расчет для будущего. У меня у самого семейство и дела мои не в хорошем состоянии. Думаю оставить Петербург и ехать в деревню, если только этим не навлеку на себя неудовольствия.

*Пушкин — Н. И. Павлищеву. 2 мая 1835.*

Итак, самая низкая цена Михайловскому 70 т. Я хлопочу о *законной*, справедливой оценке потому, что действую не за себя, а за Ольгу с сыном и за Льва. Чем справедливее оценка, тем *законнее* будет выделяемая  $1/14$  часть. Если имение купите вы, то я готов спустить еще 6 т., и отдать вам его за 64 т., т. е. по 800 руб. душу. Ниже этого нельзя ни под каким видом. Таким образом вы заплатите Ольге вместо 8500 — 13.700 — капитал, составляющий все достояние нашего сына, — залог его существования в случае моей смерти, или удаления от службы по каким-нибудь непредвидимым случаям. Разумеется, что и Лев

поблагодарит, получа вместо 15.700 — 25.000,— о чем я уже писал ему.

Вот основание, на котором должно делиться. Раздел этот можно произвести двояким образом, или продажей имения, или дележом его в натуре. Последний способ будет для наследников не выгоден; ибо, держась справедливости и закона, пришлось бы для уравниения делить имение по клочкам, т. е. наделить каждого и пашенною землею, и лесом, и лугами, и водою, и садом, и скотом и т. п.,— раздробление, от которого имение потеряло б цену, и каждый из вас остался б в убытке.— Остается способ продажи— Ольга купить не может, потому что не может заплатить вам и Льву 50 т.; Лев также, потому что нуждается в деньгах: остаетесь вы. Если же и вы не хотите, то придется продать имение в чужие руки. Покупщики найдутся,— я ручаюсь; для них можно даже высить цену до 70 т.— *Объявление об этом должно немедленно сделать в газетах:* для объявления вы в этом письме имеете все данные.

Ожидаю от вас ответа решительного, а пуще всего, безотлагательного. Срок моему отпуску настанет 15 августа, просрочив, я могу потерять много, и даже место. Уезжать, не кончив дела, я считаю безрассудным. Вам надо поспешить сюда, не дожидаясь доверенности Льва Сергеевича; ибо я могу здесь действовать за него по доверенности, которую я получил еще в Петербурге. Не забудьте только сделать *в газетах вызов кредиторам и должникам покойной матушки*. Я ожидаю вас, и очистил для вас флигель, если вам не вздумается стать в доме. Не забудьте также, Александр Сергеевич, что малейшая с вашей стороны проволочка может нанести мне вред, ничем не вознаградимый.

Не знаю, в каком положении вы найдете Ольгу. Здоровье ее день ото дня хуже; кашель не перестает, а к кашлю присоединились еще какие-то лихорадочные припадки. Против воли ее посылал я за доктором, который и приезжал; но она не приняла и не прини-

мает его лекарства; о докторе и слышать не хочет.— Я в мучительном положении; попытаюсь еще раз призвать доктора, а там одна надежда на бога!

*Н. И. Павлищев — Пушкину. 11 июля 1836.*

16

Пришлите мне, сделайте одолжение, *объявление о продаже* Михайловского, составя его на месте; я так его и напечатаю. Но постарайтесь на месте же переговорить с *лучшими* покупателями. Здесь за Михайловское один из наших соседей, знающий и край и землю нашу, предлагал мне 20 000 рубл.! Признаюсь, вряд ли кто даст вдвое, а о 60 000 я не смею и думать. На сделку, Вами предлагаемую, не могу согласиться, и вот почему: батюшка никогда не согласится выделять Ольгу, а полагаться на Болдино мне невозможно. Батюшка уже половину имения прожил и проглядел, а остальное хотел уже продать. Вы пишете, что Михайловское будет мне игрушка, так — для меня; но дети мои ничуть не богаче Вашего Лёли; и я их будущностью и собственностью шутить не могу. Если, взяв Михайловское, понадобится Вам его продать, то оно мне и игрушкой не будет. Оценка Ваша в 64 000 выгодна; но надобно знать, дадут ли столько. Я бы и дал, да денег не хватает, да кабы и были, то я капитал свой мог бы употребить выгоднее. Кланяюсь Ольге; дай бог ей здоровья — а нам хороших покупателей. Нынче осенью буду в Михайловском — вероятно, в последний раз. Желал бы Вас еще застать.

*Пушкин — Н. И. Павлищеву. Август 1836.*

17

Дорогой Александр. Я получил только что несколько строк от Оленьки. Она опасно больна, а в письме г-на Павлищева он мне так прямо и говорит, что оста-

лась одна надежда на божье милосердие. Я в отчаянии. Письмо г-на Павлищева, наполненное подробностями об управлении Михайловским и о разделе женского наследства, растерзало мне душу и разбило сердце — я провел бессонную ночь. Оно так неприлично и написано так чрезвычайно невежливо, без малейшего внимания ни к моему положению, ни к тому, что так мало времени прошло с моего несчастья. — Это человек очень жадный, очень корыстный и весьма мало понимающий то, что берет на себя.

Не можешь ли ты сообщить мне более утешительные вести об Оленьке. Она тебе писала, она мне говорит даже, что вложила туда письмо для меня. Получил ли ты мое и 100 руб. для горничной?

Прощай, дорогой друг, обнимаю вас обоих, а также деток. Я теряю голову.

*С. П.*

Подумав, я посылаю тебе письмо г-на Павлищева в подлиннике. Имей терпение прочесть его. Ты увидишь, как он жаден, как он преувеличивает ценность Михайловского и как он мало понимает в управлении имением. — Счеты с управляющим тоже преувеличены, и потом — какая холодность!.. Он говорит о болезни Оленьки только вскользь и притом так, точно он сообщает о здоровье лица, ему постороннего, человеку, которому оно еще более чуждо.

*С. Л. Пушкин — Пушкину. 7 августа 1836.*

Вы спрашиваете у меня новостей о Натали и о детворе. Слава богу, все здоровы. Не получаю известий о сестре, которая уехала из деревни больною. Ее муж, выводивший меня из терпения совершенно никчемными письмами, не подает признаков жизни теперь, когда нужно устроить его дела. Пошлите ему,



пожалуйста, *доверенность* на ту часть, которую вы выделили Ольге; это необходимо. Лев поступил на службу и просит у меня денег; но я не в состоянии содержать всех; я сам в очень расстроенных обстоятельствах, обременен многочисленной семьей, содержу ее своим трудом и не смею заглядывать в будущее. Павлищев упрекает меня за то, что я трачу деньги, хотя я не живу ни на чей счет и не обязан отчетом никому, кроме моих детей. Он утверждает, что они всё равно будут богаче его сына; не знаю, но я не могу и не хочу быть щедрым за их счет. (*Франц.*)

*Пушкин — С. Л. Пушкину. 20 октября 1836.*

19

Я не говорю вам ничего насчет дуэли и кончины Алекс. Серг. Об этом вся Россия осведомлена, и вы в Екатеринославе слышали и знаете. Жаль детей и даже вдовы, хотя виновницы несчастья. Он искал смерти с радостью, а потому был бы несчастлив, если б остался жив. Самолюбие его — чувство, которое руководило всеми его поступками, было слишком оскорблено. Оно отчасти удовлетворилось в последние минуты: вся столица смотрела на умирающего...

*Н. И. Павлищев — матери. 21 марта 1837.*

20

...Любимым его упражнением сначала было импровизировать маленькие комедии и самому разыгрывать их перед сестрою, которая в этом случае составляла всю публику и произносила свой суд. Однажды как-то она освистала его пьеску «Похититель». Он не обиделся и сам на себя написал эпиграмму:

— Скажи, за что «Похититель»  
Освистан партером?

— Увы, за то, что бедняга сочинитель  
Похитил его у Мольера.

В то же время пробовал сочинять басни, а потом, уже лет десяти от роду, начитавшись порядочно, особенно «Генриады» Вольтера, написал целую героико-комическую поэму, песнях в шести, под названием «Toliade», которой героем был карла царя-тунеядца Дагоберта, а содержанием — война между карлами и карлицами. Она начиналась так:

Пою бой, в котором Толи одержал верх,  
Где немало бойцов погибло, где Поль отличился,  
Николая Матюрена и красавицу Нитуш,  
Коей рука была наградю победителю в ужасной схватке.

Гувернантка подстерегла тетрадку и, отдавая ее гувернеру Шеделю, жаловалась, что m-г Alexandre\* занимается таким вздором, отчего и не знает никогда своего урока. Шедель, прочитав первые стихи, расхохотался. Тогда маленький автор расплакался и в пылу оскорбленного самолюбия бросил свою поэму в печку. И в самом деле, полагаясь на свою счастливую память, он никогда не твердил уроков, а повторял их вслед за сестрою, когда ее спрашивали. Нередко учитель спрашивал его первого и таким образом ставил его в тупик. Арифметика казалась для него недоступною, и он часто над первыми четырьмя правилами, особенно над делением, заливался горькими слезами...

...При содействии Александра Ивановича Тургенева, двенадцатилетнего Александра Сергеевича приняли в Лицей. Отвез его в Петербург дядя Василий Львович, у которого он жил и приготавливался, с июня по октябрь, до вступления в училище.

Так разлучился он с сестрою. По приезде в Петербург он писал к ней письма, из коих одно и еще два первые из Лицея, писанные все по-французски, долго хранились у нее и переданы потом *одной приятельнице*, собиравшей рукописные листки нашего поэта. Бо-

---

\* Месье Александр (фр.).

лее ничего рукописного из периода детства Александра Сергеевича не сохранилось, тем менее каких-либо русских стихов, потому что он ничего тогда не писал по-русски.

О. С. Павлищева. Воспоминания о детстве  
А. С. Пушкина.

21

Приезжаю раз к Ольге Сергеевне и прошу ее о позволении привезти к ней некоего юношу Бартенева, ревностного собирателя сведений об Александре Сергеевиче. Позволение мне дано: *впрочем*, промолвила Ольга Сергеевна, *все, что я знаю и помню о детстве брата, внесено в эту тетрадь; возьмите ее и сообщите ему*. Тут не было прибавлено ни слова об том, чтобы вышеписанная тетрадь была составлена для особой цели или в пользу какого-нибудь лица; ergo\*: Бартенев имел полное право пользоваться ее содержанием; я же имел не только право, но и обязанность сообщить тетрадь Бартеневу.

Из сего следует, что вы, любезнейший Павлищев, не имеете ни малейшего повода претендовать на Бартенева *de jure*\*\*. А что и *de facto*\*\*\* претендования на него быть не может, в том уверитесь вы из самой его статьи, при сем прилагаемой. Статья содержит 66 + 16 страниц (82 страницы), каждая страница содержит до 35 строк; положим только 80 страниц по 30 (только) строк на каждую; и так написано на этот раз Бартеневым 2400 строк.

Сколько заимствовано Бартеневым из тетради Ольги Сергеевны и не было прежде у Бантыша-Каменского и других биографов?

- 1) то, что мать Пушкина называли креолкою,
- 2) то, что Дельвигу нравились письма бабки Пуш-

---

\* Следовательно (лат.).

\*\* Де-юре, юридически, формально (лат.).

\*\*\* Де-факто, фактически, на деле (лат.).

кина (другие подробности о сей последней слышаны Бартеневым от родной его тетки Надежды Петровны Бурцевой, которая коротко знала Марью Алексеевну Ганнибал и Надежду Осиповну Пушкину),

3) Анекдот: Ну нечего скалить зубы,

4) то, что сказано о первых поэтических стихах Пушкина,

5) то, что Пушкина крестил Воронцов.

Вот и все. Остальное о детстве Пушкина взято из Бантыша-Каменского, писавшего со слов Сергея Львовича.

Ergo, из 2400 строк статьи Бартенева только 50 (de facto, и то гораздо меньше) почерпнуты из того, что есть в статье, писанной со слов Ольги Сергеевны.

*С. А. Соболевский — Н. И. Павлицеву.  
6 декабря 1854.*



У А. С. Пушкина была удивительная, редко кому данная способность разговаривать с собеседником на языке тому близком, обычном, понятном. Казалось бы, пушкинские письма легко узнать и отличить от любой другой эпистолярной литературы. Между тем, они всегда разные — неуловимо изменяются тон, акценты, часто повторяющиеся слова, и опытный читатель сразу догадается, кому из друзей или родных пишет Пушкин. Если вы хотите судить об истинных отношениях поэта с тем или иным корреспондентом, вчитайтесь в подтекст переписки, постарайтесь «схватить» ее тональность. Характерный пример — письма Пушкина к брату Льву Сергеевичу. Сколько бы ни говорили (и справедливо!) о бесчисленных неприятностях и хлопотах, которые выпали на долю Александра Сергеевича по вине его безвольного и беспутного брата, сколько бы ни подразделяли их отношения на два периода (первый — примерно до конца 1824 г., второй — с 1824 до смерти Пушкина), из сохранившихся писем неопровержимо, на наш взгляд, следует их духовное родство. Пушкин настолько обнажал в письмах к брату истинные мысли и чувства, говорил настолько откровенно, затрагивал настолько острые и серьезные вопросы, что считать это обычной родственной перепиской никак нельзя. Письмам Пушкина к Льву Сергеевичу мы обязаны многими и многими

ценнейшими сведениями о поэте. В них отразились не только факты его жизни в южной и михайловской ссылках, но и его творческое настроение, радости и печали великой души. В литературе есть сведения о том, что Пушкин просил Наталью Николаевну передать так называемое «нравственное письмо» (адресованное некогда брату) их старшему сыну, когда тому исполнится восемнадцать лет.

Несмотря на все свои недостатки и даже пороки, Лев Сергеевич был одаренным, умным и душевно близким брату человеком. Его имя по праву — отнюдь не только кровного родства — должно быть включено в самый первый список друзей Пушкина.

\* \* \*

В стихах и записях Пушкина, связанных с детскими годами, проведенными в родительском доме, упоминаний о младшем брате нет. Это естественно: двенадцатилетние дети в семье не очень-то замечают шестилетних; другом детских игр поэта была сестра, но не брат. Сблизились они позже. В отличие от Александра, к которому Надежда Осиповна была откровенно холодна, Льва она баловала донельзя. В какой-то мере это можно объяснить: один за другим умирали дети, а этот младшенький выжил и стал любимцем матери. В 1814 г., когда решено было отдать Льва в Благородный пансион при Лицее (он пробыл там с 1814 по 1817 г.), все семейство Пушкиных перебралось в Петербург. Надежда Осиповна не хотела и месяца оставаться вдали от Левушки. Невольно напрашивается параллель: когда Василий Львович повез в Петербург старшего племянника, родители спокойно оставались в Москве.

В «Ведомостях о состоянии Лицея» зарегистрированы 15 посещений Львом Сергеевичем (вместе с сестрой и родителями) старшего брата, а в Благородном пансионе при Петербургском университете, куда в 1817 г. перешел Лев Пушкин, поэт до ссылки бывал чуть ли не ежедневно. Это вполне понятно, если вспомнить, что любимым преподавателем учеников пансиона, давшим им первые представления о российской словесности, был Вильгельм Карлович Кюхель-

бекер, преданный друг Пушкина. Следует сказать, что в Благородном пансионе, среди товарищей Льва, Пушкин — ему ведь было всего 18—19 лет! — обрел друзей, с которыми не расставался потом до конца дней. Это П. В. Нащокин и С. А. Соболевский. Познакомился он и с будущим великим русским композитором, а тогда однокашником Льва Сергеевича и учеником Кюхельбекера Мишей Глинкой. В начале 1821 г. Лев Пушкин был исключен из пансиона за слишком шумный протест против увольнения любимого учителя В. К. Кюхельбекера (пансионеры просто-напросто отказались слушать его преемника и дважды гасили свечи во время лекций), а также за «побитие надзирателя», как пишет заслуживающий доверия свидетель — С. А. Соболевский.

Еще до ссылки брата Лев Сергеевич был осведомлен о его литературных делах, а как только Пушкин уехал на юг, стал выполнять его издательские и иные поручения. Первым заданием, за которое взялись Лев Сергеевич с Соболевским, была переписка «Руслана и Людмилы» для издателя. Они успешно с этим справились, и поэма скоро увидела свет. В хлопотах по комиссиям брата Лев Сергеевич перезнакомился чуть ли не со всем литературным Петербургом. Пушкина-младшего охотно принимали Карамзин, Жуковский, Тургенев, Плетнев, не говоря уже о Дельвиге и Баратынском, которые стали его близкими друзьями. Еще бы: Левушка был внешне похож на брата, остроумен, знал наизусть все стихи Пушкина и обожал их декламировать, искусно подражая интонации автора. Кроме того, он в годы южной ссылки получал писем от поэта больше, чем кто-либо другой, и, значит, знал о нем последние новости, которых жаждали друзья Пушкина. Младший брат, по молодости и легкомыслию, упивался своей неожиданной ролью «полномочного представителя» поэта Пушкина в столице, то выбалтывая сведения из писем, которые предназначались для него одного, то давая знакомым списывать стихи брата, которые из-за этого оказывались известными задолго до появления в печати. Собственно, ничем другим Лев Сергеевич в те годы не занимался: он прославлял брата и сам купался в лучах его сла-

вы. Завсегдатаи светских гостиных резюмировали это положение в таком двустишии:

А Левушка наш рад,  
Что он — родному брату брат.

В конце 1824 г. Лев Сергеевич все-таки определился на службу — в Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий, но тяготился своею должностью с первого дня и все норовил от нее отделаться. Лето 1824 г. он проводил с родителями и сестрой в Михайловском и радостно приветствовал 9 августа 1824 г. нежданного гостя — старшего брата. О многом они успели переговорить и крепко подружиться, прежде чем Лев уехал в Петербург (в начале ноября 1824 г.). Жизнь распорядилась так, что столь долгого, тесного и безмятежно дружеского общения братьям больше уже не довелось изведать. Левушка повез с собой посвященную ему 1-ю главу «Онегина», которую должен был передать в цензуру, а потом в печать. Поэт, всерьез полагавшийся на его расторопность и сметливость в издательских и гонорарных делах, жестоко ошибся. Лев Сергеевич запутал и сорвал переговоры с издателями; по-прежнему повсюду читал стихи и тем снижал интерес к будущим публикациям; запаздывал с перепиской необходимых копий; брал займы без отдачи, проигрывал и пропивал деньги, полученные за пушкинские издания; не исключено, что он не сумел сохранить и некоторых доверенных ему личных тайн брата. Кончилось это печально. По-видимому, было какое-то весьма резкое письмо поэта младшему брату, до нас не дошедшее, но и уцелевшие достаточно красноречивы. Пушкин вынужден был постепенно вовсе отказаться от «братских» услуг и посредничества и доверил свои издательские дела П. А. Плетневу. В июне 1825 г. он писал Дельвигу: «Скажи Плетневу, чтоб он Льву давал из моих денег на орехи, а не на комиссии мои, потому что это напрасно: такого бессовестного комиссионера нет и не будет». Словом, как писал Пушкин: «упрекать не стану, а благодарить ей-богу не за что». А тут еще случилась новая неприятность: поэт просил брата передать стихотворение «Люблю ваш сумрак неизвестный» П. А. Вяземскому в собственные руки, Лев же



сообщил его Соболевскому, а тот без ведома автора и Вяземского передал в журнал «Московский Телеграф» (к счастью, публикацию удалось предотвратить). Лев Сергеевич прекрасно сознавал, какой вред он приносит старшему брату своей «деятельностью» и бездейтельностью; понимал и необычность и тягостность жизни Пушкина, который, как прикованный титан, не может сдвинуться с места и вынужден целиком полагаться на чьи-то одолжения. В ноябре 1825 г. Лев Сергеевич писал Соболевскому: «Ты меня против брата поставил в очень неприятное положение. Теперешние наши отношения, тебе неизвестные, требуют чрезвычайной деликатности, а ты заставляешь меня ее нарушить». Но, все понимая, Лев Сергеевич ничего не предпринимал.

События 14 декабря 1825 г. и судьба участников восстания отодвинули в сторону многие частности, которые еще недавно казались основными проблемами жизни. Лев Сергеевич оказался в тот день на Сенатской площади, но ни до восстания, ни во время него о заговоре ничего не знал и с декабристами связан не был. Вскоре Жуковский и другие друзья Пушкина возобновили хлопоты о возвращении поэта из ссылки — на этот раз перед новым государем. Пушкин был возвращен и даже «приручен», как показалось Николаю I и его окружению. Началась мучительная и беспрерывная борьба Пушкина с тройной цензурой — царской, обычной и церковной. Но это было уже очное сражение. «Помощь» Льва Сергеевича более не понадобилась.

Статская служба Льву Сергеевичу не годилась: петербургские развлечения и потоки рейнвейна вытесняли из его памяти всякие воспоминания о деловых бумагах. Пушкин даже вынужден был подарить «милостивому государю братцу Льву Сергеевичу» с прозрачным намеком книгу К. Бриль-Крамера «О запое и о лечении оного. В наставление каждому, с прибавлением подробного изъяснения о способе лечения сей болезни»\*. Надо было как-то переменить его

---

\* Точную дату подарка установить трудно. Пушкин купил эту книжку в 1836 г. По-видимому, он собирался отослать ее брату, но не успел — книжка осталась в библиотеке поэта.

жизнь. «На седле он все-таки далее уедет, чем на стуле в канцелярии», — говорил Пушкин. Первая попытка Льва поступить в армию привела к тому, что Бенкендорф предложил ему место... в корпусе жандармов. Удивляться тут нечему: николаевский режим пытался различными способами привлечь на свою службу людей из околodeкабристского круга. А тут еще родной брат мятежного поэта! Несомненно, такой вариант показался Бенкендорфу пикантным и заманчивым. Бенкендорфу, но не Льву Сергеевичу; он отказался наотрез и вскоре очутился в действующей армии на Кавказе — в качестве юнкера Нижегородского драгунского полка.

Лев Пушкин оказался храбрым воином, не жалевшим себя в боях и по-людски относившимся к нижним чинам. Он был обаятелен, и его любили решительно все — и начальники, и подчиненные, и друзья-офицеры, и разжалованные декабристы, среди которых было немало давних знакомцев обоих братьев. Послужной список Льва Сергеевича за 1827—1829 гг. пестрит названиями сражений, взятых крепостей, полученных отличий: он был произведен в прапорщики, потом в поручики, награжден орденом св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», тем же орденом 3-й степени с бантом, орденом св. Владимира 4-й степени с бантом.

Существует, например, такой рассказ. Однажды, когда нижегородцы понеслись в атаку, один из молодых солдат, оробев, бросился наутек. «Пушкин, — вскричал полковой командир, — видишь этого подлеца? Догоняй его, руби его! Он полк бесчестит». «Сабля тупа рубить своих», — ответил Лев Сергеевич и, пришпорив коня, воскликнул: «За мной, ребята!» Через несколько минут неприятельская колонна обратилась в бегство.

В решении А. С. Пушкина поехать на Кавказ наряду с другими причинами не последнюю роль играло желание повидаться с братом. Поэт готов был позабывать безалаберность и необязательность Левушки, причинившие ему немало неприятностей. Он гордился тем, что младший брат смел в сражениях и о нем идет добрая слава. Пушкин, человек беззаветно храбрый, высоко ценил это качество в других.

Конец 1829-го и весь 1830 год Лев Сергеевич провел в отпуске, деля свое время между Петербургом и Москвой. Армейская дисциплина на нем нисколько не отразилась: те же бесшабашные выходки, те же «пианство и буянство», как говорил Пушкин. Армейского жалования не хватило и на несколько дней. В долг бралось все: и дорогое вино, и первоклассные номера в гостиницах, и кареты, и мундиры. Сергею Львовичу платить за любимого сына было нечем, да и скупость всегда брала у него верх над любовью. «Выкупать» Льва Сергеевича приходилось брату. Наконец все мыслимые отсрочки отпуска были исчерпаны, надо было возвращаться на Кавказ. В июле 1830 г. Лев Сергеевич ненадолго заехал в Москву с письмом Пушкина к невесте Н. Н. Гончаровой: «Честь имею представить вам моего брата (который находит вас такой хорошенькой в своих собственных интересах, и которого, несмотря на это, я умоляю вас принять благосклонно)». Из этого письма следует, что по крайней мере в 1830 г. поэт относился к Льву Сергеевичу дружески и терпел его выходки снисходительно. Левушка познакомился с будущей невесткой и был в самом деле очарован (кажется, именно он первый пустил в ход словечко «огончарован»). Оттянув еще раз отъезд, он был свидетелем на свадьбе брата 18 февраля 1831 г.

Гусарские замашки младшего Пушкина утомили наконец и его кавказское начальство. Пришлось поэту через дочь М. И. Кутузова Елизавету Михайловну Хитрово устраивать Льву перевод в Финляндский драгунский полк, действовавший в Польше. Но там уж ему совсем не служилось: он явно манкировал обязанностями и влезал в бесконечные долги. Хорошо еще, что дело кончилось отставкой braveго капитана (он дослужился до этого чина). Однако выехать из Варшавы Лев Сергеевич долго не имел возможности из-за «долгов чести», составлявших несколько тысяч рублей. Это не помешало ему устроить прощальный обед для офицеров всего полка.

Ольга Сергеевна уговорила мужа, служившего в Варшаве, помочь младшему брату. В результате образовался новый долг — 837 р., который Павлищев не замедлил взыскать с... Александра Сергеевича. В Пе-

тербурге капитан чувствовал себя как ни в чем не бывало. «Вообрази,— писала Ольга Сергеевна мужу,— он здесь взял первый номер в доме Энгельгардта\*, за который он платил двести рублей в неделю». Однако платил-то не он, а Александр Сергеевич! «Придется теперь Александру Сергеевичу кормить его»,— заметил кто-то из общих знакомых. «Кормить-то не беда,— возразил известный острослов Соболевский,— поить накладно!» Но пришлось и то и другое. Тяжело перечислять все суммы, уплаченные поэтом за Льва Сергеевича, все векселя, выданные им по долгам брата (часть кредиторов Пушкин так и не смог удовлетворить при жизни, векселя были погашены Опекой). Как ни горько, но приходится признать, что в создание той невыносимой обстановки, в которой жил поэт последние годы, внес свою лепту и его любимый брат.

Летом 1836 г., в очередной раз попав в безвыходное положение, Лев Сергеевич вновь вступил в военную службу — на этот раз под начало близкого друга Пушкина, горячо любившего поэта, генерала Николая Николаевича Раевского (младшего). Перед отъездом Лев Сергеевич дал старшему брату доверенность на управление и полное распоряжение причитавшейся ему частью материнского наследства. Братья расстались навсегда. Лев Сергеевич оказался в числе тех близких к поэту друзей, которых по роковому стечению множества обстоятельств не было в Петербурге в ужасные дни дуэли и смерти Пушкина.

С 20 января по 21 февраля 1837 г. в составе Гребенского казачьего полка капитан Лев Пушкин принимал участие в боевой экспедиции. В день, когда умирал его брат, полк находился в движении от крепости Грозной к Матаранскому ущелью. О смерти поэта Лев Сергеевич узнал лишь 15 марта. В отчаянии он писал своему другу: «Сам я получил только контузию, будучи вечно под пулями; бедный же брат мой погиб в это время от одной, ему обреченной. Несправедлива тут судьба, его жизнь необходима была

---

\* Лучшая гостиница в Петербурге, помещавшаяся на углу Невского проспекта и Екатерининского канала (ныне канал Грибоедова).

семейству, полезна отечеству, а моя — лишняя, одинокая и о которой, кроме тебя и бедного отца моего, никто бы и не вздохнул».

\* \* \*

После смерти брата первым побуждением Льва Сергеевича (кстати сказать, при всей своей несомненной храбрости, никогда не дравшегося на дуэлях) было отправиться в Париж и вызвать Дантеса на смертельный поединок. Но друзьям удалось отговорить его от этого шага. В 1839 г. Л. С. Пушкин участвовал в экспедиции на восточном берегу Черного моря под командованием Н. Н. Раевского. Мемуаристы дружно отмечают его необыкновенное мужество. В 1841 г. он был прикомандирован к Ставропольскому казачьему полку; в 1841 г. в Пятигорске познакомился и довольно близко сошелся с М. Ю. Лермонтовым. Как-то во время карточной игры, когда Лев Сергеевич метал банк, Лермонтов сказал экспромт, который входит теперь в собрания сочинений поэта:

В игре, как лев силен  
Наш Пушкин Лев,  
Бьет короля бубен,  
Бьет даму треф.  
Но пусть всех королей  
И дам он бьет:  
«Ва-банк!» — и туз червей  
Мой — банк сорвет!

13 июля 1841 г. они проводили вечер вместе в доме общих знакомых в Пятигорске и, по воспоминаниям современника, восхищали всех своим остроумием: «Ничего злого особенно не говорили, но смешного много». Через два дня Лермонтова не стало. Вскоре Лев Сергеевич получил отпуск для поездки во внутренние губернии, а 5 мая 1842 г. вышел в отставку с чином майора.

Никаких средств к существованию он по-прежнему не имел. Пришлось поступить на службу в Одесскую таможню. Там и прошло последнее десятилетие его жизни. В 1843 г. Лев Сергеевич женился на Елизавете Александровне Загряжской (дочери симбирского гу-

бернатора — знаконца Пушкина). У них было двое детей: Анатолий и Ольга. Он бережно хранил письма Александра Сергеевича и нашел у себя в бумагах некоторые, прежде неизвестные его стихи.

Мало кто знает, что младший брат поэта и сам писал неплохие стихи. В юности он посылал их Александру Сергеевичу в Кишинев, но вскоре понял, что на этом поприще ничего не достигнет. При жизни брата он не опубликовал ни строки, П. А. Вяземский называл его «неизданным поэтом». В 1842 г. в «Отечественных записках» было напечатано патриотическое стихотворение Л. С. Пушкина «Петр Великий», которое приводим в отрывках:

Среди веков и поколений  
Блуждая мыслию моей,  
Ищу, где был подобный гений  
Во всех веках среди людей.

Но тщетны всех величий клики,  
Во всем судьбою отличён,  
Наш Петр, наш русский, наш великий,  
Во всех веках всех выше он.

Все чуждое соединила,  
Чтоб изумить, природа в нем:  
Гиганта рост, гиганта сила —  
С гигантским творческим умом.

Где ни возьми: от барабана  
И до державного венца,  
Везде в нем видишь великана  
И мысль глубокую творца...

Но что ж? Напрасно он трудился?  
Как говорят — в избытке сил  
К неверной цели он стремился,  
Некстати нас преобразил?..

Простим врагам их осужденье:  
Они предвидят, что нас ждет,  
Им страшно наше просвещение,  
Досаден им наш славный ход.

Вотще ль, враги, наш род суровый  
В Европу грозно вдвинул он?  
Мы нужны ей для жизни новой:  
От нас уж пал Наполеон.

Велик, кто был судьбою тронов,  
Кто вел о целом мире спор,  
Но всех мечей Наполеонов  
Славней петровский наш топор.

. . . . .

Таков был ум его глубокий,  
Но что чудесней — ум в Петре,  
Иль гражданина дух высокий  
В самовластительном царе?

Таков был вклад брата Пушкина в спор западников и славянофилов. В. Г. Белинский писал одному из друзей: «Славные стихи в 7 № «Отечественных записок» Петр Великий... читаю и перечитываю их с наслаждением — есть в них что-то энергическое, восторженное и гражданское, есть много смелого, как например 16-й куплет (начинающийся словами «Таков был ум его глубокий». — В. К.)... А ведь несмотря на несколько простодушное унижение Наполеона перед Петром и возвышение нашей борьбы с первым, стихи-то... право хороши». Благородный пафос этих стихов очевиден, но что касается формы, то, может быть, Белинский несколько переоценил их.

В 1848 г. после смерти отца Льву Сергеевичу досталось в наследство имение Большое Болдино Лукояновского уезда Нижегородской губернии — то самое, где прошли прекрасные болдинские осени его брата. Лев приезжал туда ненадолго, совершил потом путешествие по другим памятным местам своих молодых лет, но вскоре воротился в Одессу. Материальные дела его поправились, но здоровье, расшатанное бурной молодостью, подводило. В 1851 г. Лев Сергеевич решился поехать в Париж, где рассчитывал вылечиться от водянки. Во Франции он встретился со многими старыми знакомыми, помнившими его юношей, высоко ценившими его брата (в том числе с семейством Карамзиных, Н. И. Тургеневым). Он познакомился с Проспером Мериме, который писал своей знакомой: «Это довольно забавный «белый негр», человек умный, но может быть несколько помешанный. Он очень хорошо говорит о своем брате, нисколько не утрируя при этом своего восхищения».

Лечение помогло, но не надолго. В январе 1852 г. школьный товарищ Льва Сергеевича С. А. Соболевский получил от него из Одессы последнее письмо: «Ты знаешь или не знаешь, что я уже два года при смерти, ездил в Париж, где мне помогли, но не вылечили меня. Доктора решили, что одесское лето меня убьет, а жизнь в России севернее Одессы запрещена. Мне нужно отправиться весной в Ниццу или Венецию». Весной у него уже не было сил никуда ехать, а 19 июля он скончался в Одессе почти в полном одиночестве. По просьбе С. А. Соболевского (которого Лев Сергеевич назначил опекуном своих детей) вдова прислала ему все 40 писем Александра Сергеевича, бережно хранившихся в архиве младшего брата. В 1858 г. они были напечатаны в журнале «Библиографические записки». Еще раньше, в 1853 г., было опубликовано «Биографическое известие об А. С. Пушкине», которое Лев Сергеевич успел написать по просьбе первых биографов поэта.

П. А. Вяземский, близко знавший братьев Пушкиных и надолго переживший их обоих, был совершенно прав, говоря: «Пушкин иногда сердился на брата за его стихотворческие нескромности, мотовство, некоторую невоздержность и распущенность в поведении, но он нежно любил его родственной любовью брата, с примесью родительской строгости». Объективно оценивая личность Л. С. Пушкина и его роль в жизни великого поэта, нужно помнить об этой любви.

### *Основная литература*

Л. Н. Майков. Молодость Пушкина по рассказам его младшего брата.— В кн.: Л. Н. Майков. Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899.

Б. Н. Хандрос. Левушка Пушкин.— Юность, 1979, № 8.

Б. Н. Хандрос. Письма Л. С. Пушкина к М. В. Юзефовичу.— В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. X. Л., 1982.



1

Л. ПУШКИНУ

Брат милый, отроком расстался ты со мной —  
В разлуке протекли медлительные годы;  
Теперь ты юноша — и полною душой  
Цветешь для радостей, для света, для свободы.  
Какое поприще открыто пред тобой,  
Как много для тебя восторгов, наслаждений!  
И сладостных забот и милых заблуждений!  
Как часто новый жар твою волнует кровь!  
Ты сердце пробуешь в надежде торопливой,  
Зовешь, вверяясь им, и дружбу и любовь.

. . . . .  
1823

*А. С. Пушкин*

2

ПОСЛАНИЕ К Л. ПУШКИНУ

Что же? будет ли вино?  
Лайон, жду его давно.  
Знаешь ли какого рода?  
У меня закон один:  
Жажды полная свобода  
И терпимость всяких вин.  
Погреб мой гостеприимный  
Рад мадере золотой  
И под пробкой смоляной  
Сен Пере бутылке длинной.  
В лета красные мои,  
В лета юности безумной,

Поэтический *Аи*  
Нравился мне пеной шумной,  
Сим подобием любви!

.....вспомнил о поэте  
И напеченный бокал  
Я тогда всему на свете,  
Милый брат, предпочитал.

Ныне нет во мне пристрастья —  
Без разбора за столом,  
Друг разумный сладострастья,  
Вина обхожу кругом.  
Все люблю я понемногу —  
Часто двигаю стакан,  
Часто пью — но, слава богу,  
Редко, редко лягу пьян.

1824

*А. С. Пушкин*

3

С полуострова Таманя, древнего Тмутараканского княжества, открылись мне берега Крыма. Морем приехали мы в *Керчь*. Здесь увижу я развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапеи, думал я — на ближней горе посередине кладбища увидел я груды камней, утесов, грубо высеченных — заметил несколько ступеней, дело рук человеческих. Гроб ли это, древнее ли основание башни — не знаю. За несколько верст остановились мы на *Золотом холме*. Ряды камней, ров, почти сравнившийся с землею — вот всё, что осталось от города *Пантикапеи*. Нет сомнения, что много драгоценного скрывается под землею, насыпанной веками; какой-то француз прислан из Петербурга для разысканий — но ему недостает ни денег, ни сведений, как у нас обыкновенно водится. Из Керча приехали мы в *Кефу*, остановились у Броневско-

го, человека почтенного по непорочной службе и по бедности. Теперь он под судом — и, подобно Старику Виргилия, разводит сад на берегу моря, недалеко от города. Виноград и миндаль составляют его доход. Он не умный человек, но имеет большие сведения об Крыме, стороне важной и запущенной. Отсюда морем отправились мы мимо полуденных берегов Тавриды, в *Юрзуф*, где находилось семейство Раевского. Ночью на корабле написал я Элегию, которую тебе присылаю; отошли ее *Гречу* без подписи. Корабль плыл перед горами, покрытыми тополами, виноградом, лаврами и кипарисами; везде мелькали татарские селения; он остановился в виду Юрзуфа. Там прожил я три недели <...> Будешь ли ты со мной? Скоро ли соединимся? Теперь я один в пустынной для меня Молдавии. По крайней мере пиши ко мне — благодарю тебя за стихи; более благодарил бы тебя за прозу. Ради бога, почитай поэзию — доброй, умной старушкой, к которой можно иногда зайти, чтоб забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, повеселиться ее милым болтаньем и сказками; но влюбиться в нее — безрассудно...

*Пушкин — Л. С. Пушкину. 24 сентября 1820.*

4

Друг мой, есть у меня до тебя просьба — узнай, напиши мне, что делается с братом — ты его любишь, потому что меня любишь, он человек умный во всем смысле слова — и в нем прекрасная душа. Боюсь за его молодость, боюсь воспитания, которое дано будет ему обстоятельствами его жизни и им самим — другого воспитания нет для существа, одаренного душою. Люби его, я знаю, что будут стараться изгладить меня из его сердца, — в этом найдут выгоду. — Но я чувствую, что мы будем друзьями и братьями не только по африканской нашей крови.

*Пушкин — А. А. Дельвигу. 23 марта 1821.*

## 5

Сперва хочу с тобою побороться; как тебе не стыдно, мой милый, писать полурусское, полуфранцузское письмо, ты не московская кузина — во-вторых, письма твои слишком коротки — ты или не хочешь или не можешь мне говорить открыто обо всем — жалею; болтливость братской дружбы была бы мне большим утешением. Представь себе, что до моей пустыни не доходит ни один дружный голос — что друзья мои как нарочно решились оправдать эгегическую мою мизантропию — и это состояние несносно. Письмо, где говорил я тебе о Тавриде, не дошло до тебя — это меня бесит — я давал тебе несколько препоручений самых важных в отношении ко мне — чорт с ними; постараюсь сам быть у вас на несколько дней — тогда дела пойдут иначе.

*Пушкин — Л. С. Пушкину. 24 января 1822.*

## 6

Ты на меня дуешься, милый; нехорошо. Пиши мне пожалуйста и как тебе угодно; хоть на шести языках; ни слова тебе не скажу — мне без тебя скучно — что ты делаешь? в службе ли ты? пора, ей-богу пора. Ты меня в пример не бери — если упустишь время, после будешь тужить — в русской службе — должно непременно быть 26 лет полковником, если хочешь быть чем-нибудь, когда-нибудь; — следственно, разочти; — тебе скажут: учись, служба не пропадет. А я тебе говорю: служи — учение не пропадет. Конечно, я не хочу, чтоб ты был такой же невежда, как В. И. Козлов, да ты и сам не захочешь. Чтение — вот лучшее учение — знаю, что теперь не то у тебя на уме, но всё к лучшему.

Скажи мне — вырос ли ты? Я оставил тебя ребенком, найду молодым человеком; скажи, с кем из моих приятелей ты знаком более? что ты делаешь, что ты пишешь? Если увидишь Катенина, уверь его ради

Христа, что в послании моем к Чаадаеву нет ни одного слова об нем; вообрази, что он принял на себя стих *И сплетней разбирать игривую затею*; я получил от него полукислое письмо, он жалуется, что писем от меня не получил, не моя вина. Пиши мне новости литературные; что мой Руслан? не продается? не запретила ли его цензура? дай знать... Если же Слѣнин купил его, то где же деньги? а мне в них нужда. Какowo идет издание Бестужева? читал ли ты мои стихи, ему посланные? что Пленник? Радость моя, хочется мне с вами увидѣться; мне в Петербургѣ дела есть. Не знаю, буду ли к вам, а постараюсь. Мне писали, что Батюшков помешался: быть нельзя; уничтожь это вранье. Что Жуковский, и зачем он ко мне не пишет? Бываешь ли ты у Карамзина? Отвечай мне на все вопросы, если можешь,—и поскорее. Пригласи также Дельвига и Баратынского. Что Вильгельм? есть ли об нем известия?

Прощай.

Отцу пишу в деревню.

*Пушкин — Л. С. Пушкину и О. С. Пушкиной.  
21 июля 1822.*

7

Ты в том возрасте, когда следует подумать о выборе карьеры; я уже изложил тебе причины, по которым военная служба кажется мне предпочтительнее всякой другой. Во всяком случае твое поведение надолго определит твою репутацию и, быть может, твое благополучие.

Тебе придется иметь дело с людьми, которых ты еще не знаешь. С самого начала думай о них всё самое плохое, что только можно вообразить: ты не слишком сильно ошибешься. Не суди о людях по собственному сердцу, которое, я уверен, благородно и отзывчиво и, сверх того, еще молодо; презирай их самым вежливым образом: это — средство оградить себя от мелких предрассудков и мелких страстей, кото-

рые будут причинять тебе неприятности при вступлении твоём в свет.

Будь холоден со всеми; фамильярность всегда вредит; особенно же остерегайся допускать ее в обращении с начальниками, как бы они ни были любезны с тобой. Они скоро бросают нас и рады унижить, когда мы меньше всего этого ожидаем.

Не проявляй услужливости и обуздывай сердечное расположение, если оно будет тобой овладевать: люди этого не понимают и охотно принимают за угодливость, ибо всегда рады судить о других по себе.

Никогда не принимай одолжений. Одолжение, чаще всего,— предательство. — Избегай покровительства, потому что это порабощает и унижает.

Я хотел бы предостеречь тебя от обольщений дружбы, но у меня нехватает решимости ожесточить тебе душу в пору наиболее сладких иллюзий. То, что я могу сказать тебе о женщинах, было бы совершенно бесполезно. Замечу только, что чем меньше любим мы женщину, тем вернее можем овладеть ею. Однако забава эта достойна старой обезьяны XVIII столетия. Что касается той женщины, которую ты полюбишь, от всего сердца желаю тебе обладать ею.

Никогда не забывай умышленной обиды,— будь немногословен или вовсе смолчи и никогда не отвечай оскорблением на оскорбление.

Если средства или обстоятельства не позволяют тебе блистать, не старайся скрывать лишений; скорее избери другую крайность: цинизм своей резкостью импонирует суетному мнению света, между тем как мелочные ухищрения тщеславия делают человека смешным и достойным презрения.

Никогда не делай долгов; лучше терпи нужду; поверь, она не так ужасна, как кажется, и во всяком случае она лучше неизбежности вдруг оказаться бесчестным или прослыть таковым.

Правила, которые я тебе предлагаю, приобретены мною ценой горького опыта. Хорошо, если бы ты мог их усвоить, не будучи к тому вынужден. Они могут избавить тебя от дней тоски и бешенства. Когда-ни-

будь ты услышишь мою исповедь; она дорого будет стоить моему самолюбию, но меня это не остановит, если дело идет о счастии твоей жизни. (Франц.)

*Пушкин — Л. С. Пушкину. Сентябрь —  
октябрь 1822.*

8

Мне хочется, душа моя, написать тебе целый роман — три последние месяца моей жизни. Вот в чем дело: здоровье мое давно требовало морских ванн, я насилу уломал Инзова, чтоб он отпустил меня в Одессу — я оставил мою Молдавию и явился в Европу. Ресторация и итальянская опера напомнили мне старину и ей-богу обновили мне душу. Между тем приезжает Воронцов, принимает меня очень ласково, объявляет мне, что я перехожу под его начальство, что остаюсь в Одессе — кажется и хорошо — да новая печаль мне сжала грудь — мне стало жаль моих покинутых цепей. Приехал в Кишинев на несколько дней, провел их неизъяснимо элегически — и, выехав оттуда навсегда, о Кишиневе я вздохнул. Теперь я опять в Одессе и всё еще не могу привыкнуть к европейскому образу жизни — впрочем я нигде не бываю, кроме в театре <...>

...Изъясни отцу моему, что я без его денег жить не могу. Жить пером мне невозможно при нынешней цензуре; ремеслу же столярному я не обучался; в учителя не могу идти; хоть я знаю закон божий и 4 первые правила — но служу и не по своей воле — в отставку идти невозможно. — Всё и все меня обманывают — на кого же, кажется, надеяться, если не на ближних и родных. На хлебах у Воронцова я не стану жить — не хочу и полно — крайность может довести до крайности — мне больно видеть равнодушие отца моего к моему состоянию, хоть письма его очень любезны. Это напоминает мне Петербург — когда, больной, в осеннюю грязь или в трескучие морозы я брал извозчика от Аничкова моста, он вечно бранил-

ся за 80 коп. (которых верно б ни ты, ни я не пожалели для слуги). Прощай, душа моя — у меня хандра — и это письмо не развеселило меня.

*Пушкин — Л. С. Пушкину. 25 августа 1823.*

9

Если б хоть брат Лев прискакал ко мне в Одессу! где он, что он? ничего не знаю. Друзья, друзья, пора променять мне почести изгнания на радость свидания. Правда ли, что едет к вам Россини и итальянская опера? — боже мой! это представители рая небесного. Умру с тоски и зависти.

*Пушкин — А. А. Дельвигу. 16 ноября 1823.*

10

Брат, ты мне пришлешь немецкую критику Кавказского пленника? (спросить у Греча) да книг, ради бога книг. Если гг. издатели не захотят удостоить меня присылкою своих альманахов, то скажи Слёнину, чтоб он мне их препроводил, в том числе и Талию Булгарина. Кстати о талии: на днях я мерялся поясом с Евпраксией, и тальи наши нашлись одинаковы. След. из двух одно: или я имею талью 15-летней девушки, или она талью 25-летнего мужчины. Евпраксия дуется и очень мила, с Анеткою бранюсь; надоела! Еще комиссии: пришли мне рукописную мою книгу да портрет Чаадаева, да *перстень* — мне грустно без него; рискни — с Михайлом. Надеюсь, что разбойники тебя не ограбили. NB. Как можно ездить без оружия! Это и в Азии не делается.

Что Онегин? перемени стих *Звонок раздался*, поставь: Швейцара мимо он стрелой. В Разговоре после *Искал вниманье красоты* нужно непременно:

Глаза прелестные читали  
Меня с улыбкою любви,  
Уста волшебные шептали  
Мне звуки сладкие мои.



Не забудь *Фон-Визина* писать *Фонвизин*. Что он за нехрист? он русский, из перерусских русский. Здесь слышно, будто губернатор приглашает меня во Псков. Если не получу особенного *повеления*, верно я не тронусь с места. Разве выгонят меня отец и мать. Впрочем я всего ожидаю. Однако поговори, заступник мой, с Жуковским и с Карамзиным. Я не прошу от правительства полумилостей; это было бы полумера, и самая жалкая. Пусть оставят меня так, пока царь не решит моей участи. Зная его твердость и, если угодно, упрямство, я бы не надеялся на перемену судьбы моей, но со мной он поступил не только строго, но и несправедливо. Не надеясь на его снисхождение, надеюсь на справедливость его. Как бы то ни было, не желаю быть в Петербурге, и верно нога моя дома уж не будет. Сестру целую очень. Друзей моих также — тебя в особенности. Стихов, стихов, стихов! *Conversationsde Byron! Walter Scott!* \* это пища души. Знаешь мои занятия? до обеда пишу записки, обедаю поздно; после обеда езжу верхом, вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма! Ах! боже мой, чуть не забыл! вот тебе задача: историческое, сухое известие о Сеньке Разине, единственном поэтическом лице русской истории.

Прощай, моя радость. Что ж чухонка Баратынского? я жду.

*Пушкин — Л. С. Пушкину.  
Первая половина ноября 1824.*

11

Не стыдно ли Кюхле напечатать ошибочно моего демона! моего демона! после этого он и Верую напечатает ошибочно. Не давать ему за то ни Моря, ни капли стихов от меня.

---

\* Беседы Байрона! Вальтер Скотта! (фр.).

В. г. Издатель Онегина

Стихи для вас одна забава,  
Немного стоит вам присесть.

Понимаете? да нельзя ли еще под Разговором поставить число *1823 год*? Стих: Вся жизнь одна ли, две ли ночи — надобно бы выкинуть, да жаль — хорош. Жаль еще, что поэт не побранил потомства в присутствии своего книгопродавца. Mes aggrèges-neveux me devraient cet ombrage\*. С журналистами делай, что угодно, дарю тебе мои мелочи на пряники; продавай или дари, что упомнишь, а переписывать мочи нет. Михайло привез мне всё благополучно, а библии нет. Библия для христианина то же, что история для народа. Этой фразой (наоборот) начиналось прежде предисловие Истории Карамзина. При мне он ее и переменил. — Закрытие феатра и запрещение балов — мера благоразумная. Благопристойность того требовала. Конечно, народ не участвует в увеселениях высшего класса, но во время общественного бедствия не должно дразнить его обидной роскошью. Лавочники, видя освещение бель-этажа, могли бы разбить зеркальные окна, и был бы убыток. Ты видишь, что я беспристрастен. Желал бы я похвалить и прочие меры правительства, да газеты говорят об одном розданном миллионе. Велико дело миллион, но соль, но хлеб, но овес, но вино? об этом зимою не грех бы подумать, хоть в одиночку, хоть комитетом. Этот потоп с ума мне нейдет, он вовсе не так забавен, как с первого взгляда кажется. Если тебе вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай из Онегинских денег. Но прошу, без всякого шума, ни словесного, ни письменного. Ничуть не забавно стоять в Инвалиде наряду с идилическим коллежским ассессором Панаевым. Пришли же мне Эду Баратынскую. Ах он чухонец! да если она милее моей черкешенки, так я поведу у двух сосен и с ним никогда знаться не буду.

Пушкин — Л. С. Пушкину и О. С. Пушкиной.  
4 декабря 1824.

---

\* Мои потомки были бы мне обязаны этой тенью (фр.).

12

Мне дьявольски не нравятся петербургские толки о моем побеге. Зачем мне бежать? здесь так хорошо! Когда ты будешь у меня, то станем трактовать *о банкире, о переписке, о месте пребывания Чедаева*. Вот пункты, о которых можешь уже осведомиться.

Кто думает ко мне заехать? Избави меня

От усыпителя глупца,  
От пробудителя нахала! —

впрочем, всех милости просим. С посланным посылай, что задумаешь — addio... \*

*Пушкин — Л. С. Пушкину. Декабрь 1824.*

13

Сделай милость, ты успокойся. Тебя все твои друзья и брат любят. Льву я не показывал твоих последних двух писем и не говорил, что ты писал ко мне. Он, может быть, по молодости лет и рассеян, но тебя очень любит. Твое ожесточение огорчило бы его. Что ж за радость мне быть причиной вашей ссоры, которая произошла от недоразумения? Напиши ему просто, чтобы он скорее кончил переписку Разных Стихотворений.

*П. А. Плетнев — Пушкину. 18 июля 1825.*

14

...С братом я в сношения входить не намерен. Он знал мои обстоятельства и самовольно затрудняет их. У меня нет ни копейки денег в минуту нужную, я не знаю, когда и как я получу их. Беспечность и легкомыслие эгоизма извинительны только до некоторой

---

\* Прощай (*итал.*).

степени. Если он захочет переписать мои стихи, вместо того чтоб читать их на ужинах и украшать ими альбом Воейковой, то я буду ему благодарен, если нет, то пусть отдаст он рукопись мою тебе, а ты уж похлопочи с Плетневым...

*Пушкин — А. А. Дельвигу. 23 июля 1825.*

15

Если б Плетнев показал тебе мои письма, так ты бы понял мое положение. Теперь пишу тебе из необходимости. Ты знал, что деньги мне будут нужны, я на тебя полагался, как на брата — между тем год прошел, а у меня ни полушки. Если б я имел дело с одними книгопродавцами, то имел бы тысяч 15.

Ты взял от Плетнева для выкупа моей рукописи 2000 р., заплатил 500, доплатил ли остальные 500? и осталось ли что-нибудь от остальной тысячи?

Заплачены ли Вяземскому 600 р.?

Я отослал тебе мои рукописи в марте — они еще не собраны, не цензированы. Ты читаешь их своим приятелям до тех пор, что они наизусть передают их московской публике. Благодарю.

Дельвига письма до меня не доходят. Издание поэм моих не двинется никогда. Между тем я отказался от предложения Заикина. Теперь прошу, если возможно, возобновить переговоры...

Словом, мне нужны деньги или удавиться. Ты знал это, ты обещал мне капитал прежде году — а я на тебя полагался.

Упрекать тебя не стану, а благодарить ей-богу не за что.

*Пушкин — Л. С. Пушкину. 28 июля 1825.*

16

Лев был здесь — малый проворный, да жаль, что пьет. Он задолжал у вашего Andrieux \* 400 рублей

---

\* Андрие (фр.).

и ублудил жену гарнизонного майора. Он воображает, что имение его расстроено и что истощил всю чашу жизни. Едет в Грузию, чтоб обновить увядшую душу. Уморительно.

*Пушкин — А. А. Дельвигу. 2 марта 1827.*

17

В пиитическом уголке любезного П. А. Плетнева, мы часто, и с любовью, об вас говорили, радовались возрастающей славе вашей и слушали *живое* стереотипное издание творений ваших — вашего любезного брата Льва Сергеевича. Он прочитывал, от доски до доски, целые поэмы ваши наизусть с величайшею легкостью и с сохранением всех оттенков чувства и пиитических красот.

*Ф. Н. Глинка — Пушкину. 17 февраля 1830.*

18

Честь имею представить вам моего брата (который находит вас такой хорошенькой в своих собственных интересах и которого, несмотря на это, я умоляю вас принять благосклонно)... (*Франц.*)

*Пушкин — Н. Н. Гончаровой. 20 июля 1830.*

19

Милостивый государь  
Александр Сергеевич.

Письмо ваше, в коем Вы просите о переводе в действующую армию брата Вашего, поручика Нижегородского драгунского полка, я имел счастье докладывать государю императору, и его величество, приняв благосклонно просьбу Вашу, высочайше повелеть мне

соизволил спросить графа Паскевича-Эриванского, может ли таковой перевод брата Вашего последовать. Приятным долгом поставляя Вас, милостивый государь, о сем уведомить, пребываю с совершенным почтением и преданностью,

Ваш, милостивый государь,  
покорнейший слуга  
А. Бенкендорф.

7 Апреля 1831 г.

Его высокоблагородию А. С. Пушкину.

20

Всё было решено. Ждали только ответа от гр. Паскевича, как Бенкендорф получил о тебе из Москвы *un rapport défavorable* \*. Нравоучительных примечаний делать я не намерен; но кабы ты не был болтун и не напивался бы с французскими актерами у Яра, вероятно, ты мог бы уж быть на Висле. В Чугуеве тебе мешкать невозможно. Немедленно поезжай в свой полк и жди там решения своей участи. Дай бог, чтоб эта шутка не стоила тебе вечного пребывания в Грузии.

Пушкин — Л. С. Пушкину. 6 апреля 1831.

21

Брат мой ветрогон и лентяй. Вы слишком добры, слишком любезны, принимая в нем участие. Я уже написал ему отеческое письмо, в котором, не знаю собственно за что, намылил ему голову. В настоящее время он должен быть в Грузии. (Франц.)

Пушкин — Е. М. Хитрово. 8 мая 1831.

---

\* Неблагоприятный отзыв (фр.).

22

Я провел 15 дней у Раевских. От наших литературных разговоров с Алекс. Раевским можно было умереть со смеху. Он уверяет, между прочим, что трагедия моего брата отвратительна,— даже хуже, чем Шекспир.— Каково? (*Франц.*)

Л. С. Пушкин — М. В. Юзефовичу.  
25 июня 1831.

23

Ты спрашиваешь, каковы мои планы, эх, что я знаю? Я пробую все, но не знаю, добьюсь ли чего-нибудь хорошего. Я написал брату, с просьбой хлопотать насчет места в Греции, Персии или Египте; не знаю, что из этого выйдет, ответа еще нет. Но несомненно то, что в России я не останусь ни за что на свете, климат мне не подходит, а ее люди скучны; если я не найду ничего лучшего, я вернусь в Грузию; признаюсь, что это мой самый любимый край. (*Франц.*)

Л. С. Пушкин — М. В. Юзефовичу.  
8 апреля 1833.

24

Что делает брат? я не советую ему идти в статскую службу, к которой он так же неспособен, как и к военной, но у него по крайней мере [...] здоровая, и на седле он всё-таки далее уедет, чем на стуле в канцелярии. Мне сдается, что мы без европейской войны не обойдемся. Этот Louis-Philippe \* у меня как бельмо на глазу. Мы когда-нибудь да до него доберемся — тогда Лев Сергеич поедет опять пожинать, как гово-

---

\* Луи-Филипп (*фр.*).

рит у нас заседатель, лавры и мирты. Покаместь советую ему бить баклуши, занятие приятное и здоровое.

*Пушкин — Н. Н. Пушкиной. 6 ноября 1833.*

25

Получил ли ты мое письмо из Петербурга, где я писал, чтобы ты больше не беспокоился относительно моей просьбы о денежной помощи; полагаю, что я в состоянии уладить свои дела и сделаю это так или иначе. Раевский все еще здесь, у него также свои планы, но они слишком затягиваются, он передает тебе наилучшие пожелания и, кажется, в самом деле к тебе привязан. На этом нежно целую тебя; не пишу больше, так как у меня тяжелая голова вследствие вчерашнего злоупотребления, от чего я уже отвык. Прощай еще раз и скорее отвечай.

Брат, который низко тебе кланяется, только что ни с того ни с сего и совершенно неожиданно произведен в камер-юнкеры. Я поздравил его следующим четверостишием:

О Пушкин, слава, слава!  
Велик, высок твой чин:  
Но он быть должен не один —  
Ищи в петлицу Станислава.

*Л. С. Пушкин — М. В. Юзефовичу.  
4 января 1834.*

26

Теперь вот тебе отчет о моем поведении. Я сижу дома, обедаю дома, никого не вижу, а принимаю только Соболевского. Третьего дня сыграл я славную штуку со Львом Сергеевичем. Соболевский, будто ненарочно, зовет его ко мне обедать. Лев Сергеевич явля-



ется. Я перед ним извинился как перед гастрономом, что не ожидая его, заказал себе только ботвинью да beafsteaks \*. Лев Сергеевич тому и рад. Садимся за стол; подают славную ботвинью; Лев Сергеевич хлебает две тарелки, утирает осетрину, наконец требует вина; ему отвечают, нет вина.—Как, нет?—Александр Сергеевич не приказал на стол подавать. И я объявляю, что с отъезда Натальи Николаевны я на диете — и пью воду. Надобно было видеть отчаяние и сардонический смех Льва Сергеевича, который уже ко мне, вероятно, обедать не явится. Во все время Соболевский подливал себе воду то в стакан, то в рюмку, то в длинный бокал — и потчевал Льва Сергеевича, который чинился и отказывался. Вот тебе пример моих невинных упражнений.

*Пушкин — Н. Н. Пушкиной. 19 апреля 1834.*

27

Узнавши из писем Сергея Львовича, что вы берете на себя труд уплачивать долги Льва Сергеевича и доставлять ежегодное содержание жене моей, я нужным считаю объяснить с вами насчет этих двух предметов.

Лев Сергеевич, живя здесь почти два года, часто бывал в крайнем положении и делал долги. Нередко случалось мне выручать его из беды, занимая на честное слово деньги для удовлетворения нужд его. Отъезжая отсюда, он обещал выслать из Петербурга должную им сумму и даже оставил мне счет своим долгам; но не исполнил того, не отвечав даже ни слова на три письма мои. Многие заимодавцы его ропщут и не раз уже обращались ко мне с своими домогательствами: я решительно отказался от всякого посредничества; между тем, будучи сам в долгу за Льва Сергеевича, я вынужден обстоятельствами просить вас покорнейше о высылке мне 1539 злотых, ко-

\* Бифштекс (англ.).

которые я для него занял. До сих пор заимодавец довольствовался процентами; но теперь требует неотступно капитал. Денег у меня нет, занять негде, заложить нечего,— следовательно, я сам в беде, из которой только вы меня выручить можете.

Сергей Львович, заботясь о долгах Л. С., в одном письме своем изъявил желание знать, как велики они? Хотя узнать можно это всего ближе от самого Л. С.; но я посылаю собственноручный (*примерный*) счет его, который удовлетворит отчасти этому желанию.

*Н. И. Павлицев — Пушкину. 26 апреля 1834.*

28

Радуюсь, что Сашку от груди отняли, давно бы пора. А что кормилица пьянствовала, отходя ко сну, то это еще не беда; мальчик привыкнет к вину, и будет молодец, во Льва Сергеевича.

*Пушкин — Н. Н. Пушкиной. 30 июня 1834.*

29

Лев Сергеевич очень себя дурно ведет. Ни копейки денег не имеет, а в домино проигрывает у Дюме по 14 бутылок шампанского. Я ему ничего не говорю, потому что, слава богу, мужику 30 лет; но мне его жаль и досадно, Соболевский им руководствует, и что уж они делают, то господь ведает. Оба довольно пусты.

*Пушкин — Н. Н. Пушкиной. 14 июля 1834.*

30

Я медлил с ответом тебе, потому что не мог сообщить ничего существенного. С тех пор, как я имел слабость взять в свои руки дела отца, я не получил и 500 р. дохода; что же до займа в 13 000, то он уже истрачен. Вот счет, который тебя касается:

Энгельгардту . . . . .	1330	
в ресторану . . . . .	260	
Дюме . . . . .	220	(за вино)
Павлищеву . . . . .	837	
портному . . . . .	390	
Плещееву . . . . .	1500	
Сверх того ты получил: ассигнациями	280	
(в августе 1834 г.) золотом . . . . .	950	

---

5767

Твое заемное письмо (10 000) было выкуплено. Следовательно, не считая квартиры, стола и портного, которые тебе ничего не стоили, ты получил 1230 р.

Так как матери было очень худо, я все еще веду дела, несмотря на сильнейшее отвращение. Рассчитываю сдать их при первом удобном случае. Постараюсь тогда, чтобы ты получил свою долю земли и крестьян. Надо надеяться, что тогда ты займешься собственными делами и потеряешь свою беспечность и ту легкость, с которой ты позволял себе жить изо дня в день. С этого времени обращай к родителям. Я не уплатил твоих мелких карточных долгов, потому что не трудился разыскивать твоих приятелей — это им следовало обратиться ко мне. (Франц.)

*Пушкин — Л. С. Пушкину. 23—24 апреля 1835.*

### 31

Отец согласен дать тебе в полное управление половину Кистенева. Свою часть уступаю сестре (т. е. одни доходы). Я писал о том уже управителю. У тебя будет чистого доходу около 2000 р. — Советую тебе предоставить платеж процентов управляющему — а самому получать только эту сумму. 2000 немного, но всё же можно ими жить. Мать у нас умирала; теперь ей легче, но не совсем. Не думаю, чтоб она долго могла жить.

*Пушкин — Л. С. Пушкину. 2 мая 1835.*

## 32

Павлищев мне пишет, что он не согласен продать свою часть Михайловского за предлагаемую тобою сумму; следственно тут выйдет проволочка. Ты знаешь, или не знаешь, что я определен в военную службу; ни обмундироваться, ни ехать драться с горцами мне не на что.— Если ты можешь мне послать треть моей части взаимобразно, удержав ее при окончании раздела, то ты выведешь меня из большого затруднения и от больших неприятностей. Я рискую получить вторичную выключку.— Прощай. Жду ответа.

*Л. С. Пушкин — Пушкину. 20 августа 1836.*

## 33

Наконец отозвался ты мне, милый друг, получил я письмо твое от 8 марта, запоздалое, но дружеское; благодарю тебя, оно меня много, много тронуло и утешило; я получил его поздно, потому что в запустелом отдалении, куда почта почти не доходит, мое же ты получишь скорее, потому что я приехал на воды, откуда и пишу тебе. Поздравляю тебя с новой жизнью, дай бог тебе в ней счастья; женитьба была давнишнею, любимую твоею мечтою; уверен, что ты хороший муж — это главное. Что до меня, милый друг, я насилу опаматоваюсь от моей потери. Ты прав, не взирая на холодность наших отношений, смерть брата для меня была ужасным ударом. В будущем у меня есть еще утешение, рано или поздно я исполню его. Ты меня понимаешь, но оставим этот грустный предмет...

...Все почти, которых я полюбил в это время, пали жертвою этой дрянной войны, как будто приязнь моя влечет за собою гибель; сам же я получил только контузию, будучи вечно под пулями; бедный же брат мой погиб в это время от одной, ему обреченной. Несправедлива тут судьба, его жизнь необходима бы-

ла семейству, полезна отечеству, а моя лишняя, одинокая и о которой, кроме тебя и бедного отца моего, никто бы и не вздохнул...

Ты спрашиваешь, распространилось ли освобождение от долгов и на имение отца. Напротив, вот что случилось: Жуковский узнал, что деревушка покойницы моей матери (в которой брат жил во время ссылки, которую так любил после и в которой покоятся его останки) свободна от долгов, вообразил, что она составляет все наше имение, и доложил государю, что у брата долга нет на имение. Не знаю, исправил ли он свою ошибку; он мне обо всем этом ничего не говорит, хотя мы в переписке. (*Франц.*)

*Л. С. Пушкин — М. В. Юзефовичу. 26 июля 1837.*

34

Пушкин был собою дурен, но лицо его было выразительно и одушевленно; ростом он был мал., но тонок и сложен необыкновенно крепко и соразмерно. Женщинам Пушкин нравился; он бывал с ними необыкновенно увлекателен и внушил не одну страсть на веку своем. Когда он кокетничал с женщиною или когда был действительно ею занят, разговор его становился необыкновенно заманчив. Должно заметить, что редко можно встретить человека, который бы объяснялся так вяло и так несносно, как Пушкин, когда предмет разговора не занимал его. Но он становился блестяще красноречив, когда дело шло о чем-либо близком его душе. Тогда-то он являлся поэтом и гораздо более вдохновенным, чем во всех своих сочинениях. О поэзии и литературе Пушкин говорить вообще не любил, а с женщинами никогда и не касался до сего предмета. Многие из них, особенно в то еще время, и не подозревали в нем поэта. Одна иностранка, оставляя Россию, просила Пушкина написать ей что-нибудь в память самых близких двухлетних их отношений. Он написал ей пьесу:

На языке тебе невнятном... — и пр.

Она очень удивилась, узнавши, что стихи собственного его сочинения, просила перевода, но Пушкин предоставил ей обратиться для сего к первому русскому, которого она встретит за границею. В знакомом кругу он любил эту неизвестность, но молвою вообще дорожил и радовался, когда встречал свое имя в иностранных сочинениях и журналах. Русские критики, в то время к нему вообще благосклонные, внушали ему равнодушие к своим отзывам по причине безотчетности похвал, а впоследствии — по безотчетности порицаний. В продолжение всей своей литературной жизни он не имел случая воспользоваться от них ни единым дельным замечанием.

Пушкин не любил над собою невольного влияния французской литературы. Он радостно преклонился перед Байроном, но не был, как утверждают некоторые, его вечным, безусловным подражателем. Андрей Шенье, француз по имени, а, конечно, не по направлению таланта, сделался его поэтическим кумиром. Он первый в России и, кажется, даже в Европе достойно оценил его. В Одессе Пушкин писал много, и произведения его становились со дня на день своеобразнее; читал он еще более. Там он написал три первые главы «Онегина». Он горячо взялся за него и каждый день им занимался. Пушкин просыпался рано и писал обыкновенно несколько часов, не вставая с постели. Приятели часто заставляли его то задумчивого, то помирающего со смеху над строфою своего романа. Одесская осень благотворно действовала на его занятия. Надобно заметить, что Пушкин писал постоянно только осенью. Даже на севере сие время года, всегда ненастное, приносило ему вдохновение; что же он чувствовал на юге, где все влияние осени отзывалось в его душе, а сверх того, он видел ясное небо, дышал теплым, чистым воздухом!

*Л. С. Пушкин.* Биографическое известие об  
А. С. Пушкине до 1826 года.

Из Эрзерума Пушкин уехал обратно. Помню, как, сев на коня, с последним рукопожатием, он сказал мне: «До свидания в Петербурге». Но, увы, этому свиданию не суждено было состояться: я не попал в Петербург до его смерти.

По временам я имел о нем кое-какие сведения из писем ко мне его брата. Потом, по приезде ко мне Льва Сергеевича, я узнал подробно о его новом житье-бытье. Все сведения, по внешности, были благоприятны; но я был как-то ими недоволен: мне все казалось, что при дворе и в пустой среде большого света поэту было не место. Раз я даже высказал Льву мою мысль о том, что красавицы в большом свете—опасные спутницы в жизни. Тот обиделся за свою невестку. Катастрофа не замедлила дать нам свой положительный ответ...

*М. В. Юзефович. Памяти Пушкина.*

*21 марта <1842 г.> В Малинниках...* Первым удовольствием для меня была неожиданная встреча с Львом Пушкиным. На пути с Кавказа в Петербург, разумеется, не на прямом, как он всегда странствует, заехал он к нам в Тригорское навестить нас да взглянуть на могилы своей матери и брата, лежащих теперь под одним камнем, гораздо ближе друг к другу после смерти, чем были в жизни. Обоих он не видел перед смертью и, в 1835 году расставаясь с ними, никак не думал, что так скоро в одной могиле заплачет над ними. Александр Сергеевич, отправляя его тогда на Кавказ (он в то время взял на себя управление отцовского имения и уплачивал долги Льва), говорил шутя, чтобы Лев сделал его наследником, потому что все случаи смертности на его стороне; раз, что он едет в

край, где чума, потом — горцы и, наконец, как военный и холостой человек, он может еще быть убитым на дуэли. Вышло же наоборот: он — женатый, отец семейства, знаменитый — погиб жертвою неприличного положения, в которое себя поставил ошибочным расчетом, а этот под пулями черкесов беспечно пил кахетинское и так же мало потерпел от одних, как от другого. Такова судьба наша, или, вернее сказать, так неизбежны следствия поступков наших.

*А. Н. Вульф. Дневник.*

37

...Дружеское расположение поэта к Льву Сергеевичу началось весьма рано и долго продолжалось. Как старший в семье, Александр Сергеевич часто обращался к брату с советами, деятельною помощью, иногда выговорами и упреками, в которых чувство нежности и любви, может быть, выражалось еще сильнее, чем в положительном изъяснении его. Для брата своего, при вступлении его в свет, Александр Сергеевич написал длинное наставление, которое, может быть, составляет лучшую характеристику как нравов времени, так и его собственного душевного состояния, в эпоху пребывания на юге России. Тогда же, именно из Кишинева, умолял он Дельвига принять молодого Льва Сергеевича под свое покровительство...

Лев Сергеевич имел непреодолимую страсть к чтению новоприсылаемых произведений брата на вечерах и ужинах и за этим упражнением часто забывал об выпуске их в свет правильным образом. Мы видели уже, как сердился поэт за преждевременное распространение в публике «Бахчисарайского фонтана»; то же самое случилось и с «Цыганами». Лев Сергеевич передавал их целиком, на память и в рукописи, всем почитателям таланта своего брата, а почитателем его тогда был — весь свет. Поэт принужден был пере-



несть поручение издавать свои сочинения на одного П. А. Плетнева...

К концу жизни голос Александра Сергеевича становился все строже и строже. Беспечность и отдача самого себя течению жизни, как пришлось, не пропадали с годами в брате его. Прежние и новые советы оставались без действия, но взамен Александр Сергеевич принимал на себя несколько раз устройство дел своего любимца, как денежных, так и жизненных вообще. Во всех кризисах своего существования (а их было немало) Лев Сергеевич тотчас же обращался к надежной своей опоре, к брату, и даже писал ему при одном из таких случаев: «Нравоучения, если я их заслуживаю, могут быть и после, а теперь — надобно пособить». И никогда не обманывала его надежда. Александр Сергеевич платил его долги, очищал ему дорогу и приводил в движение все свои обширные связи и сношения в обществе, чтоб выпутать его из ожидаемой или неожиданной беды. Он предоставлял себе только право, в виде вознаграждения, прочесть ему добрую *нотацию* в сухом, часто весьма остроумном письме (большею частью на французском языке), да шутливо сообщал друзьям о своих новых хлопотах... Даже и эта небольшая доля строгости пропала еще, когда судьба сталкивала их опять вместе. По рассказам свидетелей, Александр Сергеевич напрасно старался сохранить, при личных свиданиях с братом, серьезное выражение: шутка, веселость, даже просто шалость одолевали его.

П. В. Анненков.

Пушкин, вероятно, подозревал, что домашние его станут твердить Льву Сергеевичу, чтобы он не брал примера с ссыльного брата. Между тем пример был соблазнителен: Лев Сергеевич сам принялся за стихи. Пушкин поспешил остановить, вероятно, заметив тотчас же отсутствие настоящего дарования...

Надо заметить, что именно в конце 1820 года Лев Сергеевич был исключен из благородного пансиона при педагогическом институте за то, что с товарищами побил одного из надзирателей. Это обстоятельство, конечно, только умножило в Пушкине сердечное, нежное участие к судьбе брата...

Может быть, вскоре после того, и как нам кажется, в 1821 г., возвратясь из Каменки, он написал брату то французское письмо, в котором излагает правила жизни, извлеченные, как он говорит, из собственного опыта. Письмо это крайне замечательно, не потому, чтобы Пушкин сам всегда следовал высказанным в нем правилам, а как изложение тогдашних его понятий о связях общественных. Нет сомнения, что эти убеждения были не тверды, и Пушкину случалось изменять им, но, во всяком случае, они искренни и необыкновенно важны для оценки его. Прежняя жизнь его заставляет думать, что он действительно мог извлечь их из собственного опыта...

Лев Сергеевич, не кончив курса в пансионе при педагогическом институте, проживал в Петербурге в доме родителей, не имея определенных занятий и не торопясь поступать на службу. В 1822 году, о котором у нас теперь идет речь, ему было всего 16 лет. Он был очень похож на брата и лицом и отчасти нравом. Приятели Пушкина любили его: он им живо напоминал ссыльного поэта. К тому же он имел родовую наклонность к занятиям словесностью. Таким образом Лев Сергеевич прямо с ученической скамейки вступил в кружок друзей своего брата. Пушкин покинул его в Петербурге еще совсем мальчиком, и долгое время потом сохранял в отношении к нему нежное и в то же время покровительственное чувство старшего брата. В воспоминаниях о Петербурге он занимал у него первое место, и мы видели, как он заботливо поручает его Дельвигу. Переписываться с ним, знать о нем было для него потребностью сердца.

*П. И. Бартнев.*

Лев Пушкин был в то время адъютантом при Раевском и, кроме того, пользовался его дружбой: один из приятнейших собеседников, каких я когда-либо знал, с отличным сердцем и высокого благородства. В душе поэт, а в жизни циник страшный. Много написал он хороших стихотворений, но из скромности ничего не печатал, не желая стоять на лестнице поэтов ниже своего брата; тот же африканский тип; те же толстые губы; умные глаза; но он блондин, хотя волосы его так же вьются, как черные кудри Александра Сергеевича. Лев Пушкин ниже ростом своего брата, широкоплеч, вечно весел, над всем смеется, находчив и остер в своих ответах, пьет одно вино, хорошее или дурное, все равно, пьет много, и вино никогда на него не действует. Он не знает вкуса чая, кофе, супа, потому что в них есть вода... Рассказывают, что однажды ему сделалось дурно в какой-то гостиной, и дамы, тут бывшие, засуетившись вокруг него, стали кричать: воды, воды, и будто бы Пушкин, услышав это ненавистное слово, пришел в чувство и вскочил как ни в чем не бывало. Ест он обыкновенно соленое и острое, сельди, сыр и проч. Память имеет необыкновенную и читает стихи вообще, своего брата в особенности, превосходно, хотя и не доставляет этого наслаждения своим жадным слушателям до тех пор, пока не поставят перед ним лимбургского сыра и несколько бутылок вина. Весь лагерь был в восторге от Пушкина, и можно было быть уверенным: где Пушкин, там кружок и весело. Всю экспедицию он сделал с одной кожаной подушкой, старой поношенной шинелью, парой платья на плечах и шашкой, которую никогда не снимал. Пушкин обыкновенно заглядывает по палаткам и где едят или пьют, он там везде садится, ест и пьет. В карты Пушкин играл и всегда проигрывал; табаку не нюхал и не курил. Вечно без денег, а ежели и заведутся кое-какие, то не надолго: или прокутит, или раздаст. У него не было слуги или денщика. Одним словом, Пушкин имел много странностей; но все они

как-то шли к нему, может быть потому, что были натуральны, и он был самый беспечный, милый человек, какого я знал когда-либо...

Вскоре Лев Сергеевич ушел в экспедицию за Кубань; я был произведен в офицерский чин, вышел в отставку и поселился в своей родной деревушке. С Пушкиным мы опять сошлись, когда он вышел также в отставку, женился и служил по таможенной части в Одессе. Он приезжал даже однажды навещать меня, одинокого на моем пепелище, и это было наше последнее свидание. Он занемог водяною, ездил в Париж, получил облегчение, но снова предался своей губительной привычке и скоро угас в памяти и с тою веселостью, которая преобладала в нем во всю его жизнь. С улыбкою повторял он: не пить мне больше кахетинского. На руках товарища моего по Сибири А. И. Вегелина скончался Лев Пушкин на 47-м году от роду. Хотя мне дали знать об опасной болезни Льва Сергеевича, но я не успел принести ему дружеского прощания... Мир праху твоему, дорогой Лев Сергеевич!

*Н. И. Лорер. Записки декабриста.*

40

Он был очень остроумен, писал хорошие стихи, и, не будь он братом такой знаменитости, конечно, его стихи обратили бы в то время на себя общее внимание. Лицо его белое и волосы белокурые, завитые от природы. Его наружность представляла негра, окрашенного белою краскою. Он был постоянно в дурных отношениях со своими родителями, за что Дельвиг часто его журил, говоря, что отец его хотя и пустой, но добрый человек, мать же и добрая и умная женщина. На возражение Льва Пушкина, что «мать его ни рыба, ни мясо», Дельвиг однажды, разгорячив-

шись, что с ним случалось очень редко и к нему несколько не шло, отвечал: «Нет, она рыба». Конечно, спор после этих слов кончился общим смехом. Лев Пушкин вел не только рассеянную, но и дурную жизнь, при чем издерживал более, чем позволяли средства. Он любил много есть и пить вина, вследствие чего Дельвиг одно из стихотворений, написанных им вместе с Баратынским, начал следующей строфою:

Наш приятель, Пушкин Лёв  
Не лишен рассудка,  
И с шампанским жирный плов  
И с груздями утка  
Нам докажут и без слов,  
Что он более здоров  
Силою желудка...

Осенью 1848 г. приезжал в Петербург Лев Сергеевич Пушкин. Мы с ним часто видались и обедали в ресторанах, при чем он был очень воздержан и вообще экономен. Он в это время служил в Одесской таможне. К жене своей, оставшейся в Одессе, он писал каждый день, несмотря на то, что почта ходила из Петербурга в Одессу только раза два или три в неделю.

В комнате, которую он занимал, висел грудной портрет его жены. Он не находил слов для ее расхваливания во всех отношениях и добивался от меня, чтобы я сказал, что его жена красивее жены его покойного брата-поэта... с чем я не мог согласиться. Как все это мало походило на прежнего Левушку Пушкина!

Он приехал в Петербург для раздела имения, оставшегося после его отца, незадолго перед этим умершего. Ничего не понимая в подобных делах, он назначил меня своим уполномоченным по разделу, для чего я несколько раз бывал у Ланских. Вскоре я узнал, что жена Льва Пушкина его оставила. Он умер в весьма горестном положении.

*А. И. Дельвиг. Мои воспоминания.*

16 июня 1853 года узнал я о смерти Льва Пушкина. С ним, можно сказать, погребены многие стихотворения брата его неизданные, может быть, даже и незаписанные, которые он один знал наизусть. Память его была та же типография, частью потаенная и контрабандная. В ней отпечатывалось все, что попадало в ящик ее. С ним сохранились бы и сделались бы известными некоторые драгоценности, оставшиеся под спудом; и он же мог бы изобличить в подлоге другие стихотворения, которые невежественными любителями соблазна несправедливо приписываются Пушкину. Станный обычай чтить память славного человека, навязывая на нее и то, от чего он отсекся, и то, в чем неповинен он душою и телом. Мало ли что исходит от человека! Но неужели сохранять и плевок его на веки веков в золотых и фарфоровых сосудах?

Пушкин иногда сердился на брата за его стихотворческие нескромности, мотовство, некоторую невоздержанность и распущенность в поведении; но он нежно любил его родственною любовью брата, с примесью родительской строгости. Сам Пушкин не был ни схимником, ни пуританином; но он никогда не хвастался своими уклонениями от торной дороги и не рисовался в мнимом молодечестве. Не раз бунтовал он против общественного мнения и общественной дисциплины; но, по утишении в себе временного бунта, он признавал законную власть этого мнения. Как единичная личность, как часть общества, он понимал обязанности, по крайней мере, внешне приноровляться к ней и ей повиноваться гласною жизнью своею, если не всегда своею жизнью внутреннею, келейною.

И это не была малодушная уступчивость. Всякая свобода какою-нибудь стороною ограничивается тою или другою обязанностью, нравственною, политическою и взаимною. Иначе не быть обществу, а будет дикое своеволие и дикая сволочь. Лев Пушкин, храб-

рый на Кавказе против чеченцев, любил иногда и сам, в мирном житии, гарцевать чеченцем и нападать врасплох на обычаи и условия благоустроенного и взыскательного общества. Пушкин старался умерять в младшем брате эти порывы, эти избытки горячей натуры, столь противоположные его собственной аристократической натуре: принимаем это слово и в общепринятом значении его, и в первоначальном этимологическом смысле. Не во гнев демократам будь сказано, а слово *аристократия* соединяет в себе понятия о силе и о чем-то избранном и лучшем, то есть о лучшей силе.

Лев, или, как слыл он до смерти, Левушка, питал к Александру некоторое восторженное поклонение. В любовь его входила, может быть, и частичка гордости. Он гордился тем, что был братом его, и такая гордость не только прощительна, но и естественна и благовидна. Он чувствовал, что лучи славы брата несколько отсвечиваются и на нем, что они освещают и облегчают путь ему. Приятели Александра, Дельвиг, Баратынский, Плетнев, Соболевский, скоро сделались приятелями Льва. Эта связь тем легче поддерживалась, что и в нем были некоторые литературные зародыши. Не будь он таким гулякою, таким гусаром коренным или драгуном, которому Денис Давыдов не стал бы попрекать, что у него на уме все Жомини да Жомини, может быть, и он внес бы имя свое в летописи нашей литературы. А может быть, задерживала и пугала его слава брата, который забрал весь майорат дарования. Как бы то ни было, но в нем поэтическое чувство было сильно развито. Он был совершенно грамотен, вкус его в деле литературы был верен и строг. Он был остер и своеобразен в оборотах речи, живой и стремительной. Как брат его, был он несколько смуглый араб, но смахивал на белого негра. Тот и другой были малого роста, в отца. Вообще в движениях, в приемах их было много отцовского. Но африканский отпечаток матери видимым образом отразился на них обоих. Другого сходства с нею они не имели. Одна сестра их, Ольга Сергеевна, была в мать и, кстати, гораздо благообразнее и красивее братьев своих.

Первые годы молодости Льва, как и Александра, были стеснены, удручены неблагоприятностью окружающих или подавляющих обстоятельств. Отец, Сергей Львович, был не богат, плохой хозяин, нераспорядительный помещик. К тому же, по натуре своей, был он скуп. Что ни говори, как строго ни суди молодежь, а должно сознаться, что нехорошо молодому человеку, брошенному в водоворот света, не иметь, по крайней мере, несколько тысяч рублей ежегодно и верного дохода, хотя бы на ассигнации. Деньги, обеспечивающие положение в обществе,— это необходимый балласт для правильного плавания. Сколько колебаний, потрясений, крушений бывает от недостатка в уравнивающем и охранительном балласте. Когда-то Баратынский и Лев Пушкин жили в Петербурге на одной квартире. Молодости было много, а денег мало. Они везде задолжали, в гостиницах, лавочках, в булочной; нигде ничего в долг им больше не отпускали. Один только лавочник, торговавший вареньями, доверчиво отпускал им свой товар; да где-то промыслили они три-четыре бутылки малаги. На этом сладком пропитании продовольствовались они себя несколько дней.

Последние годы жизни своей Лев Пушкин провел в Одессе, состоя на службе по таможенному ведомству. Под конец одержим он был водяною болезнью, отправился по совету врачей в Париж для исцеления, возвратился в Одессу почти здоровый, но скоро принялся за прежний образ жизни; болезнь возвратилась, усилилась, и он умер.

После смерти брата Лев, сильно огорченный, хотел ехать во Францию и вызвать на роковой поединок барона Геккерена, урожденного Дантес; но приятели отговорили его от этого намерения.

*П. А. Вяземский.* Из «Старой записной книжки».





Племянник Пушкина Л. Н. Павлищев в своих «Воспоминаниях» о дяде (которого он едва ли помнил) сетует на то, что биографы и друзья поэта непомерно преувеличили роль неграмотной крестьянки-няни Арины Родионовны в формировании детских впечатлений поэта. Павлищев намеренно противопоставляет этому влияние на Пушкина-ребенка своей матери Ольги Сергеевны. Однако кому дано разъять на составные части все те факты, мысли, впечатления, которые жадно впитывал будущий великий поэт? На каких весах можно взвесить те разнородные элементы, которые создали его личность и творческий гений?

Арина Родионовна вынянчила Пушкина (как и Ольгу, и Льва); она первая пела ему русские песни и рассказывала русские сказки; она была верной «подругой дней суровых» михайловского ссыльного; она с любовью встречала его всякий раз и после, когда он ненадолго возвращался в Михайловское; она была единственной из пушкинского окружения, кто знал и хорошо помнил прадеда Пушкина Абрама Петровича Ганнибала; она хранила в памяти предания эпохи Бориса Годунова... Но, может быть, еще важнее, что няня была для поэта олицетворением народной души, «представителем» народа, как сказали бы теперь. Это было необычайно важно для Пушкина, ибо он, как никто, умел видеть в частном общее, в настоящем —

прошлое, он был способен воссоздать картину по единому штриху. И еще: Арина Родионовна Яковлева до последнего дыхания самоотверженно любила своего питомца. Ее место — среди близких друзей Пушкина.

\* \* \*

Арина (правильнее: Ирина, или Иринья) Родионовна Яковлева родилась на северо-западе России — в деревне Суйда Копорского уезда Петербургской губернии. На ее родине как бы соединились вместе среднерусские, новгородские, шведские, финские предания. Исследователи, например, предполагают, что образ Финна в «Руслане и Людмиле» связан со сказаниями, услышанными Пушкиным от Арины Родионовны в детстве.

В 1759 г. Суйда перешла к новому владельцу — Абраму Петровичу Ганнибалу. 22 года Арина Родионовна пробыла крепостной прадеда Пушкина. Всю жизнь свою прожила она в нужде и труде. В 1781 г. вышла замуж за Федора Матвеева \* и переехала в деревню Кобрينو, которая по разделу имущества между сыновьями А. П. Ганнибала перешла к Осипу Абрамовичу — деду поэта. «Африканский характер моего деда,— писал Пушкин,— пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, увлекали его в удивительные заблуждения». Как известно, он развелся с бабушкой поэта Марьей Алексеевной и на какое-то время даже отобрал у нее дочь. Так что в Кобрине Арина Родионовна была свидетельницей невеселых детских лет матери Пушкина. Сначала бурные ссоры отца Надежды Осиповны с матерью. Потом долгий бракоразводный процесс, в результате которого Кобрينو присудили Марье Алексеевне с дочерью — все это прошло на глазах у крестьян. Они жалели молодую барышню и радовались такому исходу дела. Когда же Надежда Осиповна вышла замуж и родила дочь Ольгу, она взяла Арину из вотчины своей в няньки. Уме-

---

\* Венчались они в церкви Воскресения в с. Суйда, где спустя 15 лет состоялось бракосочетание родителей Пушкина.

лая, добрая, ласковая к детям (своих четверых вырастила — двоих сыновей и двух дочерей), Арина Родионовна прижилась у Пушкиных навсегда. В 1799 г. Марья Алексеевна предложила ей вольную, да только Арина отказалась — она уже привыкла к Ольге и готовилась нянчить будущих детей Пушкиных.

Вскоре (1807 г.) связь с Кобрином оборвалась. Семейство Ганнибалов продало земли в Петербургской губернии (вместе с жившими на них крестьянами) и перебралось в Псковскую — в Опочецкий уезд, где и довелось потом две зимы зимовать Александру Сергеевичу и его старой няньке. Арина Родионовна была «исключена из продажи» — она была «прикреплена» не к земле, а к хозяевам. В 45 лет она стала вдовой, а с родными детьми разлучилась (только одной из дочерей ее Надежда Осиповна время от времени разрешала жить в господском доме). И все же Арина Родионовна была у Пушкиных на особом положении: дети любили ее, находили у нее прибежище от материнского гнева. В 1806—1807 гг. Надежда Осиповна вняла просьбам няни и перевела всю семью ее в подмосковное Захарово, чтобы Арина Родионовна могла видеться с детьми.

Как осторожно ни подходить к прямым биографическим деталям в творчестве Пушкина, смысл некоторых ранних его стихов не вызывает сомнений:

...для развлечения,  
Оставя книг ученье,  
В досужный мне часок  
У добренькой старушки  
Душистый пью чаек;  
Не подхожу я к ручке,  
Не шаркаю пред ней;  
Она не приседает,  
Но тотчас и вестей  
Мне пропасть наболтает.

Если Пушкин, как решился он сказать однажды, подрастал в детстве, «не зная горестей и бед», то этим он обязан своей няне Арине Родионовне Яковлевой. Они виделись потом с большими перерывами: сначала Лицей, потом южная ссылка. И. П. Липранди, привезший в 1821 г. из Кишинева в Петербург

пакет от Пушкина, вспоминает, что его встретила 70-летняя старушка и, обливаясь слезами, расспрашивала об одиноком житье-бытье Александра Сергеевича.

Михайловская ссылка — один из наиболее известных читателям периодов жизни великого поэта. Повсюду — и в переписке, и в воспоминаниях И. И. Пущина, и в стихах Пушкина появляется «голубка дряхлая моя», чье «чудное преданье» навсегда запало в душу и, преображенное гигантской работой гения, не раз сверкнуло в творчестве. И сказки, и «Борис Годунов», и «Дубровский», и «Онегин» хранят, пусть порой едва уловимые, следы этой удивительной дружбы поэта с неграмотной старухой, сообщавшей ему сказания старины. Известные строки IV главы «Онегина»:

Но я плоды моих мечтаний  
И гармонических затей  
Читаю только старой няне,  
Подруге юности моей

— содержат как бы несколько планов: здесь и печаль о судьбе, лишившей Пушкина необходимого поэту общества друзей и соратников по литературному делу; и теплое чувство к своему единственному слушателю (между прочим, Пушкин вообще не любил читать стихи перед большой аудиторией; большинство современников слушали его с глазу на глаз); и воспоминание о юности, точнее, отрочестве, тесно связанном с Ариной Родионовной. Друзья Пушкина, постоянно с ним переписывавшиеся или побывавшие в Михайловском, ощущали своеобразную духовную близость поэта с няней. Иначе просто вообразить невозможно, чтобы письмо князя Вяземского заканчивалось: «Родионовне моей поклон в пояс»! Пущин, возвратившись от Пушкина в Москву, тоже не забыл приписать: «Кланяйся няне». Стихи Н. М. Языкова, растроганного заботами Арины Родионовны и удивленного ее своеобразной мудростью, читатель найдет в прилагаемой подборке. Может быть, незаметно для самого себя Пушкин многое извлекал из долгих вечерних бесед с няней. Он записал с ее слов семь сказок.

Сюжетом о царе Салтане воспользовался потом сам, о царе Берендее — подарил Жуковскому. Поэт упоминал множество народных выражений, присловий, прибауток. Они рано или поздно проникали в стихи, в письма: «Экой ты неумичивый, как говорит моя няня», — укорял он Вяземского. В няне Татьяны Лариной, разумеется, воплощены черты Арины Родионовны, но при этом — повторим — не надо забывать об осторожности с прототипами. Пушкин никогда не «фотографировал» окружающих, он лишь получал творческие импульсы от общения с ними (вспомним, например, что няня Татьяны вышла замуж в 13 лет, Арина Родионовна — в 23). Однако и сам автор «Евгения Онегина» называл Арину Родионовну «оригиналом няни Татьяны».

Легко догадаться, как была напугана Арина Родионовна, когда 27 августа 1826 г. Пушкина внезапно, не дав толком собраться, увезли в Псков, а оттуда в Москву. Представьте себе, как из последних сил бежала она знакомой теперь миллионам людей дорогой из Михайловского в Тригорское, спеша рассказать друзьям-соседям Осиповым о том, что приключилось с ее любимцем. Дельвиг словно догадался об этом. Он писал Пушкину: «Душа моя, меня пугает положение твоей няни. Как она перенесла совсем неожиданную разлуку с тобою». Не очень-то бодро перенесла. Один из крестьян рассказывал: «Арина Родионовна растужилась, навзрыд плачет». В начале ноября 1826 г. Пушкин снова был «в своей избе», как любил он называть Михайловское. Оттуда он писал Вяземскому: «Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встреча моей дворни, хамов и моей няни — ей-богу приятнее щекотит сердце, чем слава, наслаждения самолюбия, рассеянности и пр. Няня моя уморительна. Вообрази, что 70-ти лет она выучила наизусть новую молитву *о умилении сердца владыки и укрощении духа его свирепости*, молитвы, вероятно, сочиненной при царе Иване». Нетрудно догадаться, чье сердце хотелось бы «умилить» Арине Родионовне, чью свирепость «укротить». Она молила самодержца о милости к возлюбленному души ее — Александру Сергеевичу. Он был растроган и полон благодарности. Может быть, Анна Петровна

Керн не столь уж преувеличивала, когда утверждала, что поэт никого «истинно не любил кроме няни и сестры»? В 1827 г. Пушкин получил из Михайловского два письма, продиктованных няней (№ 4, 5). «Вы у меня беспрестанно в сердце и на уме», — признавалась она. Александр Сергеевич отвечал ей, но, к сожалению, эти ответы не сохранились.

Читатель знает уже, при каких необычайных обстоятельствах выходила замуж Ольга Сергеевна. Как хозяйку в доме и доброго духа семейства Пушкиных взяла она к себе из деревни Арину Родионовну. В доме Павлищевых, недолго проболев, няня и умерла 31 июля 1828 г. и была похоронена, по-видимому, на Смоленском кладбище. В рукописях Пушкина, относящихся к 1828 г., рядом со стихотворением «Предчувствие» и наброском «Волненьем жизни утомленный» внимание исследователей давно уже привлекли два профиля: портрет девушки в сарафане с косой и повязкой на голове, а рядом голова старушки в повойнике. Есть предположение, что Пушкин в рисунках оплакивал няню, вспоминал ее рассказы о молодых годах, размышлял над ее судьбой.

Память о няне никогда не оставляла поэта. В альманахе «Северные цветы» 1830 года помещен «Зимний вечер», с которого начинается теперь литературное образование каждого русского читателя. В 8-й главе «Онегина» он вместе со своей любимой героиней вспомнил «крест и тень ветвей над бедной нянею моею»; старая нянька Дубровского Орина Егоровна писала письма, удивительно похожие на те, что продиктовала когда-то в Михайловском Арина Родионовна. В 1830 г., перед женитьбой, Пушкин заехал в Захарово, где так и жила с давних пор дочь Арины Родионовны Марья. Он был невесел, прощался с прежней жизнью, вспоминал няню.

Наконец в 1835 г. поэт написал «...Вновь я посетил»:

Вот опальный домик,  
Где жил я с бедной нянею моею.  
Уже старушки нет — уж за стеною  
Не слышу я шагов ее тяжелых  
Ни кропотливого ее дозора.

В черновике после приведенных строк было два варианта продолжения:

1. И вечером при завываньи бури  
Ее рассказов, мною затверженных  
От малых лет, но все приятных сердцу,  
Как шум привычный и однообразный  
Любимого ручья.
2. Не буду вечером под шумом бури  
Внимать ее рассказам, затверженным  
Сыздетства мной — но все приятным сердцу,  
Как песни давние или страницы  
Любимой старой книги, в коих знаем,  
Какое слово где стоит.  
Бывало,  
Ес простые речи и советы  
И полные любви укоризны  
Усталое мне сердце ободряли  
Отрадой тихой...

Какая эпитафия сравнится с этой? Какие еще нужны доказательства и характеристика той роли, которую сыграла неграмотная Арина Родионовна в жизни великого поэта? И не дал ли сам Пушкин ответ тем мемуаристам, которые говорили о «преувеличениях»? «Да будет же ей, этой няне, от лица русского общества вечная благодарная память!» — воскликнул писатель И. С. Аксаков.

\* \* \*

В 1911 г. на о. Капри кто-то из русских, живших в Италии, подарил Алексею Максимовичу Горькому рельефный, вырезанный из кости портрет няни Пушкина Арины Родионовны. До 1891 г. этот портрет хранился в Пскове, а потом в конце концов попал в Италию. Горький, возвратившись на родину, в 1918 г. передал барельеф в Пушкинский дом. Другой ее портрет — живописный — хранится во Всесоюзном музее Пушкина. Совсем недавно в Пскове воздвигнут памятник Пушкину и няне. Это дань всенародной любви...

Миновав город Гатчину Ленинградской области, автобусы сворачивают с Киевского шоссе к селу Кобрину. Сквозь листву тополей и берез смотрит на дорогу двумя окнами дом, где жила Арина Родионовна

Яковлева. На нем мемориальная доска, посвященная няне поэта. История русской литературы не знает другого подобного примера. И только ли русской?

### *Основная литература*

Н. Ульяновский. Няня Пушкина. Л., 1940.

Е. И. Осетров. Шкатулка Арины Родионовны.— В кн.: Е. И. Осетров. Золотой ключ. М., 1977.

Н. И. Грановская. Рисунок Пушкина. Портреты Арины Родионовны.— В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1971. Л., 1973.

В. С. Непомнящий. Поэзия и судьба. М., 1983 (раздел 5-й статьи «Народная тропа», озаглавленный «Мама», посвящен Арине Родионовне).



1

Ах! умолчу ль о мамушке моей,  
О прелести таинственных ночей,  
Когда в чепце, в старинном одеянье,  
Она, духов молитвой уклоня,  
С усердием перекрестит меня  
И шопотом рассказывать мне станет  
О мертвецах, о подвигах Бовы...  
От ужаса не шелохнусь бывало,  
Едва дыша, прижмусь под одеяло,  
Не чувствуя ни ног, ни головы.  
Под образом простой ночник из глины  
Чуть освещал глубокие морщины,  
Драгой антик, прабабушкин чепец  
И длинный рот, где зуба два стучало,—  
Все в душу страх невольный поселяло.  
Я трепетал — и тихо наконец  
Томленье сна на очи упало.  
Тогда толпой с лазурной высоты  
На ложе роз крылатые мечты,  
Волшебники, волшебницы слетали,  
Обманами мой сон обворожали.  
Терялся я в порыве сладких дум;  
В глуши лесной, средь муромских  
пустыней  
Встречал лихих Полканов и Добрыней,  
И в вымыслах носился юный ум...

1816

А. С. Пушкин. «Сон».

2

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Буря мглою небо кроет,  
Вихри снежные крутя;  
То, как зверь, она завоет,  
То заплачет, как дитя,  
То по кровле обветшалою  
Вдруг соломой зашумит,  
То, как путник запоздалый,  
К нам в окошко застучит.

Наша ветхая лачужка  
И печальна, и темна.  
Что же ты, моя старушка,  
Приумолкла у окна?  
Или бури завываньем  
Ты, мой друг, утомлена,  
Или дремлешь под жужжаньем  
Своего веретена?

Выпьем, добрая подружка  
Бедной юности моей,  
Выпьем с горя; где же кружка?  
Сердцу будет веселей.  
Спой мне песню, как синица  
Тихо за морем жила;  
Спой мне песню, как девица  
За водой поутру шла.

Буря мглою небо кроет,  
Вихри снежные крутя;  
То, как зверь, она завоет,  
То заплачет, как дитя.  
Выпьем, добрая подружка  
Бедной юности моей,  
Выпьем с горя; где же кружка?  
Сердцу будет веселей.

1825

А. С. Пушкин.

3

НЯНЕ

Подруга дней моих суровых,  
Голубка дряхлая моя!  
Одна в глуши лесов сосновых  
Давно, давно ты ждешь меня.  
Ты под окном своей светлицы  
Горюешь, будто на часах,  
И медлят поминутно спицы  
В твоих наморщенных руках.  
Глядишь в забытые ворота  
На черный отдаленный путь:  
Тоска, предчувствия, заботы  
Теснят твою всечасно грудь,  
То чудится тебе . . . . .

1826

А. С. Пушкин.

4

Милостивый государь, Александр Сергеевич, имею честь поздравить вас с прошедшим новым годом и с новым счастьем. И желаю я тебе, любезному моему благодетелю, здоровья и благополучия. А я вас уведомляю, что я была в Петербурге и о вас никто не может знать, где вы находитесь; и твои родители о вас соболезнуют, что вы к ним не приедете. А Ольга Сергеевна к вам писала при мне с одною дамою, вам известной. А мы, батюшка, от вас ожидали письма, когда вы прикажете привозить книги, но не могли дожждаться, то и вознамерились по вашему старому приказу отправить: то я и посылаю больших и малых книг счетом — 134 книги; Архипу дают денег 90 рублей. При сем, любезный друг, я целую ваши ручки с позволения вашего сто раз и желаю вам то, чего и вы желаете, и пребуду к вам с искренним почтением.

*Арина Родионовна. 30 января 1827.*

## 5

## Любезный мой друг

Александр Сергеевич, я получила ваше письмо и деньги, которые вы мне прислали. За все ваши милости я вам всем сердцем благодарна — вы у меня беспрестанно в сердце и на уме, и только, когда засну, то забуду вас и ваши милости ко мне. Ваша любезная сестрица тоже меня не забывает. Ваше обещание к нам побывать летом меня очень радует. Приезжай, мой ангел, к нам в Михайловское, всех лошадей на дорогу выставлю. Наши Петербургские летом не будут, они едут непременно в Ревель. Я вас буду ожидать и молить бога, чтоб он дал нам свидеться. Праксovia Александровна приехала из Петербурга. Барышни вам кланяются и благодарят, что вы их не позабываете, но говорят, что вы их рано поминаете, потому что они, слава богу, живы и здоровы. Прощайте, мой батюшка, Александр Сергеевич. За ваше здоровье я просвиру вынула и молебен отслужила, поживи, дружок, хорошенько, самому слюбится. Я, слава богу, здорова, целую ваши ручки и остаюсь вас многолюбящая няня ваша Арина Родионовна.

6 марта 1827.

## 6

Ты знаешь, что я не корчу чувствительность, но встреча моей дворни, хамов и моей няни — ей-богу приятнее щекотит сердце, чем слава, наслаждения самолюбия, рассеянности и пр. Няня моя уморительна. Вообрази, что 70-ти лет она выучила наизусть новую молитву *о умилении сердца владыки и укрощении духа его свирепости*, молитвы, вероятно, сочиненной при царе Иване. Теперь у ней попы дерут молебен и мешают мне заниматься делом.

Пушкин — П. А. Вяземскому. 9 ноября 1826.

## 7

В Михайловском нашел я всё по-старому, кроме того, что нет уж в нем няни моей, и что около знакомых старых сосен поднялась, во время моего отсутствия, молодая сосновая семья, на которую досадно мне смотреть, как иногда досадно мне видеть молодых кавалергардов на балах, на которых уже не пляшу. Но делать нечего; всё кругом меня говорит, что я старею, иногда даже чистым русским языком. Например, вчера мне встретилась знакомая баба, которой не мог я не сказать, что она переменялась. А она мне: да и ты, мой кормилец, состарелся да и подурнел. Хотя могу я сказать вместе с покойной няней моей: хорош никогда не был, а молод был. Всё это не беда; одна беда: не замечай ты, мой друг, того, что я слишком замечаю. Что ты делаешь, моя красавица, в моем отсутствии?

*Пушкин — Н. Н. Пушкиной. 25 сентября 1835.*

## 8

Арина Родионовна была родом из с. Кобрина, лежащего верстах в шестидесяти от Петербурга. Кобринно принадлежало деду Александра Сергеевича по матери, Осипу Абрамовичу Ганнибалу, и находилось верстах в пяти от Суйды, деревни брата его, Ивана Абрамовича. Когда Марья Алексеевна, бабушка Александра Сергеевича, супруга Осипа Абрамовича, вступив во владение Кобрином, продала его в 1805 году г. Цыгареву и купила под Москвою, верстах в сорока у г-жи Тиньковой, сельцо Захарово, то при этом случае отпустила на волю Арину Родионовну с двумя сыновьями и двумя дочерьми, в числе которых была и Марья, упоминаемая в «Москвитянине». Эта Марья тогда же привезена была в Захарово и вскоре, по желанию ее матери, отдана замуж за одного из зажиточных крестьян захаровских. Между тем родился Лев Сергеевич, и Арине Родионовне поручено было ходить за ним: так она сделалась общею нянею. Она и слы-

шать не хотела, когда Марья Алексеевна, продавая в 1811 году Захарово, предлагала выкупить все семейство Марьи: «На что вольная, матушка; я сама была крестьянкой»,—повторяла она. Была она настоящею представительницею русских нянь; мастерски говорила сказки, знала народные поверья и сыпала пословицами, поговорками. Александр Сергеевич, любивший ее с детства, оценил ее вполне в то время, как жил в ссылке, в Михайловском. Умерла она у нас в доме, в 1828 году, лет семидесяти с лишком от роду, после кратковременной болезни.

*О. С. Павлицева. Воспоминания...*

9

Старшая у них была дочь Ольга Сергеевна, а он уж потом, а еще были Миколай Сергеич и Лев Сергеич; Лев Сергеич самой маханькой.

— Мать-то твоя за всеми и ходила?

— Нет, только выкормила Ольгу Сергеевну, а потом уж к Александру Сергеичу была в няни взята.

— Она из этой деревни и была?

— Нет, мы за Гатчиной — наше место-то, Суйда прозвище, Ганнибаловская вотчина была, там они все допреж того и жили: и Осип Абрамыч, и Петр Абрамыч, и еще один, не помню как звали... один-от совсем арап, Петр Абрамыч, совсем черный... вот оттуда нашу семью-то и взяли сперва в Кобрино, надо быть вотчину Пушкиных, а оттуда в Петербург, к Александру Сергеичу-то...

Записано со слов дочери Арины Родионовны.

10

— А няню его помнишь? Правда ли, что он ее очень любил?

— Арину-то Родионовну? Как же еще любил-то, она у него вот тут и жила. И он все с ней, коли дома. Чуть встанет утром, уже и бежит ее глядеть: «здоро-

ва ли, мама?» — он ее все мама называл. А она ему, бывало, эдак нараспев (она ведь из-за Гатчины была у них взята, с Суйды, там эдак все певком говорят): «батюшка ты, за что меня все мамой зовешь, какая я тебе мать».

— Разумеется, ты мне мать: не то мать, что родила, а то, что своим молоком вскормила.— И уже чуть старуха занеможет там, что ли, он уже все за ней.

— А правда ли, Петр, что Александр Сергеевич читывал няне свои стихи и сам любил слушать ее сказки?

— Да, да, это бывало: сказки она ему рассказывала, а сам он ей читал ли что, не запомню: только точно, что он любил с ней толковать. Днем-то он мало дома бывал; все больше в Тригорском, у Парасковьи Александровны у Осиповой-то, что вот прошлым годом померла. Там он все больше время проводил: уйдет туда с утра, там и обедает, ну а к ночи уж всегда домой.

*П. Парфенов. Рассказы о Пушкине,  
записанные К. А. Тимофеевым.*

## 11

1-го или 2 сентября 1826 года Пушкин был у нас; погода стояла прекрасная, мы долго гуляли; Пушкин был особенно весел. Часу в 11-м вечера сестры и я проводили Александра Сергеевича по дороге в Михайловское... Вдруг рано на рассвете является к нам Арина Родионовна, няня Пушкина... Это была старушка чрезвычайно почтенная — лицом полная, вся седая, страстно любившая своего питомца, но с одним грешком — любила выпить... Бывала она у нас в Тригорском часто, впоследствии у нас же составляла те письма, которые она посылала своему питомцу.

На этот раз она прибежала вся запыхавшись; седые волосы ее беспорядочными космами спадали на лицо и плечи; бедная няня плакала навзрыд. Из расспросов ее оказалось, что вчера вечером, незадолго до прихода Александра Сергеевича, в Михайловское при-

скакал какой-то — не то офицер, не то солдат (впоследствии оказалось фельдъегерь). Он объявил Пушкину повеление немедленно ехать вместе с ним в Москву. Пушкин успел только взять деньги, накинуть шинель, и через полчаса его уже не было. «Что ж, взял этот офицер какие-нибудь бумаги с собой?» — спрашивали мы няню. «Нет, родные, никаких бумаг не взял, и ничего в доме не ворошил; после только я сама кой-что поуничтожила». «Что такое?» — «Да сыр этот проклятый, что Александр Сергеевич кушать любил, а я так терпеть его не могу, и дух-то от него, от сыра-то этого немецкого, такой скверный».

*М. И. Осипова.* Рассказы о Пушкине, записанные М. И. Семевским.

## 12

Если случалось оставаться ему одному дома без дела и гостей, Пушкин играл двумя шарами на бильярде сам с собой, а длинные зимние вечера проводил в беседах с няней Ариной Родионовной. Он посвящал почтенную старушку во все тайны своего гения. К несчастью, мы ничего не знаем, что думала няня о стихотворных забавах своего питомца.

Но я плоды моих мечтаний  
И гармонических затей  
Читаю только старой няне,  
Подруге юности моей.

*(Глава IV, Ев. Онег.)*

Арина Родионовна была посредницей, как известно, в его сношениях с русским сказочным миром, руководительницей его в узнании поверий, обычаев и самых приемов народа, с каким подходит он к вымыслу и поэзии. Александр Сергеевич отзывался о няне, как о последнем своем наставнике, и говорил, что этому учителю он много обязан исправлением недостатков своего первоначального, французского воспитания. Простонародный рассказ: *Жених*, остается блестящим результатом этих сношений между поэтом и бывалой старушкой.

*П. В. Анненков.*



13

К НЯНЕ А. С. ПУШКИНА

Свет Родионовна, забуду ли тебя?  
В те дни, как сельскую свободу возлюбя,  
Я покидал для ней и славу, и науки,  
И немцев, и сей град профессоров и скуки,—  
Ты, благодатная хозяйка сени той,  
Где Пушкин, не сражен суровою судьбой,  
Презрев людей, молву, их ласки, их измены,  
Священнодействовал при алтаре Камены,—  
Всегда приветами сердечной доброты  
Встречала ты меня, мне здравствовала ты,  
Когда чрез длинный ряд полей, под зноем лета,  
Ходил я навещать изгнанника — поэта,  
И мне сопутствовал приятель давний твой,  
Ареевых наук питомец молодой.  
Как сладостно твое святое хлебосольство  
Нам баловало вкус и жажды своевольство;  
С каким радушием — красою древних лет —  
Ты набирала нам затейливый обед!  
Сама и водку нам, и брашна подавала,  
И соты, и плоды, и вина уставляла  
На милой тесноте старинного стола!  
Ты занимала нас — добра и весела —  
Про стародавних бар пленительным рассказом:  
Мы удивлялися почтенным их проказам,  
Мы верили тебе — и смех не прерывал  
Твоих бесхитростных суждений и похвал;  
Свободно говорил язык словоохотный,  
И легкие часы летели беззаботно!

1827

*Н. М. Языков.*

14

НА СМЕРТЬ НЯНИ А. С. ПУШКИНА

Я отыщу тот крест смиренный,  
Под коим, меж чужих гробов,

Твой прах улегся, изнуренный  
Трудом и бременем годов.  
Ты не умрешь в воспоминаньях  
О светлой юности моей  
И в поучительных преданьях  
Про жизнь поэтов наших дней.

Там, где на дол с горы отлогой  
Разнообразно сходит бор  
В виду реки и двух озер  
И нив с извилистой дорогой,  
Где, древним садом окружен,  
Господский дом уединенный  
Дряхлеет, памятник почтенный  
Елисаветиных времен,—

Нас, полных юности и вольных,  
Там было трое: два певца,  
И он, краса ночей застольных,  
Кипевший силами бойца;  
Он, после кинувший забавы,  
Себе избравший ратный путь  
И осветивший в поле славы  
Свою студенческую грудь.

Вон там — обоями худыми  
Где-где прикрытая стена,  
Пол нечинённый, два окна  
И дверь стеклянная меж ними;  
Диван под образом в углу,  
Да пара стульев; стол украшен  
Богатством вин и сельских брашен,  
И ты, пришедшая к столу!

Мы пировали. Не дичилась  
Ты нашей доли — и порой  
К своей весне переносилась  
Разгоряченную мечтой;  
Любила слушать наши хоры,

Живые звуки чуждых стран,  
Речей напоры и отпоры  
И звон стакана об стакан!

Уж гасит ночь свои светила,  
Зарей алеет небосклон;  
Я помню, что-то нам про сон  
Давным-давно ты говорила.  
Напрасно! Взял свое токай,  
Шумней удаляя пирушка,  
Садись-ка, добрая старушка,  
И с нами бражничать давай!

Ты Расскажи нам: в дни былые,  
Не правда ль, не на эту стать  
Твои бояре молодые  
Любили ночи коротать?  
Не так бывало! Слава богу!  
Земля вертится. У людей  
Всё коловратно; понемногу  
Всё мудреней и мудреней.

И мы... Как детство шаловлива,  
Как наша молодость вольна,  
Как полнолетие умна,  
И как вино красноречива,  
Со мной беседовала ты,  
Влекла мое воображенье...  
И вот тебе поминовенье,  
На гроб твой свежие цветы!

Я отыщу тот крест смиренный,  
Под коим, меж чужих гробов,  
Твой прах улегся, изнуренный  
Трудом и бременем годов.  
Пред ним печальной головою  
Склонюся; много вспомню я —  
И умиленную мечтою  
Душа разнежится моя!



Лицейское братство — самая светлая глава биографии Пушкина. Куда бы «ни бросила судьбина» лицейстов первого выпуска, куда бы их «счастье ни повело», они всегда обращались мыслью и сердцем к своему царскосельскому отечеству, к тем шести годам, когда в учении и чтении, в шалостях и забавах, в дружбе и ссорах создавалась личность каждого из них. Формировалось и мировоззрение — тот дух свободы, без которого не могло быть у нас ни величайшего национального поэта Пушкина, ни самоотверженных революционеров-декабристов Пуштина и Кюхельбекера. В 1826 г. агент III Отделения Булгарин доносил императору, что именно в Лицее «начали читать все запрещенные книги, там находился архив всех рукописей, ходивших тайно по рукам, и наконец пришло к тому, что если надлежало отыскать что-либо запрещенное, то прямо относились в Лицей».

В жизни Пушкина лицейская дружба оставила неизгладимые следы. В 1826 г. он написал о Пушине: «мой первый друг, мой друг бесценный», как пишут и думают о первой, незабываемой любви. Нет, даже больше, чем о первой любви, ибо «она прошла... но с первыми друзьями // Не резвою мечтой союз твой заключен // Пред грозным временем, пред грозными судьбами // О милый, вечен он!». Это было сказано еще раньше — в 1817 г. А в день смерти Пушкин горь-

ко пожалел, что нет рядом Пушкина и Малиновского...

В одном из писем поэт-декабрист К. Ф. Рылеев заметил: «Кто любит Пушкина, тот уж непременно сам редкий человек». Может быть, Рылеев был не совсем прав? Пушкина любили чуть ли не все, кто с ним в тех или иных жизненных обстоятельствах соприкасался. Что же — все они редкие люди? Нет, мысль Рылеева несколько иная: общаясь с благороднейшим из благородных Иваном Ивановичем Пушным, любой человек словно сбрасывает с себя шелуху трусости, корысти, мелочного тщеславия и подлого страха; в каждом обнажаются тогда лучшие, благородные струны души, как бы долго они ни молчали. Вот что такое Пушкин! Вот почему Пушкин «судьбу благословил», встретившись с ним в Михайловском, вот почему звал его в свой последний час.

Такие люди, как Пушкин, воистину редкие: они ничего не хотят для себя и умеют не бравировать этим. Небывалое хладнокровие и острый ум Пушкина сбивали с толку членов Следственного комитета по делам декабристов, обезоруживали тюремщиков в Петропавловской крепости, в Шлиссельбурге, в Сибири; вливали силы в измученных декабристов. 31 год провел Иван Иванович Пушкин в тюрьме, на каторге, в ссылке, а когда воротился, все, кто способен был видеть, заметили, что духом он нисколько не постарел, ничем не поступился, ни перед какой бедой не опустил голову, ни на иоту не потерял прежней доброты и остроты ума. Либеральничающим чиновникам он в 1856 г. сказал: «Ну так составьте маленькое тайное общество!» Рылеев был совершенно прав: кто способен полюбить Пушкина, тот не потерял лучших свойств души и, значит, достоин звания «редкого» человека.

Десятки книг написаны о пушкинском Лицее, тысячи (без преувеличения!) статей и публикаций посвящены отношениям поэта с его соучениками, личности и общественной позиции каждого из них, но интерес к этой теме не уменьшается, а растет, и все время сохраняется ощущение, что многое еще не найдено, не досказано, не прояснено. В 1982 г. Издательство политической литературы выпустило в серии «Плменные революционеры» тиражом 300 тысяч

экземпляров повесть Н. Я. Эйдельмана «Большой Жанно». По существу, это первая современная работа, специально посвященная личности Ивана Ивановича Пущина. К этой книге мы адресуем читателя, интересующегося подробностями удивительной жизни декабриста (оговорившись, правда, что речь идет о произведении художественном, а не строго документальном). Здесь же расскажем коротко о самых основных событиях биографии Пущина и о дружбе его с Пушкиным.

\* \* \*

В семье генерал-лейтенанта, генерал-интенданта флота, а потом сенатора Ивана Петровича Пущина и жены его Анастасии Ивановны (урожденной Рябининой) было 12 детей. Все они выжили и вели обычную для отпрысков древнего, пусть и обедневшего, дворянского рода жизнь: дочери вышли замуж за людей знатных и состоятельных, сыновья достигли немалых чинов\*. Даже младший сын Михаил, хотя и участвовал в Декабрьском восстании и был сослан рядовым на Кавказ, но скоро отличился в сражениях, был произведен в офицеры, а потом и до генерала дослужился. Только Иван Иванович дальше прапорщика, поручика, а потом коллежского асессора — судьи в Московском надворном суде (совершенно небывалое дело для человека такого происхождения) не пошел и... стал известен всей России.

Старый адмирал, дед Пущина, Петр Иванович в 1811 г. самолично определил внука в Лицей. Между прочим, встречали его куда любезней, чем мало кому известного стихотворца Василия Пушкина с племянником\*\*. Но сами «абитуриенты» (как мы бы их теперь назвали) сразу же подружились и те два месяца, что отделяли вступительные экзамены от открытия

---

\* Только старший брат Ивана Ивановича Петр Пущин пал за родину в войне 1812 года.

\*\* Некоторое сходство фамилий: Пушкин и Пущин приводило к тому, что их часто принимали за родственников. Последним ошибся, кажется, император Николай I: допрашивая арестованного в декабре 1825 г. Пущина, он «обвинил» его в родстве с Пушкиным.

Лицея, провели вместе, гуляя в Летнем саду и развлекаясь в доме на Мойке, где квартировал Василий Львович с племянником. *Первый* лицейский друг был обретен. Он оказался *бесценным*.

Учился Пушкин прекрасно. Профессор российского и латинского классов Н. Ф. Кошанский дал ему такую аттестацию: «Иван Пушкин, один из тех немногих, кои при счастливых способностях отличаются редким прилежанием. Он соединяет понятливость с рассуждением и, кажется, лучше ищет твердых, нежели блистательных успехов, которые в обоих языках приобретены им в высшей и лучшей степени». Профессор французской литературы Де Будри утверждал: «Пушкин. Всегда превосходный ученик. Ему, может быть, не хватает живости воображения, но его успехи в учении весьма примечательны». Историк и географ И. Кайданов не расходится с этими выводами: «Иван Пушкин. Дарований очень хороших, уроки слушает всегда с особенным вниманием, а посему оказывает весьма хорошие успехи. В поведении благодетелен». Лицейские прозвища, данные ему товарищами, были Иоанн Великий, или эквивалент того же имени — Большой Жанно. В литературных журналах, чаще всего юмористических, Пушкин почти не участвовал, но одним из первых поместил свои переводы в настоящем журнале — «Вестнике Европы» (1814). Пушкин считал, что русским языком Большой Жанно владеет превосходно. Лучше всего его друг доказал это в своих «Записках о Пушкине».

С особенным вниманием, может быть большим, чем его товарищи, слушал Пушкин курс естественного права, который читал в Лицее профессор Александр Петрович Куницын. Пушкин написал о роли Куницына в гражданском воспитании лицеистов (и многих будущих декабристов) хорошо известные строки:

Куницыну дань сердца и вина!  
Он создал нас, он воспитал наш пламень,  
Поставлен им краеугольный камень,  
Им чистая лампада возжена...

Мысль Куницына о том, что «все люди как нравственные существа между собою совершенно равны, ибо все имеют одинаковую природу, из которой проис-

текают общие права человечества», настолько запала в душу Ивана Пущина, что он отдал воплощению ее в реальность всю свою жизнь без остатка. Такой человек, как Пущин, стремившийся быть полезным не себе, а всем, неизбежно должен был рано или поздно войти в смертельное столкновение с несправедливостью власть имущих. Он не мог не оказаться среди декабристов. Уже в 1814 г. Пущин стал членом Священной артели — одной из первых преддекабристских организаций. Отсюда был прямой путь и в Союз спасения — Общество истинных и верных сынов отечества. Вместе с Пущиным собрания Священной артели посещали А. А. Дельвиг, В. К. Кюхельбекер, В. Д. Вольховский (тоже будущий декабрист). Так что Пущин, еще не выйдя из отроческих лет, уже вступил на опасный путь тайного служения истинной пользе народной.

В числе немногих лицейстов Пущин был выпущен не в статскую, а в военную службу — офицером в гвардию. Никто из близких и друзей не усмотрел в этом ничего удивительного — стройный красавец, один из первых на кавалерийских занятиях, проводившихся в Лицее (здесь, между прочим, и Пушкин не отставал), Пущин обещал стать блестящим гвардейским офицером. Соученики его, правда, шутили в одной из так называемых национальных песен Лицея:

Не тужи, любезный Пущин,  
Будешь в гвардию ты пущен...  
Мы ж нули, мы нули,  
Ай люли, люли, люли.

Но неподдельное глубокое уважение товарищей сопровождало Большого Жанно чуть не с детских лет. Он был для лицейстов живым олицетворением справедливости, правды и высокого ума. К нему невозможно было даже применить известную лицейскую прибаутку, которой чугунники \* охотно потчевали друг друга: «Ах, братец, если бы ты был столь же умен, насколько глуп, — мудрее тебя, братец, не найти

---

\* К выпуску 1-го курса каждый лицейст получил чугунное кольцо на память. Они всю жизнь так и называли сами себя: «чугунники».



на целом свете». Пущин стоял чуть-чуть особняком: лицейское братство было ему близко, лицейское панибратство не всегда. Но всего ближе был ему будущий паролъ декабристов: «честь, польза, Россия».

Карьера его ждала скорая и надежная. За пять лет службы (1817—1822) конногвардеец Пущин дважды повышался в чинах, был на отличном счету и радовал отца-сенатора. Между тем в нем кипела духовная работа, которая сделала Ивана Ивановича Пущина одним из руководителей декабристского движения. Немалую пользу принес он еще в гвардии, исповедуя и распространяя дух свободомыслия и антимонархизма. А в самом начале 1823 г., воспользовавшись совершенно незначительным случаем (великий князь Михаил Павлович сделал ему замечание по форме одежды), Пущин подал в отставку и заявил, что собирается служить... кварталным надзирателем. Иначе говоря, выпускник самого привилегированного учебного заведения в России, вчерашний офицер лейб-гвардии вздумал занять всеми презираемую низшую полицейскую должность. Своим примером Пущин хотел подтвердить слова А. Н. Радищева о том, что для благородного человека «нет низкого состояния в служении отечеству». Огромное семейство Пущиных («Пуща», как их шутя называли) взволновалось, засуетилось, и сестры уговорили брата изменить невероятное решение: он поступил сначала в петербургскую уголовную палату, а через несколько месяцев — в Московский надворный суд. В этой инстанции обычно разбирались дела людей малоимущих и далеких от высших кругов общества; в надворном суде можно было пытаться оказывать действительную помощь несправедливо обиженным. Зная характер и твердость духа Пущина, можно с уверенностью сказать, что не из пустячной обиды покинул он гвардию и не из желания угодить родным не пошел в кварталные. Он служил тайному обществу и готов был делать все, что необходимо для осуществления революционных замыслов. Среди гвардейских офицеров тайное общество уже пустило к тому времени корни. Одной из задач декабристов стало теперь проникновение в административный аппарат на разных уровнях. Рылеев был одно время заседателем петербургской палаты уголов-

ного суда, Пущин сделался надворным судьей в Москве. При этом по своим связям, родственным и лицейским, он был вхож в светские салоны древней столицы и обласкан московским генерал-губернатором. Поистине: «кто любит Пущина, тот уж непременно сам редкий человек». Переход из гвардейцев в приказные для всякого другого был бы общественным скандалом. У Пущина все иначе. Пушкин понял это. В одном из черновых вариантов стихотворения «Мой первый друг...» он писал:

Ты победил предрассужденья  
И от признательных граждан  
Умел истребовать почтенья,  
В глазах общественного мненья  
Ты возвеличил темный сан.

Один из приятелей Пущина резюмировал всю ситуацию так: «Пущин, первый честный человек, который сидел когда-либо в русской казенной палате».

За шесть дней до восстания Пущин, с трудом выпросив отпуск у московского генерал-губернатора Д. В. Голицына, приехал в Петербург. Он участвовал в приготовлениях к выходу на Сенатскую площадь, в совещаниях думы, руководившей восстанием на квартире у Рылеева. Через брата Михаила, капитана лейб-гвардии Конно-пионерного эскадрона, он стремился обеспечить декабристам поддержку солдат. Не сторонник цареубийства, он был одним из самых последовательных революционеров, выступавших за насильственное введение конституционного правления и за арест царской семьи. Перед восстанием он писал в Москву: «случай удобен: ежели мы ничего не предпримем, то заслуживаем во всей силе имя подлецов».

Иногда пишут, что Пущин был неколебимо уверен в успехе восстания, которое будет совершено силами верных декабристам войсковых частей. Между тем он, как и Рылеев, знал, что планы восставших уже известны во дворце, что многие части ненадежны, что избранный диктатором С. П. Трубецкой колеблется. Вернее будет сказать, что убежденный в категорической необходимости выйти самим и вывести солдат на площадь в назначенный день и час, Пущин подавал

пример выдержки и твердости даже в те минуты, когда восстание было уже обречено. Он привык во всех случаях брать на себя самое трудное и полагал, как пишет современный его биограф, что «нельзя сидеть сложа руки и сибаритствовать на том основании, что плетью обуха не перешибешь».

14 декабря на площади Пущин принял командование теми частями, командиры которых трусили и спрятались. При этом он обнаружил недурное знание военных приемов и, вовремя подав нужную команду, спас от гибели многих солдат. Он оставался на площади до картечных выстрелов и покинул ее одним из последних. Бывший на нем плащ деда-адмирала оказался простреленным в нескольких местах.

Брата Михаила схватили 15 декабря утром. С Иваном вышло иначе: в суматохе его вообще сочли возвратившимся в Москву. Полетело предписание Николая I московскому генерал-губернатору «перехватить некоего Пущина... который, быв в шайке, скрылся. Он первейший злодей из всех и если удалось ему уехать к вам, то верно не без намерений». «Первейший злодей» между тем в родительском доме готовился к аресту. Он не последовал примеру Александра Бестужева и не явился с повинной, хотя понимал, что такая акция может облегчить его участь (это было бы не по-пущински — виниться в том, в чем виноватым себя не считаешь); он не поступил и так, как Кюхельбекер, пытавшийся бежать за границу. Возможность такая была: лицейский товарищ, умный и осторожный дипломат, будущий министр иностранных дел князь А. М. Горчаков, позабыв из любви к Пущину всякую осторожность («редкий» человек!), привез ему заграничный паспорт и деньги, умоляя не терять ни минуты. Пущин отказался: не в его обычаях спасаться бегством, когда гибнут друзья. Согласиться с Горчаковым значило для него предать Рылеева. Верность принципам стоила ему 31 года тюрьмы, каторги и ссылки. Успев сжечь многие бумаги и передать портфель с теми, что хотел обязательно сохранить, лицейскому директору Е. А. Энгельгардту, Пущин 17 декабря предстал перед приехавшими за ним посланцами Следственного комитета. На допросах он был лаконичен, никого не называл, соглашаясь говорить только

о своих собственных намерениях и действиях. Он выгораживал (порой против очевидности) всех, о ком у него пытались получить сведения. Почти никто из декабристов не проявил на допросах такой последовательности и такого самообладания, как Пущин. За то и попал он в «государственные преступники первого разряда, осуждаемые к смертной казни отсечением головы». Обоснование этой «гуманной меры» выглядело так: «Коллежский асессор Пущин. Участвовал в умысле на цареубийство одобрением выбора лица к тому предназначенного \*, участвовал в управлении общества, принимал членов \*\* и давал поручения; лично действовал в мятеже и возбуждал нижних чинов». Когда зачитывали приговор, Пущин, услышав слово «суд», спросил: «Разве нас судили?»...

Смертная казнь была заменена 20 годами каторги и затем — вечным поселением в Сибири. Больше полутора лет провел он в Шлиссельбургской крепости, потом был отправлен на каторгу в Читу.

\* \* \*

Необычной по своему историческому сюжету была дружба этих двух людей. «Шесть лет соединенья» в Лицее (№ 13 — Иван Пущин, № 14 — Александр Пушкин). Затем, в 1817—1819 гг., довольно редкие встречи в Петербурге у общих знакомых — чаще всего у Дельвига, братьев Тургеневых. Наконец единственный день, проведенный вместе, — 11 января 1825 г., когда Пущин первым из друзей Пушкина посетил «поэта дом опальный» в Михайловском. И все. Больше они никогда не виделись. 11 лет Пушкин знал, что Пущин заживо похоронен «в мрачных пропастях земли». Но дружба не слабела:

Молю святос провиденье:  
Да голос мой душе твоей  
Дарует то жс утешенье,

---

\* На квартире Рылеева обнял Каховского, когда тот объявил, что будет стрелять в Николая I.

\*\* Единственным человеком, принятым в общество лично Пущиным, был Рылесв.

Да озарит он заточенье  
Лучом лицейских ясных дней.

С 1837 года настал черед Пушкина одному за двоих хранить верность старой дружбе. Он словно и не считал Пушкина мертвым, непрестанно обращаясь памятью к лицейским годам, к михайловскому свиданию; допытываясь у кого только мог подробностей жизни поэта в те годы, которые сам провел в тюрьме и на каторге; добывая не известные ему прежде стихи Пушкина, письма, прозу и как бы второй раз узнавая лицейского товарища. Только в 1855 г. он, например, получил возможность прочитать «Арион» («Нас было много на челне»), напечатанный еще в 1830-м. «С особенным чувством читаю и перечитываю его», — писал он.

В 1840 году Пущин написал И. В. Малиновскому: «Если бы при мне должна была случиться несчастная его история... я бы нашел средство сохранить поэта-товарища, достояние России». Этот человек слов на ветер не бросал.

Влияние личности и образа мыслей Пущина на Пушкина, начавшееся еще в Лицее, очень значительно. Большой Жанно не раз охлаждал горячую голову темпераментного Француза, которого в Лицее звали ведь еще и «помесью Обезьяны с Тигром». Верный своему характеру, Пущин никогда, с отроческих лет, не боялся сказать другу правду. У Пушкина нет случайных строк, и если он писал в 1814 г., обращаясь к Пущину:

Товарищ милый, друг прямой,  
Тряхнем рукою руку,  
Оставим в чаше круговой  
Педантам сродну скуку:  
Не в первый раз мы вместе пьем,  
Нередко и бранимся,  
Но чашу дружества нальем —  
И тотчас помиримся,

то за этим скрывалось вполне реальное содержание. «Друг прямой» не останавливался перед критикой, а отсюда и «размолвки дружества», всегда кончавшиеся «сладостью примиренья». «Пушкин, как известно, не любил выслушивать морали — но Пущин с первых

лет умел с ним ладить», — подмечает Н. Я. Эйдельман. Впрочем, в «Записках о Пушкине» все это выражено с достаточной полнотой и тактом. Столь же несомненно и велико влияние Пушкина на Пущина: огромный талант, глубокий ум, острота чувств, доброе сердце — все это могло оставить равнодушной личность мелкую, но такого человека, как Пущин, покорило навсегда. Бесспорно, что под влиянием Пушкина Пущин развил и свой литературный вкус, который впоследствии признавали безупречным, и тонкое чувство юмора, и ироничность.

Многие исследователи справедливо отмечают, что судьба Пушкина отчасти была определена Пущиным: стоило ему на каком-либо этапе вовлечь поэта в тайное общество, открыть ему цели и намерения заговорщиков, как Пушкин загорелся бы всей душой и круто изменил бы свою жизнь. Пущин не сделал этого в 1817—1819 гг. Последний такой шанс представился в Михайловском 11 января 1825 г. Но Пущин скорее всего снова поберег друга.

Свидание в Михайловском — это вообще один из самых драматичных моментов в жизни № 13-го и № 14-го первого выпуска Лицея. А. И. Тургенев и В. Л. Пушкин предостерегали Пущина от поездки к ссыльному, которая могла вызвать неудовольствие властей. Но Пущин непременно хотел повидать Пушкина. Теперь невольно напрашивается мысль, что он провидел будущее и приезжал проститься. Трудно даже представить себе, как успели они за одни неполные сутки о стольком переговорить, столько прочесть, столько передумать вместе. Можно понять положение исследователей, которые во что бы то ни стало пытаются выяснить: что же именно было сказано в тот день? Но, сопоставив различные обстоятельства и свидетельства, казалось бы, о многом догадываясь, все же останавливаются перед неоткрытой тайной. Во всех подробностях об этой беседе знали только двое ее участников. Пушкин подробно о ней не рассказывал. Пущин в «Записках» 1858 г. тоже далеко не все мог и не все хотел сказать. В мемуарах одного из декабристов мелькнуло сообщение о том, что Пущин, собираясь в Петербург в декабре 1825 г., вызвал Пушкина письмом. Мемуарист (Н. И. Лорер) ссыла-

ется при этом на Льва Сергеевича Пушкина, который знал о письме Пушина. В самом деле, есть много данных за то, что так оно и было. Существует рассказ С. А. Соболевского со слов Пушкина (см. Очерк и подборку материалов в т. II) о несостоявшейся поездке поэта в Петербург перед восстанием; известно, что Пушкин собирался остановиться у Рылеева — такой совет мог дать ему именно Пушин. Все косвенные свидетельства есть, нет только прямого — самого письма. И потому будут новые догадки, новые аргументы. В 1930-х годах некоторые пушкинисты безапелляционно утверждали, что Пушин рассказал Пушкину о тайном обществе и вызвал его в Петербург для участия в восстании. Но пушкиноведческая наука идет вперед, и в 1979 г. Н. Я. Эйдельман в работе «Пушкин и декабристы», основанной на скрупулезном исследовании множества источников, не решается подтвердить этот категорический вывод. Парадокс здесь кажущийся: чем больше мы узнаем о Пушкине, тем заметнее становятся белые пятна отсутствующих документов, тем ненадежнее выглядят скороспелые заключения.

В тот день, 11 января, читали они и обсуждали «Горе от ума», привезенное Пушиным; Пушкин продиктовал Пушину отрывок «Цыган»; обсуждали рылеевские «Думы»... Не забыт был и Лицей: Пушкин, от всех оторванный, потребовал рассказа о товарищах. И все же главная тема была та, что раскрывалась не впрямую, а намеками — о тайном обществе, о будущем России. Пушин привез Пушкину письмо Рылеева и многое передал от него на словах («Пушин познакомит нас короче», — писал Рылеев). Как бы остроумны и талантливы ни были «реконструкции» этой встречи, предпринимаемые пушкинистами, Пушкин и Пушин слишком близкие друзья и слишком самобытные люди, чтобы мы теперь могли догадаться обо всем. Тайна останется.

19 октября 1825 г. Пушкин вспоминал об этом свидании:

...Поэта дом опальный,  
О Пушин мой, ты первый посетил;  
Ты усладил изгнанья день печальный,  
Ты в день сего Лицея превратил.

Когда Пушкина освободили из ссылки, Пущин был уже в Шлиссельбургском каземате. 16 января 1827 г. через жену декабриста А. Г. Муравьеву Пушкин послал № 13-му стихотворение «Мой первый друг...». Пущин получил этот дорогой подарок только 5 января 1828 г.— в день приезда в Читу. В 1841 г. через своего знакомого П. П. Ершова, автора знаменитого «Конька-горбунка», Пущин переправил стихотворение «Мой первый друг...» в Петербург, в журнал «Современник». 19 октября 1827 г. поэт пожелал лицейстам:

Бог помочь вам, друзья мои,  
И в бурях, и в житейском горе,  
В краю чужом, в пустынном море  
И в мрачных пропастях земли!

Последняя строка обращена к Пущину и Кюхельбекеру. Директор Лицея Е. А. Энгельгардт переслал эти строки Пущину.

Разжалованный в солдаты Михаил Пущин сражался в Персидской и Турецкой кампаниях. 25 августа 1829 г. он писал старшему брату из Кисловодска: «Лицейский твой товарищ Пушкин, который с пикой в руках следил турок перед Арзрумом, по взятии оно-го возвратился оттуда и приехал ко мне на воды — мы вместе пьем по несколько стаканов кислой воды и по две ванны принимаем в день — разумеется, часто о тебе вспоминаем,— он любит тебя по-старому и надеется, что и ты сохраняешь к нему то же чувство». Это был привет от Пушкина.

С большим опозданием узнал Пущин о женитьбе поэта и о производстве его в камер-юнкеры. «И то и другое как-то худо укладывалось во мне,— вспоминал он,— я не умел представить себе Пушкина семьянином и царедворцем». Здесь следует заметить, что насчет семейных уз у Пущина были воззрения своеобразные. Пользовавшийся большим успехом у женщин (где бы он ни жил, даже в Сибири на поселении), Иван Иванович в молодых годах категорически не хотел себя связывать браком, а впоследствии не допускал даже мысли, что какой-нибудь женщине придется разделить его печальную судьбу. В Сибири у него было двое внебрачных детей — Ванечка и Аннушка, которых он очень любил и воспитывал сам.



Что касается Пушкина-царедворца, то на том огромном расстоянии, которое их тогда разделяло, Пущин не мог увидеть истинную картину, а слухов в Сибирь доходило великое множество.

О реакции Пущина на смерть Пушкина (в письме к Малиновскому) читатель уже знает. В прилагаемых отрывках из «Записок» приводятся и размышления декабриста о том, какое будущее ожидало бы поэта, если бы волею судьбы (а точнее, волею старого друга — Большого Жанно) он оказался бы на Сенатской площади, а потом в Сибири. Пущин высказывает свою точку зрения. Некоторые декабристы думали по-иному: Пушкин был бы спасен от гибели на дуэли, если бы встал в их ряды.

\* \* \*

После Читы, с 1830 по 1839 год, Пущин вместе с другими декабристами находился в специально выстроенной тюрьме в Петровском заводе Иркутской губернии. Прошли 12 лет каторжных работ, и Пущину было дано позволение поселиться сначала в Туринске, а с 1843 г. — в Ялуторовске Тобольской губернии. Там в полной мере выявилась огромная роль, которую сыграл Пущин в помощи ссыльным декабристам. От многих из них отказались родные, другие были фактически нищими, третьи тяжело болели. Пущин организовал артель, которая распределяла денежную и иную помощь среди нуждающихся. Те, кто получал помощь из дома (в том числе Пущин), делились с остальными, не давая им погибнуть. Вместе с И. Д. Якушкиным Пущин участвовал в организации ялуторовских школ, которые имели большое значение в истории просвещения в Сибири. В 1849 г. заболевшему Пущину удалось выхлопотать разрешение на поездку в Иркутск. Расширив маршрут, он побывал у многих друзей-декабристов, каждому помог добрым словом и полезным делом.

Манифестом Александра II 26 августа 1856 г. декабристы были амнистированы. Всё бесконечно долгое николаевское царствование Пущин провел на положении арестованного и ссыльного. Амнистия амнистией, но в столицах жить им не позволялось.

С большим трудом сестра Пушкина генеральша Е. И. Набокова добилась, чтобы для ее больного брата сделали исключение, и он прожил конец 1856 и начало 1857 г. на пригородной даче под Петербургом.

Иван Иванович, как никто, понимал, что возвратился под старость в центральную Россию не начинать жизнь снова, а подводить итоги. Однако 22 мая 1857 г. он совершил странный для себя поступок: вступил в законный брак с вдовой товарища-декабриста М. А. Фонвизина Натальей Дмитриевной и поселился в ее имении Марьино Бронницкого уезда Московской губернии. В письмах к Пушкину Наталья Дмитриевна обычно называет себя «Таней», «Татьяной», претендуя на то, что именно ее изобразил Пушкин в «Евгении Онегине» (первый муж ее, генерал, был по возрасту значительно старше).

Он старался успеть помочь тем, кому еще не помог, и развязать все узлы, завязанные в жизни. Память о Пушкине волновала его неотвязно. Вполне вероятно, что Иван Иванович побывал с визитом у Натальи Николаевны Пушкиной-Ланской, которую, понятное дело, не мог знать прежде (когда он вышел на Сенатскую площадь, чтобы на три десятилетия исчезнуть в «пропастях земли», ей было 13 лет!). Считается, что, не будь настоячивых уговоров и помощи сына декабриста Евгения Ивановича Якушкина, Пушкин, быть может, никогда не написал бы своих «Записок». Вряд ли это так. Это был его осознанный долг, ибо никто столь глубоко не знал и не понимал Пушкина-юношу, как Большой Жанно. Он не мог уйти, не рассказав о Лицее и о Поэте. «Записки» его стали не только первоисточником наших сведений об отрочестве и юности Пушкина, но и едва ли не первым художественным произведением о Пушкине — той документальной прозой (как теперь этот жанр называют), которая иной раз богаче любого вымысла. Он встречался со стариками лицейстами, оставшимися еще на этом свете: Данзасом, Матюшкиным, Яковлевым, Корфом, доживавшим свой век Е. А. Энгельгардтом. Через 32 года после того, как, ожидая ареста, он отдал Энгельгардту портфель с бумагами, они к нему возвратились. Энгельгардт в свое время передал портфель Михаилу Пушкину, а тот — князю П. А. Вязем-

скому. Старый друг Пушкина стал важным государственным чиновником, и никому в голову бы не пришло искать у него тайные бумаги декабриста. В портфеле были многие лицейские стихи, пушкинский автограф «К морю», конституция Никиты Муравьева (один из важнейших документов декабризма) и т. д.

15 августа 1858 г. Пущин завершил «Записки о Пушкине» и послал тетрадь Е. И. Якушкину со словами: «Прошу вас, добрый Евгений Иванович, переплести ее в том виде, как она к вам явилась,— воспоминание обо мне!

Печататься не хочу в искаженном виде и потому не даю вам на это согласие. Кроме ваших самых близких, я желал бы, чтобы рукопись мою прочел П. В. Анненков (биограф Пушкина.— В. К.). Я ему говорил кой о чем, тут сказанном. Вообще прошу вас не производить меня в литераторы». В этом весь Пущин!

В оставшиеся месяцы жизни он продолжал отдавать старые долги: отыскал единственную дочь Рылева Настасью Кондратьевну и в самом деле возвратил ей давний денежный долг, который не успел вернуть ее казенному отцу 33 года тому назад; получил от друзей известие о сестре Кюхельбекера...

Пущин умер 3 апреля 1859 г., «настрадавшись досыта», как он писал. Ему было чуть больше 60 лет. Он стал на 23 года старше Пушкина. Декабрист Н. Цебриков писал декабристу Е. Оболенскому: «Иван Пущин, как говорят, сохранил свои верования, свои убеждения до последней минуты. Мир праху его!» Могила Ивана Ивановича — в Бронницах под Москвой.

### *Основная литература*

И. И. Пущин. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956.

Н. Я. Эйдельман. Пушкин и декабристы, М., 1979.

Н. Я. Эйдельман. Большой Жанно. М., 1982.

1

К ПУЩИНУ

(4 мая)

Любезный именинник,  
О Пущин дорогой!  
Прибрел к тебе пустынный  
С открытою душой;  
С пришельцем обнимися —  
Но доброго певца  
Встречать не суетися  
С парадного крыльца.  
Он гость без этикета,  
Не требует привета  
Лукавой суеты;  
Прими ж его лобзанья  
И чистые желанья  
Сердечной простоты!  
Устрой гостям пирушку;  
На столик воцаной  
Поставь пивную кружку  
И кубок пуншевой.  
Старинный собутыльник!  
Забудемся на час,  
Пускай ума светильник  
Погаснет ныне в нас;  
Пускай старик крылатый  
Летит на почтовых:  
Нам дорог миг утраты  
В забавах лишь одних!

Ты счастлив, друг сердечный!  
В спокойствии златом  
Течет твой век беспечный,  
Проходит день за днем;  
И ты в беседе граций,  
Не зная черных бед,

Живешь, как жил Гораций,  
Хотя и не поэт.  
Под кровом небогатым  
Ты вовсе не знаком  
С зловещим Гиппократом,  
С нахмуренным попом;  
Не видишь у порогу  
Толпящихся забот;  
Нашли к тебе дорогу  
Веселость и Эрот;  
Ты любишь звон стаканов  
И трубки дым густой,  
И демон метроманов  
Не властвует тобой.  
Ты счастлив в этой доле.  
Скажи, чего же боле  
Мне другу пожелать?  
Придется замолчать...

Дай бог, чтоб я, с друзьями  
Встречая сотый май,  
Покрытый сединами,  
Сказал тебе стихами:  
*Вот кубок; наливай!*  
Веселье! будь до гроба  
Сопутник верный наш,  
И пусть умрем мы оба  
При стуке полных чаш!

1815

А. С. Пушкин.

2

ВОСПОМИНАНИЕ

(К Пущину)

Помнишь ли, мой брат по чаше,  
Как в отрадной тишине

Мы топили горе наше  
В чистом, пенистом вине?

Как, укрывшись молчаливо  
В нашем темном уголке,  
С Вакхом нежились лениво,  
Школьной стражи вдалеке?

Помнишь ли друзей шептанье  
Вкруг бокалов пуншевых,  
Рюмок грозное молчанье,  
Пламя трубок грошевых?

Закипев, о, сколь прекрасно  
Токи дымные текли!..  
Вдруг педанта глас ужасный  
Нам слышался вдали...

И бутылки вмиг разбиты,  
И бокалы все в окно —  
Всюду по полу разлиты  
Пунш и светлое вино.

Убегаем торопливо,  
Вмиг исчез минутный страх!  
Щек румяных цвет игривый,  
Ум и сердце на устах,

Хохот чистого веселья,  
Неподвижный, тусклый взор  
Изменяли час похмелья,  
Сладкий Вакха заговор.

О друзья мои сердечны!  
Вам клянуся, за столом  
Всякий год в часы беспечны  
Поминать его вином.

1815

А. С. Пушкин.

3

В АЛЬБОМ ПУЩИНУ

Взглянув когда-нибудь на тайный сей листок,  
Исписанный когда-то мною,  
На время улети в лицейский уголок  
Всесильной, сладостной мечтою.  
Ты вспомни быстрые минуты первых дней,  
Неволю мирную, шесть лет соединенья,  
Печали, радости, мечты души твоей,  
Размолвки дружества и сладость примиренья,—  
Что было и не будет вновь...  
И с тихими тоски слезами  
Ты вспомни первую любовь.  
Мой друг, она прошла... но с первыми друзьями  
Не резвою мечтой союз твой заключен;  
Пред грозным временем, пред грозными судьбами,  
О милый, вечен он!

1817

*А. С. Пушкин.*

4

И. И. ПУЩИНУ

Мой первый друг, мой друг бесценный!  
И я судьбу благословил,  
Когда мой двор уединенный,  
Печальным снегом занесенный,  
Твой колокольчик огласил.

Молю святое провиденье:  
Да голос мой душе твоей  
Дарует то же утешенье,  
Да озарит он заточенье  
Лучом лицейских ясных дней!

1826

*А. С. Пушкин.*

5

Опять я в Москве, любезнейший Пушкин — действую снова в суде.— Деньги твои возвращаю: Вяземская их не берет, а у себя оставить не могу; она говорит, что получит их от одесского приятеля, я говорю, что они мне не следуют. Приими их обратно,— я никак благоразумнее не умею поступить с ними.— Живи счастливо, любезнейший Поэт! Пиши мне послание и уведоми о получении суммы.—

Кюхельбекера здесь нет. Он в деревне у матери и вероятно будет у тебя.—

Много знакомых твоих и любопытных о тебе спрашивают. Я по возможности удовлетворяю их любопытству. Между прочим И. И. Дмитриев меня забросал вопросами за обедом у Вяземского.—

Прощай, будь здоров. Кланяйся няне.—

Твой Иван Пущин.

На днях тебе пришлю Рылеева произведения, которые должны появиться: «Войнаровский» и «Думы».

*И. И. Пущин — Пушкину. 18 февраля 1825.*

6

Здравствуй, любезнейший Пушкин.

До сих пор жду от тебя ответа и не могу дожидаться. Хоть прозой уведомить меня надобно, получил ли ты посланные мною деньги.—

Между тем я к тебе с новым гостинцем. Рылеев поручил мне доставить тебе труды его — с покорностью отправляю.—

Вяземский был очень болен. Теперь, однако, вышел из опасности: я вижу его довольно часто — и всегда непременно об тебе говорим. Княгиня — большой твой друг.

Хлопотавши здесь по несносному изданию с Селивановским, я между прочим узнал его желание сделать второе издание твоих трех поэм, за которые он



готов дать тебе 12-ть тысяч. Подумай и употреби меня, если надобно, посредником между вами.— Впрочем, советовал бы также поговорить об этом с петербургскими книгопродавцами, где гораздо лучше издаются книги.

*И. И. Пущин — Пушкину. 12 марта 1825.*

7

Очень благодарен за твои известия, радуюсь, что тевтон Кюхля не был Славянин — а охмелел в чужом пиру. Поведение великого князя Михаила в отношении к нему очень благородно. Но что Иван Пущин? Мне сказывали, что 20, т. е. сегодня, участь их должна решиться — сердце не на месте; но крепко надеюсь на милость царскую. Меры правительства доказали его решимость и могущество. Большого подтверждения, кажется, не нужно. Правительство может пренебречь ожесточение некоторых обличенных...

*Пушкин — А. А. Дельвигу. 20 февраля 1826.*

8

О Пушкине давно я глубоко погрустил; в «Современнике» прочел письмо Жуковского; это не помешало мне и теперь не раз вздохнуть о нем, читая Спасского и Даля. Мы здесь очень скоро узнали о смерти Пушкина, и в Сибири даже, кого могла она поразить, как потеря общественная.

*И. И. Пущин — Е. А. Энгельгардту.  
4 декабря 1837.*

9

В день воспоминаний лицейских я получил письмо твое от 8 апреля, любезный друг Малиновский; ты, верно, не забыл 9 июня и, глядя на чугунное кольцо,

которому минуло 21 год, мысленно соединился со всеми товарищами, друзьями нашей юности. Теперь мы можем с полным убеждением повторить слова Дельвига, который тогда нам провещал: «Судьба на вечную разлуку, быть может, породнила нас». Уверенность в дружбе неизменной смягчает горечь непреложного исполнения этого пророчества. Мы розно и между тем вместе: взаимность чувств не знает разлуки. Побеседовал я мысленно с прежними однокашниками, почтил благодарностью тех, которые попечениями услаждали первые годы нашей жизни, и в душе пожелал вам и им всем радостных ощущений. С грустью посетил места, где покоится прах людей, нам близких и невозвратимых.

Ты меня извинишь, любезный друг, что я, может быть, невольным образом передаю тебе мрачность моих мыслей. Самые приятные впечатления в воспоминании имеют этот отпечаток. И кто ж меня поймет, если не ты, добрый Иван? Прошу тебя на досуге поговорить мне побольше и поподробнее о наших чугунниках. Некоторые из них для меня совершенно исчезли, а все хочется знать. Года два тому назад почтенный Егор Антонович писал мне обо всех по алфавитному списку, с тех пор уже много перемен. Изредка утешает меня старый наш директор необыкновенно милыми письмами. От искреннего сердца ему спасибо. Хлопоты домашние и занятия не мешают ему радовать меня; надобно быть здесь, чтобы вполне оценить дружеское внимание, за которое истинно не умею быть довольно благодарным...

*И. И. Пущин — И. В. Малиновскому.  
20 июня 1838.*

Кажется, если бы при мне должна была случиться несчастная его история и если б я был на месте К. Данзаса, то роковая пуля встретила бы мою грудь:

я бы нашел средство сохранить поэта-товарища, достояние России, хотя не всем его стихам поклоняюсь; ты догадываешься, про что я хочу сказать; он минутно забывал свое назначение и все это после нашей разлуки...

*И. И. Пущин — И. В. Малиновскому.  
14 июня 1840.*

11

Прошу вас пригласить к себе соседа вашего, поэта, и вручить ему посылаемые две пиесы Пушкина. Они нигде не были напечатаны и напомнят юность таланта лицейского моего товарища. Ваше письмо заставило меня припомнить эти стихи, я хотел к ним прибавить еще одно послание, но никак не могу сложить его в старой моей памяти. Пусть Петр Павлович пошлет их Плетневу. Если нельзя было поместить в последние три части его сочинений, пускай по крайней мере в журнале напечатают все эти мелочи, которые имеют неотъемлемое достоинство. Самые небрежности тогдашнего его слога — небрежности великого поэта...

*И. И. Пущин — Н. Д. Фонвизиной.  
12 сентября 1841.*

12

Пушкина последнее воспоминание ко мне 13 декабря 826-го года: «Мой первый друг и пр.» — я получил от брата Михайлы в 843-м году собственной руки Пушкина. Эта ветхая рукопись хранится у меня как святыня. Покойница А. Г. Муравьева привезла мне в том же году список с этих стихов, но мне хотелось иметь подлинник, и очень рад, что отыскал его.

Когда-нибудь надобно тебе прислать послание к нам всем:

Во глубине сибирских руд  
Храните гордое терпенье, и пр.

На это послание есть ответ Одоевского нашего, который тоже давно не существует — умер на Кавказе. Может быть, все это тебе известно...

*И. И. Пущин — Ф. Ф. Матюшкину.  
24 февраля 1853.*

13

Помню тот день, когда Александра Григорьевна через решетку отдала мне стихи Пушкина. Эти стихи она привезла с собой. Теперь они напечатаны. Воспоминание поэта — товарища Лицея, точно озарило заочение, как он сам говорил, и мне отраднo было быть обязанным Александре Григорьевне за эту утешительную минуту.

*И. И. Пущин — Н. Г. Долгорукой.  
26 декабря 1854.*

14 \*

Я гляжу на Пушкина не как литератор, а как друг и товарищ...

Я слышу: Александр Пушкин! — выступает живой мальчик, курчавый, быстроглазый, тоже несколько сконфуженный. По сходству ли фамилий, или по чему другому, несознательно сближающему, только я его заметил с первого взгляда...

Не припомню кто, — только чуть ли не В. Л. Пушкин, привезший Александра, подозвал меня и позна-

---

\* Фрагменты из «Записок о Пушкине» И. И. Пушина.

комил с племянником. Я узнал от него, что он живет у дяди на Мойке, недалеко от нас. Мы положили часто видаться...

\* \* \*

Между тем, когда я достоверно узнал, что и Пушкин вступает в Лицей, то на другой же день отправился к нему как к ближайшему соседу. С этой поры установилась и постепенно росла наша дружба, основанная на чувстве какой-то безотчетной симпатии...

Родные мои тогда жили на даче, а я только туда ездил: большую же часть времени проводил в городе, где у профессора Лоди занимался разными предметами, чтоб недаром пропадало время до вступления моего в Лицей. При всякой возможности я отыскивал Пушкина, иногда с ним гулял в Летнем саду; эти свидания вошли в обычай, так что, если несколько дней меня не видеть, Василий Львович, бывало, мне пеняет: он тоже привык ко мне, полюбил меня...

\* \* \*

Пушкин с самого начала был раздражительнее многих и потому не возбуждал общей симпатии: это удел эксцентрического существа среди людей. Не то чтобы он разыгрывал какую-нибудь роль между нами или поражал какими-нибудь особенными странностями, как это было в иных; но иногда неуместными шутками, неловкими колкостями сам ставил себя в затруднительное положение, не умея потом из него выйти. Это вело его к новым промахам, которые никогда не ускользают в школьных сношениях. Я, как сосед (с другой стороны его номера была глухая стена), часто, когда все уже засыпало, толковал с ним вполголоса через перегородку о каком-нибудь вздорном случае того дня; тут я видел ясно, что он по щекотливости всякому вздору приписывал какую-то важность, и это его волновало. Вместе мы, как умели, сглаживали некоторые шероховатости, хотя не всегда это удавалось. В нем была смесь излишней смелости

с застенчивостью, и то и другое невпопад, что тем самым ему вредило.

Бывало, вместе промахнемся, сам вывернешься, а он никак не сумеет этого уладить. Главное, ему недовскало того, что называется *тактом*; это — капитал необходимый в товарищеском быту, где мудрено, почти невозможно при совершенно бесцеремонном обращении уберечься от некоторых неприятных столкновений вседневной жизни. Все это вместе было причиной, что вообще не вдруг отозвались ему на его привязанность к лицейскому кружку, которая с первой поры зародилась в нем, не проявляясь, впрочем, свойственною ей иногда пошлостью.

Чтоб полюбить его настоящим образом, нужно было взглянуть на него с тем полным благорасположением, которое знает и видит все неровности характера и другие недостатки, мирится с ними и кончает тем, что полюбит даже и их в друге-товарище. Между нами как-то это скоро и незаметно устроилось...

\* \* \*

При самом начале — он наш поэт. Как теперь вижу тот послеобеденный класс Кошанского, когда, окончивши лекцию несколько раньше урочного часа, профессор сказал: «Теперь, господа, будем пробовать перья! опишите мне, пожалуйста, розу стихами».

Наши стихи вообще не клеились, а Пушкин мигом прочел два четырехстишия, которые всех нас восхитили. Жаль, что не могу припомнить этого первого поэтического его лепета. Кошанский взял рукопись к себе. Это было чуть ли не в 811-м году, и никак не позже первых месяцев 12-го. Упоминаю об этом потому, что ни Бартенев, ни Анненков ничего об этом не упоминают.

Пушкин потом постоянно и деятельно участвовал во всех лицейских журналах, импровизировал так называемые народные песни, точил на всех эпиграммы и пр. Естественно, он был во главе литературного движения, сначала в стенах Лицея, потом и вне его, в не-





**О. С. ПАВЛИЩЕВА.**  
*Рисунок неизвестного художника.*  
**1833 г.**



**А. Р. ЯКОВЛЕВА.**  
*Барельеф Я. Серякова. 1840-е гг.*



которых современных московских изданиях. Все это обследовано почтенным издателем его сочинений П. В. Анненковым, который запечатлел свой труд необыкновенною изыскательностью, полным знанием дела и горячею любовью к Пушкину — поэту и человеку...

\* \* \*

Первая моя мысль была — открыться Пушкину: он всегда согласно со мною мыслил о деле общем (respublica), по-своему проповедовал в нашем смысле — и изустно и письменно, стихами и прозой. Не знаю, к счастью ли его, или несчастью, он не был тогда в Петербурге, а то не ручаюсь, что в первых порывах, по исключительной дружбе моей к нему, я, может быть, увлек бы его с собою. Впоследствии, когда думалось мне исполнить эту мысль, я уже не решался верить ему тайну, не мне одному принадлежащую, где малейшая неосторожность могла быть пагубна всему делу. Подвижность пылкого его нрава, сближение с людьми ненадежными пугали меня. К тому же в 1818 году, когда часть гвардии была в Москве по случаю приезда прусского короля, столько было опрометчивых действий одного члена общества, что признали необходимым делать выбор со всею строгостию, и даже, несколько лет спустя, объявлено было об уничтожении общества, чтобы тем удалить неудачно принятых членов. На этом основании я присоединил к союзу одного Рылеева, несмотря на то, что всегда был окружен многими разделяющими со мной мой образ мыслей.

Естественно, что Пушкин, увидя меня после первой нашей разлуки, заметил во мне некоторую перемену и начал подозревать, что я от него что-то скрываю. Особенно во время его болезни и продолжительного выздоровления, выдавая чаще обыкновенного, он затруднял меня вопросами и расспросами, от которых я, как умел, отделялся, успокаивая его тем, что он лично, без всякого воображаемого им общества, действует как нельзя лучше для благой цели: тогда вез-

де ходили по рукам, переписывались и читались наизусть его *Деревня, Ода на свободу, Ура! В Россию скачет...* и другие мелочи в том же духе. Не было живого человека, который не знал бы его стихов...

Нечего и говорить уже о разных его выходках, которые везде повторялись; например, однажды в Царском Селе Захаржевского медвежонок сорвался с цепи от столба, на котором устроена была его будка, и побежал в сад, где мог встретиться глаз на глаз, в темной аллее с императором, если бы на этот раз не востропел его маленький шарло и не предостерег бы от этой опасной встречи. Медвежонок, разумеется, тотчас был истреблен, а Пушкин при этом случае, не обвиняясь, говорил: «Нашелся один добрый человек, да и тот медведь!». Таким же образом он во всеуслышание в театре кричал: «Теперь самое безопасное время — по Неве идет лед». В переводе: нечего опасаться крепости.

Конечно, болтовня эта — вздор; но этот вздор, похожий несколько на поддразнивание, переходил из уст в уста и порождал разные толки, имевшие дальнейшее свое развитие; следовательно, и тут даже некоторым образом достигалась цель, которой он несознательно содействовал.

Между тем тот же Пушкин, либеральный по своим воззрениям, имел какую-то жалкую привычку изменять благородному своему характеру и очень часто сердил меня и вообще всех нас тем, что любил, например, вертеться у оркестра около Орлова, Чернышева, Киселева и других: они с покровительственной улыбкой выслушивали его шутки, остроты. Случалось из кресел сделать ему знак, он тотчас прибежит. Говоришь, бывало: «Что тебе за охота, любезный друг, возиться с этим народом; ни в одном из них ты не найдешь сочувствия, и пр.» Он терпеливо выслушает, начнет щекотать, обнимать, что, обыкновенно, делал, когда немножко потеряется. Потом смотришь: Пушкин опять с тогдашними львами! Извините! (Анахронизм! тогда не существовало еще этого аристократического прозвища).

Странное смешение в этом великолепном создании! Никогда не переставал я любить его; знаю, что и он платил мне тем же чувством; но невольно, из дружбы к нему, желалось, чтобы он, наконец, настоящим образом взглянул на себя и понял свое призвание. Видно, впрочем, что не могло и не должно было быть иначе; видно, нужна была и эта разработка, коловшая нам, слепым, глаза.

\* \* \*

Самое сильное нападение Пушкина на меня по поводу общества было, когда он встретился со мною у Н. И. Тургенева, где тогда собирались все желавшие участвовать в предполагаемом издании политического журнала. Тут, между прочим, были Куницын и наш лицейский товарищ Маслов. Мы сидели кругом большого стола. Маслов читал статью свою о статистике. В это время я слышу, что кто-то сзади берет меня за плечо. Оглядываюсь — Пушкин! «Ты что здесь делаешь? Наконец, поймал тебя на самом деле», — шепнул он мне на ухо и прошел дальше. Кончилось чтение. Мы встали. Подхожу к Пушкину, здороваюсь с ним. Подали чай, мы закурили сигарки и сели в уголок.

«Как же ты мне никогда не говорил, что знаком с Николаем Ивановичем? Верно, это ваше общество в сборе? Я совершенно нечаянно зашел сюда, гуляя в Летнем саду. Пожалуйста, не секретничай: право, любезный друг, это ни на что не похоже!»...

Преследуемый мыслию, что у меня есть тайна от Пушкина и что, может быть, этим самым я лишаю общество полезного деятеля, почти решался броситься к нему и все высказать, зажмуря глаза на последствия. В постоянной борьбе с самим собою, как нарочно, вскоре случилось мне встретить Сергея Львовича на Невском проспекте.

«— Как вы, Сергей Львович? Что наш Александр?

— Вы когда его видели?

— Несколько дней тому назад у Тургенева».

Я заметил, что Сергей Львович что-то мрачен.

«Мне остается только разорваться на части для восстановления репутации моего милого сына. Видно, вы не знаете последнюю его проказу».

Тут рассказал мне что-то, право, не помню, что именно, да и припоминать не хочется.

«Забудьте этот вздор, почтенный Сергей Львович! Вы знаете, что Александру многое можно простить: он окупает свои шалости неотъемлемыми достоинствами, которых нельзя не любить».

Отец пожал мне руку и продолжал свой путь.

Я задумался, и, признаюсь, эта встреча, совершенно случайная, произвела свое впечатление: мысль о принятии Пушкина исчезла из моей головы. Я страдал за него, и подчас мне опять казалось, что, может быть, Тайное общество сокровенным своим клеймом поможет ему повнимательней и построже взглянуть на самого себя, сделать некоторые изменения в ненормальном своем быту. Я знал, что он иногда скорбел о своих промахах, обличал их в близких наших откровенных беседах, но, видно, не пришла еще пора кипучей его природе уgomониться. Как ни вертел я все это в уме и сердце, кончил тем, что сознал себя не вправе действовать по личному шаткому воззрению, без полного убеждения в деле, ответственном пред целью самого союза...

\* \* \*

Кони несут среди сугробов, опасности нет: в сторону не бросятся, все лес, и снег им по брюхо — править не нужно. Скачем опять в гору извилистой тропой; вдруг крутой поворот, и как будто неожиданно вломились с маху в притворенные ворота при громе колокольчика. Не было силы остановить лошадей у крыльца, протащили мимо и засели в снегу нерасчищенного двора...

Я оглядываюсь: вижу на крыльце Пушкина, *босиком*, в одной рубашке, с поднятыми вверх руками. Не нужно говорить, что тогда во мне происходило. Выскакиваю из саней, беру его в охапку и тащу в комнату. На дворе страшный холод, но в иные минуты че-

ловек не простужается. Смотрим друг на друга, целуемся, молчим! Он забыл, что надобно прикрыть наготу, я не думал об заиндеветой шубе и шапке.

Было около восьми часов утра. Не знаю, что делалось. Прибежавшая старуха застала нас в объятиях друг друга в том самом виде, как мы попали в дом: один — почти голый, другой — весь заброшенный снегом. Наконец, пробила слеза (она и теперь, через тридцать три года, мешает писать в очках) — мы очнулись. Совестно стало перед этою женщиной, впрочем, она все поняла. Не знаю, за кого приняла меня, только, ничего не спрашивая, бросилась обнимать. Я тотчас догадался, что это добрая его няня, столько раз им воспетая, — чуть не задушил ее в объятиях.

Все это происходило на маленьком пространстве. Комната Александра была возле крыльца, с окном на двор, через которое он увидел меня, услышал колокольчик. В этой небольшой комнате помещалась кровать его с пологом, письменный стол, диван, шкаф с книгами и пр., пр. Во всем поэтический беспорядок, везде разбросаны исписанные листы бумаги, всюду валялись обкусанные, обожженные кусочки перьев (он всегда с самого Лицея писал обглодками, которые едва можно было держать в пальцах). Вход к нему прямо из коридора; против его двери — дверь в комнату няни, где стояло множество пяльцев.

После первых наших обниманий пришел и Алексей, который, в свою очередь, кинулся целовать Пушкина; он не только знал и любил поэта, но и читал наизусть многие из его стихов. Я между тем приглядывался, где бы умыться и хоть сколько-нибудь оправиться. Дверь во внутренние комнаты была заперта — дом не топлен. Кой-как все это тут же уладили, копошась среди отрывистых вопросов: что? как? где? и пр.; вопросы большею частью не ожидали ответов; наконец, помаленьку прибрались; подали нам кофе; мы уселись с трубками. Беседа пошла привольнее; многое надо было хронологически рассказать, о многом расспросить друг друга! Теперь не берусь всего этого передать.

Вообще Пушкин показался мне несколько серьезнее прежнего, сохраняя, однакож, ту же веселость; может быть, самое положение его произвело на меня это впечатление. Он, как дитя, был рад нашему свиданию, несколько раз повторял, что ему еще не верится, что мы вместе. Прежняя его живость во всем проявлялась в каждом слове, в каждом воспоминании: им не было конца в неумолкаемой нашей болтовне. Наружно он мало переменился, оброс только бакенбардами; я нашел, что он тогда был очень похож на тот портрет, который потом видел в *Северных цветах* и теперь при издании его сочинений П. В. Анненковым.

...Среди разговора внезапно он спросил меня: что об нем говорят в Петербурге и в Москве? При этом вопросе рассказал мне, будто бы император Александр ужасно перепугался, найдя его фамилию в записке коменданта о приезжих в столицу, и тогда только успокоился, когда убедился, что не он приехал, а брат его Левушка. На это я ему ответил, что он совершенно напрасно мечтает о политическом своем значении, что вряд ли кто-нибудь на него смотрит с этой точки зрения, что вообще читающая наша публика благодарит его за всякий литературный подарок, что стихи его приобрели народность во всей России и, наконец, что близкие и друзья помнят и любят его, желая искренно, чтобы скорее кончилось его изгнание.

Он терпеливо выслушал меня и сказал, что несколько примирился в эти четыре месяца с новым своим бытом, вначале очень для него тягостным; что тут, хотя невольно, но все-таки отдыхает от прежнего шума и волнения; с Музой живет в ладу и трудится охотно и усердно. Скорбел только, что с ним нет сестры его, но что, с другой стороны, никак не согласится, чтоб она, по привязанности к нему, проскучала целую зиму в деревне. Хвалил своих соседей в Тригорском, хотел даже возить меня к ним, но я отговорился тем, что приехал на такое короткое время, что не успею и на него самого наглядеться. Среди всего этого много было шуток, анекдотов, хохоту от полно-

ты сердечной. Уцелели бы все эти дорогие подробности, если бы тогда при нас был стенограф.

Пушкин заставил меня рассказать ему про всех наших первокурсных Лицея, потребовал объяснения, каким образом из артиллеристов я преобразовался в Судьи. Это было ему по сердцу, он гордился мною и за меня!..

Незаметно коснулись опять подозрений насчет общества. Когда я ему сказал, что не я один поступил в это новое служение отечеству, он вскочил со стула и вскрикнул: «Верно, все это в связи с майором Раевским, которого пятый год держат в Тираспольской крепости и ничего не могут выпытать». Потом, успокоившись, продолжал: «Впрочем, я не заставляю тебя, любезный Пущин, говорить. Может быть, ты и прав, что мне не доверяешь. Верно, я этого доверия не стою — по многим моим глупостям». Молча, я крепко расцеловал его; мы обнялись и пошли ходить: обоим нужно было вздохнуть...

Настало время обеда. Алексей хлопнул пробкой, начались тосты за Русь, за Лицей, за отсутствующих друзей и за нее. Незаметно полетела в потолок и другая пробка; попотчевали искрометным няню, а всех других — хозяйской наливкой. Все домашнее население несколько развеселилось; кругом нас стало шумнее, праздновали наше свидание.

Я привез Пушкину в подарок *Горе от ума*; он был очень доволен этой тогда рукописной комедией, до того ему вовсе почти незнакомой. После обеда, за чашкой кофе, он начал читать ее вслух; но опять жаль, что не припомню теперь метких его замечаний, которые, впрочем, потом частью явились в печати.

\* \* \*

Сцена переменилась.

Я осужден; 1828 года, 5 генваря, привезли меня из Шлиссельбурга в Читу, где я соединился, наконец, с товарищами моего изгнания и заточения, прежде меня прибывшими в тамошний острог.

Что́ делалось с Пушкиным в эти годы моего странствования по разным мытарствам, я решительно не знаю; знаю только и глубоко чувствую, что Пушкин первый встретил меня в Сибири задушевым словом. В самый день моего приезда в Читу призывает меня к частоколу А. Г. Муравьева и отдает листок бумаги, на котором неизвестною рукой написано было:

Мой первый друг, мой друг бесценный...

Отрадно отозвался во мне голос Пушкина! Преисполненный глубокой, живительной благодарности, я не мог обнять его, как он меня обнимал, когда я первый посетил его в изгнание. Увы! я не мог даже пожать руку той женщине, которая так радостно спешила утешить меня воспоминанием друга; но она поняла мое чувство без всякого внешнего проявления, нужного, может быть, другим людям и при других обстоятельствах; а Пушкину, верно, тогда не раз икнулось.

Наскоро, через частокол, Александра Григорьевна проговорила мне, что получила этот листок от одного своего знакомого пред самым отъездом из Петербурга, хранила его до свидания со мною и рада, что могла, наконец, исполнить порученное поэтом.

По приезде моем в Тобольск в 1839 году я послал эти стихи к Плетневу; таким образом были они напечатаны; а в 1842 брат мой Михаил отыскал в Пскове самый подлинник Пушкина, который теперь хранится у меня в числе заветных моих сокровищ.

\* \* \*

Между тем у нас, с течением времени, силою самых обстоятельств, устроились более смелые контрабандные сношения с европейской Россией — кой-когда доходили до нас не одни газетные известия. Таким образом, в январе 1837 года возвратившийся из отпуска наш плац-адъютант Розенберг зашел в мой 14-й номер. Я искренно обрадовался и забросал его рас-



спросами о родных и близких, которых ему случилось видеть в Петербурге. Отдав мне отчет на мои вопросы, он с какою-то нерешительностью упомянул о Пушкине. Я тотчас ухватился за это дорогое мне имя: где он с ним встретился? как он поживает? и пр. Розенберг выслушал меня в раздумье и, наконец, сказал: «Нечего от вас скрывать. Друга вашего нет! Он ранен на дуэли Дантесом и через двое суток умер; я был при отпевании его тела в Конюшенной церкви, накануне моего выезда из Петербурга».

Слушая этот горький рассказ, я сначала решительно как будто не понимал слов рассказчика, — так далека от меня была мысль, что Пушкин должен умереть во цвете лет, среди живых на него надежд. Это был для меня громовой удар из безоблачного неба — ошеломило меня, а вся скорбь не вдруг сказалась на сердце. — Весть эта электрической искрой сообщилась в тюрьме — во всех кружках только и речи было, что о смерти Пушкина — об общей нашей потере, но в итоге выходило одно: что его не стало и что не воротить его!

Провидение так решило; нам остается смиренно благоговеть перед его определением. Не стану беседовать с вами об этом народном горе, тогда несказанно меня поразившем: оно слишком тесно связано с жгучими оскорблениями, которые невыразимо должны были отравлять последние месяцы жизни Пушкина. Другим лучше меня, далекого, известны гнусные обстоятельства, породившие дуэль; с своей стороны скажу только, что я не мог без особенного отвращения об них слышать — меня возмущали лица, действовавшие и подозреваемые в участии по этому гадкому делу, подсекшему существование величайшего из поэтов.

Размышляя тогда и теперь очень часто о ранней смерти друга, не раз я задавал себе вопрос: «Что было бы с Пушкиным, если бы я привлек его в наш союз и если бы пришлось ему испытать жизнь, совершенно иную от той, которая пала на его долю».

Вопрос дерзкий, но мне, может быть, простительный! — Вы видели внутреннюю мою борьбу всякий раз, когда, сознавая его податливую готовность, приходила мне мысль принять его в члены Тайного нашего общества; видели, что почти уже на волоске висела его участь в то время, когда я случайно встретился с его отцом. Эта и пустая и совершенно ничего не значащая встреча между тем высказалась во мне каким-то знаменательным указанием... Только после смерти его все эти, по-видимому, ничтожные обстоятельства приняли, в глазах моих, вид явного действия Промысла, который, спасая его от нашей судьбы, сохранил Поэта для славы России.

Положительно, сибирская жизнь, та, на которую впоследствии мы были обречены в течение тридцати лет, если б и не вовсе иссушила его могучий талант, то далеко не дала бы ему возможности достичь того развития, которое, к несчастью, и в другой сфере жизни несвоевременно было прервано.

Характеристическая черта гения Пушкина — разнообразие. Не было почти явления в природе, события в обыденной и общественной жизни, которые бы прошли мимо его, не вызвав дивных и неподражаемых звуков его лиры; и поэтому простор и свобода, для всякого человека бесценные, для него были сверх того могущественнейшими вдохновителями. В нашем же тесном и душном заточении природу можно было видеть только через железные решетки, а о живых людях разве только слышать.

Пушкин при всей своей восприимчивости никак не нашел бы там материалов, которыми он пользовался на поприще общественной жизни. Может быть, и самый резкий перелом в существовании, который далеко не все могут выдержать, пагубно отозвался бы на его своеобразном, чтобы не сказать капризном, существе.

Одним словом, в грустные минуты я утешал себя тем, что поэт не умирает и что Пушкин мой всегда жив для тех, кто, как я, его любил, и для всех умеющих отыскивать его, живого, в бессмертных его творениях.

\* \* \*

В Петербурге навещал меня, больного, Константин Данзас. Много говорил я о Пушкине с его секундантом. Он, между прочим, рассказал мне, что раз как-то, во время последней его болезни, приехала У. К. Глинка, сестра Кюхельбекера; но тогда ставили ему пиявки. Пушкин просил поблагодарить ее за участие, извинился, что не может принять. Вскоре потом со вздохом проговорил: «Как жаль, что нет теперь здесь ни Пущина, ни Малиновского!».

Вот последний вздох Пушкина обо мне. Этот предсмертный голос друга дошел до меня с лишком через 20 лет!..

Им кончаю и рассказ мой.

*И. И. Пущин.* Записки о Пушкине.  
Август 1858.

15

В 1853 г. я познакомился с Иваном Ивановичем Пушиным, жившим в то время в г. Ялutorовске. Имя Пущина было давно мне известно из стихотворений Пушкина. Некоторые рассказы лиц, знавших его до его ссылки, вызвали во мне глубокое к нему сочувствие: личное знакомство с этим «первым другом» великого поэта еще более усилило то чувство уважения, которое я имел к нему ранее. Он произвел на меня сильное впечатление. Когда я с ним познакомился, ему было 55 лет, но он сохранил и твердость своих молодых убеждений, и такую теплоту чувств, какая встречается редко в пожилом человеке. Его демократические понятия вошли в его плоть и кровь: в какое бы положение его ни ставили обстоятельства, с какими бы людьми ни сталкивала его судьба, он был всегда верен самому себе, всегда был одинаков со всеми. Люди самых противоположных с ним убеждений относились к нему с глубоким уважением.

Сблизиться с таким человеком мне было тем более легко, что он был очень дружен с моим отцом. С первого же дня знакомства между мною и им установилась тесная связь, не прерывавшаяся до самой его смерти. Во время пребывания моего в Ялutorовске я виделся с ним каждый день. Большой интерес для меня представляли его рассказы, особенно о его лицейской жизни и об отношениях его к А. С. Пушкину. Часть всех рассказов я записал тогда же, но эта краткая запись казалась мне очень бледной в сравнении с живою речью Пущина, поэтому я не один раз просил его написать его воспоминания о Пушкине.

Пущин, несмотря на то, что ему теперь 57—58 лет, до такой степени живой и веселый человек, как будто он только что вышел из Лицея. Он любит посмеяться, любит заметить и подтрунить над чужой слабостью и имеет привычку мигнуть, да такую привычку, что один раз, когда ему не на кого было мигнуть, то он долго осматривался и, наконец, мигнул на висевший на стене образ. В то же время это человек до высочайшей степени гуманный (я, право, не знаю, как выразиться иначе) — он готов для всякого сделать все, что может, он одинаково обращается со всеми: и с губернатором, когда тот бывает в Ялutorовске, и с мужиком, который у него служит, и с чиновниками, которые иногда посещают его. Никогда он не возвысит голоса более с одним, чем с другим.

Он переписывается со всеми частями Сибири, и когда надо что-нибудь узнать или сделать, то обращаются обыкновенно к нему. Он столько оказывал услуг лицам разного рода, что в Сибири, я думаю, нет человека, который бы не знал Ивана Ивановича хоть по имени.

Он один из немногих, отзывающихся с полным уважением о деле, за которое они живут в Сибири, и не делающих в этом отношении ни малейшей уступки; я даже не удивился бы, ежели бы он, возвратясь в Россию, завел, как он называет, маленькое общество...

С Иваном Ивановичем заговорить о Пушкине было нетрудно; я приступил к нему прямо с выговором,

что он до сих пор не написал замечаний на биографию, составленную Анненковым.

— Послушайте, что же я буду писать,— перебил он меня,— кого могут интересовать мои отношения к Пушкину?

— Как кого? Я думаю, всех; вы Пушкина знали в Лицее, знали его после, до 26 года,— он был с вами дружен, и, разумеется, есть много таких подробностей об нем, которые только вы и можете рассказать и которые вы, как товарищ его, обязаны даже рассказать.

— Да, ежели бы я мог написать что-нибудь интересное, я бы написал, но, во-первых, я не умею писать, хоть Пушкин и уверял всегда, что у меня большой литературный талант, да я, слава богу, ему не поверил и хорошо сделал, потому что точно не умею писать, а во-вторых, я могу сообщить только такие мелкие подробности, которые никого не могут интересовать, а писать для того, чтобы все знали, что я был знаком с Пушкиным, согласитесь сами, было бы очень смешно.

— Так вы просто скажите: я не хочу писать, потому что я самолюбив; но согласитесь сами, что, как бы ни были мелки подробности, которые вы можете рассказать, они все-таки будут интересны уже потому, что будут рассказаны о Пушкине; да иногда случай вовсе незначительный обрисовывает совершенно характер человека, и вы хоть побожьтесь, так я вам не поверю, чтобы вы не могли рассказать ни одного подобного случая.

*Е. И. Якушкин. Воспоминания о Пущине.*



«Никто на свете не был мне ближе Дельвига», — написал Пушкин. Быть может, это преувеличение? Ведь письмо П. А. Плетневу (№ 27) было послано сразу после смерти Дельвига. Однако переписка, частично представленная в прилагаемой подборке материалов, воспоминания современников — все факты, дошедшие до потомков, говорят именно об этом: никто не был ближе Дельвига. А как же те друзья поэта, о которых мы уже рассказали, и те, о которых рассказ впереди? Отличительной чертой Пушкина было поразительное умение как бы настраиваться на волну сотоварища, собеседника, если, конечно, последний был ему мил. Пушкин с одинаковой легкостью находил общий язык с неграмотной старухой няней и высокообразованной, утонченной графиней Фикельмон. Но если бы нужно было сказать, кто же все-таки из близких людей был ему самым близким, при всей относительности этого понятия, пришлось бы назвать двоих — Дельвига и Нащокина. Дельвиг был не только другом души, но и большим поэтом, при жизни недооцененным едва ли не всеми, кроме его великого друга. Нужно ли говорить, как много это значило для Пушкина? Он написал о Дельвиге лучше всех (№ 31), и все остальное, что пишется, лишь комментарий к пушкинской характеристике.

Антон Дельви́г носил баронский титул, но на вопрос служебной анкеты, «сколько имеет во владении мужеска пола душ, людей, крестьян?» — чистосердечно отвечал: «не имеет». По отцу он происходил из прибалтийских немцев (мать, Любовь Матвеевна Красильникова — из бедной русской дворянской семьи), но ни единого слова не знал по-немецки, что и было с прискорбием замечено на вступительном экзамене в Лицей. Впрочем, и по французскому языку он получил не самую высокую оценку — «преслабо», но после некоторого колебания был все же принят по ходатайству московского главнокомандующего, испрошенному отцом.

Дельви́г-старший был помощником коменданта Московского Кремля. Дельви́г с Пушкиным гордились тем, что родились и провели детские годы в древней столице. Однако встретиться до Лицея им не довелось.

В Лицее Дельви́г отличался только познаниями в российской словесности, да и те не склонен был проявлять в классе. Все остальные лекции и занятия проходили для него как бы в тумане: он дремал.

Тогда и родилась полулегенда-полубыль о небывалой, феноменальной, неодолимой и всепобеждающей ленисти барона Дельви́га. Пушкин отдал дань этим общим представлениям о Дельви́ге:

Дай руку, Дельви́г! Что ты спишь?  
Проснись, ленивец сонный!  
Ты не под кафедрой сидишь,  
Латынью усыпленный.

Дельви́г охотно поддерживал свою репутацию безмятежного ленивца:

Я благотворности труда  
Еще, мой друг, не постигаю!  
Лениться, говорят, беда,  
А я в беде сей утопаю.

Он даже сочинил шутливую надпись для своей будущей могилы: «Прохожий, здесь лежит философ-человек. Он прósпал целый век».

Был ли он ленив на самом деле? Едва ли. Скорее, это была манера поведения, некий темп жизни, усвоенный в детстве и перешедший в стойкую привычку. Дельвиг не суетился, а размышлял. В аттестации, данной ему лицейским инспектором, проглядывают и другие черты личности: «Барон Дельвиг (Антон) 14-ти лет. Способности его посредственны, как и прилежание, а успехи весьма медленны. Мешкотность вообще его свойство и весьма приметна во всем, только не тогда, когда он шалит или резвится: тут он насмешлив, балагур, иногда и нескромен; в нем примечается склонность к праздности и рассеянности. Чтение разных русских книг без надлежащего выбора, а может быть, и избалованное воспитание по испортили его, почему и нравственность его требует бдительного надзора, впрочем, приметное в нем добродушие, усердие его и внимание к увещаниям при начинающемся соревновании в российской истории и словесности, облагородствуют его склонности». Из этой противоречивой характеристики следует, что Дельвиг вовсе не чурался общества сверстников и пошалить был любитель. Между прочим, хотя Пушкин и говорит, что в игры, требующие проворства и силы, Дельвиг не вмешивался, другие лицеисты вспоминали, что Дельвиг физически был крепок: побороть его удавалось только лицейскому силачу Броглио. Мешкотность Дельвига и впоследствии не проявлялась в тех случаях, когда нужно было вступить за честь свою и друзей. Например, однажды он вызвал на дуэль литератора, агента III Отделения Ф. В. Булгарина, и если бы Булгарин не струсил и не уклонился от поединка, быть бы кровавому столкновению. С достоинством и твердостью вел себя Дельвиг со всемогущим шефом жандармов Бенкендорфом, так что тот даже вынужден был извиниться.

Приезд Г. Р. Державина в Лицей на экзамен был для Дельвига необыкновенным счастьем. Державин долго оставался для него высоким творческим образцом. И в Пушкине Дельвиг видел его преемника. Директор Лицея был ближе к истине в оценке Дельвига: «В его играх и шутках проявляется определенное ироническое остроумие, которое после нескольких са-



тирических стихотворений сделало его любимцем товарищей».

Пресловутая лень не помешала Дельвигу после Лицея стать душой пушкинского круга писателей; организатором многих литературных начинаний — издателем, составителем и редактором семи книжек альманаха «Северные цветы», двух — альманаха «Подснежник» и «Литературной газеты» (1830 г.). К тому же Дельвиг сочинял стихотворные послания, песни, подражания поэтам древности, идиллии, оды, составившие теперь, когда его наследие собрано воедино, солидную книгу. Это при том, что Дельвиг никаких наследственных капиталов не имел и должен был всегда заботиться о хлебе насущном.

Когда первый курс приближался к выпуску, директор Е. А. Энгельгардт попросил Дельвига (сначала — Пушкина, но он так и не собрался) написать прощальную песню, которую можно будет спеть на выпускном вечере. Дельвиг исполнил просьбу и написал гимн Лицея, который знали наизусть все, кому в разные времена довелось учиться в этом заведении:

Шесть лет промчалось, как мечтанье,  
В объятьях сладкой тишины.  
И уж Отечества призванье  
Гремит нам: шествуйте, сыны!

Простимся, братья! Руку в руку!  
Обнимемся в последний раз!  
Судьба на вечную разлуку,  
Быть может, здесь сроднила нас!

Дельвиг был выпущен на службу в Министерство финансов. Но такое могли учинить с ним разве что в насмешку: чиновником, да еще финансистом, он никогда бы не мог стать. Поэтому уже с сентября 1820 г. он «по найму» поступил в Публичную библиотеку под начало к библиотекарю русского отделения баснописцу Ивану Андреевичу Крылову, а 2 октября 1821 г. был официально утвержден в должности помощника библиотекаря. Правда, Иван Андреевич скоро ощутил всю разницу между скрупулезнейшим библиографом В. С. Сопиковым, которого сменил Дельвиг, и новым служащим, предпочитавшим читать

книги, а не каталогизировать их. К сожалению, сам Крылов тоже больше внимания уделял басням, нежели каталогам, и скоро русское отделение библиотеки оказалось под угрозой хаоса. Два поэта, высоко ценившие друг друга, не поссорились, но в 1825 г. Дельвигу пришлось из библиотеки уйти. Он потом служил чиновником особых поручений в разных ведомствах, но душу безраздельно отдавал русской песне, поэзии, «Северным цветам» и другим литературным начинаниям.

Надо сказать, что Дельвига подчас плохо понимали и создавали искаженное представление о нем даже люди, относившиеся к нему, казалось бы, вполне доброжелательно. Однокашник по Лицею, достигший впоследствии больших чинов, верноподданный барон М. А. Корф вспоминал: «В Лицее милый, добрый и всеми любимый лентяй, после Лицея — приятный поэт, стоявший в свое время в первой шеренге наших литераторов, Дельвиг никогда не служил, никогда ничего не делал и жил всегда припеваючи, с любящей душой и истинно благородным характером». Дельвиг и в самом деле был добр и благороден, но менее всего есть основание называть его «приятным» поэтом и создавать впечатление, будто он жил бездумно и «припеваючи» в эпоху общественных потрясений и гибели революционных надежд.

Дельвиг не был декабристом (хотя имя его постоянно мелькало на допросах), как и вообще не был человеком действия. Но с юных лет, вместе с Пушковым и другими лицеистами, он посещал собрания Священной артели, где, по словам Пушкина, шли беседы «о предметах общественных, о зле существующего у нас порядка вещей и о возможности изменения». Это была первая преддекабристская организация, с которой связано имя Дельвига. В 1819—1820 гг. вместе с Пушкиным Дельвиг бывал в Зеленой лампе, руководимой Союзом Благоденствия; наконец, осенью 1819 г. Дельвиг вступил в Вольное общество любителей российской словесности, куда вскоре привлек Е. А. Баратынского и К. Ф. Рылеева. В качестве своего рода рекомендации Рылееву Дельвиг прочитал в заседании Общества сатиру поэта-декабриста «К временщику» — одно из самых страстных публицистиче-

ских произведений своего времени. Дружба Дельвига с Рылевым была очень близкой, и думать, что «лицейский мудрец» был вовсе чужд политических проблем, было бы неверно. В стихах и песнях Дельвига вместо прямой публицистики звучит щемящая лирическая мелодия любви к родине и тревоги за ее судьбу:

Ах ты, ночь ли,  
Ноченька!  
Ах ты, ночь ли  
Бурная!  
Отчего ты  
С вечера  
До глубокой  
Полночи  
Не блистаешь  
Звездами,  
Не сияешь  
Месяцем?  
Все темнеешь  
Тучами?

Философ и критик И. В. Киреевский заметил, что Дельвиг «выше всего является в своих русских песнях». Он был прав: песни Дельвига, положенные на музыку многими композиторами, живут до сих пор. Кто не помнит «Соловья» А. А. Алябьева, «Не осенний мелкий дождичек» М. И. Глинки, «Пела, пела пташечка» А. Г. Рубинштейна. А ведь все это слова Дельвига! Время показало, насколько далек от истины был первый биограф Дельвига, весьма к нему доброжелательный, В. П. Гаевский, когда говорил, что стихи Дельвига «перешли для нас из категории современных к произведениям, имеющим значение только относительное и любопытным с историко-литературной точки зрения».

Смерть Рылева, горькая участь Пушкина и другого близкого друга — Кюхельбекера, которого не раз приходилось ему вызволять из беды, были для Дельвига личным крушением. 19 октября 1826 г. в день лицейской годовщины «приятный поэт» Антон Дельвиг прочитал лицеистам стихи, в которых открыто сказал об этом:

Но на время омрачим  
Мы веселье наше, братья,

Что мы двух друзей не зрим  
И не ждем в свои объятья.

Нет их с нами, но в сей час  
В их сердцах пылает пламень.  
Верьте, внятен им наш глас,  
Он проникнет твердый камень.

Выпьем, други, в память их!  
Выпьем полные стаканы,  
За далеких, за родных  
Будем нынче вдвое пьяны!

«Далекие, родные» — это Пущин и Кюхельбекер. Дельвиг помогал родственникам Кюхельбекера, как и Пушкин, пересылал ему в тюрьму книги; не раз обманывал цензуру, печатая анонимно или под псевдонимами произведения узников-декабристов: Кюхельбекера, А. Бестужева, А. Одоевского.

Удивительно было умение Дельвига распознавать литературные дарования и его готовность, порой в ущерб себе, помогать молодым поэтам. Крылов и Жуковский, по свидетельству современников, высоко ставили способность Дельвига угадывать будущих поэтов. Он и сам в сонете, посвященном Н. М. Языкову, с гордостью писал:

От ранних лет я пламень не напрасный  
Храню в душе, благодаря богам,  
Я им влеком к возвышенным певцам  
С какою-то любовью пристрастной.

Я Пушкина младенцем полюбил,  
С ним разделял и грусть и наслажденье,  
И первый я его услышал пенье

И за себя богов благословил,  
Певца *Пиров* я с Музой подружил  
И славой их горжусь в вознагражденье \*.

Пушкина и певца «Пиров» — Баратынского Дельвиг любил всем сердцем. Он ни во что не ставил свой поэтический дар в сравнении с их гением. По

---

\* Сама форма сонета в русской поэзии была мало известна до Дельвига. Пушкин писал о сонете:

...У нас его еще не знали девы,  
Как для него уж Дельвиг забывал  
Гекзаметра священные напевы.

скромности своей он имел право на такое самоуничтожение. Хуже, что критика впоследствии говорила, будто в его стихах «одна половина их принадлежит Пушкину, другая — Баратынскому». Пушкин предвидел подобные обвинения: «Такова участь Дельвига: он не был оценен при раннем появлении на кратком своем поприще; он еще не оценен и теперь, когда покоится в своей безвременной могиле».

\* \* \*

Великого Пушкина первым услышал и оценил Антон Дельвиг. По-видимому, тайком от автора он отправил в «Вестник Европы» стихотворение «К другу стихотворцу», появившееся в июльской книжке за 1814 год. Это была самая первая пушкинская публикация. Пушкин упрекнул Дельвига стихами:

Куда сокроюсь я?  
Предатели-друзья  
Невинное творенье  
Украдкой в город шлют  
И плод уединенья  
Тисненью предают...

О Дельвиг! начертали  
Мне музы мой удел;  
Но ты ль мои печали  
Умножить захотел?

Дельвиг не остался в долгу и возвестил миру о рождении нового поэта:

Пушкин! Он и в лесах не укроется:  
Лира выдаст его громким пением.

После Лицея Дельвиг уехал на несколько месяцев на Украину, куда перевелся по службе его отец, и оттуда писал Пушкину:

А я ужель забыт тобою,  
Мой брат по музы, мой Орест?  
Или нельзя снестись мечтою  
До тех обетованных мест.  
Где я зовусь чернобривым,  
Где девы, климатом счастливым  
Воспитанные в простоте,

(Посмейся мне!) не уступают  
Столичным дамам в красоте...

Но в тряской скачущей телеге,  
Мой друг, приятно ли мечтать?  
И только мысль: тебя обнять,  
С тобой делить вино, мечтанья  
И о былом воспоминанья —  
Меня в ней может утешать.

Дельвиг скоро возвратился. Друзья-поэты часто встречались в Петербурге — у родителей Пушкина (Дельвиг был дружен со всей семьей и не раз смягчал конфликты в доме Пушкиных), у Плетнева, в Благородном пансионе у Кюхельбекера. Но уже 6 мая 1820 г. Дельвиг с великой печалью принужден был проводить Пушкина в южную ссылку. После этого, как подсчитали пушкинисты, им удалось пробыть вместе в общей сложности не более восьми месяцев. 9 писем Пушкина к Дельвигу и 6 писем Дельвига к Пушкину, относящихся к годам ссылки, сохраняют значение одного из важнейших источников наших сведений о литературных интересах и жизненных обстоятельствах Пушкина в первой половине 20-х годов. К сожалению, многие письма не дошли до нас, а некоторые не дошли и до Пушкина, затерявшись по дороге. Но от тех, что Пушкин получал, веяло, как писал он, «жизнию лицейскою». Он одобрял поэтические опыты Дельвига и поощрял его к новым трудам: «На днях попались мне твои прелестные сонеты — прочел их с жадностью, восхищением и благодарностью за вдохновенное воспоминание дружбы нашей».

Едва узнав, что Пушкин приехал из Одессы в Михайловское, Дельвиг собрался к нему: хотелось увидеться, о многом переговорить и заручиться поддержкой Пушкина для «Северных цветов». 10 сентября 1824 г. он обещал: «Только что все приведу в порядок — буду у тебя». Но задержался он надолго, а уже совсем собравшись, заехал навестить родителей, заболел и даже не писал Пушкину. А Пушкин так его ждал! Он даже, кажется, отправил ему письмо с единственной фразой на пустом листе: «Дельвиг, ты жив?» Чуть ли не десять раз он напоминал Льву Сергеевичу: «прошу поторопить Дельвига», «Дельви-

га жду!», огорчился: «Дельвига нет еще!» Наконец, 18 или 19 апреля 1825 г. Дельвиг добрался до Михайловского. Эту встречу как-то реже описывают, чем зимний приезд Пушкина. Но радости было не меньше, и свидание с Дельвигом вовсе не было бессодержательным. Шутливый тон Пушкина в письме к брату дела не меняет: «Как я был рад баронову приезду. Он очень мил! Наши барышни все в него влюбились, а он равнодушен, как колода, любит лежать на постеле, восхищаясь Чигиринским старостою». В приведенных строках Пушкина — отголосок лицейской традиции отношения к Дельвигу. Между тем на деле все было достаточно серьезно. «Чигиринский староста» — это вступление к поэме Рылеева «Наливайко». Все обсуждения и беседы, с этим связанные, были в какой-то мере продолжением встречи с Пушкиным. Хотя Дельвиг несколько месяцев не был в Петербурге, он хорошо знал настроение Рылеева и его окружения и о многом поведал Пушкину. По утрам (пока Дельвиг «лежал на постеле») поэты уточняли состав сборника стихотворений Пушкина, который готовился тогда к изданию. Наконец обсуждались «Северные цветы» и все, что было с ними связано. Потом, после нескольких партий на бильярде, — обед, приготовленный под руководством Арины Родионовны. А вечером — визиты в Тригорское, во многом напоминавшие картины, запечатленные в IV главе «Онегина». Дельвиг сразу же подружился с Осиповыми-Вульф и очаровал не только барышень, но и все семейство. 26 апреля «сын лени вдохновенной» выехал из Михайловского в Петербург.

Уже 5 июня 1825 г. Дельвиг, объясняя П. А. Осиповой, почему не отвечает на письма, сообщал: «тут замешалась любовь и любовь счастливая. Ваш знакомец Дельвиг женится на девушке, которую давно любит — на дочери Салтыкова, сочлена Пушкина по Арзамасу». Софье Михайловне Салтыковой было тогда только 19 лет. Мать ее умерла, отец, старый вольтерьянец и литератор, доживал свой век в Москве\*. Софья Михайловна была умна, очаровательна, обожала литературу и более всего — Пушкина. Она пи-

---

\* Никакому воображению не дано было тогда предсказать, что он на двадцать лет переживет зятя.

сала подруге: «Невозможно иметь больше ума, чем у Пушкина — я с ума схожу от этого. Дельви́г — очаровательный молодой человек, очень скромный, но не отличающийся красотой мальчик; что мне нравится, так это то, что он носит очки». Насчет очков Дельви́г шутил: «В Ли́цее мне запрещали носить очки, зато все женщины казались мне прекрасны; как я разочаровался в них после выпуска».

Но в данном случае разочарования, казалось бы, не произошло. Дельви́г женился и какое-то время был счастлив. Получив известие о предстоящей свадьбе, Пушкин писал: «Ты, слышал я, женишься... — поздравляю тебя, мой милый — будь счастлив, хоть это чертовски мудрено. Целую руку твоей невесте и заочно люблю ее как дочь Салтыкова и жену Дельви́га». Часто гостивший у Дельви́гов родственник вспоминал: «С. М. Дельви́г ко времени моего приезда в Петербург только что минуло 20 лет. Она была очень добрая женщина, миловидная, симпатичная, прекрасно образованная, но чрезвычайно вспыльчивая; так что делала такие сцены своему мужу, что их можно было выносить только при его хладнокровии». Семейная жизнь Дельви́га, увы, не была безмятежной. Излишне экзальтированная, не способная отказаться от постоянных увлечений, Софья Михайловна не всегда отвечала Дельви́гу благородством на благородство и любовью на любовь. В светлой лирике Дельви́га есть, пожалуй, только одно безысходно пессимистическое стихотворение (1829-й или 1830 год):

За что, за что ты отравила  
Неисцелимо жизнь мою?  
Ты как дитя мне говорила:  
«Верь сердцу, я тебя люблю!»

И мне ль не верить? Я так много,  
Так долго с пламенной душой  
Страдал, гонимый жизнью строгой,  
Далекий от семьи родной.

Мне ль холодным быть к любви прекрасной?  
О, я давно нуждался в ней!  
Уж помнил я, как сон неясный,  
И ласки матери моей.

И много ль жертв мне нужно было?  
Будь непорочна, я просил,



Чтоб вечно я душой унылой  
Тебя без ропота любил.

И все же дом Дельвигов стал одним из самых любимых домов Пушкина в Петербурге, когда, освобожденный из ссылки, он появился там в мае 1827 г. По средам и воскресеньям, а то и каждый день, квартира Дельвигов в трудные последекабрьские годы становилась даже не литературным салоном, а своего рода прибежищем писателей пушкинского круга \*. Там же помещалась редакция «Северных цветов», где Софья Михайловна пыталась исполнять обязанность секретаря и переписчика. О том, как проходили встречи Пушкина и Дельвига в те годы, правдиво рассказывает ближайшая приятельница и соседка Дельвигов Анна Петровна Керн (№ 36, 37).

В мае 1830 г. исполнилась сокровенная мечта Дельвига: у него родилась дочь. П. А. Вяземский, как и Пушкин, восхищавшийся идиллиями Дельвига, посвященными временам седой древности, шутил: «Поздравляю тебя с новою юною Идиллией и желаю ей в свое время сделаться древнею». Пожелание сбылось: Елизавета Антоновна Дельвиг дожила до 1913 года. Но отца ей фактически не суждено было узнать.

\* \* \*

Вторая половина 1830 года была для Пушкина необычайно насыщена событиями: семейство Гончаровых дало согласие на его брак с Натальей Николаевной; Болдинская осень принесла огромные литературные плоды; наконец, в самые последние дни года вышел в свет «Борис Годунов» — любимейшее его произведение. Но в один день радостного настроения как не бывало. Все рухнуло. 14 января 1831 г. умер Дельвиг. Пушкин узнал об этом 18 января в Москве и не находил в себе сил поехать с ужасным известием к старику Салтыкову. 20 числа он получил письмо от П. А. Плетнева: «Я не могу откладывать, хотя бы не хотел об этом писать к тебе. По себе чувст-

---

\* В 1984 г. в Ленинграде на Загородном проспекте, где в 1829—1831 гг. жил А. А. Дельвиг, установлена мемориальная доска.

вую, что должен перенести ты... Знаешь ли ты, что я говорю о нашем добром Дельвиге, который уже не наш?»

В переписке Пушкин чужд всякой аффектации. Ответное письмо его к Плетневу, полное отчаяния и горя, говорит о глубочайшем потрясении, которое он пережил. Напомним несколько строк: «Грустно, тоска. Вот первая смерть, мною оплаканная... никто на свете не был мне ближе Дельвига. Изю всех связей детства он один оставался на виду — около него собиралась наша бедная кучка. Без него мы точно осиротели».

Дельвиг умер, проболев несколько дней «гнилою горячкою». Но современники единодушно утверждали, что испытанное унижение и грубая брань Бенкендорфа приблизили его смерть. В «Литературной газете» было помещено четверостишие, посвященное героям французской революции 1830 года. Этого оказалось достаточно, чтобы по доносу Булгарина Бенкендорф вызвал Дельвига и пригрозил упечь его самого и приятелей — Пушкина и Вяземского — в тюрьму. Газета была сперва закрыта, потом передана другому редактору. Пустяковая простуда обернулась смертельной болезнью. За несколько дней до смерти он работал над статьей о «Борисе Годунове»; еще 11 января утром напевал свою песенку:

Дедушка,— девицы  
Раз мне говорили,—  
Нет ли небылицы,  
Иль старинной были?

Подлинную причину гибели Дельвига угадал в своей темнице «дальний друг» — Вильгельм Кюхельбекер: «Дельвиг, умный, веселый, рожденный, кажется, для счастья, а между тем, несчастливый... И почти все они (друзья-поэты.— В. К.) погибли насильственной смертью, а смерть Дельвига, смерть от тоски и грусти, чуть ли еще не хуже». Пушкинский круг писателей лишился человека, который умел объединять и ободрять друзей. Баратынский писал Плетневу: «Потеря Дельвига нам показала, что такое опустелый мир...».

В суматохе похоронов Софьи Михайловны украли ломбардные билеты на 54 тысячи рублей. Пушкин принялся за составление «Северных цветов» на 1832 год в пользу семьи Дельвига. В октябре 1831 г. он написал пророческие строки к очередной лицейской годовщине:

Чем чаще празднует Лицей  
Свою святую годовщину,  
Тем робче старый круг друзей  
В семью стесняется едину.  
Тем реже он; тем праздник наш  
В своем веселии мрачнее;  
Тем глуше звон заздравных чаш  
И наши песни тем грустнее...

И мнится, очередь за мной,  
Зовет меня мой Дельвиг милый,  
Товарищ юности живой,  
Товарищ юности унылой,  
Товарищ песен молодых,  
Пиров и чистых помышлений,  
Туда, в толпу теней родных  
Навек от нас утекший гений.

С 14 января 1831 г., когда не стало Дельвига, по 29 января 1837 г., когда скончался Пушкин, никто из лицейстов первого выпуска не умер.

### *Основная литература*

А. А. Дельвиг. Полное собрание стихотворений. Вступит. статья, подготовка текста и примеч. Б. В. Томашевского. Л., 1959.

А. А. Дельвиг. Стихотворения. Вступит. статья, подготовка текста и примеч. И. В. Исакович. М.—Л., 1963.

В. Э. Вацуру. «Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978.

«Северные цветы» на 1832 год. Издание подготовил Л. Г. Фризман. М., 1980.

1

ДЕЛЬВИГУ

Любовью, дружеством и ленью  
Укрытый от забот и бед,  
Живи под их надежной сенью;  
В уединении ты счастлив: ты поэт.  
Наперснику богов не страшны бури злые:  
Над ним их промысел высокий и святой;  
Его баюкают камни молодые  
И с перстом на устах хранят его покой.  
О милый друг, и мне богини песнопенья  
Еще в младенческую грудь  
Влияли искру вдохновенья  
И тайный указали путь:  
Я лирных звуков наслажденья  
Младенцем чувствовать умел,  
И лира стала мой удел.  
Но где же вы, минуты упоенья,  
Неизъяснимый сердца жар,  
Одушевленный труд и слезы вдохновенья!  
Как дым, исчез мой легкий дар.  
Как рано зависти привлек я взор кровавый  
И злобной клеветы невидимый кинжал!  
Нет, нет, ни счастьем, ни славой,  
Ни гордой жаждою похвал  
Не буду увлечен! В бездействии счастливым  
Забуду милых муз, мучительниц моих;  
Но, может быть, вздохну в восторге  
молчаливом,  
Внимая звуку струн твоих.

1817

*А. С. Пушкин.*

2

К ПОРТРЕТУ ДЕЛЬВИГА

Се самый Дельвиг тот, что нам всегда твердил,  
Что, коль судьбой ему даны б Нерон и Тит,  
То не в Нерона меч, но в Тита сей вонзил —  
Нерон же без него правдиву смерть узрит.

1817—1820

А. С. Пушкин.

3

Когда постиг меня судьбины гнев,  
Для всех чужой, как сирота бездомный,  
Под бурею главой поник я томной  
И ждал тебя, вещун пермесских дев,  
И ты пришел, сын лени вдохновенный,  
О Дельвиг мой: твой голос пробудил  
Сердечный жар, так долго усыпленный,  
И бодро я судьбу благословил.

С младенчества дух песен в нас торел,  
И дивное волнение мы познали;  
С младенчества две музы к нам летали,  
И сладок был их лаской наш удел:  
Но я любил уже рукоплесканья,  
Ты, гордый, пел для муз и для души;  
Свой дар, как жизнь, я тратил без вниманья,  
Ты гений свой воспитывал в тиши.

1825

А. С. Пушкин. «19 октября».

4

(При посылке бронзового Сфинкса)

Кто на снегах возрастил Феокрытовы нежные  
розы?  
В веке железном, скажи, кто золотой угадал?

Кто славянин молодой, грек духом, а родом  
германец?  
Вот загадка моя: хитрый Эдип, разреши!

1829

*А. С. Пушкин.*

5

\* \* \*

Мы рождены, мой брат названный,  
Под одинаковой звездой.  
Киприда, Феб и Вакх румяный  
Играли нашею судьбой.

Явились мы рано оба  
На ипподром, а не на торг  
Вблизи Державинского гроба,  
И шумный встретил нас восторг.

Твой слог могучий и свободный  
Какой-то дразнит пародист,  
И стих, надеждами доходный,  
Жует беззубый журналист.

Но ты, сын Феба беззаботный,  
Своих возвышенных затей  
Не предавал рукой расчетной  
Оценке хитрых торгашей.

В одних журналах нас ругали,  
Упреки те же слышим мы:  
Мы любим славу, да в бокале  
Топить разгульные умы.

Избаловало нас начало.  
И в гордой лености своей  
Заботились мы оба мало  
Судьбой гуляющих детей.

1830

*А. С. Пушкин*

6

ХУДОЖНИКУ

Грустен и весел вхожу, ваятель, в твою мастерскую:

Гипсу ты мысли даешь, мрамор послушен тебе:

Сколько богов, и богинь, и героев!.. Вот Зевс

громвержец,

Вот исподлобья глядит, дуя в цевницу, сатир.

Здесь зачинатель Барклай, а здесь совершитель

Кутузов.

Тут Аполлон-идеал, там Ниобея-печаль...

Весело мне. Но меж тем в толпе молчаливых

кумиров —

Грустен гуляю: со мной доброго Дельвига нет:

В темной могиле почил художников друг и советник.

Как бы он обнял тебя! Как бы гордился тобой!

1836

А. С. Пушкин

7

ПУШКИНУ

Кто, как лебедь цветущей Авзонии,

Осененный и миртом и лаврами,

Майской ночью при хоре порхающих,

В сладких грезах отвился от матери,—

Тот в советах не мудрствует; на́ стены

Побежденных знамена не вешает;

Столб кормами судов неприятельских

Он не красит пред храмом Ареевым;

Флот, с несчетным богатством Америки.

С тяжким золотом, купленным кровию,

Не взмущает двукраты экватора  
Для него кораблями бегущими.

Но с младенчества он обучается  
Воспевать красоты поднебесные,  
И ланиты его от приветствия  
Удивленной толпы горят пламенем.

И Паллада туманное облако  
Рассеивает от взоров,— и в юности  
Он уж видит священную истину  
И порок, исподлобья взирающий!

Пушкин! Он и в лесах не укроется;  
Лира выдаст его громким пением,  
И от смертных восхитит бессмертного  
Аполлон на Олимп торжествующий.

1815 (?)

А. А. Дельвиг

8

Н. М. ЯЗЫКОВУ

*Сонет*

Младой певец, дорогою прекрасной  
Тебе идти к парнасским высотам,  
Тебе венок (поверь моим словам)  
Плетет Амур с каменной сладкогласной.

От ранних лет я пламень не напрасный  
Храню в душе, благодаря богам,  
Я им влеком к возвышенным певцам  
С какою-то любовью пристрастной.





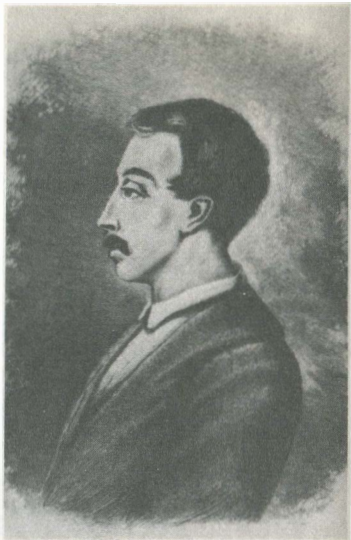
Л. С. ПУШКИН.  
*Рисунок А. О. Орловского. 1820-е гг.*



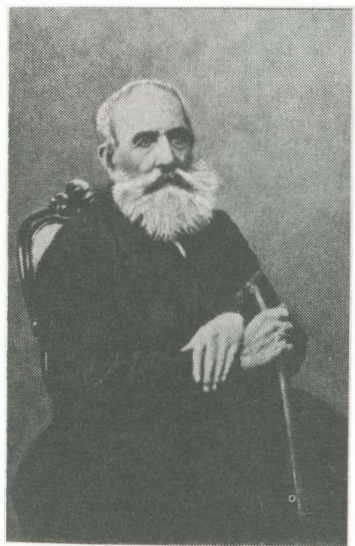
И. И. ПУЩИН.  
*Литография с оригинала  
Д. М. Соболевского. 1825 г.*



**А. А. ДЕЛЬВИГ.**  
Литография по рисунку  
В. П. Лангера. 1830 г.



**В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР.**  
Гравюра с оригинала  
П. Яковлева 1820-х гг.



**И. В. МАЛИНОВСКИЙ.**  
Фотография 1860-х гг.



**Ф. Ф. МАТЮШКИН.**  
Рисунок неизвестного художника  
1816—1817 гг.

Я Пушкина младенцем полюбил,  
С ним разделя и грусть и наслаждение,  
И первый я его услышал пенье

И за себя богов благословил,  
Певца *Пиров* я с Музой подружил  
И славой их горжусь в вознаграждение.

1821

А. А. Дельвиг

9

Друг Дельвиг, мой парнасский брат,  
Твоей я прозой был утешен,  
Но признаюсь, барон, я грешен:  
Стихам я больше был бы рад.  
Ты знаешь сам: в минувши годы  
Я на берегу парнасских вод  
Любил марать поэмы, оды,  
И даже зрел меня народ  
На кукольном театре моды.  
Бывало, что ни напишу,  
Всё *для иных не Русью пахнет*;  
Об чем цензуру ни прошу,  
Ото всего Тимковский ахнет.  
Теперь едва, едва дышу!  
От воздержанья муза чахнет.  
И редко, редко с ней грешу.  
К неверной славе я хладею;  
И по привычке лишь одной  
Лениво волочусь за нею,  
Как муж за гордою женой.  
И позабыл ее обеты,  
Одна свобода мой кумир,  
Но всё люблю, мои поэты,  
Счастливый голос ваших лир.  
Так точно, позабыв сегодня  
Проказы младости своей,  
Глядит с улыбкой ваша сводня  
На шашни молодых...

Жалею, Дельвиг, что до меня дошло только одно из твоих писем, именно то, которое мне доставлено любезным Гнедичем, вместе с девственной Людмилою.— Ты не довольно говоришь о себе и об друзьях наших — о путешествиях Кюхельбекера слышал я уж в Киеве. Желаю ему в Париже дух целомудрия, в канцелярии Нарышкина дух смиренномудрия и терпения, об духе любви я не беспокоюсь, в этом нуждаться не будет, о празднословии молчу — дальний друг не может быть излишне болтлив. В твоём отсутствии сердце напоминало о тебе, об твоей музе — журналы. Ты всё тот же — талант прекрасный и ленивый. Долго ли тебе шалить, долго ли тебе разменивать свой гений на серебряные четвертаки. Напиши поэму славную, только не четыре части дня и не четыре времени года, напиши своего Монаха. Поэзия мрачная, богатырская, сильная, байроническая — твой истинный удел — умертви в себе ветхого человека — не убивай вдохновенного поэта. Что до меня, моя радость, скажу тебе, что кончил я новую поэму — *Кавказский пленник*, которую надеюсь скоро вам прислать. Ты ею не совсем будешь доволен и будешь прав; еще скажу тебе, что у меня в голове бродят еще поэмы, но что теперь ничего не пишу. Я перебарываю воспоминания и надеюсь набрать вскоре новые; чем нам и жить, душа моя, под старость нашей молодости, как не воспоминаниями? ...

*Пушкин — А. А. Дельвигу. 23 марта 1821.*

10

Дельвиг, Дельвиг! пиши ко мне и прозой и стихами; благословляю и поздравляю тебя — добился ты наконец до точности языка — единственной вещи, которой у тебя не доставало.

*Пушкин — из письма к Л. С. Пушкину.  
30 января 1823.*

11

Мой Дельвиг, я получил все твои письма и отвечал почти на все. Вчера повеяло мне жизнью лицейскою, слава и благодаренье за то тебе и моему Пушкину! Вам скучно, нам скучно: сказать ли вам сказку про белого быка? Душа моя, ты слишком мало пишешь, по крайней мере слишком мало печатаешь. Впрочем я живу по-азиатски, не читая ваших журналов. На днях попались мне твои прелестные сонеты — прочел их с жадностью, восхищением и благодарностью за вдохновенное воспоминание дружбы нашей. Разделяю твои надежды на Языкова и давнюю любовь к непорочной музе Баратынского. Жду и не дожусь появления в свет ваших стихов; только их получу, заколю агнца, восхваляю господу — и украшу цветами свой шалаш <...> Пишу теперь новую поэму, в которой забалтываюсь до-нельзя. Бируков ее не увидит за то, что он фи-дитя, блажной дитя. Бог знает когда и мы прочитаем ее вместе — скучно, моя радость! вот припев моей жизни.

*Пушкин — А. А. Дельвигу. 16 ноября 1823.*

12

Милый Пушкин, письмо твое и «Прозерпину» я получил и тоже в день получения благодарю тебя за них. «Прозерпина» не стихи, а музыка: это пенье райской птички, которое слушая, не увидишь, как пройдет тысяча лет. Эти двери давно мне знакомы. Сквозь них, еще в Лицее, меня часто выталкивали из Элизея. Какая искусная щеголиха у тебя истина. Подобных цветов мороз не тронет!..

Теперь дело о деньгах. Ежели ты хочешь продать второе издание «Руслана», «Пленника» и, ежели можно «Бахчисарайского фонтана», то пришли мне Доверенность. Об этом меня трое книгопродавцев просят; ты видишь, что я могу произвести между ними

торг и продать выгодно твое рукоделье. Издания же будут хороши. Ручаюсь.

Сергею Львовичу, Надежде Осиповне и Ольге Сергеевне мое почтение. Льву скажи, что я с ним не помирюсь на одно письмо. Только что всё приведу в порядок — буду у тебя. Да нет ли, брат, у тебя какой прозы, удобопропускаемой цензурой? Пришли, коли есть. Есть еще у меня не просьба, но только спрос: не вздумаешь ли ты дать мне стихов двадцать из «Евгения Онегина»? Это хорошо бы было для толпы, которая не поймет всей красоты твоей «Прозерпины» или «Демона», а уж про «Онегина» давно горло дерет. Подумайте, ваше Парнасское величество! Обнимаю тебя. Матюшкин тебе кланяется и слепец Козлов, который только что и твердит о тебе да о Байроне. Люби Дельвига.

*А. А. Дельвиг — Пушкину. 10 сентября 1824.*

13

Великий Пушкин, маленькое дитя! Иди как шел, т. е. делай, что хочешь, но не сердися на меры людей, и без тебя довольно напуганных! Общее мнение для тебя существует и хорошо мстит. Я не видал ни одного порядочного человека, который бы не бранил за тебя Воронцова, на которого все шишки упали. Ежели б ты приехал в Петербург, бьюсь об заклад, у тебя бы целую неделю была толкотня от знакомых и незнакомых почитателей. Никто из писателей русских не поворачивал так каменными сердцами нашими, как ты. Чего тебе недостает? Маленького снисхождения к слабым. Не дразни их год или два, бога ради! Употреби получше время твоего изгнания. Продав второе издание твоих сочинений, пришлю тебе и денег и, ежели хочешь, новых книг. Объяви только волю каких и много ли. Журналы все будешь получать. Сестра, брат, природа и чтение, с ними не умрешь со скуки. Я разве буду навозить ее. Нет ничего

скучнее теперешнего Петербурга. Вообрази, даже простых шалунов нет! — Квартальных некому бить! Мертво и холодно или иначе: свежо и прохладно!..

*А. А. Дельвиг — Пушкину. 28 сентября 1824.*

14

Милый Пушкин, вообрази себе, как меня судьба отдаляет от Михайловского. Я уж был готов отправиться за Прасковьей Александровной к тебе, вдруг приезжает ко мне отец и берет с собою в Витебск. Отлагаю свиданье наше до 11-го марта, и тут вышло не по-моему. На четвертый день приезда моего к своим попадаюсь в руки короткой знакомой твоей, в руки Горячки, которая посетила меня не одна, а с воспалением в правом боку и груди. Кровопускание и шпанские мухи сократили их посещение, и я теперь выздоравливаю и собираюсь выехать из Витебска в четверг на святой неделе, следственно в субботу у тебя буду. Из Петербурга я несколько раз писал к тебе: но у меня был человек немного свободномыслящий. Он не полагал за нужное отправлять мои письма на почту. Каково здоровье твое, душа моя? Ежели ты получишь письмо мое в начале страстной недели, то еще успеешь отвечать мне, когда найдешь это приятным для себя. Я ничего не знаю петербургского, и ты меня можешь поподчевать новостями *оного*. Хотя литературные новости наши более скучны и досадны, нежели занимательны. Онегин твой у меня, читаю его и перечитываю и горю нетерпением читать продолжение его, которое должно быть, судя по первой главе, любопытнее и любопытнее. Целую крылья твоего Гения, радость моя.

*А. А. Дельвиг — Пушкину. 20 марта 1825.*

15

Зачем ты не хотел отвечать на письма Дельвига? Он человек, достойный уважения во всех отношениях,

и не чета нашей литературной Санкт-Петербургской сволочи. Пожалуйста, ради меня, поддержи его *Цветы* \* на следующий год. Мы все об них постараемся. Что мнишь ты о Полярной?.. Есть ли у тебя какие-нибудь известия об Одессе? перешли мне что-нибудь о том.

---

\* Да нет ли у тебя и прозы?

*Пушкин — П. А. Вяземскому. Апрель 1825.*

16

Как я был рад баронову приезду. Он очень мил! Наши барышни все в него влюбились — а он равнодушен, как колода, любит лежать на постеле, восхищаясь Чигиринским старостою. Приказывает тебе кланяться, мысленно тебя целуя 100 раз, желает тебе 1000 хороших вещей (например, устриц).

*Пушкин — Л. С. Пушкину. 22 апреля 1825.*

17

Жду, жду писем от тебя — и не дождусь — не принял ли ты опять во услужение покойного Никиту — или ждешь okazji? — проклятая okazия! Ради бога, напиши мне что-нибудь: ты знаешь, что я имел несчастье потерять бабушку Чичерину и дядю Петра Львовича — получил эти известия без приуготовления и нахожусь в ужасном положении — утешь меня, это священный долг дружбы (сего священного чувства).

Что делают мои *Разные стихотворения*? видел ли их Бируков Грозный? От Плетнева не получаю ни единой строчки; что мой Онегин? продается ли? кстати: скажи Плетневу, чтоб он Льву давал из моих де-



нег на орехи, а не на комиссии мои, потому что это напрасно: такого бессовестного комиссионера нет и не будет.

*Пушкин — А. А. Дельвигу. Июнь 1825.*

18

Что не слышно тебя! у нас осень, дождик шумит, ветер шумит, лес шумит — шумно, а скучно. Женится ли Дельвиг? опиши мне всю церемонию. Как он хорош должен быть под венцом! жаль, что я не буду его шафером.

*Пушкин — П. А. Плетневу. Июль 1825.*

19

Сейчас узнаю, что ты ко мне писал, но письмо твое до меня не дошло, дай бог, чтоб новый Никита им воспользовался! я чрезвычайно за тебя беспокоюсь; не сказал ли ты чего-нибудь лишнего или необдуманного; участие дружбы можно перетолковать в другую сторону — а я боюсь быть причиною неприятностей для лучших из друзей моих <...>

Ты, слышал я, женишься в августе, поздравляю, мой милый — будь счастлив, хоть это чертовски мудрено. Целую руку твоей невесте и заочно люблю ее, как дочь Салтыкова и жену Дельвига.

*Пушкин — А. А. Дельвигу. 23 июля 1825.*

20

Насилу ты мне написал и то без толку, душа моя. Вообрази, что я в глуши ровно ничего не знаю, переписка моя отовсюду прекратилась, а ты пишешь мне, как будто вчера мы целый день были вместе и наговорились досыта. Конечно, я ни в чем не заме-

шан, и если правительству досуг подумать обо мне, то оно в том легко удостоверится. Но просить мне как-то совестно, особенно ныне; образ мыслей моих известен. Гонимый шесть лет сряду, замаранный по службе выключкою, сосланный в глухую деревню за две строчки перехваченного письма, я, конечно, не мог доброжелательствовать покойному царю, хотя и отдавал полную справедливость истинным его достоинствам, но никогда я не проповедовал ни возмущений, ни революции — напротив. Класс писателей, как заметил Alfieri \*, более склонен к умозрению, нежели к деятельности, и если 14 декабря доказало у нас иное, то на то есть особая причина. Как бы то ни было, я желал бы *вполне* и *искренно* помириться с правительством, и, конечно, это ни от кого, кроме его, не зависит. В этом желании более благоразумия, нежели гордости с моей стороны.

С нетерпением ожидаю решения участи несчастных и обнаружение заговора. Твердо надеюсь на великодушие молодого нашего царя. Не будем ни суеверны, ни односторонни — как французские трагики; но взглянем на трагедию взглядом Шекспира. Прощай, душа моя.

*Пушкин — А. А. Дельвигу. Начало февраля 1826.*

21

Мой друг барон, я на тебя не дулся и долгое твоё молчание великодушно извинял твоим Гименеем <...> Когда друзья мои женятся, им смех, а мне горе; но так и быть: апостол Павел говорит в одном из своих посланий, что лучше взять себе жену, чем идти в геенну и во огонь вечный,— обнимаю и поздравляю тебя — рекомендую меня баронессе Дельвиг.

*Пушкин — А. А. Дельвигу. 20 февраля 1826.*

---

\* Альфиери (итал.).

22

Пиши ради бога ко мне, ты ни на одно письмо мое не отвечаешь. Странно для меня, как ты не отвечал на последнее. Оно заключало другое письмо, которое, если не тронуло тебя, то ты не поэт, а камень. Осипова тебе кланяется, я с ней часто говорю о тебе, и вместе грустим. Нынче буду обедать у ваших, провожать Льва. Увижу твою нянюшку и Анну Петровну Керн, которая (между нами) вскружила совершенно голову твоему брату Льву. Ты, слышу, хочешь жениться, благословляю — только привози сюда жену познакомиться с моею. Прощай.

*А. А. Дельви́г — Пушкину.  
Первая половина января (?) 1827.*

23

Вот тебе обещанная элегия, душа моя. Теперь у тебя отрывок из Онегина, отрывок из Бориса да эта пьеса. Постараюсь прислать еще что-нибудь. Вспомни, что у меня на руках Московский Вестник, и что я не могу его оставить на произвол судьбы и Погодина. Если кончу послание к тебе о черепахе твоего деда, то мы и его тиснем. Я в деревне и надеюсь много писать, в конце осени буду у вас; вдохновенья еще нет, покаместь принялся я за прозу. Пиши мне о своих занятиях. Что твоя проза и что твоя поэзия? Рыцарский Ревель разбудил ли твою заспанную музу? у вас Булгарин? кстати: Сомов говорил мне о его «Вечере у Карамзина». Не печатай его в своих Цветах. Ей-богу неприлично. Конечно, вольно собаке и на владыку лаять, но пускай лает она на дворе, а не у тебя в комнатах. Наше молчание о Карамзине и так неприлично; не Булгарину прерывать его. Это было б еще неприличнее. Что твоя жена? помогло ли ей море? Няня ее целует, а я ей кланяюсь. — Пиши же.

*Пушкин — А. А. Дельви́гу. 31 июля 1827.*

24

Ваше Поэтическое высокопревосходительство, честь имею донести вам, что я уже десять дней нахожусь в г. Харькове. Где не перестаю говорить об вас с г. г. профессорами, судящими об вас по рекомендации Фадея Венедиктовича. Например, слышал я от них, что вышепомянутая персона ставит Цыганов выше всех произведений европейских муз. Горько мне было молчать, но подумав, что великие тени Гомера, Данте и Шекспира сами могут за себя говорить, оставил я намерение возражать противу сего афоризма. При том же помыслил: да будет Булгарин пророком хотя во граде Харькове и да скажет он, услыша, как здесь верят в слова его: «веры такой и в Израиле не обретох». — Проезжая первопрестольный град Москву, ходил я на поклонение к поклоняемому и славимому Ивану Ивановичу Дмитриеву и приложился к мощам преподобного дядюшки вашего... Благослови, святой Александр, брата младшего твоего Антония и посети будущие Северные цветы его духом животворящим, яко же посещал их прежде. Здравие и долгоденствие желает тебе, брат любезнейший,

*твой Дельвиг*

*и супруга его София.*

*А. А. Дельвиг — Пушкину. Февраль 1828.*

25

Хлопочи, хлопочи обо мне, брат Пушкин, и пожай меня. Добрый отец мой умер. Скажи о моей печали почтеннейшему Сергею Львовичу и Надежде Осиповне. Я уверен, они примут живое участие в горе моем. Целую ручки у Надежды Осиповны, Ольги Сергеевны, Павлищеву кланяюсь. В августе увижусь с тобой. Жена моя целует тебя в гениальный лоб. Будь здоров.

*А. А. Дельвиг — Пушкину. Июль 1828.*

Посылаю тебе, барон, вассальскую мою подать, именуемую цветочною, по той причине, что платится она в ноябре, в самую пору цветов. Доношу тебе, моему владельцу, что нынешняя осень была детородна, и что коли твой смиренный вассал не околеет от сарацинского падежа, холерой именуемого и занесенного нам крестовыми воинами, т. е. бурлаками, то в замке твоём, Литературной Газете, песни трубадуров не умолкнут круглый год. Я, душа моя, написал пропасть полемических статей, но, не получая журналов, отстал от века и не знаю, в чем дело — и кого надлежит душить, Полевого или Булгарина. Отец мне ничего про тебя не пишет. А это беспокоит меня, ибо я всё-таки его сын — т. е. мнителен и хандрлив (каково словечко?). Скажи Плетневу, что он расцеловал бы меня, видя мое осеннее прилежание. Прощай, душа, на другой почте я, может быть, еще что-нибудь тебе пришлю.

Я живу в деревне как в острове, окруженный карантинами. Жду погоды, чтоб жениться и добраться до Петербурга — но я об этом не смею еще и думать.

*Пушкин — А. А. Дельвигу. 4 ноября 1830.*

Что скажу тебе, мой милый! Ужасное известие получил я в воскресенье. На другой день оно подтвердилось. Вчера ездил я к Салтыкову объявить ему всё — и не имел духу. Вечером получил твое письмо. Грустно, тоска. Вот первая смерть, мною оплаканная. Карамзин под конец был мне чужд, я глубоко сожалел о нем как русский, но никто на свете не был мне ближе Дельвига. Из всех связей детства он один оставался на виду — около него собиралась на-

ша бедная кучка. Без него мы точно осиротели. Считай по пальцам: сколько нас? ты, я, Баратынский, вот и всё.

Вчера провел я день с Нашокиным, который сильно поражен его смертью, — говорили о нем, называя его покойник Дельвиг, и этот эпитет был столь же странен, как и страшен. Нечего делать! согласимся. Покойник Дельвиг. Быть так.

Баратынский болен с огорчения. Меня не так-то легко с ног свалить. Будь здоров — и постараемся быть живы.

*Пушкин — П. А. Плетневу. 21 января 1831.*

28

Смерть Дельвига нагоняет на меня тоску. Помимо прекрасного таланта, то была отлично устроенная голова и душа незаурядного закала. Он был лучшим из нас. Наши ряды начинают редеть. (Франц.)

*Пушкин — Е. М. Хитрово. 21 января 1831.*

29

Баратынский собирается написать жизнь Дельвига. Мы все поможем ему нашими воспоминаниями. Не правда ли? Я знал его в Лицее — был свидетелем первого, незамеченного развития его поэтической души и таланта, которому еще не отдали мы должной справедливости. С ним читал я Державина и Жуковского — с ним толковал обо всем, что душу волнует, что сердце томит. Я хорошо знаю, одним словом, его первую молодость; но ты и Баратынский знаете лучше его раннюю зрелость. Вы были свидетелями возмужалости его души. Напишем же втроем жизнь нашего друга, жизнь, богатую не романическими приключениями, но прекрасными чувствами, светлым чистым разумом и надеждами. Отвечай мне на это.

*Пушкин — П. А. Плетневу. 31 января 1831.*

30

(Между нами) У Дельвига осталось два брата без гроша денег, на руках его вдовы, потерявшей большую часть маленького своего имения. Нынешний год мы выдадим *Северные Цветы* в пользу двух сирот. Ты пришли мне стихов и прозы; за журнал наш приемся после.

*Пушкин — П. А. Вяземскому. Август 1831.*

\* \* \*

31

Дельвиг родился в Москве (1798 году, 6 августа). Отец его, умерший генерал-майором в 1828 году, был женат на девице Рахмановой.

Дельвиг первоначальное образование получил в частном пансионе; в конце 1811 года вступил он в Царскосельский Лицей. Способности его развивались медленно. Память у него была тупа; понятия ленивы. На 14-м году он не знал никакого иностранного языка и не оказывал склонности ни к какой науке. В нем заметна была только живость воображения. Однажды вздумалось ему рассказать нескольким из своих товарищей поход 1807-го года, выдавая себя за очевидца тогдашних происшествий. Его повествование было так живо и правдоподобно и так сильно действовало на воображение молодых слушателей, что несколько дней около него собирался кружок любопытных, требовавших новых подробностей о походе. Слух о том дошел до нашего директора В. Ф. Малиновского, который захотел услышать от самого Дельвига рассказ о его приключениях. Дельвиг постыдился признаться во лжи столь же невинной, как и замысловатой, и решился ее поддержать, что и сделал с удивительным успехом, так что никто из нас не сомневался в истине его рассказов, покаместь он сам

не признался в своем вымысле. Будучи еще пяти лет от роду, вздумал он рассказывать о каком-то чудесном видении и смутил им всю свою семью. В детях, одаренных игривостью ума, склонность ко лжи не мешает искренности и прямоте. Дельвиг, рассказывающий о таинственных своих видениях и о мнимых опасностях, которым будто бы подвергался в обозе отца своего, никогда не лгал в оправдание какой-нибудь вины, для избежания выговора или наказания.

Любовь к поэзии пробудилась в нем рано. Он знал почти наизусть Собрание русских стихотворений, изданное Жуковским. С Державиным он не расставался. Клопштока, Шиллера и Гельти прочел он с одним из своих товарищей, живым лексиконом и вдохновенным комментарием; Горация изучил в классе, под руководством профессора Кошанского. Дельвиг никогда не вмешивался в игры, требовавшие проворства и силы; он предпочитал прогулки по аллеям Царского Села и разговоры с товарищами, коих умственные склонности сходились с его собственными. Первыми его опытами в стихотворстве были подражания Горацию. Оды «К Диону», «К Лилете», «Дориде» писаны им на пятнадцатом году и напечатаны в собрании его сочинений безо всякой перемены. В них уже заметно необыкновенное чувство гармонии и той классической стройности, которой никогда он не изменял. В то время (1814 году) покойный Влад. Измайлов был издателем «Вестника Европы». Дельвиг послал ему свои первые опыты; они были напечатаны без имени его и привлекли внимание одного знатока, который, видя произведения нового, неизвестного пера, уже носящие на себе печать опыта и зрелости, ломал себе голову, стараясь угадать тайну анонима. Впрочем, никто не обратил тогда внимания на ранние опресноки столь прекрасного таланта! никто не приветствовал вдохновенного юношу, между тем как стихи одного из его товарищей, стихи посредственные, заметные только по некоторой легкости и чистоте мелочной отделки, в то же время были рас-



хвалены и прославлены, как чудо! Но такова участь Дельвига: он не был оценен при раннем появлении на кратком своем поприще; он еще не оценен и теперь, когда покоится в своей безвременной могиле!

*А. С. Пушкин.* Дельвиг.  
(Неоконченная статья). Не позднее 1834.

32

Идиллии Дельвига для меня удивительны. Какую силу воображения должно иметь, дабы так совершенно перенестись из 19 столетия в золотой век, и какое необыкновенное *чутье* изящного, дабы так угадать греческую поэзию сквозь латинские подражания или немецкие переводы, эту роскошь, эту негу, эту прелесть более отрицательную, чем положительную, которая не допускает ничего напряженного в чувствах; тонкого, запутанного в мыслях; лишнего, неестественного в описаниях!

*А. С. Пушкин.*  
Отрывки из писем, мысли и замечания. 1827.

33

Дельвиг не любил поэзии мистической. Он говорил: «Чем ближе к небу, тем холоднее».

*А. С. Пушкин.*  
Исторические анекдоты.  
1831 (?)

34

Мы читали и перечитывали и в третьем издании «Бахчисарайский фонтан». Человек, не лишенный чувства изящного, не устанет читать подобные сочи-

нения, как охотник до жемчугу пересматривать богатое ожерелье. В каждый новый раз удовольствие углубляется, потому что все более и более убеждаешься в неподдельной красоте своей драгоценности. Пушкин в сей поэме достиг до неподражаемой зрелости искусства в поэзии выражений, а в сцене Заремы с Марией уже ясно обнаружил истинное драматическое дарование, с большим блеском впоследствии развившееся в трагедии «Борис Годунов» и в исторической поэме «Полтава».

А. А. Дельвиг. О третьем издании  
«Бахчисарайского фонтана». 1830.

35

Некоторых чересчур любопытных читателей и двух-трех журналистов занимает важная мысль: к какому роду должно отнести сие поэтическое произведение? Один называет его трагедией, другой драматическим романом, третий романом, четвертый романической драмой и т. д. К чему приведет их разрешение сей задачи? Не к познанию ли, по каким правилам судить новое сочинение? Назовите его не по правилам, но по впечатлениям, которые получите после долгого, внимательного чтения. Каждое оригинальное произведение имеет свои законы, которые нужно заметить и объявить, но единственно для того, чтобы юноши, учащиеся поэзии, и люди, не живо чувствующие, легче могли понять все красоты изящного творения. Воображать же, чтобы законы какой-нибудь поэмы, трагедии и проч. были неперменными мерилами пьес, после них написанных,— и смешно, и недостойно человека мыслящего. Пора убедиться нам, что человек, как бы учен ни был, сколько бы правил ни знал, но не имеющий поэтического таланта, ничего необыкновенного не напишет. Сколько французов, сколько русских слепо верили в правила французской

драматургии; и что же они написали? Ничего, что бы можно было читать после Расина, который не по трем единствам читается, пересчитывается и будет читаться, а по чему-то иному, чего, к несчастью, и недостает ученым его подражателям.

«Борис Годунов», бесспорно, должен стать выше прочих произведений А. С. Пушкина. Поэма «Полтава» была, так сказать, переходом нашего поэта от юности к зрелому возрасту, от поэзии воображения и чувств к поэзии высшей, в которой вдохновенное соображение всему повелитель: словом, от «Кавказского пленника», «Бахчисарайского фонтана», «Цыганов» и пр.— к «Борису Годунову». Уже в «Полтаве» мыслящих читателей поразила эта важная простота, принадлежность зрелого таланта, чуждая безотчетных увлечений и блестящих эффектов, но богатая поэзией истины. В прежних поэмах Пушкина план и характеры едва были начертаны и служили ему посторонними средствами, разнообразившими длинный монолог, в коем он изливал свою душу. В «Полтаве» поэт уже редко выходит на сцену и не говорит из-за кулис вместо действующих лиц; нет, герои поэмы его живут своею незаимствованною жизнью. И с историей в руке никто не уличит их в самозванстве! Одна завистливая посредственность бранила сие произведение, как, вероятно, будет бранить и «Бориса Годунова». Но не для нее поэт пишет, не ее слушают образованные читатели. Единственный недостаток поэмы «Полтава», по нашему мнению, заключается в лирической форме. Предмет сей следовало бы вставить в драматическую раму. Сколько превосходных сцен остались неразвитыми, потому только, что лирическая поэзия намекает, а не досказывает. Петр Великий, Карл XII, Мазепа, старец Палей, Кочубей, дочь их, влюбленный казак, Орлик: вот восемь замечательных, первостепенных характеров, совершенно постигнутых поэтом! Мы готовы утвердительно сказать, что драма «Полтава» не уступила бы драме, нами разбираемой.

Единство действия, сие условие, предписанное искусству самой природой, строго соблюдено Пушки-

ным. Подобно солнцу, силою своею в порядке управляющему целою системой планет, Борис Годунов до последнего издыхания великим умом все держит, над всем властвует. Куда поэт ни переносится, везде влияние Бориса видимо, и только одна смерть его взвела на престол Самозванца. Характер Бориса, чрезвычайно заманчивый в самой истории, только в вялом романе «Дмитрий Самозванец» выставленный бледным и безжизненным, не только выдержан нашим поэтом, но еще как будто помощью увеличительного стекла придвинут к нам. Мы видим самые тайные изгибы сердца его и везде признаем подлинность нами видимого. Пушкин в минуту восторга, кажется, снова пережил всю жизнь этого самовольного Эдипа нашей истории и ни одной строкой, ни одним словом нас не разочаровывает. Везде в Годунове видим человека великого, достойного царствовать и быть благодетелем рода человеческого, но униженного ужасным злодеянием, которое, как фурия, его преследует и на каждое доброе дело его накидывает покров отвратительный. Видя хотя и заслуженные страдания великого человека, невольно умиляешься, невольно веришь, что кара за убийство невинного царевича падет на одну голову его, и не тронет его невинного сына; но за чистую кровь Димитрия небо потребовало чистой жертвы, и нам, знающим судьбу его семейства, тем трогательнее кажутся последние слова умирающего Бориса, вотще наставляющего сына, как царствовать.

А. А. Дельвиг.  
«Борис Годунов». Статья. 1831.

По отъезде отца и сестры из Петербурга я перешла на маленькую квартирку в том же доме, где жил Дельвиг, и была свидетельницею свидания его с Пушкиным. Последний, узнавши о приезде Дельвига, тотчас приехал, быстро пробежал через двор и бро-

сился в его объятия; они целовали друг у друга руки и, казалось, не могли наглядеться один на другого. Они всегда так встречались и прощались: была обаятельная прелесть в их встречах и расставаниях.

В эту зиму Пушкин часто бывал по вечерам у Дельвига, где собирались два раза в неделю лицейские товарищи его...

*А. П. Керн.*

Воспоминания о Пушкине.

37

Юмор Дельвига, его гостеприимство и деликатность часто наводили меня на мысль о Вальтер Скотте, с которым, казалось мне, у него было сходство в домашней жизни. В его поэтической душе была какая-то детская ясность, сообщавшая собеседникам безмятежное чувство счастья, которым проникнут был сам поэт. Этой особенностью Дельвига восхищался Пушкин. Прочитав в Одессе романс Дельвига «Прекрасный день, счастливый день, и солнце и любовь...», в котором так много ясности и счастья, он говорил, что прочувствовал вполне это младенческое излияние поэтической души Дельвига, и что самое стихосложение этого романса верно передало ему всю светлость чистого чувства любви поэта. Он восхищался притом другими пьесами Дельвига, равно как и поэзией Баратынского. Эти три поэта были связаны глубокой симпатией. Баратынский присылал Дельвигу свои сочинения до отсылки в печать, и последний отдавал их переписывать жене. Баратынский никогда не ставил знаков препинания, кроме запятой; Дельвиг знал эту особенность своего друга и, отдавая жене стихи его, всегда говорил: «Пиши, Сонинька, до точки». Дельвиг рассказывал однажды, будто Баратынский спрашивал у него: «Что называешь ты родительным падежом?»...

*А. П. Керн.*

Воспоминания о Пушкине, Дельвиге и Глинке.

Кстати, я познакомилась с Дельвигом...; он привез от Пушкина продолжение «Евгения Онегина» и читал нам его; это очаровательно; там есть детали еще более верные и более комические, чем в первой части; каждый стих достоин того, чтобы быть удержанным в памяти, это поистине восхитительно. Онегин поселился в деревне своего дяди, которого он похоронил и которого он является наследником; описание его деревенских соседей — верх естественности и в высшей степени комично. Невозможно иметь больше ума, чем у Пушкина, — я с ума схожу от этого. Дельвиг — очаровательный молодой человек, очень скромный, но не отличающийся красотой мальчик; что мне нравится, — это то, что он носит очки, — это и тебе должно также нравиться.

*14 мая 1825.*

Я очень забавляюсь всю эту неделю чтением писем Пушкина к Антоше, у которого постоянная с ним переписка; я хотела бы дать тебе прочитать эти письма, которые сверкают умом. Пушкин очарователен во всех видах, — в прозе так же, как и в стихах. Его брат, который здесь, говорят, тоже очень умен; я надеюсь, часто его видеть, когда выйду замуж; общество, которое я буду посещать, будет состоять из писателей; это восхищает меня: это именно тот круг, который я всегда желала иметь у себя, и вот мое желание исполнилось. Что хорошо, это то, что у нас будут бывать только люди интимные, никого из великосветских, — друзья и добрые знакомые.

*20 июля 1825.*

---

\* Из писем С. М. Салтыковой (Дельвиг) А. Н. Семеновой (Карелиной).

Не знаю хорошо, какой ответ дать тебе о произведениях Пушкина, которые не находятся в его собрании. Это был каприз с его стороны, и я не умею тебе сказать, подарит ли он нам когда-нибудь произведения, которые он у нас отнял. Он не считал их достойными того, чтобы быть напечатанными. Ты должна помнить прелестную маленькую вещь — «К Морфею»: она также не была допущена в сборник, и бог знает почему заслужила эту немилость, так как она вовсе не менее достойна Пушкина, чем столько других ее подруг, которым он даровал свою милость. Что тебе, конечно, будет приятно, — это, что он хочет напечатать «Цыган» и — вскоре. Он также только что закончил свою историческую трагедию о Борисе Годунове; это, как говорят, очень красиво. Мой муж читал часть ее в прошлом году, во время своего пребывания у него. Это такая трагедия, какие ты любишь, — т. е. в роде Шекспира и Шиллера — в ней нет ничего французского.

*25 марта 1826.*

Скажу тебе, друг мой, новость, которая верно порадует тебя. Пушкину позволили выехать из деревни и жить в столице. Как мы обрадовались! Вот что нам пишет один наш знакомый, который видел его в Москве: «П. приехал сюда 9 сентября, был представлен государю, говорил с ним более часу и осыпан милостивым вниманием». Какое счастье! После 6 лет изгнания! Он приедет, по всей вероятности, сюда.

*14 сентября 1826.*

Кстати о Пушкиных: я познакомилась с Александром, — он приехал вчера и мы провели с ним день у его родителей. Сегодня вечером мы ожидаем его к себе, — он будет читать свою трагедию «Борис Годунов». Я в восторге, что его увидела наконец. Я говорю о нем с тобою более подробно, когда узнаю, что тебе лучше, до настоящего времени я ничего

еще не могу сказать тебе. Что он умен,— это мы знаем уже издавна, но я не знаю, любезен ли он в обществе,— вчера он был довольно скучен и ничего особенного не сказал; только читал прелестный отрывок из 5-й главы «Онегина». Что касается «Цыган»,— то не моя вина, что я тебе их еще не посылаю на этой почте: у меня был один единственный экземпляр, который я предназначала тебе, но Петр Иванович Полетика просил меня уступить его ему, говоря, что я могу достать себе другой вместо него, так как он вынужден на другой день уехать, что он и сделал,— а у петербургских книгопродавцев нет их больше ни одного экземпляра (они были отпечатаны в Москве), но теперь, когда сам автор здесь, мне уже не трудно будет получить их.— Надобно было видеть радость матери Пушкина: она плакала как ребенок и всех нас растрогала. Мой муж также был на седьмом небе,— я думала, что их объятиям не будет конца...

Вот я провела с Пушкиным вечер, о чем я тебе говорила раньше. Он мне очень понравился, очень мил, мы с ним уже довольно коротко познакомились. Антон об этом очень старался, так как он любит Александра, как брата. Что мне очень нравится,— это то, что он чрезвычайно похож по своим манерам, по своим приемам, тону на брата своего Льва, которого я люблю от всего моего сердца: это был такой добрый ребенок — этот Лёвушка, как мы называем его с мужем.

*25—29 мая 1827.*

Пушкин только что прислал моему мужу отрывок из 4-й песни «Онегина» для «Северных Цветов» ближайшего года, но я хочу, чтобы ты прочла его раньше всех. Скажи мне, как ты его находишь? Не правда ли, что это очаровательно? И не узнаешь ли ты в нем то, что мы столько раз видали, и над чем вместе смеялись?..

*17 июля 1827.*



Вот тебе наш милый добрый Пушкин, полюби его! Рекомендую тебе его. Его портрет поразительно похож,— как будто ты видишь его самого. Как бы ты его полюбила, Саша, ежели бы видела его как я, всякий день. Это человек, который выигрывает, когда его узнаешь. Как находишь ты «Нулина»? Надеюсь, что ты не ложностыдлива, как многие мои знакомые, которые не решаются сказать, что они его читали. Мысли в прозе — Пушкина, и пьеса под заглавием «Череп», под которой он не пожелал поставить свое имя,— также его. Это послание, которое он написал к моему мужу, при посылке ему черепа одного из его предков, которых у него множество в Риге; вся эта история — правдоподобна.

*9 февраля 1828.*

Я надеюсь вскоре доставить тебе наслаждение присылкою 4-й и 5-й песен «Онегина», которые только что появились; если мне придется отложить эту посылку, то это всё по вине наших корреспондентов, а в особенности Пушкина, который прекрасно мог бы немножко поторопиться доставить нам книгу. Он читал мне эти две песни, так же, как и следующие, до того, что они были напечатаны. Если он не сделал неудачных перемен после того, то я могу сказать, что это, конечно, самые прелестные,— по крайней мере они мне нравятся больше, чем предыдущие; но 6, 7 и 8-я, по моему мнению, еще лучше. Может быть, мне придется еще долго ждать возможности полакомить тебя этими двумя песнями, которые только что вышли,— поэтому, в ожидании сего, я тебе перепису маленький отрывок 4-й песни, который я знаю наизусть и который, конечно, доставит тебе удовольствие. Вот он:

Конечно, вы не раз видали  
Уездной барышни альбом...

*1 марта 1828.*

Ты ошибаешься, думая, что мне захочется побить тебя за твое суждение о Пушкине: я вовсе не так пристрастна, как ты воображаешь, а если бы так было, то это значило бы, что я нетерпима! Я согласна, что в последних песнях «Онегина» есть слабые места, но в них и столько красот, которые их окупают. Одно, чего я не понимаю, это то, что ты не заметила Сна Татьяны. Разве ты не находишь, что он изумителен? По-моему, это совершенство. О чем хочешь ты сказать, говоря, что там есть слова, поставленные только для рифмы, что недостойно Пушкина. Я боюсь, что ты имеешь в виду это место:

Читатель ждет уж рифмы: розы, и т. д.

потому что я нахожу это очаровательным. Я сама заметила много пустословия и никогда не заступаюсь за Пушкина, когда не надобно за него заступаться; только эту его слабость нахожу прелестной.

*4 мая 1828.*

К первым числам февраля будем в Петербурге (письмо из Москвы.— В. К.). Муж спешит туда: он кроме «Северных Цветов» начал с 1-го января издавать «Литературную Газету», которая выходит каждые пять дней; без себя он поручил хлопоты А. Пушкину, но все-таки лучше скорее самому ехать смотреть за своим делом.

*13 января 1830.*

Надеюсь, что ты нашла разницу между «Литературною Газетою» и другими журналами. У нас — критика, а не брань, и критика хорошего тона, не правда ли? Пушкин доставляет много своих статей. Разбор Истории Полевого и многие другие критические статьи принадлежат ему. Не правда ли,—хороша его проза? Асамблея — отрывок из его же романа, только не говори об этом никому. Я теперь не много читаю: трудно глазам и голове, потому что кровь поминутно бросается в голову. Я занимаюсь

хижинкою маленького или маленькой Дельвиг, и ты не поверишь, как это меня забавляет и занимает. Я вижу мало людей, но те, кого я вижу, очень мне приятны. Сомов и Пушкин — наши завсегдатаи, — они приходят ежедневно, т. к. это — главные сотрудники моего мужа...

*Начало февраля 1830.*

39

Вообще, привязанность воспитанников Лицея к месту первоначального своего образования составляет их общую черту. Дельвиг тосковал об Лицее на другой же день после своего выхода. Известно, что он писал почти тотчас по приезде в Петербург:

Не мило мне на новоселье:  
Здесь все увяло, там цвело;  
Одно и есть мое веселье —  
Увидеть Царское Село.

...Только немногие знали — и в том числе Дельвиг — его (Пушкина) душу, сильно расположенную к приятности и откровенности. Дельвиг был идеалист в жизни, если не в сочинениях. Он еще в Лицее побудил Пушкина заниматься немецкой литературой и читать германских поэтов; но Пушкин, кажется, оставил своего товарища на первых попытках...

Между прочим, воспитанники выдумали довольно замысловатую игру. Составив один общий кружок, они обязывали каждого или рассказать повесть, или по крайней мере начать ее. В последнем случае, следующий за рассказчиком принимал ее на том месте, где она остановилась, другой развивал ее далее, третий вводил новые подробности и так до окончания, которое иногда не скоро являлось. Дельвиг первенствовал на этой, так сказать, гимнастике воображения; его никогда нельзя было застать врасплох: интриги, завязки и развязки были у него всегда готовы. Пушкин уступал ему в способности придумывать наскоро происшествия...

Дельвиг был истинный поэт, но поэт в душе, лишенный способности воспроизведения своих созданий. От него чрезвычайно много ожидали и, как кажется, особенно за способность развивать планы новых произведений и вообще придумывать содержание поэм. Строгость идеи, глубина чувства, значение лиц и происшествий в его неосуществленных фантазиях были таковы, что раз В. А. Жуковский, при рассказе об одной из замышляемых им поэм, сказал, обнимая будущего ее творца: «Берегите это сокровище в себе до дня его рождения», — но день рождения не наступил...

*П. В. Анненков.*

40

Утвердительно можно сказать, что Пушкин никого не любил более Дельвига. Этому могли бы служить явным доказательством бесчисленные его письма к Дельвигу, к прискорбию, уничтоженные немедленно после смерти Дельвига, по причинам, которые расскажу в своем месте...

Дельвиг был истинный поэт в душе, но мало производивший; способность его придумывать содержание поэм давала повод ожидать от него много неосуществившегося. Жуковский и Пушкин восхищались его рассказами о замышляемых им поэмах, Пушкин негодовал на публику, встретившую с невниманием первые произведения Дельвига...

Я бывал у Дельвигов только по воскресеньям и праздникам. У них были назначены для приема вечера в среду и воскресенье... Эти вечера были чисто литературные. На них из литераторов всего чаще бывали А. С. Пушкин, в бытность его в Петербурге, Плетнев, князь Одоевский, писавший тогда повести в роде Гофмана, Щастный, Подолинский, барон Розен и Илличевский. Жена Плетнева, урожденная Раевская, и жена Одоевского, урожденная Ланская, также иногда бывали у Дельвигов. На этих вечерах говори-

ли по-русски, а не по-французски, как это было тогда принято в обществе; обработка нашего языка много обязана этим литературным собраниям. Суждения о произведениях русской и иногда иностранной литературы и о писателях меня очень занимали. Впрочем, на этих вечерах часто играли на фортепиано. Жена Дельвига, которая долго продолжала учиться музыке, хотя уже была хорошею музыкантшею, и некоторые из гостей занимались серьезно музыкою. Песни же и романсы певались непременно каждый вечер; в этом участвовал и сам Дельвиг, а особенно отличались М. Л. Яковлев и князь Эристов. Сверх того, они оба умели делать разные штуки, фокусы, были чревоушателами и каждый раз показывали что-нибудь новенькое. В этих изобретениях особенно отличался Эристов, который, впрочем, бывал не так часто, как Яковлев; последний почти каждый день обедал у Дельвигов и проводил вечера. Он называл себя даже приказчиком Владимирской волости, так как Дельвиги жили на Владимирской улице, и, действительно, по совершенному неумению Дельвига распоряжаться хозяйством и прислугою, Яковлев часто входил в его домашние дела, за что очень нелюбим был людьми Дельвига, которые называли его дьячком.

Один из самых частых посетителей Дельвига в зиму 1826/27 года был Лев Сергеевич Пушкин, брат поэта...

После смерти Дельвига мать его с детьми осталась в очень бедном положении. Пушкин вызвался продолжать издание «Северных цветов» в их пользу, о чем и было заявлено. «Северные цветы» были изданы только один раз на 1832 год, и сколько очистилось от их издания, я никогда не мог узнать. Без сомнения, не было недостатка в желании помочь семье Дельвига, но причину неисполнения поймет всякий, кто знал малую последовательность Пушкина во многом из того, что он предпринимал вне его гениального творчества. В 1834 году, когда Пушкин приехал на время в Москву, он встретил меня в партере Малого театра, где давался тогда французский спектакль.

такль, и дружески меня обнял, что произвело сильное влияние на всю публику, бывшую в театре, с жадностью наблюдавшую за каждым движением Пушкина. Из театра мы вместе поехали ужинать в гостиницу Коппа, где теперь помещается гостиница «Дрезден». Пушкин в разговорах со мною скорбел о том, что не исполнил обещания, данного матери Дельвига, уверял при том, что у него много уже собрано для альманаха на следующий новый год, что он его издаст в пользу матери Дельвига, о чем просил ей написать, но ничего из обещанного Пушкиным исполнено не было...

Пушкин в дружеском обществе был очень приятен и ко мне с самого первого знакомства очень приветлив. Дельвиг со всеми товарищами по Лицею был одинаков в обращении, но Пушкин обращался с ними разнo. С Дельвигом он был вполне дружен и слушался, когда Дельвиг его удерживал от излишней картежной игры и от слишком частого посещения знати, к чему Пушкин был очень склонен. С некоторыми же из своих лицейских товарищей, в которых Пушкин не видел ничего замечательного, и в том числе с М. Л. Яковлевым, обходился несколько надменно, за что ему часто доставалось от Дельвига. Тогда Пушкин, видимо, на несколько времени изменял свой тон и с этими товарищами...

Лето 1830 года Дельви́ги жили на берегу Невы, у самого Крестовского перевоза. У них было постоянно много посетителей. Французская июльская революция тогда всех занимала, а так как о ней ничего не печатали, то единственным средством узнать что-либо было посещение знати. Пушкин, большой охотник до этих посещений, но, постоянно от них удерживаемый Дельвигом, которого он во многом слушался, получил по вышеозначенной причине дозволение посещать знать хотя ежедневно и привозить вести о ходе дел в Париже. Нечего и говорить, что Пушкин пользовался этим дозволением и был постоянно весел, как говорят, в своей тарелке. Посетивши те дома, где могли знать о ходе означенных дел, он почти каждый

день бывал у Дельвигов, у которых проводил по несколько часов. Пушкин был в это время уже женихом. Общество Дельвига было оживлено в это лето приездом Льва Пушкина — офицера Нижегородского драгунского полка, — проводившего почти все время у Дельвигов...

...Дельвиг был потребован в III Отделение собственной канцелярии государя. Требования в это отделение были, конечно, неприятны в высшей степени каждому. Для Дельвига же эта неприятность увеличивалась необходимостью встать рано и немедленно выехать из дома, что при его лени было ему невыносимо. В III Отделении бывший шеф жандармов граф Бенкендорф дал строгий выговор Дельвигу за означенные заметки и предупреждал, что он вперед за все, что ему не понравится в «Литературной газете» в цензурном отношении, будет строго взыскивать, и, между прочим, долго добивался, откуда Дельвиг знает песню «Les aristocrates à la lanterne» \*. Конечно, Бенкендорф не читал заметок, за которые выговаривал Дельвигу, а вызвал последнего по доносу Булгарина, бывшего тогда шпионом III Отделения и обязанного по этой должности доносить преимущественно на литераторов. В этом же случае Булгарин не только исполнял свои служебные обязанности, но и увлекался чувством ненависти к Дельвигу и желанием уничтожить его газету...

В ноябре Бенкендорф снова потребовал к себе Дельвига, который введен был к нему в кабинет в присутствии жандармов. Бенкендорф самым грубым образом обратился к Дельвигу с вопросом: «Что ты опять печатаешь недозволенное?»

Выражение *ты* вместо общеупотребительного *вы* не могло с самого начала этой сцены не подействовать весьма неприятно на Дельвига. Последний отвечал, что о сделанном распоряжении не печатать ничего относящегося до последней французской революции он не знал и что в напечатанном четверостишии, за

\* Аристократов на фонарь (фр.).

которое он подвергся гневу, нет ничего недозволительного для печати. Бенкендорф объяснил, что он газеты, издаваемой Дельвигом, не читает, и когда последний, в доказательство своих слов, вынул из кармана номер газеты, хотел прочесть четверостишие, Бенкендорф его до этого не допустил, сказав, что ему все равно, что бы ни было напечатано, и что он троих друзей — Дельвига, Пушкина и Вяземского уже упрятывает, если не теперь, то вскоре, в Сибирь. Тогда Дельвиг спросил, в чем же он и двое других названных Бенкендорфом могли провиниться до такой степени, что должны вскоре подвергнуться ссылке, и кто может делать такие ложные доносы. Бенкендорф отвечал, что Дельвиг собирает у себя молодых людей, причем происходят разговоры, которые восстанавливают их против правительства, и что на Дельвига донес человек, хорошо ему знакомый. Когда Дельвиг возразил, что собирающееся у него общество говорит только о литературе, что большая часть бывающих у него посетителей или старше его, или одних с ним лет, так как ему всего 32 года от роду, и что он между знакомыми своими не находит никого, кто бы мог решиться на ложные доносы, Бенкендорф сказал, что доносит Булгарин и если он знаком с Бенкендорфом, то может и подавно быть знаком с Дельвигом. На возражение последнего, что Булгарин у него никогда не бывает, а потому он его не считает своим знакомым и полагает, что Бенкендорф считает Булгарина своим агентом, а не знакомым, Бенкендорф раскричался, выгнал Дельвига словами: «Вон, вон, я упрячу тебя с твоими друзьями в Сибирь».

*А. И. Дельвиг.*  
Мои воспоминания





Поэт и революционер-декабрист Вильгельм Кюхельбекер вспоминал о своем детстве: «Я по отцу и по матери точно немец, но не по языку; — до шести лет я не знал ни слова по-немецки, природный мой язык — русский, первыми моими наставниками в русской словесности были моя кормилица Марина, да няньки мои Корниловна и Татьяна».

В 1811 г. известный военачальник, в недалеком будущем — герой Отечественной войны, родственник Кюхельбекеров М. Б. Барклай-де-Толли помог определить Вильгельма в Царскосельский лицей.

Так была подготовлена встреча, которая навсегда «прикрепила» к имени Кюхельбекера определения, привлекающие внимание читателей разных поколений: друг Пушкина; лицейский товарищ Пушкина; поэт пушкинской поры.

\* \* \*

Вильгельм Кюхельбекер родился в Петербурге в семье саксонского дворянина Карла Генриха Кюхельбекера, в 1770-х годах перебравшегося в Россию. Человек образованный (он учился в Лейпцигском университете одновременно с И.-В. Гете и А. Н. Радищевым) и деловой, Кюхельбекер-старший довольно успешно поднимался по служебной лестнице при

Павле I. Он управлял Каменным островом, был первым директором Павловска и получил в награду имение Авинорм в Эстонии, где прошли детские годы будущего поэта. Дворцовый переворот 1801 г. оборвал карьеру немецкого эмигранта при русском дворе, а после его смерти (1809 г.) семейство Кюхельбекеров и вовсе оказалось без всяких средств. Единственное утешение состояло в том, что старшая сестра Вильгельма Юстина Карловна вышла замуж за филолога и педагога Г. А. Глинку и взяла на себя заботу о матери, сестре и двух братьях. Забота оказалась трудной и долголетней: братья Вильгельм и Михаил в 1825 г. стали декабристами и ушли в тюрьму, на каторгу, в сибирскую ссылку. А Юстина Карловна все хлопотала, все пыталась чем-то помочь — хотя бы вызволить из Сибири и поселить у себя племянников...

Содействие М. Б. Барклая-де-Толли подоспело вовремя. Лицей замыслился как заведение для подготовки высокопоставленных чиновников; мать и сестра Вильгельма очень надеялись на его неординарное будущее. В конечном итоге добрые женщины, обожавшие своего Вильгельма, не ошиблись — имя Кюхельбекера стало знаменитым и славным в нашей истории, — но им обоим не суждено было об этом узнать. Зато забот, тревог и горестей выпало на долю семьи Кюхельбекеров сверх меры.

В Лицее Кюхельбекеру на первых порах пришлось нелегко. Неуклюжий; вечно занятый своими мыслями, а потому — рассеянный; готовый взорваться как порох при малейшей обиде, ему нанесенной; вдобавок глуховатый (не всегда, а припадками, которые наступали неожиданно), Кюхля был поначалу предметом ежедневных насмешек товарищей, подчас вовсе не беззлобных. Он даже с горя пытался утопиться в пруду, но ничего не получилось: его благополучно вытащили, а в лицейском журнале появилась смешная карикатура. Чего только не вытворяли с бедным Кюхлей — дразнили, мучили, даже суп на голову выливали, а уж эпиграмм насочиняли — не счесть.

Пушкин тоже посмеивался иногда над Виленькой — «уродом пресовершенным», как звали его в Лицее, но очень скоро разглядел и оценил те свойст-

ва Кюхельбекера, которые заслуживали не иронии, а самого высокого уважения.

Вильгельм был прямодушен и неколебим во внушенных с детства и укрепленных чтением принципах добра, справедливости, самоотвержения в любви и дружбе. Он лучше других лицейстов знал литературу, историю, философию и необычайно щедр был в своей готовности делиться знаниями. Когда в статье о Дельвиге Пушкин вспоминает, как много почерпнул тот из совместных чтений с одним из товарищей — «живым лексиконом и вдохновенным комментарием», — он, разумеется, имеет в виду Кюхельбекера. Статья предназначалась для печати, и имя узника-декабриста нельзя было произнести вслух. Большое значение в духовной жизни лицейстов имел рукописный «Словарь» — точнее, конспект прочитанных сочинений, который вел Кюхельбекер при участии нескольких друзей, в том числе Пушкина. В черновом варианте стихотворения «19 октября» (1825) Пушкин вспоминал:

Златые дни! Уроки и забавы,  
И черный стол, и бунты вечеров,  
И наш словарь, и плески мирной славы,  
И критики лицейских мудрецов!

Под заголовком «Рабство» в «Словаре» помещено, например, следующее рассуждение: «несчастный народ, находящийся под ярмом деспотизма, должен помнить, если хочет расторгнуть узы свои, что тирания похожа на петлю, которая суживается от сопротивления. Нет середины: или терпи, как держат тебя на веревке, или борись, но с твердым намерением разорвать петлю или удавиться». Записывая это, будущий декабрист еще не знал своей судьбы, но у Кюхельбекера слово с делом никогда не расходилось.

Кюхля писал стихи (вначале неумелые и косноязычные), но при этом преклонялся перед стихами звучными и тонкими по мысли. Талант Пушкина был для него поразительным откровением. Восхищение Пушкиным и трогательную любовь к великому поэтическому дару своего школьного товарища Кюхельбе-

кер пронес через всю жизнь. При этом если ему не нравилась какая-то строка или, скажем, глава «Онегина», он не только не скрывал этого, но выступал с критикой в журналах — резко, даже вызывающе. Литературные идеалы, высокие принципы русской словесности, как он их понимал, были для него превыше всего. Пушкин скоро различил эти особенности Кюхельбекера, нежно его любил, терпел частые выпады, вспышки гнева и все причуды Кюхли. Но для этого нужно было быть Пушкиным или Дельвигом. Не все, кто встречался на жизненном пути Кюхельбекера, отличались такой гибкостью ума и чуткостью души.

Первое напечатанное стихотворение Пушкина «К другу стихотворцу» обращено именно к Кюхельбекеру. Юношеские размышления о роли и назначении поэта в этом произведении опираются на конкретную жизненную основу. Речь идет о начальных неуклюжих поэтических опытах Кюхельбекера:

Страшися участи бессмысленных певцов,  
Нас убивающих громадою стихов!

Но удивителен не столько этот совет, сколько возражение, которое вкладывает пятнадцатилетний автор в уста другу стихотворцу:

Но что? ты хмуришься и отвечать готов;  
Пожалуй,— скажешь мне,— не трать излишних слов;  
Когда на что решусь, уж я не отступаю,  
И знай, мой жребий пал, я лиру избираю.  
Пусть судит обо мне, как хочет, целый свет,  
Сердись, кричи, бранись,— а я таки поэт.

Нужно было очень тонко понимать характер Кюхельбекера, чтобы написать это. «Когда на что решусь, уж я не отступаю!» — таков был один из важнейших жизненных принципов этого человека. Он осуществил его в дружбе, в литературе и в жизни — в декабрьский день 1825 года, который превратил неимущего и малоизвестного петербургского поэта в «опасного государственного преступника», строго охраняемого всем могуществом царской власти.

Сущность своих взаимоотношений с поэтической музой, угаданную Пушкиным, Кюхельбекер определил в письме к племяннику, написанном из одиночной камеры в начале 30-х годов: «Никогда не буду жалеть о том, что я был поэтом; утешения, которые мне доставляла поэзия в течение моей бурной жизни, столь велики, что довольно и их... Поэтом же надеюсь остаться до самой минуты смерти, и признаюсь, если бы я, отказавшись от поэзии, мог купить этим отречением свободу, знатность, богатство, даю тебе слово честного человека, я бы не поколебался: горесть, неволя, бедность, болезни душевные и телесные с поэзией я предпочел бы счастью без нее». Едва ли даже сам автор этого письма помнил, до какой степени цитированные строки похожи на прозаическое переложение стихотворения Пушкина «К другу стихотворцу»!

Как ни «сердились, кричали, бранились» по его адресу, но Вильгельм Кюхельбекер стал подлинным русским поэтом. Он учился всю жизнь, многое восприняв от других поэтов, начиная с Ломоносова, Державина и кончая Баратынским и Лермонтовым. Блестящий знаток русской поэзии К. И. Чуковский недаром однажды воскликнул: «Да знаете ли вы, какие у Кюхельбекера есть стихи?! Пушкинские!» Высоко ставя предназначение стихотворца, умирающий, больной Кюхельбекер в одном из последних стихотворений, названном «Участь русских поэтов», писал:

Горька судьба поэтов всех племен;  
Тяжеле всех судьба казнит Россию: !  
Для славы и Рылеев был рожден;  
Но юноша в свободу был влюблен...  
Стянула петля дерзостную выю.

Не он один; другие вслед ему,  
Прекрасной обольщенные мечтою,  
Пожалися годиною роковою...  
Бог дал огонь их сердцу, свет — уму,  
Да! Чувства в них восторженны и пылки,—  
Что ж? их бросают в черную тюрьму,  
Морят морозом безнадежной ссылки...

Или болезнь наводит ночь и мглу  
На очи прозорливцев вдохновенных,  
Или рука любовников презренных  
Шлет пулю их священному челу;

Или же бунт поднимет чернь глухую  
И чернь того на части разорвет,  
Чей блещущий перунами полет  
Сияньем обнял бы страну родную.

В «черной тюрьме» и «безнадежной ссылке» влачили свои дни поэты-декабристы и среди них Кюхельбекер; «болезнь навела... мглу» на очи Ивана Козлова (но здесь и автобиографический контекст — Кюхельбекер писал это стихотворение уже полуслепым); «презренный любовник» — Дантес; наконец последние строки — об ужасной смерти Грибоедова.

Далеко глядел Пушкин, когда предупреждал друга стихотворца о небывалой трудности поэтической стези («катится мимо их Фортуны колесо»), когда с печалью говорил о поэтах земли: «их жизнь — ряд горестей, гремеща слава — сон». Кюхельбекеру достался бесконечный «ряд горестей» и даже тени «гремющей славы» не довелось ему узнать. Но никогда он не пожалел, что стал в ряд с теми, о ком скорбел в «Участи поэтов».

\* \* \*

Из Лицея Кюхельбекер (он окончил с серебряной медалью), как и Пушкин, был выпущен в Главный архив Иностранной коллегии. Но «шаркуном»-чиновником он не мог стать по самой своей природе; вот и получилось, что бедствия подстерегли его чуть ли не у лицейского порога. Он даже собирался покинуть Петербург и учительствовать где-то в глуши, но мать воспротивилась, и в конце концов нашлось Вильгельму место преподавателя российской словесности в том самом Благородном пансионе, где учились Лев Пушкин, С. А. Соболевский, П. В. Нащокин. Все они горячо любили энтузиаста-словесника, воспитывавшего в них не только литературный вкус (на этот счет чутье у Кюхельбекера было отменное, хотя, бывало, он увлекался и превозносил авторов слабых), но и беззаветную любовь к Отечеству. Одновременно он взял и частный урок: обучал основам наук способного, но ленивого мальчика Мишу Глинку — будущего великого композитора. Кажется, это был единствен-

ный период в жизни Кюхельбекера, когда директор Лицея рискнул написать про него: «Кюхельбекер живет как сыр в масле... присутствует очень прилежно в обществе любителей словесности, и... в каждый почти номер «Сына Отечества» срabатывает целую кучу гекзаметров. Кто бы подумал, когда он у нас в пруду тонул, что его на все это станет?» Он был участником празднования самых первых лицейских годовщин в 1817 и 1818 гг.— вместе с Пушкиным и другими лицеистами в октябрьские дни ездил в Царское Село, вспоминая прекрасные времена лицейского братства. В 1819 г. он, правда, ухитрился повздорить с Пушкиным и даже вызвать его на дуэль за очередную эпиграмму с вошедшими потом чуть ли не в пословицу словами: «и кюхельбекерно и тошно». Но Пушкин стрелять в Кюхельбекера не стал, а бросил пистолет. Тут же они помирились.

Однако уже весной 1820 г. мирные будни Кюхли были нарушены: узнав, что Пушкину грозит царская расправа, Кюхельбекер, даже не оглянувшись на свои скромные жизненные блага, с таким трудом добытые, ринулся на защиту друга. Он прочитал в Вольном обществе любителей словесности стихотворение «Поэты»:

И ты — наш новый Корифей,—  
Певец любви, певец Руслана!  
Что для тебя шипенье змей,  
Что крик и Филина и Врана? —  
Лети и вырвись из тумана,  
Из тьмы завистливых времен.

Сразу же после публичного чтения этих стихов министр внутренних дел получил донос на Кюхельбекера. Тучи сгущались теперь над головою двух поэтов. К счастью, помог третий: Дельвигу предложили место секретаря при богатом вельможе А. Л. Нарышкине, отъезжавшем в заграничное путешествие, и Дельвиг отказался от выгодного предложения в пользу Кюхельбекера.

6 мая 1820 г. уехал в ссылку Пушкин, 8 сентября 1820 г. отправился за границу Кюхельбекер. С тех пор они встретились один-единственный раз и пробыли

вместе несколько минут, пока их не растащили жандармы...

Обязанности секретаря Кюхельбекер, по-видимому, исполнял с прохладцей. В Германии он посетил Гёте — университетского однокашника своего отца. В дневнике Кюхельбекер записал об этом в довольно будничном тоне: «Мы наконец довольно сблизились: он подарил мне на память свое последнее драматическое произведение и охотно объяснил мне в своих стихотворениях все то, что я мог узнать единственно от самого автора... Гёте позволил мне писать к себе и, кажется, желает, чтобы в своих письмах я ему объяснил свойство нашей поэзии и языка русского: считаю приятной обязанностью и по возвращении в С.-Петербург займусь этими письмами, в которых особенно постараюсь обратить внимание на историю нашей словесности, на нашу простонародную поэзию». Обстоятельства последних лет жизни, проведенных Кюхельбекером на свободе, помешали ему выполнить это обещание.

В Париже он прочитал несколько лекций о литературной жизни России разных периодов. Лекции были полны свободолобивых идей, ненависти к деспотизму и читались без оглядки на бдительное око царских слуг. Русское посольство во Франции немедленно приняло меры: Кюхельбекер был выслан в Россию.

В кишиневской, одесской, псковской ссылке Пушкин постоянно думает о Кюхельбекере; он следит за его литературной судьбой, вместе с Вяземским безуспешно пытается пристроить его на службу в Одессу.

Однако с тех пор, как Кюхельбекер примкнул к литературной группе, которую принято называть младшими архаистами (главными представителями ее были А. С. Грибоедов и П. А. Катенин), пути лицейских друзей-поэтов несколько разошлись. Добрейший Дельвиг упрекал его: «Ах! Кюхельбекер! Сколько перемен с тобою в 2—3 года... Так и быть. Грибоедов соблазнил тебя. На его душе грех». Однако само по себе «антиромантическое» изменение литературных позиций не отдалило бы Кюхельбекера от Пушкина. Великий поэт с живым интересом относился к литературным поискам «младших архаистов» и не раз



доказывал это в статьях и письмах. В сущности, ему была близка мысль Кюхельбекера: «Вера праотцов, нравы отечественные, летописи, песни и сказания народные — лучшие, чистейшие, важнейшие источники для нашей словесности».

На беду Кюхельбекер, по-видимому, усмотрел для себя нечто обидное в письмах Пушкина петербургским знакомым, которые усердно распространял без надобности Лев Сергеевич. Блестящий исследователь литературных взаимоотношений поэтов пушкинского круга, биограф Кюхельбекера Ю. Н. Тынянов, предполагает, что в первой половине 1822 г. Кюхельбекер написал Пушкину какое-то письмо, до нас не дошедшее. Пушкин, в свою очередь, довольно резко критиковал некоторые стихи Кюхельбекера (например, потешался над нелепым выражением «резвоскачущая кровь»). Со своей стороны, Кюхельбекер был несправедлив к некоторым сочинениям Пушкина, порой поспешая со скороспелыми выводами. Он отмечал в дневнике: «Господина Онегина (иначе же нельзя его называть) читал, есть места живые, блистательные, но неужели это поэзия?» Он требовал открытой гражданственности и публицистического пафоса и не принял — или не хотел принять — тона, избранного Пушкиным в первых главах «Онегина». Между тем создатель «Онегина», давно сменивший «гнев на милость» (он еще из Одессы писал общему знакомому о Кюхельбекере: «Он на меня надулся, бог весть почему. Помири нас»), ждал в Михайловском «запоздалого друга», надеясь поговорить «о бурных днях Кавказа, о Шиллере, о славе, о любви». Кюхельбекер собирался поехать к Пушкину, но так и не успел этого сделать.

Последние годы перед восстанием декабристов были для него нелегкими. Вернувшись из Европы, он отправился служить на Кавказ в должности чиновника «по особым поручениям». Однако особых поручений он не исполнял, и генерал Ермолов вынужден был вскоре отправить его восвояси за очередную дуэль. Единственным светлым пятном в то время была для него окрепшая дружба с Грибоедовым, с которым он изо дня в день общался в Тифлисе. При нем сцена за сценой писалось «Горе от ума».

Ю. Н. Тынянов, может быть, несколько увлекаясь, усматривает в Чацком черты Кюхельбекера \*.

Почти весь 1822 год и первую половину 1823-го Кюхельбекер провел в деревне Закуп Смоленской губернии, принадлежавшей семейству его старшей сестры. Он наблюдал сельскую жизнь и напряженно работал над трагедией «Аргивяне», стихами, драматическими сценами и т. д.

Возвратившись из деревни и поселившись в Москве, Вильгельм Карлович совместно с В. Ф. Одоевским принялся за подготовку альманаха «Мнемозина», надеясь на успех денежный и литературный. Первая книжка «Мнемозины» принесла некоторый доход, вторая едва себя окупила, третья была убыточной.

Пушкин, понимая, что Кюхлю поддержать необходимо — тому попросту не на что было жить, — дал в 4-ю книжку «Мнемозины» стихотворение «К морю». Там же помещены песни на слова Пушкина: «Татарская песня» из «Бахчисарайского фонтана» (музыка В. Ф. Одоевского) и «Слеза» (музыка М. Л. Яковлева). Но 4-я книжка все-таки оказалась последней — наступил декабрь 1825 года.

В 1825 г. Кюхельбекер перебирается в Петербург и оказывается в предгрозовой атмосфере приближающихся революционных событий. Ближайшими его друзьями становятся К. Ф. Рылеев, А. Бестужев, А. Одоевский. В «Алфавите декабристов», построенном на материалах следствия, о Вильгельме Карловиче Кюхельбекере говорится: «Принят в Северное общество в последних числах ноября 1825 года. На совещаниях нигде не был; а 14-го декабря, узнав о замышляемом возмущении, принял в оном живейшее участие; ходил в Московский полк и Гвардейский экипаж. 14-го декабря был в числе мятежников с пи-

---

\* Кюхельбекеру как «прототипу» повезло. Некоторые современники (например, весьма осведомленный П. А. Плетнев) категорически утверждали, что в Ленском Пушкин изобразил Кюхельбекера, который «из Германии туманной привез учености плоды». Тынянов отчасти поддерживает эту версию, хотя речь может идти, разумеется, об отдельных чертах характера, внешности, судьбы, но не о литературном герое как таковом.

столетом, целился в великого князя Михаила Павловича и генерала Воинова (уверяет, что, имея замоченный пистолет, он целился с намерением отклонить других с лучшим оружием). По рассеянии мятежников картежами, он хотел построить Гвардейский экипаж и пойти на штыки, но его не послушали. После чего он скрывался побегом в разных местах, переодевшись в платье своего человека с ложным видом, в коем переправил год из 1823 на 1825. Пойман в Варшаве».

В общем этот канцелярский документ достаточно точен в деталях. Но разве дано ему выразить тот неподдельный восторг, который охватил истинно поэтическую натуру, самоотверженного человека — коллежского асессора Кюхельбекера при мысли о грядущей свободе? Разве поняли властители и судьи, что перед ними добряк, не способный и мухи обидеть, но готовый отдать жизнь за общее благо, готовый пойти «на пытки» и погибнуть во имя спасения друзей?

Как ни странно, приметному, многим известному, ничего не смыслившему в конспирации Кюхле удалось скрыться из Петербурга. Путешествуя по поддельному «виду» (т. е. документу), он побывал у родных и добрался до Варшавы. 30 декабря в петербургских газетах появилось объявление: «По распоряжению полиции отыскивается здесь коллежский асессор Кюхельбекер, который приметам: росту высокого, сухощав, глаза навывкате, волосы коричневые, рот при разговоре кривится, бакенбарды не растут; борода мало зарастает, сутуловат и ходит немного искривившись; говорит протяжно, от роду ему около 30 лет.— Почему поставляется в неперемнную обязанность всем хозяевам домов и управляющим оными, что если человек таких примет у кого окажется проживающим или явится к кому-либо на ночлег, тотчас представить его в полицию: в противном случае с укрывателями будет поступлено по всей строгости закона». Приметы услужливо сообщил полиции Фаддей Булгарин. 19 января 1826 г. около Варшавы Кюхельбекера схватили. На следствии он откровенно объяснил, какие именно обстоятельства побудили его примкнуть к восставшим: 1. Злоупотребления и взят-

ки государственных служащих; 2. «Угнетение истинно ужасное» крепостных крестьян; 3. Упадок торговли и промышленности; 4. Развращение нравов в простом народе; 5. Недостатки воспитания и образования дворянства; 6. Невежество простого народа; 7. Притеснения цензуры; 8. Республиканские убеждения. Все было изложено с самоубийственной откровенностью — вполне в духе Кюхельбекера.

Он был причислен к преступникам, достойным казни «отсечением головы». Но его пощадили и бросили в «черную тюрьму» на долгие годы.

Еще в Закупе в 1822—1823 гг. Кюхельбекер полюбил однофамилицу своего друга Авдотью Тимофеевну Пушкину. Он собирался жениться, когда «Мнемозина» немножко улучшит его материальные дела. Но тоже не успел.

\* \* \*

15 октября 1827 г. фельдъегерь в сопровождении жандармов перевозил государственного преступника Кюхельбекера из Шлиссельбургской крепости в Динабургскую. На станции Залазы близ Боровичей случилось происшествие, о котором фельдъегерь почел за благо немедленно рапортовать начальству: «...к преступнику бросился некто г. Пушкин и начал после поцелуя с ним разговаривать. Я наипоспешнейше отправил как первого, так и другого за полверсты от станции, дабы не дать им разговаривать. Г-н Пушкин просил меня дать Кюхельбекеру денег, я в сем ему отказал. Тогда он, г-н Пушкин, кричал и, угрожая мне, говорил, что по прибытии в Петербург в ту же минуту Его Императорскому Величеству пожалуется как за недопущение распротиться с другом, так и дать ему на дорогу денег. Сам же г-н Пушкин между прочими угрозами объявил мне, что он был посажен в крепость и потом выпущен, почему я еще более препятствовал ему иметь сношение с арестантом». Пушкин описал то же событие в краткой записи, которую читатель найдет в подборке документов (№ 9). «Свидания с тобой, Пушкин, век не забуду», — поклялся Кюхельбекер.

Пушкин не забывал Кюхлю никогда. Он сделал все, чтобы вернуть его в литературу — хотя бы под псевдонимами или анонимно. Сначала помогал Дельвиг, располагавший «Северными цветами», «Подснежником» и «Литературной газетой», потом стало еще труднее. Несмотря на прямой риск, Пушкин напечатал мистерию Кюхельбекера «Ижорский», книгу «Русский Декамерон», статью «Мысли о Макбете». Став издателем «Современника», Пушкин рассчитывал «пробить» в печать произведения Кюхельбекера, но получил категорический отказ III Отделения. Пушкин несколько раз писал Кюхельбекеру. Письма дошли до адресата, но не сохранились. Через родственников Кюхельбекера Пушкин направлял ему книги, в том числе и свои сочинения. В бумагах Пушкина сохранился рукописный сборник стихотворений Кюхли...

14 декабря 1835 г. тюремные годы Кюхельбекера кончились. Он был отправлен на «вечное поселение» в Сибирь и присоединился к брату Михаилу в Баргузине. Но у Вильгельма Карловича не хватило сил, здоровья и жизнестойкости, чтобы «адаптироваться» в сибирских условиях. Известно, как много сделали для развития Сибири, как умело приспособились к новой жизни, принося огромную пользу себе и другим, братья Бестужевы, Пущин, Волконский. Они умели сочетать физическую работу с духовной жизнью и проявили стойкость на поселении. Справедливости ради надо сказать, что у многих из них были материальные средства, получаемые из дому. Кюхля был нищ, неумел, болен — сказались десять лет одиночного заключения.

Он все же попытался «устроиться»: получил надел земли, построил дом и в январе 1837 г. женился на 19-летней дочери почтмейстера Дросиде Ивановне Артемовой. Но хозяйственные и семейные заботы не могли занять его душу и разум (хотя дочь и сына Мишу он горячо любил), а культурного круга в Баргузине фактически не оказалось. Заработки репетитора были ничтожные, скоро и вовсе кончились.

В Баргузине узнал Вильгельм Карлович о смерти Пушкина. Он не мог даже плакать — не осталось больше душевных сил:

Итак, товарищ вдохновенный,  
И ты! — а я на прах священный  
Слезы не пролил ни одной:  
С привычки к горю и страданиям  
Все высохли в груди больной.  
Но образ твой моим мечтаньям  
В ночах бессонных предстоит,  
Но я тяжелой скорбью сыт,  
Но, мрачный, близ жены, мне милой,  
И думать о любви забыл...  
Там мысли, над твоей могилой!

Последние годы жизни Кюхельбекера были беспросветными. Он переезжал из Баргузина в Акшу, из Акши в Курган, из Кургана в Тобольск. И нигде ему не было ни пристанища, ни покоя. Жена его не понимала, брат примирился с судьбой и всеми силами налаживал хозяйство, чего никак не мог сделать Вильгельм. В Тобольске он окончательно потерял зрение. 3 марта 1846 г. он продиктовал И. И. Пущину завещание и список своих рукописей, а 11 августа скончался. Дети его, Юстина и Михаил, были взяты родственниками отца в Петербург и определены в учебные заведения под фамилией Васильевых. В 1856 г. амнистия декабристам распространилась и на детей Кюхельбекера: они получили право носить фамилию своего отца.

\* \* \*

Сама история, сама жизнь дописали эпилог к биографии Вильгельма Карловича Кюхельбекера. Необычайно много трудился он в годы тюрьмы и ссылки. Поэмы «Зоровавель», «Юрий и Ксения», «Сирота». «Агасвер», «Давид», роман «Последний Колонна», историческая трагедия «Прокофий Ляпунов», переводы трагедий Шекспира «Макбет» и «Генрих IV» — это далеко не полный перечень написанного Кюхельбекером. А ведь были еще лирические стихи, которые в последние годы становились все глубже по мысли, все яснее по языку:

Мне нужно забвенье, нужна тишина:  
Я в волны нырну непробудного сна;  
Вы, порванной арфы мятежные звуки,  
Умолкните думы, и чувства, и муки.

Да! Чаша житейская желчи полна;  
Но выпил же я эту чашу до дна,—  
И вот опьянелой, больной головою  
Клонюсь и клонюсь к гробовому покою.

Узнал я изгнание, узнал я тюрьму,  
Узнал слепоты нерассветную тьму,  
И совести грозной узнал укоризны,  
И жаль мне невольницы — милой отчизны...

Кроме того, сохранился еще и «Дневник» узника и поселенца Вильгельма Кюхельбекера — неопровержимое свидетельство широты и глубины его взглядов, публицистического и критического дара.

Перед смертью Вильгельм Карлович показал же-не на сундук с бумагами: «там пятьдесят тысяч». Это выглядело бредом умирающего или насмешкой. Больше трех десятилетий понадобилось для того, чтобы сундук этот перекочевал из Сибири в столицы и в конце концов попал к редактору журнала «Русская старина» М. И. Семевскому.

Друг Л. Н. Толстого Н. Н. Страхов сообщал писателю, что архив представляет собой «большое полное собрание ненапечатанных стихов и прозы Кюхельбекера и его дневник. Куча тетрадей произвела на меня самое привлекательное и грустное впечатление. Но я побоялся труда и времени, которых будет стоить чтение и обдумывание этих рукописей. А ведь вы хвалили Кюхельбекера?» «Кюхельбекер трогателен», — ответил Л. Н. Толстой.

Времени и труда не пожалел советский писатель и ученый Ю. Н. Тынянов, которому посчастливилось приобрести все бумаги Кюхельбекера в начале 1930-х годов. Тынянов написал на этом материале роман «Кюхля», получивший очень большую известность, исследования «Пушкин и Кюхельбекер», «Архаисты и Пушкин» и ряд других. Но словно злой рок преследовал лицейского чудака: в 1941 г. в блокадном Ленинграде часть архива его исчезла. Но труд Тынянова не пропал: Кюхля стал знаменитым. Много раз издавались его стихотворения, избранные произведения других жанров; ни одна антология поэтов пушкинского времени не обходится без его стихов. Литературоведы продолжают архивные изыскания. В 1979 г. в серии «Литературные памятники» вышло превосход-

ное издание дневника, статей и прозы Кюхельбекера — истинный памятник другу Пушкина, чистому сердцем человеку и одаренному писателю.

### *Основная литература*

В. К. Кюхельбекер. Избранные произведения. В 2-х томах. Издание подготовила Н. В. Королева. М.—Л., 1967.

В. К. Кюхельбекер. Путешествие. Дневник. Статьи. Издание подготовили Н. В. Королева, В. Д. Рак. Л., 1979.

Ю. Н. Тынянов. Пушкин и его современники. М., 1969.

Ю. Н. Тынянов. Кюхля. М., 1981.

Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. В 2-х томах. М., 1980. Т. 2, с. 279—310.



1

РАЗЛУКА

В последний раз, в сени уединенья,  
Моим стихам внимает наш пенат.  
Лицейской жизни милый брат,  
Делю с тобой последние мгновенья.  
Прошли лета соединенья;  
Разорван он, наш верный круг.  
Прости! Хранимый небом,  
Не разлучайся, милый друг,  
С свободою и Фебом!  
Узнай любовь, неведомую мне,  
Любовь надежд, восторгов, упоенья:  
И дни твои полетом сновиденья  
Да пролетят в счастливой тишине!  
Прости! Где б ни был я: в огне ли смертной битвы,  
При мирных ли брегах родимого ручья,  
Святому братству верен я.  
И пусть (услышит ли судьба мои молитвы?),  
Пусть будут счастливы все, все твой друзья!

1817

*А. С. Пушкин.*

2

Служенье муз не терпит суеты;  
Прекрасное должно быть величаво:  
Но юность нам советует лукаво,  
И шумные нас радуют мечты...  
Опомнимся — но поздно! и уныло  
Глядим назад, следов не видя там.  
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было,  
Мой брат родной по музе, по судьбам?

Пора, пора! душевных наших мук  
Не стоит мир; оставим заблужденья!  
Сокроем жизнь под сень уединенья!  
Я жду тебя, мой запоздалый друг —  
Приди; огнем волшебного рассказа  
Сердечные преданья оживи;  
Поговорим о бурных днях Кавказа,  
О Шиллере, о славе, о любви.

1825

А. С. Пушкин. «19 октября».

3

К ПУШКИНУ

Счастлив, о Пушкин, кому высокую душу Природа,  
Щедрая Матерь, дала, верного друга — мечту,  
Пламенный ум и не сердце холодной толпы! Он  
всесилен  
В мире своем; он творец! Что ему низких рабов,  
Мелких, ничтожных судей, один на другого похожих, —  
Что ему их приговор? Счастлив, о милый певец,  
Даже бессильною завистью Злобы — высокий  
любимец,  
Избранник мощных Судеб! огненной мыслию он  
В светлое небо летит, всевидящим взором читает  
И на челе и в очах тихую тайну души!  
Сам Кронид для него разгадал загадку Созданья, —  
Жизнь вселенной ему Феб-Аполлон рассказал.  
Пушкин! питомцу богов хариты рекли:  
«Наслаждайся!» —  
Светлою, чистой струей дни его в мире текут.  
Так, от дыханья толпы все небесное вянет, но Гений  
Девствен могущей душой, в чистом мечтанье —  
дитя!  
Сердцем выше земли, быть в радостях ей  
не причастным  
Он себе самому клятву священную дал!

1818

В. К. Кюхельбекер

4

ТЕНИ ПУШКИНА

Итак, товарищ вдохновенный,  
И ты! — а я на прах священный  
Слезы не пролил ни одной:  
С привычки к горю и страданиям  
Все высохли в груди больной.  
Но образ твой моим мечтаньям  
В ночах бессонных предстоит,  
Но я тяжелой скорбью сыт,  
Но, мрачный, близ жены, мне милой,  
И думать о любви забыл...  
Там мысли, над твоей могилой!  
Смолк шорох благозвучных крыл  
Твоих волшебных песнопений,  
На небо отлетел твой гений;  
А визги желтой клеветы  
Глупцов, которые марали,  
Как был ты жив, твои черты,  
И ныне, в час святой печали,  
Бездушные, не замолчали!  
Гордись! Ей-богу, стыд и срам  
Их подлая любовь! — Пусть жалят!  
Тот пуст и гнил, кого все хвалят;  
За зависть дорого я дам.  
Гордись! Никто тебе не равен,  
Никто из сверстников-певцов:  
Не смеркнешь ты во мгле веков,—  
В веках тебе клевет Державин.

1837

*В. К. Кюхельбекер*

5

19 ОКТЯБРЯ 1837 ГОДА

Блажен, кто пал, как юноша Ахилл,  
Прекрасный, мощный, светлый, величавый,  
В середине поприща побед и славы,

Исполненный несокрушимых сил!  
Блажен! лицо его, всегда младое,  
Сиянием бессмертия горя,  
Блестит, как солнце вечно золотое,  
Как первая эдемская заря.

А я один средь чуждых мне людей  
Стою в ночи, беспомощный и хилый,  
Над страшной всех надежд моих могилой,  
Над мрачным гробом всех моих друзей.  
В тот гроб бездонный, молнией сраженный,  
Последний пал родимый мне поэт...  
И вот опять Лицея день священный;  
Но уж и Пушкина меж вами нет!

Не принесет он новых песней вам,  
И с них не затрепещут перси ваши;  
Не выпьет с вами он за здравной чаши:  
Он воспарил к заоблачным друзьям.  
Он ныне с нашим Дельвигом пирует;  
Он ныне с Грибоедовым моим:  
По ним, по ним душа моя тоскует;  
Я жадно руки простираю к ним!..

1837

В. К. Кюхельбекер.

6

В субботу был я у Плетнева с Кюхельбекером и братом твоим. Лев прочитал нам несколько новых твоих стихотворений. Они прелестны; особенно отрывки из Алкорана. Страшный суд ужасен! Стихи

И брат от брата побежит,  
И сын от матери отпрянет

превосходны. После прочитаны были твои Цыгане. Можешь себе представить, что делалось с Кюхельбекером. Что за прелестный человек этот Кюхельбекер. Как он любит тебя! *Как он молод и свеж!* — Цыган

слышал я четвертый раз и всегда с новым, с живейшим наслаждением. Я подыскивался, чтоб привязаться к чему-нибудь, и нашел, что характер Алеко несколько унижен. Зачем водит он медведя и собирает вольную дань? Не лучше ли б было сделать его кузнецом. Ты видишь, что я придираюсь, а знаешь почему и зачем? Потому что сужу поэму Александра Пушкина, за тем, что желаю от него совершенства.

К. Ф. Рылеев — Пушкину. Апрель 1825.

7

Прежде чем поблагодарю тебя, хочу с тобою побраниться. Получив твою комедию, я надеялся найти в ней и письмо. Я трес, трес ее и ждал, не выпадет ли хоть четвертушка почтовой бумаги; напрасно: ничего не выдрочил и со злости духом прочел «Духов» \*, сперва про себя, а потом и вслух. Нужна ли тебе моя критика? Нет! не правда ли? всё равно; критикую: ты сознаешься, что характер поэта не правдоподобен; сознание похвальное, но надобно бы сию неправдоподобность оправдать, извинить в самой комедии, а не в предисловии. Поэт мог бы сам совеститься, стыдиться своего суеверия: отселе новые, комические черты. Зато Калибан — прелесть. Не понимаю, что у тебя за охота пародировать Жуковского. Это простительно Цертелеву, а не тебе. Ты скажешь, что насмешка падает на подражателей, а не на него самого. Милый, вспомни, что ты, если пишешь для нас, то печатаешь для черни; она принимает вещи буквально. Видит твое неуважение к Жуковскому и рада.

*Сир* слово старое. Прочтут иные *сыр* etc.— очень мило и дельно. От жеманства надобно нас отучать.— Пас стада главы моей (вшей?). Впрочем, везде, где

---

\* Calembour! reconnais tu le sang? — Прим. Пушкина (фр.)  
Перевод: Каламбур! узнаешь ли ты кровь? — Каламбур, т. е. игра слов: *духом* прочел «Духов»; *узнаешь...* — намек на родство Пушкина с известным острословом — дядюшкой-поэтом (см. очерк «В. Л. Пушкин»). — В. К.

поэт бредит Шекспиром, его *легкое воздушное творенье*, речь Ариеля и последняя тирада,— прекрасно. О стихосложении скажу, что оно небрежно, не всегда натурально, выражения не всегда точно-русские — например, слушать *в оба уха*, брось вид угрюмый, *взгляд унылый*, молодец ретивый, сдернет чепец *на старухе* etc. Всё это я прощаю для Калибана, который чудо как мил. Ты видишь, мой милый, что я с тобою откровенен попрежнему; и уверен, что этим тебя не рассержу,— но вот чем тебя рассержу: князь Шихматов, несмотря на твой разбор и смотря на твой разбор, бездушный, холодный, надутый, скучный пустомеля... ай, ай, больше не буду! не бей меня.

*Пушкин — В. К. Кюхельбекеру.  
1—6 декабря 1825.*

8

Наш сумасшедший Кюхля нашелся, как ты знаешь по газетам, в Варшаве. Слухи в Петербурге переменились об нем так, как должно было ожидать всем знающим его коротко. Говорят, что он совсем не был в числе этих негодных Славян, а просто был воспламенен, как длинная ракета. Зная его доброе сердце и притом любовь хвастать разными положениями, в которые жизнь бросала его, я почти был в этом всегда уверен. Он бы верно кому-нибудь из товарищей не удержался сказал всю свою тайну.

*А. А. Дельвиг — Пушкину. Февраль 1826.*

9

15 октября 1827. Вчерашний день был для меня замечателен. Приехав в Боровичи в 12 часов утра, застал я проезжающего в постеле. Он метал банк гусарскому офицеру. Между тем я обедал. При расплате не достало мне 5 рублей, я поставил их на карту и, карта за картой, проиграл 1600. Я распла-

тился довольно сердито, взял займы 200 руб. и уехал, очень недоволен сам собою. На следующей станции нашел я Шиллерова «Духовидца», но едва успел прочитать я первые страницы, как вдруг подъехали четыре тройки с фельдъегерем. «Вероятно, поляки?» — сказал я хозяйке. «Да, — отвечала она, — их нынче отвозят назад». Я вышел взглянуть на них.

Один из арестантов стоял, опершись у колонны. К нему подошел высокий, бледный и худой молодой человек с черной бородою <...> Увидев меня, он с живостию на меня взглянул. Я невольно обратился к нему. Мы пристально смотрим друг на друга — и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись друг другу в объятия. Жандармы нас растащили. Фельдъегерь взял меня за руку с угрозами и ругательством — я его не слышал. Кюхельбекеру сделалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили в тележку и ускакали. Я поехал в свою сторону. На следующей станции узнал я, что их везут из Шлиссельбурга, — но куда же?

*Луга.*

*А. С. Пушкин. Дневник, 15 октября 1827.*

## 10

Любезные друзья и братья поэты Александры. Пишу к Вам вместе: с тем, чтобы вас друг другу со-сводничать. — Я здоров и, благодаря подарку матери моей Природы легкомыслию, не несчастлив. Живу *du jour au jour* \*, пишу. — Пересылаю вам некоторые безделки, сочиненные мною в Шлюссельбурге. Свидания с тобою, Пушкин, ввек не забуду. — Получил ли Грибоедов мои волоса? Если желаешь, друг, прочесть отрывки из моей поэмы, пиши к С. Бегичеву: я на днях переслал ему их несколько. Простите! Целую вас.

*В. К. Кюхельбекер — Пушкину и А. С. Грибоедову.  
10 июля 1828.*

\* День за днем (фр.).

Любезный друг Александр.

Через два года наконец опять случай писать к тебе: часто я думаю о вас, мои друзья; но увидеться с вами надежды нет, как нет; от тебя, т. е. из твоей псковской деревни до моего Помфрета, правда, не далеко; но и думать боюсь, чтобы ты ко мне приехал... А сердце голодно: хотелось бы хоть взглянуть на тебя! Помнишь ли наше свидание в роде чрезвычайно романтическом: мою бороду? Фризовую шинель? Медвежью шапку? Как ты через семь с половиною лет мог узнать меня в таком костюме? вот чего не постигаю! —

Я слышал, друг, что ты женишься: правда ли? Если *она* стоит тебя, рад: но скажи ей или попроси, чтоб добрые люди ей сказали, что ты быть молодым лордом Байроном не намерен, да сверх того и слишком для таких походов стар.— Стар? Да, любезный, поговаривают уже о старости и нашей: волос у меня крепко с русого сбивается на серо-немецкий.

...Вообще я мало переменялся: те же причуды, те же странности и чуть ли не тот же образ мыслей, что в Лицее! Стар я только стал, больно стар и потому туп: учиться уж не мое дело — и греческий язык в отставку, хотя он меня еще занимал месяца четыре тому назад: вижу, не дается мне! усовершенствоваться бы только в польском: Мицкевича читаю довольно свободно, Одынца тоже, но Немцевич для меня трудненок.— Мой друг, болтаю: переливаю из пустого в порожнее, все для того, чтоб ты мог себе составить идею об узнике Двинском: но разве ты его не знаешь? и разве так интересно его знать? — Вчера был лицейский праздник: мы его праздновали, не вместе, но — одними воспоминаниями, одними чувствами.— Что, мой друг, твой «Годунов»? Первая сцена: *Шуйский* и *Воротынский*, бесподобна; для меня лучше, чем сцена: *Монах* и *Отрепьев*; более в ней живости, силы, драматического. Шуйского бы расцеловать: ты отга-



дал его совершенно. Его: «А что мне было делать?» рисует его лучше, чем весь XII том покойного и спокойного историографа! Но господь с ним!..

*В. К. Кюхельбекер — Пушкину.  
20 октября 1830.*

12

Генерал,

Девушка Кюхельбекер просила узнать у меня, не возьму ли я на себя издание нескольких рукописных поэм, оставленных ей ее братом. Я подумал, что дозволения цензуры для этого недостаточно, а необходимо разрешение Вашего превосходительства. Осмеливаюсь выразить надежду, что разрешение, о котором я ходатайствую, не может повредить мне: я был школьным товарищем Кюхельбекера, и вполне естественно, что его сестра в этом случае обратилась ко мне, а не к кому-либо другому. (*Франц*).

*Пушкин — А. Х. Бенкендорфу. 27 мая 1832.*

13

Осмеливаюсь беспокоить Ваше превосходительство покорнейшей просьбой о позволении мне перепечатать в одну книгу сочинения мои в прозе, донные изданные; также и о позволении доставить Вильгельму Кюхельбекеру экземпляр всех моих сочинений.

*Пушкин — А. Н. Мордвинову. 26 мая 1834.*

14

Двенадцать лет, любезный друг, я не писал к тебе... Не знаю, как на тебя действуют эти строки; они писаны рукою, когда-то тебе знакомою; рукою этою водит сердце, которое тебя всегда любило; но двенадцать лет не шутка. Впрочем *мой* долг прежде всех лицейских товарищей вспомнить о тебе в мину-

ту, когда считаю себя свободным писать к вам; *долг*, потому что и ты же более всех прочих помнил о вашем затворнике. Книги, которые время от времени пересылал ты ко мне, во всех отношениях мне драгоценны: раз, они служили мне доказательством, что ты не совсем еще забыл меня, а во-вторых, приносили мне в моем уединении большее удовольствие. Сверх того, мне особенно приятно было, что именно ты, поэт, более наших прозаиков заботишься обо мне: это служило мне вместо явного опровержения всего того, что господа люди хладнокровные и рассудительные обыкновенно взводят на грешных служителей стиха и рифмы. У них поэт и человек недельный одно и то же; а вот же Пушкин оказался другом гораздо более дельным, чем все они вместе. Верь, Александр Сергеевич, что умею ценить и чувствовать все благородство твоего поведения; не хвалю тебя и даже не благодарю, потому что должен был ожидать от тебя всего прекрасного; но клянусь, от всей души радуюсь, что так случилось.— Мое заточение кончилось: я на свободе, т. е. хожу без няньки и сплю не под замком...

*В. К. Кюхельбекер — Пушкину.  
12 февраля 1836.*

15

Его сиятельство граф Александр Христофорович просит Вас доставить к нему письмо, полученное Вами от Кюхельберга, и с тем вместе желает непременно знать чрез кого Вы его получили.

*А. Н. Мордвинов — Пушкину. 28 апреля 1836.*

16

Признаюсь, любезный друг, что я было уже отчаялся получить от тебя ответ на письмо мое: но тем более я ему обрадовался; жаль только, что при нем не было первой книжки твоего журнала: я ее не получил.

Ты хочешь, чтоб я тебе говорил о самом себе. *Ныне* это мне еще совершенно невозможно: в судьбе моей произошла такая огромная перемена, что и поныне душа не устоялась. Дышу чистым, свежим воздухом, иду, куда хочу, не вижу ни ружей, ни конвоя, не слышу ни скрипу замков, ни шепота часовых при смене: все это прекрасно, а между тем — поверишь ли? — порою жалею о своем уединении. Там я был ближе к вере, к поэзии, к идеалу; здесь все не так, как ожидал даже я, порядочно же, кажись, разочарованный насчет людей и того, чего можно от них требовать...

В. К. Кюхельбекер — Пушкину.  
3 августа 1836.

17

Не знаю, друг Пушкин, дошло ли до тебя да и дойдет ли письмо, которое писал я к тебе в августе; — а между тем берусь опять за перо, чтобы поговорить с тобою хоть заочно. В иное время я, быть может, выждал бы твоего ответа; но есть в жизни такие минуты, когда мы всего надеемся, когда опасения не находят дороги в душу нашу. — *Grande nouvelle!* \* Я собираюсь — жениться; вот и я буду *Benedick the married man*, а моя *Beatrice* почти такая же *little Shrew*, как и в «*Much Ado*», старика Willy \*\*. — Что-то бог даст? — для тебя, поэта, по крайней мере важно хоть одно, что она в *своем роде* очень хороша: черные глаза ее *жгут душу*; в лице что-то младенческое и вместе что-то страстное, о чем вы, европейцы, едва ли имеете понятие. Но довольно. Завтра 19 октября. — Вот тебе, друг, мое приношение. Чувствую, что оно недостойно тебя, — но, право, мне теперь не до стихов.

\* Большая новость! (фр.).

\*\* Бенедиктом — женатым... Беатриче... маленькая строптивница... «Много шума»... Вилли (англ.).

19 ОКТЯБРЯ

1

Шумят, бегут часы: их темный вал  
Вновь выплеснул на берег жизни нашей  
Священный день, который полной чашей  
В кругу друзей и я торжествовал.  
Давно! — Европы страж, седой Урал,  
И Енисей, и степи, и Байкал  
Теперь меж нами... На крылах печали  
Любовью к вам несусь из темной дали.

2

Поминки нашей юности! — И я  
Их праздновать хочу; — воспоминанья,  
В лучах дрожащих тихого мерцанья,  
Воскресните! — Предстаньте мне, друзья!  
Пусть созерцает вас душа моя,  
Всех вас, Лицея верная семья!  
Я с вами был когда-то счастлив, молод:  
Вы с сердца светите туман и холод.

3

Чьи резче всех рисуются черты  
Пред взорами моими? — Как перуны  
Сибирских гроз, его золотые струны  
Рокочут... Песнопевец, это ты!  
Твой образ свет мне в море темноты.  
Твои живые, вещие мечты  
Меня не забывали в ту годину,  
Когда, уединен, ты пил кручину.

4

Когда и ты, как некогда Назон,  
К родному граду простирал объятья,

И над Невою встрепетали братья,  
Услышав гармонический твой стон:  
С седого Пейпуса, волшебный, он  
Раздался, прилетел и прёрвал сон,  
Дремоту наших мелких попечений,  
И погрузил нас в волны вдохновений.

5

О Брат мой! Много с той поры прошло:  
Твой день прояснел, мой — покрылся тьмою;  
Я стал знаком с Торкватовой судьбою,  
И что ж? — Опять передо мной светло!  
Как сон тяжелый, горе протекло;  
Мое светило из-за туч чело  
Вновь подняло; гляжу в лицо природы:  
Мне отданы долины, горы, воды.—

6

И, друг, хотя мой волос поседел,  
А сердце бьется молодо и смело,  
Во мне душа переживает тело: —  
Еще мне божий мир не надоел.  
Что ждет меня? — Обманы наш удел.  
Но в эту грудь вонзилось много стрел,  
Терпел я много, обливался кровью...  
Что? Если в осень дней столкнусь  
с любовью?

Размысли, друг, этот последний вопрос — и не  
смейся,— потому что человек, который десять лет си-  
дел в четырех стенах и способен еще любить доволь-  
но горячо и молодо,— ей-богу! достоин некоторого  
уважения. Целую тебя.

*Вильгельм.*

*В. К. Кюхельбекер — Пушкину. 18 октября 1836.*

18

Станем надеяться, что наконец наши писатели, из коих особенно некоторые молодые одарены прямым талантом, сбросят с себя поносные цепи немецкие и захотят быть русскими. Здесь особенно имею в виду А. Пушкина, которого три поэмы, особенно первая, подают великие надежды. Я не обинулся смело сказать свое мнение насчет и его недостатков; несмотря на то, уверен, что он предпочтет оное громким похвалам господина издателя «Северного архива». Публике мало нужды, что я друг Пушкина, но сия дружба дает мне право думать, что он, равно как и Баратынский, достойный его товарищ, не усомнятся, что никто в России более меня не порадуется их успехам!

*В. К. Кюхельбекер. О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие. 1824.*

19

Скажу вам только, что *великий писатель*, делающий честь своему веку,—великое слово! Пушкин, без сомнения, превосходит бóльшую часть русских, современных ему стихотворцев: но между лилипутами не мудрено казаться великаном! Он, я уверен, не захочет сим ограничиться. Барона Дельвига ему ничуть не предпочитаю: первый Дельвиг отклонил бы от себя такое предпочтение, ибо лучше нас знает, что, написав несколько стихотворений, из которых можно получить *довольно верное понятие о древней элегии*, еще не получаешь права стать выше творца «Руслана и Людмилы», романтической поэмы, в которой, при всех ее недостатках, более творческого воображения, нежели *во всей* остальной современной русской словесности; творца «Кавказского пленника», написанного самыми сладостными стихами, представляющего некоторые превосходные описания, вливающего в душу — *особенно при первом чтении* — живое сетова-

ние; наконец, творца «Бахчисарайского фонтана», коего драматическое начало свидетельствует, что Пушкин шагнул вперед и не обманет надежд *истинных* друзей своих!

В. К. Кюхельбекер. Разговор с Ф. В. Булгариным.  
1824.

20

Статья «О направлении нашей поэзии» и «Разговор с г. Булгариным», напечатанные в «Мнемозине», послужили основанием всего, что сказано было противу романтической литературы в последние два года.

Статьи сии написаны человеком ученым и умным. Правый или неправый, он везде предлагает даже причины своего образа мыслей и доказательства своих суждений, дело довольно редкое в нашей литературе.

Никто не стал опровергать его, потому ли, что все с ним согласилось, потому ли, что не хотели связаться с атлетом, по-видимому сильным и опытным.

Несмотря на то, многие из суждений его ошибочны во всех отношениях. Он разделяет русскую поэзию на лирическую и эпическую. К первой относит произведения старинных поэтов наших, ко второй Жуковского и его последователей <...>

А. С. Пушкин. Возражение на статьи  
Кюхельбекера в «Мнемозине». 1825—1826.

21 \*

17 февраля 1832.

Нынешний день оаза в моей пустыне: я получил письмо и книги от моей доброй Улиньки; книги: немецко-английский словарь, 2 том Робертсона, повести

---

\* Фрагменты из «Дневника» В. К. Кюхельбекера.

и последняя глава «Онегина» Пушкина. Прочел я повесть «Выстрел» и главу «Онегина»; о повестях постараюсь что-нибудь сказать, когда прочту все. Поэт в своей 8-й главе похож сам на Татьяну: для лицейского его товарища, для человека, который с ним вырос и его знает наизусть, как я, везде заметно чувство, коим Пушкин переполнен, хотя он, подобно своей Татьяне, и не хочет, чтоб об этом чувстве знал свет. Впрочем, и об «Онегине» предоставляю себе поговорить еще раз, когда перечту его.

*21 февраля 1832.*

Перечел я также 8-ю главу «Онегина»: напрасно сестра говорит, что она слабее прочих; напротив, она мне кажется если не лучшею, то по крайней мере из лучших. История знакомства Поэта с Музою прелестна — особенно 4 строфа: но лжет Пушкин, чтобы Музе нравился:

Порядок стройный  
Олигархических бесед  
И холод гордости спокойной etc.

9-я строфа прекрасна: вариации на нее 10, 11 и 12-я слабее, но и в них много хорошего, хотя одиннадцатая несколько сбивается на наши модные элегии, а в 12-й стих «Иль даже Демоном моим» такой, без которого очень можно бы было обойтись. Появление Тани живо: но нападки на \*\*\* не очень кстати (я бы этого не должен говорить, ибо очень узнаю себя самого под этим гieroглицом, но скажу стихом Пушкина ж: «Мне истина всего дороже»). Кроме этой небольшой полемической выходки, все превосходно от 14 до 20 строфы, а слова «И — и не мог!» в своем роде совершенство. В 22-й строфе не очень понимаю «упрямой думы», но «упрямо смотрит он» иное дело: это почерпнуто из сердца человеческого. Вечер у Тани хорош, но слабее раута. Конец XXVI-й строфы:

И молча обмененный взор  
Ему был общий приговор —



заключает в себе черту, схваченную с того, что иногда случается видеть в свете. В письме Онегина к Тане есть место, напоминающее самые страстные письма St. Preux \*, — от слов:

Боже мой!  
Как я ошибся, как наказан!

до стиха: «И я лишен того» etc. Из лучших строф 35-я, свидетельствующая, что Ал. Пушкин племянник В. Пушкина, великого любителя имен собственных: особенно мил *Фонтенель* с своими «творениями» в этой *шутовской* шутке. Но следуют стихи, где, наконец, истинная Поэзия, Поэзия души, воображения, вдохновения; все же хорошее, что предшествовало, кроме, может быть, 4-й строфы и письма, было и умно, и остро, а иногда даже глубоко, но — проза! 37-я строфа чудесна, особенно стихи:

А перед ним воображенье  
Свой пестрый мечет фараон.

И:

...и у окна  
Сидит она и все она.

Объяснение с Татьяной также выше многого того, что из прочих глав наша молодежь затвердила наизусть. Эпилог лучший из всех эпилогов Пушкина.

1 мая 1832.

Читал я после обеда последнюю главу «Онегина»: в ней много, много чувства; несколько раз слезы наворачивались у меня на глаза: нет, тут не одно искусство, тут сердце, тут душа!

17 января 1833.

Перечитывая сегодня поутру начало третьей песни Своей поэмы, я заметил в механизме стихов и в слог

\* Сен-Пре (фр.). — Герой романа Ж.-Ж. Руссо «Новая Элоиза».

что-то пушкинское. Люблю и уважаю прекрасный талант Пушкина: но, признаться, мне бы не хотелось быть в числе его подражателей. Впрочем, никак не могу понять, отчего это сходство могло произойти: мы, кажется, шли с 1820 года совершенно различными дорогами, он всегда выдавал себя (искренно ли или нет — это иное дело!) за приверженца школы так называемых очистителей языка, а я вот уже 12 лет служу в дружине славян под знаменами Шишкова, Катенина, Грибоедова, Шихматова. Чуть ли не стихи четырехстопные сбили меня: их столько на пушкинскую статью, что невольно заговоришь языком, который он и легион его последователей присвоили этому размеру.

20 мая 1833.

Прочел я четыре повести Пушкина (пятую оставляю pour la bonne bouche\* на завтрашний день) — и, читая последнюю, уже мог от доброго сердца смеяться. Желал бы я, чтоб об этом узнал когда-нибудь мой товарищ; ему, верно, было бы приятно слышать, что произведения его игривого воображения иногда рассеивали хандру его несчастного друга.

25 июля 1834.

Не слушай, друг Пушкин, ни тех, ни других, ни журналистов, готовых кадить тебе и ругать тебя, как велит им их выгода, — ни близоруких друзей твоих! Слушайся *вдохновения* — и от тебя не уйдет ни современность, ни бессмертие!

Упрекает Булгарин, между прочим, друзей Пушкина за то, что они хотели сделать из него только артиста, живописца и музыканта, — говорит, что «писатель без мыслей, без великих философических и нравственных истин, без сильных ощущений — есть просто гударь, хотя бы» и пр. Но без сильных ощущений и мыслей можно ли быть и музыкантом, можно ли быть и

\* На закуску (фр.).

живописцем? А что Булгарин понимает под *великими* нравственными истинами — мы знаем! Его величие не слишком-то велико, а, кажется, ему нужна дидактика в новом платье, от которой да сохранит нас бог!

26 мая 1840.

Сегодня день рождения покойного Пушкина. Сколько тех, которых я любил, теперь покойны!

В душе моей всплывает образ тех,  
Которых я любил, к которым ныне  
Уж не дойдет ни скорбь моя, ни смех.

Пережить всех — не слишком отрадный жребий! Высчитать ли мои утраты? Гениальный, набожный, благородный, единственный мой Грибоедов; Дельвиг умный, веселый, рожденный, кажется, для счастья, а между тем несчастливый; бедный мой Пушкин, страдалец среди всех обольщений славы и лести, которою упояли и отравляли его сердце...

19 октября 1841.

Сегодня 30 лет со дня открытия Лицея. Теперь всем моим товарищам (оставшимся в живых) за сорок лет. Из тридцати тогда поступивших в Лицей умерли, сколько знаю, Ржевский, Корсаков, Дельвиг, Пушкин и, кажется, еще Костенский; Есаков застрелился; Тырков сошел с ума, а я и Пущин? Осталось, если не считать Гурьева, выключенного еще в 1813 году, всего двадцать. Итак, целой трети уже нет. Да, я вспомнил, что и Илличевский чуть ли не умер: стало быть, вот уж и перешло за треть.

16 мая 1843.

Хочу перечесть Пушкина. Начал я с «Руслана». Стихи тут необычайной легкости, прелести и *отчетливости*. Последнее не безделица. Содержание, разу-

меется, вздор; создание ничтожно, глубины никакой. Один слог составляет достоинство «Руслана»; зато слог истинно чудесный. Лучшая песнь, по-моему, шестая: сражение тут не в пример лучше, чем в «Полтаве».

*19 мая 1843.*

Остаюсь при своем мнении, что «Кавказский пленник» и особенно «Бахчисарайский фонтан», хотя в них стихи иногда удивительной сладости,— творения не в пример ниже «Руслана»; «Братья разбойники» их оригинальнее, сочнее, питательнее.

«Домик в Коломне» и «Анджело» по слогу бойкому и умному принадлежат зрелости таланта Пушкина. В первой поэмке Пушкину дался юмор, который так часто ускользает из-под пера его в «Онегине».

*27 мая 1845.*

Сегодня ночью я видел во сне Крылова и Пушкина. Крылову я говорил, что он первый поэт России и никак этого не понимает. Потом я доказывал переважно ту же тему Пушкину. Грибоедова, самого Пушкина, себя я называл учениками Крылова; Пушкин тут несколько в насмешку называл и Баратынского. Я на это не согласился; однако оставался при прежнем мнении. Теперь не во сне скажу, что мы, т. е. Грибоедов, я и даже Пушкин, точно обязаны своим слогом Крылову; но слог только форма; роды же, в которых мы писали, все же гораздо выше басни, а это не безделица.

Я вчера, было, хотел с вами говорить об Онегине; но теперь вспомнил, что вы вероятно его не читали,

да и не скоро прочтете, потому что этот Роман в стихах не из тех книг, которые

Мать дочери велит читать.

Для тетушки вашей замечу, что совершенное разочарование, господствующее в Последней главе, наводит грусть; но для лицейского товарища Автора много таких намеков в этой главе, которые говорят сердцу, и по сему в моих глазах они ничуть не из худших; а впрочем это суждение не беспристрастно, суждение более человека, нежели литератора и посему не может иметь веса для посторонних.

*В. К. Кюхельбекер — своим племянницам Глинкам.  
19 февраля 1832.*

23

Если уж назначить какой-нибудь отдельной его (Пушкина) пьесе первое место между соперницами (что, впрочем, щекотливо и бесполезно), — я бы назвал «Чернь»; по крайней мере, это стихотворение мне в нынешнем расположении духа как-то ближе, родственнее всех прочих.

*В. К. Кюхельбекер — Н. Г. Глинке.  
16 сентября 1834.*

24

Успел я прочесть... — «Гусара» Пушкина: что скажете? По моему мнению, журналисты с ума сходили, когда было начали нас уверять, будто Пушкин остановился, даже подался назад. В этом «Гусаре» гётевская зрелость таланта. Если Полевые этого не чувствуют, тем хуже для них...

*В. К. Кюхельбекер — Б. Г. и Н. Г. Глинкам.  
18 октября 1834.*

25

Были ли Вы уже в Царском Селе? Если нет, так посетите же когда-нибудь моих пенатов, т. е. прежних... Мне бы смерть как хотелось, чтоб вы посетили Лицей, а потом мне написали, как его нашли. В наше время бывали в Лицее и балы, и представь, твой старый дядя тут же подплясывал, иногда не в такт, что весьма бесило любезного друга его Пушкина, который впрочем ничуть не лучше его танцевал, но воображал, что он по крайней мере *Cousin germain*\* Госпожи Терпсихоры...

*В. К. Кюхельбекер — племяннице А. Г. Глинке.  
1830-е годы.*

26

...Нельзя не вспомнить сцены, когда Пушкин читал нам своих *Пирующих студентов*. Он был в лазарете и пригласил нас послушать эту пиесу. После вечернего чая мы пошли к нему гурьбой с гувернером Чириковым.

Началось чтение:

Друзья! Досужный час настал,  
Все тихо, все в покое, и пр.

Внимание общее, тишина глубокая по временам только прерывается восклицаниями. Кюхельбекер просил не мешать, он был весь тут, в полном упоении... Доходит дело до последней строфы. Мы слышим:

Писатель! За твои грехи  
Ты с виду всхх трезвее:  
Вильгельм! прочти свои стихи,  
Чтоб мне заснуть скорее.

При этом возгласе публика забывает поэта, стихи его, бросается на бедного метромана, который, растаявши под влиянием поэзии Пушкина, приходит в совершенное одурение от неожиданной эпиграммы и

\* Двоюродный брат (фр.).

нашего дикого натиска. Добрая душа был этот Кюхель! Опомнившись, просит он Пушкина еще раз прочесть, потому что и тогда уже плохо слышал одним ухом, испорченным золотухой.

*И. И. Пущин. Записки о Пушкине.*

27

Скоро я надеюсь увидеть Вильгельма, он должен проехать через наш город в Курган, я его на несколько дней заарестую. Надобно будет послушать и прозы и стихов. Не видал его с тех пор, как на гласисе крепостном нас собирали,—это тоже довольно давно. Получал изредка от него письма, но это не то, что свидание.

*И. И. Пущин — Е. А. Энгельгардту.  
26 февраля 1845.*

28

Пушкин в 1825 г. назвал Вильгельма (т. е. Кюхельбекера) братом *по судьбам* оттого, что жил тогда в Михайловском, не имея права возвратиться в Петербург или в Москву; Вильгельм же, по возвращении из Парижа (куда ездил в качестве секретаря с Александром Львовичем Нарышкиным), где в Атенее прочел он несколько либеральных лекций о русской литературе, принужден был убраться куда-нибудь подальше от центра администрации: А. Тургенев и Жуковский передали его Ермолову. Вот отчего и сказал Пушкин:

Поговорим о бурных днях Кавказа...

Но Вильгельм рассорился с Ермоловым и осенью 1825 г. возвратился на беду свою в Петербург.

*Я. К. Грот. Дополнения к изданиям Пушкина.*

В Лицее подружился он со многими из своих товарищей и остался с ними в сношениях до самой смерти, несмотря на различие их последующей судьбы; (короче всех сошелся он с Пушкиным, Дельвигом, Горчаковым, Яковлевым); на долю большей части из них выпали почести и слава, на его — заточение и изгнание. Один только из них И. Ив. Пущин был его товарищем не только на скамьях Лицея, но и в рудниках Сибири. О дружбе его с Пушкиным остались более достоверные и благородные памятники, чем пустое четверостишие, приведенное Гречем. Во многих отдельных стихотворениях, особенно в одах своих на 19-ое Октября (Лицейские Годовщины) Пушкин с любовью и уважением упоминает о товарище своем, называя его своим братом «по музе и Судьбе». Кстати упомяну здесь и о дуэли, которую Кюхельбекер имел, по словам Греча, с Пушкиным — в действительности она если существовала, то только в воображении г-на Греча или вернее всего придумана просто им в виде остроумного анекдота. Еще в Лицее или тотчас же по выходе из него Кюхельбекер действительно дрался с одним из своих товарищей — да только не с Пушкиным, а с Пущиным; верно Греча сбита схожесть фамилий (безделица!). Причина поединка мне неизвестна, знаю только, что он не помешал их обоюдному уважению и что я и теперь обязана И. И. Пущину возможностью издать бумаги отца, так как они были собраны и сохранены им.

*Ю. В. Косова, дочь В. К. Кюхельбекера.*

Кюхельбекер стрелял первым и дал промах. Пушкин кинул пистолет и хотел обнять своего товарища, но тот неистово кричал: стреляй, стреляй! Пушкин насилу его убедил, что невозможно стрелять, потому что снег набился в ствол. Поединок был отложен, и потом они помирились.

*П. И. Бартнев.*





Только один из лицейских товарищей был возле А. С. Пушкина в последние дни. О нем — Константине Карловиче Данзасе — будет рассказано в самом конце 2-й книги, ибо ему как бы суждено было соединить начальные и конечные звенья той золотой цепи дружества, которая так много значила в жизни и трудах великого поэта. Со слов Данзаса записана и фраза, которую повторяют едва ли не в каждой биографической книге о Пушкине: «Как жаль, что нет теперь здесь ни Пушина, ни Малиновского, мне легче было бы умирать».

Обычно человек в старости особенно четко вспоминает юность и спутников юности. Пушкину старости не было дано, его поздние, непрожитые годы спрессовались в двое суток. И он обратился тогда памятью к лучшим друзьям отрочества. Да и сказано это было товарищу тех времен.

С Пушиным все ясно: это друг первый, друг бесценный, да еще друг безвинно страдающий \*, но почему именно Малиновский?

По-видимому, после Лицея Пушкин встретился с Малиновским всего несколько раз: 21 октября 1817 г. и 13 октября 1818 г. они вместе с другими сокурсни-

---

\* Пушин в «Записках» приводит лишь первую часть фразы. Знал ли он слова «легче было бы умирать»?

ками отмечали в Царском Селе первую и вторую лицейскую годовщины; еще же раз они увиделись 14 сентября 1819 г. и едва ли встречались в более поздние годы. Правда, потомки Малиновского сохранили его альбом, куда с датой «1833 год» был вписан пушкинской рукой сонет «Мадонна». Существует даже мемуарная версия о том, как это произошло. Малиновский якобы очень огорчился атеистическими наклонностями Пушкина (сам он действительно был человек глубоко верующий), и однажды был у него с Пушкиным разговор об этом. Тогда Пушкин и написал ему в альбом «Мадонну». Рядом со стихотворением в альбоме в самом деле есть помета Малиновского: «На вызов мой укрепился ли он в вере». Однако вст неувязка: тщательный анализ почерка привел специалистов к выводу, что стихотворение вписано рукой не Александра Сергеевича, а Льва Сергеевича Пушкина. Почерки у братьев были в то время очень схожи, и Малиновский дружил со Львом. Получается, что и встреча 1833 г. не доказана.

В сохранившихся письмах Пушкина Малиновский упоминается всего один раз. Пушкин пишет брату из Михайловского в Петербург, у него неплохое настроение накануне рождества — он шутит и рифмует в письме: «Кланяйся господину Жуковскому. Заезжай к Пушину и Малиновскому. Поцелуй Матюшкина, люби и почитай Александра Пушкина». Это опять-таки свидетельствует о встречах Льва с Малиновским — не более. Однако характерно, что в письме Малиновский снова упомянут рядом с Пушиным.

В 1825 г. Пушкин отмечает годовщину Лицея стихотворением «19 октября», где в черновом варианте Малиновский в третий раз — рядом с Пушиным. После строк «...поэта дом опальный // О Пушин мой, ты первый посетил; // Ты усладил изгнанья день печальный, // Ты в день его Лицея превратил» было так:

Что ж я тебя не встретил тут же с ним,  
Ты, наш Казак, и пылкий и незлобный,  
Зачем и ты моей сени надгробной  
Не озарил присутствием своим?

Мы вспомнили б, как Вакху приносили  
Безмолвную мы жертву в первый раз,  
Как мы впервой все трое полюбили,  
Наперсники, товарищи проказ.

Все здесь исполнено конкретного смысла: Малиновского Пушкин ожидал встретить именно с Пушчиным; «Казак» — лицейское прозвище Малиновского, данное ему за «отчаянность» и задиристость; «и пылкий и незлобный» — точная характеристика вспыльчивого и доброго Малиновского (однажды он, например, поссорившись с Кюхельбекером, вылил ему на голову тарелку супа, отчего и произошло памятное всем лицеистам «самоутопление» Кюхельбекера в пруду, которое Малиновский долго не мог себе простить)\*; жертва Вакху — это шалость с «гоголь-моголем», описанная в воспоминаниях Пушина (№ 4), жертва «безмолвная», потому что старались не привлечь шумом воспитателей; все трое — Пушкин, Пушчин и Малиновский — влюбились в сестру своего товарища Екатерину Бакунину, приезжавшую навещать брата в Лицей, и признались друг другу в этом. Наконец, слова о «сени надгробной» поразительно ассоциируют с теми, что были сказаны Данзасу двенадцать лет спустя. В жизни и стихах Пушкина подобных пророчеств и ассоциаций немало.

Из сказанного следует единственный вывод: дружба для Пушкина не измерялась ни числом встреч на жизненном пути, ни перепиской, ни обязательной общностью литературных интересов. Лицейского своего наперсника Ивана Малиновского поэт не забыл до смертного часа, ибо, как вспоминал хорошо знавший Пушкина С. А. Соболевский, он «любил своих друзей за дружбу».

\* \* \*

В 1811 г. дипломат, чиновник Коллегии иностранных дел, литератор — автор смелых и передовых для

---

\* Много лет спустя Кюхельбекер записал в «Дневнике»: «В мае 1817 года... моя ссора с Малиновским и горячка, следствие этой ссоры, да побег из больницы в пруд Александровского сада, где я чуть не утонул».

своего времени трактатов «Рассуждение о войне и мире» и «Записка об освобождении рабов», Василий Федорович Малиновский получил неожиданное назначение. Ему предстояло стать устроителем и первым директором Царскосельского Лицея. Было решено, что в Лицей наберут воспитанников не старше 14 лет. Однако директор, вполне естественно, захотел испробовать новую форму образования и на собственном сыне-первенце (Иван в это время обучался в Петербургской гимназии). С согласия министра просвещения Ивану было «убавлено» два года в документах, и он стал самым старшим соучеником Пушкина по Лицею \*.

Иван Малиновский познакомился с будущими товарищами еще до начала занятий: он как радушный хозяин принимал зачисленных в Лицей в директорской квартире в Певческом (теперь Лицейском) переулке. В Лицее он отличался во всех играх, требовавших ловкости и проворства, отлично справлялся с математикой, физикой, с языками, но к литературе особого рвения не проявлял. Прилежания Иван Малиновский был преотличного, добронравия несомненно, только вот вспыльчив был донельзя и не всегда удерживался от кулачных сражений, за что и прозвали его «Казак» («Сосед Казак, задав кулак, другим еще грозитя»), а умеренный и аккуратный, будущий сановник Модест Корф называл его «бешеным». Малиновского очень любили за доброжелательность, справедливость и твердое нежелание пользоваться возможными выгодами своего положения «директорского сына». Да и Василий Федорович такого никогда бы не допустил! Это был человек, которому, наряду с А. П. Кунцыным, принадлежит честь формирования высокого нравственного и общественного облика лицейстов. В сущности, именно Малиновский-старший создал тот Лицей, который дал Пушкина, Пущина и Кюхельбекера, Матюшкина и Дельвига...

Однажды лицеисты подобрали ключи к одному из шкафов и вытащили оттуда классные журналы с ха-

---

\* К сожалению, ни в одном справочнике не указаны месяц и день рождения И. В. Малиновского.

рактиками и аттестациями, которые давали им педагоги. За этим чтением воспитанников застал Василий Федорович Малиновский. Совершенно не допуская телесных наказаний, отказавшись даже зайти в Лицей карцер, Малиновский-старший и на этот раз ограничился отеческим внушением. С укоризной обратился он к Пушкину, упрекая его в легкомыслии, отсутствии прилежания и т. д., в то время как ему, юноше с задатками гения, следовало бы, по мнению директора, вести себя по-другому. Все это растрогало необычайно впечатлительного и чуткого к добру Пушкина.

Ужасные горести обрушились на Ивана Малиновского в Лицей. Едва успели начать учение, как умерла 40 лет от роду его мать, оставив шестерых детей (16-летний Иван — старший). А вскоре после истории с классными журналами неожиданно умер и первый директор Лицея. Со слов отца дочь Ивана Васильевича рассказывала, что среди нескольких лицестов, провожавших Василия Федоровича в последний путь на Георгиевское кладбище (Большая Охта), был Пушкин. Он первый подошел к Ивану, обнял его, и перед незасыпанной могилой Василия Федоровича была скреплена их дружба. Со смертью В. Ф. Малиновского осиротели не только Иван, его брат и сестры, — осиротел Лицей. Пушкин остро переживал это. Нередко биографы задаются вопросом, почему Пушкин холодно относился к новому директору Е. А. Энгельгардту — прекрасному педагогу и мягкому человеку, лишенному, правда, остроты ума и ощущения потребностей времени, которые были в высшей степени свойственны отцу Ивана Малиновского. Может быть, ответ именно в том, что Пушкин не мог забыть основателя Лицея, не мог примириться с первой потерей на своем жизненном пути. Отсюда его холодность к Энгельгардту, отсюда и его особая близость к Ивану Малиновскому.

Следует вспомнить и еще одну дружескую привязанность, объединявшую Пушкина с Малиновским. К ним двоим приезжал в Лицей в 1816 г. Николай Михайлович Карамзин. С семейством Пушкиных он был близко знаком, а Иван Малиновский был пле-

мянником его друга, начальника Московского архива иностранных дел, историка Алексея Федоровича Малиновского; к тому же Карамзин хотел выразить сочувствие сыну покойного директора Лицея. Как вспоминал потом Иван Васильевич, Карамзин сказал Пушкину: «Пари как орел, но не останавливайся в полете», и Пушкин «с раздутыми ноздрями — выражение его лица при сильном волнении — сел на место при общем приличном приветствии товарищей».

Малиновский был выпущен из Лицея офицером в лейб-гвардии Финляндский полк. Он довольно быстро прошел путь от прапорщика до капитана, но в марте 1825 г. вышел в отставку «по семейным обстоятельствам» с чином полковника. Что это были за обстоятельства? После смерти отца заботу о детях взял на себя дед по матери А. А. Самборский, но в 1815 г. умер и он. Иван остался единственной опорой семьи. Доставшееся ему имение Самборских постепенно приходило в упадок, а ведь надо было выдавать замуж сестер и помогать больному брату. Жалованья гвардейского офицера не хватало на все это. Вот и отправился Малиновский на Украину — в деревню Каменку Изюмского уезда Харьковской губернии, практически навсегда оторвавшись от столиц (он наезжал туда крайне редко). Малиновский стал рачительным хозяином и одним из помещиков — «белых ворон», гуманно относившимся к крестьянам. Е. А. Энгельгардт писал Ф. Ф. Матюшкину: «У меня на днях был мужичок тамошний и говорил про Ивана Васильевича: ну душа радуется, как он там при рекрутчине стоял за бедных и грызся с богачами и с чиновниками». Дочь Малиновского вспоминала: «Отец получил в наследство имение с долгами; но все выплатил и разделился поровну с сестрами... Себе отец во всем отказывал, но для всякого нуждающегося готов был отдать последнее».

После восстания декабристов Малиновского ждали новые тяжкие испытания. Он в декабристских организациях не участвовал, но оказался как бы в центре декабристской семьи. Судите сами: одна сестра его, Анна Васильевна, вышла замуж за видного декабриста А. Е. Розена, сосланного в Сибирь (куда

она за ним последовала), а потом — на Кавказ; другая сестра связала свою судьбу с товарищем брата по Лицею В. Д. Вольховским — также прикосновенным к делу декабристов. Наконец, Иван Васильевич был женат первым браком на сестре любимого своего Жанно — Марии Ивановне Пушиной. Удивительно ли, что, примчавшись в 1826 г. в Петербург, Малиновский пытался хоть чем-нибудь облегчить участь своих родных и близких. Когда Харьков посетил Николай I, Малиновский во главе дворянской депутации обратился к нему с петицией о смягчении участи осужденных.

В 1844 г. Мария Ивановна умерла, оставив мужу единственного сына Антона (Тони). Об этом юноше, своем племяннике и сыне ближайшего друга, справлялся Пущин в письмах из Сибири (№ 7, 10).

Впоследствии Иван Васильевич снова женился — на племяннице В. Д. Вольховского, от которой было у него шестеро детей. Единственной печатной работой Малиновского была брошюра о жизни и службе генерала Вольховского. Так что вся жизнь его оказалась неразрывно связанной с лицеистами первого выпуска и с декабристами.

В 1861 г. к 50-летию Лицея Малиновский охотно отзывался на предложение рассказать о себе и призвал всех остававшихся в живых лицеистов выступить с «исповедью» о прожитой жизни. Незадолго до смерти по просьбе историка Лицея Я. К. Грота 76-летний старик Малиновский вспомнил номера комнат, занятых лицеистами в первые три года учения. Он рассказывал: «Так и вижу номера над дверьми и на левой стороне воротника шинели на квадратной тряпочке чернилами». К сожалению, Иван Васильевич был не большой мастер писать: стиль у него запутанный и туманный, почерк приводил адресатов в отчаяние. Сколько-нибудь полных воспоминаний о Пушкине он не оставил. Альбом его, о котором упоминалось, и архив переданы потомками в Пушкинский дом.

Так прожил свою жизнь один из ближайших друзей великого Пушкина, скромный предводитель дворянства Изюмского уезда Иван Васильевич Мали-

новский, которого иначе как заступником вдов и сирот в родных краях не называли \*. Он скончался и похоронен в селе Каменка.

### *Основная литература*

М. Руденская, С. Руденская. Они учились с Пушкиным, Л., 1976.

Н. Я. Эйдельман. «Прекрасен наш союз...». Изд. 2-е. М., 1982.

---

\* В неурожайный 1871 год Иван Васильевич писал: «Сейчас поручил составить список нуждающихся крестьян... и раздам им из собственного капитала».



1

А ты, повеса из повес,  
На шалости рожденный,  
Удалый хват, головорез,  
Приятель задушевный,  
Бутылки, рюмки разобьем  
За здоровье Платова,  
В казачью шапку пунш нальем —  
И пить давайте снова!..

*А. С. Пушкин. Пирующие студенты. 1814.*

2

Ох, братцы, не уходите от нас. Наш круг все ре-  
же и реже и кончится тем, что зарежет. Ты не пове-  
ришь, какое грустное впечатление сделала мне смерть  
Пушкина.— «На кобылку недруг сел» (из его «Во-  
рона»): Беда! А утешился лишь тем, что с рыжим  
пламенем во взоре был наш лицеян, не на одно же  
веселье ожидай наших.— Клеветник России повалил  
автора «Клеветников России». Я с сей пьесы начал  
уважать в особенности патриотизм его — и доказал  
бы сие уважение на месте! Не знаю как у вас о сем  
рассуждают, а у нас едва ли и прокурор бы *про-*  
*пустил*. Прости, что увлекся сим важным впечатле-  
нием...

*И. В. Малиновский — М. А. Корфу.  
26 февраля 1837.*

3

В комнате были некоторые из друзей Пушкина и несколько докторов, между которыми был и Арендт. Окружающие, видя веселое расположение Пушкина, начали надеяться или, по крайней мере, желали, чтобы болезнь приняла более благоприятный оборот. Эта надежда казалась тем основательнее, что сами доктора перестали отвергать ее; по крайней мере, они говорили друзьям Пушкина, что предположения медиков иногда бывают ошибочными, что, несмотря на их решение, Пушкин, может быть, и поправится. Они нашли полезным поставить ему пиявки. Пушкин сам помогал их ставить; смотрел, как они принимались, и приговаривал: «Вот это хорошо, это прекрасно».

Через несколько минут потом Пушкин, глубоко вздохнув, сказал: «Как жаль, что нет теперь здесь ни Пушина, ни Малиновского, мне легче было бы умирать».

*К. К. Данзас.* Последние дни жизни и кончина  
Александра Сергеевича Пушкина  
в записи А. Амосова.

4

Сегодня расскажу вам историю гоголь-моголя, которая сохранилась в летописях Лицея. Шалость приняла серьезный характер и могла иметь пагубное влияние и на Пушкина и на меня, как вы сами увидите.

Мы, то есть я, Малиновский и Пушкин, затеяли выпить гоголь-моголю. Я достал бутылку рому, добыли яиц, натолкли сахару, и началась работа у кипящего самовара. Разумеется, кроме нас, были и другие участники в этой вечерней пирушке, но они остались за кулисами по делу, а, в сущности, один из них, а именно Тырков, в котором чересчур подействовал ром, был причиной, по которой дежурный гувер-

нер заметил какое-то необыкновенное оживление, шумливость, беготню. Сказал инспектору. Тот после ужина всмотрелся в молодую свою команду и увидел что-то взвинченное. Тут же началисьпросы, розыски. Мы трое явились и объявили, что это наше дело и что мы одни виноваты.

Исправлявший тогда должность директора профессор Гауеншильд донес министру. Разумовский приехал из Петербурга, вызвал нас из класса и сделал нам формальный, строгий выговор. Этим не кончилось,— дело поступило на решение конференции. Конференция постановила следующее:

1) две недели стоять на коленях во время утренней и вечерней молитвы;

2) сместить нас на последние места за столом, где мы сидели по поведению; и

3) занести фамилии наши, с прописанием виновности и приговора, в черную книгу, которая должна иметь влияние при выпуске.

Первый пункт приговора был выполнен буквально.

Второй смягчался по усмотрению начальства: нас, по истечении некоторого времени, постепенно подвигали опять вверх...

*И. И. Пущин.* Записки о Пушкине.

5

Довольно вам знать, что я здесь и что постоянно тот же, как вы меня знавали в старые годы. Кажется, судьба не отказала мне в свежести чувств, без которой отравлена преждевременно жизнь,— дышу теперь свободнее, но грустно расстаться с добрыми спутниками тяжелой эпохи моей жизни. Не нужно вам говорить, как много душа страдает, прощаясь навеки после столь долгого соединения. Невозможно удалить эту мысль; как-то невольно она является первою на бумаге, сколь ни велико утешение беседовать с вами. Вы поймете мое справедливое чувство и без упрека прочтете несвязные мои строки.

Надобно твердо быть уверенным в испытанном вашем снисхождении и бесконечной доброте, что так непринужденно и небрежно болтать с вами: по-моему, это необходимое условие — иначе посылаешь сочинение, а не письмо.

Любезный друг Иван, прими меня, каков я есть, узнай старого признательного тебе лицейского товарища; с прежнею доверенностью детства и юности обращаюсь к тебе сердцем: ты верный добрым воспоминаниям, поймешь мое дружеское приветствие без дальнейших объяснений. Голос друга лишний раз заставит восторженно твое любящее сердце; не требуй сегодня от меня разговоров; я бы сел возле и молча беседовал с тобой — в таком положении нахожусь, взяв перо, чтобы сказать тебе словечко после бесконечного молчания. Для посторонних я пишу бессмыслицу, а ты найдешь в ней того, с кем многое тебя сроднило и с которым тебя не разлучают ни обстоятельства, ни тысячи верст. С восторгом уединяюсь в этих убеждениях утешительных; скажи, что я прав, и этого твоего слова мне довольно.

В Иркутске прощаюсь со многими товарищами.

Вообразите наши разговоры, и вы поймете, что я в сильном и не для всякого понятном волнении: радостно и тяжело — вот в двух словах изображение всего моего существования.

*И. И. Пущин — М. И. и И. В. Малиновским.  
25 августа 1839.*

6

Скажите мой дружеский привет нашим друзьям Лицея — я недавно получил доброе письмо от Вольховского, который чудесно действует в Каменке: они поселились там доброй семьей. Бывший предводитель часто наделяет меня иероглифами, которые я всегда с удовольствием разбираю.

*И. И. Пущин — Е. А. Энгельгардту.  
25 января 1840.*

К тебе одному пришлось писать, любезный друг Иван! В этих словах выражается общее наше горе, которого тяжесть я разделяю с тобой. Дай бог, чтоб семейное участие взаимно помогало нам перенести скорбную мысль: она преобладает теперь над всеми другими. Третьего дня пришли ко мне твои листки с печальным рассказом. Я читал и перечитывал его; в истинной грусти не ищешь развлечения,—напротив, хочется до малейшего впечатления разделить с тобой все, что испытывало твое сердце в тяжелые минуты. Страдания нашей доброй Марьи кончились — страдания были велики. Помощь свыше поддерживала ее и там успокоит душу нам близкую.

С самого начала, говоря откровенно, я не смел надеяться на полное выздоровление, просил бога, чтобы он подкрепил страдальцу в борьбе с тяжкою болезнью. Она приготовилась к перевалу, хотя несознательно встретила этот переход: всякая болезнь имеет своего рода конец.

Помоги тебе бог в твоих попечениях о Тони, он еще не может понимать своего сиротства, а тебе трудно будет без помощницы — матери его.

Очень понимаю, как бедная Варя утомилась *душой*; поблаговари ее, если мое письмо застанет вас вместе. Добрые ее строки вполне выражают состояние ее души: она за нас всех отсутствующих сострадала больной. Сходи за меня на родную могилу, поклонись праху. Тут соединяются все наши молитвы.

Что ты думаешь теперь делать? Останешься ли в деревне, или переедешь в Петербург? Тебе надобно соединиться где-нибудь с Марьей Васильевной — вместе вам будет легче: одиночество каждому из вас томительно. Бог поможет вам помириться с горем и даст силы исполнить обязанности к детям, оставшимся на вашем попечении.

Поцелуй милого Тони,—меня удивляет, что он в эти лета так много знает на память. Оболенский вме-

сте со мной им восхищается. Он с дружеским участием крепко жмет тебе руку, любезный друг.

Пиши ко мне, когда будешь иметь досуг: общая наша потеря не должна нас разлучить, напротив, еще более сблизить. Эти чувства утешат нас, и если Марья нас видит, то они и ее порадуют. Вместе с твоим письмом я получил письмо от Annette\*, она горюет и передает мне те известия, что от вас получила в Твери.

Что мне сказать про себя? Черная печать твоего конверта вся перед глазами. Конечно, неумолимое время наложило свою печать и на нее, но покамест, как ни приготовлялся к этой вести, все-таки она поразила неожиданно. В другой раз поговорим больше — сегодня прощай. Обнимаю тебя крепко. Да утешит тебя бог!

*И. И. Пущин — И. В. Малиновскому.  
23 сентября 1844.*

8

С особенным удовольствием мы вместе с Евгением Оболенским читали последнее твое письмо, где ты подробно говоришь о твоих сельских занятиях. Вполне уверен, что ты находишь свою пользу в пользе крестьян. Верно, им у тебя хорошо во всех отношениях. Пожалуй, ты заставишь иногда думать, что не нужно и свободы для этого класса. Продолжай действовать для их блага, но все-таки согласишься, что такой помещик, как ты, только счастливое исключение. Оно не может подкреплять общего правила, вредного в применении и для управляемых и для управляющих. Ты на опыте должен убедиться лучше, нежели всякой теорией. Вопрос в том, как лучше разрешить эту трудную задачу, а разрешение делает-

---

\* Аннет, Анна (фр.).

ся необходимым от времени до времени. Много бы хотелось сказать, но это не для тесной рамки нашей переписки...

*И. И. Пущин — И. В. Малиновскому.  
Ноябрь 1844.*

9

Вольховского биографию мне прислал Малиновский давно. Спасибо ему, что он напечатал, но напрасно тут слишком много казенного формуляра. Я и после смерти доброй моей Марьи не перестаю писать к Малиновскому и к его сыну. Кажется, мальчик умный и способный. Что-то *его ждет впереди?*

*И. И. Пущин — Е. А. Энгельгардту.  
26 февраля 1845.*

10

Душевно благодарен вам, добрая Катерина Федосеевна, что вы вспомнили меня, вступая в союз с другом моим Иваном.

Вы должны быть уверены, что я искренно желаю вам полного счастья,— вы остаетесь в семье, где все вас знают и любят; переход к новому быту для вас будет гораздо легче. С божиею помощью все устроится к лучшему — Тони в нескольких словах хорошо познакомил меня с вами; надеюсь, что и меня вы сколько-нибудь знаете, следовательно, вы позволите мне без обыкновенных рекомендаций просить вас не считать меня чужим. Именно в тот день, когда воспоминание соединяет меня с покойным вашим дядей и с будущим вашим мужем, пришлось мне отвечать на добрые ваши строки; 19 октября без сомнения и вам известно, хотя, по преданию, оно давно меня связало с близкими вам людьми и эта связь не страдает ни от каких разлук.

Передайте мой дружеский привет доброму моему Ивану. Тони поцелуйте за меня и скажите, что я жду обещанного им письма, где он хотел меня познакомить с распределением его дня. Всегда с удовольствием читаю его письма, они имеют свой особенный характер.

Позвольте надеяться, что вы иногда будете приписывать в письмах вашего мужа. С сердечною признательностью за вашу доброту ко мне остаюсь преданный вам

*И. И. Пущин — Е. Ф. Малиновской.  
19 октября 1845.*

11

Нынешняя почта привезла мне, любезный друг Малиновский, твое письмо от 8 ноября. Давно я поджидал весточки от вас и рад был узнать, что вы все здоровы.

Спасибо тебе, милый друг Тони, за твои строки: с удовольствием прочел твой рассказ, из которого вижу, что ты проводишь время с пользою и приятностию. Познакомь меня с новым твоим наставником и уверь его, что я сердечно благодарен ему за все попечения об тебе. Ты должен стараться в этот последний год хорошенько подготовиться к экзамену, чтобы при поступлении в училище получить полные баллы.

То, что ты здоровьем поправился и можешь трудиться, это тебе облегчит работу в будущем времени. Мысленно обнимаю тебя, милый Тони, и желаю тебе полного успеха в твоих занятиях. На досуге иногда говори со мной — я всегда рад видеть твой почерк на папином листке. Скажи: можешь ли ты сам разбирать мое письмо? Иначе я буду отвечать тебе по-крупнее. Твоя рука становится тверже — со временем почерк будет хорош. Пожалуйста, в одном не подражай отцу: не пиши так, как он пишет. Я редко настоящим образом понимаю его послания. Хотя такого



рода почерк есть принадлежность великих людей, все-таки лучше не иметь этой принадлежности, хотя и приходится быть великим человеком.

Я надеюсь, что ты не сердишься, любезный друг Иван, что на твой счет пишу сыну колкости. Так пришлось. Право, иногда досадно, что никак не могу разобрать иного слова: бьешься, бьешься, так и бросишь. Я начинаю убеждаться, что почерк, как и походка, врожденный; Калинич трудился над тобой, но никак не мог произвести тебя в каллиграфы. Я уверен, что ты сам не разбираешь своего письма. Если ты не имеешь терпения перечитывать написанного, то попроси Катерину Федосеевну и поправь то, что ей покажется неясным. Тогда мне удобнее будет понимать тебя. Если бог приведет свидеться, я тебя заставлю непременно объяснить темные места твоих посланий.

*И. И. Пущин — А. И., Е. Ф. и И. В. Малиновским.  
18 декабря 1848.*



Его называли в Лицее ласково: «Федернелъке», переиначивая на немецкий лад русское «Феденька, Федорушка». Дело в том, что волею судьбы Матюшкин родился в Штутгарте, где советником в русском посольстве служил его отец. В Штутгарте православного священника не оказалось, и пришлось Матюшкиным крестить сына по лютеранскому обряду — вот и получился «Федернелъке». Немецкий язык он немножко знал, но был человеком русским, так сказать, до мозга костей и в лютеранскую церковь не наведывался. Сохранились датированные 1799 годом донесения Федора Матюшкина-дипломата о передвижении войск во время итальянского и швейцарского походов русской армии, о взятии Суворовым Чертова моста и т. д. Донесения отправлялись в те самые дни, когда в колыбели в Штутгарте лежал будущий адмирал, обессмертивший имя свое в истории русского флота, а в Москве — будущий поэт, властитель дум многих поколений читателей.

Как ни хорош был Лицей, а не окажись в нем Пушкина, едва ли возникло бы всенародное внимание к любой детали лицейского быта, к биографии каждого лицеиста первого выпуска. Однако Федор Матюшкин исключительно интересен и вне пушкинской темы: ему посвящены несколько книг и много статей; важнейшим историческим источником служат опубли-

кованные лишь в наше время его путевые дневники, которые он вел систематически. Именем его назван мыс на побережье Ледовитого океана. Это был выдающийся, бесстрашный мореплаватель, знаток теории и истории флота, горячий русский патриот, умевший понимать тяготы и нужды других народов. Обо всем этом читатель может узнать из специальных работ, посвященных Матюшкину-моряку, и даже из документального фильма о нем. Мы же в основном расскажем о Матюшкине — друге Пушкина, не обходя, правда, и его общественных взглядов.

\* \* \*

Отец Матюшкина скончался еще в Германии. Мать Анна Богдановна перебралась в Москву и, не имея никаких капиталов, получила должность клас-ной дамы в Екатерининском институте для благородных девиц. Федор проучился некоторое время в пансионе при университете, а затем вместе с Вольховским, Яковлевым и другими москвичами был определен в Лицей. На протяжении всех шести лет мать ни разу не имела материальной возможности навестить сына, и в те дни, когда товарищей навещали родные или сами они разъезжались на вакации, Матюшкин чувствовал себя осиротевшим. Учился он прилежно, хотя, может быть, и без блеска. Интерес его к истории и географии преобладал над прочими. Адъюнкт-профессор географии, всеобщей и российской истории Иван Кайданов дал такой отзыв о Матюшкине: «Дарований очень хороших и весьма прилежен. Уроки всегда слушает с великим вниманием и по всему приметно оказывает очень хорошие успехи». Гувернер, призванный следить за нравственностью воспитанников, полагал, что Матюшкин «весьма благонравен, при всей пылкости вежлив, искренен, добродушен, чувствителен; иногда гневен, но без грубости». А. П. Куницын говорил о Матюшкине, что он «с размышлением» — немалая похвала в устах профессора.

Было у Матюшкина и иное прозвище в Лицее: «Плыть хочется». Некоторые биографы проводят параллель между безудержным воображением Пушкина, уносившим его в далекую страну поэзии, и неот-

вязной мечтой Матюшкина о морских странствиях, проявившейся с самых ранних лет. В этом есть свой резон: воображение и мечта во многом сблизили их. Откуда тяга к морю у подростка, никогда не плававшего на корабле? Это своего рода дарование, которое сродни поэтическому таланту.

Директор Лицея Энгельгардт из всех воспитанников особенно выделил «Федернелке». Послушный, искренний, одинокий Матюшкин вызывал у директора не только симпатию (они пронесли свою дружбу до старости и оставили многолетнюю переписку, сохранившую важные сведения о лицеистах), но и желание помочь. Морскому искусству в Лицее, понятное дело, не обучали, и Матюшкин был выпущен в гражданскую службу коллежским секретарем. Однако Энгельгардт сделал все возможное, чтобы мечта его любимого ученика о морских странствиях осуществилась. В Лицее Матюшкин оставался дольше всех. После выпускных испытаний воспитанники разъехались по домам; на некоторое время задержался заболевший Пущин, потом, выздоровев, уехал и он. А «Плыть хочется» все ждал решения своей судьбы. Наконец ответ пришел — в качестве гардемарина Матюшкин был прикомандирован к экспедиции капитана В. М. Головнина, на шлюпе «Камчатка», отправлявшемся сперва на Камчатку, оттуда к берегам Русской Америки, а затем в кругосветное путешествие. Энгельгардт устроил так, чтобы перед отплытием Федор мог съездить в Москву к матери. «Проживши три дня у Егора Антоновича,— писал он в своих «Записках»,— я отправился в дорогу. Прощаясь с местом, где я, может быть, провел счастливейшее время жизни... я не мог удержаться от слез... Хотя я ехал в Москву к любимой мною матери, которую не видел шесть долгих лет, но я не радовался: какая-то непонятная грусть тяготила меня; мне казалось, что я оставляю Царское Село против воли, по принуждению».

Два с половиной года отсутствовал Матюшкин из России. Он часто писал Энгельгардту и получал от него вести о лицейских. В свою очередь, Энгельгардт читал письма Матюшкина лицеистам, а впоследствии Кюхельбекер даже напечатал одно из них в «Мнемозине». Матюшкин многому научился в плавании, сде-

дался профессиональным моряком, заслужил орден и звание мичмана. Корабль стал для него домом. Невиданно расширился его кругозор, укрепились и стали реальными представления о добре и зле, о справедливости и беззаконии. В «Записках» он зафиксировал острые противоречия и верно отметил проблемы века: «Необходимо бы надобно было исчислить токмо не новейшим политикам, которые думают о золоте и силе, но другу человечества, весь вред и малую пользу, которую принесла торговля неграми как для Америки, так и для Европы. К несчастьям Африки принадлежат беспрестанные войны, которые ведут между собой народы, чтоб доставать европейцам невольников: варварское самовластие царей, которые продают своих подданных... Большая часть их умирает во время плавания в Америку от худой пищи..., от тяжелых работ, от недостатка припасов, наконец от наказаний и мучений... Сколько слез и сколько крови проливается в Африке... С сими физическими несчастьями соединены болезни душевные, происходящие от рабства, которые уничтожают во всех американских колониях, особенно в Бразилии, малейшие чувства милосердия и человечества, потому что там, где есть рабы, там должны быть тираны».

Поразительно, что это было написано в далеком Рио-де-Жанейро в тот самый год, когда в Петербурге появились пламенные строки оды «Вольность»:

Увы! куда ни брошу взор —  
Везде бичи, везде железы,  
Законов гибельный позор,  
Неволи немощные слезы...

Быть может, воображение поэта в самом деле сродни зоркости путешественника? И так ли удивительны эти совпадения, если учителем Матюшкина, как и Пушкина, был А. П. Кунцын, умевший открывать своим ученикам не только нравственные, но и политические истины.

Недолго пробыл Федор Федорович в столицах: уже с февраля 1820 г. он участвовал в длительной, труднейшей сухопутной (в основном на собачьих упряжках) экспедиции капитана Ф. П. Врангеля, которой поручено было составить описание восточно-сибирских берегов Северного Ледовитого океана. Это

было путешествие необычайно тягостное для Матюшкина не только физически, но и морально: он воочию убедился в нищенском положении населения Сибири. Он констатировал с болью души: «Не имея верной собственности, будучи подвержен угнетениям сильнейших, русский крестьянин живет в бедности». В письме из Сибири он признавался Энгельгардту: «Несчастье делает человека лучшим, я никогда не мог похвалиться сострадательностью, но, признаюсь, теперь делюсь последним с бедным... Вы не поверите, Егор Антонович, в каком бедственном положении этот край. Семь голодных годов сряду, и в сие время мы прибыли». Надо сказать, что дневники, записки, письма Матюшкина, фактически никому не известные в прошлом веке, несомненно, представляли, по своей идейной направленности, элемент декабристской литературы, хотя автор их к числу декабристов не принадлежал. Не прошли для него, видно, даром и литературные занятия в Лицее: слог его ясен, ярок и полон деталей истинно художественных. Добавим к этому, что Матюшкин, также в духе лицейских традиций, был неплохим рисовальщиком и сам иллюстрировал дневники.

Возвратившись из Сибири в начале 1824 г., Матюшкин прожил некоторое время у матери в Москве. Душевной отрадой стали для него встречи с несколькими лицеистами: Яковлевым, Данзасом, Кюхельбекером. Они собирались у лицейского старосты Михаила Яковлева, квартировавшего на Мясницком бульваре «напротив Чистого прудка». Матюшкин рассказывал о встрече с Илличевским в Томске, о том, как жадно слушали сибиряки строфы не напечатанной еще поэмы «Руслан и Людмила», которые он читал им наизусть. Сибирские дневники Матюшкин отдал Кюхельбекеру для чтения и редактирования. Какая самая смелая и самая пессимистическая фантазия помогла бы тогда догадаться, что «редактору и рецензенту» Вильгельму Кюхельбекеру через 13 лет пригодятся наблюдения Матюшкина в сибирской ссылке! Экземпляр рукописи с пометками Кюхельбекера хранится теперь в Пушкинском доме.

Вскоре Матюшкин, как и Кюхельбекер, был уже в Петербурге и, ожидая нового кругосветного плава-

ния, получил должность в Кронштадте. Там Матюшкин впервые познакомился с плачевным состоянием русского флота — плохо оснащенного, бездарно управляемого, не готового ни к торговым, ни к боевым походам. К нему приезжали Рылеев, Кюхельбекер, А. И. Одоевский — они вели какие-то неведомые Матюшкину беседы с кронштадтскими флотскими офицерами (многие оказались потом в рядах декабристов). Это было последнее свидание Кюхельбекера с Матюшкиным. Спустя 15 лет Кюхельбекер вспомнил о нем в «Дневнике».

В дни, когда Пушкин, слышавший, видимо, о новом походе, предстоявшем Матюшкину, но не знавший, когда именно он начнется, с обычной конкретностью спрашивал:

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,  
Чужих небес любовник беспокойный?  
Иль снова ты проходишь тропик знойный  
И вечный лед полуножных морей? —

Федор Федорович плыл на шлюпе «Кроткий» во второе кругосветное путешествие. Он не был уже новичком и пытался, насколько это возможно, вводить свои порядки на корабле. Один из важнейших для него принципов был такой: «Не надобно матроса считать не человеком, машиною; молиться, ходить, спать, сидеть, петь, плясать по дудке убивает человека — сначала морально, потом физически... Человека более всего поддерживают надежда, предположение, мечты. Имеет ли их матрос? Через двадцать лет службы он возвращается на родину в поношенной шинели. Вот все, что он видит впереди».

14 декабря 1825 г. «Кроткий» вышел из Рио-де-Жанейро. Добравшись до Русской Америки и узнав петербургские новости, Матюшкин написал Энгельгардту то отчаянное письмо — объяснение в братской, неомраченной любви к Пушкину, которое мы приводим (№ 3). Впоследствии он, как мог часто, писал Пушкину в Сибирь, а история с отправленным декабристам первым фортепьяно, которое выбирали Матюшкин и Яковлев, годилась бы для трогательного художественного рассказа, если бы не была сущей правдой (№ 7). Вся деятельность Матюшкина после возвращения «Кроткого» — 15 лет на Черноморском

флоте, больше 10 лет на Балтике и столько же в Морском ведомстве в Петербурге — была неустанной борьбой против николаевской бюрократии, за укрепление и демократизацию флота. Он был достоин своих друзей-декабристов. Пущин знал, кому пишет: «Я все надеюсь, что не с гнилого Запада явится заря, а с Востока... Вера в человечество, стремящееся, несмотря на все закоулки, к чему-нибудь высокому, хорошему, благому, — без этой веры темно жить». Поражение русского оружия в Крымской войне тяжело подействовало на Матюшкина. Он писал Пущину о смерти Николая I: «Да, Незабвенного Россия не забудет. Жалко, что он умер, что вместе с нами не испытывает горькую чашу. Собственное его дело. Разыгрывал 25 лет полицмейстера Европы».

Своей семьи у Матюшкина никогда не было. Встав на последний якорь в Петербурге в 1852 г., он поселился сначала в семье лицейского товарища М. Л. Яковлева, а потом переехал в гостиницу Демута и прожил там 15 лет в полном одиночестве. За нехитрым хозяйством адмирала присматривал отставной матрос Андрей Романов. Большой любитель охоты, Матюшкин перебирался обычно на лето на берег озера вблизи Бологого. Здесь в изобильных дичью местах построил он небольшой уютный дом-дачу, которым почти не пользовался, ежегодно отдавая его кому-нибудь из друзей. Неподалеку находилось имение старинного знакомого — Д. А. Эристова, где 22 мая 1857 г. состоялось бракосочетание возвратившегося из Сибири Пущина с Н. Д. Фонвизиной. Шафером на свадьбе был адмирал Федор Федорович Матюшкин.

\* \* \*

В Лицее Матюшкин был одним из любимейших товарищей Пушкина. Соседство Пушкина и Пущина в комнатах № 13 и № 14 продолжалось первые три лицейских года, а затем соседом «Француза» стал «Федернелке» («Плыть хочется»). О многом было переговорено за второе трехлетие через тонкую перегородку между «кельями».

Известно, что Пушкин всячески уговаривал друзей и знакомых, отличившихся на каком-либо попри-



ще, либо много повидавших на своем веку, писать записки для потомства. Так были «спровоцированы» мемуары великого артиста М. С. Щепкина, «мемории» Павла Воиновича Нащокина, кавалерист-девицы Надежды Дуровой. Но самыми первыми в этом ряду стали записки будущего адмирала Федора Матюшкина. Пушкин долго беседовал с ним перед расставанием в 1817 г., наставляя, как вести журнал путешествия. И надо сказать, что Матюшкин оказался понятливым учеником. Сколько «подробностей жизни», сколько характерных особенностей природы запечатлел Матюшкин, какие меткие сделал он наблюдения!

В черновом наброске, посвященном Матюшкину, Пушкин четко формулирует близость «странствий воображения» и странствий реальных:

Завидую тебе, питомец моря смелый,  
Под сенью парусов и в бурях поседель!  
Спокойной пристани давно ли ты достиг —  
Давно ли тишины вкусил отрадный миг.  
И вновь тебя зовут заманчивые волны,  
Дай руку — в нас сердца единой страстью полны.

Однако в словах о «единой страсти» был и другой смысл: Пушкин долго мечтал о побеге из царской неволи, о странствиях, которые не были ему суждены. Удивительно ли, что он завидовал другому лицеисту — смелому «питомцу моря»? Не случайно выражение «блуждающая судьба» Пушкин применил и к Матюшкину («Ты сохранил в блуждающей судьбе // Прекрасных лет первоначальны нравы») и к себе самому («Как часто в горестной разлуке // В моей блуждающей судьбе...»). В стихах к лицейской годовщине 1827 г. поэт опять вспомнил Матюшкина, единственного моряка среди лицеистов:

Бог помочь вам, друзья мои,  
И в бурях и в житейском горе,  
В краю чужом, в пустынном море,  
И в мрачных пропастях земли!

Общение их после Лицея было коротко и не часто. С достаточной уверенностью можно сказать, что они встречались после возвращения Матюшкина в 1819 году; на праздновании лицейской годовщины 1834 г.

у Яковлева. Было и еще одно, невеселое свидание. Поздней осенью 1836 г. Пушкин зашел к Яковлеву, когда там был Матюшкин, и показал друзьям гнусный анонимный пасквиль, им полученный. Больше Матюшкин его никогда не видел. Поцелуй, посланный поэтом товарищу через брата в конце 1824 г.; обещание написать, переданное через Вяземского, но скорее всего неосуществленное; привет от Матюшкина, полученный однажды через Дельвига,— вот, кажется, и все, что известно об их послелицейских связях.

Сведения, которые получал Матюшкин о Пушкине из писем Е. А. Энгельгардта, однобоки и наивны. Они свидетельствуют только о том, что лицейский директор плохо понимал своего гениального воспитанника. 12 января 1831 г. Энгельгардт сообщал: «Пушкин собрался было жениться в Москве; к счастью для невесты дело опять разошлось. Он все еще стихотворствует, иногда очень удачно, но подчас и весьма плохо». Характеристика, данная Энгельгардтом Пушкину в письме к «Федернелке» от 18 марта 1831 г., еще более несправедлива: «Знаешь ли, что Пушкин женился. Жена его москвичка, как говорят, очень любезная, образованная и с деньгами \*. Жаль ее: она верно будет несчастлива. В нем только и было хорошего, что его стихотворческий дар, да и тот, кажется, исчезает; новейшие его произведения далеко отстали от прежних, например, «Борис Годунов» его очень слаб. Он забавляется маленькими, эпиграмматическими стихами, в которых довольно пошлым образом ругает всех и все. Плохое ремесло». Что же говорили враги Пушкина, если такую «прозорливость» проявлял дружелюбный лицейский наставник!

К чести Матюшкина — он ни разу не ответил Энгельгардту в подобном духе. С юности до старости он сердцем и разумом понимал, что такое Пушкин для России. Через несколько месяцев после их встречи у Яковлева, в Севастополе к Матюшкину пришла ужасная весть. Крик его души, кажется, по сей день звучит в ушах тех, кто любит Пушкина и знает

---

\* Пушкин не получил за Натальей Николаевной ни копейки. Приданое невесте шили на деньги жениха.

жизнь поэта: «Пушкин убит! Яковлев! Как ты это допустил! У какого подлеца поднялась на него рука? Яковлев, Яковлев! Как мог ты это допустить? Наш круг редее; пора и нам убираться... 14 февраля, Севастополь». На основании этих известных строк нужно пополнить список тех друзей Пушкина, которые горько сожалели, что не было их в Петербурге в январе 1837 г., и верили, что они нашли бы способ не допустить смерти поэта (Пушин, Соболевский, Чаадаев, по-видимому — Малиновский), еще одним именем: Матюшкин...

После смерти М. Л. Яковлева (1868) к Матюшкину перешел лицейский архив. Он свято хранил его, пополнял и, чувствуя приближение кончины, в 1872 г. передал все бумаги академику Я. К. Гроту. Среди бумаг была и тетрадь Матюшкина, в которой собраны 34 стихотворения лицейстов (в том числе пушкинские послания: «К Наталье», «Князю А. М. Горчакову», «Друзьям» и другие). На основании документов, сохраненных Матюшкиным, пишутся теперь все книги о Лицее. С адмиралом беседовали первые пушкинисты и узнали от него многие подробности жизни А. С. Пушкина.

Когда в 1870 г. был образован комитет по сооружению памятника А. С. Пушкину, в него вошел и полный адмирал, сенатор Федор Федорович Матюшкин. Именно ему принадлежит счастливая мысль соорудить памятник не в Царском Селе, как вначале предполагалось, а в Москве — сердце России.

Памятника Пушкину Федор Федорович не дождался. Скончался он 73 лет в Бологом, похоронен в Петербурге. В 1951 г. останки его были перенесены со Смоленского кладбища в некрополь Александро-Невской лавры.

### *Основная литература*

М. Руденская, С. Руденская. Они учились с Пушкиным. Л., 1976.

Н. Я. Эйдельман. «Прекрасен наш союз...» Изд. 2-е. М., 1982.

Ю. Давыдов. В морях и странствиях. М., 1956.

1

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,  
Чужих небес любовник беспокойный?  
Иль снова ты проходишь тропик знойный  
И вечный лед полуночных морей?  
Счастливый путь!.. С лицейского порога  
Ты на корабль перешагнул шутя,  
И с той поры в морях твоя дорога,  
О, волн и бурь любимое дитя!

Ты сохранил в блуждающей судьбе  
Прекрасных лет первоначальны нравы:  
Лицейский шум, лицейские забавы  
Средь бурных волн мечталися тебе;  
Ты простирал из-за моря нам руку,  
Ты нас одних в молодой душе носил  
И повторял: «На долгую разлуку  
Нас тайный рок, быть может, осудил!»

1825

*А. С. Пушкин. «19 октября».*

2

К МАТЮШКИНУ

Скоро, Матюшкин, с тобой разлучит нас шумное море:  
Челн окрыленный помчит счастье твое по волнам!  
Юные ты племена на берегах отдаленной чужбины,  
Дикость узришь, простоту, мужество первых времен;

Мир Иапета, дряхлеющий в страшном бессилье,  
 С новым миром сравнишь,— мрачную тайну  
 С трепетом сердца прочтешь в тумане столетий  
 Душу твою изумит суд жизнедавцев богов!  
 В быстром течении жаждущий взгляд остановишь  
 К небу стремящихся гор, на убегающих в даль  
 пышных берегах; ты пояс земли преплывешь  
 Сон недвижных зыбей, ужас немой тишины;  
 Рев и боренье стихии, и ведро, и ужасы встретишь,  
 Но не забудешь друзей! нашей мольбою  
 Ты не нарушишь обетов святых, о Матюшкин!  
 Прежнюю к братьям любовь с прежней душой  
 принесешь!

1817

*В. К. Кюхельбекер.*

## 3

Егор Антонович! Верится ли мне? Пущин! Кюхельбекер! Кюхельбекер может быть; несмотря на свое доброе сердце, он был несчастен. Он много терпел, все ему наскучило в жизни, он думал везде видит злодеев, везде зло. Он — энтузиаст — фанатик, он мог на все решиться и все в одно мгновение. Но Пущин. Нет. Нет, Пущин не может быть виноват, не может быть преступником. Я за него отвечаю. Он взят по подозрению и по пустому подозрению — дружба его с Рылевым, слово, сказанное неосторожно, но без умысла. Признаюсь вам, Егор Антонович, когда я прочел его в списке, я думал, что и я виноват, я его так любил, так люблю. Разберите его жизнь, его поступки — никто из нас не сделал столько добра как человек и как русский... Товарищам, друзьям неужели

я должен сказать, что я их не люблю. Нет, я их люблю, они непричастны этим ужасным покушениям. Пушин! Пушин!

*Ф. Ф. Матюшкин — Е. А. Энгельгардту.  
19 октября 1826.*

4

Давно я прочел твой листок, добрый друг Матюшкин, давно поблагодарил тебя за него, но еще не откликнулся тебе,—тебе, впрочем, давно сказали добрые мои сестры, что я в марте месяце порадован был твоим письменным воспоминанием. С тех пор много времени прошло, но мы такими сроками отсчитываем время, что эта отсрочка нипочем, особенно когда независимо от годов верна лицейская дружба. С этой уверенностью можно иногда и молча понимать друг друга.

Между тем позволь тебе заметить, хотя и немного поздно, что в твоём письме проглядывает что-то похожее на хандру: а я воображаю тебя тем же веселым Федернелке, каким оставил тебя в Москве,—помнишь, как тогда Кюхельбекер Вильгельм танцевал мазурку и как мы любовались его восторженными движениями. Вот куда меня бросило воспоминание.

Веришь ли, что, бывало, в Алексеевском равелине,—несмотря на допросы, очные ставки и все прибавки не совсем забавного положения, я до того забывался, что, ходя диагонально по своему пятому номеру, неосознанно подходил к двери и хотел идти за мыслию, которая забывала о замке и страже. Странно тебе покажется, что потом в Шлиссельбурге (самой ужасной тюрьме) я имел счастливейшие минуты. Как это делается, не знаю. Знаю только, что эта сила и поддерживала меня и теперь поддерживает. Часто говорю себе: «чем хуже — тем лучше». Не всеми эта философия признается удобною, но, видно, она мне посылается свыше. Хвала богу!

Если это начало так было мне облегчено, если два года одиночного заключения так благоразумно

были мною приняты, то ты можешь себе представить, как я был счастлив, когда в одно прекрасное утро в Шлиссельбурге раньше обыкновенного приносят мне умывальник и вслед за тем чемодан. Вывели на гауптвахту, где я увидел двух товарищей. Мы до того обрадовались друг другу, что, когда надевали нам цепи, мне казалось, что это самый удобный наряд, хоть они были 10 ф. весу и длиною только в пол-аршина. Трудно было попасть в телегу, которая ожидала на берегу Невы. Помчались по замерзлой осенней дороге — тряско, но приятно было дышать свежим воздухом и двигаться после долгой тюрьмы. Где же тебе рассказать все мелочи путешествия? Это было бы похоже на рассказ Шехеразады.

Примчались мы трое в Тобольск с фельдъегерем — именно примчались; я не раз говорил ему, что, ехавши в каторжную работу, кажется, незачем так торопиться, но он по своим расчетам бил ямщиков и доказывал свое усердие к службе.

Из Тобольска потише поехали до Читы. Там нашли всех в сборе. Погостили в Чите до августа 830 года. В августе отправились двумя колоннами Братской степью, где выставились нам юрты, в Петровский завод.

В Петровском заводе уже обзавели нас каждого своей комнатой, и потому мы там подольше зажились: наша последняя категория в 839 году оставила это спокойное помещение, где для развлечения мы мололи муку.

Потом я перебрался в Туринск, там четыре года свободной сибирской жизни с правом никуда не выезжать.

Из Туринска я переехал с Оболенским сюда, и здесь вот уже скоро 10 лет продолжается моя резиденция.

Пора бы за долговременное терпение дать право гражданства в Сибири, но, видно, еще не пришел назначенный срок. Между тем уже с лишком половины наших нет на этом свете. Очень немногие в России — наша категория еще не тронута. Кто больше

поживет, тот, может быть, еще обнимет родных и друзей зауральских. Это одно мое желание, но я это с покорностью передаю на волю божью...

Ты напрасно говоришь, что я 25 лет ничего об тебе не слыхал. Наш директор писал мне о всех лицейских. Он постоянно говорил, что особенного происходило в нашем первом выпуске,— об иных я и в газетах читал. Не знаю, лучше ли тебе в Балтийском море, но очень рад, что ты с моими. Вообще не очень хорошо понимаю, что у вас там делается, и это естественно. В России меньше всего знают, что в ней происходит. До сих пор еще не убеждаются, что гласность есть ручательство для общества, в каком бы составе оно ни было...

Какой же итог всего этого болтания? Я думаю одно, что я очень рад перебросить тебе словечко,— а твое дело отыскивать меня в этой галиматье. Я совершенно тот же бестолковый, неисправимый человек, с тою только разницею, что на плечах десятка два с лишком лет больше. Может быть, у наших увидишь отъезжающих, которые везут мою рукопись, ты можешь их допросить обо мне, а уж я, кажется, довольно тебе о себе же наговорил.

Обними всех наших сенаторов и других чинов людей. Сожителя твоего как теперь вижу,— мне Аннетте\* писала, что ты живешь с Яковлевым. Когда будет возможность (а возможность эта бывает), скажи мне о всех наших несколько слов.

Еще прошу тебя отыскать в Ларинской гимназии сына нашего Вильгельма-покойника. Спроси там Мишу Васильева (он под этим псевдонимом после смерти отца отдан сестре его Устинье Карловне Глинке). Мальчик с дарованиями, только здесь был большой *шалун*,— теперь, говорят, исправился.— Скажи ему, что я тебя просил на него взглянуть.

Бедный Вильгельм написал целый ящик стихов, который я отправил в Екатеринбург к его сестре. Он говорил всегда своей жене, что в этом ящике 50 т.

---

\* Аннет (фр.).



рублей, но, кажется, этот обет не сбывается. Мне кажется, одно наказание ожидало его на том свете — освобождение от демона метромании и убеждение в ничтожности его произведений. Других грехов за этим странным существом не было. — Без конца бы мог тебе рассказывать мильон сибирских анекдотов об нем, но это слишком далеко бы повело. — И то пора честь знать. На первый раз дать тебе отдохнуть от этой нити моего лабиринта безвыходного. Мифология тут не помогает.

Как бы тебе опять отправиться описывать какой-нибудь другой мыс Матюшкин, — тогда бы и меня нашел — иначе вряд ли нам встретиться. — Со мной здесь один твой знакомец Муравьев-Апостол, брат Сергея — нашего мученика; он тебя видел у Корниловича, когда ты возвратился из полярных стран, шлет тебе поклон, — а я в Энгельгардтовой книге имею твое описание ярмарки в Островне.

Крепко тебя обнимаю. Ты еще и о других моих листках будешь слышать — везде один и тот же вздор. По этому ты меня узнаешь — больше мне ничего не нужно.

*И. И. Пущин — Ф. Ф. Матюшкину.  
25 января 1852.*

5

Как-нибудь, да ты уже знаешь, любезный друг Матюшкин, что у меня на стене твой портрет и в портфеле Теребеневский лицейский Jeannot \*.

С июля месяца зрительная твоя трубка помогает мне тебя отыскивать, навожу ее на ваш департамент — и вижу вице-директора в полной деятельности. Помогай тебе бог в этом новом деле, а от меня прими, добрый друг, сердечное спасибо за твое дружеское воспоминание. Разумеется, я бы тебя не узнал, но узнаю твое прежнее сердце. Не помню да-

---

\* Жанно (фр.).

же, каким образом мой портрет к тебе попал. Знаю, что такой же есть у Егора Антоновича, а твой явился как во сне; наши старики меня в нем не узнают, а я в этом деле сам не судья. Скажи, оставить ли мне этого лицеиста у себя, или вернуть тебе?

Ты мне не говоришь, но, верно, получил мое письмо февральское. Отправлено было в ящике к Catherine\*.

Нового мне тебе нечего сообщить — уверять в дружбе не нужно. Ты должен быть убежден, что я, несмотря на все тревожнения моего не совсем обыкновенного существования, с помощью божиею сохранился в чувствах и привязанностях...

Теперь хочу тебя попросить об одном деле. Ты поступи со мной откровенно. Если можешь, сделай, а не то скажи прямо. Я не хочу об этом теперь писать к своим, потому что поручение мое может их затруднить, а хлопотать они станут.

Моя Аннушка большие делает успехи на фортепиано — теперь учится, ходит к учителю, своего фортепиано нет. Хочется мне ей подарить хороший инструмент, а денег Михайло обещал в будущем году прибавить. Следовательно, если ты можешь купить фортепиано и послать с зимними обозами в Тюмень к Зырянову для доставления оттуда Николаю Яковлевичу Балашкину, то мне сделаешь великое одолжение. Я думаю, все это обойдется не более 300 целковых. Фортепиано надобно выбрать, как следует велеть уложить и пр. и пр. К Ирбитской ярмарке в таком случае я могу его получить. — Не взыщи, что я с тобой говорю без оглядки. Прошу только об одном: если нельзя, то сделай как будто я и не говорил тебе о теперешнем моем желании. Чтоб моя просьба ни на волос тебя не затрудняла. При всем моем желании добыть фортепиано можно и повременить. Я пишу, как будто говорю с тобой. Нужна большая уверенность, чтоб заочно так говорить. В будущем году этот долг уплотится. — Вот вся история.

---

\* Катрин, Екатерина (фр.).

Не знаю, как тебе высказать всю мою признательность за твою дружбу к моим сестрам. Я бы желал, чтоб ты... поселился в нашем доме. Впрочем, вероятно, у тебя казенная теперь квартира. Я спокойнее здесь, когда знаю, что они окружены лицейскими старого чекана. Обними нашего директора почтенного. Скоро буду к нему писать...

Тебя крепко обниму, добрый мой Матюшкин. Милльон лет мы не видались. Вряд ли и увидимся. Будем хоть изредка пересылаться весточкой. Отрадно обмануть расстояние — отрадно быть близко и вдалеке. — Часто гляжу на твой портрет — тут мысли перебегают все десятки лет нашей разлуки. Annette\* мне недавно писала, как ты с ней ходил по царскому саду; читая, мне казалось, что ты ей рассказывал вчерашние события, а это рассказы лицейской нашей жизни, которая довольно давно уже прошла.

*И. И. Пущин — Ф. Ф. Матюшкину.  
9 сентября 1852.*

6

Принимаю ваш подарок с тем же чувством, с которым вы его послали мне, далекому. Спасибо вам, от души спасибо! Разделите между собой мой признательный крик, как я нераздельно принимаю ваше старое лицейское воспоминание. Фортепиано в Сибири будет известно под именем лицейского; и теперь всем слушающим и понимающим высказываю то, что отрадно срывается с языка. — Аннушка вместе с музыкой будет на нем учиться знать и любить старый Лицей! — Теперь она лучше прочтет нашу лицейскую песнь, которую знает наизусть!

До приезда Бачманова с твоим письмом, любезный друг Матюшкин, то есть до 30 генваря, я знал только, что инструмент будет, но ровно ничего не понимал, почему ты не говоришь о всей прозе такого дела, — теперь я и не смею об ней думать. Вы умели поэтизи-

---

\* Аннет (фр.).

ровать, и опять вам спасибо — но довольно, иначе не будет конца.

Вчера, по инструкции, я вынул фортепиано из ящика — в субботу оно будет поставлено на место, а в среду будет открытие — знай, что 18 февраля Аннушка на нем играет.

Все сохранно дошло — очень нарядный инструмент, о звуке будет речь после. Не может быть, чтобы не было отличное фортепиано, когда выбирал его Яковлев, наш давнишний певец. Если б вы знали, как все это перенесло меня в ваш круг. Забываю, что мильон лет мы расстались. — Кажется, как будто вчера отправился в Сибирь отыскивать *что-то такое*. Ты прежде меня здесь был, но, видно, скорей можно возвратиться из экспедиции для описания полярных стран, нежели из той, которой до сих пор нельзя описать. — Я всем говорю, что я сослан при Петре, и все удивляются, что я так молод...

Аннушка тебя с благодарностью целует. Твой портрет будет висеть над фортепиано. Приезжай послушать мою музыкантшу.

*И. И. Пущин — Ф. Ф. Матюшкину.  
11 февраля 1853.*

7

Ты поневоле, любезный друг Матюшкин, должен слушать мои рассказы о ваших фортепиано...

Ваше фортепиано — первое в нашем городке, — это немного еще значит, хотя, впрочем, здесь до него было уже пять инструментов; не во всяком уездном городе, особенно сибирском, встречается такое богатство музыкальное. Г-ну Зике, о котором я до сего и понятия не имел, следовало бы объявить в газетах признательность за его произведение художественное, но я не печатаюсь и газет у нас не издают. Следовательно, надобно ограничиться тем, чтоб ты за меня сходил к нему вместе с Яковлевым и сказал ему, что инструмент превосходный, дошел до меня в совершен-

ной исправности и всех восхищает. Ничего нет мудреного, что к нему будут отсюда заказы.

Одним словом, ура Лицею старого чекана! Это был вечером тост при громком туше. Вся древность наша искренно разделила со мной благодарное чувство мое; оно сливалось необыкновенно приятно со звуками вашего фортепиано. Осушили бокалы за вас, добрые друзья, и за нашего старого директора. Желали вам всего отрадного; эти желания были так задушевны, что они должны непременно совершиться.

Теперь Аннушка уроки берет дома — и субботы мои оживились для молодежи, которая с нами.

Портрет твой над фортепиано.

*И. И. Пущин — Ф. Ф. Матюшкину.  
24 февраля 1853.*

8

Еще хотел тогда просить тебя, чтоб ты отобрала от шафера (Ф. Ф. Матюшкин) сведения (в дополнение к тем, которые от него требую): не помнит ли он, или Яковлев, когда Пушкин написал известные стихи в альбом Елизаветы Алексеевны. Мне кажется, что она ему еще в Лицее прислала после этого в подарок часы, а Анненков относит в своем издании эту пиесу к позднешему времени. Вот тебе совершенно неожиданное поручение. Не смейся, пожалуйста, надо мной! Позволяю тебе только моргнуть на меня, когда будешь об этом толковать с Матюшкиным, который, верно, почитает меня за сумасшедшего...

*И. И. Пущин — Н. Д. Пущиной.  
3 марта 1858.*

9

Матюшкин рассказывал, что Пушкин дрался с Кюхельбекером за какое-то вздорное слово, но, выст-

релив в воздух, они тотчас же помирились и продолжали дружбу.

*П. И. Бартенев*

10

Мы знаем, что уже в Лицее он начинал записывать важнейшие случаи своей жизни, и потом, когда один из его товарищей (Ф. Ф. Матюшкин) отправлялся в кругосветное плавание, он убедил его вести записки и подал совет, как следует вести их.

*П. И. Бартенев.*

11

Прибавлю, что в моих руках находятся сверх того остатки архива первого курса лицея, хранившиеся у покойного адмирала Ф. Ф. Матюшкина. Чувствуя упадок сил, он за несколько месяцев до смерти в 1872 году передал их в наследство мне, как лицеисту, для которого предания старого лицея всегда были особенно дороги.

*Я. К. Грот.*

12

От покойного Матюшкина я слышал, что при поступлении в лицей Пушкин довольно плохо писал по-русски. У Кошанского он считался по своим сведениям 16-м, а Матюшкин 15-м, хотя последний, по собственному его сознанию, уж конечно, в сущности знал язык гораздо хуже. Это продолжалось до последнего времени перед выпуском, когда пересаживание по успехам прекратилось. По отзыву Матюшкина, товарищам всегда казалось, что Пушкин по развитию как будто старше всех их. В поэзии Илличевский считался его соперником, так что у каждого из них была своя партия приверженцев: в глазах некоторых Илличевский был даже выше по таланту, но... сам он признавал неизмеримое превосходство Пушкина.

*Я. К. Грот.*



Пушкин называл его «наш песельник». Эта тема—музыкальное дарование Яковлева, актерские, имитаторские наклонности, а значит, и желанное участие в любой компании,— всегда преобладает в рассказах о Яковлеве. Да и, справедливости ради, надо сказать, что имя Яковлева связывается почти исключительно с окружением Пушкина, со светлой памятью о первом курсе Лицея. Напечатанных материалов о его жизни удастся отыскать совсем немного. На скудость их жаловался еще один из первых летописцев Лицея, Н. Гастфрейнд, в 1912 г. С тех пор о Яковлеве опубликованы лишь отдельные факты и подробности. Не до конца проясненным остается вопрос и об отношении к нему Пушкина. Вспоминали, например, что Дельвигу не нравилось несколько пренебрежительное, как ему казалось, обращение Пушкина с Яковлевым, и он дружески пенял Пушкину на это. Почему же в таком случае имя Яковлева традиционно включается в самый первый список «беспорных» друзей Пушкина? Одна причина состоит в том, что «Яковлев-паяс» (или: «комедиант») своим, и вправду незаурядным, даром и природной веселостью очень выделялся в Лицее и с ним были связаны многие дорогие Пушкину воспоминания. А детские впечатления и юношеская дружба для Пушкина, как известно, никогда «не ржавели». Другая причина, не менее важная, заключалась в том,

что долгие годы Михаил Лукьянович был «лицейским старостой» — он соединял грозившие затеряться, а то и оборваться нити лицейского братства: устраивал ежегодные праздники Лицея, вел переписку, сообщая одним бывшим лиценстам о жите-бытье других. Дельвиг, Матюшкин, Малиновский, Вольховский, Данзас очень часто общались именно через Яковлева.

Яковлев в какой-то мере олицетворял для Пушкина Лицей, а от Лицея неотрывны вся жизнь и творчество поэта. Имя Яковлева связано с первыми безмятежными стихами Пушкина — «Пирующими студентами» 1814 года:

Друзья! досужный час настал;  
Всё тихо, всё в покое;  
Скорее скатерть и бокал!  
Сюда, вино златое!

И с последними посвященными Лицею горестными строфами, читанными в квартире Михаила Лукьяновича на Екатерининском канале 19 октября 1836 года, которые невозможно читать без боли и печали теперь, когда мы знаем, что та лицейская годовщина была для Пушкина прощальной:

Была пора: наш праздник молодой  
Сиял, шумел и розами венчался,  
И с песнями бокалов звон мешался,  
И тесною сидели мы толпой.  
Тогда, душой беспечные невежды,  
Мы жили все и легче и смелей,  
Мы пили все за здравие надежды  
И юности и всех ее затей.

Теперь не то: разгульный праздник наш  
С приходом лет, как мы, перебесился,  
Он присмирел, утих, остепенился,  
Стал глуше звон его заздравных чаш;  
Меж нами речь не так игриво льется,  
Просторнее, грустнее мы сидим,  
И реже смех средь песен раздается,  
И чаще мы вздыхаем и молчим.

Всему пора: уж двадцать пятый раз  
Мы празднуем Лицея день заветный.  
Прошли года чредою незаметной,  
И как они переменили нас!  
Недаром — нет! — промчалась четверть века!  
Не сетуйте: таков судьбы закон;



Вращается весь мир вокруг человека,—  
Ужель один недвижим будет он?

Существует и письмо-отчет Яковлева об этом вечере: «Приметно стареем мы! Никто лишнего уже не пьет, никто с избытком сердца не веселится. Впрочем время провели мы весьма приятно. Все разошлись чинно в 10-м часу.— Пушкин было начинал читать стихи на 25-летие, но не вспомнил. Обещал докончить и доставить... Боюсь — обманет».

\* \* \*

Отец Яковлева — глава большой семьи (девять детей) служил в Московском архиве иностранных дел. Так что Яковлев — земляк Пушкина и Дельвига. Учился Михаил Лукьянович в университетском пансионе, откуда и был переведен в Лицей. Гувернер в 1812 г. дал о нем в общем благоприятный отзыв: «С изрядными дарованиями, весьма прилежен, простодушен, усерден, исполнительен, покорен, расторопен, пылок и довольно благодетен; не имеет блистательного воспитания, но своею осторожностью и доброю искреннею волею вести себя как можно лучше он приобретает гораздо важнейшие достоинства и в добром своем желании весьма успевает. Имеет особое дарование и склонность к музыке». Истинный характер воспитанника отсюда понять не просто. Однако две конкретные черты все же подмечены: музыкальность и отсутствие аристократических манер. Интереснее характеристика Яковлева, составленная Е. А. Энгельгардтом: «Талантлив во всем, особенно же в риторике, мимике и музыке. Ему очень нравится подражать другим как во внешности, так и в научных занятиях. Здесь он заходит так далеко, что не может скрыть своего стремления к подражанию даже от тех, кому он подражает или кого передразнивает... У него есть склонность к сатире, но несравненно меньшая, чем у Пушкина. В науках он предался своего рода литературному патриотизму. Этот протест против чужого легко принимает у него значение чего-то важного. Филология его интересует в целом не так, как это можно было бы ожидать при его риторических стремлениях».

«Паяс двухсот номеров» — так иногда называли Яковлева в Лицее. Он создал себе очень большой репертуар — целый «театр одного актера», как мы бы теперь сказали. Это можно было бы считать преувеличением, если бы Ф. Ф. Матюшкин не вспомнил буквально все 200 номеров, изображавшиеся Яковлевым. Здесь и товарищи, и их родители, и преподаватели, и знатные особы, посещавшие Лицей, и даже исторические события и явления природы. В дореволюционных публикациях матюшкинского списка № 129 оставался пустым — не сообщать же в самом деле, что лицейский «паяс» передразнивал самодержца всероссийского Александра I. В лицейском фольклоре сохранилась довольно ядовитая эпиграмма-отмщение самому «паясу»:

Мишук не устает смешить,  
Что день, то новое проказит.  
Теперь затеял умным быть...  
Не правда ль, мастерски паясит?

Музыкальное дарование Яковлева было несомненное и немалое. Он вошел в историю русской музыки и как композитор-дилетант и как исполнитель романсов. Мало кто из мемуаристов пушкинской поры обошел вниманием приятный баритон Михаила Яковлева. Важно, что среди высоко ценивших его произведения были и М. И. Глинка и «дедушка русского романса» Н. А. Титов. Гитаристы и певцы всегда ведь оказываются в центре внимания любого молодежного общества. Первый курс Лицея в этом отношении во все не был исключением. Но Яковлев и в дальнейшем не оставил музыкального поприща. В общей сложности ему принадлежат не менее 30 романсов. Три из них — на слова Пушкина: «Слез» («Вчера за чашей пуншевою»); «Зимний вечер» («Буря мглою небо кроет»); «Признание» («Я вас люблю, хоть я бешусь»). «Слезу» любили лицеисты и пели во многих домах Царского Села \*; «Зимний вечер» популярен по сей день... Семь романсов написал Яковлев на слова Дельвига (в том числе и теперь не забытый: «Когда душа просилась ты»), сочинял на стихи Державина и Жуковского. Иногда он становился автором и музыки

---

\* В 1825 г. романс с нотами был опубликован в 4-й книжке «Мнемозины». В оригинале есть поправки Пушкина.

и текста («Кого-то нет, кого-то жаль», «Ты ль, дитя мое, дитяtko», «Ах, не все тучам небо покрывать» и других).

Сколько-нибудь заметных литературных способностей у Яковлева все же не было. Он пробовал силы в лицейских журналах; сочинял басни («плохо басни пишешь», — констатировал вполне доброжелательно Пушкин), написал, как сам вспоминал впоследствии, вместе с Пушкиным комедию «Так водится в свете», до нас не дошедшую. Долгое время после этого он литературой не занимался. Смерть Дельвига так его поразила, что он откликнулся стихами:

Где-то добрый Дельвиг мой,  
Где-то мой собрат и сверстник,  
С чашей — Вакха сын прямой,  
С лирой — тихих муз наперсник,  
Где-то добрый Дельвиг мой?

С Дельвигом Яковлев был очень близок; их объединяла, кроме всего прочего, и горячая любовь к русской песне и романсу. Яковлев постоянно бывал на вечерах у Дельвигов, он и похоронил лицейского друга. Он пытался помочь семье Дельвига — сохранилась его переписка по этому поводу с Пушкиным. Вскоре Яковлев посватался к вдове Дельвига, но его предложение было отвергнуто.

На лицейской сходке в 1833 г. (Пушкина не было в Петербурге) стихи читал А. Д. Илличевский:

Опять мы на лицейский праздник  
Соединились в круг родной.  
Спасибо, Яковлев-проказник,  
Ты староста у нас лихой!

Яковлев подписал под этим экспромт: «Наш Пушкин далеко, наш добрый Дельвиг в гробе, и вся поэзия в одной моей утробе».

Из Лицея Яковлев был выпущен с чином коллежского секретаря и определен на службу по министерству юстиции в Москве. Продвижение по службе его не было ни медленным, ни быстрым — обыкновенным чиновничьим. Он менял департаменты и канцелярии, но род деятельности оставался прежним. В начале 1827 г. Яковлева перевели в Петербург — во 2-е отделение Собственной его Величества канцелярии. В 1828 году он был уже надворным советником, что

не мешало ему по-прежнему паясить и что ни день ездить на балы и вечерние приемы. На лицейской годовщине 1828 года, как гласит протокол, написанный рукою Пушкина, Яковлев изображал «восковую персону», т. е. статую Петра I. Много времени посвятил он в начале 30-х годов трудам в Комиссии по составлению законов, получая награды и денежные поощрения от высшего начальства. Особых либеральных тенденций Яковлев при этом не обнаруживал. Старый директор Лицея Энгельгардт был даже «левее» его, когда писал в 1832 г. Вольховскому: «Яковлев сделан Директором типографии, в которой печатаются новые законы. Ему за то дают 5 тысяч рублей жалованья и прекрасную квартиру; я очень рад. Дай бог, чтобы Законы печатались, а более еще, чтобы исполнялись, да то беда, что на исполнителей неурожай». Несколько ранее Энгельгардт сообщал Матюшкину, что Яковлев «больше не паясит», а занят делами серьезными.

Обстоятельства сложились так, что типография 2-го отделения и деятельность ее директора на некоторое время вновь тесно связали старых друзей — Пушкина и Яковлева.



Поскольку после Лицея Яковлев сразу уехал в Москву, перерыв в его встречах с Пушкиным составил почти десятилетие; начиная с 1827 г. они видались у Дельвига. Пять раз — в 1828-м, 1832-м, а также 1834—1836-м — оба участвовали в праздновании годовщины основания Лицея. С последней такой встречей связаны предварительная переписка и споры. Дело в том, что Энгельгардт задумал отпраздновать 25-летие Лицея, собрав вместе три первых выпуска. Однако № 39 — Яковлев и № 14 — Пушкин решительно с этим не согласились. Такое изменение традиций означало бы конец дорогих сердцу лицеистов встреч. «Пусть Егор Антонович... соединяет под свои знамена 2-й, 3-й и прочие выпуски и воздаст честь и хвалу существованию Лицея, но пусть нас, стариков, оставит в покое», — возражал Яковлев. «Я согласен с мнением 39 №, — поддерживал его Пушкин. — Нечего для двадцатипятилетнего юбилея изменять старинные обычаи

Лицея. Это было бы худое предзнаменование. Сказано, что и последний лицеист *один* будет праздновать 19 октября». «Сказано» — это скромное напоминание поэта о собственных стихах 1825 года:

Кому ж из нас под старость день Лицея  
Торжествовать придется одному?

Мнение Яковлева и Пушкина победило. Не последним резонном был для лицеистов и такой: только на собрании одного первого выпуска можно будет без опасения доносить поминать имена далеких друзей — Пушина и Кюхельбекера. Одиннадцать «ското-братцев», как они себя называли, собрались к Яковлеву на обед.

Большая часть переписки Пушкина и Яковлева относится к лету 1834 г. Собственно, это в основном были не письма, отправляемые почтой либо с посыльными, а деловые записки на полях корректурных листов «Истории Пугачевского бунта». Собравшись выпустить в свет свою «Историю Пугачева» (добавление: «бунта» — неуклюжее «изобретение» Николая I), Пушкин выхлопотал разрешение печатать книгу в типографии 2-го отделения — у Яковлева. Он руководствовался при этом несколькими соображениями. Во-первых, Николай I довольно бегло просмотрел рукопись, а это значило, что в корректуре можно попытаться внести кое-какие перемены. Другое типографское начальство могло бы испугаться и помешать. Яковлев был человеком своим и надежным. Во-вторых, Пушкин очень спешил с печатанием Пугачева, так как надеялся провести часть лета в Полотняном Заводе с Натальей Николаевной и детьми. Наконец, доброжелательство Яковлева должно было способствовать типографскому совершенству этого издания, на которое Пушкин (увы, тщетно!) возлагал немалые материальные надежды.

Видимо, по просьбе Яковлева Пушкин 3 июля обратился к нему с официальным письмом-отношением как к директору типографии, но в дальнейшем переписка носила вполне дружеский и неофициальный характер. Яковлев помог и со сроками, и с выбором шрифтов, и с переносом поправок Пушкина в наборный экземпляр. Он уговорил Пушкина сделать кое-

какую правку в предисловии (в частности вычеркнуть имя Вольтера), а потом собственноручно переписал предисловие для набора. Они очень сблизились в то лето в ходе дружной совместной работы. Примерно в то же время Михаил Лукьянович вместе с Д. А. Эристовым подготовил черновую рукопись «Исторического словаря» (так и не вышедшего в свет). Пушкин познакомился с рукописью и успел использовать некоторые сведения из нее для «Истории Пугачева».

В 1836 г. Яковлев, снова вместе с Д. А. Эристовым, анонимно выпустил в свет несколько неожиданное для него издание: «Словарь о святых, прославленных в российской церкви, и о некоторых сподвижниках благочестия местночтимых». Оба автора особым благочестием и святостью не отличались, но книга их была полна многих любопытных сведений. Пушкин, конечно, знавший истинных авторов, весьма благожелательно отозвался о «Словаре» в «Современнике». «Издатель Словаря о святых,— писал он,— оказал важную услугу истории. Между тем книга его имеет и общую занимательность: есть люди, не имеющие никакого понятия о житии того св. угодника, чье имя носят от купели до могилы, и чью память празднуют ежегодно. Не дозволяя себе никакой укоризны, не можем, по крайней мере, не дивиться крайнему их нелюбопытству». Не забыл Пушкин сказать доброе слово и о Яковлеве-типографе, выпустившем «Словарь»: «Наконец и библиофилы будут благодарны за типографическую изящность издания: «Словарь» напечатан в большую осьмушку на лучшей веленовой бумаге и есть отличное произведение типографии Второго отделения собственной канцелярии Е. И. В.».

Наконец, последний эпизод в летописи встреч Яковлева с Пушкиным. В начале ноября 1836 г. Пушкин зашел к Яковлеву и показал анонимный пасквиль, им полученный. Яковлев предположил, что мерзость эта исходит от Геккернов, поскольку «бумага посольская». Утверждение это было поспешное: как выяснилось в дальнейшем, такая бумага была вполне доставаема в Петербурге. Они условились пообедать вместе 19 ноября, но Пушкин не смог быть дома и предупредил Яковлева запиской (№ 11).

Письмо Матюшкина к Яковлеву о смерти Пушкина читатель уже знает. Известно и письмо Яковлева к Вольховскому: «Ты мне пеняешь, зачем я не писал тебе о горестной кончине Пушкина? Вот мой ответ. Не писал я потому, что голова шла кругом в то время, а когда образумился, то уж газеты предупредили известия о его смерти. Убийца, разжалованный в солдаты, сослан с жандармом за границу. Данзас наш, как секундант Пушкина, содержался сперва на гауптвахте, а потом, по приговору суда, в крепости три месяца. Теперь он свободен». Слова «голова кругом» и «убийца» вполне достаточно комментируют отношение Яковлева к смерти Пушкина.

Семейная жизнь Яковлева долго не складывалась. Только в 1838 г. он обрел тихую домашнюю пристань, женившись на Надежде Ивановне Игнатьевой — вдове с четырьмя детьми. Михаил Лукьянович очень любил своих пасынков и наслаждался семейственным спокойствием. Чинов он достиг немалых, став тайным советником и сенатором...

19 октября 1858 г. было грустное и одновременно светлое празднование 47-й лицейской годовщины. Собрались несколько стариков — Яковлев, Матюшкин, Малиновский, Корф. И еще был с ними в тот день человек, которого не видели больше трех десятилетий, — всеми любимый Иван Иванович Пущин (Большой Жанно). Яковлев отвез Пущина в Лицей, который давно уже перебрался в Петербург и стал Александровским (по имени императора-основателя), а не Царскосельским.

До самых последних дней жизни Яковлев бережно хранил архив Лицея: протоколы лицейских годовщин, стихи, песни, переписку и т. п. Умирая, он передал все бумаги Федору Матюшкину. Они сохранились.

### *Основная литература*

М. Руденская, С. Руденская. Они учились с Пушкиным. Л., 1976.

Н. Эйдельман. «Прекрасен наш союз...» М., 1982.

1

А ты, который с детских лет  
Одним весельем дышишь,  
Забавный, право, ты поэт,  
Хоть плохо басни пишешь;  
С тобой тасуюсь без чинов,  
Люблю тебя душою,  
Наполни кружку до краев,—  
Рассудок! бог с тобою!

А. С. Пушкин.  
Пирующие студенты. 1814.

2

Наконец, после долгих и многих сборов, баронесса Софья Михайловна расстается на днях с Петербургом.— Царское Село оцеплено, следовательно, она с тобою не увидится и, следовательно, проценты (125 р), о которых я тебе прежде писал, не можешь ты ей отдать лично — а деньги ей нужны и весьма нужны. Нельзя ли тебе, друг сердечный, переслать их на мое имя: *чем скорее, тем лучше*.

М. Л. Яковлев — Пушкину.  
6 июля 1831.

3

Деньги мои, любезный Михайло Лукьянович, у Плетнева. Потрудись, сделай одолжение, съездить к нему, но как он человек аккуратный, то возьми с со-



бою вексель мой и надпиши, что проценты получены. Попроси его от меня написать мне три строчки и переслать деньги, в коих я нуждаюсь. Если он сидит на даче, опасаясь холеры, и ни с кем сношений не имеет, то напиши мне об нем, здоров ли он и все ли у него здоровы.

Кланяюсь сердечно Софье Михайловне и очень, очень жалею, что с нею не прощусь. Дай бог ей здоровья и силы души. Если надобны будут ей деньги, попроси ее со мною не церемониться, не только насчет моего долга, но и во всяком случае. Что *Северные Цветы*? с моей стороны я готов. На днях пересмотрел я у себя письма Дельвига; может быть, со временем это напечатаем. Нет ли у ней моих к нему писем? мы бы их соединили. Еще просьба: у Дельвига находились готовые к печати две трагедии нашего Кюхли и его же *Ижорский*, также и моя баллада о *Рыцаре, влюбленном в Деву*. Не может ли это все Софья Михайловна оставить у тебя? Плетнев и я, мы бы постарались что-нибудь из этого сделать.

Что вы делаете, друзья, и кто из наших приятелей отправился туда, отколь никто не воротится? Прости, до свидания.

*Пушкин — М. Л. Яковлеву. 19 июля 1831.*

4

Третьего дня получил я письмо от Малиновского. Он, как ты знаешь, Изюмской дворянской предводитель; хлопочет и с дворянами и с своими собственными крестьянами. Завтра пишу ему предлинное письмо, потому что он требует больших подробностей о всех наших. До сих пор, благодаря бога, не слыхать, чтоб кто-нибудь из нас попался в когти незваной гостьи; умерли только: у Илличевского мать, а у Комовского отец.

*М. Л. Яковлев — Пушкину. 23 июля 1831.*

5

Меня в Петербурге останавливает одно: залог имения Нижегородского, я даже и Пугачева намерен препоручить Яковлеву, да и дернуть к тебе, мой ангел, на Полотняный Завод.

*Пушкин — Н. Н. Пушкиной.  
26—27 июня 1834.*

6

Милостивый государь  
Михайло Лукьянович,

Вследствие данного Вам начальством поручения касательно напечатания рукописи моей, под названием История Пугачевского бунта, и по личному моему с Вами о том объяснению, поспешаю Вас уведомить:

1-е. Желаю я, чтоб означенная рукопись была напечатана в 8-ую долю листа, такого же формата как Свод Законов.

2-е. Число экземпляров полагаю я 3 000; из коих для 1 200 прошу заготовить бумагу на счет казенный, а потребное количество оной для 1 800 экземпляров доставлю я сам в типографию.

3-е. Что касается до шрифта и вообще до издания книги, то на всем полагаюсь на Ваше благоусмотрение.

С глубочайшим почтением честь имею быть,  
милостивый государь,  
Вашим покорнейшим слугою.  
Александр Пушкин.

*Пушкин — М. Л. Яковлеву.  
3 июля 1834.*

7

Вот тебе, мой благодетель, первая глава — с богом.

*Пушкин — М. Л. Яковлеву.  
5 июля 1834.*

8

Ведь у тебя празднуем мы годовщину? не правда ли?

№ 14

*Пушкин — М. Л. Яковлеву.  
19 октября 1834.*

9

Посылаю тебе Пугачева. Нанял я за *пять рублей* две подводы, но всего не могли на них взвалить и для того на помощь дана казенная лошадь. Мужикам прошу отдать за провоз.

Прилагаю при сем наставление для переплетчика, которому ты будешь отдавать экземпляры в листах. Перепечатки лежат в особой кипе. Нужно чтоб переплетающий имел для проверки исправный экземпляр. Я нарочно написал наставление в лист, чтобы оно не затерялось между твоими бумагами.

Сегодня не могу я к тебе зайти: недосуг. Доброе ты дело сделаешь, если пришьешь мне по обещанию 2 экз. Пугачева портрета.

Весь твой  
М. Я.

*М. Л. Яковлев — Пушкину.  
5 сентября 1835.*

10

Я согласен с мнением 39 №. Нечего для двадцатипятилетнего юбилея изменять старинные обычаи Лицея. Это было бы худое предзнаменование. Сказано, что и последний лиценст *один* будет праздновать 19 октября.

Об этом не худо напомнить.

№ 14

*Пушкин — М. Л. Яковлеву.  
Октябрь 1836.*

11

Милый и почтенный мой Михайло Лукьянович! виноват! я было тебя зазвал сегодня к себе отобедать, а меня дома не будет. До другого раза, прости великодушно. Не забудь записку о святых доставить мне, грешному.

Пушкин — М. Л. Яковлеву.  
19 ноября 1836.

12

Племянник мой, многоизвестный тебе человек, желает тебе помогать в издании Современника. — Малый он с понятием, глядит на вещи прямо, суждение имеет свое, не дожидая: что скажет *такой-то*; а всего более трудолюбив. С такими качествами, может он быть тебе полезен *трудо́ами*, а ты ему *деньга́ми*. Завербовали его покамест Краевский с братиею, да кажется хотят его надуть: не велят даже и подписываться в статьях прозаических. По-моему, уж если работать за деньги, так уж лучше для Современника, нежели для Инвалида.

Спасибо за доставление жизненных потребностей. О грамотах поговорим при свидании.

За книгу пребольшое спасибо вашему благородию. Награди вас господь за вашу добродетель. Век не забуду ваших милостей.

М. Л. Яковлев — Пушкину.  
15 января 1837.

13

Пушкин убит — Яковлев, как ты это допустил — у какого подлеца поднялась на него рука!

Яковлев, Яковлев, как ты мог это допустить? — Наш круг редеет, пора и нам убираться.

Ф. Ф. Матюшкин — М. Л. Яковлеву.  
14 февраля 1837.

Праздновали двадцатипятилетие Лицея (вписан адрес Яковлева его рукою) Юдин, Мясоедов, Гревениц, Яковлев, Мартынов, Модест Корф, А. Пушкин, Алексей Илличевский, С. Комовский, Ф. Стевен, К. Данзас (подписи эти собственноручные).

«Собрались вышеупомянутые господа лицейские в доме у Яковлева и пировали следующим образом: 1) обедали вкусно и шумно, 2) выпили три здоровья (по заморскому toasts): а) за двадцатипятилетие лицея, б) за благоденствие лицея, с) за здоровье отсутствующих, 3) читали письма, писанные некогда отсутствующим братом Кюхельбекером к одному из товарищей, 4) читали старинные протоколы и песни и проч. бумаги, хранящиеся в архиве лицейском у старосты Яковлева, 5) поминали лицейскую старину, 6) пели национальные песни, 7) Пушкин начинал читать стихи на 25-летие лицея, но всех стихов не припомнил и кроме того отозвался, что он их не докончил, но обещал докончить, списать и приобщить в оригинале к сегодняшнему протоколу. *Примечание.* Собрались все в половине пятого часа, разошлись в половине десятого».

«Протокол» о праздновании 25-й  
лицейской годовщины.

Пушкин спрашивал приехавшего в Москву старого товарища по Лицею про общего приятеля, а также сверстника-лицеиста, отличного мимика и художника по этой части: «А как он теперь лицедействует и что представляет?» — «Петербургское наводнение». — «И что же?» — «Довольно похоже», — отвечал тот. Пушкин очень забавлялся этим *довольно похоже*.

*П. А. Вяземский.* Из «Старой записной книжки». 1860-е гг.

16

М. Л. Яковлеву Пушкин говорит:

А ты, который с детских лет  
Одним весельем дышишь...

Таким и я знал еще Яковлева. Веселость выражалась в чертах его лица, его появление всегда оживляло общество; он был мастер петь романсы и никогда не отказывал в том.

*Я. К. Грот.*

17

Летом того же 1828 года Михаил Лукьянович Яковлев,— композитор известных русских романсов и хорошо певший баритоном, познакомил меня с бароном Дельвигом, известным нашим поэтом. Я нередко навещал его; зимою бывала там девица Лигле, мы игравали в четыре руки. Барон Дельвиг переделал для моей музыки песню «Ах ты, ночь ли ноченька», и тогда же я написал музыку на слова его же «Дедушка, девицы раз мне говорили»,— эту песню весьма ловко певал М. Л. Яковлев.

Около этого же времени я часто встречался с известнейшим поэтом нашим Александром Сергеевичем Пушкиным, который хаживал и прежде того к нам в пансион к брату своему, воспитывавшемуся со мною в пансионе, и пользовался его знакомством до самой его кончины.

*М. И. Глинка. Записки.*

18

Между тем мазурка кончилась; в ожидании ужина Яковлев пел разные романсы и восхищал всех своим приятным голосом и чудной методой.

Когда он запел:

Я вас любил: любовь еще, быть может,  
В душе моей угасла не совсем;

Мишель шепнул мне, что эти слова выражают ясно его чувства в настоящую минуту.

Но пусть она вас больше не тревожит;  
Я не хочу печалить вас ничем.

— О, нет, — продолжал Лермонтов вполголоса, — пускай тревожит, это вернейшее средство не быть забыту.

Я вас любил безмолвно, безнадежно,  
То робостью, то ревностью томим;

— Я не понимаю робости и безмолвия, — шептал он, — а безнадежность предоставляю женщинам.

Я вас любил так искренно, так нежно,  
Как дай вам бог любимой быть другим.

— Это совсем надо переменить; естественно ли желать счастья любимой женщине, да еще с другим? Нет, пусть она будет несчастлива; я так понимаю любовь, что предпочел бы ее любовь — ее счастью; несчастлива через меня, это бы связало ее навек со мною! ...А все-таки жаль, что я не написал эти стихи, только я бы их немного изменил.

*Е. А. Сушкова.*

19

Милостивый государь Михаил Лукьянович! Императорскому Александровскому Лицею, именовавшемуся прежде Царскосельским, выпал на долю жребий сделаться местом воспитания гениального Пушкина. Вам, милостивый государь, как сотоварищу нашего поэта были известны чувства, которые Пушкин до конца сохранил к Лицею — месту, где впервые посетило его вдохновение... Имея неоднократно случай убедиться в добром расположении Вашего превосходительства к Лицею и зная, что Вы как друг и воспитанник Пушкина владеете в числе некоторых манускриптов его рукописью «19 октября 1825 года», стихотворения покойного к месту его воспитания, я позволил себе обратиться к Вам, милостивый государь, с покорнейшей просьбой не соизволите ли найти возможным передать эту рукопись на хранение в библиотеку Лицея...

*Н. И. Миллер, Директор  
Александровского Лицея  
16 февраля 1855 г.*



Лицейские товарищи Пушкина, о которых мы коротко рассказали, составляли очень важную, много значившую для великого поэта, но не единственную группу его друзей. Еще одной, не менее близкой к Пушкину группой друзей, сыгравшей неоценимую роль в его жизни и творчестве, были старшие современники — поэты, мыслители, общественные деятели: В. А. Жуковский, Н. М. Карамзин, П. А. Вяземский, А. И. Тургенев, П. Я. Чаадаев.

Друзей не выстраивают по ранжиру, и проявления дружбы не раскладывают по ячейкам памяти, но все же рискнем сказать, что место Жуковского в окружении Пушкина совершенно особое. Дело в том, что среди людей, интимно близких Пушкину, не было поэта, равновеликого Жуковскому. Это был поэт-учитель, поэт-предшественник и одновременно старший друг, вступавшийся за Пушкина во многих эпизодах его бурной короткой жизни. Жуковский ввел юношу в литературу. Жуковский принял последний вздох величайшего поэта России, он рассказал нам о его кончине и подготовил посмертное собрание его сочинений.

Один из первых биографов Пушкина, Петр Иванович Бартенев, успевший расспросить многих людей, знавших Пушкина лично и наблюдавших его общение с Жуковским, составил любопытную параллельную



характеристику двух поэтов; проливающую свет на их отношения: «Жуковский и Пушкин — люди не только разного, но почти противоположного характера. В стихах и жизни Пушкина ощущаются пыл и зной Африки; по свидетельству лиц, близко наблюдавших его, он иногда чувствовал такую горячность, что должен был освежать себе голову водою, для чего вдруг посреди оживленной беседы убегал в другую комнату. Вертлявый и непосестный, Пушкин был весь жизнь и движение. Мать Жуковского — турчанка из нынешней Бессарабии, и в сыне ее сказалась тихая, задумчивая созерцательность турецкого племени. По природе своей Жуковский был ленив и неподвижен, охотно привязывался к месту и обстановке, мог проводить целые часы на диване, потягивая трубку, и самый голос у него был протяжно-медлительный, а движения всегда спокойные. В беседе — добродушная и нередко затейливая шутка у Жуковского, краткое, меткое и изощренное слово — у Пушкина. К несходству нрава присоединялась и разница возраста... И несмотря на это, они связаны были тесною дружбою. Их *уравнивало и соединяло единство призвания* (курсив мой.— В. К.), и оба они оставили нам собою высокий пример верности этому призванию... Пушкину, при всех его увлечениях, шероховатостях в сношениях с людьми, Жуковский оставался голосом совести и непрерывной святыни».

Как бы ни были наивны рассуждения Бартенева о происхождении и темпераментах, в самом главном он прав: высокое отношение к своему поэтическому призванию объединяло Жуковского и Пушкина.

К этому добавлялась и самоотверженная забота старшего поэта о младшем. Когда В. Г. Белинский сказал: «Без Жуковского мы не имели бы Пушкина», он, разумеется, имел в виду преемственность литературной традиции (вот слова Белинского: «Жуковский... имеет великое историческое значение для русской поэзии вообще: одухотворив русскую поэзию романтическими элементами, он сделал ее доступною для общества, дал ей возможность развития, и без Жуковского мы не имели бы Пушкина»). Но не будет натяжкой распространить последние слова и на

личную судьбу поэтов, ибо неизменно, когда неумолимая судьба грозила Пушкину, на выручку приходил Жуковский. Он не смог помочь только один раз...

\* \* \*

Василий Андреевич Жуковский родился в самом сердце России — в селе Мишенском Белёвского уезда, находившегося на стыке Калужской, Тульской и Орловской губерний. Отцом его был довольно богатый помещик, одно время близкий ко двору Екатерины II, Афанасий Иванович Бунин, матерью — турчанка Сальха, нареченная уже в России, при крещении, Елизаветой Дементьевной. Если бы Афанасий Иванович признал сына «своим», но незаконным, тому не миновать было на всю жизнь крепостного состояния. Вот и выбрали иной, испытанный для тех времен путь. Бедный бездетный дворянин Жуковский, живший у Буниных, крестный отец мальчика, усыновил его. Так появился будущий поэт Василий Жуковский. Замечательный русский писатель XX столетия Иван Алексеевич Бунин любил вспоминать, что происходит из старинного рода, к которому принадлежит «и Василий Жуковский, один из корифеев русской литературы».

Настоящий отец Жуковского умер, когда сыну было всего только восемь лет. Он остался на попечении «законной» вдовы и ее старших дочерей. Елизавета Дементьевна прислуживала в доме, к ней относились неплохо, вот только сидеть при господах она не смела. Горький осадок незаконнорожденности остался у ее сына навсегда. Мать свою он нежно любил, нисколько ее не стыдясь; писал ей ласковые письма с уважительным обращением: «Милостивая государыня матушка Елизавета Дементьевна» и почтительной подписью: «навсегда ваш послушный сын Васинька». А когда, после 1802 г., зажил своим домом в Белёве, взял мать к себе. В 1805 г. он как бы подвел итог молодости (в дневнике): «Не имея своего семейства, в котором я хоть что-нибудь значил, я видел вокруг

себя людей, мне коротко знакомых, но не видел родных, мне принадлежащих по праву; я привыкал отделять себя ото всех, потому что никто не принимал во мне особого участия и потому, что всякое участие ко мне казалось мне милостию. Я не был оставлен, брошен, имел угол, но не любим никем, не чувствовал ничьей любви; следовательно не мог платить любовью за любовь, не мог быть благодарным по чувству, а быть только благодарным по должности». Если добавить, что и в последующем поэта подстерегала трагедия — он любил один раз в жизни и беззаветно, но не мог соединиться с любимой женщиной, оставаясь верен сначала ей, а потом ее памяти, то станет ясно, на какой глубокой и обильно политой слезами почве выросла поэзия Жуковского.

14-летним мальчиком Жуковский был помещен в Благородный пансион при Московском университете, где скоро вышел в первые ученики. 18 мая 1799 г., за 8 дней до того, как там же, в Москве, в семье отставного майора Сергея Львовича Пушкина родился сын Александр, на заседании ученического кружка 16-летний Жуковский уже произнес первую в жизни речь на тему «О начале обществ, о распространении просвещения и об обязанностях каждого человека применительно к обществу». Он говорил о том, что просвещение возвышает человека в его собственных глазах, а рабство растлевает душу. Через всю жизнь пронес Жуковский уважение к достоинству личности. Об этом, если говорить в самых общих словах, все его стихи. Еще в пансионе выбрал Жуковский свой жизненный принцип, которому следовал неукоснительно: «Каждый день — доброму делу, мысли или чувству».

«Как писатель,— говорил Жуковский,— я был учеником Карамзина». Он мог бы прибавить: как человек я рос под его влиянием. С тех пор как в 1802 г. в журнале «Вестник Европы», издателем которого был Карамзин, появилось стихотворение «Сельское кладбище» (переложение элегии английского поэта Т. Грея), Россия приобрела первого поэта-романтика, а Карамзин — единомышленника и младшего друга. Почти четверть века трудились они рука об

руку на благо отечества, пока в 1826 г. не пришла пора Жуковскому сказать надгробное слово учителю:

Лежит венец на мраморе могилы,  
Ей молится России верный сын,  
И будит в нем для дел прекрасных силы  
Святое имя: Карамзин.

Романтизм Жуковского прежде всего глубоко народен. Особенности рождения и воспитания, склада характера и мировоззрения, неразрывно связанного с эпохой, в которую он жил, привели к тому, что Жуковский писал о простых людях и для простых людей. Другое дело, что читательская аудитория Жуковского при жизни его в абсолютных цифрах была ничтожна, но — верный признак, что речь идет об огромном таланте, — с поколениями она росла и ныне достигла миллионных цифр. Пушкин нашел афористические формулы значения Жуковского в русской литературе. Он сделал это в письме («никто более тебя не имел права сказать: глас лиры — глас народа») и в стихах:

Ты прав, творишь ты *для немногих*,  
Не для завистливых судей,  
Не для сбирателей убогих  
Чужих суждений и вестей,  
Но для друзей таланта строгих,  
Священной истины друзей.

«Священная истина» искусной простоты открылась с первым же появлением Жуковского в печати: «Сельское кладбище» выглядело откровением в начале прошлого века. Столь понятно и звучно, столь гармонично и просто никто еще не говорил стихами на Руси:

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;  
Шумящие стада толпятся над рекой;  
Усталый селянин медлительной стопою  
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.

В туманном сумраке окрестность исчезает...  
Повсюду тишина; повсюду мертвый сон;  
Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает,  
Лишь слышится вдали рогов унылый звон.

Большинство элегий и баллад Жуковского имеют подзаголовок «перевод с такого-то языка» или: «из такого-то поэта», но что это были за переводы? На

склоне лет Жуковский объяснял: «Мой ум как огниво, которым надо ударить о камень, чтобы из него выскочила искра. Это вообще характер моего авторского творчества, у меня все чужое или по поводу чужого — и все, однако, мое». Переложения Жуковского с иностранных языков стали живой русской поэзией. В ней — патриотические чувства, сочувствие к людям труда, любовь к бескрайним долинам и шумящим лесам центральной России. Недаром потом говорили, что русская романтическая поэзия родилась в Белёве.

Белинский писал, что Жуковский «первый на Руси выговорил элегическим языком жалобы человека на жизнь». Из работы в работу о Жуковском долго кочевал тезис о том, что жалобы эти не перешли у него в протест. Однако по-своему Жуковский протестовал. И подчас гневно: «Ни моя жизнь, ни мои занятия, ни мой талант,— признавал он уже после восстания декабристов,— не стремили меня ни к чему политическому. Но когда же общее дело было мне чуждо?» На полях одной из книг библиотеки Жуковского недавно обнаружена следующая надпись (видимо, черновик неотправленного письма): «Я бы сказал государю: если тебя не спасет твоя любовь к народу... то надзор и усиленное шпионство еще менее спасут». Жуковский протестовал, когда николаевская жандармерия от цензуры глушила малейшую попытку свободного высказывания: «никогда еще русская литература не была в таком унижении. Поприще ума и талантов обращено в торговую площадь, на коей несколько торгашей хотят одни завладеть прибытком и... в корысти чернят и осыпают ругательствами всякого, кто попытается выйти на посрамленную ими сцену с другими, более благородными намерениями». Это была яростная защита пушкинского круга писателей, и велась она не в частном письме, а в официальной записке, поданной Жуковским всесильному руководителю III Отделения генералу Бенкендорфу в 1832 г. в связи с запрещением журнала «Европеец». Вынужденный долгие годы жить при дворе, Жуковский, как и Пушкин, ощущал мертвящую атмосферу официального Петербурга. Он писал: «О Петербург, проклятый Петербург со своими мелкими, убийствен-

ными рассеяниями! Здесь, право, нельзя иметь души! здешняя жизнь давит меня и душит! Рад все бросить и убежать... Моя честь, фортуна и все — мое перо. Но, чтобы это перо было одушевлено, надобно уйти с ним из смертоносного петербургского климата, переселиться на родину...»

Столь же несостоятелен был миф о кроткой и слепой религиозности Жуковского. Он не признавал никакого деспотизма, в том числе и деспотизма религии. Глубокая характеристика великого немецкого поэта и философа И. В. Гёте, данная Жуковским в 1819 г., открывает и его собственный идеал:

Свободу смелую приняв себе в закон,  
Всезрящей мыслию над миром он носился,  
И в мире все постигнул он —  
И ничему не покорился.

Мягкий по природе, казалось бы, чуждый стихии борьбы, Жуковский вовсе не всегда примирялся с действительностью. В 1805 г., возвратившись из Благородного пансиона в родные края, он взял на себя воспитание двух племянниц, дочерей своей сводной сестры — Марии и Александры Протасовых. Позже случилось так, что он горячо полюбил Машу Протасову. Маша отвечала ему взаимностью. Но мать ее решительно воспротивилась их союзу, ссылаясь на религиозные установления, запрещающие родственные браки. Жуковскому запретили даже видеться с Машей. Он так отозвался об этом в одном из писем: «И эти люди называют себя христианами. Что это за религия, которая учит предательству и вымораживает из души всякое сострадание?.. Режь во имя бога и будь спокоен! Я презираю их от всей души и с тою религиею, которую так пышно выдают за истинную».

В 1812 г. Жуковскому, уже хорошо известному поэту, автору популярнейшей «Людмилы» (1808) и других баллад — «Кассандра» (1809), «Громобой» (1810), «Светлана» (1808—1811) — довелось на поле брани доказать любовь к отечеству. 12 августа 1812 г. он добровольцем вступил в действующую армию, став ратником московского дворянского ополчения. И эта его акция тоже опровергает представление о «недейственности» характера поэта. Сам он так мотивировал свое участие в войне: «Записался под знамена не для

чина, не для креста и не по выбору собственному, а потому что в это время всякому должно было быть военным, даже и не имея охоты». Он был при штабе М. И. Кутузова в день Бородинского сражения, слушая «свист... ядер и канонаду дьявольскую»; потом отступал за Москву по Калужской дороге. Собственную роль в армии штабс-капитан Жуковский оценил более чем скромно:

В рядах отечественной рати  
Певец, по слуху знавший бой,  
Стоял я с лирой боевой  
И мщенье пел для ратных братьей.

После сражения под Тарутином, повернувшего ход войны, Жуковский написал большое стихотворение «Певец во стане русских воинов», принесшее ему подлинную славу и лавры первого поэта России. Он отдал дань героям 1812 г. — не царю-«победителю», а подлинным победителям наполеоновской армии. Воздавая, например, хвалу казакам атамана Платова, поэт писал:

Хвала наш Вихрь-Атаман;  
Вождь невредимых, Платов!  
Твой очарованный аркан  
Гроза для супостатов.  
Орлом шумишь по облакам,  
По полю волком рыщешь,  
Летаешь страхом в тыл врагам,  
Бедой им в уши свищешь;  
Они лишь к лесу — ожил лес,  
Деревья сыплют стрелы;  
Они лишь к мосту — мост исчез;  
Лишь к селам — пышут селы.

Успех «Певца...» был огромен, и вскоре, когда стало известно еще одно его патриотическое стихотворение, «Императору Александру» (1814), Жуковский был приближен ко двору: его назначили чтецом императрицы, потом пригласили преподавателем русского языка к невесте Николая I, а впоследствии воспитателем к наследнику престола.

Свое пребывание при дворе Жуковский использовал для бесконечных ходатайств за писателей и всех друзей, попадавших в беду в царствование Николая I. Не говоря уже о Пушкине, он хлопотал за де-

кабристов, а также за И. В. Киреевского, Е. А. Баратынского, А. И. Герцена, М. Ю. Лермонтова и многих, многих других. После восстания декабристов он говорил: «Из всех нас я остался на сцене... Буду сторожем, буду высматривать благоприятные минуты и всем, чем представится, воспользуюсь. Вот единственная в глазах моих выгода моего теперешнего положения». Как справедливо отмечает советский биограф Жуковского М. Бессараб, его деятельность в Зимнем дворце «не педагогическая, а общественная — по оказанию помощи всем, кто только был «худ с правительством» Николая I, не имеет себе равной»...

В 1815 г. Жуковский, по дороге в Павловск, не раз заезжал в Царское Село, где познакомился с 16-летним лицеистом, автором нескольких напечатанных стихотворений, сыном и племянником его близких московских знакомых Александром Пушкиным.

\* \* \*

Огромная тема «Пушкин и Жуковский» не уместится в границы короткого очерка. Остановимся лишь на некоторых, узловых моментах их общения. Однако прежде отметим, что все сказанное выше о личности Жуковского призвано подтвердить главный вывод: долгая дружба двух поэтов основана была отнюдь не только на литературной преемственности и, так сказать, переходе поэтического первенства от Жуковского к Пушкину, но и на общности многих воззрений. В литературоведении долго подчеркивались различия (иногда даже противоположность) в их мировоззрении, в подходе к жизни и литературе. Между тем при всех различиях именно общность взглядов, общность служения отечеству и народу, общность высоты литературных критериев, общность совести, наконец, определяла эту дружбу.

19 сентября 1815 г. Жуковский писал П. А. Вяземскому: «Я сделал еще приятное знакомство с нашим молодым чудотворцем Пушкиным... Он мне обрадовался и крепко прижал руку мою к сердцу... Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастет». Ни тени зависти, только восхищение талантом, кото-



рый, как сразу же прозорливо определил он, превосходил все, когда-либо появившееся в российской словесности,— в этом весь Жуковский! Он читал Пушкину свои стихи и, если верить мемуаристам, непременно поправлял строки, не сразу запомнившиеся Пушкину, обладавшему феноменальной памятью. 27 ноября 1815 г. он подарил Пушкину 1-й том своих стихотворений. После выхода Пушкина из Лицея Жуковский ввел его в литературное общество «Арзамас»; на «субботах» — еженедельных литературных вечерах у Жуковского — Пушкин читал новые песни «Руслана и Людмилы», а когда кончил поэму (26 сентября 1820 г.), получил от Жуковского его портрет с надписью: «Победителю ученику от побежденного учителя». В черновой редакции 3-й главы «Онегина» Пушкин писал о первых годах своего общения с Жуковским:

И ты, глубоко вдохновенный,  
Всего прекрасного певец,  
Ты, идол девственных сердец,  
Не ты ль, пристрастьем увлеченный,  
Не ты ль мне руку подавал  
И к славе чистой призывал.

Когда над головою Пушкина разразилась первая буря — ему грозили Соловки или Сибирь, — отец поэта Сергей Львович поспешил за помощью к Жуковскому. Общие усилия друзей — Карамзина, Жуковского, Чаадаева — помогли смягчить участь юного поэта. После отъезда Пушкина на юг он не виделся с Жуковским семь лет (в 1826 г., когда Пушкина освободили, серьезно больной Жуковский был за границей, и они встретились только в конце октября 1827 г. в Петербурге). Читатель увидит, насколько интенсивной и важной для Пушкина была их переписка в годы ссылки (часть писем, посланных Пушкиным из Кишинева и Одессы, до нас не дошла). В 1824 г. Пушкин вновь обращается за помощью к Жуковскому: на этот раз ему грозила серьезными неприятностями бурная ссора с отцом. Опальный поэт, оказавшийся к тому же «неблагодарным и непочтительным» сыном, был бы окончательно скомпрометирован в глазах царя и еще долго не получил бы разрешения воротиться в столицы. Жуковский помог уладить дело.

Наконец, в те же годы, узнав о нездоровье Пушкина (на самом деле это был предлог, с помощью которого Пушкин рассчитывал вырваться из Михайловского и, возможно, даже перебраться за границу), Жуковский хлопочет о враче, о лечении, предостерегает от опрометчивых поступков, умоляет проявить терпение. «Ты имеешь не дарование, а гений,— пишет он Пушкину.— Ты богач, у тебя есть неотъемлемое средство *быть выше* незаслуженного несчастья... Обстоятельства жизни, счастливые или несчастливые,— шелуха. Ты скажешь, что я проповедую с спокойного берега утопающему. Нет! я стою на пустом берегу, вижу в волнах силача и знаю, что он не утонет, если употребит свою силу, и только показываю ему лучший берег, к которому он непременно доплывет, если захочет сам. Плыви, силач!» Воспользовавшись сменой правления, он пытался вызволить Пушкина из ссылки. Узнав об этом, Пушкин писал Плетневу: «Не смею надеяться, но мне было бы сладко получить свободу от Жуковского, а не от кого другого». В 1829—1830 гг. Жуковский участвовал в борьбе за издание «Бориса Годунова» и преуспел в этом.

Силач Пушкин никогда не забывал, кому он обязан немалой долей своей поэтической силы. В 20-х годах Жуковский почти не писал стихов, и многие друзья Пушкина числили его, так сказать, по ведомству литературной истории. Пушкин мог сколько угодно шутить по этому поводу, особенно с Вяземским, но истинное значение Жуковского он представлял себе в полной мере. На упреки по адресу Жуковского в мистицизме, в пренебрежении к проблемам века, содержащиеся в письме Рылеева (эту позицию разделял и Кюхельбекер), Пушкин возражал: «Не совсем соглашаюсь с строгим приговором о Жуковском. Зачем кусать нам груди кормилицы нашей? Потому что зубки прорезались? Что ни говори, Жуковский имел решительное влияние на дух нашей словесности».

Лето 1831 г., первое лето женатого Пушкина, оказалось весьма знаменательным для нашей литературы. В Царском Селе жили три писателя: Пушкин, Жуковский, Гоголь. Почти каждый вечер собирались они вместе, беседуя, читая написанное. К Жуковско-

му в том году вернулось вдохновение. Еще в марте он создал одну за другой несколько изумительных баллад-переводов: «Кубок», «Перчатка», «Суд божий над епископом» и другие. Пушкин с нетерпением ждал выхода их отдельной книгой, радуясь творческому воскресению «балладника Жуковского». Они вступили даже в поэтическое соревнование, сочинив сказки на основе записей, сделанных Пушкиным со слов Арины Родионовны. Жуковский написал «Сказку о царе Берендее», Пушкин — «Сказку о царе Салтане».

18 июня 1832 г. Жуковский вновь отправился из Петербурга в Германию, Швейцарию, Италию, Францию и возвратился только 10 сентября 1833 г. 24 ноября Пушкин записал в «Дневнике»: «Он здоров и помолодел». К 1834 г. относится новый кризис в биографии Пушкина, в ход которого вмешался Жуковский. Измученный непосильной борьбой за творческую и материальную независимость, камер-юнкер Пушкин подал в отставку, надеясь обрести покой и свободу в деревне. Николай I лицемерно ответил, что никого при себе не удерживает, но и не допустит в государственные архивы человека, порвавшего с царской службой. Иначе говоря, отставка означала для Пушкина прекращение работы над «Историей Петра», которой он был тогда занят. Жуковский убедил Пушкина взять прошение об отставке обратно. Неужели позабыл он в тот момент о «мелких убийственных рассеяниях» Петербурга? Вряд ли. Просто-напросто Жуковский знал то, о чем не догадывался Пушкин: царь все равно не дал бы ему отставки или любой ценой заставил бы вскоре возвратиться на службу. Неприятности, которые грозили Пушкину, были пострашнее отлучения от архивов. Николай I не простил бы удара по самолюбию, который готовился нанести ему независимый духом поэт. Определенную роль играло и нежелание государя упускать из вида одну из первых красавиц Петербурга — Наталью Николаевну Пушкину. Жуковский учитывал все это и заставил Пушкина остаться. Через три года он горько пожалел о своей настойчивости: как бы худо ни было, хуже ведь быть не могло! В письме-обвинении Бенкендорфу после смерти Пушкина Жуковский вспомнил 1834 год:

«Пушкин хотел поехать в деревню на житье, чтобы заняться на покое литературой, ему было в том отказано под тем видом, что он служил, а действительно потому, что не верили». Увы, сила предвидения даже самых мудрых и доброжелательных друзей Пушкина имела свои границы.

\* \* \*

Роль Жуковского в борьбе за жизнь Пушкина в конце 1836 — начале 1837 гг., а затем за сохранение его наследия достаточно раскрывается в прилагаемых документах. В ноябре 1836 г., стремясь предотвратить поединок с Дантесом, Жуковский писал Пушкину: «ради бога одумайся. Дай мне счастье избавить тебя от безумного злодейства, и жену твою от совершенного посрамления». Тогда Жуковскому в последний раз удалось спасти Пушкина. Через два с небольшим месяца безумное злодейство совершилось, Жуковский не знал о готовившемся поединке на Черной речке. Он не поспел...

После смерти младшего друга Жуковский принял-ся за дела, которые в очередной раз доказывают его предусмотрительность и трезвость ума. Со слов близких Пушкина он записал каждый его шаг в день дуэли. Теперь, когда миллионы читателей ловят каждую подробность, касающуюся жизни и гибели величайшего национального поэта России, мы должны помнить, сколь многим обязаны в этом отношении Жуковскому. Он побудил многих друзей, свидетелей дуэльной истории, кончины и погребения Пушкина, записать в той или иной форме свои воспоминания. Сам он написал пространное письмо отцу поэта Сергею Львовичу, заведомо рассчитанное на ознакомление с последними днями Пушкина достаточно широкого круга москвичей. Говорят, что в письме к Сергею Львовичу правда во многом искажена: роль царя в гибели Пушкина трактуется неверно и т. д. Отчасти это действительно так, но ведь Жуковский преследовал всеми своими словами и поступками (в том числе и этим письмом) вполне определенные цели: во-первых, он хотел укрепить царя в намерении обеспечить будущее вдовы

и детей Пушкина; во-вторых, он рассчитывал отвести удар от пушкинского окружения, которое в придворных кругах иначе как «литературной шайкой» не называли; в-третьих, он хотел во что бы то ни стало спасти по возможности каждую строку, каждый листок из наследия Пушкина. В такой невероятно сложной обстановке писалось письмо Сергею Львовичу. И все же в большей части этого документа дипломатические цели отступают перед великим горем.

Вчитайтесь в строки Жуковского: «Еще по привычке продолжаешь искать его, еще так естественно ожидать встречи... еще посреди наших разговоров как будто отзывается его голос, как будто раздается его живой веселый смех и там, где он бывал ежедневно, ничто не переменилось, нет и признаков бедственной утраты, все в обыкновенном порядке, все на своем месте, а он пропал и навсегда — непостижимо! В одну минуту погибла сильная, крепкая жизнь, полная гения, светлая надеждами. Не говорю о тебе, бедный дряхлый отец; не говорю об нас, горюющих друзьях его. Россия лишилась своего любимого национального поэта».

Накануне письма отцу Пушкина Жуковский подготовил и письмо к Бенкендорфу, также рассчитанное на то, чтобы убедить царя и двор в отсутствии «либеральной партии», но, по существу, ставшее обвинительным документом против душителей Пушкина. «Острота ума не есть государственное преступление,— писал Жуковский.— Вы называете его и теперь демагогическим писателем. По каким его произведениям даете вы ему такое имя? и какие его произведения знаете вы, кроме тех, на кои указывала вам полиция и некоторые из его литературных врагов, клеветавшие на него тайно... А истинно то, что Пушкин никогда не был демагогическим писателем... Он просто национальный поэт, выразивший в лучших стихах своих наилучшим способом все, что дорого русскому сердцу...»

Так писал старый поэт (в день смерти Пушкина Жуковскому исполнилось 54 года), никогда не боявшийся за себя самого, но готовый многим поступиться, чтобы спасти друга, не дать погибнуть истинному дарованию.

Один из современников точно подметил характерную черту Жуковского: «верный друг всем приятелям, каких у него очень много, он, ходатайствуя о них, может выйти из своего хладнокровия,— для себя он бессилён». Страшный удар, который не смог предотвратить Жуковский, заставил его самого думать об уходе на покой. Он еще съездил через несколько месяцев после смерти Пушкина в Сибирь, сопровождая наследника престола, и потом написал царю: «Государь, даруйте всепрощение несчастным осужденным... по заговору 1825 года». Некоторые послабления декабристам были после этого сделаны.

В 1839 г. Жуковский посетил родные места — Белёвский уезд. В 1841 г. он вышел в отставку — с почетной пенсией и истрадавшей душой — и вскоре уехал за границу. В 1842 г. Василий Андреевич женился на 19-летней девушке — дочери своего давнего приятеля художника Рейтерна. У них было двое детей: дочь Александра и сын Павел. Жена Жуковского после родов тяжело заболела, и это омрачило его старость. Последние годы Жуковский провел в Баден-Бадене. Он сочинял детские стихи для дочери и сына, переводил Гомера. В 1851 г. стихотворением «Царскосельский лебедь» он словно бы попрощался со своими читателями, со своей родиной:

Лебедь белогрудый, лебедь белокрылый,  
Как же нелюдимо ты, отшельник хилый,  
Здесь сидишь на лоне вод уединенных!  
Спутников давнишних, прежней современных  
Жизни, переживши, сетуя глубоко,  
Их ты поминаешь думой одинокой!

Ему в самом деле было и кого и что вспомнить. Скончался Жуковский в Баден-Бадене. Прах его был перевезен на родину и похоронен на кладбище Александро-Невской лавры рядом с могилами Н. М. Карамзина и И. А. Крылова.

В 1818 г. Пушкин в стихотворении «К портрету Жуковского» предсказывал:

Его стихов пленительная сладость  
Пройдет веков завистливую даль,  
И, внемля им, вздохнет о славе младость,  
Утешится безмолвная печаль  
И резвая задумается радость.

В XX столетии правоту Пушкина подтвердил Александр Блок: «Никогда младость не перестанет вздыхать о славе и не предастся серой, уравнительной пошлости. Жуковский подарил нас мечтой, действительно прошедшей сквозь страду жизни. Оттого он наш — родной, близкий».

### *Основная литература*

В. А. Жуковский. Сочинения в трех томах. Сост., вступит. статья и коммент. И. М. Семенко. М., 1980.

В. А. Жуковский. Стихотворения. Вступит. статья Н. В. Измайлова. М.—Л., 1936.

М. Бессараб. Жуковский. М., 1975.

В. Власов, И. Назаренко. Минувших дней очарование. (Жуковский в приокском крае). Тула, 1979.

Р. Иезуитова. Жуковский в Петербурге. Л., 1976.

1

ЖУКОВСКОМУ

Когда, к мечтательному миру  
Стремясь возвышенной душой,  
Ты держишь на коленях лиру  
Нетерпеливою рукой;  
Когда сменяются виденья  
Перед тобой в волшебной мгле,  
И быстрый холод вдохновенья  
Власы подымлет на челе,—  
Ты прав, творишь ты *для немногих*,  
Не для завистливых судей,  
Не для сбирателей убогих  
Чужих суждений и вестей,  
Но для друзей таланта строгих,  
Священной истины друзей.  
Не всякого полюбит счастье,  
Не все родились для венцов.  
Блажен, кто знает сладострастье  
Высоких мыслей и стихов!  
Кто наслаждение прекрасным  
В прекрасный получил удел  
И твой восторг уразумел  
Восторгом пламенным и ясным.

1818

*А. С. Пушкин.*

2

К ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКОГО

Его стихов пленительная сладость  
Пройдет веков завистливую даль,  
И, внемля им, вздохнет о славе младость,



Утешится безмолвная печаль  
И резвая задумается радость.

1818

*А. С. Пушкин.*

3

Он лежал без движенья, как будто по тяжелой работе  
Руки свои опустив. Голову тихо склоня,  
Долго стоял я над ним, один, смотря со вниманьем  
Мертвому прямо в глаза; были закрыты глаза,  
Было лицо его мне так знакомо, и было заметно,  
Что выражалось на нем, — в жизни такого  
Мы не видали на этом лице. Не горел вдохновенья  
Пламень на нем; не сиял острый ум;  
Нет! Но какою-то мыслью, глубокой, высокою мыслью  
Было объято оно: мнилось мне, что ему  
В этот миг предстояло как будто какое виденье,  
Что-то сбывалось над ним, и спросить мне хотелось:  
что видишь?

1837

*В. А. Жуковский.*

4

Я сделал еще приятное знакомство! С нашим молодым чудотворцем Пушкиным. Я был у него на минуту в Сарском селе. Милое, живое творенье! Он мне обрадовался и крепко прижал руку мою к сердцу. Это надежда нашей словесности. Боюсь только, чтобы он, вообразив себя зрелым, не помешал себе созреть! Нам всем надобно соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастет! Ему надобно непременно учиться и учиться не так, как мы учились! Боюсь я за него этого убийственного лица — там учат дурно! Учение, худо предлагаемое,

теряет прелесть для молодой, пылкой души, которой приятнее творить, нежели трудиться и собирать материал для солидного здания! Он истощит себя. Я бы желал переселить его года на три, на четыре в Геттинген или в какой-нибудь другой немецкий университет! Даже Дерпт лучше Сарского села. Он написал ко мне послание, которое отдал мне из рук в руки — прекрасное! Это лучшее его произведение! Но и во всех других виден талант необыкновенный! Его душе нужна пища! Он теперь бродит около чужих идей и картин. Но когда запасется собственными — увидишь, что из него выйдет! Послание доставлю тебе после...

*В. А. Жуковский — П. А. Вяземскому.  
19 сентября 1815.*

5

Чудесный талант! Какие стихи! Он мучит меня своим даром, как привидение!

*В. А. Жуковский — П. А. Вяземскому.  
17 апреля 1818.*

6

Ты уверяешь меня, Сверчок моего сердца, что ты ко мне писал, писал и писал — но я не получал, не получал и не получал твоих писем. Итак бог судья тому, кто наслаждался ими. На последнее и единственное твое письмо буду отвечать двумя словами, ибо тремя некогда. Имя Сафианос прекрасное и для меня столь же священное, как и для Греции. Но не знаю, удастся ли мне почтить его так, как я бы желал. Поговорю с теми, кто это дело знает и кто что-нибудь по этому делу может. Если не получишь какого от меня отзыва — то знай, что не удалось. Если же удастся, то лень исчезнет, и напишу подробно. Обнимаю тебя за твоего Демона. К чорту чорта! Вот пока твой девиз.

Ты создан попасть в боги — вперед. Крылья у души есть! вышины она не побоятся, там настоящий ее элемент! дай свободу этим крыльям, и небо твое. Вот моя вера. Когда подумаю, какое можешь состряпать для себя будущее, то сердце разогреется надеждою за тебя. Прости, чортик, будь ангелом. Завтра же твой ангел. Твои звали меня к себе, но я быть у них не могу: пошлю только им полномочие выпить за меня заздравный кубок и за меня провозгласить: Быть сверчку орлом и долететь ему до солнца.

*В. А. Жуковский — Пушкину.  
1 июня 1824.*

7

Не знаю, получил ли ты очень нужное письмо; на всякий случай повторю вкратце о деле, которое меня задирает заживо. 8-летняя Родоес Сафианос, дочь грека, падшего в Скулянской битве героя, воспитывается в Кишиневе у Катерины Христофоровны Крупенской, жены бывшего виц-губернатора Бессарабии. Нельзя ли сиротку приютить? она племянница русского полковника, следственно может отвечать за дворянку. Пошевели сердце Марии, поэт! и оправдаем провиденье. О себе говорить не намерен, я хладнокровно не могу всего этого раздумать; может быть, тебя рассержу, вывалив что у меня на сердце. Брат привезет тебе мои стихи, жду твоих, как утешения. Обнимаю тебя горячо, хоть и грустно. Введи меня в семейство Карамзина, скажи им, что я для них тот же. Обними из них кого можно; прочим — всю мою душу.

*Пушкин — В. А. Жуковскому.  
Конец октября 1824.*

8

Милый, прибегаю к тебе. Посуди о моем положении. Приехав сюда, был я всеми встречен как нельзя лучше, но скоро всё переменилось: отец, испуганный

моей ссылкой, беспрестанно твердил, что и его ожидает та же участь; Пешуров, назначенный за мною смотреть, имел бесстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку, короче — быть моим шпионом; вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мне с ним объясниться; я решился молчать. Отец начал упрекать брата в том, что я преподаю ему безбожие. Я всё молчал. Получают бумагу, до меня касающуюся. Наконец, желая вывести себя из тягостного положения, прихожу к отцу, прошу его позволения объясниться откровенно... Отец осердился. Я поклонился, сел верхом и уехал. Отец призывает брата и повелевает ему не знаться avec *ce monstre, ce fils dénaturé...*\* (Жуковский, думай о моем положении и суди). Голова моя закипела. Иду к отцу, нахожу его с матерью и высказываю всё, что имел на сердце целых три месяца. Кончаю тем, что говорю ему в последний раз. Отец мой, воспользуясь отсутствием свидетелей, выбегает и всему дому объявляет, что *я его бил, хотел бить, замахнулся, мог прибить...* Перед тобою не оправдываюсь. Но чего же он хочет для меня с уголовным своим обвинением? рудников сибирских и лишения чести? спаси меня хоть крепостию, хоть Соловецким монастырем. Не говорю тебе о том, что терпят за меня брат и сестра — еще раз спаси меня.

31 окт.

А. П.

Поспеши: обвинение отца известно всему дому. Никто не верит, но все его повторяют. Соседи знают. Я с ними не хочу объясняться — дойдет до правительства, посуди, что будет. Доказывать по суду клевету отца для меня ужасно, а на меня и суда нет. Я *hors la loi*\*\*.

---

\* С этим чудовищем, с этим сыном, поправшим законы природы (*фр.*).

\*\* Вне закона (*фр.*).

Р. С. Надобно тебе знать, что я уже писал бумагу губернатору, в которой прошу его о крепости, умалчивая о причинах. П. А. Осипова, у которой пишу тебе эти строки, уговорила меня сделать тебе и эту доверенность. Признаюсь, мне немного на себя досадно, да, душа моя,— голова кругом идет.

Пушкин — В. А. Жуковскому.  
31 октября 1824.

9

На письмо твое, в котором описываешь то, что случилось между тобою и отцом, не хочу отвечать, ибо не знаю, кого из вас обвинять и кого оправдывать. И твое письмо и рассказы Льва уверяют меня, что ты столько же не прав, сколько и отец твой. На все, что с тобою случилось, и что ты сам на себя навлек, у меня один ответ: ПОЭЗИЯ. Ты имеешь не дарование, а гений. Ты богат, у тебя есть неотъемлемое средство *быть выше* незаслуженного несчастья, и *обратить в добро* заслуженное; ты более нежели кто-нибудь можешь и обязан иметь нравственное достоинство. Ты рожден быть великим поэтом; будь же этого достоин. В этой фразе вся твоя мораль, все твое возможное счастье и все вознаграждения. Обстоятельства жизни, счастливые или несчастливые,— шелуха. Ты скажешь, что я проповедую с спокойного берега утопающему. Нет! я стою на пустом берегу, вижу в волнах силача и знаю, что он не утонет, если употребит свою силу, и только показываю ему лучший берег, к которому он непременно доплывет, если захочет сам. Плыви, силач. А я обнимаю тебя. Уведомь непременно, что сделалось с твоим письмом. Читал Онегина и Разговор, служащий ему предисловием: несравненно! По данному мне полномочию предлагаю тебе *первое* место на русском Парнасе. И какое место, если с *высоко-стью гения* соединишь и *высокость цели*! Милый брат

по Аполлону! это тебе возможно! А с этим будешь недоступен и для всего, что будет шуметь вокруг тебя в жизни.

В. А. Жуковский — Пушкину.  
Середина ноября 1824.

10

Мне жаль, милый, почтенный друг, что наделал эту всю тревогу; но что мне было делать? я сослан за строчку глупого письма, что было бы, если правительство узнало бы обвинение отца? это пахнет палачом и каторгою. Отец говорил после: *Экой дурак, в чем оправдывается! да он бы еще осмелился меня бить! да я бы связать его велел!* — зачем же обвинять было сына в злодействе несбыточном? *да как он осмелился, говоря с отцом, непристойно размахивать руками?* Это дело десятое. *Да он убил отца словами!* — каламбур и только. Воля твоя, тут и поэзия не поможет.

Что ж, милый? будет ли что-нибудь для моей маленькой гречанки? она в жалком состоянии, а будущее для нее и того жалчее. Дочь героя, Жуковский! Они родня поэтам по поэзии. Но полумилорд Воронцов даже не полугерой. Мне жаль, что он бессмертен твоими стихами, а делать нечего. Получил я вчера письмо от Вяземского, уморительно смешное. Как мог он на Руси сохранить свою веселость?

Ты увидишь Карамзиных — тебя да их люблю страстно. Скажи им от меня что хочешь.

Пушкин — В. А. Жуковскому.  
29 ноября 1824.

11

Согласен с Бестужевым во мнении о критической статье Плетнева, но не совсем соглашаюсь с строгим приговором о Жуковском. Зачем кусать нам груди кормилицы нашей? потому что зубки прорезались?

Что ни говори, Жуковский имел решительное влияние на дух нашей словесности; к тому же переводный слог его останется всегда образцовым. Ох! уж эта мне республика словесности. За что казнит, за что венчает? Что касается до Батюшкова, уважим в нем несчастья и не созревшие надежды.

*Пушкин — К. Ф. Рылееву.  
25 января 1825.*

12

Мой милый друг, прошу тебя отвечать как можно скорее на это письмо, но отвечай человечески, а не сумасбродно. Я услышал от твоего брата и от твоей матери, что ты болен: правда ли это? Правда ли, что у тебя в ноге есть что-то похожее на аневризм, и что ты уже около десяти лет угощаешь у себя этого постоянного, не говоря никому ни слова. Причины такой таинственной любви к аневризму я не понимаю и никак не могу ее разделять с тобою. Теперь это уже не тайна, и ты должен позволить друзьям твоим вступить в домашние дела твоего здоровья. Глупо и низко не уважать жизнь. Отвечай искренно и не безумно. У вас в Опочке некому хлопотать о твоём аневризме. Сюда перетащить тебя теперь невозможно. Но можно, надеюсь, сделать, чтобы ты переехал на житье и лечение в Ригу. Согласись, милый друг, обратить на здоровье свое то внимание, которого требуют от тебя твои друзья и твоя будущая прекрасная слава, которую ты должен, должен, должен взять (теперешняя никуда не годится—не годится не потому единственно, что другие признают ее такою, нет, более потому, что она не согласна с твоим достоинством); ты должен быть поэтом России, должен заслужить благодарность—теперь ты получил только первенство по таланту; присоедини к нему и то, что лучше еще таланта—достоинство! Боже мой, как бы я желал пожить вместе с

тобою, чтобы сказать искренно, что о тебе думаю и чего от тебя требую. Я на это имею более многих права, и мне ты должен верить. Дорога, которая перед тобою открыта, ведет прямо к великому; ты богат силами, знаешь свои силы, и все еще будущее твое. Неужели из этого будут одни жалкие развалины? — Но прежде всего надобно жить! Напиши ко мне немедленно о своем аневризме. И я тотчас буду писать к Паулуччи. С ним уже я имел разговор о тебе и можно положиться на его доброжелательство. Обнимаю тебя душевно.

Я ничего не знаю совершеннее по слогу твоих «Цыган»! Но, милый друг, какая цель! Скажи, чего ты хочешь от своего гения? Какую память хочешь оставить о себе отечеству, которому так нужно высокое... Как жаль, что мы розно!

Скорее, скорее ответ.

*В. А. Жуковский — Пушкину.  
Апрель 1825.*

13

Письмо Жуковского наконец я разобрал. Что за прелесть чертовская его небесная душа! Он святой, хотя родился романтиком, а не греком, и человеком, да каким еще!

*Пушкин — Л. С. Пушкину.  
Май 1825.*

14

Ты спрашиваешь, доволен ли я тем, что сказал ты обо мне в Телеграфе. Что за вопрос? Европейские статьи так редки в наших журналах! а твоим пером водят и вкус и пристрастие дружбы. Но ты слишком бережешь меня в отношении к Жуковскому. Я не следствие, а точно ученик его, и только тем и беру,



что не смею сунуться на дорогу его, а бреду проселочной. Никто не имел и не будет иметь слога, равного в могуществе и разнообразии слогу его. В бореньях с трудностью силач необычайный. Переводы избаловали его, изленили: он не хочет сам созидать, он, как Voss \*, гений перевода. К тому же смешно говорить об нем, как об отцветшем, тогда как слог его еще мужает.

*Пушкин — П. А. Вяземскому.  
25 мая 1825.*

15

Прошу тебя, мой милый друг, отвечать немедленно на это письмо. Решился ли ты дать сделать себе операцию и согласишься ли поехать для этого во Псков? Оператор готов. Это Мойер, дерптский профессор, мой родня и друг. Прошу в нем видеть Жуковского. Он тотчас к тебе отправится, как скоро узнает, что ты его ожидаешь. Итак, уведоь меня с точнейшею точностию, когда будешь во Пскове. Сделай так, чтобы на той квартире, которую наймешь для себя, была горница и для моего Мойера. А я обо всем, что к тебе пишу, нынче же извещу его. Прошу не упрямиться, не играть безрассудно жизнью и не сердить дружбы, которой твоя жизнь дорога. До сих пор ты тратил ее с недостойною тебя и с оскорбительною для нас расточительностию, тратил и физически и нравственно. Пора уняться. Она была очень забавною эпиграммою, но должна быть возвышенною поэмою. Не хочу по пустому ораторствовать: лучший для тебя оратор есть твоя судьба; ты сам ее создал и сам же можешь и должен ее переменить. Она должна быть достойна твоего гения и тех, которые, как я, знают ему цену, его любят и потому тебя не оправдывают. Но это еще впереди. Теперь нам надобна твоя

---

\* Фосс (нем.).

жизнь. Нельзя ли взять на себя труд об ней позаботиться, хотя из некоторого внимания к друзьям своим...

*В. А. Жуковский — Пушкину.  
9 августа 1825.*

16

Твое дело теперь одно: не думать несколько времени ни о чем, кроме поэзии, и решиться пожить исключительно только для одной высокой поэзии. Создай что-нибудь бессмертное, и самые беды твои (которые сам же состряпал) разлетятся в прах. Дай способ друзьям твоим указать на что-нибудь твое превосходное, великое; тогда им будет легко поправить судьбу твою; тогда они будут иметь на это неотъемлемое право. Ты сам себя не понимаешь; ты только бунтуешь, как ребенок, против несчастья, которое само не иное что, как плод твоего ребячества: а у тебя такие есть способы сладить с своею судьбою, каких нет у простых сынов сего света, способы благородные, высокие. Перестань быть эпиграммой, будь поэмой...

*В. А. Жуковский — Пушкину.  
Сентябрь 1825.*

17

<...> Милый мой, посидим у моря, подождем погоды; я не умру; это невозможно; бог не захочет, чтоб «Годунов» со мною уничтожился. Дай срок: жадно принимаю твое пророчество; пусть трагедия искупит меня... но до трагедий ли нашему черствому веку? По крайней мере оставь мне надежду. — Чувствую, что операция отнимет ее у меня. Она закабалит меня на 10 лет ссылочной жизни. Мне уже не будет ни надежды, ни предлога — страшно подумать, отче! не брани

меня и не сердись, когда я бешусь; подумай о моем положении; вовсе не завидное, что ни толкуют. Хоть кого с ума сведет.

*Пушкин — В. А. Жуковскому.  
6 октября 1825.*

18

Я не писал к тебе, во-первых, потому, что мне было не до себя, во-вторых, за неимением верного случая. Вот в чем дело: мудрено мне требовать твоего заступления пред государем; не хочу охмелить тебя в этом пиру. Вероятно, правительство удостоверилось, что я заговору не принадлежу и с возмутителями 14 декабря связей политических не имел, но оно в журналах объявило опалу и тем, которые, имея какие-нибудь сведения о заговоре, не объявили о том полиции. Но кто ж, кроме полиции и правительства, не знал о нем? о заговоре кричали по всем переулкам, и это одна из причин моей безвинности. Всё-таки я от жандарма еще не ушел, легко, может, уличат меня в политических разговорах с каким-нибудь из обвиненных. А между ими друзей моих довольно (NB: оба ли Раевские взяты, и в самом ли деле они в крепости? напиши, сделай милость). Теперь положим, что правительство и захочет прекратить мою опалу, с ним я готов условливаться (буде условия необходимы), но вам решительно говорю не отвечать и не ручаться за меня. Мое будущее поведение зависит от обстоятельств, от обхождения со мною правительства etc.

Итак, остается тебе положиться на мое благоразумие. Ты можешь требовать от меня свидетельств об этом новом качестве. Вот они.

В Кишиневе я был дружен с майором Раевским, с генералом Пушиным и Орловым.

Я был масон в Кишиневской ложе, т. е. в той, за которую уничтожены в России все ложи.

Я наконец был в связи с большею частью нынешних заговорщиков.

Покойный император, сослав меня, мог только упрекнуть меня в безверии.

Письмо это неблагоприятно, конечно, но должно же доверять иногда и счастью. Прости, будь счастлив, это покамест первое мое желание.

Прежде, чем сожжешь это письмо, покажи его Карамзину и посоветуйся с ним. Кажется, можно сказать царю: Ваше величество, если Пушкин не замешан, то нельзя ли наконец позволить ему возвратиться?

Говорят, ты написал стихи на смерть Александра—предмет богатый!—Но в течение десяти лет его царствования лира твоя молчала. Это лучший упрек ему. Никто более тебя не имел права сказать: глас лиры—глас народа. Следственно, я не совсем был виноват, подсвистывая ему до самого гроба.

*Пушкин — В. А. Жуковскому.  
20-е числа января 1826.*

19

Жуковский особенно просит прислать «Бориса». Он бы желал его прочесть сам, и еще (когда позволишь) на лекции его. Другая его к тебе комиссия состоит в том, чтобы ты написал к нему письмо серьезное, в котором бы сказал, что, оставляя при себе образ мыслей твоих, на кои никто не имеет никакого права, не думаешь играть словами никогда, которые бы противоречили какому-нибудь всеми принятому порядку. После этого письма он скоро надеется с тобою свидеться в его квартире.

*П. А. Плетнев — Пушкину.  
27 февраля 1826.*

## 20

Не смею надеяться, но мне бы сладко было получить свободу от Жуковского, а не от другого — впрочем, держусь стоической пословицы: не радуйся нашед, не плачь потеряв.

Пушкин — П. А. Плетневу.  
7 (?) марта 1826.

## 21

Не сердись на меня, что я к тебе так долго не писал, что так долго не отвечал на два последние письма твои. Я болен и ленив писать. А дельного отвечать тебе нечего. Что могу тебе сказать на счет твоего желания покинуть деревню? В теперешних обстоятельствах нет никакой возможности ничего сделать в твою пользу. Всего благоразумнее для тебя остаться покойно в деревне, не напоминать о себе и писать, *но писать для славы*. Дай пройти несчастному этому времени. Я никак не умею изъяснить, для чего ты написал ко мне последнее письмо свое. Есть ли оно *только ко мне*, то оно странно. Есть ли ж для того, чтобы его *показать*, то безрассудно. Ты ни в чем не замешан — это правда. Но в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои. Это худой способ подружиться с правительством. Ты знаешь, как я люблю твою музу и как дорожу твоею *благоприобретенною* славой: ибо умею уважать Поэзию и знаю, что ты рожден быть великим поэтом и мог бы быть честью и драгоценностью России. Но я ненавижу все, что ты написал возмутительного для порядка и нравственности. Наши отроки (то есть все зреющее поколение), при плохом воспитании, которое не дает им никакой поддержки для жизни, познакомились с твоими буйными, одетыми прелестию поэзии мыслями; ты уже многим нанес вред неисцелимый. Это должно заставить тебя трепетать. Талант ничто. Главное: величие нравственное. — Извини эти строки из катехизиса. Я люблю и

тебя и твою музу и желаю, чтобы Россия вас любила. Кончу началом: не просись в Петербург. Еще не время. Пиши Годунова и подобное: они отворят дверь свободы.

*В. А. Жуковский — Пушкину.  
12 апреля 1826.*

22

Нет ничего выше как быть писателем в настоящем смысле. Особенно для России. У нас писатель с гением сделал бы более Петра Великого. Вот для чего я желал бы обратиться на минуту в вдохновительного гения для Пушкина, чтобы сказать ему: «Твой век принадлежит тебе! Ты можешь сделать более всех твоих предшественников! Пойми свою высоту и будь достоин своего назначения! Заслужи свой гений благородством и чистою нравственностью! Не смешивай буйства с свободою, необузданности с силою! Уважай святое и употреби свой гений, чтобы быть его распространителем. Сие уважение к святыне нигде так не нужно, как в России»...

*В. А. Жуковский — П. А. Вяземскому.  
26 декабря 1826.*

23

Я тебе ничего не сказывал о Пушкине. Он давно здесь. Написал много. Третья часть «Онегина» вышла... Также пришлю и вышедшие недавно сочинения Баратынского. У Пушкина готовы 4, 5 и 6 книги «Онегина». «Годунов» превосходное творение; много глубокости и знания человеческого сердца. Где он все это берет? Но боюсь, чтобы легкость писать не обратилась в небрежность. Он часто позволяет себе быть слишком прозаическим...

*В. А. Жуковский — А. И. Тургеневу.  
27 ноября 1827.*

24

Обними Жуковского за участие, в котором я никогда не сомневался. Не пишу ему, потому что не привык с ним переписываться. С нетерпением ожидаю новых его баллад. Итак, бывшее с ним сбывается опять. Слава богу!

*Пушкин — П. А. Плетневу.  
Апрель 1831.*

25

Возвращаю тебе твои прелестные пакости. Всем очень доволен. Напрасно сердисься на Чуму: она едва ли не лучше Каменного Гостя. На Моцарта и Скупого сделаю некоторые замечания. Кажется и то и другое еще можно усилить.— Пришли Онегина, Сказку октавами, мелочи и прозаические сказки все, читанные и нечитанные. Завтра все возвращу.

*В. А. Жуковский — Пушкину.  
Июль 1831.*

26

Жуковский всё еще пишет; завел 6 тетрадей и разом начал 6 стихотворений; так его и несет. Редкий день не прочтет мне чего нового; нынешний год он, верно, написал целый том. Это хорошо было бы для журнала.

*Пушкин — П. А. Вяземскому.  
3 сент. 1831.*

27

Я право не понимаю, что с тобою сделалось; ты точно поглупел; надобно тебе или пожить в желтом доме, или велеть себя хорошенько высечь, чтобы при-

вести кровь в движение. Бенкендорф прислал мне твои письма, и первое и последнее. В первом есть кое-что живое, но его нельзя употребить в дело, ибо в нем не пишешь ничего о том, хочешь ли оставаться в службе или нет; последнее, в коем просишь, чтобы все осталось по старому, так сухо, что оно может показаться государю новою неприличностью. Разве ты разучился писать, разве считаешь ниже себя выразить какое-нибудь чувство к государю? Зачем ты мудришь? Действуй просто. Государь огорчен твоим поступком; он считает его с твоей стороны неблагодарностью. Он тебя до сих пор любил и искренно хотел тебе добра. По всему видно, что ему больно тебя оттолкнуть от себя. Что же тут думать! Напиши то, что скажет сердце, а тут право есть о чем ему поразговориться. И не прося ничего, можешь объяснить необходимость отставки; но более всего должен столкнуть с себя упрек в неблагодарности и выразить что-нибудь такое, что непременно должно быть у тебя в сердце к государю. Одним словом я все еще стою на том, что ты должен написать прямо к государю и послать письмо свое через гр. Бенкендорфа. Это одно может поправить испорченное...

*В. А. Жуковский — Пушкину.  
5 июля 1834.*

Я, право, сам не понимаю, что со мною делается. Идти в отставку, когда того требуют обстоятельства, будущая судьба всего моего семейства, собственное мое спокойствие — какое тут преступление? какая неблагодарность? Но государь может видеть в этом что-то похожее на то, чего понять все-таки не могу. В таком случае я не подаю в отставку и прошу оставить меня в службе. Теперь, отчего письма мои сухи? Да зачем же быть им сопливыми? Во глубине сердца своего я чувствую себя правым перед государем; гнев



его меня огорчает, но чем хуже положение мое, тем язык мой становится связаннее и холоднее. Что мне делать? просить прощения? хорошо; да в чем?

*Пушкин — В. А. Жуковскому.  
6 июля 1834.*

29

Я не могу еще решиться почитать наше дело конченным. Еще я не дал никакого ответа старому Геккерну; я сказал ему в моей записке, что не застал тебя дома и что, не выдавшись с тобою, не могу ничего отвечать. Итак есть еще возможность все остановить. Реши, что я должен отвечать. Твой ответ неовозвратно все кончит. Но ради бога одумайся. Дай мне счастье избавить тебя от безумного злодейства, а жену твою от совершенного посрамления. Жду ответа. Я теперь у Вьельгорского, у которого обедаю.

*В. А. Жуковский — Пушкину.  
9 ноября 1836.*

30

Я обязан сделать тебе некоторые объяснения. Вчера я не имел для этого довольно спокойствия духа. Ты вчера, помнится мне, что-то упомянул о жандармах, как будто опасаясь, что хотят замешать в твое дело правительство. На счет этого будь совершенно спокоен. Никто из посторонних ни о чем не знает, и если дамы (то есть одна дама Загряжская) смолчат, то тайна останется ненарушенной. Должен однако сказать, что вчерашний твой приход ко Вьельгорскому открыл ему глаза; мне же с ним не для чего было играть комедию; он был один из тех, кои получили безименные письма; но на его дружбу к тебе и на скромность положиться можешь.

Пишу это однако не для того только чтобы тебя успокоить на счет сохранения тайны. Хочу, чтобы ты

не имел никакого ложного понятия о том участии, какое принимает в этом деле молодой Геккерн. Вот его история. Тебе уж известно, что было с первым твоим вызовом, как он не попался в руки сыну, а пошел через отца, и как сын узнал о нем только по истечении 24 часов, т. е. после вторичного свидания отца с тобою. В день моего приезда, в то время когда у тебя встретил Геккерн, сын был в карауле и возвратился домой на другой день в час. За какую-то ошибку он должен был дежурить три дня не в очередь. Вчера он в последний раз был в карауле и нынче в час пополудни будет свободен. Эти обстоятельства изъясняют, почему он лично не мог участвовать в том, что делал его бедный отец, силясь отбиться от несчастья, которого одно ожидание сводит его с ума. Сын, узнав положение дел, хотел непременно видиться с тобою. Но отец, испугавшись скандала, обратился ко мне. Не желая быть зрителем или актером в трагедии, я предложил свое посредство, то есть хотел предложить его, написав в ответ отцу то письмо, которого брульон тебе показывал, но которого не посылал и не пошлю. Вот все. Нынче поутру скажу старому Геккерну, что не могу взять на себя никакого посредства, ибо из разговоров с тобою вчера убедился, что посредство ни к чему не послужит, почему я и не намерен никого подвергать неприятности отказа. Старый Геккерн таким образом не узнает, что попытка моя *с письмом* его не имела успеха. Это письмо будет ему возвращено, и мое вчерашнее официальное свидание с тобою может считаться не бывшим.

Все это я написал для того, что счел святейшею обязанностью засвидетельствовать перед тобою, что молодой Геккерн во всем том, что делал его отец, был совершенно посторонний, что он так же готов драться с тобою, как и ты с ним, и что он так же боится, чтобы тайна не была как-нибудь нарушена. И отцу отдать ту же справедливость. Он в отчаянии, но вот что он мне сказал: *je suis condamné à la guillotine; je fais un recours au grâce, si je ne reussis*

pas, il faudra monter; et je monterai, car j'aime l'honneur de mon fils autant, que sa vie\*. Этим свидетельством роля, весьма жалко и неудачно сыгранная, оканчивается. Прости.

Ж.  
В. А. Жуковский — Пушкину.  
10 ноября 1836.

31

Ты поступаешь весьма неосторожно, невеликодушно и даже против меня несправедливо. Зачем ты рассказал обо всем Екатерине Андреевне и Софье Николаевне? Чего ты хочешь? Сделать невозможным то, что теперь должно кончиться для тебя самым наилучшим образом. Думав долго о том, что ты мне вчера говорил, я нахожу твое предположение совершенно невероятным. И имею причину быть уверенным, что во всем том, что случилось для отвращения драки, молодой Геккерн нимало не участвовал. Все есть дело отца и весьма натурально, что бы он на все решился, дабы отвратить свое несчастье. Я видел его в таком положении, которого нельзя выдумать и сыграть как роль. Я остаюсь в полном убеждении, что молодой Геккерн совершенно в стороне, и на это *вчера* еще имел доказательство. Получив от отца Геккерна доказательство материальное, что дело, о коем теперь идут толки, затеяно было еще гораздо прежде твоего вызова, я дал ему совет поступить так, как он и поступил, основываясь на том, что, если *тайна сохранится*, то никакого бесчестия не падет на его сына, что и ты сам не можешь предполагать, чтобы он хотел избежать дуэля, который им принят, именно потому, что не он хлопочет, а отец о его отвращении. В этом последнем я уверен, вчера еще более уверился и всем готов сказать, что молодой Геккерн с этой стороны совершенно

---

\* Я приговорен к гильотине; я взываю к милосердию, если это не удастся — придется взойти на эшафот; и я взойду, потому что мне так же дорога честь моего сына, как и его жизнь (*фр.*).

чист. Это я сказал и Карамзиным, запретив им крепко-накрепко говорить о том, что слышали от тебя, и уверив их, что вам непременно надобно будет драться, если тайна теперь или даже и после откроется. Итак, требую от тебя уже собственно для себя, чтобы эта тайна у вас умерла навсегда. Говорю *для себя* вот почему: полагая, что все обстоятельства, сообщенные мне старым Геккерном, справедливы (в чем я не имел причины и нужды сомневаться), я сказал, что почитаю его как отца, в праве и даже обязанным предупредить несчастье открытием дела *как оно есть*; что это открытие будет в то же время и репарациею того, что было сделано против твоей чести перед светом. Хотя я не вмешался в самое дело, но совет мною дан. Не могу же я согласиться принять участие в посрамлении человека, которого честь пропадет, если тайна будет открыта. А эта тайна хранится теперь между *нами*; нам ее должно и беречь. Прошу тебя в этом случае беречь и мою совесть. Если что-нибудь откроется, и я буду это знать, то уже мне по совести нельзя будет утверждать того, что неминуемо должно нанести бесчестие. Напротив, я должен буду подать совет противный. Избавь меня от такой горестной необходимости. Совесть есть человек; не могу же находить приличным другому такого поступка, который осрамил бы самого меня на его месте. Итак требую тайны теперь и после. Сохранением этой тайны ты так же обязан и самому себе, ибо, в этом деле, и с твоей стороны есть много такого, в чем должен ты сказать: виноват! Но более всего ты должен хранить ее для меня: я в это дело замешан невольно и не хочу, чтобы оно оставило мне какое-нибудь нареkanie; не хочу, чтобы кто-нибудь имел право сказать, что я нарушил доверенность, мне оказанную. Я увижусь с тобою перед обедом. Дождись меня.

Ж.

В. А. Жуковский — Пушкину.  
11—12 ноября 1836.

Вчера в вечеру после бала заехал я к Вяземскому.

Вот что à peu près \* ты сказал княгине третьего дня, уже имея в руках мое письмо: je connais l'homme des lettres anonymes et dans huit jours vous entendrez parler d'une vengeance unique en son genre; elle sera pleine, complète; elle jettera l'homme dans la boue: les hauts faits de Rayeffsky sont un jeu d'enfant devant ce que je me propose de faire \*\* и тому подобное.

Все это очень хорошо особливо после обещания, данного тобою Геккерну в присутствии твоей тетушки (которая мне о том сказывала), что все происшествие останется тайною. Но скажи мне, какую роль во всем этом я играю теперь и какую должен буду играть после перед добрыми людьми, как скоро все тобою самим обнаружится и как скоро узнают, что и моего тут меду капля есть? И каким именем и добрые люди, и Геккерн, и сам ты наградите меня, если, зная предварительно о том, что ты намерен сделать, приму от тебя письмо, назначенное Геккерну, и, сообщая его по принадлежности, засвидетельствую, что все между вами кончено, что тайна сохранится и что каждого честь останется неприкосновенна? Хорошо, что ты сам обо всем высказал и что все это мой добрый гений довел до меня заблаговременно. Само по себе разумеется, что я ни о чем случившемся не говорил княгине. Не говорю теперь ничего и тебе: делай, что хочешь. Но булавочку свою беру из игры вашей, которая теперь с твоей стороны жестоко мне не нравится. А если

---

\* Приблизительно (фр.).

\*\* Я знаю автора анонимных писем, и через неделю вы услышите, как станут говорить о мести, единственной в своем роде; она будет полная, совершенная; она бросит того человека в грязь; громкие подвиги Раевского — детская игра в сравнении с тем, что я намерен сделать (фр.).

Геккери теперь вздумает от меня потребовать совета, то не должен ли я по совести сказать ему: остерегитесь? Я это и сделаю...

*В. А. Жуковский — Пушкину.  
14—15 ноября 1836.*

33

Хотя ты и рассердил и даже обидел меня, но меня все к тебе тянет — не брюхом, которое имею уже весьма порядочное, но сердцем, которое живо разделяет то, что делается в твоём.— Я приду к тебе между  $\frac{1}{2}$  12 и часом; обещаюсь не говорить более о том, о чем говорил до сих пор и что теперь решено. Но ведь тебе, может быть, самому будет нужно что-нибудь сказать мне. Итак приду. Дождись меня пожалуйста. И выскажи мне все, что тебе надобно: от этого будет добро нам обоим.

*В. А. Жуковский — Пушкину.  
15—20 ноября 1836.*

34

Милостивый государь  
граф Александр Христофорович.

Генерал Дубельт сообщил мне желание вашего сиятельства, чтобы бумаги Пушкина рассматривались бы мною и им в вашем кабинете. Если на нем выражается воля государя императора, повинуюсь беспрекословно. Если это только одно собственное желание вашего сиятельства, то я также готов исполнить его; но позволю себе сделать одно замечание: я имею другие занятия и для меня было бы гораздо удобнее рассматривать бумаги Пушкина у себя, нежели в другом месте. Ваше сиятельство можете быть уверены, что я к этим бумагам однако не прикоснусь... Они будут са-

ним генералом Дубельтом со стола в кабинете Пушкина положены в сундук; этот сундук будет перевезен его же чиновником ко мне, запечатанный его и моею печатью. Эти печати будут сниматься при начале каждого разбора и будут налагаемы снова самим генералом всякий раз, как скоро генералу будет нужно удалиться. Следовательно за верность их сохранения ручаться можно. С таким распоряжением время, нужное мне на другие занятия, сохранится.

Прошу ваше сиятельство сделать мне честь уведомить меня — может ли быть принято мое предложение?

*В. А. Жуковский — А. Х. Бенкендорфу.  
5 февраля 1837.*

35

Получив два письма вашего превосходительства от 5 числа сего месяца, я имел счастье повергать оные на высочайшее благоусмотрение — и поспешаю иметь честь ответить.

Бумаги, могущие повредить памяти Пушкина, должны быть доставлены ко мне для моего прочтения. Мера сия принимается отнюдь не в намерении вредить покойному в каком бы то ни было случае, но единственно по весьма справедливой необходимости, чтобы ничего не было скрыто от наблюдения правительства, бдительность коего должна быть обращена на все возможные предметы. По прочтении этих бумаг, ежели таковые найдутся, они будут немедленно преданы огню в вашем присутствии.

По той же причине все письма посторонних лиц, к нему писанные, будут, как вы изволите предполагать, возвращены тем, кои к нему их писали, не иначе, как после моего прочтения.

Предложение вашего превосходительства относительно оставшихся сочинений как самого Пушкина, так и тех, кои были ему доставлены для помещения в «Современнике», и другие такого рода бумаги,—

будет исполнено с точностию, но также после предварительного их рассмотрения, дабы можно было сделать разбор, которые из них могут быть допущены к печати, которые возвратить к сочинителям и которые истребить совершенно.

Бумаги, взятые из государственного архива, и другие казенные должны быть возвращены по принадлежности, и, дабы иметь верное сведение об оных, я вместе с сим отнесся к г-ну вице-канцлеру графу Несельроде. Письма вдовы покойного будут немедленно возвращены ей, без подробного оных прочтения, но только с наблюдением о точности ее почерка.

Наконец, приемлю честь сообщить вашему превосходительству, что предложение рассматривать бумаги Пушкина в моем кабинете было сделано мною до получения второго письма вашего, и единственно в том предположении, дабы с одной стороны отклонить наималейшее беспокойство от госпожи Пушкиной, с другой же дать некоторую благовидность, что бумаги рассматриваются в таком месте, где нечаянная утрата оных не может быть предполагаема. Но как по другим занятиям вашим вы изволите находить эту меру для вас затруднительною, то для большего доказательства моей совершенной к вам доверенности, я приказал генерал-майору Дубельту, чтобы все бумаги Пушкина рассмотрены были в покоях вашего превосходительства.

*А. Х. Бенкендорф — В. А. Жуковскому.  
6 февраля 1837.*

7 февраля 1837 года.

В присутствии действительного статского советника Жуковского и генерал-майора Дубельта был распечатан кабинет покойного камер-юнкера Александра Сергеевича Пушкина и все принадлежавшие покойному бумаги, письма и книги в рукописях собраны, уло-



жены в два сундука и запечатанные перевезены в квартиру действительного статского советника Жуковского, где и поставлены в особенной комнате. Печати приложены: одна штаба корпуса жандармов, другая г-на Жуковского, ключи от сундуков приняты на сохранение генерал-майором Дубельтом, дверь комнаты, в которой поставлены сундуки, также запечатана обеими печатями.

*Действительный ст. сов. Жуковский  
Генерал-майор Дубельт*

8 февраля.

В присутствии нашем вскрыт один из запечатанных сундуков, и половина хранящихся в оном бумаг разобрана и разделена по предметам. Между сими бумагами оказалось: 1) Указы российских государей, данные кн. Долгорукову. 2) Отношения графа Бенкендорфа. 3) Письма разных частных лиц. 4) Домашние счета. 5) Различные стихотворения и прозаические сочинения Пушкина и других лиц. 6) Письма, принадлежащие г-же Пушкиной, и 7) пакет с билетами. Все сии бумаги запечатаны в пакеты по предметам.

*Действительный ст. сов. Жуковский  
Генерал-майор Дубельт*

37

Генерал Дубельт донес и я с своей стороны считаю обязанностью также донести вашему сиятельству, что мы кончили дело, на нас возложенное, и что бумаги Пушкина все разобраны. *Письма* партикулярные прочтены одним генералом Дубельтом и отданы мне для рассылки по принадлежности; рукописные *Сочинения*, оставшиеся по смерти Пушкина, по воз-

возможности приведены в порядок; некоторые рукописи были сшиты в тетради, занумерованы и скреплены печатью; переплетенные книги с черновыми сочинениями и отдельные листки, из коих нельзя было сделать тетрадей, просто занумерованы. Казенных бумаг не нашлось никаких. Корбова рукопись, о коей писал граф Нессельроде, вероятно, отыщется в библиотеке, которая на сих днях будет разобрана. Сверх означенных рукописей нашлись рукописные старинные книги, коих не было никакой нужды рассматривать; они принадлежат библиотеке. Всем нашим действиям был веден протокол, извлечение из коего, содержащее в себе полный реестр бумагам Пушкина, генерал Дубельт представил вашему сиятельству.

Приступая к напечатанию полного собрания сочинений Пушкина и взяв на себя обязанность издать на нынешний год в пользу его семейства четыре книги «Современника», я должен иметь перед глазами манускрипты Пушкина и прошу позволения их у себя оставить с обязательством не выпускать их из своих рук и не позволять списывать ничего, кроме единственного того, что будет выбрано мною самим для помещения в «Современнике» и в полном издании сочинений Пушкина с одобрения цензуры. Сии манускрипты, занумерованные, записанные в протокол и в особый реестр, всегда будут у меня налицо, и я всякую минуту буду готов представить их на рассмотрение правительства. Хотя я теперь после внимательного разбора вполне убежден, что между сими рукописями ничего предосудительного памяти Пушкина и вредного обществу не находится, но для собственной безопасности наперед протестую перед вашим сиятельством против всего, что может со временем, как то бывало часто и прежде, распущено быть в манускриптах под именем Пушкина. Если бы паче чаяния и нашлось в бумагах его что-нибудь предосудительное, то я разносчиком такого рода сочинений не буду и списка их никому не дам. В этом уверяю один раз и навсегда, а все противное этому один раз навсегда отвергаю...

Пушкин мужал зрелым умом и поэтическим дарованием, несмотря на раздражительную тягость своего положения, которому не мог конца предвидеть, ибо он мог постичь, что не изменившееся в течение десяти лет останется таким и на целую жизнь и что ему никогда не освободиться от того надзора, которому он, уже отец семейства, в свои лета подвержен был как двадцатилетний шалун. Ваше сиятельство не могли заметить этого угнетающего чувства, которое грызло и портило жизнь его. Вы делали изредка свои выговоры, с благим намерением, и забывали об них, переходя к другим важнейшим вашим занятиям, которые не могли дать вам никакой свободы, чтобы заняться Пушкиным. А эти выговоры, для вас столь мелкие, определяли целую жизнь его: ему нельзя было тронуться с места свободно, он лишен был наслаждения видеть Европу, ему нельзя было произвольно ездить и по России, ему нельзя было своим друзьям и своему избранному обществу читать свои сочинения, в каждых стихах его, напечатанных не им, а издателем альманаха с дозволения цензуры, было видно возмущение...

Если бы Пушкин умер после долговременной болезни или после быстрого удара, о нем бы пожалели, общее чувство национальной потери выразилось бы в разговорах, каких-нибудь статьях, стихами или прозою; в обществе поговорили бы о нем и скоро бы замолчали, предав его памяти современников, умевших ценить его высокое дарование, и потомству, которое, конечно, сохранит к нему чистое уважение. Но Пушкин умирает, убитый на дуэли, и убийца его француз, принятый в нашу службу с отличием; этот француз преследовал жену Пушкина и за тот стыд, который нанес его чести, еще убил его на дуэли. Вот обстоятельства, поразившие вдруг все общество и сделавшиеся известными во всех классах народа, от Гостиного двора до петербургских салонов. Если бы, таким образом, погиб и простой человек, без всякого национального имени, то и об нем заговорили бы повсюду,

но это была бы просто светская болтовня, без всякого особенного чувства. Но здесь жертвою иноземного развратника сделался первый поэт России, известный по сочинениям своим большому и малому обществу. Чему же тут дивиться: что общее чувство при таком трагическом происшествии вспыхнуло сильно. Напротив, надлежало бы удивиться, когда бы это сильное чувство не вспыхнуло и если бы в обществе равнодушно приняли такую внезапную потерю и не было бы такое равнодушие оскорбительно для чувства народности. Прибавить надобно к этому и то, что обстоятельства, предшествовавшие кровавой развязке, были всем известны, знали, какими низкими средствами старались раздражить и осрамить Пушкина; анонимные письма были многими читаны, и об них вспомнили с негодованием. Итак, нужно ли было кому-нибудь особенно заботиться о том, чтобы произвести в обществе то впечатление, которое неминуемо в нем произойти должно? Разве дуэль был тайною? Разве обстоятельства его были тайною? Разве погиб на дуэли не Пушкин? Чему же дивиться, что все ужаснулись, что все были опечалены и все оскорбились? Какие же тайные агенты могли быть нужны для произведения сего неизбежного впечатления?

Весьма естественно, что, после того как распространилась в городе весть о гибели Пушкина, поднялось много разных толков; весьма естественно, что во многих энтузиазм к нему как к любимому русскому поэту оживился безвременно трагическою смертью (в этом чувстве нет ничего враждебного; оно, напротив, благородное и делает честь нации, ибо изъявляет, что она дорожит своею славою); весьма естественно, что этот энтузиазм, смотря по разным характерам, выражался различно, в одних с благоразумием умеренности, в других с излишнею пылкостью; в других, и вероятно, во многих, было соединено с негодованием против убийцы Пушкина, может быть, и с выражением мщения. Все это в порядке вещей, и тут еще нет ничего возмутительного. Не знаю, что в это время

говорилося и делалось в обществе (ибо и я, и прочие обвиненные друзья Пушкина были слишком заняты им самим, его страданиями, его смертию, его семейством, чтобы заботиться о толках в обществе, и еще менее о том, как бы производить эти толки), но по слухам, дошедшим до меня после, полагаю, что блюстительная полиция подслушала там и здесь (на улицах, в Гостином дворе и проч.), что Геккерну угрожают; вероятно, что не один, а весьма многие в народе ругали иноземца, который застрелил русского, и кого же русского, Пушкина? Вероятно, что иные толковали между собою, как бы хорошо было его побить, разбить стекла в его доме и тому подобное; вероятно, что и до самого министра Геккерна доходили подобные толки, и что его испуганное воображение их преувеличивало, и что он сообщил свои опасения и требовал защиты. С другой стороны, вероятно и то, что говорили о Пушкине с живым участием, о том, как бы хорошо было изъявить ему уважение какими-нибудь видимыми знаками; многие, вероятно, говорили, как бы хорошо отпрячь лошадей от гроба и довести его на руках до церкви; другие, может быть, толковали, как бы хорошо произнести над ним речь и в этой речи поразить его убийцу, и прочее, и прочее. Все подобные толки суть единственное следствие подобного происшествия; его необходимый, неизбежный отголосок. Блюстительная полиция была обязана обратить на них внимание и взять свои меры, но взять их без всякого изъявления опасения, ибо и опасности не было никакой. До сих пор все в порядке вещей. Но здесь полиция перешла за границы своей бдительности. Из толков, не имевших между собой никакой связи, она сделала заговор с политическою целию и в заговорщики произвела друзей Пушкина, которые окружали его страдальческую постель и должны бы были иметь особенную натуру, чтобы, в то время как их душа была наполнена глубокою скорбью, иметь возможность думать о волновании умов в народе через каких-то агентов с какою-то целию, которой никаким рассудком постигнуто быть не может. Раз допустивши неле-

пую идею, что заговор существует и что заговорщики суть друзья Пушкина, следствия этой идеи сами собою должны были из нее излиться. Мы день и ночь проводили перед дверями умирающего Пушкина; на другой день после дуэли, то есть с утра 28-го числа до самого выноса гроба из дома, приходили посторонние, сначала для осведомления о его болезни, потом для того, чтобы его увидеть в гробе,— приходили с тихим, смиренным чувством участия, с молитвою за него и горевали о нем, как о друге, скорбели о том великом даровании, в котором угасла одна из звезд нашего отечества, и в то же время с благодарностью помышляли о государе, который, можно сказать, был впереди нас тем участием, что так человечески, заодно с нами выразил в то же время. За государя, очистившего, успокоившего конец Пушкина, простое трогательное, христианское выражение национального чувства — и все это делалось так тихо; более десяти тысяч человек прошло в эти два дни мимо гроба Пушкина, и не было слышно ни малейшего шума, не произошло ни малейшего беспорядка; жалели о нем; большая часть молилась за него, молилась и за государя; почти никому не пришло в голову, в виду гроба, упомянуть о Геккерне. Что же тут было, кроме умиленного, кроме возвышающего душу? И нам, друзьям Пушкина, до самого того часа, в который мы перенесли гроб его в Конюшенную церковь, не приходило и в голову ничего иного, кроме нашей скорби о нем и кроме благодарности государю, который явился нам во всей красоте своего человеколюбия и во всем величии своего царского сана; ибо он утешил его смерть, призрел его сирот, уважил в нем русского поэта как русский государь и в то же время осудил его смерть как судия верховный. Какое нравственное уродство надлежало иметь, чтобы остаться нечувствительным перед таким трогательным величием и иметь свободу для каких-то замыслов, коих цели никак себе представить не можно и кои только естественны сумасшедшим.

Но, начавши с ложной идеи, необходимо дойдешь и до заключений ложных; они производят и ложные меры. Так здесь и случилось. Основываясь на ложной идее (опровергнутой выше), что Пушкин — глава демагогической партии, произвели и друзей его в демагоги. Друзья не отходили от его постели, и в то же время разные толки бродили по городу и по улицам (толки, не имеющие между собою связи). Из этого сделали заговор, увидели какую-то тайную нить, связывающую эти толки, ничем не связанные, и эту нить дали в руки друзьям его. Под влиянием этого непостижимого предубеждения все самое простое и обыкновенное представилось в каком-то таинственном, враждебном свете. Граф Строганов, которого уже нельзя обвинить ни в легкомыслии, ни в демагогии, как родственник взял на себя учреждение и издержки похорон Пушкина; он призвал своего поверенного человека и ему поручил все устроить. И оттого именно, что граф Строганов взял на себя все издержки похорон, произошло то, что они произведены были самым блистательным образом, согласно с благородным характером графа. Он приглашал архиерея, и как скоро тот отказался от совершения обряда, пригласил трех архимандритов. Он назначил для отпевания Исаакиевский собор, и причина назначения была самая простая: ему сказали, что дом Пушкина принадлежал к приходу Исаакиевского собора; следовательно, иной церкви назначать было не можно; о Конюшенной же церкви было нельзя и подумать, она придворная. На отпевание в ней надлежало получить особенное позволение, в коем и нужды не было, ибо имели в виду приходскую церковь. Билеты приглашенным были разосланы без всякого выбора; Пушкин был знаком целому Петербургу; сделали для погребения его то, что делается для всех; дипломатический корпус приглашен был, потому что Пушкин был знаком со всеми его членами; для назначения же тех, кому посылать билеты, сделали просто выписку из реестра, который взят был у графа Воронцова. Следующее обстоятельство могло бы, если угодно, показаться подозрительным.

Мне сказали, кто, право, не помню, что между приглашенными на похороны забыты некоторые из прежних лицейских товарищей Пушкина. Я отвечал, что надобно непременно их пригласить. Но было ли это исполнено, не знаю. Этим я не занялся, но если бы мною были рассыланы билеты, то, конечно бы, лицейские друзья Пушкина не были забыты. Как бы то ни было, но все до сих пор в обыкновенном порядке. Вдруг полиция догадывается, что должен существовать заговор, что министр Геккерн, что жена Пушкина в опасности, что во время перевоза тела в Исаакиевскую церковь лошадей отпрягут и гроб понесут на руках, что в церкви будут депутаты от купечества, от университета, что над гробом будут говорены речи (обо всем этом узнал я уже после по слухам). Что же надлежало бы сделать полиции, если бы и действительно она могла предвидеть что-нибудь подобное? Взять с большею бдительностью те же предосторожности, какие наблюдаются при всяком обыкновенном погребении, а не признаваться перед целым обществом, что правительство боится заговора, не оскорблять своими нелепыми обвинениями людей, не заслуживающих и подозрения, одним словом, не производить самой того волнения, которое она предупредить хотела неуместными своими мерами. Вместо того назначенную для отпевания церковь переменили, тело перенесли в нее ночью, с какой-то тайною, всех поразившею, без факелов, почти без проводников; и в минуту выноса, на который собралось не более десяти ближайших друзей Пушкина, жандармы наполнили ту горницу, где молились о умершем, нас оцепили, и мы, так сказать, под стражею проводили тело до церкви. Какое намерение могли в нас предполагать? Чего могли от нас бояться? Этого и изъяснить не берусь. И, признаться, будучи наполнен главным своим чувством, печалью о конце Пушкина, я в минуту выноса и не заметил того, что вокруг нас происходило; уже после это пришло мне в голову и жестоко меня обидело.

*В. А. Жуковский — А. Х. Бенкендорфу.  
25 февраля — 8 марта 1837.*



Вот мысль, которую осмеливаюсь представить на благоусмотрение Вашего Императорского Величества; Пушкин всегда говорил, что желал бы быть погребенным в той деревне, где жил, если не ошибаюсь, во младенчестве, где гробы его предков, и где недавно похоронили его мать (мы хотели перенести туда его тело). Не можно ли с исполнением этого желания мертвого соединить и благо его осиротевшего семейства и так сказать дать его сиротам при гробе отца верный приют на жизнь и в то же время воздвигнуть трогательный, национальный памятник поэту, за который вся Россия, его потерявшая, будет благодарна великодушному соорудителю? Эта деревня, сколько я знаю, заложена: ее могут продать; вместе с нею и прах Пушкина может сделаться собственностью равнодушного к нему заимодавца и русские могут не знать, где их Пушкин. Не можно ли эту деревню, очистив от всех долгов, на ней лежащих, обратить в майорат для вдовы и семейства, отцу же, которому она принадлежит, дряхлому и больному старику, определить пенсия по смерти? Таким распоряжением утвердилось бы навсегда все будущее осиротевших, в настоящем было бы у них верное пристанище (ибо если не ошибаюсь, в деревне есть дом, и вдова, которая не имеет теперь угла, чтобы приклонить голову, могла бы там поселиться), а Россия была бы обрадована памятником, достойным и ее первого поэта и ее великого государя. Если же к такому великодушному, национальному дару присоедините, Государь, другой, столь же национальный, издание стихотворений умершего, и присвойте себе его смерть, то будет исполнена вполне ваша высокая, благотворная мысль, а на издания выручится вдруг капитал, который к совершеннолетию детей составит значительную сумму...

Прибавлю еще одно: в доме Пушкина нашлось всего-навсего триста рублей. Деньги на необходимые

расходы и на похороны дал граф Строганов. Не благоволите ли что-нибудь пожаловать на первые домашние нужды?..

Записка В. А. Жуковского имп.  
Николаю Павловичу (черновик).

39

Представляя всеподданнейше по повелению Вашего Императорского Величества проект публикации о издании сочинений Пушкина, осмеливаюсь просить разрешения Вашего на ее напечатание. Само по себе разумеется, что из оставшихся сочинений Пушкина будет сделан выбор строгий. Все, что найдется в его бумагах касательно истории Петра Великого, будет мною приведено в порядок и представлено на рассмотрение Вашему Императорскому Величеству. Я желал бы немедленно сделать публикацию, дабы иметь больше подписчиков. Зимние месяцы для этого самые удобные.

Действительный Статский Советник Жуковский.

Просьба В. А. Жуковского о разрешении  
издания сочинений Пушкина.

40

Я не имел духу писать к тебе, мой бедный Сергей Львович. Что я мог тебе сказать, угнетенный нашим общим несчастьем, которое упало на нас, как обвал, и всех раздавило? Нашего Пушкина нет! это, к несчастью, верно; но все еще кажется невероятным. Мысль, что его нет, еще не может войти в порядок обыкновенных, ясных ежедневных мыслей. Еще по привычке продолжаешь искать его, еще так естественно ожидать с ним встречи в некоторые условные часы; еще посреди наших разговоров как будто отзывается его голос,

как будто раздаётся его живой, веселый (ребячески веселый) смех, и там, где он бывал ежедневно, ничто не переменилось, нет и признаков бедственной утраты, все в обыкновенном порядке, все на своем месте; а он пропал, и навсегда — непостижимо. В одну минуту погибла сильная, крепкая жизнь, полная гения, светлая надеждами. Не говорю о тебе, бедный, дряхлый отец; не говорю об нас, горюющих друзьях его. Россия лишилась своего любимого национального поэта. Он пропал для нее в ту минуту, когда его созревание совершалось; пропал, достигнув до той поворотной черты, на которой душа наша, прощаясь с кипучею, буйною, часто беспорядочною силою молодости, тревожимой гением, предается более спокойной, более образовательной силе здорового мужества, столько же свежей, как и первая, может быть, не столь порывистой, но более творческой. У кого из русских с его смертью не оторвалось что-то родное от сердца?

...Домой возвратились в шесть часов. Камердинер взял его на руки и понес на лестницу. «Грустно тебе нести меня?» — спросил у него Пушкин. Бедная жена встретила его в передней и упала без чувств. Его внесли в кабинет; он сам велел подать себе чистое белье; разделся и лег на диван, находившийся в кабинете. Жена, пришедши в память, хотела войти; но он громким голосом закричал: «Не входите», — ибо опасался показать ей рану, чувствуя сам, что она была опасною. Жена вошла уже тогда, когда он был совсем раздет. Послали за докторами. Арендта не нашли; приехали Шольц и Задлер. В это время с Пушкиным были Данзас и Плетнев. Пушкин велел всем выйти. «Плохо со мною», — сказал он, подавая руку Шольцу. Рану осмотрели, и Задлер уехал за нужными инструментами. Оставшись с Шольцем, Пушкин спросил: «Что вы думаете о моей ране; я чувствовал при выстреле сильный удар в бок, и горячо стрельнуло в поясницу. Дорогою шло много крови. Скажите откровенно, как вы находите рану?» — «Не могу вам скрыть, она опасная». — «Скажите мне, смертельная?» — «Считаю дол-

гом не скрывать и того. Но услышим мнение Арендта и Саломона, за коими послано». — «Благодарю вас, вы поступили по отношению ко мне как честный человек», — сказал Пушкин; замолчал; потер рукою лоб, потом прибавил: «Надо устроить мои домашние дела. Мне кажется, что идет много крови». Шольц осмотрел рану; нашлось, что крови шло немного; он наложил новый компресс. «Не желаете ли видеть кого из ваших ближних приятелей?» — спросил Шольц. «Прощайте, друзья!» — сказал Пушкин, и в это время глаза его обратились на его библиотеку. С кем он прощался в эту минуту, с живыми ли друзьями или с мертвыми, не знаю. Он немного погодя спросил: «Разве вы думаете, что я часу не проживу?» — «О нет! но я полагал, что вам будет приятно увидеть кого-нибудь из ваших. Господин Плетнев здесь». — «Да; но я желал бы Жуковского. Дайте мне воды; тошнит». Шольц тронул пульс, нашел руку довольно холодною; пульс слабый, скорый, как при внутреннем кровотечении; он вышел за питье, и послали за мною. Меня в это время не было дома; и не знаю, как это случилось, но ко мне не приходил никто. Между тем приехали Задлер и Саломон. Шольц оставил больного, который добродушно пожал ему руку, но не сказал ни слова.

Скоро потом появился Арендт. Он с первого взгляда увидел, что не было никакой надежды. Первою заботою было остановить внутреннее кровотечение; начали прикладывать холодные со льдом примочки на живот и давать прохладительное питье; они произвели желанное действие (больной поуспокоился), и кровотечение остановилось. Все это было поручено Спасскому, домовому доктору Пушкина, который явился за Арендтом и всю ночь остался при постели страдальца. «Плохо мне», — сказал Пушкин, увидя Спасского и подавая ему руку. Спасский старался его успокоить; но Пушкин махнул рукою отрицательно. С этой минуты он как будто перестал заботиться о себе и все его мысли обратились на жену. «Не давайте излишних надежд жене, — говорил он Спасскому, —

не скрывайте от нее, в чем дело; она не притворщица, вы ее хорошо знаете. Впрочем, делайте со мною, что хотите, я на все согласен и на все готов»...

Что было бы с бедною женою, если бы она в течение двух часов могла слышать эти крики: я уверен, что ее рассудок не вынес бы этой душевной пытки. Но вот что случилось: она в совершенном изнурении лежала в гостиной, головою к дверям, они одни отделяли ее от постели мужа. При первом страшном крике его княгиня Вяземская, бывшая в той же горнице, бросилась к ней, опасаясь, чтобы с нею чего не сделалось. Но она лежала неподвижно (хотя за минуту говорила); тяжелый летаргический сон овладел ею; и этот сон, как будто нарочно посланный свыше, миновался в ту самую минуту, когда раздалось последнее стенание за дверями. И в эти минуты жесточайшего испытания, по словам Спасского и Арендта, во всей силе сказалась твердость души умирающего; готовый вскрикнуть, он только стонал, боясь, как он говорил, чтобы жена не слышала, чтобы ее не испугать. К семи часам боль утихла. Надобно заметить, что во все это время и до самого конца мысли его были светлы и память свежа. Еще до начала сильной боли он позвал к себе Спасского, велел подать какую-то бумагу (его рукою), по-русски написанную, и заставил ее сжечь. Потом призвал Данзаса и продиктовал ему записку о некоторых долгах своих. Это его, однако, изнурило, и после он уже не мог сделать никаких других распоряжений. Когда поутру кончились его сильные страдания, он сказал Спасскому: «Жену! позовите жену!» Этой прощальной минуты я тебе не стану описывать. Потом потребовал детей; они спали; их привели и принесли к нему полусонных. Он на каждого оборачивал глаза молча; клал ему на голову руку; крестил и потом движением руки отсылал от себя. «Кто здесь?» — спросил он Спасского и Данзаса. Назвали меня и Вяземского. «Позовите», — сказал он слабым голосом. Я подошел, взял его похолодевшую, протянутую ко мне руку, поцеловал ее: сказать ему ничего я не мог, он махнул рукою, я отошел. Так же

простился он и с Вяземским. В эту минуту приехал граф Вьельгорский, и вошел к нему, и так же в последние подал ему живому руку. Было очевидно, что спешил сделать свой последний земной расчет и как будто подслушивал идущую к нему смерть. Взяв себя за пульс, он сказал Спасскому: «Смерть идет».

«Карамзина? тут ли Карамзина?» — спросил он спустя немного. Ее не было; за нею немедленно послали, и она скоро приехала. Свидание их продолжалось только минуту, но когда Катерина Андреевна отошла от постели, он ее кликнул и сказал: «Перекрестите меня!» Потом поцеловал у нее руку...

С утра 28-го числа, в которое разнеслась по городу весть, что Пушкин умирает, передняя была полна приходящих. Одни осведомлялись о нем через посланных спрашивать об нем, другие — и люди всех состояний, знакомые и незнакомые — приходили сами. Трогательное чувство национальной, общей скорби выражалось в этом движении, произвольном, ничем не приготовленном. Число приходящих сделалось наконец так велико, что дверь прихожей (которая была подле кабинета, где лежал умирающий) беспрестанно отворялась и затворялась; это беспокоило страждущего; мы придумали запереть дверь из прихожей в сени, задвинули ее залавком и отворили другую узенькую прямо с лестницы в буфет, а гостиную от столовой отгородить ширмами... С этой минуты буфет был набит народом; в столовую входили только знакомые, на лицах выражалось простодушное участие, очень многие плакали...

Одним словом сии изъявления общего участия наших добрых русских меня глубоко трогали, но не удивляли. Участие иностранцев было для меня усладительною нечаятельностью. Мы теряли свое; мудроно ли, что мы горевали? Но их что так трогало? Что думал этот почтенный Барант, стоя долго в унынии посреди прихожей, где около его шептали с печальными лицами о том, что делалось за дверями. Отгадать нетрудно. Гений есть общее добро; в поклонении гению

все народы родня! и когда он безвременно покидает землю, все провожают его с одинаковою братскою скорбью. Пушкин по своему гению был собственно не одной России, но и целой Европы; потому-то и посол французский (сам знаменитый писатель) приходил к двери его с печалью *собственною* и о *нашем* Пушкине пожалел, как будто о *своем*. Потому же Люцероде, саксонский посланник, сказал собравшимся у него гостям в понедельник ввечеру: «Нынче у меня танцевать не будут, нынче похороны Пушкина».

...Ударило два часа пополудни, и в Пушкине осталось жизни на три четверти часа. Он открыл глаза и попросил моченой морошки. Когда ее принесли, то он сказал внятно: «Позовите жену, пускай она меня покормит». Она пришла, опустилась на колени у изголовья, поднесла ему ложечку-другую морошки, потом прижалась лицом к лицу его; Пушкин погладил ее по голове и сказал: «Ну, ну, ничего; слава богу; все хорошо! поди». Спокойное выражение лица его и твердость голоса обманули бедную жену; она вышла как просиявшая от радости лицом. «Вот увидите,— сказала она доктору Спасскому,— он будет жив, он не умрет».

А в эту минуту уже начался последний процесс жизни. Я стоял вместе с графом Вьельгорским у постели его, в головах; сбоку стоял Тургенев. Даль шепнул мне: «Отходит». Но мысли его были светлы. Изредка только полудремотное забытье их отуманивало. Раз он подал руку Далю и, пожимая ее, проговорил: «Ну, подымай же меня, пойдем, да выше, выше... ну, пойдем!» Но, очнувшись, он сказал: «Мне было пригрезилось, что я с тобой лечу вверх по этим книгам и полкам; высоко... и голова закружилась». Немного погодя он опять, не раскрывая глаз, стал искать Далеvu руку и, потянув ее, сказал: «Ну, пойдем же, пожалуйста, да вместе». Даль, по просьбе его, взял его под мышки и приподнял повыше; и вдруг, как будто проснувшись, он быстро раскрыл глаза, лицо его прояснилось, и он сказал: «Кончена жизнь». Даль, не расслышав, отвечал: «Да, кончено; мы тебя положили».

«Жизнь кончена!» — повторил он внятно и положительно. «Тяжело дышать, давит!» — были последние слова его. В эту минуту я не сводил с него глаз и заметил, что движение груди, доселе тихое, сделалось прерывистым. Оно скоро прекратилось. Я смотрел внимательно, ждал последнего вздоха; но я его не приметил. Тишина, его объявшая, казалась мне успокоением. Все над ним молчали. Минуты через две я спросил: «Что он?» — «Кончилось», — отвечал мне Даль. Так тихо, так таинственно удалилась душа его. Мы долго стояли над ним молча, не шевелясь, не смея нарушить великого таинства смерти, которое свершилось перед нами во всей умирительной святине своей.

Когда все ушли, я сел перед ним и долго один смотрел ему в лицо. Никогда на этом лице я не видал ничего подобного тому, что было на нем в эту первую минуту смерти. Голова его несколько наклонилась; руки, в которых было за несколько минут какое-то судорожное движение, были спокойно протянуты, как будто упавшие для отдыха после тяжелого труда. Но что выражалось на его лице, я сказать словами не умею. Оно было для меня так ново и в то же время так знакомо! Это было не сон и не покой! Это не было выражение ума, столь прежде свойственное этому лицу; это не было также и выражение поэтическое! нет! какая-то глубокая, удивительная мысль на нем развивалась, что-то похожее на видение, на какое-то полное, глубокое, удовлетворенное знание. Всматриваясь в него, мне все хотелось у него спросить: «Что видишь, друг?» И что бы он отвечал мне, если бы мог на минуту воскреснуть? Вот минуты в жизни нашей, которые вполне достойны названия великих. В эту минуту, можно сказать, я видел самую смерть, божественно тайную, смерть без покрывала. Какую печать наложила она на лицо его и как удивительно высказала на нем и свою и его тайну. Я уверяю тебя, что никогда на лице его не видал я выражения такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она, конечно, проскакивала в нем и прежде. Но в этой чи-



стоте обнаружилась только тогда, когда все земное отделилось от него с прикосновением смерти. Таков был конец нашего Пушкина...

Опишу в немногих словах то, что было после. К счастью, я вспомнил вовремя, что надобно с него снять маску. Это было исполнено немедленно; черты его еще не успели измениться. Конечно, того первого выражения, которое дала им смерть, в них не сохранилось; но все мы имеем отпечаток привлекательный; это не смерть, а сон. Спустя  $\frac{3}{4}$  часа после кончины (во все это время я не отходил от мертвого, мне хотелось взглянуть в прекрасное лицо его) тело вынесли в ближнюю горницу; а я, исполняя повеление государя императора, запечатал кабинет своею печатью...

На другой день мы, друзья, положили Пушкина своими руками в гроб; на следующий день, к вечеру, перенесли его в Конюшенную церковь. И в эти оба дни та горница, где он лежал в гробе, была беспрестанно полна народом. Конечно, более десяти тысяч человек приходило взглянуть на него: многие плакали; иные долго останавливались и как будто хотели всмотреться в лицо его; было что-то разительное в его неподвижности посреди этого движения и что-то умирительно-таинственное в той молитве, которая так тихо, так однообразно слышалась посреди этого шума...

Отпевание происходило 1 февраля. Весьма многие из наших знакомых людей и все иностранные министры были в церкви. Мы на руках отнесли гроб в подвал, где надлежало ему остаться до вывоза из города. 3 февраля в 10 часов вечера собрались мы в последний раз к тому, что еще для нас оставалось от Пушкина; отпели последнюю панихиду; ящик с гробом поставили на сани; сани тронулись; при свете месяца несколько времени я следовал за ними, скоро они повернули за угол дома; и все, что было земной Пушкин, навсегда пропало из глаз моих.

*В. А. Жуковский — С. Л. Пушкину.  
15 февраля 1837.*

Милостивый государь Иван Иванович,  
Я поручил [Ю. Н.] Бартеневу доставить вам экземпляр нового издания моих сочинений и особенный экземпляр «Ундины». Прошу учителя принять благосклонно приношение ученика. Наперед знаю, что вы будете меня бранить за мои гекзаметры. Что же мне делать? Я их люблю; я уверен, что никакой метр не имеет столько разнообразия, не может быть столько удобен как для высокого, так и для самого простого слога. И не должно думать, чтобы этим метром, избавленным от рифм, было писать легко. Я знаю по опыту, как трудно. Это вы знаете лучше меня, что именно то, что кажется простым, выпрыгнувшим прямо из головы на бумагу, стоит наибольшего труда. Это я теперь вижу из доставленных мне манускриптов Пушкина, которые, к несчастью, должен разбирать: это навыворот! Ему бы следовало то делать для меня, что мне довелось делать для него. Судьба, как и поэты, охотница до инверзии. С каким трудом писал он свои легкие, летучие стихи! Нет строки, которая бы не была несколько раз перемарана. Но в этом-то и заключается тайная прелесть творения. Что было бы с наслаждением поэта, когда бы он мог производить без труда? — все бы очарование его пропало. О самом Пушкине я не говорю вам ничего; вы, вероятно, читали мое подробное письмо к Сергею Львовичу о последних его минутах. В этом письме заключается все как было. Что же прибавили к истине и городские сплетни, и сплетни другого рода, о том хотелось бы забыть, и нет никакой охоты говорить. Разбор бумаг Пушкина мною кончен. Найдены две полные, прекрасные пьесы в стихах: «Медный всадник» и «Каменный гость» (Д. Жуан). Они будут напечатаны в «Современнике» (который друзьями Пушкина будет издан на 1837 год в пользу его семейства); нашлось несколько начатых стихотворений и мелких отрывков; так же много начато в прозе и собраны материалы для истории Петра Великого: все это будет издано.

Теперь приступаем к напечатанию полного собрания изданных в свет сочинений. Неизданное же будет напечатано особо. Издание будет хорошее, но простое, чтоб иметь возможность напечатать более экземпляров, продавать дешевле и собрать большую сумму. Надеюсь, что в подписчиках недостатка не будет. Память Пушкина должна быть и всегда будет дорога отечеству. Как бы много он сделал, если бы судьба ему вынула не такой тяжелый жребий, и если бы она не вздумала, после мучительной жизни (тем более мучительной, что причины страданий были все мелкие и внутренние, для всех тайные) вдруг ее разрушить. Наши врази-журналисты, ректоры общего мнения в литературе, успели утвердить в толпе своих прихожан мысль, что Пушкин упал; а Пушкин только что созрел как художник, и все шел в гору как человек, и поэзия мужала с ним вместе. Но мелочи ежедневной обыкновенной жизни: они его убили.

*В. А. Жуковский — И. И. Дмитриеву.  
12 марта 1837.*



В пушкинском окружении Вяземский занимает одно из самых важных мест. Только к жене, Наталье Николаевне, сохранилось больше писем Пушкина, чем к Вяземскому. 74 печальных или радостных, восторженных или отчаянных, полемических или шуточных, но всегда остроумных и откровенных письма Пушкина к Петру Андреевичу — это целая энциклопедия жизни и особенно литературных размышлений великого поэта. Соединившись с 44 дошедшими до нас письмами Вяземского к Пушкину\*, его статьями о Пушкине, воспоминаниями и единственными в своем роде «Записными книжками», они превращаются в энциклопедию пушкинской эпохи. Но ведь, помимо этого, сохранилась еще многолетняя, содержательная переписка Вяземского с женой Верой Федоровной, А. И. Тургеневым, В. А. Жуковским и другими людьми, близко знавшими Пушкина, позволяющая взглянуть на жизнь Пушкина как бы со стороны и дополняющая общую картину. Все это говорит о том, сколь многим мы обязаны Вяземскому в сохранении исторической памяти, без которой не могут существовать культурные традиции народа. Вяземский и сам отдавал себе отчет в том, насколько любопытны его пись-

---

\* Наиболее острые в политическом отношении письма Вяземского Пушкин вынужден был сжечь после восстания декабристов.

ма: «Мне жаль, что не увижу писем своих в печати, если только крысы их не съедят... Появление их в печати, т. е. возможность их появления, будет уже хорошим знаком общей температуры». Письма Вяземского давно уже напечатаны и высоко оценены как историко-литературный источник. Это нисколько не снимает идейной противоречивости творчества самого Вяземского (в том числе и мемуарного, и эпистолярного), не затмевает его печальной эволюции, не позволяет забыть пройденного им горького пути от революционного поэта и публициста, сподвижника декабристов, до охранителя самодержавия и гонителя свободной мысли.

Понимая истинное значение своей переписки с Пушкиным, Вяземский за несколько лет до смерти, в 1874 г., напечатал в журнале «Русский архив» 49 писем Пушкина с подробными примечаниями. Старый князь, готовясь покинуть сей мир «вслед за сверстниками», прекрасно сознавал, какая пора в его жизни была лучшей и самой светлой. Опубликовать хотя бы часть писем Пушкина значило для него оправдаться перед грядущими поколениями или, точнее, напомнить о своей давно ушедшей, достойной высокого уважения молодости. К 1875 г. относится стихотворение, в котором та же цель выражена поэтически:

Жизнь наша в старости — изношенный халат;  
И совестно носить его, и жаль оставить;  
Мы с ним давно сжились, как с братом брат;  
Нельзя нас починить и заново исправить.

Как мы состарились, состарился и он;  
В лохмотьях наша жизнь, и он в лохмотьях тоже,  
Чернилами он весь расписан, окроплен,  
Но эти пятна нам узоров всех дороже;

В них — отпрыски пера, которому во дни  
Мы светлой радости иль облачной печали  
Свои все помыслы, все таинства свои,  
Всю исповедь, всю быль свою передавали.

На жизни также есть минувшего следы:  
Записаны на ней и жалобы и пени,  
И на нее легла тень скорби и беды,  
Но прелесть грустная таится в этой тени.

В ней есть предания, в ней отзыв наш родной  
Сердечной памятью еще живет в утрате,

И утро свежее, и полдня блеск и зной  
Припоминаем мы и при дневном закате.

Еще люблю подчас жизнь старую свою  
С ее ущербами и грустным поворотом,  
И, как боец свой плащ, простреленный в бою,  
Я хожу свой халат с любовью и почетом.

В 1880 г. к открытию памятника Пушкину в Москве единственный остававшийся в живых сын Вяземского Павел Петрович выпустил брошюру с фотолитографическим воспроизведением нескольких писем Пушкина к отцу. С тех пор публикации этих исключительных по своему значению документов становились все более полными и научно выверенными.

Наш очерк и прилагаемые документы охватывают лишь малую часть огромного и сложного историко-литературного материала, который вот уже на протяжении полутора столетий привлекает напряженное внимание пушкинистов и всех, кого волнует молодая и прекрасная пушкинская пора русской культуры.

\* \* \*

Петр Андреевич был сыном русского аристократа, представителя старинного рода (из Рюриковичей) князя Андрея Ивановича Вяземского — высокообразованного и свободомыслящего для своего времени человека, личного знакомого французских энциклопедистов — и ирландской дворянки, урожденной О'Рейли. Андрей Иванович полюбил ее во время своих заграничных странствий, увез от мужа-англичанина в Россию, добился для нее развода и в 1786 г. обвенчался с нею, превратив в княгиню Екатерину Ивановну Вяземскую. Мать Петра Андреевича умерла, когда он был еще ребенком, родственников с ее стороны он никогда не знал (однажды, надеясь уехать от политических преследований за границу, Вяземский попытался отыскать родных матери, но безуспешно), и все же в тонком и своеобразном его юморе, в иронии и скепсисе, в склонности к парадоксальному мышлению, быть может, порой проглядывают не только отцовские, но и материнские черты.

В 1795 г. Андрей Иванович купил под Москвой имение Остафьево, где построил просторный, в 40

комнат дом в классическом стиле, ставший на протяжении многих десятилетий излюбленным пристанищем его сына-поэта. Прекрасная подмосковная природа, сельская тишина, богатейшая библиотека, собранная отцом и умноженная сыном,— все это формировало личность Петра Андреевича. Здесь, в Остафьеве, бывали Пушкин и Жуковский, Денис Давыдов и Баратынский, Кюхельбекер и Мицкевич. Дом этот сохраняется и поныне как памятник истории нашей культуры.

12 лет прожил в Остафьеве, трудясь над «Историей государства Российского», Николай Михайлович Карамзин, женатый на сводной сестре Вяземского Екатерине Андреевне. Заботам Карамзина поручил своего единственного сына рано умерший (1807 г.) князь Андрей Иванович. С этого времени русское литературное влияние соединилось в Остафьеве с французским и даже стало преодолевать его. Воздействие Карамзина на Вяземского оказалось решающим: юноша воспринял от опекуна идеи патриотизма, постоянную заботу о благе общественном; не будет преувеличением сказать, что если историк Карамзин образовал Вяземского — публициста и мыслителя, то Карамзин-писатель воспитал Вяземского-поэта. Преклонение перед Карамзиным было своего рода исключением для Вяземского, который, вообще говоря, склонен был к скептицизму и не признавал никаких непререкаемых авторитетов. Еще только раз он позволил себе такое же исключение из правил — ни с чем не сравнимый поэтический талант Пушкина вынудил его к этому.

Петр Андреевич рассказывал о своих юных годах: «С водворением Карамзина в наше семейство письменные наклонности мои долго не пользовались поощрением его. Я был между двух огней: отец хотел видеть во мне математика; Карамзин боялся увидеть во мне плохого стихотворца. Он часто пугал меня этой участью. Берегись, говаривал он: нет ничего жалче и смешнее худого писачки и рифмоплета. Первые опыты мои таил я от него, как и другие проказы грешной юности моей. Уже позднее, и именно в 1816 году, примирился он с метроманиею моею. Александр Тургенев давал в Петербурге вечер в честь его... Хозяин вызвал

меня прочесть кое-что из моих стихотворений. Выслушав их, Карамзин сказал мне: «Теперь уже не буду отклонять вас от стихотворства. Пишите с Богом»... И пошла писать! — то есть пиши пропало! — скажет один из строгих моих критиков». Острота мысли и острота ее выражения, каламбур, едкая шутка, игра словом — наиболее характерные черты Вяземского-поэта и Вяземского-публициста сказываются по существу в каждой строчке, им написанной. Нетрудно представить себе, какую огромную роль играли его письма для Пушкина, особенно в годы ссылки.

Некоторое время юный Вяземский провел в Иезуитском пансионе патера Чижа в Петербурге\*, потом в Благородном пансионе при Педагогическом институте, но вскоре возвратился под отчий кров, где с ним занимались профессора Московского университета. «По возвращении из пансиона,— вспоминал Вяземский,— нашел я у нас... юношу Жуковского и других писателей». Образование получилось отменное, но систематичностью в труде, как и вообще прилежанием, княжеский отпрыск не отличался. Стихи свои он печатал редко, часто забывал, терял, иногда обращаясь к Пушкину с просьбой восстановить их по памяти; первый сборник стихотворений Вяземского вышел лишь в 1862 г.

Не достигнув и 20 лет, Вяземский в 1811 году женился на княжне Вере Федоровне Гагариной (двумя годами его старше). Вера Федоровна стала достойной его подругой: умная, порой злоязычная, с отличным литературным вкусом, она сыграла немалую роль и в жизни Пушкина. С Петром Андреевичем они прожили вместе 67 лет, у них было восемь детей, и семерых из них они в разные годы похоронили. Это отбросило мрачный отблеск на долгую жизнь князя и княгини Вяземских, а впоследствии вызвало и болезненную ипохондрию Петра Андреевича, вынуждавшую его подолгу лечиться на водах.

В 1812 г., отправив жену и сына-первенца в Вологду, Вяземский вступил в Московское ополчение под

---

\* Вяземский ратовал за то, чтобы в это заведение был отдан и старший сын Сергея Львовича Пушкина, но «лицейский вариант», предложенный Александром Тургеневым, победил.



знамена сражающихся войск. Он был при Бородине и пулям не кланялся — под ним убило двух лошадей. За Бородинское сражение Вяземский получил орден св. Станислава 4-й степени, но в армии после потери Москвы не остался. В 1818 г. коллежский асессор Вяземский был назначен на службу в Варшаву. Там близко познакомился он с передовыми идеями века и окончательно выработал тот свободолюбивый образ мыслей, который сблизил его с декабристами и превратил в глазах двух царей в опаснейшего вольнодумца и даже революционера, каковым на самом деле Вяземский отнюдь не был. Еще в 1821 г. смелые мысли, высказанные Вяземским в частных письмах, не говоря уже о записке об освобождении крестьян, в составлении которой он принимал участие, дошли до правительства, и князь был отстранен от службы «без прошения», т. е. не добровольно.

Надо отдать должное Вяземскому: ненависть к деспотизму была выражена в его стихах и письмах первой половины 20-х годов с большой силой и публицистической страстностью. «В наши дни союз с царями разорван,— писал он своему старшему другу Василию Андреевичу Жуковскому, укоряя его в ненужной близости к царским особам,— они сами потоптали его. Я не вызываю бунтовать против них, но не знаться с ними. Провидение зажгло в тебе огонь дарования в честь народу, а не на потеху двора». Он огорчался, что в Жуковском «нет ни капли конституционной крови», и убеждал: «Добрый мечтатель! — полно тебе нежиться на облаках, спустись на землю и пусть, по крайней мере, ужасы, на ней свирепствующие, разбудят энергию души твоей. Посвяти пламень свой правде и брось служение идолов. Благородное негодование — вот современное вдохновение!» Каждому свое: Жуковский не поднимался до разоблачительного пафоса, свойственного Вяземскому в 1820-х годах, но и не опускался до цинической поддержки царя против народа, которую продемонстрировал Вяземский с 1840-х годов. Что ж — не он ли еще в 1820 г. сказал: «Я — термометр; каждая суровость воздуха действует на меня непосредственно и скоропостижно». Температуры России 40—70-х годов он не выдержал.

Поэтические создания молодого Вяземского, которым и думать нечего было пробиться через цензуру, ходили в списках, пользовались большой популярностью и, несомненно, были элементом декабристской литературы. В одном из лучших своих стихотворений «Негодование» (1820) он обрушивал справедливый гнев на тех, кто, обладая безграничной властью в России, не тревожится о судьбе обижаемого и забитого народа:

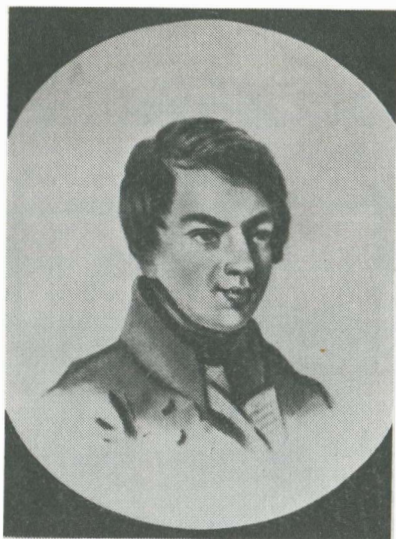
Хранители казны народной,  
На правый суд сберитесь вы,  
Ответствуйте: где дань отчаянной вдовы?  
Где подать сироты голодной?  
Корыстною рукой заграбил их разврат.  
Презрев укор людей, забыв небес угрозы,  
Испили жадно вы средь пиршеских прохлад  
Кровавый пот труда и нищенские слезы.

Поэт был полон надежд и веры в будущее:

Свобода! О младая дева!  
Посланница благих богов!  
Ты победишь упорство гнева  
Твоих неистовых врагов.

Агент III Отделения был в общем недалеко от истины, когда доносил: «образ мыслей Вяземского может быть достойно оценен по одной его стихотворной пьесе «Негодование», служившей катехизисом заговорщиков».

Недаром Рылеев писал Вяземскому, сотруднику «Полярной звезды»: «Будьте здоровы, благополучны и грозны по-прежнему для врагов вкуса, языка и здравого смысла. Вам не должно забывать, что однажды выступив на такое прекрасное поприще, какое вы себе избрали, дремать не должно: давайте нам сатиры, сатиры и сатиры». Вяземский был среди тех, кто идейно готовил декабрьское восстание (хотя к тайным обществам формально не принадлежал), кто понимал его святые цели. Довольно будет еще одного только высказывания, чтобы подтвердить это: «Как ни говорите, цель всякой революции есть на деле или в словах уравнивание состояний, обезоружение сильных притеснителей, ограждение безопасности притесненных: предприятие в начале своем всегда священное, в исполнении трудное, но не невозможное до не-



**М. Л. ЯКОВЛЕВ.**  
*Рисунок неизвестного художника.*  
 1816—1817 гг.



**В. А. ЖУКОВСКИЙ.**  
*Гравюра с оригинала*  
 О. А. Кипренского. 1818 г.



П. А. ВЯЗЕМСКИЙ.  
*Акварель П. Ф. Соколова. 1821 г.*



В. Ф. ВЯЗЕМСКАЯ.  
*Миниатюра А. Молиари.  
Конец 1800-х гг.*

которой степени». Однако с теми, кто вышел 14 декабря 1825 г. на Сенатскую площадь, чтобы, если понадобится, кровью и жизнью своей доказать справедливость идей и обоснованность теорий, князя Вяземского не было.

В старости он говорил о Пушкине: «хоть он и не принадлежал к заговору, который приятели таили от него, но он жил и раскалялся в этой жгучей и вулканической атмосфере. Все мы более или менее дышали и волновались этим воздухом». Советский исследователь восстания декабристов С. Дурылин верно сказал о самом Вяземском: «Он, действительно, дышал и волновался воздухом декабризма, но когда этот воздух сгустился до морозного хмурого тумана в один из дней декабря, на Сенатской площади, перед Зимним дворцом,— воздух этот оказался слишком резким для его легких, изнеженных кабинетным теплом остафьевского камина, и он не был на площади. Он остался декабристом, но без четырнадцатого декабря». Тем не менее Николай I терпеть не мог Вяземского и считал, что он «не попался только потому, что был умнее и осторожнее других».

Разгром восстания и судьба осужденных мучили его как неотвязный кошмар. 20 июля 1826 г. он писал жене: «Для меня Россия теперь опоганена, окровавлена, мне в ней душно, нестерпимо... О чем ни думаю, как ни развлекаюсь, а все прибывает меня невольно и неожиданно к пяти ужасным виселицам, которые для меня из всей России сделали страшное лобное место». Антиправительственные настроения Вяземского в первые годы после восстания декабристов не только не ослабели, но даже усилились. К 1828 г. относится стихотворение «Русский бог», ставшее настолько известным, что его одного хватило бы, чтобы принести Вяземскому поэтическую славу:

Бог метелей, бог ухабов,  
Бог мучительных дорог,  
Станций — тараканьих штабов,  
Вот он, вот он русский бог.

Бог голодных, бог холодных,  
Нищих вдоль и поперек,  
Бог имений недоходных,  
Вот он, вот он русский бог.

К глупым полон благодати,  
К умным беспощадно строг,  
Бог всего, что есть некстати,  
Вот он, вот он русский бог...

. . . . .

Бог бродяжных иноземцев,  
К нам зашедших за порог,  
Бог в особенности немцев.  
Вот он, вот он русский бог.

Впервые стихотворение «Русский бог» было напечатано лишь в 1854 г. и не в николаевской России, разумеется, а Вольной русской типографией А. И. Герцена в Лондоне. По просьбе Карла Маркса для него был сделан перевод «Русского бога». Но автор этих смелых стихов, обер-шенк двора, член Государственного совета, товарищ (по-нынешнему — заместитель) министра просвещения, глава цензурного ведомства, сенатор и прочая и прочая, к тому времени уже занимал совершенно иные общественные позиции.

\* \* \*

Больше двадцати лет продолжались самые тесные взаимоотношения Пушкина и Вяземского. Были общность взглядов, горячие споры, литературные несогласия, политические расхождения, но не было ни равнодушия, ни сколько-нибудь длительного взаимного охлаждения. И все же душевного тепла, простоты чувств, которые глубже любых литературных симпатий и антипатий, в отношении Вяземского к Пушкину, быть может, не доставало. Впрочем, упрекать Петра Андреевича в этом никак не следует: таков уж был склад его личности — насмешливый, рационалистичный, несколько чопорный. Пушкин был несравненно многограннее, душевно щедрее, непосредственнее, тоньше и уязвимее. Вот и получилось, что в этой дружбе, при всей ее искренности, на первый план вышла близость литературных интересов и поразительная у обоих писателей острота восприятия явлений культуры.

В феврале 1816 г. Николай Михайлович Карамзин отправился из Москвы в Петербург с рукописью

первых восьми томов «Истории...», которую намеревался представить императору и испросить дозволения печатать. С ним вместе ехали Василий Львович Пушкин и Петр Андреевич Вяземский. Оба поэта были с почетом приняты петербургским «Арзамасом», хотя Василию Львовичу пришлось пройти сложную процедуру, о которой читатель уже знает из воспоминаний Вяземского. Перед возвращением в Москву все трое заехали в Царское Село к племяннику Василия Львовича, уже довольно известному стихотворными опытами. Этот день — 23 марта 1816 г. и стал началом долголетней приязни Пушкина и Вяземского.

Вяземский одним из первых понял подлинный масштаб дарования Пушкина. Уже «Воспоминания в Царском Селе» поразили его. Он спрашивал К. Н. Батюшкова: «Что скажешь о сыне Сергея Львовича? Чудо и все тут. Его Воспоминания вскружили нам голову с Жуковским. Какая сила, точность в выражении, какая твердая и мастерская кисть в картинах. Дай бог ему здоровья и учения и в нем прок и горе нам. Задавит, каналья!» В 1818 г. он писал Жуковскому: «Стихи чертенка-племянника чудесно хороши. *В дыму столетий!* \* Это выражение — город. Я все отдал бы за него движимое и недвижимое. Какая бестия! Надобно нам посадить его в желтый дом: не то этот бешеный сорванец нас всех заест как отцов наших. Знаешь ли, что и Державин испугался бы дыма столетий?» Статьи Вяземского о южных поэмах Пушкина — «Кавказском пленнике», «Бахчисарайском фонтане», «Цыганах» были, кажется, единственным критическим суждением, доставившим молодому автору радость признания и пищу для размышлений. «Все дышит свежестью, все кипит жизнью необыкновенною, — писал Вяземский о первой из названных поэм. — Автор ее и в ранних опытах еще отроческого дарования поражал нас силою и мастерством своего языка стихотворного; впоследствии подвигался он быстро от усовершенствования к усовершенствованию и ныне являет нам степень зрелости совершенной». Пушкин отвечал на это с откры-

---

\* Строка из чернового варианта послания Пушкина «Жуковскому» (1818): «Он духом там — в дыму столетий!»

тым сердцем и в юношеском порыве благодарности: «Благодарю тебя, милый Вяземский! Пусть утешит тебя бог за то, что ты меня утешил. Ты не можешь представить себе, как приятно читать о себе суждение умного человека». В то время Вяземский считал Пушкина первым представителем «истинного романтизма» в России. Позже пришел к более широким выводам: «Пушкин остался тем, что был: ни исключительно классиком, ни исключительно романтиком, а просто поэтом и творцом, возвышающимся над литературною междоусобицею, которая в стороне от него суежилась, копошилась и почти бесновалась».

Но идиллического согласия между ними никогда не было. Они спорили «до упаду, до охриплости» о драматурге Озере, о поэтах Дмитриеве, Батюшкове, о Крылове, которого Вяземский долго не понимал и не оценивал по достоинству. Много лет спустя он признал правоту пушкинского суждения о Крылове. «Грех тебе унижать нашего Крылова,— писал Пушкин.— Твое мнение должно быть законом в нашей словесности, а ты по непростительному пристрастию судишь вопреки совести...»

Интереснейшая полемика возникла в связи со стихотворением Вяземского «Первый снег»:

Пусть нежный баловень полуденной природы,  
Где тень душистее, красноречивей воды,  
Улыбку первую приветствует весны!  
Сын пасмурных небес полуночной страны,  
Обвыкший к свисту вьюг и реву непогоды,  
Приветствую душой и песней первый снег...

Пушкин любил эти стихи и по своему обыкновению знал их наизусть; строку «И жить торопится и чувствовать спешит» поставил эпиграфом к 1-й главе «Онегина». Но не раз «Первый снег» вызывал у Пушкина и желание поспорить, противопоставить выраженному Вяземским восприятию русской природы, даже шире — русского национального характера — свое, несколько иное. В 5-й главе «Онегина» он написал не без некоторой иронии:

Согретый вдохновенья богом,  
Другой поэт роскошным слогом  
Живописал нам первый снег  
И все оттенки зимних нег;



Он вас пленит, я в том уверен,  
Рисуя в пламенных стихах  
Прогулки тайные в саях...

Пламенным стихам в «Онегине» противопоставлена, казалось бы, поэтизация обыденности: «Зима! Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь...» Причины торжества крестьянина простые: непролазная грязь осени сменилась снежным покровом — огромное облегчение для сельского жителя. И, что самое главное, снег укроет озимые — значит, есть надежда на будущий урожай.

Пушкин едва заметно намекнул на несколько удаленный от реальности, чуть-чуть декоративный блеск «Первого снега». Возможно, автор «Первого снега» преувеличивал, когда писал: «Тут есть русская крас-ка, чего почти ни в каких стихах наших нет. Русско-го поэта по физиономии не узнаешь... Я себя называю народным русским поэтом, потому что копаюсь все на своей земле». И в «Онегине», и в «Осени», и во множестве других произведений Пушкин показал, насколько тоньше и разнообразнее может быть поэтическое представление о России. Стихи Вяземского не раз были для него импульсом, точкой отсчета: на той глубине, где Вяземский остановился, Пушкин подчас только начинал. Однако это не мешало ему высоко ценить литературную работу Вяземского, как и вообще относиться к нему с уважением и доверием. Иначе разве он поручил бы ему опеку в светском обществе над самой любимой из своих героинь:

У скучной тетки Таню встреть,  
К ней как-то Вяземский подсел  
И душу ей занять успел.  
И, близ него ее заметя,  
Об ней, поправляя свой парик,  
Осведомляется старик.

Можно было бы привести множество примеров, когда мысли и образы Вяземского вызвали живой отклик Пушкина, умевшего ценить и моментально откликаться на все свежее, все лучшее в литературе. Замечания Пушкина о рукописи Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине» служат примером умной, взыскательной и вместе с тем позитивной критики. «Один из самых

оригинальных писателей наших»,— эта оценка творчества Вяземского много значила в устах Пушкина. Очень помогали Пушкину и организационные способности Вяземского: начиная с самых первых изданий пушкинских поэм и кончая «Современником», Вяземский сотрудничал с ним во всех литературных начинаниях.

Об отношении Вяземского к поэтическому дару Пушкина уже говорилось. Пушкин был для него высшим судьей в литературе. «Оскорбление русскому языку принимал он за оскорбление лично ему нанесенное,— вспоминал Вяземский.— В некотором отношении он был прав, как один из высших, если не высший представитель этого языка: оно так». Но в его позднейших воспоминаниях появились оценки иного, так сказать, человеческого плана, представляющие особый интерес. Оказывается, он по достоинству оценил в Пушкине черты характера, которых самому ему не хватало: «Труд был для него святыня, купель, в которой исцелялись язвы... восстанавливались ослабленные силы. Когда чуял он налет вдохновения, когда принимался за работу, он успокаивался, мужал, перерождался». Лишь с уходом Пушкина Вяземский до конца понял его величие не только литературное, но и человеческое. Слишком поздно он признался в своей слепоте: «Пушкин не был понят при жизни не только равнодушными к нему людьми, но и его друзьями. Признаюсь и прошу в том прощения у его памяти...» Кто знает, если бы Вяземский в полной мере это ощущал раньше, он мог бы не допустить трагедии. Ведь он был рядом, а не в Сибири, как Пущин, не в Москве, как Нащокин, не в Париже, как Соболевский... Он ничего не предпринял и после горько рыдал на ступенях Конюшенной церкви, где отпевали Пушкина. А. И. Тургенев говорил потом, что «сердце Вяземского исстрадалось от болезни и кончины Пушкина».

Мало кто написал о смерти Пушкина столько писем, собрал столько материалов «из первых рук» о преддвуэльных и предсмертных днях Пушкина, как Вяземский. Эта его активность продиктована не только непреодолимой горечью потери, но и чувством вины, непоправимой ошибки, которую уже не исправить

и не искупить. Он пытался объяснить случившееся: «Главный вывод всего этого происшествия есть следующий: какое-то роковое предопределение стремилло Пушкина к гибели. Разумеется, с большим благо-разумием и с меньшим жаром в крови и без страстей Пушкин повел бы это дело иначе. Но тогда могли бы мы видеть в нем, может быть, великого проповедника, великого администратора, великого математика; но, на беду, провидение дало нам в нем великого поэта. Легко со стороны и беспристрастно или бес-страстно, то есть тупо и деревянно судить о том, что он должен был чувствовать, страдать. И в силах ли человек вынести то, что жгло, душило его, чем зады-хался он, оскорбленный в нежнейших чувствах сво-их: в чувстве любви к жене, в чувстве ненарушимости имени и чести его, которые, как он сам говорил, принадлежали не ему одному, не одним друзьям и ближним, но России... Более всего не забывайте, что Пушкин нам, всем друзьям своим, как истинным ду-шеприказчикам, завещал священную обязанность оградить имя жены его от клеветы... Адские козни опутали их и остаются еще под мраком. Время, мо-жет быть, раскроет их».

Время раскрыло многое, но далеко не все. До сих пор потеря Пушкина ощущается нашим народом как острая боль. И неудивительно, что порой слышатся в бесконечной веренице публикаций упреки по адресу друзей Пушкина: Жуковский неверно оценил ситуа-цию, Вяземский чуть ли не примкнул к светской чер-ни и т. п. Едва ли такие оценки правомерны, если взглянуть на все происшедшее с исторической дистан-ции: клубок противоречий был невероятно сложным; не вина, а беда Вяземского, что не мог он тогда его распутать. Если же говорить в целом, то роль «язви-тельного поэта, остряка замысловатого» в жизни и литературной судьбе Пушкина исключительно ве-лика.

\* \* \*

Было бы несправедливо в сборнике материалов о близких друзьях Пушкина вовсе обойти Веру Фе-доровну Вяземскую (6.IX.1790—8.VII.1886). Тем бо-лее, что с нею, как утверждают первые биографы

Пушкина, он порой бывал откровеннее и душевно ближе, чем с ее мужем.

Пушкин познакомился с женой Вяземского 7 июня 1824 г. в Одессе, куда она привезла детей для лечения. В письме к Льву Сергеевичу Пушкин назвал Вяземскую «доброй и милой бабой». Сама она писала Петру Андреевичу о встрече с Пушкиным: «Он говорит: я всегда смотрел на вашего мужа как на холостого,— теперь он в моих глазах — сила, и первое же письмо, которое я ему буду писать, будет начато «Ваше сиятельство, милостивый государь» со всевозможными церемониями и почтительностью». Вера Федоровна принимала живейшее участие в одесских событиях жизни Пушкина, кончившихся его высылкой в Михайловское. Более того, она тогда была единственным другом поэта, знавшим все подробности его отношений с семейством Воронцовых и посвященным в его планы бегства за границу. Она полюбила Пушкина «любовью дружбы», хотя и читала поэту «обширные проповеди», предостерегая от легкомысленных поступков. «Я пытаюсь приручить его к себе как сына, но он непослушен как паж»,— жаловалась княгиня мужу. И далее: мы с ним в прекрасных отношениях; он забавен до невозможности. Я браню его как будто бы он был моим сыном». Возникшую в Одессе глубокую симпатию и привязанность к Пушкину Вера Федоровна Вяземская пронесла через всю жизнь.

Письма Пушкина Вере Федоровне из Михайловского (№ 17) свидетельствуют о полном дружеском доверии. Пушкин горько переживал тяжелые семейные утраты Вяземских и, чем мог, старался утешить несчастную мать. Особенно опасное положение сложилось в семействе Вяземских зимой 1825 г., когда, после смерти семилетнего сына Николеньки, тяжело заболел сам князь. Об этом — письмо Пушкина от 24 марта 1825 г. (№ 19). В дальнейшем — и в Москве, и в Остафьеве, и в Петербурге Пушкин постоянно встречался не только с Петром Андреевичем, но и с Верой Федоровной, был желанным гостем всей семьи. Вера Федоровна знала все обстоятельства долгой истории сватовства Пушкина к Н. Н. Гончаровой. Пушкин хотел, чтобы Вяземские были посаженными

отцом и матерью на его свадьбе. Летом 1834 г., уезжая в Италию в тщетной надежде спасти погибавшую от чахотки дочь Полину, Вяземские передали Пушкиным свою квартиру в доме Баташева на Гагаринской набережной. Возвратившись после похорон дочери в Петербург в мае 1835 г., Вяземские долго почти никого не принимали. Пушкин стал одним из немногих посетителей их в то время.

Наконец, Пушкин избрал Веру Федоровну поверенной и последней своей тайны. 25 января 1837 г., в понедельник, у Вяземских Пушкин сказал Вере Федоровне, что послал письмо Геккерну. Со слов Вяземской были впоследствии записаны многие подробности тех страшных дней. При этом Пушкин был настроен столь непримиримо, что отговорить его от принятого решения было совершенно невозможно. Княгиня еще надеялась на чудо и пыталась что-то предпринять через Петра Андреевича. Но он возвратился в тот вечер домой поздно, и время было упущено... Среди немногих друзей, собравшихся у постели умирающего Пушкина, была и Вера Федоровна Вяземская.

Вере Федоровне предстояла еще очень долгая жизнь. Дожив до 96 лет, она оставалась одной из последних на земле, кто близко знал величайшего поэта России, которому в 1880 г. был поставлен памятник на Тверском бульваре в Москве.

\* \* \*

«Раскайавшимся сатириком» назвал А. И. Герцен Вяземского в 1857 г. Князь и в самом деле, казалось, делал все возможное, чтобы опорочить и осмеять светлые идеалы собственной молодости. Сатирик середины прошлого века В. С. Курочкин (как бы пародируя стихи Пушкина) сказал о Вяземском-сановнике резко, обидно и, быть может, не совсем справедливо:

Судьба весь юмор свой явить желала  
в нем,  
Забавно совместив ничтожество с чинами,  
Морщины старика — с младенческим умом  
И спесь боярскую с холопскими стихами.

Насчет «младенческого ума» Курочкин все же ошибался. Вяземский и сам чувствовал оторванность от новых поколений, вспоминая о светлой пушкинской поре и исподволь готовя к печати свои «Записные книжки», которые вел с 1813 года и в которых сказал много верного и меткого о времени и о современниках. Ему было дорого прошлое и чуждо настоящее. Он писал незадолго до смерти:

Лампадою ночной погасла жизнь моя,  
Себя как мертвого оплакиваю я.  
На мне болезни и печали  
Глубоко врезан тяжкий след;  
Того, которого вы знали,  
Того уж Вяземского нет.

### *Основная литература*

П. А. Вяземский. Сочинения в двух томах. Составление и вступит. статья М. И. Гиллельсона. М., 1982.

П. А. Вяземский. Стихотворения. Подготовка текста и примечания Л. Я. Гинзбург. Л., 1958.

П. А. Вяземский. Записные книжки 1813—1848. Издание подготовила В. С. Нечаева. М., 1963.

М. И. Гиллельсон. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., 1969.

1

К ПОРТРЕТУ ВЯЗЕМСКОГО

Судьба свои дары явить желала в нем,  
В счастливом баловне соединив ошибкой  
Богатство, знатный род — с возвышенным умом  
И простодушие с язвительной улыбкой.

1820

*А. С. Пушкин*

2

ВЯЗЕМСКОМУ

Язвительный поэт, остряк замысловатый,  
И блеском колких слов, и шутками богатый,  
Счастливый Вяземский, завидую тебе.  
Ты право получил, благодаря судьбе,  
Смеяться весело над злобою ревнивой,  
Невежество разить анафемой игривой.

1821

*А. С. Пушкин*

3

К ВЯЗЕМСКОМУ

Так море, древний душегубец,  
Воспламеняет гений твой?  
Ты славишь лирой золотой  
Нептуна грозного трезубец.  
Не славь его. В наш гнусный век  
Седой Нептун земли союзник.  
На всех стихиях человек —  
Тиран, предатель или узник.

1826

*А. С. Пушкин*

# НА ПАМЯТЬ

В края далекие, под небеса чужие  
 Хотите вы с собой на память перенести  
 О ближних, о стране родной живую весть,  
 Чтоб стих мой сердцу мог в минуты неземные,  
 Как верный часовой откликнуться: Россия!  
 Когда беда придет иль просто как-нибудь  
 Тоской по родине занует ваша грудь,  
 Не ждите от меня вы радостного слова;  
 Под свежим трауром печального покрова,  
 Сложив с главы своей венок блестящих роз,  
 От речи радостной, от песни вдохновенной  
 Отвыкла муза: ей над урной драгоценной  
 Отныне суждено быть музой вечных слез.  
 Одною думою, одним событием полный,  
 Когда на чудный брег вас переносят волны  
 И звуки родины должны в последний раз  
 Печально врезаться и отозваться в вас,  
 На память и в завет о прошлом в мире новом  
 Я вас напутствую единым скорбным словом —  
 Затем, что скорбь моя превыше сил моих;  
 И, верный памятник сердечных слез и стона,  
 Вам затвердит одно рыдающий мой стих:  
 Что яркая звезда с родного небосклона  
 Внезапно сорвана средь бури роковой,  
 Что песни лучшие поэзии родной  
 Внезапно замерли на лире онемелой,  
 Что пал во всей поре красоты и славы зрелой  
 Наш лавр, наш вещий лавр, услада наших дней,  
 Который трепетом и сладкозвучным шумом  
 От сна воспрянувших пророческих ветвей  
 Вещал глагол богов на севере угрюмом,  
 Что навсегда умолк любимый наш поэт,  
 Что скорбь постигла нас, что Пушкина уж нет.

1837

*П. А. Вяземский*



5

ПОМИНКИ

(Пушкин)

Поэтической дружины  
Смелый вождь и исполин!  
С детства твой полет орлиный  
Достигал крутых вершин.

Помню я младую братью,  
Милый цвет грядущих дней:  
Отрок с огненной печатью,  
С тайным заревом лучей

Вдохновенья и призванья  
На пророческом челе,  
Полном думы и мечтанья  
Крыльев наших на земле.

Вещий отрок! отрок славы,  
Отделившись от других,  
Хладно смотрит на забавы  
Шумных сверстников своих.

Но гроза зажжет ли блеском  
Почерневший неба свод,  
Волны ль однозвучным плеском  
Пробудятся в лоне вод:

Ветром тронутый, тоскуя,  
Запоет ли темный лес,  
Как Мемнонова статуя  
Под златым лучом небес:

За ветвистою палаткой  
Соловей ли в тьме ночной,  
С свежей негой, с грустью сладкой  
Изливает говор свой:

Взор красавицы ль случайно  
Нежно проскользнет на нем,—  
Сердце разгорится тайно  
Преждевременным огнем:

Чуткий отрок затрепещет,  
Молча сердце даст ответ,  
И в молодых глазах заблещет  
Поэтический рассвет.

Там, где Царскосельских сеней  
Сумрак манит в знойный день,

. . . . .

Там поэт в родной стихии  
Стих златой свой закалил  
И для славы и России  
Он расцвел в избытке сил.

Век блестящий переживший,  
Переживший сам себя,  
Взор от лет полуостывший,  
Славу юную любя,

На преемнике цветущем  
Старец-Бард остановил,  
О себе вздохнув,— в грядущем  
Он певца благословил.

Брата обнял в нем Жуковский  
И с сочувствием родным,  
С властью, нежностью отцовской  
Карамзин следил за ним.

Как прекрасно над тобою  
Утро жизни расцвело;  
Ранним лавром, взятым с бою,  
Ты обвил свое чело.

Свет холодный, равнодушный  
Был тобою пробужден,  
И волшебнику послушный  
За тобой увлекся он.

Пред тобой соблазны пели,  
Уловляя в плен сетей,  
И в молодой груди кипели  
Страсти *Африки* твоей.

Ты с отвагою безумной  
Устремился в быстроту,  
Жизнью бурной, жизнью шумной  
Ты пробился сквозь волну.

Но души не опозорил  
Бурь житейских мутный вал,  
За тебя твой гений спорил  
И святыню отстоял.

От паденья, жрец духовный,  
Дум и творчества залог —  
Пламень чистый и верховный —  
Ты в душе своей сберег.

Все ясней, все безмятежней  
Разливался свет в тебе  
И все строже, все прилежней,  
С обольщениями в борьбе.

На таинственных скрижалях  
Повесть сердца ты читал,  
В радостях его, в печалях  
Вдохновений ты искал.

Ты внимал живым глаголам  
Поучительных веков,  
Чуждый распрям и расколам  
. . . . . умов.

В силе внутренней свободы  
Независимой душой  
Ты учился у природы  
. . . . .

1853

*П. А. Вяземский*

Что сказать вам о нашем уединении? Никогда Лицей (или Ликей, только, ради бога, не *Лицея*) не казался мне так несносным, как в нынешнее время. Уверяю вас, что уединенье в самом деле вещь очень глупая, на зло всем философам и поэтам, которые притворяются, будто бы жилали в деревнях и влюблены в безмолвие и тишину:

Блажен, кто в шуме городском  
Мечтает об уединенье,  
Кто видит только в отдаленье  
Пустыню, садик, сельский дом,  
Холмы с безмолвными лесами,  
Долину с резвым ручейком  
И даже... стадо с пастухом!  
Блажен, кто с добрыми друзьями  
Сидит до ночи за столом  
И над славенскими глупцами  
Смеется русскими стихами;  
Блажен, кто шумную Москву  
Для хижинки не покидает...  
И не во сне, а наяву  
Свою любовницу ласкает!..

Правда, время нашего выпуска приближается; остался год еще. Но целый год еще плюсов, минусов, прав, налогов, высокого, прекрасного!.. целый год еще дремать перед кафедрой... это ужасно. Право, с радостью согласился бы я двенадцать раз перечитать всё 12 песен пресловутой Россиады, даже с присовокупленьем к тому и премудрой критики Мерзлякова, с тем только, чтоб граф Разумовский сократил время моего заточенья.— Безбожно молодого человека держать взаперти и не позволять ему участвовать даже и в невинном удовольствии погребать покойную Академию и Беседу губителей Российского слова. Но делать нечего,

Не всем быть можно в равной доле,  
И жребий с жребием не схож —

От скуки часто пишу я стихи довольно скучные (а иногда и очень скучные), часто читаю стихотворения, которые их не лучше, недавно говел и исповедывался — всё это вовсе незабавно. Любезный арзамасец! утешьте нас своими посланиями — и обещаю вам, если не вечное блаженство, то по крайней мере искреннюю благодарность всего Лицея.

Простите, князь — гроза всех князей-стихотворцев на Ш. — Обнимите Батюшкова за того больного, у которого, год тому назад, завоевал он Бову Королевича. Не знаю, успею ли написать Василью Львовичу. На всякий случай обнимите и его за ветреного племянника.

*Пушкин — П. А. Вяземскому.  
27 марта 1816 г.*

7

Не только читал Пушкина, но с ума сошел от его стихов. Что за шельма! Не я ли наговорил ему эту байронщину:

Но только не к брегам печальным  
Пустынной родины моей...

Мне жаль, что в этой элегии дело о любви одной. Зачем не упомянуть о других неудачах сердца? Тут было где поразгуляться.

*П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу.  
27 ноября 1820.*

8

Посуди сам, сколько обрадовали меня знакомые караулки твоего пера. Почти три года имею про тебя только неверные известия стороною — а здесь не слышу живого слова европейского <...>

Ты меня слишком огорчил — предположением, что твоя живая поэзия приказала долго жить. Если правда — жила довольно для славы, мало для отчизны.

К счастью не совсем тебе верю, но понимаю тебя. Лета клонят к прозе, и если ты к ней привяжешься не на шутку, то нельзя не поздравить Европейскую Россию. Впрочем, чего тебе дожидаться? неужели тебя пленяет ежемесячная слава Прадтов? Предприми постоянный труд, пиши в тишине самовластия, образуй наш метафизический язык, зарожденный в твоих письмах — а там что бог даст. Люди, которые умеют читать и писать, скоро будут нужны в России, тогда надеюсь с тобою более сблизиться; покамест обнимаю тебя от души.

*Пушкин — П. А. Вяземскому.  
1 сентября 1822.*

9

Благодарю за щелчок цензуре, но она и не этого стоит: стыдно, что благороднейший класс народа, класс мыслящий как бы то ни было, подвержен самовольной расправе трусливого дурака. Мы смеемся, а кажется лучше бы дельно приняться за Бируковых; пора дать вес своему мнению и заставить правительство уважать нашим голосом — презрение к русским писателям нестерпимо; подумай об этом на досуге, да соединимся — дайте нам цензуру строгую, согласен, но не бессмысленную — читал ли ты мое послание Бирукову? если нет, вытребуй его от брата или от Гнедича; читал я твои стихи в Полярной Звезде; все прелесть — да ради Христа прозу-то не забывай; ты да Карамзин одни владеют ею <...>

Кому, как не тебе, взять на себя скучную, но полезную должность надзирателя наших писателей. Стихи мои ищут тебя по всей России — я ждал тебя осенью в Одессу и к тебе бы приехал — да мне всё идет наперекор. Не знаю, нынешний год увижусь ли с тобою. Пиши мне покамест, если по почте, так осторожнее, а по *оказии* что хочешь — да нельзя ли твоих стихов? Мочи нет хочется; дядя прислал мне свои стихотворения — я было хотел написать об них кое-что, более для того, чтоб ущипнуть Дмитриева, неже-

ли чтоб порадовать нашего старосту; да невозможно; он так глуп, что язык не повернется похвалить его и не сравнивая с экс-министром — Доратом. Видишь ли ты иногда Чедаева? он вымыл мне голову за пленника, он находит, что он не довольно *blasé*\*; Чедаев по несчастию знаток по этой части; оживи его прекрасную душу, поэт! ты верно его любишь — я не могу представить себе его иным, что прежде. Еще слово об *Кавказском пленнике*. Ты говоришь, душа моя, что он сукин сын за то, что не горюет о черкешенке, но что говорить ему — *все понял он* выражает всё; мысль об ней должна была овладеть его душою и соединиться со всеми его мыслями — это разумеется — иначе быть нельзя; не надобно всё высказывать — это есть тайна занимательности. Другим досадно, что *пленник* не кинулся в реку вытаскивать мою черкешенку — да, сунься-ка; я плавал в кавказских реках, — тут утонешь сам, а ни чорта не сыщешь; мой пленник умный человек, рассудительный, он не влюблен в черкешенку — он прав, что не утопился. Прощай, моя радость.

*Пушкин — П. А. Вяземскому. 6 февраля 1823.*

10

Сделай милость, напиши мне обстоятельнее о тяжбе своей с цензурою. Это касается всей православной кучки. Твое предложение собраться нам всем и жаловаться на Бируковых может иметь худые последствия. На основании военного устава, если более двух офицеров в одно время подают рапорт, таковой поступок приемлется за бунт. Не знаю, подвержены ли писатели военному суду, но общая жалоба с нашей стороны может навлечь на нас ужасные подозрения и причинить большие беспокойства... Соединиться тайно — но явно действовать в одиночку, кажется, вернее. В таком случае должно смотреть на поэзию, с позволения сказать, как на ремесло. Руссо не впервой соврал, когда утверждает *que c'est le plus vil des*

\* Пресыщенный (фр.).

métiers. Pas plus vil qu'un autre \*. Аристократические предубеждения пристали тебе, но не мне — на конченную свою поэму я смотрю, как сапожник на пару своих сапог: продаю с барышом. Цеховой старшина находит мои ботфорты не по форме, обрезывает, портит товар; я в накладе; иду жаловаться частному приставу; всё это в порядке вещей. Думаю скоро связаться с Бируковым и стану доезжать его в этом смысле — но за 2000 верст мудрено щелкать его по носу. Я барахтаюсь в грязи молдавской, чорт знает когда выкарабкаюсь. Ты — барахтайся в грязи отечественной и думай:

Отечества и грязь сладка нам и приятна.

*Сверчок*

*Пушкин — П. А. Вяземскому. Март 1823.*

11

От всего сердца благодарю тебя, милый Европеец, за неожиданное послание или посылку. Начинаю почитать наших книгопродавцев и думать, что ремесло наше, право, не хуже другого. Одно меня затрудняет, ты продал всё издание за 3000 р., а сколько ж стоило тебе его напечатать? Ты всё-таки даришь меня, бессовестный! Ради Христа, вычти из остальных денег, что тебе следует, да пришли их сюда. Расти им не за чем. А у меня им не залежаться, хоть я, право, не мот. Уплачу старые долги и засяду за новую поэму. Благо я не принадлежу к нашим писателям 18-го века: я пишу для себя, а печатаю для денег, а ничуть для улыбки прекрасного пола.

Жду с нетерпением моего «Фонтана», т. е. твоего предисловия. Недавно прочел я твои давишные замечания на Булгарина, это лучшая из твоих полемических статей. Жизни Дмитриева еще не видал. Но, милый, грех тебе унижать нашего Крылова. Твое мнение должно быть законом в нашей словесности, а ты по непростительному пристрастию судишь вопреки своей

---

\* что это самое подлое ремесло. Не подлее других (фр.).



совести и покровительствуешь чорт знает кому. И что такое Дмитриев? Все его басни не стоят одной хорошей басни Крылова; все его сатиры — одного из твоих посланий, а всё прочее первого стихотворения Жуковского.

*Пушкин — П. А. Вяземскому. 8 марта 1824.*

12

*(Секретное)*

Сделай милость, будь осторожен на язык и на перо. Не играй своим будущим. Теперешняя ссылка твоя лучше всякого места. Что тебе в Петербурге? Дай мне отделаться от дел своих, но не так, чтобы можно было всё бросить на несколько лет и ехать в чужие края, я охотно поселился бы у вас. Верные люди сказывали мне, что уже на Одессу смотрят, как на *champ d'asyle* \*, а в этом поле, верно, никакая ягодка более тебя не обращает внимания. В случае какой-нибудь непогоды Воронцов не отстоит тебя и не защитит, если правда, что и он подозреваем в подозрительности. Да к тому же, признаюсь откровенно: я не твердо уповаю на рыцарство Воронцова. Он человек приятный, благонамеренный, но не пойдет донкишотствовать против власти ни за *лице*, ни за *мнение*, какие бы они ни были, если власть поставит его в необходимость объявить себя за них или за нее. Ты довольно сыграл пажеских шуток с правительством; довольно подразнил его, и полно!..

*П. А. Вяземский — Пушкину. Конец мая (?) 1824.*

13

Жена твоя приехала сегодня, привезла мне твои письма и мадригал Василия Львовича, в котором он мне говорит: *ты будешь жить с княгиней прелестной*; не верь ему, душа моя, и не ревнуй. Письма твои обрадовали меня по многим отношениям: кажется, ты

\* Пристанище (фр.).

успокоился после своей эпиграммы. Давно бы так! Критики у нас, чувашей, не существует, палки как-то неприличны; о поединке и смех и грех было и думать: то ли дело цып-цып или цыц-цыц. Пришли мне эпиграмму Грибоедова. В твоей неточность: и *визг* такой; должно *писк*. Впрочем, она прелестна. То, что ты говоришь насчет журнала, давно уже бродит у меня в голове. Дело в том, что на Воронцова нечего надеяться. Он холоден ко всему, что не он; а меценатство вышло из моды. Никто из нас не захочет *великодушного покровительства просвещенного вельможи*, это обветшало вместе с Ломоносовым. Нынешняя наша словесность есть и должна быть благородно-независима...

*Пушкин — П. А. Вяземскому. 7 июня 1824.*

14

Ничего хорошего не могу сказать тебе о племяннике Василия Львовича, поэте Пушкине. Это совершенно сумасшедшая голова, с которою никто не сможет совладать. Он натворил новых проказ, из-за которых подал в отставку. Вся вина — с его стороны. Мне известно из хорошего источника, что отставки он не получит. Я делаю все, что могу, чтобы успокоить его, браню его от твоего имени, уверяя его, что, разумеется, ты первый признал бы его виноватым, так как только ветренник мог бы так набедокурить. Он захотел выставить в смешном виде важную для него особу — и сделал это, что стало известно и, как и следовало ожидать, на него не могли больше смотреть благосклонно, что меня очень огорчает, но никогда не приходилось мне встречать столько легкомыслия и склонности к злословию, как в нем: вместе с тем, я думаю, у него доброе сердце и много мизантропии; не то, чтобы он избегал общества, но он боится людей; это, может быть, следствие несчастий и вина его родителей, которые его таким сделали. (Франц.)

*В. Ф. Вяземская — П. А. Вяземскому.  
13 июня 1824.*

За что ты меня бранишь в письмах к своей жене? за отставку? т. е. за мою независимость? За что ты ко мне не пишешь? Приедешь ли к нам в полуденную пыль? Дай бог! но поладишь ли ты с здешними властями — это вопрос, на который отвечать мне не хочется, хоть и можно бы. Кюхельбекер едет сюда — жду его с нетерпением. Да и он ничего ко мне не пишет; что он не отвечает на мое письмо? Дал ли ты ему Разбойников для Мнемозины? — Я бы и из Онегина переслал бы что-нибудь, да нельзя; все заклеямено печатью отвержения.

*Пушкин — П. А. Вяземскому. 15 июля 1824.*

Приходится начать письмо с того, что меня занимает сейчас более всего, — со ссылки и отъезда Пушкина, которого я только что проводила до верха моей огромной горы, нежно поцеловала и о котором я плакала, как о брате, потому что последние недели мы были с ним совсем как брат с сестрой. Я была единственной поверенной его огорчений и свидетелем его слабости, так как он был в отчаянии от того, что покидает Одессу, в особенности из-за некоего чувства, которое разрослось в нем за последние дни, как это бывает. Не говори ничего об этом, при свидании мы потолкуем об этом менее туманно, есть основания прекратить этот разговор. Молчи, хотя это очень целомудренно, да и серьезно лишь с его стороны. Он умоляет тебя не писать ему, дело в том, что один человек оказался скомпрометированным из-за того, что наш друг написал на чужом письме, обращенном к нему, его адрес, и хотя он с этим человеком совершенно не был знаком, последнего допрашивали о его отношениях с нашим другом. Я уверена, что ты не покинешь его в несчастии, но пиши и изъясняйся в своих письмах так, как если бы ты был его худшим недругом; ты всегда считал себя слишком бесхитростным, чтобы

это делать, но принеси эту жертву дружбе, потому что единственная радость, которая останется бедному Пушкину, похороненному в глуши возле уездного города Порхова в Псковской губернии, это получать изредка известия, чтобы не умереть окончательно нравственной смертью. Полюбопытствуй, хорошо ли приняли его родители; упрекать его в чем-либо было бы бессмысленно; в чем, впрочем, можно было бы упрекнуть его, раз он не знает за собой иной вины, как то, что он подал в отставку? Я обещала изредка писать ему. Я проповедую ему покорность судьбе, а сама не могу с ней примириться, он сказал мне, покидая меня, что я была единственной женщиной, с которой он расстается с такою грустью, притом что никогда не был в меня влюблен. Это обрадовало меня, потому что я тоже испытываю к нему дружбу, тем более нежную, что он несчастен, а это особенно на меня действует; хотелось бы, чтобы это подействовало также и на его мать. (Франц.)

*В. Ф. Вяземская — П. А. Вяземскому.  
1 августа 1824.*

17

Прекрасная, добрейшая княгиня Вера, душа прелестная и великодушная. Не стану благодарить вас за ваше письмо, слова были бы слишком холодны и слишком слабы, чтоб выразить вам мое умиление и признательность... Вашей нежной дружбы было бы достаточно для всякой души менее эгоистичной, чем моя; каков я ни на есть, она одна утешила меня во многих горестях и одна могла успокоить бешенство скуки, снедающей мое нелепое существование.— Вы хотите знать его, это нелепое существование: то, что я предвидел, сбылось. Пребывание среди семьи только усугубило мои огорчения, и без того достаточно существенные. Меня попрекают моей ссылкой; считают себя вовлеченными в мое несчастье; утверждают, будто я проповедую атеизм сестре — небесному соз-

данию — и брату — потешному юнцу, который восторгался моими стихами, но которому со мной явно скучно. Одному богу известно, помышляю ли я о нем. Мой отец имел слабость согласиться на выполнение обязанностей, которые, во всех обстоятельствах, поставили его в ложное положение по отношению ко мне; вследствие этого всё то время, что я не в постели, я провожу верхом в полях. Всё, что напоминает мне море, наводит на меня грусть — журчание ручья причиняет мне боль в буквальном смысле слова — думаю, что голубое небо заставило бы меня плакать от бешенства... (Франц.)

*Пушкин — В. Ф. Вяземской. Октябрь 1824.*

18

Петербургская литература так огадилась, так ишельмовалась, что стыдно иметь с нею дело. Журналисты друг на друга доносят, хлопочут только о грошах и то ищут их в грязи и в заходах. И тебе не худо хлопотать о грошах или денежках на черный день; но это дело другое! Собери все свои элегии и пришли мне их; можно их отдельно напечатать. Потом *три поэмы*. Там отрывки из Онегина; а уж под конец полное собрание. Вот тебе и славная оброчная деревня! А меня наряди своим бурмистром! Тебе времени теперь много: есть досуг собрать, переписать. Да и я без дела и без охоты делать. А твое занятие будет для меня: дела не делай, а от дела не бегай. Сделай милость, для меня и для себя займись моим предложением. В Москве готовится новый журнал: Полевой и Раич главные издатели. Они люди честные и благонамеренные. Дай им что-нибудь на зубок. Они подносят тебе билет на свой журнал, который буду пересылать. — Жена писала тебе из Одессы на имя псковского губернатора. Скажи мое почтение Сергею Львовичу: не отвечал я ему на его письмо, потому что побоялся беспокоить в горести по смерти Анны Львовны. Жена тебе очень кланяется и ожидает твоего письма.

Присылай стихов, все стихи! Ради бога стихов!  
Брату мой поклон.

*П. А. Вяземский — Пушкину. 6 ноября 1824.*

19

Дорогая и уважаемая княгиня, ваше письмо причинило мне глубокую душевную боль. Я не имел понятия о несчастье, постигшем вас; не буду пытаться вас утешить, но всей душой разделяю ваше горе и вашу тревогу. Надеюсь, что в настоящее время князь и дети уже выздоравливают. Так как «Онегин» может его развлечь, я немедленно начну его переписывать и пришлю ему. Напишу также брату, чтобы он выслал ему всё, что найдет у себя из моих стихов. Только прошу князя сохранить всё это для себя лично и никому ничего не читать.

Пушин напрасно рассказал вам о моих тревогах и предположениях, которые оказались ошибочными. Я не поддерживаю никаких сношений с Одессой и мне совершенно неизвестно, что там происходит.

Успокойтесь, дорогая княгиня, если это возможно. Сообщайте мне о вашей семье и считайте меня всегда в числе самых преданных своих друзей. (*Франц.*)

*Пушкин — В. Ф. Вяземской. 24 марта 1825.*

20

Надеюсь, что ты выздоровел — с нетерпением ожидаю о том официального известия. Брат перешлет тебе мои стихи, я переписываю для тебя Онегина — желаю, чтоб он помог тебе улыбнуться. В первый раз улыбка читателя те sourit\* (Извини эту плоскость: в крови!). А между тем будь мне благодарен — отроду ни для кого ничего не переписывал, даже для Голицыной — из сего следует, что я в тебя влюблен, как кюхельбекерский Державин в Суворова...

*Пушкин — П. А. Вяземскому.  
Конец марта — начало апреля 1825.*

---

\* мне улыбается (*фр.*).

21

Я получил вторую часть Онегина и еще кое-какие безделки. Онегиным я очень доволен, т. е. многим в нем, но в этой главе менее блеска, чем в первой, и потому не желал бы видеть ее напечатанною особняком, а разве с двумя, тремя или по крайней мере еще одною главою. В целом или в связи со следующим она сохранит в целости свое достоинство, но боюсь, чтобы она не выдержала сравнения с первою, в глазах света, который не только равного, но лучшего требует. Говорят, что Цыгане твои прелесть, а я всё их не вижу, я, который имею столько прав и на стихи твои и на Цыган, потому что без ума от тех и от других. Я упивался твоими стихами и часто бывал пьян у цыган. Что скажет об этом признании потомство, если письмо попадет ему в руки, и если оно будет такой же чопорный бригадир, как и настоящее?

*П. А. Вяземский — Пушкину. 7 июня 1825.*

22

Мой милый, поэзия твой родной язык, слышно по выговору, но кто ж виноват, что ты столь же редко говоришь на нем, как дамы 1807-го года на славяно-русском. И нет над тобою как бы некоего Шишкова или Сергея Глинки, или иной няни Василисы, чтоб на тебя прикрикнуть: извольте-де браниться в рифмах, извольте жаловаться в стихах. Благодарю очень за Водопад. Давай мутить его сейчас же.

*...с гневом*

*Сердитый влаги властелин —*

*Вла вла* звуки музыкальные, но можно ли, напр., сказать о молнии *властительница небесного огня*? Водопад сам состоит из влаги, как молния сама огонь. Перемени как-нибудь, валяй его с каких-нибудь *стремнин, вершин* и тому подобное.

2-я строфа — прелесть!

— Дождь брызжет от (такой-то) сшибки  
Твоих *междуусобных* волн.

*Междуусобный* значит *mutuel* но не включает в себе идеи брани, спора — должно непременно тут дополнить смысл.

5-ая и 6-ая строфы прелестны.

Но ты питомец тайной бури.

Не питомец, скорее родитель — и то не хорошо — не соперник ли? *тайной*, о гремящем водопаде говоря, не годится — о буре физической — также. *Игралище глухой войны* — не совсем точно. *Ты не зеркало* и проч. Не яснее ли и не живее ли: *Ты не приемлешь их лазури* etc\*. Точность требовала бы *не отражаешь*. Но твое повторение *ты* тут нужно.

*Под грозным знаменьем* etc. *Хранишь* etc., но вся строфа сбивчива. Зародыш непогоды в водопаде: темно. Вечно-бьющий *огонь*, тройная метафора. Не вычеркнуть ли всю строфу?

*Ворвавшись* — чудно-хорошо. *Как средь пустыни* etc. Не должно тут двойным сравнением развлекать внимания — да и сравнение не точно. *Вихорь и пустыню* уничтожь-ка — посмотри, что выйдет из того:

Как ты, внезапно разгорится.

Вот видишь ли? ты сказал об водопаде *огненном* метафорически, т. е. *блистающий, как огонь*, а здесь уж переносишь к жару страсти сей самый водопадный пламень (выражаюсь как нельзя хуже, но ты понимаешь меня). Итак, не лучше ли:

Как ты, *пустынно* разразится

etc. а? или что другое — но *разгорится* слишком натянуто. Напиши же мне: в чем ты со мною согласишься. Твои письма гораздо нужнее для моего ума, чем операция для моего аневризма. Они точно оживляют меня, как умный разговор, как музыка Россини; как похотливое кокетство итальянки. Пиши мне, во Пско-

---

\* Впрочем, это придирка (Прим. Пушкина).



ве это для меня будет благодеянье. Я созвал *нежданных* гостей, прелесть — не лучше ли еще *незванных*. Нет, cela serait de l'esprit \*.

Пушкин — П. А. Вяземскому.  
14 и 15 августа 1825.

23

Лучшие люди в России за тебя; многие из них даже деятельны за тебя; имя твое сделалось народною собственностью. Чего тебе недостает? Я знаю чего, но покоришься же силе обстоятельств и времени. Ты ли один терлишь, и на тебе ли одном обрушилось бремя невзгод, сопряженных с настоящим положением не только нашим, но вообще европейским. Если приперло тебя потеснее другого, то вини свой пьедестал, который выше другого. Будем беспристрастны: не сам ли ты частью виноват в своем положении? Ты сажал цветы, не сообразясь с климатом. Мороз сделал свое, вот и всё! Я не говорю, что тебе хорошо, но говорю, что могло бы быть хуже, и что будет хуже, если не станешь помогать о лучшем и будешь перечить друзьям своим.

П. А. Вяземский — Пушкину.  
28 августа и 6 сентября 1825.

24

Друзья обо мне хлопочут, а мне хуже да хуже. Сгоряча их проклиная, одумаюсь, благодарю за намерение, как езуит, но всё же мне не легче. Аневризмом своим дорожил я пять лет, как последним предложением к избавлению, *ultima ratio libertatis* \*\* — и вдруг последняя моя надежда разрушена проклятым дозволением ехать лечиться в ссылку! Душа моя, по-

---

\* Это было бы от ума (фр.).

\*\* Последним доводом за освобождение (лат.).

неволе голова кругом пойдет. Они заботятся о жизни моей; благодарю — но чорт ли в эдакой жизни. Гораздо уж лучше от нелечения умереть в Михайловском. По крайней мере могила моя будет живым упреком, и ты бы мог написать на ней приятную и полезную эпитафию. Нет, дружба входит в заговор с тиранством, сама берется оправдать его, отвратить негодование; выписывают мне Мойера, который, конечно, может совершить операцию и в сибирском руднике; лишают меня права жаловаться (не в стихах, а в прозе, дьявольская разница!), а там не велят и беситься. Как не так! — я знаю, что право жаловаться ничтожно, как и все прочие, но оно есть в природе вещей: погоди. Не демонструй, Асмодей: мысли твои об общем мнении, о суете гонения и страдальчества (положим) справедливы — но помилуй... это моя религия; я уже не фанатик, но все еще набожен. Не отнимай у схимника надежду рая и страх ада <...>

Сегодня кончил я 2-ую часть моей трагедии — всех, думаю, будет четыре. Моя Марина славная баба: настоящая Катерина Орлова! знаешь ее? Не говори, однако ж, этого никому. Благодарю тебя и за замечание Карамзина о характере Бориса. Оно мне очень пригодилось. Я смотрел на него с политической точки, не замечая поэтической его стороны; я его засажу за евангелие, заставлю читать повесть об Ироде и тому подобное. Ты хочешь *плана*? возьми конец десятого и весь одиннадцатый том, вот тебе и *план*.

Ах, мой милый, вот тебе каламбур на мой анекдотизм: друзья хлопчут о моей *жиле*, а я об *жилье*. Каково?

Пушкин — П. А. Вяземскому. 13 сентября 1825.

Поздравляю тебя, моя радость, с романтической трагедиею, в ней же первая персона Борис Годунов! Трагедия моя кончена; я перечел ее вслух, один, и

бил в ладоши и кричал, ай-да Пушкин, ай-да сукин сын!

*Пушкин — П. А. Вяземскому. Ноябрь 1825.*

26

Ты жалуешься на мое молчание: я на твое. Кто прав? Кто виноват? Оба. Было время не до писем. Потом мы опять имели несчастье лишиться сына 3-х летнего. Из 5 сыновей остается один. Тут замолчишь поневоле. Теперь я был болен недели с две. Вот тебе бюджет моего времени не завидный. Скучно, грустно, душно, тяжело. Я рад, что ты здоров, и не был расстроен. Сиди смирно, пиши, пиши стихи и отдавай в печать! Только не трать чернил и времени на рукописное. Я надеюсь, что дело обойдется для тебя хорошо.

*П. А. Вяземский — Пушкину. 10 мая 1826.*

27

Вечер один провел я у Жуковского. Пушкин читал нам несколько глав романа своего в прозе, о предке своем Аннибале — воспитаннике Петра. В описании двора и житья-бытья петровых вельможей много истины, живости и занимательности. Желательно видеть продолжение романа...

*П. А. Вяземский — В. Ф. Вяземской.  
13 марта 1828.*

28

До сей поры главная поэзия его заключалась в нем самом. «Онегин» хорош Пушкиным, но, как создание, оно слабо.

*П. А. Вяземский — А. И. Тургеневу.  
18 апреля 1828.*

29

Смерть хочется, приехав, с вами поздороваться и распрощаться, возвратиться в июне в Петербург и отправиться в Лондон на пироскафе, из Лондона недели на три в Париж, а в августе месяце быть снова у твоих саратовских прекрасных ножек...

Вчера были мы у Жуковского и сговорились пуститься на этот европейский набег: Пушкин, Крылов, Грибоедов и я. Мы можем показываться в городах, как жирафы, или осажи: не шутка видеть четырех русских литераторов. Журналы, верно, говорили бы об нас. Приехав домой, издали бы мы свои путевые записки: вот опять золотая руда. Право, можно из одной спекуляции пуститься на это странствие. Продать заранее ненаписанный манускрипт своего путешествия которому-нибудь книгопродавцу или, *например, Полевому*, деньги верные...

*П. А. Вяземский — В. Ф. Вяземской.  
19 апреля 1828.*

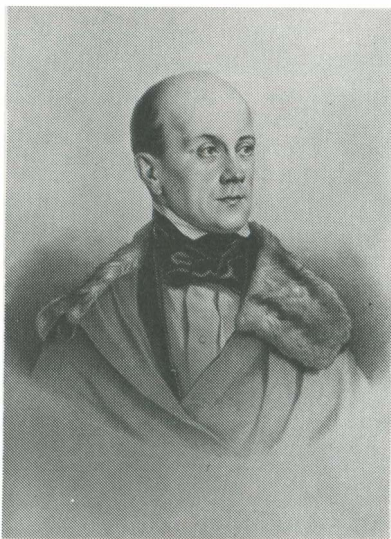
30

Ваше сиятельство! Его сиятельство, несмотря на свою ревность, позволил моему благородию написать вам несколько строф (т. е. строк). Во-первых, позвольте повергнуться мне к ножкам Вашего сиятельства и принести всеподданнейшую мою благодарность за собачку (символ моей к Вам верности), вышитую на канве собственными Вашими ручками и присланную мне в мое чухонское уединение.—Что делаете Вы, бесподобная княгиня, в Вашей саратовской степи, и что делает его сиятельство Павел, которого письма составляют единственное утешение наше?

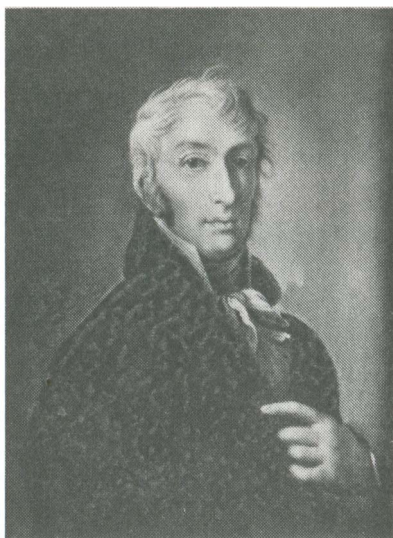
*Пушкин — В. Ф. Вяземской.  
26 апреля 1828.*



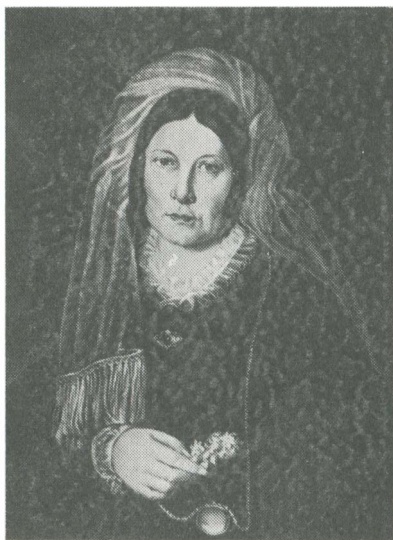
**А. И. ТУРГЕНЕВ.**  
*Литография с оригинала П. Виньерона.  
1830-е гг.*



**П. Я. ЧААДАЕВ.**  
*Литография А. Алофа. 1830-е гг.*



Н. М. КАРАМЗИН.  
*Художник Ж.-Б. Дамон-Ортолани.  
Холст, масло, 1805 г.*



Е. А. КАРАМЗИНА.  
*Художник Ж.-Б. Дамон-Ортолани.  
Холст, масло.*

31

Вчера Пушкин читал свою трагедию у Лаваль: в слушателях были две княгини Michel \*, Одоевская-Ланская, Грибоедов, Мицкевич, юноши, Балк, который слушал трагический. Кажется, все были довольны, сколько можно быть довольным, мало понимая. В трагедии есть красоты первостепенные. Я несколько раз слушал ее со вниманием, и всегда с новым, то есть свежим, удовольствием. Иные сцены, в особенности из последних, не достаточно развиты, и только *des sommaires de scènes* \*. Вообще истина удивительная, трезвость, спокойствие. Автора почти нигде не видишь. Перед тобою не куклы на проволоке, действующие по манию закулисного фокусника.

*П. А. Вяземский — В. Ф. Вяземской.  
17 мая 1828.*

32

У меня есть на столе письмо, уже давно к тебе написанное — я побоялся послать его тебе по почте. Жена твоя, вероятно, полнее и дельнее рассказала тебе, в чем дело. Государь, уезжая, оставил в Москве проект новой организации, контрреволюции революции Петра. Вот тебе случай писать политический памфлет, и даже его напечатать, ибо правительство действует или намерено действовать в смысле европейского просвещения. Ограждение дворянства, подавление чиновничества, новые права мещан и крепостных — вот великие предметы. Как ты? Я думаю пуститься в политическую прозу. Что твое здоровье? Каков ты с министрами? и будешь ли ты в службе новой?

*Пушкин — П. А. Вяземскому.  
16 марта 1830.*

\* Мишель (фр.).

\* Краткое содержание сцен (фр.).

33

Вяземские здесь. Бедная Полина очень слаба и бледна. Отца жалко смотреть. Так он убит. Они все едут за границу. Дай бог, чтоб климат ей помог.

*Пушкин — Н. Н. Пушкиной. 3 августа 1834.*

34

Будьте покойны, все бумаги Пушкина сохранены и находятся в руках Жуковского. Все что можно, будет из оных напечатано. Многие рукописи еще не разобраны и не переписаны за отъездом Жуковского, но это дело впереди. На первый случай достаточно озаботиться и привести к окончанию год Современника и полное издание старого. Вы говорите о восстановлении пропусков. Как бы не так! Мы рады, что успели после многих ошибок удержать в целости — и в неприкосновенности от цензуры и то, что уже было напечатано. Хорошо бы собрать по всем рукам письма Пушкина, и каждому из приятелей его написать воспоминания о нем. Время полной и живоносной биографии еще не настало, но сверстникам его следует приготовить материалы для будущего соорудителя...

Я писал к Нащокину о высылке мне бюста Пушкина. Сделайте одолжение, напомните ему о моей просьбе.

*П. А. Вяземский — М. П. Погодину.  
23 июля 1837.*

35

Я провел нынешнюю осень несколько приятных и сладостно-грустных дней в Михайловском, где все так исполнено «Онегиным» и Пушкиным. Память о нем свежа и жива в той стороне. Я два раза был на могиле его и каждый раз встречал при ней мужиков и простолюдинов с женами и детьми, толкующих о Пушкине.

*П. А. Вяземский — П. В. Нащокину.  
Декабрь 1841.*



\* \* \*

36

Читал сегодня послание князя Вяземского к Жуковскому. Смелость, сила, ум и резкость; но что за звуки! *Кому был Феб из русских ласков*. Неожиданная рифма *Херасков* не примиряет меня с такой какофонией. Баратынский — прелесть.

*А. С. Пушкин. Дневник. (3 апреля 1821).*

37

#### ПИСЬМО К ИЗДАТЕЛЮ «СЫНА ОТЕЧЕСТВА»

В течение последних четырех лет мне случалось быть предметом журнальных замечаний. Часто несправедливые, часто непристойные, иные не заслуживали никакого внимания, на другие издали отвечать было невозможно. Оправдания оскорбленного авторского самолюбия не могли быть занимательны для публики; я молча предполагал исправить в новом издании недостатки, указанные мне каким бы то ни было образом, и с живейшей благодарностью читал изредка лестные похвалы и ободрения, чувствуя, что не одно, довольно слабое, достоинство моих стихотворений давало повод благородному изъявлению снисходительности и дружелюбия.

Ныне нахожусь в необходимости прервать молчание. Князь П. А. Вяземский, предприняв из дружбы ко мне издание «Бахчисарайского фонтана», присоединил к оному «Разговор между Издателем и Антиромантиком», разговор вероятно вымышленный: по крайней мере, если между нашими печатными классиками многие силою своих суждений сходятся с Классиком Выборгской стороны, то, кажется, ни один из них не выражается с его остротой и светской вежливостью.

Сей разговор не понравился одному из судей нашей словесности. Он напечатал в 5 № «Вестника Ев-

ропы» второй разговор между Издателем и Классиком, где между прочим прочел я следующее:

«Изд. Итак, разговор мой вам не нравится? — Класс. Признаюсь, жаль, что вы напечатали его при прекрасном стихотворении Пушкина, думаю, и сам автор об этом пожалеет».

Автор очень рад, что имеет случай благодарить князя Вяземского за прекрасный его подарок. *Разговор между Издателем и Классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова* писан более для Европы вообще, чем исключительно для России, где противники романтизма слишком слабы и незаметны и не стоят столь блистательного отражения.

Не хочу или не имею права жаловаться по другому отношению и с искренним смирением принимаю похвалы неизвестного критика.

Александр Пушкин. 1824.

Одесса

38

Проза князя Вяземского чрезвычайно жива. Он обладает редкой способностью оригинально выражать мысли — к счастью он мыслит, что довольно редко между нами.

А. С. Пушкин.

Материалы к «Отрывкам из писем, мыслям и замечаниям». 1827.

39

Некоторые журналы, обвиненные в неприличности их полемики, указали на князя Вяземского, как на начинщика брани, господствующей в нашей литературе. Указание неискреннее. Критические статьи кн. Вяземского носят на себе отпечаток ума тонкого, наблюдательного, оригинального. Часто не соглашаешься с его мыслями, но они заставляют мыслить. Даже там, где его мнения явно противоречат нами приня-

тым понятиям, он невольно увлекает необыкновенною силою рассуждения (discussion) и ловкостью самого софизма. Эпиграмматические же разборы его могут казаться обидными самолюбию авторскому, но кн. Вяземский может смело сказать, что личность его противников никогда не была им оскорблена: они же всегда преступают черту литературных прений и поминутно, думая напасть на писателя, вызывают на себя негодование члена общества и даже гражданина.

А. С. Пушкин.

О статьях кн. Вяземского. 1830.

40

Автор повести «Кавказский пленник» (по примеру Байрона в Child-Harold \*) хотел передать читателю впечатления, действовавшие на него в путешествии. *Описательная поэма, описательное послание* придают невольно утомительное однообразие рассказу. Автор на сцене представляет всегда какое-то принужденное и холодное лицо: между им и читателем выгоднее для взаимной пользы иметь посредника. Пушкин, созерцая высоты поэтического Кавказа, поражен был поэзией природы дикой, величественной, поэзией нравов и обыкновений народа грубого, но смелого, воинственного, красивого, и как поэт, не мог пребыть в молчании, когда все говорило воображению его, душе и чувствованиям языком новым и сильным.

Содержание настоящей повести просто и, может быть, слишком естественно: для читателя ее много занимательного в описании, но мало в действии. Жаль, что автор не приложил более изобретения в драматической части своей поэмы: она была бы полнее и оживленнее. Характер Пленника нов в поэзии нашей, но сознаться должно, что он не всегда выдержан и, так сказать, не твердою рукою дорисован;

---

\* Чайльд-Гарольд (англ.).

впрочем, достоинство его не умаляется от некоторого сходства с героем Байрона...

Лицо Черкешенки совершенно поэтическое. В ней есть какая-то неопределенность и очаровательность. Явление ее, конец ее — все представляется тайною. Мы знаем о ней только одно, что она любила...

Все, что принадлежит до живописи в настоящей повести, превосходно. Автор наблюдал, как поэт, и передает читателю свои наблюдения в самых поэтических красках. Поэзия в этом отношении не исключает верности, а, напротив, придает ее описанию: ничего нет лживее мертвого и, так сказать, буквального изображения того, что исполнено жизни и души. В подражательных творениях искусства чем более обмана, тем более истины.

Стихосложение в «Кавказском пленнике» отличное. Можно, кажется, сказать утвердительно, что в целой повести нет ни одного вялого, нестройного стиха. Все дышит свежестью, все кипит живостью необыкновенною. Автор ее и в ранних опытах еще отроческого дарования уже поражал нас силою и мастерством своего языка стихотворного; впоследствии подвигался он быстро от усовершенствования к усовершенствованию и ныне являет нам степень зрелости совершенной. С жадною поспешностью и признательностью вписываем в книгу литературных упований обещание поэта рассказать «Мстислава древний поединок». Слишком долго поэзия русская чуждалась природных своих источников и почерпала в посторонних родниках жизнь заемную, в коей оказывалось одно искусство, но не отзывалось чувству биение чего-то родного и близкого.

*П. А. Вяземский.*

О Кавказском пленнике, повести  
соч. А. Пушкина. 1822.

Весело и поучительно следовать за ходом таланта, постепенно подвигающегося вперед; такое зрелище представляет нам творец поэм: «Руслан и Людмила»

и ныне появившейся «Цыганы»; таков и должен быть ход истинного дарования в поре зреющего мужества. Движения жизни в даровании тщедушном могут быть только временны и, так сказать, случайны. Стремление к совершенству возможному или невозможному, если оно не доля смертного, есть принадлежность избранных натур. Подобное стремление должно быть непрерывно.

В поэме «Цыганы» узнаем творца «Кавказского пленника», «Бахчисарайского фонтана», но видим уже мужа в чертах, некогда обозначавших юношу. Видим в авторе более зрелости, более силы, свободы, развязности и, к утешению нашему, видим еще залог новых сил. Ныне рассматриваемая поэма или повесть, как хотите назвать ее, есть пока, без сомнения, лучшее создание Пушкина, по крайней мере, из напечатанного, потому что мы не в праве говорить о трагедии его, еще не выпущенной в свет.

Поэт переносит нас на сцену новую: природа, краски, явления, встречающиеся взорам нашим, незаимствованные: они возбуждают в нас ощущения, еще нам незнакомые, а не такие, которые мы уже давно знаем наизусть; ощущения эти свежи, девственны; впечатления глубоки и всеобъемлющи. Неужели нет здесь ни малейшего подражания, спросит сей час злонамеренная недоверчивость. Кажется, решительно нет; по крайней мере, нет подражания уловимого, подлежащего улике.

*П. А. Вяземский. «Цыганы». Статья. 1827.*

В последнее десятилетие литература наша как будто осиротела.

Лермонтов имел великое дарование, но он не успел, а, может быть, и не умел вполне обозначить себя. Лермонтов держался до конца поэтических приемов, которыми Пушкин озаменовал себя при начале своем и которыми увлекал за собою толпу, всегда

впечатлительную и всегда легкомысленную. Он не шел вперед. Лира его не звучала новыми струнами. Поэтический горизонт его не расширялся. Лермонтов остался русским и слабым осколком Байрона. Пушкин умел выродить из себя самобытного и настоящего Пушкина.

Пушкин мог иногда увлекаться суетными побуждениями, страстями, более привитыми, чем, так сказать, самородными; но ум его в нормальном положении был чрезвычайно ясен, трезв и здрав. При всех своих уклонениях, он хорошо понимал истину и выражал ее. С этой точки зрения, он мог уподобляться тем дням, в которые при сильных порывах ветра и при волнении в нижних слоях атмосферы безоблачное небо остается спокойным и светлым. В Лермонтове не было, или еще не было, этой невозмутимой ясности, которая способствует поэту верно воспринимать внешние впечатления и так же верно отражать их на других. Бури Пушкина были бури внутренние, бури Лермонтова — более внешние, театральные, заимствованные и, так сказать, заказные, то есть он сам заказывал их себе. В природе Лермонтова не было всеобъемлемости и разнообразия природы Пушкина. В том и другом была в высшей степени развита поэтическая впечатлительность, восприимчивость и раздражительность, доходящая до болезненности; может быть, сближались они и в высоком художественном чувстве. Но в одном из них не было той творческой силы, того глубокого и пронизательного взгляда, бесстрастия и равновесия, которые так сильно выказались в некоторых из творений другого поэта. В созданиях Пушкина отражается живой и целый мир. В созданиях Лермонтова красуется перед вами мир театральный с своими кулисами и суфлером, который сидит в будке своей и подсказывает речь, благозвучно и увлекательно повторяемую мастерским художником.

Как бы то ни было, преждевременный конец Лермонтова оставляет неразрешенным вопрос: мог ли бы он со временем заместить Пушкина вполне? По

моему мнению: вероятно, нет. Оно, может быть, и ошибочно,— не спорю; но, по крайнему разумению моему, я указал на причины, которые никогда не дали бы Лермонтову достигнуть высоты, занятой Пушкиным...

Его [Пушкина] не стало в самой поре зрелости и силы жизни его и дарования. Сложения был он крепкого и живучего. По всем вероятностям, он мог бы прожить еще столько же, если не более, сколько прожил. Дарование его было также сложения живучего и плодovitого. Неблагоприятные обстоятельства, раздражавшие его по временам, могли бы улечься и улеглись бы, без сомнения. Очистилось бы и небо его. Впрочем, не из тучи грянул и гром, сразивший его. В Пушкине и близкой среде, окружающей его, были залогом будущего спокойствия и домашнего счастья. Жизнь своими самовластительными условиями и неожиданными превратностями нередко так усложняет и перепутывает обстоятельства, что не каждому дается вовремя и победоносно справиться с ними. Кто тут виноват? Что тут виновато? Не скоро доберешься до разрешения этой темной и таинственной задачи.

Теперь не настала еще пора подробно исследовать и ясно разоблачить тайны, окружающие несчастный конец Пушкина. Но во всяком случае, зная ход дела, можем сказать положительно, что злорадству и злоречию будет мало поживы от беспристрастного исследования и раскрытия существенных обстоятельств этого печального события...

Пушкин мог бы еще долго предаваться любимым занятиям своим и содействовать славе отечественной литературы и, следовательно, самого отечества. Движимый, часто волнуемый мелочами жизни, а еще более внутренними колебаниями не совсем еще установившегося равновесия внутренних сил, столь необходимого для правильного руководства своего, он мог увлекаться или уклоняться от цели, которую имел всегда в виду и к которой постоянно возвращался после переходных заблуждений. Но при нем, но в нем глубоко таилась охранительная и спасительная нрав-

ственная сила. Еще в разгаре самой заносчивой и тревожной молодости, в вихре и разливе разнородных страстей, он нередко отрезвлялся и успокаивался на лоне этой спасительной силы. Эта сила была любовь к труду, потребность труда, неодолимая потребность творчески выразить, вытеснить из себя ощущения, образы, чувства, которые из груди его просились на свет божий и облекались в звуки, краски, в глаголы очаровательные и поучительные. Труд был для него святыня, купель, в которой исцелялись язвы, обретала бодрость и свежесть немощь уныния, восстанавливались расслабленные силы. Когда чуял он налет вдохновения, когда принимался за работу, он успокаивался, мужал, перерождался. Эта живительная, плодотворная деятельность иногда притаивалась в нем, но не надолго. Она опять пробуждалась с новой свежестью и новым могуществом. Она никогда не могла бы совершенно остыть и онеметь. Ни года, ни жизнь, с испытаниями своими, не могли бы пересилить ее.

В последнее время работа, состоящая у него на очереди, или на ферстаке (верстаке), как говаривал граф Канкрин, была история Петра Великого.

Труд многосложный, многообъемлющий, почти всеобъемлющий. Это целый мир! В Пушкине было верное понимание истории; свойство, которым одарены не все историки. Принадлежностями ума его были: ясность, проницательность и трезвость. Он был чужд всех систематических, искусственно составленных руководств; не только был он им чужд, он был им враждебен. Он не писал бы картин по мерке и объему рам, заранее изготовленных, как то часто делают новейшие историки, для удобного вложения в них событий и лиц, предстоящих изображению. Он не историю воплощал бы в себя и в свою современность, а себя перенес бы в историю и в минувшее... Пушкин был впечатлителен и чуток на впечатления; он был одарен воображением и, так сказать, самоотвержением личности своей настолько, что мог отрешать себя от присущего и воссоздавать минувшее, уживаться с ним, породниться с лицами, событиями, нравами, поряд-



ками, давным-давно замененными новыми поколениями, новыми порядками, новым общественным и гражданским строем. Все это качества, необходимые для историка, и Пушкин обладал ими в достаточной мере...

Чем более вникаешь в изучение Пушкина, тем более убеждаешься в ясности и трезвости взгляда и слова его. В лирических творениях своих поэт не прячется, не утаивает, не переодевает личности своей. Напротив, он как будто невольно, как будто бессознательно весь себя выказывает с своими заветными и потаенными думами, с своими страстными порывами и изнеможениями, с своими сочувствиями и ненавистями. Там, где он лицо постороннее, а действующие лица его должны жить собственной жизнью своею, а не только отпечатками автора, автор и сам держится в стороне. Тут он только соглядатай и сердцеиспытатель; он просто рассказчик и передает не свои наблюдения, умствования и впечатления. Часто повествователи держатся неотлучно при своих героях, то есть при школьниках своих. Они перед публикою подсказывают им понятия и чувства свои. Им все хочется проговориться и сказать публике: это я так говорю, так мыслю, так действую, так люблю, так ненавижу и проч. Ищите меня в приводимых мною лицах, а в них ничего не ищите. Они нули и только при моей всепоглощающей единице они составляют какое-нибудь число. Оттого повествования и при количестве лиц, нагнанных ими на сцену, выходят однообразны и одноголосны, а следовательно протяжны и скучны.

Если позволено несколько опозитизировать прозу действительности, то можно было бы сказать, что литература наша обрекла себя на десятилетний траур по кончине Пушкина. Вдова вся сосредоточилась и сама погребла себя в утрате и скорби своей. Она уже не показывается в праздничных и яркого цвета платьях. Она ходит в черной рясе, чуть ли не в власянице. Дом ее затих и почти опустел. Новых гостей не видать в нем. Изредка посещают его одни старые

приятели дома. Так и чуешь, так и видишь, что хозяйина нет.

Теперь, как в доме опустелом,  
Все в нем и тихо, и темно,  
Замолкло *навсегда* оно:  
Закрыты ставни, окна мелом  
Забелены.

Оно так, но надеемся не *навсегда*. Срок продолжительного траура минует. Дом опять оживится. Вдова скинет траурную одежду свою. Может быть, около входа в дом уже заглядывают в него молодые посетители, может быть, и будущие новые соперники оплакиваемого властителя. Не будем предаваться унынию и безнадежному отчаянию. Посмотрим, что скажет, что покажет нам новое десятилетие.

*П. А. Вяземский.* Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина. 1847.

43

Пушкин был всегда дитя вдохновения, дитя мимолетущей минуты. И оттого все создания его так живы и убедительны. Это Эолова арфа, которая трепетала под налетом всех четырех ветров с неба и отзывалась на них песнью. Рассекать эти песни и анатомизировать их — и вообще создание всякого поэта — и искать в них организованную систему с своею строгою и неуклончивою системою — значит, не понимать Пушкина в особенности, ни вообще поэта и поэзии.

*П. А. Вяземский.* Из «Записных книжек». 1859.

44

Мы говорили выше о добросердечии Пушкина. Теперь, возвращаясь к исходной точке нашей приписки, скажем, что, при всем добросердечии своем, он был довольно злопамятен, и не столько по врожденному свойству и увлечению, сколько по расчету; он, так ска-

зять, вменял себе в обязанность, поставил себе за правило помнить зло и не отпускать должникам своим. Кто был в долгу у него, или кого почитал он, что в долгу, тот, рано или поздно, расплачивайся с ним, волею или неволею. Для подмоги памяти своей, он держался в этом отношении бухгалтерного порядка: он вел письменный счет своим должникам настоящим или предполагаемым; он выжидал только случая, когда удобнее взыскать недоимку, он не спешил взысканием; но отметка *должен* не стиралась с имени, но Дамоклесов меч не снимался с повинной головы, пока приговор его не был приведен в исполнение. Это буквально было так. На лоскутках бумаги были записаны у него некоторые имена, ожидавшие очереди своей; иногда были уже заранее заготовлены при них отметки, как и когда взыскать долг, значившийся за тем или другим. Вероятно, так и мое имя было записано на подобном роковом лоскутке, и взыскание с меня было совершено известною эпиграммою. Таковы, по крайней мере, мои догадки, основанные на вышеприведенных обстоятельствах.

Но поспешим добросовестно оговориться и пополнить набросанный нами очерк. Если Пушкин и был злопамятен, то разве мимоходом и беглым почерком пера напишет он эпиграмму, внесет кого-нибудь в свой «Евгений Онегин» или в послание, и дело конечно. Его затея чести получила свою *сатисфакцию*, и довольно. Как при французских поединках честь спасена при первой капле крови (*se battre au premier sang*), так и здесь все кончалось несколькими каплями чернил. В действиях, в поступках его не было и тени злопамятства, он никому не желал повредить. Хотя он сам по поводу стихов Державина:

За стихи меня пусть гложет,  
За дела сатирик чит —

сказал, что в писателе слова — те же дела; но это не вполне верно. В истории нашей видим мы, как во зло употреблялось выражение *слово и дело*. Слово часто далеко от дела, а дело от слова. Написать на кого-

нибудь эпиграмму, сказать сгоряча, или для шутки, про ближнего острое слово или повредить и отомстить ему на деле — разница большая. Сатирик и насмешник действуют начистоту: не только не таятся они, а желают, чтобы собственноручная стрела их долетела по надписи и чтобы знали, чья это стрела. Рука недоброжелателя или врага заправского действует во мраке и невидимо. Ей мало щипнуть и оцарапать: она ищет глубоко уязвить и dokonать жертву свою.

*П. А. Вяземский. Приписка к статье «Цыганы. Поэма Пушкина». 1875.*

# 45

Я и ныне не отрекаюсь от Сумарокова. Почитаю его одним из умнейших и живейших писателей наших. Пушкин говаривал, что он вернее знал русский язык и свободнее владел им, чем Ломоносов.

В стихах моих я нередко умствую и умничаю. Между тем полагаю, что если есть и должна быть поэзия звуков и красок, то может быть и поэзия мысли. Все эти свойства, или недостатки, побудили Пушкина, в тайных заметках своих, обвинить меня в какофонии: уж не слишком ли? Вот отметка его: «Читал сегодня послание кн. Вяземского (видно, он сердит, что величает меня княжеством) к Жуковскому (напечатанное в «Сыне отечества» 1821 г.). Смелость, сила, ум и резкость; но что за звуки! Кому был Феб из русских ласков,—неожиданная рифма Херасков не примиряет меня с такой какофонией».

Воля Пушкина, за благозвучность стихов своих не стою, но и ныне не слышу какофонии в помянутых стихах. А вот в чем дело: Пушкина рассердил и огорчил я другим стихом из этого послания, а именно тем, в котором говорю, что язык наш рифмами беден. «Как хватило в тебе духа,—сказал он мне,—сделать такое признание?» Оскорбление русскому языку принимал он за оскорбление, лично ему нанесенное. В некотором отношении был он прав, как один из высших предста-

вителей, если не высший, этого языка: оно так. Но прав и я. В доказательство укажу на самого Пушкина и на Жуковского, которые позднее все более и более стали писать белыми стихами. Русская рифма и у этих богачей обносилась и затерлась. Впрочем, не сержусь на Пушкина за посмертный приговор. Где гнев, тут и милость; Пушкин порочит звуки мои, но щедро восхваляет меня за другие свойства: не остаюсь внакладе.

Баратынский говаривал о мне, что в моих полемических стычках напоминаю я ему старых наших бар, например Алексея Орлова, который любил выходить с чернью на кулачный бой. В этом случае сочувствиями и привычками моими колебался я между двумя сторонами. Карамзин и Жуковский подавали мне пример священного равнодушия и мирного бездействия в виду нападавших на них противников. Дмитриев, более державшийся ветхозаветных нравов и преданий, побуждал меня к отражению ударов и к битве. Пушкин, долготерпеливый, до известной степени и до известного дня, также вступал иногда в бой, за себя, за свое и за своих...

Уже при последних издыханиях холеры навестил меня в Остафьеве Пушкин. Разумеется, не отпустил я его от себя без прочтения всего написанного мною. Он слушал меня с живым сочувствием приятеля и судил о труде моем с авторитетом писателя и опытного критика, меткого, строгого и светлого. Вообще более хвалил он, нежели критиковал. Между прочим, находил он, что я слишком строго нападаю на Фонвизина за неблагоприятные мнения его о французах и слишком горячо отстаиваю французских писателей. В одном месте, где противопоставляю мнение Гиббона о Париже и мнение Фонвизина, написал он на рукописи моей: «Сам ты Гиббон». Разумеется, в шутку и более в отношении к носу моему, нежели к моему перу. Известно, что Гиббон славился, между прочим, и курносием своим. При всей просвещенной независимости ума Пушкина, в нем иногда пробивалась патриотическая щекотливость и ревность в суждениях его о чужеземных писателях. Этого чувства я не знал и не знаю.

Как бы то ни было, день, проведенный у меня Пушкиным, был для меня праздничным днем. С скромный работник, получил я от мастера-хозяина одобрение, то есть лучшую награду за свой труд.

Скажу с французом: рюмка моя маленькая, но пью из своей рюмки, а что рюмка моя не порожняя, тому свидетель Пушкин. Он где-то сказал, что я один из тех, которые охотнее вызывают его на спор. Следовательно, есть во мне, чем отспориваться. Пушкин не наткнулся бы на пустое. Споры наши бывали большею частью литературные. В политических вопросах мы вообще сходились: разве бывало иногда разномыслие в так называемых чисто русских вопросах. Он, хотя вовсе не славянофил, примыкал нередко к понятиям, сочувствиям, умозрениям, особенно отчуждениям, так сказать, в самой себе замкнутой России, то есть России, не признающей Европы и забывающей, что она член Европы: то есть допетровской России; я, напротив, вообще держался понятий международных, узаконовившихся у нас вследствие преобразования древней России в новую. И мне иногда хотелось сказать Пушкину с Александром Тургеневым: «Да съезди, голубчик, хоть в Любек».

П. А. Вяземский. Из «Автобиографического введения». 1876.

Что люди, мне чужие, обвиняли меня в *слабости* к Дмитриеву и в несправедливости к Крылову, это меня не очень озабочивало и смущало. Я вообще обстрелен: и лишний выстрел со стороны куда не идет. Но в числе обвинителей моих был и человек, мне близкий; суд его был для меня многозначителен и дорог, он мог задирать меня и совесть мою за живое.

Пушкин, ибо речь, разумеется, о нем, не любил Дмитриева, как поэта, то есть, правильнее сказать, часто не любил его. Скажу откровенно, он был, или бывал, сердит на него. По крайней мере, таково мне-

ние мое. Дмитриев, классик,— впрочем, и Крылов по своим литературным понятиям был классик, и еще французский,— не очень ласково приветствовал первые опыты Пушкина, а особенно поэму его «Руслан и Людмила». Он даже отозвался о ней колко и несправедливо. Вероятно, отзыв этот дошел до молодого поэта, и тем был он ему чувствительнее, что приговор исходил от судии, который возвышался над рядом обыкновенных судий и которого, в глубине души и дарования своего, Пушкин не мог не уважать... Как бы то ни было, споры наши о Дмитриеве часто возобновлялись, и, как обыкновенно в спорах бывает, отзывы, суждения, возражения становились все более и более резки и заносчивы. Были мы оба натуры спорной и друг пред другом ни на шаг отступить не хотели. При задорной перестрелке нашей мы горячились: он все ниже и ниже унижал Дмитриева; я все выше и выше поднимал его. Одним словом, оба были мы неправы. Помню, что однажды, в пылу спора, сказал я ему: «Да ты, кажется, завидуешь Дмитриеву». Пушкин тут зардел как маков цвет; с выражением глубокого упрека взглянул на меня и протяжно, будто отчеканивая каждое слово, сказал: «как, я завидую Дмитриеву?» Спор наш этим и кончился, то есть на этот раз, и разговор перешел к другим предметам, как будто ни в чем не бывало. Но я уверен, что он никогда не забывал и не прощал мне моей неуместной выходки. Если хорошенько порыться в оставленных им по себе бумагах, то, вероятно, найдется где-нибудь имя мое с припискою: *debet* \*. Нет сомнения, что вспышка моя была оскорбительна и несправедлива. Впрочем, и то сказать, в то время Пушкин не был еще на той вышине, до которой достигнул позднее. Да и я, вероятно, имел тогда более в виду авторитет, коим пользовался Дмитриев, нежели самое дарование его. Из всех современников, кажется, Карамзин и Жуковский одни внушали ему безусловное уважение и доверие к их суду. Он по влечению и сознательно подчинялся нрав-

\* Букв.: он должен (лат.).

ственному и литературному авторитету их. С ними он не считался. До конца видел он в них не совместников, а старших и, так сказать, восприемников и наставников. Суждения других, а именно даже образованнейших из арзамасцев, были ему нипочем. Со мною любил он спорить: и спорили мы до упаду, до охриплости об Озере, Дмитриеве, Батюшкове и о многом прочем и прочем. В последнее время он что-то разлюбил Батюшкова и уверял, что в некоторых стихотворениях его можно было уже предвидеть зародыши болезни, которая позднее постигла и поглотила его. В первых же порах Пушкина, напротив, он сочувствовал ему и был несколько учеником его, равно как и приятель Пушкина Баратынский. Батюшкова могут ныне не читать или читают мало; но тем хуже для читателей. А он все же занимает в поэзии нашей почетное место, которое навсегда за ним останется. Впрочем, с Пушкиным было то хорошо, что предубеждения его были вспышки, недуги не заматерелые, не хронические, а разве острые и мимоходные: они, бывало, схватят его, но здоровая натура очищала и преодолевала их. Так было и в отношении к Дмитриеву: и как сей последний, позднее и при дальнейших произведениях поэта, совершенно примирился с ним и оказывал ему должное уважение, так и у Пушкина бывали частые перемирия в отношении к Дмитриеву. Князь Козловский просил Пушкина перевести одну из сатир Ювенала, которую Козловский почти с начала до конца знал наизусть. Он преследовал Пушкина этим желанием и предложением. Тот наконец согласился и стал приготовляться к труду. Однажды приходит он ко мне и говорит: «А знаешь ли, как przygotowуюсь я к переводу, заказанному мне Козловским? Сейчас перечитал я переводы Дмитриева латинского поэта и английского Попэ. Удивляюсь и люблю силу и стройности шестистопного стиха его».

*П. А. Вяземский.* Приписка к статье  
«Известие о жизни и стихотворениях  
И. И. Дмитриева». 1876.



В Пушкине нет ничего Жуковского, но между тем Пушкин есть следствие Жуковского. Поэзия первого не дочь, а наследница поэзии последнего, и по счастью обе живы и живут в ладу, несмотря на искательства литературных стряпчих щечил, желающих ввести их в ссору и тяжбу — с тем, чтобы поживиться за счет той и другой, как обыкновенно водится в тяжбах.

С удовольствием повторяем здесь выражение самого Пушкина об уважении, которое нынешнее поколение поэтов должно иметь к Жуковскому, и о мнении его относительно тех, кои забывают его заслуги: *дитя не должно кусать груди своей кормилицы*. Эти слова приносят честь Пушкину, как автору и человеку!..

П. А. Вяземский. Статья «Жуковский.— Пушкин. О новой пиитике басен». 1876.

Пушкин, как метеор, промелькнул в моих глазах. «Пушкин, Пушкин приехал», — раздалось по нашим детским, и все, дети, учителя, гувернантки — все бросилось в верхний этаж, в приемные комнаты взглянуть на героя дня. ...Сильному впечатлению, произведенному приездом Пушкина, не говоря о магическом действии его стихов, появление которых всегда составляло событие в доме, несомненно, много содействовала дружба Пушкина с моею матушкой, в Одессе, где часть нашего семейства провела лето в 1824 году. И детские комнаты, и девичья с 1824 года были неувядаемым рассадником легенд о похождениях поэта на берегах Черного моря.

П. П. Вяземский. Пушкин.

Княгиня Вяземская говорит, что Пушкин был у них в доме как сын. Иногда, не заставая их дома, он уляжется на большой скамейке перед камином и дожидается их возвращения или возится с молодым князем Павлом. Раз княгиня застала, как они ба-рахтались и плевали друг в друга. С княгиней он был откровеннее, чем с князем. Он прибегал к ней и рассказывал свое положение относительно Геккерна. Накануне Нового года у Вяземских был большой вечер. В качестве жениха Геккерн явился с невестою. Отказывать ему от дома не было уже повода. Пушкин с женою был тут же, и француз продолжал быть возле нее. Графиня Наталья Викторовна Строганова говорила княгине Вяземской, что у него (Пушкина) такой страшный вид, что, будь она его женою, она не решилась бы вернуться с ним домой. Наталья Николаевна с ним была то слишком откровенна, то слишком сдержанна. На разъезде с одного бала Геккерн, подавая руку жене своей, громко сказал, так что Пушкин слышал: «Allons, ma lègitime». (Пойдем, моя законная.) Мадам [Полетика], по настоянию Геккерна, пригласила Пушкину к себе, а сама уехала из дому. Пушкина рассказывала княгине Вяземской и мужу, что, когда она осталась с глазу на глаз с Геккерном, тот вынул пистолет и грозил застрелиться, если она не отдаст ему себя. Пушкина не знала, куда ей деваться от его настояний; она ломала себе руки и стала говорить как можно громче. По счастью, ничего не подозревавшая дочь хозяйки дома явилась в комнату и гостя бросилась к ней.

*П. А. и В. Ф. Вяземские.*  
Рассказы о Пушкине,  
записанные П. И. Бартеневым.



После гибели Пушкина отец его, Сергей Львович, писал: «Я бы желал, чтобы в заключение записок биографических о покойном Александре сказано было, что Александр Иванович Тургенев был единственным орудием помещения его в Лицей и что через 25 лет он же проводил тело его на последнее жилище. Да узнает Россия, что она Тургеневу обязана любимым ею поэтом». — «Я был глубоко тронут словами бедного отца», — отвечал на это Тургенев...

Не стоит, вероятно, понимать слова С. Л. Пушкина буквально, ибо, как мы видим, истинных и преданных друзей у Пушкина было немало. Однако роль Александра Ивановича в жизни поэта и, даже больше, — в жизни пушкинского круга литераторов и общественных деятелей была очень велика. Тургенев, казалось бы, не был писателем. Но его «Хроника русского» — записи событий и впечатлений европейской действительности 20—40-х годов прошлого века, его «Дневники», а особенно его необозримая по объему и тематическому разнообразию переписка — вошли в литературу. Он, казалось бы, не был и профессионалом-историком, но его наблюдения, рассказы, а, кроме того, собранные им в архивах Европы бесчисленные материалы о России до сих пор служат источниковедческой базой, подспорьем историкам. Он не был наделен и какими-либо официальными посредническими пол-

номочиями, но служил, по выражению Вяземского, уполномоченным и аккредитованным поверенным в делах русской литературы. Он бывал у Гёте и Вальтера Скотта, у Стендаля и Мериме и каждого из них, как умел, знакомил с русской культурой. А потом, возвращаясь ненадолго в Россию, рассказывал своим бесчисленным русским друзьям обо всем виденном и слышанном. Дар посредника, ходатая, историка-хроникера был присущ Александру Ивановичу Тургеневу в высочайшей степени.

П. А. Вяземский в «Старой записной книжке» дал много метких характеристик значительных людей, встретившихся на его долгом пути. Тургенева он знал особенно хорошо, и его словам, написанным уже после смерти Александра Ивановича, можно довериться. «Целый день был он в постоянном движении, умственном и материальном,— вспоминал Вяземский.— Утром он занимался служебными делами по разным ведомствам официальных обязанностей своих. Остаток дня рыскал он по всему городу, часто ходатаем за приятелей и знакомых своих, а иногда и за людей, ему совершенно посторонних, но прибегавших к посредничеству его; рыскал часто и по собственному влечению, потому что в натуре его была потребность рыскать... Он был деятельным литературным корреспондентом и разносителем в обществе всех новых произведений Жуковского, Пушкина и других.

Деятельность письменной переписки его изумительна. Спрашиваешь: когда успевал он писать и рассылать свои всеобщие и всемирные грамоты? Он переписывался и с просителями своими, и с братьями, и с друзьями и знакомыми, и часто с незнакомыми; с учеными, с духовными лицами всех возможных вероисповеданий, с дамами всех возрастов и различных лет и поколений; был в переписке со всей Россией, с Францией, Германией, Англией и другими государствами. И письма его — большею частью образцы слога, живой речи. Они занимательны по содержанию своему и по художественной отделке, о которой он не думал, но которая выражалась, изливалась сама собою под неутомимым и беззаботным пером его. Русским языком в особенности владел он как немногим из прижизненных писателей удастся им владеть. В фолиантах

переписки и журнала его (т. е. дневника.— В. К.) будущий историк нашего времени, от первых годов царствования Александра Павловича до 1845 г., найдет без сомнения содержание и краски для политических, литературных и общественных картин прожитого периода». Вяземский не преувеличил, но скорее, напротив, приуменьшил значение Тургенева в этих словах, так как не сказал о главной его мысли и заботе, прошедшей через всю жизнь,—ненависти к рабству, в частности — к крепостничеству. И еще одну оговорку следует сделать: служебные дела отнимали время Тургенева только до 17 мая 1824 г. С этого дня усилиями своих врагов, в частности Аракчеева и архимандрита Фотия, он был отстранен от всех должностей; а когда вскоре выяснилось, что младший брат его Николай, находившийся в Европе, осужден заочно как декабрист «I-го разряда» к смертной казни, Александр Иванович и вовсе оказался для властей человеком под подозрением. Каждый раз, собираясь за рубеж к брату, он опасался, что не выпустят; каждый раз, готовясь к возвращению в отечество, он должен был считаться с тем, что, быть может, едет прямо под арест. А между тем он трогательной сыновней любовью любил родину. Впервые отправляясь в Западную Европу, 14 июля 1825 г. он записал в дневнике: «В 6½ переехал границу и выехал в Пруссию. Прости, Россия, обожаемое отечество — что бы ни было со мною, в тебе и вне пределов твоих, везде я сын твой, везде будет биться русское сердце во мне, и жизнь, 25 лет службе твоей посвящается,—тебе же посвятится где бы я ни был». Он сдержал слово.

\* \* \*

Тургеневы — семья замечательная. Их родовой девиз — «без боязни обличаху» претворялся в жизнь с удивительным мужеством и последовательностью. Отец братьев Тургеневых Иван Петрович был одним из близких сотрудников русского просветителя, издателя и журналиста Н. И. Новикова, немало претерпевшего от «матушки Екатерины». Досталось и его товарищам по типографической компании — Иван

Петрович был сослан в родовое имение Тургенево Алатырского уезда Симбирской губернии, где провел несколько лет. В 1796 г. Павел I возвратил его и назначил директором Московского университета. Четыре сына Ивана Петровича оказались в центре того молодежного кружка москвичей, откуда вышло немало людей выдающихся, в том числе и Жуковский. Тесно связаны с семейством Тургенева были и оба брата Пушкиных — Сергей и Василий.

Александр, второй сын директора университета, родился в Симбирске. Учился в пансионе при университете, затем в 1802 г. уехал на четыре года в Геттингенский университет («с душою прямо геттингенской» — это, в частности, и про него). Но еще до отъезда из Москвы совсем юный Александр Тургенев усвоил — и от отца, и от людей, окружавших его в родительском доме, — идеалы справедливости и добра, которые неизменными пронес через всю жизнь. Прочитаем его дневниковую запись, сделанную в 1797 г.:

«Трудолюбивый крестьянин, работавший целый день в поте лица своего, чтобы достать себе кусок черствого хлеба, разделяет его со своею голодною семьею и помышляет, как бы ему не умереть с голоду в будущий день, между тем как празднолюбивый богач ест самые отборные кушанья, совсем ни о чем не думая.

Добросердечный бедный старец, помолясь богу, ложится на рогожку с своими внучатами и правнучатами; а изысканный юноша протягивается на мягкой постели, не возблагодаря всевышнего за то, что он провел благополучно минувший день.

Жадный скупец, имеющий множество сокровищ, не может спать спокойно, боясь, чтоб не похитили у него неправдою приобретенного имения. Вот стучится в его двери нищий и просит Христа ради милостыни, но он с гневом отгоняет его, а несчастный, прослезившись, уходит. Тут попадаетеся ему бедный солдат и подает ему последнюю свою копейку.

Ах! Для чего не имеет трудолюбивый крестьянин сих отборных кушаньев, а имеет их празднолюбивый богач? Для чего не имеет добросердечный бедный старец мягкой постели, а имеет ее изнеженный юноша? Для чего?»

Вот какие «сочинения» писали некоторые московские школьники конца позапрошлого века! А ведь Александру Тургеневу было всего только 13 лет. Удивительно ли, что все четыре брата стали людьми выдающимися. Старший, рано умерший Андрей (1781—1803) был поэтом и задушевым другом юности Жуковского; другой брат, Сергей (1792—1827) — дипломат, приятель Пушкина, поклонялся одной богине — Свободе\*; наконец, самый известный из братьев Тургеневых — Николай стал одним из вдохновителей, идейных вождей декабристов и непримиримым обличителем самодержавия.

По натуре Александр Иванович был человеком мягким и скорее рассеянным, чем сосредоточенным. Пушкин дал точное поэтическое определение его характера: «Один лишь ты с глубокой ленью к трудам охоту сочетал». В самом деле, при его образе жизни — постоянном присутствии на балах, раутах, вечерах и прочих празднествах, склонности к беспечным разговорам, постоянному ухаживанию за дамами и при всем том некоторой лени, трудно представить себе, как успел он сделать столько полезного и доброго. Не борец по характеру, Александр Иванович не понимал, даже осуждал сторонников революционных мер, но умел, не считаясь ни с возможным крахом карьеры, ни с прямой опасностью, стойко отстаивать интересы близких людей, а эти интересы, как правило, оказывались связанными со свободолюбием, с оппозицией режиму.

С 1810 г. он занимал довольно высокую должность директора Главного управления духовных дел иностранных вероисповеданий (отсюда у Пушкина и появились строки: «Тургенев, верный покровитель...» и т. д.); одновременно он был членом Комиссии по составлению законов и многих других постоянных и временных комиссий и обществ. Но главным кругом его деятельности был «круг добра». Вяземский писал: «Список всех людей, которым помог Тургенев, за которых

---

\* В 1817 г. С. И. Тургенев записал в дневник: «Мне опять пишут о Пушкине как о раздвигающемся таланте. Ах, да поспешат ему вдохнуть либеральность и, вместо оплакиваний самого себя, пусть первая песнь его будет свободе».

вступался, которых восстановил во время служения своего, мог бы превзойти длинный список любовных побед, одержанных Дон Жуаном по свидетельству Лепорелло в опере Моцарта. Русская литература, русские литераторы, нуждавшиеся в покровительстве, в поддержке, молодые новички, еще не успевшие проложить себе дорогу, всегда встречали в нем ходатая и умного руководителя. Он был, так сказать, долгое время посредником, агентом, по собственной воле уполномоченным и аккредитованным поверенным при держащих властях и образованном обществе. Одна эта заслуга, мало известная, ныне забытая, дает ему почетное место в литературе нашей особенно, когда вспомнишь, что он был другом Карамзина и Жуковского».

Лишившись по злой воле клеветников и завистников всех своих постов, Александр Иванович уехал вместе с братом Сергеем в Париж, где жил уже некоторое время Николай Иванович. Там узнали они о декабрьском восстании и о смертном приговоре Николаю Тургеневу. Тот перебрался в Англию, и братья с трепетом ожидали, выдаст ли британское правительство Николаю I русского революционера. Довольно долго чаша весов колебалась. До Пушкина в Михайловское дошел слух, будто Николая Тургенева выдали и на корабле везут в Россию на верную смерть. Пушкин написал тогда и отправил Вяземскому в письме стихотворение «Так море, древний душегубец...». Слух оказался ложным. Николай Тургенев не был выдан. В 30-х годах он возвратился на постоянное жительство в Париж, а после смерти своего царственного тезки даже побывал в России. Александр Иванович добровольно взял на себя и ровно 20 лет исполнял нелегкую роль заступника осужденного брата, ходатая по всем его делам. Да и материальную сторону жизни приходилось учитывать — единственным источником существования братьев Тургеневых было Симбирское имение. Александр Иванович сначала переводил доходы с него за границу, а потом продал имение родственникам, сохранив какой-то денежный минимум себе и брату.

При жизни Пушкина Александр Иванович приезжал в Россию четыре раза. Перед поездкой 1836—



1837 гг., во время которой ему было суждено проводить Пушкина в последний путь к Святогорскому монастырю, Александр Иванович писал о своей кочевой жизни: «Надеюсь опять дышать родным воздухом прежде двух лет разлуки. Судьба мыкает меня из края в край не в пользу ни мне ни другим. Ум и сердце желают быть на месте, уgomониться; а что-то неодолимо мчит меня от Холмогора до Неаполя, с берегов Сены и Дуная на Москву-реку, с Темзы на Волгу!.. Я возвращусь в Россию с богатыми приобретениями, с сокровищами старой России о недавно и давно прошедшем быте ее. Здесь (т. е. в Париже. — В. К.) и в Италии собрал я материалы ее истории и могу обогатить ими нашу словесность, могу дополнить (*les lacunes*) недостающее в нашей новейшей истории. Я трудился не для себя, не по одной прихоти, не из одного удовлетворения собственному любопытству. Я провел здесь все лето и часть зимы в архивах; я хлопотал с библиотекарями в Ватикане и в Лондоне, во Флоренции. Есть видимый плод трудов моих: могу указать на него; могу быть издателем важных государственных бумаг, озарить светом истории тайны дипломатические... В вихре парижской зимы и в зефирах весны римской я жил — для России».

Ничтожно малую часть собранных документов ему действительно удалось выпустить в свет в двух томах в 1841 г. Остальное — в сущности все, что относилось к петровской эпохе и позднейшим периодам русской истории, сквозь сеть цензуры «не пролезло». Кое-какие материалы сумел использовать Н. И. Тургенев в труде «Россия и русские». Ценнейшие сведения сообщил Александр Иванович Пушкину в 1832—1834 гг. и в 1836—1837 гг. Вся остальная громадная его коллекция, ни в коей мере и по сей день не потерявшая своего значения, постепенно издавалась и комментировалась уже после его смерти. Значительная часть бумаг Александра Ивановича была обнаружена совершенно случайно: за рядами книг в библиотеке его племянника. Теперь они хранятся в Библиотеке Академии наук в Ленинграде. Николай I, по видимости, даже одобрял разыскательскую деятельность Тургенева в архивах. Александр Иванович писал брату о своей беседе с царем: «увидел он меня на бале у фран-

цузского посла, громко подозвал меня к себе и сказал вслух во всеуслышание...: Тургенев, благодарю тебя, очень благодарю. Я читал твои бумаги с великим удовольствием... Теперь благословляю тебя; поезжай, куда хотел, но прошу тебя об одном: другим не занимайся». *Другим* — т. е. политикой, распространением свободомыслия и оппозиционных идей А. И. Тургенев занимался после 14 декабря особенно усердно. Никаких иллюзий насчет Николая I — душителя декабристов и всего народа у Александра Ивановича не было и быть не могло. Воспоминание о заточенных в Сибири друзьях не оставляло его. Однажды в Венеции, увидев группу закованных каторжников, он записал в дневнике: «Смотря на этих колодников, гремевших цепями..., я вспомнил, как наши сестры и дочери плясали в коронацию под звук цепей, в коих шли их друзья и братья в Сибирь! Но другое воспоминание уладило сердце: молодые супруги летели туда же к супругам своим. Зарыться с ними в вечных снегах!! до радостного утра». Освобождения оставшихся в живых декабристов ему дождаться не привелось.

Насчет собранных Тургеневым бумаг самодержец хитрил: он был не прочь в самом деле иметь их в России, но только для того, чтобы поглубже спрятать. Возможно, он считал полезным «упрятать» подальше и самого разыскателя, слишком много знавшего о деяниях императорских, но не решался это сделать: ведь и в Европе хорошо знали Тургенева. В дневнике Тургенева имелась такая запись о государе-императоре: «хвалил мои труды, желал бы напечатать; но опасается неудовольствия со стороны французского правительства». Нет, слишком взрывчатый исторический материал привез Тургенев из Европы, чтобы это в самом деле могло понравиться царю. Да и Александр Иванович не очень-то умел и не всегда считал нужным хранить исторические тайны. В 1858 г. за границей была издана, например, книга «Русский двор столет тому назад», основанная на материалах, собранных А. И. Тургеневым. А когда, за десять лет до Великой Октябрьской революции, это издание попытались повторить в России, Николай II велел его конфисковать. Так что для Романовых А. И. Тургенев был человеком опасным.

Для Пушкина он был преданным старшим другом, необыкновенно интересным собеседником и товарищем по литературным начинаниям в разные периоды жизни.

В 1811 г. стараниями Тургенева, самого высокопоставленного из близких друзей Сергея Львовича, старший сын его был определен в Лицей. 8 января 1815 г. Александр Иванович был среди приглашенных на том экзамене, где Пушкин читал в присутствии Державина «Воспоминания в Царском Селе». В 1817 г. Александр Иванович сообщал брату Сергею: «Посылаю тебе несколько пьес 17-летнего Пушкина. Удивительный талант и добрый малый, но и добрый повеса». Оба они входили в литературное общество «Арзамас», где, чуткий к нуждам людей и к дуновениям общественной атмосферы, Тургенев носил очень подходившее ему прозвище Эолова арфа\*. Пушкин в 1817—1820 гг. часто бывал у Тургеневых в доме на Фонтанке. Существуют предположения, что у них он впервые познакомился со списком радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву» и у них же написал оду «Вольность». Александра Ивановича несколько пугали радикализм и обличительная страстность молодого Пушкина. Это далеко выходило за рамки борьбы против крепостного права, которую Тургенев ставил в центр всей своей деятельности. Да и ошибочно было бы равнять сравнительно умеренные оппозиционные взгляды А. И. Тургенева начала 20-х годов с его окрепшими последекабристскими убеждениями. Грозившие Пушкину крупные неприятности не были для него неожиданными. Однако это не помешало Александру Ивановичу со всей решительностью и дипломатической осмотрительностью встать на защиту поэта. Сам Тургенев потом говорил: «Пушкин... спасен моим добрым гением и добрыми приятелями». Среди этих последних главную роль играли Н. М. Карамзин и П. Я. Чаадаев. К петербургскому периоду относятся и оба стихотворных обращения Пушкина к

---

\* Музыкальный инструмент, струны которого звучат при малейшем дуновении ветерка.

Тургеневу. Одно читатель найдет в приложении (№ 1); второе, посвященное возведению Александра Ивановича в камергерское звание, скорее всего так и осталось неоконченным отрывком:

В себе все блага заключая,  
Ты наконец к ключам от рая \*  
Привяжешь камергерский ключ...

Следующее вмешательство Тургенева в судьбу Пушкина относится к 1823 году. Друзья ссыльного поэта считали, что из кишиневской глуши ему необходимо перебраться в европеизированную Одессу; да и от игравшего в либерализм М. С. Воронцова ожидали деликатного обращения с Пушкиным. Расчет этот потом не оправдался, но, как бы то ни было, бремя хлопот снова выпало на долю Тургенева. 15 июня 1823 г. он представил «письменный отчет» Вяземскому: «Я и сам два раза говорил Воронцову, истолковал ему Пушкина и что нужно для его спасения. Кажется, это пойдет на лад. Меценат, климат, море, исторические воспоминания — все есть: за талантом дело не станет, лишь бы не захлебнулся. Впрочем я одного боюсь: тебя послали в Варшаву, откуда тебя выслали; Батюшкова — в Италию — с ума сошел, что-то будет с Пушкиным?»

Начиная с весны 1824 г. опальный Тургенев уже ничем не мог помочь. Более того, в это время возникло между ним и Пушкиным некоторое отчуждение. Во-первых, Александр Иванович, вполне обоснованно испугавшись за свою судьбу, распространил осторожность на общение с Михайловским изгнанником, находившимся под двойным надзором — полицейским и церковным. Он даже уговаривал Пушкина не ездить к Пушкину, а Вяземского ему не писать. Во-вторых, до Тургенева с шестилетним опозданием дошла едкая эпиграмма Пушкина на Карамзина, которого Тургенев боготворил. Между тем скоро ситуация изменилась: если прежде Тургенев выручал Пушкина из беды и помогал заменять «большие неприятности» относительно малыми, то после 14 декабря тесная дружба

---

\* «Ключи от рая» — намек на активность Тургенева в Библейском обществе.

поэта с братьями Тургеневыми оказалась для него дополнительным компрометирующим фактором в глазах правительства.

Встретились они только в 1831 г.— после 11 лет разлуки — сначала в Петербурге, потом в Москве. «Мне иногда очень грустно,— писал Тургенев Жуковскому,— что в деятельную и решительную эпоху его жизни мы не встретились и даже в эпоху моего душевного и интеллектуального возраста — виделись мы только на час, ночью, не успели ни высказать себя, ни проститься». Пушкин извещал Вяземского: «Видел я Тургенева и нашел в нем мало перемены: кой-где седина, впрочем та же живость, по крайней мере при первом свидании». Уже тогда Пушкин задумал историческую работу о петровском времени, и Тургенев с обычным энтузиазмом принялся снабжать его материалами и сведениями.

С 8 по 24 декабря того же года оба они были в Москве и встречались почти каждый день. Пушкин прочитал Тургеневу одно из самых потаенных своих сочинений — декабристские строфы, входящие в 10-ю по нынешнему счету главу «Онегина». А там — строки о брате Николае:

Одну Россию в мире видя,  
Преследуя свой идеал,  
Хромой Тургенев им внимал  
И, плети рабства ненавидя,  
Предвидел в сей толпе дворян  
Освободителей крестьян.

«Поэт угадал,— записал Александр Иванович,— одну мысль брат имел: одно и видел, но и поэт увеличил: где видел брат эту толпу? пять, шесть — и только!» Насчет толпы спор беспредметен: никто не определил, сколько человек положено считать толпой. Трудно сказать, простирались ли разногласия Пушкина и Тургенева в этом вопросе глубже, то есть шла ли речь о размахе декабристского движения. А слово «угадал» Александр Иванович, пожалуй, употребил неточно, ибо Пушкин не угадал — он понял. Встречи их продолжались весной 1832 г. в Петербурге. 18 июня вместе с отправлявшимся за границу для лечения Жуковским Тургенев покинул Петербург.

Снова в родных пенатах Александр Иванович появился только к лету 1834 г. На этот раз буквально в родных пенатах, потому что уехал на несколько месяцев в Симбирское имение. С Пушкиным они встретились в сентябре, когда поэт воротился в Петербург из Полотняного Завода, куда в августе все же был «отпущен» Яковлевым (см. очерк и сводку материалов о Яковлеве).

Два обстоятельства должны быть отмечены применительно к этому периоду даже в беглом обзоре встреч Пушкина с Тургеневым.

Во-первых, Пушкин читал Александру Ивановичу не вышедшую еще, но уже сданную в печать «Историю Пугачева». Особенно заинтересовали Тургенева страницы, посвященные его родине — Симбирску. «Пушкин расшевелил душу мою, заснувшую в степях Башкирии. Симбирск всегда имел для меня историческую прелесть». Во-вторых, Пушкин познакомил Тургенева и с другой своей главной работой, созданной за время его отсутствия, — «Медным всадником». Рукопись поэмы была исчерчена Николаем I, и Пушкин решил ее не печатать.

Было множество других тем, которые они обсуждали, в том числе особенно важные, о «Философических письмах» Чаадаева, имевшихся у Пушкина; о «Слове о полку Игореве», о личности генерала Ермолова...<sup>\*</sup> Но если попытаться объединить все эти беседы общим словом, оно найдется легко: история России.

Не успев добыть для себя экземпляр «Истории Пугачева», Тургенев попросил Пушкина непременно прислать ему книгу «с своим автографом — на память старины священной!». В марте 1835 г. Тургенев был уже в Италии, в июне — в Париже. Письма Тургенева о европейских событиях того времени под заголовком «Париж (Хроника русского)» были напечатаны в первом томе пушкинского «Современника». Публикация писем без каких-либо перемен (Тургенев рассчитывал на осторожную редактуру Пушкина и Вяземского) напугала его. Отсюда и его отчаянное письмо,

---

<sup>\*</sup> Подробный анализ записей А. И. Тургенева о встречах с Пушкиным дан в статье М. Максимова «По страницам дневников и писем А. И. Тургенева». — Прометей, т. 10. М., 1974.

отрывок которого приведен в документах (№ 9). Пушкин удовлетворил его просьбу и во втором томе вместо «Хроники...» появилось «Объяснение», написанное Вяземским. Он отметил присущее автору «Хроники...» «глубокомыслие, остроумие, верность и тонкую наблюдательность, оригинальность и индивидуальность слога, полного жизни и движения...». Желая отвести от Тургенева малейшее подозрение в обдуманной публикации частных наблюдений, Вяземский продолжал: «Можно было бы, и по некоторым отношениям следовало бы для порядка, дать этим разбросанным чертам стройное единство, облачить в литературную форму. Но мы предпочли сохранить в нем живой, теплый, внезапный отпечаток мыслей, чувств, впечатлений, городских вестей, бульварных, академических, салонных, кабинетных движений — так сказать, стенографировать эти горячие следы, эту лихорадку парижской жизни». Теперь, когда усилиями советских ученых «Хроника русского» разобрана до конца, прокомментирована и опубликована, она кажется как бы естественно предназначенной для печати. Тогда же Пушкину, Вяземскому и помогавшим им переписчикам выпал на долю тяжкий труд разбирать немыслимые каракули Тургенева, а потом — еще более опасное испытание — сражаться с цензурой едва ли не за каждую строчку парижских писем.

Летом 1836 г. Александр Иванович снова тронулся в путь, совершая очередной «челночный» вояж на родину. После Москвы и Симбирского имения он прибыл в Петербург (20 ноября). Начался последний «период» его общения с Пушкиным, насыщенный до предела и столь горестно завершившийся. В четвертом томе «Современника» с разрешения автора возобновилась «Хроника русского». Она соседствует там с «Капитанской дочкой».

«Последнее время мы часто видались с ним, — писал Александр Иванович двоюродному брату на другой день после смерти Пушкина, — и очень сблизись; он как-то более полюбил меня, а я находил в нем сокровища таланта, наблюдений и начитанности о России, особенно о Петре и Екатерине, редкие, единственные. Сколько пропало в нем для России, для потомства, знают немногие; но потеря, конечно, незаме-

нимая». Здесь Тургенев точно определил темы бесед, вновь объединивших его с Пушкиным. На этот раз материал он привез богатейший, и день за днем — вплоть до последних суток, остававшихся Пушкину перед дуэлью с Дантесом, они разбирали исторические документы.

Накануне дуэли поутру они работали у Тургенева. В тот же день должны были встретиться снова. Неожиданно от Пушкина принесли записку: «Не могу отлучиться. Жду Вас до 5 часов». Исследователи-пушкинисты много размышляли об этой строчке — одной из последних, принадлежащих перу Пушкина. Наиболее вероятно, что он ждал Д'Аршиака — секунданта Дантеса, чтобы сделать последние приготовления. Поэтому не мог выйти из дому. Но самое важное в ином: Пушкин не собирался уходить из жизни, он не готовился к неизбежной гибели. Работа с Тургеневым над историческими источниками волновала его, как всегда — даже больше, чем всегда. В огромной литературе о Пушкине подчас высказывалась точка зрения, будто великий поэт исчерпал себя, будто он не хотел долее жить, отправляясь на свой последний бой 27 января 1837 г. Среди других доказательств абсурдности подобных утверждений должна быть принята во внимание и эта записочка Александру Тургеневу, состоявшая всего из одной строки. Пушкин собирался жить и трудиться...

Рассказ о последних днях Пушкина и о последней морозной дороге читатель найдет в прилагаемых материалах. Это эпилог, написанный самим Тургеневым.

Он выехал из России в конце июня 1837 г. 1 сентября в Германии встретился с Гоголем, которому рассказал подробности о смерти Пушкина. В конце 1839 г. — опять приехал в Россию (отметим его встречу с Лермонтовым); 1840—1841 гг. — провел в Европе, 1842—1843 — на родине. С сентября 1843 по 10 мая 1845 г. Александр Иванович снова жил в Париже; по дороге домой, в Германии, навестил в последний раз друга всей жизни — Василия Андреевича Жуковского. Холодной московской зимой Александр Иванович простудился, раздавая деньги каторжникам на Воробьевых горах. Его могила — в Ново-Девичьем монастыре.



Своей семьи у него никогда не было. За гробом шли дальние родственники и несколько московских друзей. «Эолова арфа» умолкла.

### *Основная литература*

Письма Александра Тургенева к Булгаковым. Подгот. текста, вступ. статья и коммент. А. А. Сабурова. М.—Л., 1939.

А. И. Тургенев. Хроника русского. Дневники (1825—1826). Послесловие и подготовка текста М. И. Гиллельсона. М.—Л., 1964.

М. Максимов. По страницам дневников и писем А. И. Тургенева (Пушкин и А. И. Тургенев).— Прометей, т. 10. М., 1974.

М. Гиллельсон. Пушкин в дневниках А. И. Тургенева 1831—1834 годов.— Русская литература, 1964, № 1.

1

ТУРГЕНЕВУ

Тургенев, верный покровитель  
Попов, евреев и скопцов,  
Но слишком счастливый гонитель  
И езуитов, и глупцов,  
И лени моей бесплодной,  
Всегда беспечной и свободной,  
Подруги благотворных снов!  
К чему смеяться надо мною,  
Когда я слабою рукою  
На лире с трепетом брожу  
И лишь изнеженные звуки  
Любви, сей милой сердцу муки,  
В струнах незвонких нахожу?  
Душой предавшись наслажденью,  
Я сладко, сладко задремал.  
Один лишь ты с глубокой ленью  
К трудам охоту сочетал;  
Один лишь ты, любовник страстный  
И Соломирской, и креста \*,  
То ночью прыгаешь с прекрасной,  
То проповедуешь Христа.  
На свадьбах и в Библейской зале,  
Среди веселий и забот,  
Роняешь Лунину на бале,  
Подъемлешь трепетных сирот;  
Ленивец милый на Парнасе,  
Забыв любви своей печаль,  
С улыбкой дремлешь в Арзамасе  
И спишь у графа де-Лаваль;  
Нося мучительное бремя  
Пустых иль тяжких должностей,

---

\* Креста, сиречь не Анненского и не Владимирского —  
а честного и животворящего (Прим. Пушкина).

Один лишь ты находишь время  
Смеяться лениности моей.

Не вызывай меня ты боле  
К навек оставленным трудам,  
Ни к поэтической неволе,  
Ни к обработанным стихам.  
Что нужды, если и с ошибкой  
И слабо иногда пою?  
Пускай Нинета лишь улыбкой  
Любовь беспечную мою  
Воспламенит и успокоит!  
А труд и холоден и пуст;  
Поэма никогда не стоит  
Улыбки сладострастных уст.

1817

*А. С. Пушкин*

2

Не правда ли, что вы меня не забыли, хотя я ничего не писал и давно не получал об вас никакого известия? Мочи нет, почтенный Александр Иванович, как мне хочется недели две побывать в этом пакостном Петербурге: без Карамзиных, без вас двух, да еще без некоторых избранных, соскучишься и не в Кишиневе, а вдали камина княгини Голицыной замерзнешь и под небом Италии. В руке твои предаюся, отче! Вы, который сближены с жителями Каменного острова, не можете ли вы меня вытребовать на несколько дней (однако ж не более) с моего острова Пафмоса?..

*Пушкин — А. И. Тургеневу. 7 мая 1821.*

3

Вы помните Кипренского, который из поэтического Рима напечатал вам в Сыне Отечества поклон и свое почтение. Я обнимаю вас из прозаической Одессы, не благодаря ни за что, но ценя в полной мере и ваше

воспоминание и дружеское попечение, которому обязан я переменою своей судьбы. Надобно подобно мне провести три года в душном азиатском заточении, чтоб почувствовать цену и не вольного европейского воздуха. Теперь мне было бы совершенно хорошо, если б не отсутствие кой-кого...

*Пушкин — А. И. Тургеневу. 1 декабря 1823.*

4

Вы уж узнали, думаю, о просьбе моей в отставку; с нетерпением ожидаю решения своей участи и с надеждой поглядываю на ваш север. Не странно ли, что я поладил с Инзовым, а не мог ужиться с Воронцовым; дело в том, что он начал вдруг обходиться со мною с непристойным неуважением, я мог дожидаться больших неприятностей и своей просьбой предупредил его желания. Воронцов — вандал, придворный хам и мелкий эгоист. Он видел во мне коллежского секретаря, а я, признаюсь, думаю о себе что-то другое. Старичок Инзов сажал меня под арест всякий раз, как мне случалось побить молдавского боярина. Правда — но зато добрый мистик в то же время приходил меня навещать и беседовать со мною об гишпанской революции. Не знаю, Воронцов посадил ли бы меня под арест, но уж верно не пришел бы ко мне толковать о конституции Кортесов. Удаляюсь от зла и сотворю благо: брошу службу, займусь рифмой. Зная старую вашу привязанность к шалостям окаянной музыки, я было хотел прислать вам несколько строф моего Онегина, да лень. Не знаю, пустят ли этого бедного Онегина в небесное царствие печати; на всякий случай попробую...

*Пушкин — А. И. Тургеневу. 14 июля 1824.*

5

Видел я Тургенева и нашел в нем мало перемены: кой-где седина, впрочем, та же живость, по крайней

мере при первом свидании. Жду его в Сарское Село. Он едет к тебе, если карантин его не удержит. Постарайся порастрепать его, *porte-feuille* \*, полный европейскими сокровищами. Это нам пригодится.

Пушкин — П. А. Вяземскому. 11 июня 1831.

6

Хотя я давно знал, что наша журналистика, как девица-красавица, во селе, селе Покровском «без политики росла», но как-то странно будет, если Пушкин совершенно исключит этот элемент из своего «Современника»: литература без политики не будет уже *современною* нам литературою, и я думаю, что и в этом случае «*est modus in rebus*» \*\*. Биографическая статья о Тьере, прием в Академию Сальвинди, академическое торжество Гизо; все это, хотя и прикосновенно политике, может, однакож, войти в состав петербургского Review \*\*\*.

В стихах «*На выздоровление Лукулла*» гораздо больше *политики*, чем в моих невинных донесениях о Физэски...

А. И. Тургенев — П. А. Вяземскому.  
25 апреля 1836.

7

Сегодня или завтра приедет ко мне *Лейв-Веймар* за письмами. Я уже тебе и в твоём лице к Пушкину и Жуковскому писал о нём. Примите его благосклонно и дружески и покажите ему Россию и с вашей стороны: с других сторон увидит он её в очки к. Мещерского, с коим приедет, и графини Нессельроде, которой пишут о нём другие.

---

\* Портфель (фр.).

\*\* Есть мера вещей (лат.).

\*\*\* Журнал, обозрение (англ.).

Он пробудет недолго в Петербурге и отправится в Москву и Нижний Новгород на ярмарку, а потом во-сво-яси — вас и ярмарку описывать... вероятно!..

Скажи Пушкину, что здесь давно лежит перевод его «Пугачева» на французский язык и, как говорят, очень хороший... Книгопродавцы полагают, что в «Истории Пугачева» нет ничего нового, что все давно уже известно и для того неохотно берутся печатать перевод! Я старался уверить их в противном, хвалил достоинства автора и необыкновенный интерес книги. Не знаю, состоится ли издание на французском; а переводчику очень этого хочется, но его здесь нет...

*А. И. Тургенев — П. А. Вяземскому.  
14 мая 1836.*

8

Сию минуту прочел я «Современник»: я еще весь в жару и в бешенстве. Никогда я не ожидал от вас такой легкости, едва ли не преступной, и неосмотрительности — разве я позволял вам печатать все ничтожности и личности? Разве вы не могли обдумать, что для меня от этого в Париже выйти может? Разве могу я явиться пестрым шутом даже и в ваш свет? Разве имена и комеражи позволяют? Теперь я объясню многое: вероятно сюда писали уже о напечатанных комеражах, о том, что и мне перечитывать стыдно и тошно. Вы виной, что мне сюда долго нельзя будет возвратиться.

Не воображаю себе как это исправить можно! Я точно выразить не в силах моего негодования: на стр. 277 сказано: «все мои письма отсылайте к\*\*\* (т. е. на хранение, а не в публику). Я их пишу более для себя, чем для вас». — Если возможно, оправдайте меня, скажите правду, что этого письма я никогда не позволял вам печатать; а писал *про* себя и через вас отсылал в свой архив, на *хранение*; что касается до

других писем, то ни под каким предлогом не позволяю вам печатать их, ни в виде выписок, ни вполне,— и требую, чтобы вы их отправили, запечатав, в Москву к сестрице. Одно можете сказать в следующей книжке, что вы сделали непростительный поступок, что я принял это с справедливым негодованием и запретил вам печатать и то, что и не так ничтожно, и где дело идет не о глупых комеражах... То, что я мог говорить Вяземскому, не сказал бы я публике, не сказал бы я даже знакомым своим, ибо я почитал Вяземского другом своим, коему честь моя дорога, а в каком виде явлюсь я теперь и здесь и везде?

Это заставит меня здесь избегать всех и ускорить отъезд из Парижа! Спасибо. Так как я ничего, кроме досадного для тебя (так как и для Пушкина), написать не могу, то я перестану совершенно писать к тебе. Еще раз спасибо. Неужели Жуковский читал это и знал, что *это* готовится в печать?

*А. И. Тургенев — П. А. Вяземскому  
и В. А. Жуковскому. 20 мая 1836.*

9

Полночь. Я зашел к Пушкину справиться о песне о полку Игореве, коей он приготавливает критическое издание. Он посылает тебе прилагаемое у сего издание оной на древнем русском (в оригинале) латинскими буквами и переводы богемский и польский; и в конце написал и свое мнение о сих переводах. У него случилось два экз. этой книжки. Он хочет сделать критическое издание сей песни, в роде Шлецерова Нестора, и показать ошибки в толках Шишкова и других переводчиков и толкователей; но для этого ему нужно дожидаться смерти Шишкова, чтобы преждевременно не уморить его критикою, а других смехом. Три или четыре места в оригинале останутся неясными, но многое прояснится, особливо начало. Он прочел несколько замечаний своих, весьма основательных

и остроумных: все основано на знании наречий славянских и языка русского...

*А. И. Тургенев — Н. И. Тургеневу.  
15 декабря 1836.*

10

Не могу отлучиться. Жду Вас до 5 часов.

*Пушкин — А. И. Тургеневу. 26 января 1837.*

11

ОТРЫВКИ ИЗ «ДНЕВНИКА» А. И. ТУРГЕНЕВА

*1831 год*

*7 декабря...* Обедал у И. И. Дмитриева, приехал и поэт Пушкин, с ним к Вяземскому и к княгине Мещерской: о Вортсворте с матерью.

*8 декабря...* Был у Пушкина и разговаривал о Петре I. Вечер у Вяземского с Пушкиным. Разговор с ним и с Вяземским об Англии, Франции, их авторах, их интеллектуальной жизни и пр.: и они моею жизнью на минуту оживились; но я вздохнул по себе, по себе в России, когда мог бы быть с братом! Спор Вяземского с Пушкиным: оба правы.

*24 декабря.* Проводил Пушкина, слышал из 9-й песни Онегина и заключение: прелестно.

*1832 год*

*9 апреля...* Вечер у Карамзиных с Жуковским, с Пушкиным.

*13 апреля...* Был у Пушкина.

*15 апреля...* Обедал у Жуковского, с Карамзиными, Вяземским, Пушкиным.

*21 апреля...* Вечер у Пушкина, у Загряжской, у Карамзиных.



24 апреля... к Вяземскому и утро с Пушкиным.

29 апреля... Обедал у Фикельмона с Вяземским, Пушкиным, графом Грабовским, Данилевским.

2 мая... Вечер у Карамзиных с Пушкиным.

7 мая... Обедал в Англинском клубе. Был у Пушкина.

11 мая... Был в Академии наук на раздаче Демидовских премий... Возвратился с Жуковским. Гулял с ним же в саду; с Пушкиным был у Хитрово и болтал с Фикельмон об Италии.

13 мая... к Фикельмон, вальсировал с нею, болтал с Толстою о брате ее в Лондоне, с сыном Опочинина о просвещении в Польше. Пушкин сказал о запрещении...

15 мая... Кончил вечер у князя Вяземского с Пушкиным и Жуковским.

28 мая... Вечер у Карамзиных с поэтами, с приятелями и с Смирновой.

2 июня... Заезжал к Пушкину, не застал.

4 июня... У Жуковского с Пушкиным о журнале. Обедал с князем Вяземским в ресторации.

9 июня... Обедал у гр. Велгурского с Вяземским, Бобринским, князем Адуевским, Пушкиным.

17 июня... Был у Пушкина: простился с женой его.

### 1834 год

8 сентября... Поскакал в театр, в ложе у Пушкина, жена и свояченицы его.

9 сентября. Воскресенье. Был у Бенкендорфа в толпе искателей и просителей... Оттуда к Пушкину. Слушал несколько страниц Пугачева. Много любопытного и оригинального...

Пушкин расшевелил душу мою, заснувшую в степях Башкирии. Симбирск всегда имел для меня историческую прелесть. Он устоял против Пугачева и Разина.

15 октября... Вечер у Пушкина: читал мне свою поэму о Петербургском потопе. Превосходно. Другие отрывки.

16 октября... Вечер в Михайловском театре: давали «Родольфа» и «Белую даму». Театрик — прелестная игрушка... Оттуда к Карамзиным и к Смирновой: с Пушкиным — о Чадаеве.

10 декабря... Вечер у Жуковского до 3-го часа: Пушкин, Велугорский, Чернышев-Кругликов, Гоголь...

17 декабря... У Орловых: о Уварове, о стихах Пушкина. Тут и Чадаев.

### 1836 год

26 ноября... Вечер у Бравуры, у Вяземских, у Козловского, и опять у Вяземских. Объяснение с Эмилией Пушкиной, Жуковский. Пушкин.

27 ноября... У Хитровой. Фикельмон, Al. Tolstoy\* о Чадаеве. Обед у Вяземских — с Жуковским и Пушкиным в театре. Семейство Сусанина; открытие театра, публика. Повторение одного и того же. Был в ложе у Экерна. Вечер у Карамзиных, Жуковский!

1 декабря... Во французском театре, с Пушкиными... Вечер у Карамзиных (день рождения Николая Михайловича) с Опочиниными. Разговор с младшею: прежде боялась меня, по словам ее. Пушкины.

2 декабря... К графу Нессельроду, велел явиться на другой день. У Пушкиной: с ним о древней России: «*быть без мест*».

15 декабря... Вечер у Пушкиных до полуночи. Дал «Песнь о полку Игореве» для брата с надписью. О стихах его, Ростопчиной и Бенедиктова. Портрет его в подражание Державину: «*весь я не умру!*»; о Михаиле Орлове, о Киселеве, Ермолове и князе Меншикове. Знали и ожидали, «*без нас не обойдутся*». Читал письмо к Чадаеву непосланное.

19 декабря... Вечер у княгини Мещерской (Карамзиной). О Пушкине; все нападают на него за жену, я заступался. Compliments Софии Николаевны моей любезности. О Париже и пр.

24 декабря... Обедал в Демуте. У графини Пушкиной с Жуковским, Велгурским, Пушкиным, графиней

---

\* Ал. Толстой (фр.).

Ростопчиной, Ланская... Я сидел подле Пушкина и долго и много разговаривал. Вяземский порадовал действием, произведенным моей Хроникой. Пушкин о Мейендорфе: притворяется сердитым на меня за то, что я хотел спасти его! Пушкин зазвал к себе... Читал роман Пушкина.

*1837 год*

*6 января...* в 10 часов вечера отправился к Фикельмону: там любопытный разговор наш с Пушкиным, Барантом, князем Вяземским. Хитрово одна слушала, англичанин после вмешался...

*9 января...* Я зашел к Пушкину: он читал мне свои *pastiche*\* на Вольтера и на потомка *Jeanne d'Arc*\*\*. Потом он был у меня, мы рассматривали французские бумаги и заболтались до 4-х часов. Ермолов, Орлов, Киселев все знали и ожидали: без нас дело не обойдется. Ермолов, желая спасти себя — спас Грибоедова, узнав, предварил его за два часа. Обедал у Татаринова. Зашел опять к Пушкину. Прочел ему письмо мое о Жольвекуре. Аршияк заходил ко мне и уехал к Бравуре. Дал Пушкину мои письма, переписку Бонштеттена с *m-me Staal*\*\*\*, его мелкие сочинения; выписки из моего журнала о Шотландии и Веймаре.

*18 января...* к Люцероде, где долго говорил с Натальей Пушкиной и она от всего сердца.

*19 января...* У князя Вяземского о Пушкиных, Гончаровой, Дантесе-Геккерне.

*21 января.* Послал к брату № 20... Стихотворение Пушкина о море, по поводу брата... Отдал письмо Аршияку и завтракал с ним. Он прочел мне письмо А. Пушкина о дуэли от 17 ноября 836. ...Зашел к Пушкину: о Шатобриане, и о Гете, и о моем письме из Симбирска — о пароходе, коего дым проест глаза нашей татарщине.

---

\* Подражание, стилизация (фр.).

\*\* Жанна д'Арк (фр.).

\*\*\* Мадам де Сталь (фр.).

*26 генваря.* Я сидел до 4-го часа, перечитывая мои письма; успел только прочесть Пушкину выписки из парижских бумаг.

*27 генваря...* Скарятин сказал мне о дуэли Пушкина с Геккерном; я спросил у Карамзиной и побежал к княгине Мещерской: они уже знали. Я к Пушкину: там нашел Жуковского, князя и княгиню Вяземских и раненного смертельно Пушкина, Арндта, Спасского — все отчаивались. Пробыл с ними до полуночи и опять к княгине Мещерской. Там до двух и опять к Пушкину, где пробыл до 4-го утра. Государь присылал Арндта с письмом, собственным карандашом: только показать ему: «Если бог не велит нам свидеться на этом свете, то прими мое прощенье (которого Пушкин просил у него себе и Данзасу) и совет умереть христиански, исповедаться и причаститься; а за жену и детей не беспокойся: они мои дети, и я буду пещись о них». Пушкин сложил руки и благодарил бога, сказав, чтобы Жуковский передал государю его благодарность. Приезд его: мысль о жене и слова, ей сказанные: «будь спокойна, ты ни в чем не виновата».

*2 февраля...* Жуковский приехал ко мне с известием, что государь назначает меня провожать тело Пушкина до последнего жилища его.

*5 февраля...* отправились сперва в Остров, за 56 верст, оттуда за 50 верст к *Осиповой* — в Тригорское, где уже был в три часа пополудни. За нами прискакал и гроб в 7-м часу вечера; почталиона оставил я на последней станции с моей кибиткой. Осипова послала, по моей просьбе, мужиков рыть могилу; вскоре и мы туда поехали с жандармом; зашли к архимандриту; он дал мне описание монастыря; рыли могилу; между тем я осмотрел, хотя и ночью, церковь, ограду, здания. Условились приехать на другой день и возвратились в Тригорское... Напились чаю; я уложился спать жандарма и сам остался мыслить вслух о Пушкине с милыми хозяйками; читал альбом со стихами Пушкина, Языкова и пр. Нашел Пушкина нигде

не напечатанные. Дочь пленяла меня; мы подружились. В 11 часов я лег спать. На другой день

*6 февраля, в 6 часов утра*, отправились мы — я и жандарм!! — опять в монастырь, — все еще рыли могилу; мы отслужили панихиду в церкви и вынесли на плечах крестьян гроб в могилу — немногие плакали. Я бросил горсть земли в могилу; выронил несколько слез — вспомнил о Сереже — и возвратился в Тригорское. Там предложили мне ехать в Михайловское, и я поехал с милой дочерью, несмотря на желание и на убеждение жандарма не ездить, а спешить в обратный путь. Дорогой Мария Ивановна объяснила мне Пушкина в деревенской жизни его, показывала урочища, места... любимые сосны, два озера, покрытых снегом, и мы вошли в домик поэта, где он прожил свою ссылку и написал лучшие стихи свои. Все пусто. Дворник, жена его плакали. Я искал вещь, которую бы мог унести из дома, две каменные вазы на печках оставил я для сирот. Спросил старого, испанского пера: мне принесли новое, неочищенное; насмотревшись, мы опять сели в кибитку-коляску и, дружно разговаривая, возвратились в Тригорское. Отзавтракав, простились. Хозяйка дала мне немецкий альбом на память; я обещал ей стихи Лермонтова, «Онегина» и мой портрет. Мы нежно прощались, особенно с Марией Ивановной, уселись в кибитку и на лошадях хозяйки по реке Великой менее нежели в три часа достигли до 1-й станции. Заплатил за упавшую под гробом лошадь — и поехали далее. Остров. Здесь нагнал нас городничий; благодарил его и чиновника — и в 4 часу утра приехал во Псков.

*А. И. Тургенев.*

Вчера же, на вечеринке у кн. Алексея И. Щербатова, подходит ко мне С... и спрашивает: «Каков он и есть ли надежда?» Я не знал, что отвечать, ибо не

знал и о ком он меня спрашивает. «Разве вы не знаете,— отвечал С.,— что Пушкин ранен и очень опасно, вряд ли жив теперь?» Я все не думал о Поэте Пушкине; ибо видел его накануне, на бале у гр. Разумовской, накануне же, т. е. третьего дня провел с ним часть утра; видел его веселого, полного жизни, без малейших признаков задумчивости: мы долго разговаривали о многом и он шутил и смеялся. 3-го и 4-го дня также я провел с ним большую часть утра; мы читали бумаги, кои готовил он для 5-ой книжки своего журнала. Каждый вечер видал я его и на балах спокойного и веселого.— Пораженный словами Ск...а я сказал только слова два Карамзиной: она ничего не знала о дуэли, хотя дети Пушкина в 4 часа пополудни были у кн. Мещерской и мать за ними сама заезжала. Я приехал к К. Мещерской: она уже знала о происшествии, и я поскакал прямо к Пушкину, где нашел к. Вяземского, Жуковского, доктора. У Пушкиной и у сестры ее сидела кн. Вяземская и фрейлина Загряжская. Мне сказали, что рана *смертельная*.— Вот как было дело: вы знаете, что в начале зимы Пушкин получил письма, и с ним и другие, его приятели, в коих ругались над ним и над его женою. Он сначала полагал, что барон Гекерн, побочный сын голландского министра Гекерна, служащий в кавалергардском полку и называвшийся прежде усыновления Дантесом, писал сии письма, и ревнуя его к жене своей, вызвал его на дуэль, потом, узнав, что Дантес хотел жениться — а после женился — на сестре жены его; он написал к секунданту Гекерна, д'Аршиаку, секретарю французского посольства, письмо, в коем объявлял, что уже не хочет драться с Дантесом и признает его благородным человеком. (Д'Аршиак показывал мне письмо Пушкина.) С некоторого времени, он, кажется, начал опять подозревать и беситься на Дантеса, и 3-го дня, в самый тот день как я видел его два раза веселого, он написал ругательное письмо к Гекерну, отцу,— коего выражений я не смею повторять вам. Нечего было делать отцу после такого письма. Вчера назначен был дуэль за

Комендантской дачей на Черной речке между Дантесом, ныне Гекерном. Пушкин встретил на улице Данзаса, полковника, брата обер-прокурора, который жилал прежде в Москве, повез его к себе на дачу и только там уже показал ему письмо, писанное им к отцу Гекерна; Данзас не мог отказаться быть секундантом; он и д'Аршиак, который был секундантом Гекерна, очистили снег, приготовили место и в двадцати шагах Пушкин и Гекерн стрелялись. Сперва выстрелил Гекерн и попал Пушкину прямо в живот, пуля прошла все тело; но остановилась за кожей, так что доктора могли ее ощупать. Он упал, Гекерн бросился к нему на помощь, но он привстал и сказал, что хочет стрелять. Секундант подал ему пистолет и он выстрелил в Гекерна; бросил в воздух пистолет и что-то вскричал. Гекерн ранен в руку, которую держал у пояса: это спасло его от подобной раны какая у Пушкина. Пуля пробила ему руку, но не тронула кости и рана не опасна. Отец его прислал заранее для него карету,— он и Пушкин приехали каждый в санях, и секундант Гекерна не мог отыскать ни одного хирурга — Гекерн уступил свою карету Пушкину; надлежало разрывать снег и ломать забор, чтобы подвести ее туда, где лежал Пушкин, не чувствуя впрочем опасности и сильной болезни от раны и полагая сначала, что он ранен в ляжку; дорогой в карете шутил он с Данзасом; его привезли домой; жена и сестра жены, Александрина, были уже в беспокойстве; но только одна Александрина знала о письме его к отцу Гекерна: он закричал твердым и сильным голосом, чтобы жена не входила в кабинет его, где его положили, и ей сказали, что он ранен в ногу. Послали за Арендтом; но прежде был уже у раненого приятель его, искусный доктор Спасский; нечего было оперировать; надлежало было оставить рану без операции; хотя пулю и легко вырезать: но это без пользы усилило бы течение крови. Кишки не тронуты; но внутри прерваны кровавые нервы и рану объявили смертельною...

Я провел там,— до 4-го часа утра, с Жуковским,

гр. Виельгорским и Данзасом; но к нему входит только один Данзас. Сегодня в 8-м часу Данзас велел сказать мне, что «все хуже да хуже». Вчера он мало страдал от раны; тошнило, но слегка; он забывался, но ненадолго. Теперь я иду к нему и уведомлю вас о последующем...

*А. И. Тургенев — А. И. Нефедьевой.  
28 января 1837.*

13

Вчера в течение вечера как казалось, что Пушкину хотя едва, едва легче; какая-то слабая надежда рождалась в сердце более нежели в уме. Арендт не надеялся и говорил, что спасение было бы чудом; он мало страдал, ибо ему помогали маслом; сегодня в 4 часа послали за Арендтом спросить, поставить ли пиявки еще раз...

Сегодня пустили в комнату жену, но он не знает, что она близ его кушетки, и недавно спросил, при ней, у Данзаса: думает ли он, что он сегодня умрет, прибавив: «Я думаю, по крайней мере желаю. Сегодня мне спокойнее и я рад, что меня оставляют в покое; вчера мне не давали покоя». Жуковский, к. Вяземский, гр. Мих. Виельгорский провели здесь всю ночь и теперь здесь: (я пишу в комнатах Пушкина). Мы собираемся обедать у гр. Виельгорского с новорожденным — ангелом, может быть в день кончины другого великого Поэта...

*А. И. Тургенев — А. И. Нефедьевой.  
29 января 1837.*

14

3-й час пополудни. Четверг.

У Гекерна поутру взяли шпагу; т. е. домовый арест.

Д'Аршиака, секунданта, посылает Барант курьером в Париж.



Пушкину хуже. Грудь поднимается. Оконечности тела холодеют; но он в памяти.

Сегодня еще не хотел он, чтобы жена видела его страдания; но после захотелось ему морошки и он сказал, чтобы дали жене подать ему морошки...

*3 часа.* За десять минут Пушкина — не стало. Он не страдал, а желал скорой смерти. — Жуковский, гр. Виельгорский, Даль, Спасский, княгиня Вяземская и я — мы стояли у канапе и видели — последний вздох его. Доктор Андреевский закрыл ему глаза.

За минуту прошла к нему жена; ее не впустили. — Теперь она видела его умершего. Приехал Арендт; за ней ухаживают. Она рыдает, рвется, но и плачет.

Жуковский послал за художником снять с него маску.

Жена все не верит, что он умер; все не верит. — Между тем тишина уже нарушена. Мы говорим вслух — и этот шум ужасен для слуха; ибо он говорит *о смерти* того, для коего мы молчали.

Он умирал тихо, тихо...

*А. И. Тургенев — А. Я. Булгакову.  
29 января 1837.*

15

Вчера отслужили мы первую панихиду по Пушкине в 8 час. вечера. Жена рвалась в своей комнате; она иногда в тихой, безмолвной, иногда в каком-то иступлении горести. Когда обмывали его, я рассмотрел рану его, по-видимому ничтожную. Государь назначает пенсию жене его, берет двух сыновей в пажеский корпус; со временем сделает, вероятно, что-нибудь и для двух малолетних же дочерей. Я спешу на панихиду. Сегодня день ангела ангела Жуковского: он и для Пушкина был тем же, чем для всех друзей своих. Вчера, в день его рождения, обедали мы в горестных воспоминаниях о поэте...

Пушкина будут отпевать в понедельник; но еще не знают, здесь ли, или в Псковской деревне его пре-

дадут его земле. Лучше бы здесь, в виду многочисленной публики, друзей и почитателей его. Деревня может быть продана и кто позаботится о памятнике незабвенного поэта!..

Государь поручил Жуковскому разобрать бумаги П., и он запечатал кабинет его.

Полдень. Мы отслужили еще панихиду. Лицо П. изменилось сильно. Последовало высочайшее повеление судить его, Пушкина, и антагониста Гекерна военным судом; но он уже перед судом Божиим; прочие не поименованы, но о них сказано, что — судить «и прикосновенных к делу лиц», — впрочем гр. Бенкендорф сказал... что Данзасу ничего не будет.

*А. И. Тургенев — А. И. Нефедьевой.  
30 января 1837.*

16

Народ во все дни до поздней ночи толпился и приходил ко гробу его, везде толки и злоба на Гекерна. Полиция, кажется, опасается, чтобы в доме Гекерна отца, где живет и сын его, не выбиты были окна или чтобы чего не произошло, при выносе и отпевании; ибо вместо Исакиевского Собора, назначенного, как увидите в билете, для отпевания, велено отпевать его в Конюшенной церкви и вчера ввечеру перестали уже пускать народ ко гробу, и мы в полночь, только родные, друзья и ближние перевезли тело его из дома в эту церковь. В 11 часов будет отпевание и потом перевезут его в монастырь, за 4 версты от его деревни, где он желал покоем — до радостного утра!..

Студенты желали в мундирах быть на отпевании; их не допустят вероятно. Также и многие департаменты: например, Духовных дел иностр. исповеданий.

Одна так называемая *знать* наша или высшая аристократия не отдала последней почести гению русскому: она толкует, следуя моде, о народности и пр., а почти никто из высших чинов двора, из генерал-

адъютантов и пр. не пришел ко гробу П. Но она, болтая по-французски, по своей русской безграмотности и не в праве печалиться о такой потере, которой оценить не могут...

Сегодня, еще прежде дуэли назначена и в афишках объявлена была для бенефиса Каратыгина пьеса из Пушкина: *«Скупой Рыцарь»*... Каратыгин, по случаю отпевания Пушкина, отложил бенефис до завтра, но пьесы этой — играть не будут! — вероятно опасаются излишнего энтузиазма...

Вчера, входя в комнату, где стоял гроб, первые слова, кои поразили меня при слушании псалтыря, который читали над усопшим, были следующие: *«Правду твою не скрыв в сердце твоём»*.— Эти слова заключают в себе всю загадку и причину его смерти: то есть то, что он почитал правдою, что для него, для сердца его казалось обидою, он не скрыл в себе, не укротил в себе,— а высказал, в ужасных и грозных выражениях своему противнику — и погиб!..

А. И. Тургенев — А. И. Нефедьевой.  
1 февраля 1837.

17

3 февраля в полночь мы отправились из Конюшенной церкви, с телом Пушкина, в путь; я с почтальоном в кибитке позади тела; жандармский капитан впереди оного. Дядька покойного желал также проводить останки своего доброго барина к последнему его жилищу, куда недавно возил он же и тело его матери; он стал на дрогах, кои везли ящик с телом, и не покидал его до самой могилы. Ночью проехали мы Софию, Гатчину, к утру 4-го февраля были уже в Луге, за 140 верст от Петербурга, а к 9-ти часам вечера того же дня уже во Пскове (куда приехали ровно в 19 часов. Псков по новому исчислению в 285 верст от С.-Петербурга)...

Я отправился в ночь, опять с гробом и с жандармом, сперва в городок Остров, где исправник и город-

ничий нас встретили (за 54 версты от Пскова) и послали с нами чиновника далее; за 55 верст от Острова мы заехали, оставив гроб на последней станции с почтальоном и с дядькой, к госпоже Осиповой, в три часа пополудни; она соседка Пушкина, коего деревенька в версте от ее села, и любила П. как мать; у ней-то проводил он большую часть время ссылки своей и все семейство ее оплакивает искренно поэта и доброго соседа. Она уже накануне узнала от дочерей, в Петербурге живущих, о кончине П. и встретила меня как хорошего знакомого и друга П. Мы у ней отобедали, а между тем она послала своих крестьян рыть могилу для П. в монастырь за 4 версты, в горах, от нее отлежащий, там же, где положена недавно мать П. После обеда мы туда поехали, скоро прибыло и тело, которое внесли в верхнюю церковь и поставили до утра там; могилу рыть было трудно в мерзлой земле и надлежало остаться до утра. Мы возвратились в *Тригорское* (так называется село г-жи Осиповой, воспетое Пушкиным и Языковым); напились чаю, отужинали. Товарищ мой, ехавший на перекладных, ушел спать, а я остался с хозяйкой и с двумя милыми дочерьми ее и пробеседовал с ними до полуночи о делах Пушкина, о его жизни деревенской и узнал многое, что бесполезно будет для соображений по делам для оставшихся; нашел несколько стихов его в альбоме, публике неизвестных, и сдружился с теми, кои так радушно меня приняли и так хорошо умеют ценить доброго поэта. На другой день, 5 февраля, на рассвете, поехали мы опять в Святогорский монастырь; могилу еще рыли; моим гробокопателям помогали крестьяне Пушкина, узнавшие, что гроб прибыл туда; между тем как мы пели последнюю панихиду в церкви, могила была готова для принятия ящика с гробом — и часу в 7 утра мы опустили его в землю. Я взял несколько горстей сырой земли и несколько сухих ветвей растущего близ могилы дерева для друзей и для себя, а для вдовы — просвиру, которую и отдал ей вчера лично. Простившись с архимандритом, коему поручил я отправлять

все надлежащие службы (к нему заходил я накануне) и осмотрев древнюю церковь и окрестности живописные монастыря, на горах или пригорках стоящего, я отправился обратно в Тригорское; оттуда с дочерью хозяйки, милою, умною и пригожею, я съездил в деревню Пушкина, за  $\frac{1}{4}$  часа по дороге от них, а прямо и ближе, осмотрел домик, сад, гульбище и две любимые сосны поэта, кои для русских будут то же, что дерево Тасса над Ватиканом для Италии и для всей Европы; поговорил с дворником, с людьми дворовыми, кои желают достаться с деревнею на часть детям покойного, полюбовался окрестностями; они прелестны, как сказывают, летом, и два озера близ самого сада украшают их. Здесь-то поэт принимал впечатления природы и предавался своей богатой фантазии; здесь-то видел и описывал он сельские нравы соседей и находил краски и материалы для своих вымыслов, столь натуральных и верных и согласных с прозою и с поэзиею сельской жизни в России...

В 8 часов вечера я выехал из Пскова третьего дня, и вчера в 7 часов вечера я был уже здесь, на своей квартире...

Вечеру же был вчера у вдовы, дал ей просвиру монастырскую и нашел ее ослабевшую от горя и от бессонницы; но покорною Провидению. Я перецеловал сирот-малюток и кончил вечер у Карамзиной, а Вяземский, Жуковский и Виельгорский ожидали меня у Вяземского и я по сию пору не видел их еще и с почты не получал московских писем. Посылаю за ними: авось не будет ли и от вас! — Вяземский нездоров. Сердце его исстрадалось от болезни и кончины Пушкина...

*А. И. Тургенев — А. И. Нефедьевой.  
9 февраля 1837.*

Я возвратился сюда третьего дня и первым и приятным долгом считаю принести вам, Милостивая Государыня Прасковья Александровна, чувствительней-

шую благодарность за радушный прием, который я нашел в мирном, прелестном вашем приюте. Тригорское останется для меня незабвенным не по одним воспоминаниям поэта, который провел там лучшие минуты своей поэтической жизни. Для чего не последовал он влечению своего сердца и Гения и не возвратился в Михайловские кущи,

На скат Тригорского холма:

может быть, «звуки чудных песен» еще бы не замолкли!

Минуты, проведенные мною с вами и в сельце и в домике поэта, оставили во мне неизгладимые впечатления. Беседы ваши и все вокруг вас его так живо напоминает! В деревенской жизни Пушкина было так много поэзии, а вы так верно передаете эту жизнь. Я пересказал многое, что слышал от вас о Поэте, о Михайловском и о Тригорском, здешним друзьям его: все желают и просят вас описать подробно, пером дружбы и истории, Михайловское и его окрестности, сохранить для России воспоминание об образе жизни поэта в деревне, о его прогулках в Тригорское, о его любимых двух соснах, о местоположении, словом — все то, что осталось в душе вашей неумирающего от поэта и человека. Милая и умная почитательница великого русского таланта — Марья Ивановна поможет вам в этом патриотическом труде и перепишет своей рукой ваши строки о вашем незабвенном друге, который заслужил нечто лучшее самой славы: слезы красоты и невинности; я видел их, — и они пали и на мое сердце; в память о них осмеливаюсь препроводить новое издание «Онегина». Не забудьте того, который унесет с собою искреннюю к вам привязанность далеко, далеко и только в воспоминаниях будет искать утешений в разлуке с отечеством, помня слова другого Тургенева:

И в самых горестях нас может утешать  
Воспоминание минувших дней блаженных.

Вы желали иметь портрет мой, коего оригинал писан Брюлловым: под эгидою таланта посылаю я его для Тригорского вашего кабинета...

Вот и стихи на кончину поэта. Я уверен, что они и вам так же понравятся, как здесь всем почитателям и друзьям поэта...

*А. И. Тургенев — П. А. Осиповой.  
10 февраля 1837.*

19

Вчера имел я честь получить письмо ваше, Милостивая Государыня Прасковья Александровна, и не могу вам выразить, с каким чувством я читал его! Все минуты Тригорского, для сердца незабвенные, ожили в памяти; еще сильнее захотелось повторить их в жизни; но во власти ли человека переделать судьбу свою! Участь бездомного странника — встречаться с наслаждениями души и сердца, а постоянно — жить только с тоскою и грустью по милом и с невозвратимыми утратами. Не от того ли

И меланхолии печать всегда на нем?..

Поспешаю отвечать на письмо ваше: Наталья Николаевна 16-го февраля уехала через Москву в деревню брата, Калужской губернии, с сестрою Александриною, с детьми и в сопровождении тетки Загряжской, которая, проводя их, возвратится сюда недели через две. В Москве они не остановятся ни на час, и Пушкина напишет письмо к Сергею Львовичу и скажет ему, что теперь не в силах еще его видеть. Братья ее также провожают их. Я видел ее накануне отъезда и простился с нею. Здоровье ее не так дурно; силы душевные также возвращаются. С другою сестрою, кажется, она простилась, а тетка высказала ей все, что чувствовала она в ответ на ее слова, что «она прощает Пушкину». Ответ образумил и привел ее в слезы. За неделю пред сим разлучили ее с му-

жем; он под арестом в кордегарде, и недавно объявили ему и Данзасу первый приговор, который, вероятно, не состоится, особенно для последнего. Дело может еще протянуться с месяц. Отец-Гекерн все продал и собирается в путь, но еще не отозван. Опекун занимается устройством дел вдовы и детей; Жуковский с генералом жандармским приводит в порядок бумаги покойного. Государь сказал Жуковскому, что дает 50.000 на издание (в 10.000 экземпляров) сочинений Пушкина в пользу семейства. Издание обойдется в 66.000. Если пустить в 20 руб. экземпляр, то капитал и проценты до совершеннолетия их обеспечат их участь. Долги также будут заплачены. Жуковский, как и всегда и для всех сопричастных сердцу его,— Гений утешитель.

Посылаю вам письмо князя Вяземского к Булгакову, который, не получив полного, третьего письма моего, жаловался ему на неполноту моего отчета о последних минутах поэта. Как бы многое хотелось мне передать вам отсюда, но, вопреки пословице, *бумага не все терпит*. Умоляю вас, однако же, написать ко мне *все*, что вы умолчали и о чем только намекнули в письме вашем: это важно для истории последних дней Пушкина. Он говорил с вашей милой дочерью почти накануне дуэли: передайте мне верно и обстоятельно слова его; их можно сообразить с тем, что он говорил другим,— и правда объяснится. Если вы потребуете тайны, то обещаю вам ее; но для чего таить то, на чем уже лежит печать смерти!..

С каким нетерпением ожидаю исполнения вашего обещания: прошу припомнить в отношении Михайловского и Тригорского и всей жизни с вами Поэта и о всех стихах или упоминаниях, подобных тем, кои привели вы из барона Дельвига. Поэт, зная вас короче и долго, конечно, не сказал ничего о ваших, чего бы сердце мое не угадало и не подтвердило со всею искренностью...

Вы желали также слышать все, что здешние праздноты-вестовщики *мыслят вслух* о Наталье



Николаевне: их не переслушаешь! и в сем случае письмо умного и доброго Вяземского гласностью своею должно служить вернейшим комментарием, а на случай и опровержением злонамеренных и пустых толков. Постараюсь доставить вам и письмо Жуковского к Сергею Львовичу: оно достойно предмета и души друга Поэта и, кажется, ни одной подробности, ни существенной, ни мелочной,— если может быть что-либо мелочное, когда дело идет о смерти и о Пушкине — не упущено.— Записки о последних минутах его, составленные очевидцами и друзьями: доктором Спасским и другим Далем — также очень интересны, но я еще и этих записок не получил.

*А. И. Тургенев — П. А. Осиповой.  
24 февраля 1837.*

20

Письма Пушкина к Гекерну не должно всем показывать и не давать копий; иначе могут напечатать. Жандармы тогда донесли, а может быть и не жандармы, что Пушкина положили не в камер-юнкерском мундире, а во фраке: это было по желанию вдовы, которая знала, что он не любил мундира; между тем государь сказал: «верно это Тургенев или к. Вяземский присоветовали». Другой поклеп на Вяземского, что он якобы сказал, что государь не имел права посылать меня с телом! Ни того, ни другого нам и в мысль не приходило. Даже донесли, что Жуковский и Вяземский положили свои перчатки в гроб, когда его заколачивали, и в этом видели что-то и к кому-то враждебное. На Жуковского сказали, что он, несмотря на повеление государя принять и опечатать с жандармским генералом бумаги, вынес при жизни еще П. несколько пакетов! а он так аккуратно исполнил поручение, что никому бы лучше не удалось! — вот как здесь портят и прекрасное дело! — Теперь узнаем, что Пушкин накануне открылся одной даме, дочери той Осиповой, у коей я был в Тригорском, что

он будет драться. Она не умела или не могла помешать и теперь упрек жены, которая узнала об этом, на них падает...

*А. И. Тургенев — Н. И. Тургеневу.  
1 марта 1837.*

21

Я бы желал, чтобы в заключение Записок биографических о покойном Александре сказано было, что Александр Иванович Тургенев был единственным орудием помещения его в Лицей и что через 25 лет он же проводил тело его на последнее жилище. Да узнает Россия, что она Тургеневу обязана любимым ею поэтом. Чувство непоколебимой благодарности побуждает меня просить вас об этом.— Нет сомнения, что в Лицее, где он в товарищах встретил несколько соперников, соревнование способствовало к развитию огромного его таланта. Вот что я писал Александру Ивановичу и потом к вам, но письмо мое в то время, не знаю почему, до вас не дошло...

*С. Л. Пушкин — П. А. Вяземскому.  
1 февраля 1838.*

\* \* \*

22

При торжественном открытии Лицея находился Тургенев; от него узнал я некоторые о том подробности. Вычитывая воспитанников, сыновей известных отцов, между прочим назвал он одного двенадцатилетнего мальчика, племянника Василья Львовича, маленького Пушкина, который, по словам его, всех удивлял остроумием и живостью. Странное дело. Дотоле слушал я его довольно рассеянно, а когда произнес он это имя, то вмиг пробудилось все мое внимание. Мне как будто послышался первый далекий гул той славы, которая вскоре потом должна была греметь по всей России, как будто вперед что-то сказало мне, что

беседа его доставит мне в жизни столько радостных, усладительных, а чтение его столько восторженных часов.

*Ф. Ф. Вигель. Записки.*

23

Перед отъездом... встретился я с А. И. Тургеневым, который незадолго до того приехал в Москву... Я подсел к нему и спрашиваю: не имеет ли он каких-нибудь поручений к Пушкину, потому что я в январе буду у него. «Как! Вы хотите к нему ехать? Разве не знаете, что он под двойным надзором — и полицейским и духовным?» — «Все это знаю; но знаю также, что нельзя не навестить друга после пятилетней разлуки в теперешнем его положении, особенно когда буду от него с небольшим в ста верстах. Если не пустят к нему, уеду назад». — «Не советовал бы. Впрочем, делайте, как знаете», — прибавил Тургенев.

Опасения доброго Александра Ивановича меня удивили, и оказалось, что они были совершенно напрасны. Почти те же предостережения выслушал я от В. Л. Пушкина, к которому заезжал проститься и сказать, что увижу его племянника. Со слезами на глазах дядя просил расцеловать его...

*И. И. Пущин.*

24

А там широкое добродушное лицо и тучная фигура Александра Тургенева, тоже ежедневного гостя, но мало занимавшегося детьми, на которого мы с изумлением глядели за обедом, когда он глотал все, что находилось под рукою, — и хлеб с солью, и бисквиты с вином, и пирожки с супом, и конфеты с говядиной, и фрукты с майонезом, без всякого разбора, без всякой последовательности, как попадет, было бы съестное; а после обеда поставят перед ним сухие фрукты,

пастилы и т. п., и он опять все ест, между прочим, кедровые орехи целою горстью за раз, потом заснет на диване и спит и даже храпит под шум разговора и веселого смеха друзей. Помню, как теперь, голубой, набивного бархата диван и овальный стол из желтого тополя в гостиной нашей, где сиживал он. Эта способность глотать все, что ни попадет, и спать потом так сладко делали его в моих глазах каким-то *Boa constrictor* \* безвредной породы или добрым огром, который, однако, детей не ест, а непрочь даже поделиться с ними конфектами. Мы его прозвали по-французски потому, что эту пропасть или омут мгновенно пожиралось все съестное.

А вот и А. С. Пушкин с своим веселым, заливающимся, ребяческим смехом, с беспрестанным фейерверком остроумных блистательных слов и добродушных шуток, а потом растерзанный, измученный, убитый жестоким легкомыслием пустых, тупых умников салонных, не постигших ни нежности, ни гордости его огненной души.

*А. Д. Блудова. Воспоминания и записки.*

25

Когда произошла эта несчастная дуэль, я, с матушкой и сестрой Машей была в Тригорском, а старшая сестра, Анна, в Петербурге. О дуэли мы уже слышали, но ничего путем не знали, даже, кажется, и о смерти. В ту зиму морозы стояли страшные. Такой же мороз был и 15-го февраля 1837 года. Матушка недомогала, и после обеда, так часу в третьем, прилегла отдохнуть. Вдруг видим в окно: едет к нам возок с какими-то двумя людьми, а за ними длинные сани с ящиком. Мы разбудили мать, вышли навстречу гостям: видим, наш старый знакомый, Александр Иванович Тургенев. По-французски рассказал Турге-

---

\* Боа-констриктор (фр.).

нев матушке, что приехали они с телом Пушкина, но, не зная хорошенько дороги в монастырь и перезябши вместе с везшим гроб ямщиком, приехали сюда. Какой ведь случай! Точно Александр Сергеевич не мог лечь в могилу без того, чтоб не проститься с Тригорским и с нами. Матушка оставила гостей ночевать, а тело распорядилась взять теперь же в Святые Горы вместе с мужиками из Тригорского и Михайловского, которых отрядили копать могилу. Но ее копать не пришлось: земля вся промерзла,— ломом пробивали лед, чтобы дать место ящику с гробом, который потом и закидали снегом. Наутро, чем свет, поехали наши гости хоронить Пушкина, а с ними и мы обе — сестра Маша и я, чтобы, как говорила матушка, присутствовал при погребении хоть кто-нибудь из близких. Рано утром внесли ящик в церковь, и после заупокойной обедни всем монастырским клиром, с настоятелем, архимандритом, столетним стариком Геннадием во главе, похоронили Александра Сергеевича, в присутствии Тургенева и нас, двух барышень. Уже весной, когда стало таять, распорядился Геннадий вынуть ящик и закопать его в землю уже окончательно. Склеп и все прочее устраивала сама моя мать, так любившая Пушкина, Прасковья Александровна. Никто из родных так на могиле и не был. Жена приехала только через два года, в 1839 году.

*Е. И. Фок.* Рассказы о Пушкине,  
записанные В. П. Острогорским.



«Твоя дружба заменила мне счастье», — записал Пушкин в дневнике 18 июля 1821 г., мысленно обращаясь к Чаадаеву. «Тебя недостает душе моей усталой», — признавался он в том же году в стихотворном послании к Чаадаеву. И там же писал:

Ни музы, ни труды, ни радости досуга —  
Ничто не заменит единственного друга.  
Ты был целителем моих душевных сил;  
О неизменный друг, тебе я посвятил  
И краткий век, уже испытанный судьбою,  
И чувства — может быть спасенные тобою!  
Ты сердце знал мое во цвете юных дней;  
Ты видел, как потом в волнении страстей  
Я тайно изнывал, страдалец утомленный;  
В минуту гибели над бездной потаенной  
Ты поддержал меня недремлющей рукой;  
Ты другу заменил надежду и покой...

В приложенных материалах читатель найдет текст этого и еще двух посланий к Чаадаеву и убедится, сколь много значил этот человек в жизни Пушкина. В стихах Пушкина вообще нет ни одной строки, написанной «просто так», т. е. не отражающей искреннего чувства и точной мысли. Что касается дружеских посланий, то они у него всегда конкретны и в значительной степени автобиографичны. Так что употребленные в послании к Чаадаеву выражения — «единственный друг»; «неизменный друг»; «ты под-

держал меня недремлющей рукой»; «ты другу заменил надежду и покой» — следует скорее всего понимать буквально. Может возникнуть вопрос, как же в таком случае те близкие, преданные друзья, о которых уже рассказывалось, и прежде всего первые среди них — Пущин, Дельвиг, Жуковский? Ответ, видимо, заключается в том, что определенный период времени и в определенной сфере жизни Пушкина Чаадаев действительно был к нему ближе всех. Это вовсе не означает, что Пушкин «разлюбил» или «по забыл» Дельвига или Пущина — он потом вернулся к ним мыслью и сердцем, обрел и новых друзей. Но в 1816—1820 гг. именно Чаадаев был «властителем дум» Пушкина. С Чаадаевым он постигал коренные проблемы века и стремился найти свое место в решении этих проблем. С 1816 г., когда они познакомились, по 19 октября 1836 г., когда Пушкин написал (но не отправил!) Чаадаеву последнее письмо (№ 13), по праву считающееся одним из глубочайших его произведений, оба мыслителя вели нескончаемое обсуждение-спор о судьбе и характере родины, народа, поэта. Этот спор, в известной степени, лег в основу многих концепций, интерес к которым никогда не пропадал и не пропадет. Когда в послании к Чаадаеву, написанном еще до ссылки, Пушкин сказал: «Россия вспрянет ото сна», он уже спорил со своим другом, уже отвечал на его пессимистические настроения. Впоследствии взгляды их обоих раскрылись с несравненно большей полнотой. Чаадаев был даже не столько наставником Пушкина, сколько, говоря современным языком, «катализатором» его духовного развития. Быть может, между ними существовала лишь дружба мысли, дружба интеллекта, но не дружба чувств? В какой-то мере это так, если говорить об их отношениях 1816—1836 гг. в целом: их разделяли расстояние, долгая разлука, а также замкнутый, гордый, исключительный в своей необычности характер Чаадаева. Но, повторим, это не относится к 1816—1820 гг., когда и общение было тесным, и Пушкин только еще интеллектуально созревал, едва выйдя из школьных стен, и Чаадаев не пережил еще духовных кризисов, во многом его изменивших.

Чаадаев родился в Москве в старинной дворянской семье. Отец его Яков Петрович не был чужд ни литературе, ни проблемам общественным. Известно его единственное сочинение, остроумная пьеса-сатира «Дон Педро Прокодуранте, или наказанный бездельник», в которой за «испанизированным» названием скрывалось едкое разоблачение вполне российского чиновника-взяточника по фамилии Прокудин. Рассказ об этом любопытнейшем произведении, почти весь тираж которого был уничтожен, увел бы нас далеко в сторону\*. Отметим только, что пьеса Чаадаева-старшего, изданная в 1794 г., оказалась такой библиографической редкостью, что Петр Яковлевич, по его свидетельству, никак не мог ее отыскать и долго довольствовался семейным преданием о ней. Только в год его кончины один из библиографов показал ему эту редчайшую книжку. Мать Петра Яковлевича Наталья Михайловна была младшей дочерью известного историка М. М. Щербатова. Казалось бы, Чаадаеву предстояли и высокоинтеллектуальное семейное воспитание и радостные, согретые любовью годы детства и юности. Но судьбе было угодно распорядиться иначе: не достигнув и четырех лет от роду, Петр Чаадаев лишился обоих родителей и вместе с братом Михаилом был взят на воспитание теткой — сестрой матери.

В 1808 г. Чаадаев поступил в Московский университет по словесному отделению. Он учился вместе с А. С. Грибоедовым, будущими декабристами Н. И. Тургеневым и И. Д. Якушкиным. Блестящие способности и огромный интерес к знаниям отличали Петра Чаадаева с детских лет. Любимым развлечением на всю жизнь стали долгие прогулки по московским улицам, где главным предметом внимания его были книжные лавки. Был он остроумен, горд, красив, своеобразен в мыслях и поступках, блистал на московских балах и привлекал всеобщее внимание.

В 1812 г. Чаадаев встал в ряды защитников Отечества. Приняв боевое крещение подпрапорщиком при Бородине, Чаадаев затем участвовал в сражениях на

---

\* См.: *Н. П. Смирнов-Сокольский. Рассказы о книгах.* (М., 1960 и последующие издания).



Березине, под Кульмом и Лейпцигом. Орден Анны 4-й степени и железный крест украсили его грудь. В 1816—1817 гг. возвратившийся из Парижа корнет лейб-гвардии Гусарского полка Чаадаев служил в Царском Селе. Часто бывал он у автора «Истории государства Российского» Николая Михайловича Карамзина, который видел в нем не только человека редкостных знаний и способностей, но и внука М. М. Щербатова — к трудам своего предшественника Карамзин относился с высоким уважением. Новые главы «Истории...», законченные в Царском Селе, Карамзин читал вслух 23-летнему гусару Петру Чаадаеву и 17-летнему лицеисту, сыну и племяннику своих московских друзей, подающему надежды поэту Александру Пушкину.

В декабре 1817 г. Чаадаев был переведен в Петербург и назначен адъютантом командира Отдельного гвардейского корпуса генерала И. В. Васильчикова. Перед ним открывались перспективы быстрой до головокружения военной и придворной карьеры. Виднелась на недалеком горизонте вожденная для многих должность флигель-адъютанта. По словам Е. Н. Раевской (Орловой) — женщины наблюдательной и знавшей свет, Чаадаев был «самым заметным и самым блистательным из всех молодых людей Петербурга». И вдруг словно все оборвалось. Человек, который, по меткому слову Пушкина, в Древнем Риме был бы тираноборцем Брутом, в Афинах благородным и мудрым государственным деятелем Периклом, в царской России не удержался даже и в гусарских офицерах. В 1820 г. генерал Васильчиков отправил Чаадаева курьером к императору с известием о бунте Семеновского полка. Возвратившись, Чаадаев подал в отставку. В точности никто до сих пор не знает, что побудило его к этому. Долго держалась версия, будто Чаадаев опоздал к Александру I и вызвал неудовольствие монарха. Биографы справедливо полагают, что такой оборот событий совершенно исключен как не соответствующий самой сути характера пунктуального и до патологии педантичного Чаадаева. Был и другой слух: Чаадаев что-то наговорил императору лишнее, подорвав доверие к себе сослуживцев. Это якобы так на него подействовало, что он

оставил службу. Только новые документы, если когда-нибудь они обнаружатся, позволят судить об этом точно. Во всяком случае, флигель-адъютантом Чаадаев никогда не стал. «Я счел более забавным пренебречь этой милостью, нежели добиваться ее», — объяснял он. Обычно в почетную отставку увольняли «с чином» (так получил, например, звание полковника Иван Малиновский). Чаадаеву объяснили, что прослужил он слишком мало и в полковники недостоин. Вот и остался Петр Яковлевич до конца дней отставным ротмистром. Добро бы наследственное состояние позволяло ему не служить. Отнюдь нет: имение он продал, чтобы не иметь крепостных, полученные суммы скоро прожил и примерно с середины 1830-х годов отчаянно нуждался.

Мало сказать, что Чаадаев был связан с декабристами: Николай Тургенев и Иван Якушкин были его университетскими друзьями, братья Муравьевы-Апостолы — сослуживцами по полку. Сам он состоял членом Союза благоденствия, а потом и Северного общества, хотя особой активности не проявлял. После своей скоропалительной отставки Чаадаев жил некоторое время в Москве, а в 1823 г., распродав библиотеку, собрался за границу, как он думал — навсегда. Три года он путешествовал, а в конце лета 1826 г. возвратился, хотя отлично понимал, какие серьезные неприятности, чтоб не сказать больше, могут ожидать его на родине. Ведь ехал он непосредственно после встречи с братьями Тургеневыми в Риме и, весьма вероятно, не знал, что Иван Дмитриевич Якушкин, абсолютно уверенный в безопасности Чаадаева (не придет же ему в голову возвратиться в Россию при подобных обстоятельствах!) назвал его в числе членов общества. Как бы то ни было, на границе его арестовали и довольно долго продержали, дожидаясь указаний, как с ним поступить. Великий князь Константин донес августейшему брату, что Чаадаев «жил в больших связях с тремя братьями Тургеневыми и наиболее из них так сказать душа в душу с Николаем Тургеневым». Это было воистину так: поведавшись последний раз с Н. И. Тургеневым летом 1826 г., Чаадаев писал ему: «время... с вами проведенное, составляет эпоху в моей жизни. Я никогда

его не забуду». Однако, не зная, к чему прицепиться, его все же выпустили, отдав под строгий надзор московского военного губернатора.

Последующие годы, вплоть до появления в печати первого «Философического письма к \*\*\*», были временем колоссальной и утаенной от всех духовной работы Чаадаева. Он пережил глубочайший внутренний кризис, превративший его, по существу, в другого человека. Первые несколько лет по возвращении он провел как затворник — частью в Москве (он жил тогда в Рождественском переулке между Петровкой и Большой Дмитровкой), частью у тетки в Дмитровском уезде. Личные аспекты душевного переворота Чаадаева так и остались предметом догадок всех пишущих о нем, зато мировоззренческие, философические плоды этого кризиса, несомненно, связанного с мрачной полосой в жизни отечества, наступившей после поражения декабристов, потрясли читающую Россию.

С 1831 г. Чаадаев, по видимости, возвратился к прежней жизни. Он перебрался во флигель дома Левашовых на Новой Басманной, где прожил до самой смерти; стал принимать у себя (сначала по средам, потом по понедельникам), усердно посещать Английский клуб, неукоснительно занимая одно и то же место в гостиной. Поэт Ф. Н. Глинка описывал его в то время:

Одетый праздником, с осанкой важной, смелой;  
Когда являлся он пред публикою белой  
С умом блистательным своим,  
Смирялось все невольно перед ним!  
Друг Пушкина любимый, задушевный,  
Всех знаменитостей тогдашних был он друг;  
Умом его беседы увлеченный,  
Кругом его умов теснился круг.

\* \* \*

Философский трактат в восьми письмах был завершен Чаадаевым в 1829—1831 гг. Он возвратился в московское общество, уже предав бумаге то, что наполняло, терзало, жгло его разум и душу. Письма ходили по рукам; едва ли не первый получил их от автора Пушкин. Но подлинный взрыв общественного мне-

ния произошел все же только тогда, когда, чудом и стечением обстоятельств обманув цензуру, в 15-м номере журнала «Телескоп» за 1836 год появилось первое «Философическое письмо» Чаадаева. Ни в коей мере не претендуя на характеристику этого сочинения, сыгравшего огромную роль в отечественной общественной мысли, отметим лишь некоторые моменты, вызвавшие наиболее острую реакцию Пушкина.

Прежде всего Чаадаев мрачно и резко отрицательно судил о прошлом и будущем России: «Мы живем одним настоящим в самых тесных его пределах, без прошедшего и будущего, среди мертвого застоя». Только тревога за судьбу России и одновременно непонимание этой судьбы могли продиктовать Чаадаеву такие безысходные строки: «Одинокое в мире, мы ничего не дали миру, ничему не научили его; мы не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих, ничем не содействовали прогрессу человеческого разума, и все, что нам досталось от этого прогресса, мы исказили». Это противоречило самой сути представлений Пушкина-поэта и Пушкина-историка. Ответ Пушкина, «ни за что на свете» не желавшего «переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков», был исторически точен и поэтически выражен (№ 13). Отметим еще две мысли Пушкина: о роли России в спасении католической Европы, столь любезной сердцу Чаадаева, от монгольского нашествия\*; и о значении этических и эстетических ценностей античности, которые отвергал Чаадаев, увлеченный своей религиозно-философской схемой.

Однако не следует забывать и о подлинной объективности, которую проявил Пушкин в своих ответах Чаадаеву. «Поспорив с вами,— писал он,— я должен вам сказать, что многое в вашем послании глубоко верно. Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь — грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству — по-

---

\* Еще до публикации письма Чаадаева, в 1834 г., Пушкин в одной из статей писал: «Образующеся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией».

истине могут привести в отчаяние. Вы хорошо сделали, что сказали это громко». Была обширная область согласия между Пушкиным и Чаадаевым. Прежде всего это отношение к рабству и к достоинству личности. Автор «Философического письма» спрашивал у своей (в достаточной мере условной) корреспондентки: «Эти рабы, которые вам прислуживают, разве не они составляют окружающий вас воздух? Эти борозды, которые в поте лица взрыли другие рабы, разве это не та почва, которая вас носит? И сколько различных сторон, сколько ужасов заключает в себе одно слово: раб! Вот заколдованный круг, в нем все мы гибнем, бессильные выйти из него. Вот проклятая действительность, о нее мы все разбиваемся. Вот что превращает у нас в ничто самые благородные усилия, самые великодушные порывы. Вот что пятнает волю, всех нас, вот что пятнает все наши добродетели».

Как бы ни отнеслись к письмам Чаадаева те, кто прочел их в 1830-х годах, они не могли не ощутить того, что позднее выразил А. И. Герцен: «Был ли это сигнал, зов на помощь, весть об утре или о том, что его не будет,— все равно надо было проснуться».

Судьба Чаадаева после публикации письма хорошо известна. Самодержец всероссийский мог всё — даже объявить сумасшедшим человека, находящегося в здравом уме и твердой памяти. Николай I назвал сочинение Чаадаева «смесью дерзостной бессмыслицы, достойной умалишенного» и повелел учинить за ним медицинский надзор, оказывая «всевозможные попечения и пособия», со строгим запрещением что бы то ни было печатать. Каждое утро «искусный медик» (на деле полнейший шарлатан, не скрывавший своего полицейского «медицинского образования») посещал Чаадаева, донося об «изменениях» в его состоянии. Сразу же после объявления «хитроумной» царской воли Чаадаева посетил Александр Иванович Тургенев. Он писал: «Я видел сегодня Чаадаева и нашел его спокойным по совести, но встревоженным по своему положению. У него отобрали вчера все бумаги; вспомнив, что у писца и у одной дамы оставались еще какие-то две статьи его, он вытребовал и куда-то доставил их официально... Общие бреды и только! Он сказал, что с бумагами взяли у него и портрет мой

Брюллова, с известной надписью „без боязни обличаху”».

Хотя Чаадаеву порой и изменяло хладнокровие, он все же вполне точно описывал свое положение (в письме к брату 5 января 1837 г.): «Развязки покамест не предвижу, да и, признаться, не разумею, какая тут может быть развязка? Сказать человеку: «ты с ума сошел» не мудрено, но как сказать ему: «ты теперь в полном разуме»? Окончательно скажу тебе, мой друг, что многое потерял я невозвратно, что многие связи рушились, что многие труды останутся неоконченными и, наконец, что земная твердость бытия моего поколеблена навеки». Надзор медицинский был снят в конце 1837 г., полицейский и цензурный тяготел над Чаадаевым до самой его кончины (последний, впрочем, не был снят и после смерти Чаадаева).

В 1837 или 1838 году Чаадаев написал работу «Апология сумасшедшего», в которой сумел разъяснить и в какой-то мере даже скорректировать некоторые крайности «Философического письма». Он предсказал в ней, что Россия «сможет решить большую часть проблем социального порядка». «Поверьте, я больше, чем кто-либо из вас, люблю свое отечество, желаю ему славы, умею ценить высокие качества нашего народа», — писал Чаадаев. И далее: «Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло... я полагаю, что мы пришли после других для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впадать в их ошибки, в их заблуждения и суеверия». Это верный критерий и для тех, кто с высоты поколений судит о самом Чаадаеве. Увы, «Апологию сумасшедшего» Пушкину прочитать уже не довелось.

\* \* \*

В «Апологии сумасшедшего» Чаадаев признавал, что «преувеличением было опечалиться на минуту о судьбе народа, из недр которого вышли могучая на-

тура Петра Великого, всеобъемлющий ум Ломоносова и грациозный гений Пушкина...». Разумеется, главное содержание дружбы Пушкина и Чаадаева состояло в интеллектуальном общении (подчас заочном), во взаимном притяжении или отталкивании философских, исторических, нравственных убеждений. Современные исследователи недаром отмечают, что они — Пушкин и Чаадаев — были крупнейшими мыслителями России в первое последекабрьское десятилетие. Но существовали все же и личные биографические, литературные контакты, о которых необходимо коротко сказать.

Чаадаев был одним из друзей, спасших Пушкина от ссылки в Соловецкий монастырь в 1820 г. Он бросился к Карамзину и Васильчикову и уговорил их заступиться за Пушкина. Пушкин не забыл ни этой дружеской услуги, ни встреч с Чаадаевым в Царском Селе и в Петербурге. «С моим Чаадаевым читал», — вспоминал Пушкин о светлой поре своей жизни; «поспорим, перечтем, посудим, побраним», — мечтал он в стихотворном письме к Чаадаеву. Сохранившаяся запись в кишиневском дневнике (№ 5) говорит о непосредственности и теплоте чувств Пушкина к Чаадаеву.

Чаадаеву поэтически завещал Пушкин свою чернильницу — «подругу думы праздной», если суждено будет поэту перейти в мир иной прежде друга:

Когда же берег ада  
Навек меня возьмет,  
Когда навек уснет  
Перо, моя отрада,  
И ты, в углу пустом  
Осиротев, остынешь  
И навсегда покинешь  
Поэта тихий дом...  
Чаадаев, друг мой милый,  
Тебя возьмет, унылый;  
Последний будь привет  
Любимцу прежних лет.

Упомянул «любимца прежних лет» и автор первой главы «Евгения Онегина»:

Второй Чадасв, мой Евгений,  
Боясь ревнивых осуждений,  
В своей одежде был педант  
И то, что мы называли франт.

Чуть ли не до сей поры продолжают тщетные попытки некоторых исследователей целиком и полностью возвести Петра Яковлевича Чаадаева в прототипы Евгения Онегина. Но уже ведь было сказано, что Чаадаев явился «катализатором» многих мыслей и чувств Пушкина, в том числе, конечно, и отразившихся в «Онегине». Что же касается франтовства, оно было присуще Петру Яковлевичу в наивысшей степени. «Искусство одеваться Чаадаев возвел почти на степень исторического значения», — утверждал его родственник М. И. Жихарев. Пушкин просил Льва Сергеевича прислать ему в Михайловское портрет Чаадаева; мечтая о побеге за границу, собирался говорить с братом о «месте пребывания Чаадаева», т. е. ехать именно к нему. В свою очередь, Чаадаев, до которого дошел ложный слух, будто Пушкин возвращен в Петербург, беспокоился в письмах к друзьям, не случилось ли с поэтом чего худого во время ужасного наводнения 1824 г.

5 апреля 1823 г. Пушкин жаловался Вяземскому: «Говорят, что Чедает едет за границу — давно бы так; но мне жаль его из эгоизма — любимая моя надежда была с ним путешествовать — теперь бог знает, когда свидимся». Свиделись они в Москве 10 сентября 1826 г. на квартире у С. А. Соболевского, где Пушкин, только что вернувшийся из ссылки, впервые читал друзьям «Бориса Годунова». Само присутствие Чаадаева в тот вечер у Соболевского удивительно. Он приехал в Москву почти одновременно с Пушкиным и вел затворнический образ жизни.

В сущности, «Борис Годунов», в котором в полной мере отразилось отношение Пушкина к отечественной истории, был возражением поэта на еще не написанное «Философическое письмо». Так что еще не совсем доказано, кто кому возражал: Пушкин ли Чаадаеву в 1831 и 1836 гг., или Чаадаев автору «Бориса Годунова» своими «Философическими письмами» 1829—1831 гг.

Самый первый экземпляр «Бориса Годунова», едва трагедия вышла из печати под новый 1831 год, автор отправил Чаадаеву с дарственной надписью на авантитуле (№ 7). Подарок был не просто данью уважения человеку, который во многом способствовал



духовному возмужанию автора трагедии (хотя несомненно это было так), но и веским аргументом в споре исторических концепций. Дело в том, что к моменту выхода «Бориса» Пушкин уже имел в своем распоряжении список «Философических писем». Уезжая из Москвы в Петербург в 1831 г., Пушкин вез с собою рукопись писем, которую не терял надежды опубликовать (это ему не удалось).

В свою очередь, Чаадаев все время как бы вел внутренний диалог с Пушкиным. Он просил А. И. Тургенева: «Скажите еще Пушкину, что я погружен в историю Петра Великого... и счастлив теми открытиями, которые делаю в этой неведомой стране». Речь шла, конечно, о стране-истории, но и о стране — России.

Встречи их были в 30-х годах редки, но все же они были — всякий раз, когда Пушкин приезжал в Москву. В октябре 1836 г. Пушкин получил от Чаадаева один из 25 бывших в распоряжении автора отдельных оттисков «Философического письма». Тогда, в день лицейской годовщины, поэт и написал свой ответ-возражение. Как раз в этот день заседало по вопросу о «Философическом письме» Главное управление цензуры. Знакомые сообщили Пушкину об ужасной грозе, разразившейся над головой Чаадаева. И он решил свое письмо не отправлять, написав на нем: «Ворон ворону глаза не выклюнет». Он лишь прочитал письмо А. И. Тургеневу, Жуковскому, Вяземскому и еще нескольким друзьям. После смерти Пушкина письмо это оказалось у Жуковского (впоследствии оно было найдено в его архиве). Чаадаев знал об этом и настоятельно просил Жуковского: «Полагаю, любезный Василий Андреевич, что вы не забыли своего обещания прислать мне хотя список с письма Пушкина, написанного ко мне в то время, когда вышла моя глупая статья, и ко мне не дошедшего. Все, что относится до дружбы нашей с Пушкиным, для меня драгоценно, и никто лучше вас этого не поймет... Не забудьте, что это последнее его ко мне слово». Жуковский не решился переслать письмо, и Чаадаев, скорее всего, так в точности и не узнал самого страстного, самого убедительного отклика на свою работу.

Гибель Пушкина Петр Яковлевич пережил откровенно тяжело, позабыв о своей чопорности и нарочитой холодности видимых миру чувств. Если верить мемуаристам, Чаадаев решительно утверждал, что, живи он в Петербурге во время предсмертной дуэли Пушкина, «Пушкин никогда бы не дрался».

\* \* \*

С 1831 г. Петр Яковлевич никуда не выезжал из Москвы, более того — за четверть века он даже на неделю не покинул свой покосившийся ветхий флигель на Новой Басманной. Жуковский шутил, что домишко этот держится «не на столбах, а одним только духом». Чаадаев стал своего рода достопримечательностью древней столицы. Те, кто мало знал Чаадаева, считали его чудачком, человеком «не от мира сего» и т. п. Те же, кто был осведомлен о его истории или встречался с ним лично, ценили его нисколько не притупившийся оригинальный ум, его внутреннее благородство, умело скрытое за внешней отчужденностью от людей, гордое одиночество, которое пронес он через всю жизнь. Не публикуя ни строчки, он оставался все же одним из наиболее значительных мыслителей той группы, которую принято называть «западниками» и к которой принадлежали А. И. Герцен, Т. Н. Грановский и другие. Но при этом Чаадаев вызывал глубокое уважение самых яростных своих оппонентов-славянофилов. Один из них, поэт и публицист А. С. Хомяков, писал: «Почти все мы знали Чаадаева, многие его любили и, может быть, никому не был он так дорог, как тем, которые считались его противниками. Просвещенный ум, художественное чувство, благородное сердце — таковы те качества, которые всех к нему привлекали; но в такое время, когда, по-видимому, мысль погружалась в тяжкий и невольный сон, он особенно был дорог тем, что и сам бодрствовал и других побуждал, — тем, что в сгущающемся сумраке того времени он не давал потухать лампаде и играл в ту игру, которая известна под именем «жив курилка». Есть эпохи, в которые такая игра есть уже большая заслуга. Он еще более дорог был друзьям своим какою-то постоянною печалью, которую провождалась бодрость

его ума... Чем же объяснить его известность? Он не был ни деятелем-литератором, ни двигателем политической жизни, ни финансовою силою, а между тем имя Чаадаева известно было в Петербурге и в большей части губерний русских почти всем образованным людям, не имевшим даже с ним никакого прямого столкновения».

Не раз Чаадаева просили записать воспоминания о Пушкине, которого называл он русским Данте. На одну из подобных просьб он отвечал М. П. Погодину в 1847 г.: «Что касается до воспоминаний о Пушкине, то не знаю, успею ли с ними сладить во-время\*. Очень знаешь, что об нем сказать, но как быть с тем, что нельзя сказать?» Чаадаев был болезненно уязвлен, когда обнаружил, что в статьях одного из первых биографов Пушкина о юности поэта вовсе отсутствует его, Чаадаева, имя. Он сетовал в письме к С. П. Шевыреву: «Вы, конечно, заметили, что, описывая молодость Пушкина и года, проведенные им в Лицее, автор статей ни слова не упоминает обо мне... Признаюсь, это умышленное забвение отношений моих к Пушкину глубоко тронуло меня. Давно ли его не стало, и вот как правдолюбивое потомство, в угодность своим взглядам, хранит предания о нем! Пушкин гордился моею дружбой; он говорил, что я спас от гибели его и его чувства, что я воспламенял в нем любовь к высокому, а г. Бартенев находит, что до этого никому нет дела... Не пустое тщеславие побуждает меня говорить о себе, но уважение к памяти Пушкина, которого дружба принадлежит к лучшим годам жизни моей». «Правдолюбивое» потомство по достоинству оценило роль Чаадаева в духовной жизни великого национального поэта, но, справедливости ради, надо сказать, что и современники об этой роли знали. И. В. Киреевский, например, писал Чаадаеву: «Невозможно рассказывать жизнь Пушкина, не говоря об его отношениях к вам».

До последних дней Чаадаев не изменял образа жизни, регулярно выезжая в Английский клуб и при-

---

\* М. П. Погодин, по-видимому, имел в виду напечатать воспоминания в журнале «Москвитянин» к 10-летию со дня смерти поэта.

нимая у себя по понедельникам самых образованных и самых интересных людей Москвы. Общий знакомый его и Пушкина библиограф С. Д. Полторацкий писал одному из друзей в 1856 г.: «Получил я твое письмо с горестным и неожиданным известием о кончине милого, доброго нашего Чаадаева. Оно как громом меня поразило; сердце тяжело сжалось в груди. Грустно, глубоко грустно... Наш московский круг лишился в нем много невознагражденного. Никто уже не соединит нас вкупе, как мы соединялись под его гостеприимным кровом. И соединялись не для того, чтобы играть, объедаться или наедаться, а чтобы в живом сочувствии размениваться мыслями, суждениями, убеждениями. Можем сказать, что мы без него в Москве осиротели, и где бы ни были в мире, нигде его не забудем».

Переписку свою, в том числе и большую часть писем Пушкина, Чаадаев сжег еще в 1836 г. Сохранившийся его архив и огромная библиотека были переданы единственным наследником — внучатым племянником в Румянцевский музей (ныне Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина). Похоронен Петр Яковлевич Чаадаев в Донском монастыре, близ могилы Е. С. Норовой, которую, как гласит одно из преданий о его жизни, он горячо любил.

### *Основная литература*

А. А. Лебедев. П. Я. Чаадаев (серия «Жизнь замечательных людей»). М., 1965.

П. С. Шкуринов. П. Я. Чаадаев. М., 1960.

Д. Шаховской. П. Я. Чаадаев — автор «Философических писем». — Литературное наследство. Т. 22—24. М., 1935.

В. В. Пугачев. Пушкин и Чаадаев. — В кн.: Искусство слова. М., 1973.

1

К ПОРТРЕТУ ЧААДАЕВА

Он вышней волею небес  
Рожден в оковах службы царской;  
Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,  
А здесь он — офицер гусарской.

1817—1820

*А. С. Пушкин*

2

К ЧААДАЕВУ

Любви, надежды, тихой славы  
Недолго нежил нас обман,  
Исчезли юные забавы,  
Как сон, как утренний туман;  
Но в нас горит еще желанье,  
Под гнетом власти роковой  
Нетерпеливою душой  
Отчизны внемлем призыванье.  
Мы ждем с томленьем упованья  
Минуты вольности святой,  
Как ждет любовник молодой  
Минуты верного свиданья.  
Пока свободою горим,  
Пока сердца для чести живы,  
Мой друг, отчизне посвятим  
Души прекрасные порывы!  
Товарищ, верь: взойдет она,

Звезда пленительного счастья,  
Россия вспрянет ото сна.  
И на обломках самовластья  
Напишут наши имена!

1818

*А. С. Пушкин.*

3

ЧААДАЕВУ

В стране, где я забыл тревоги прежних лет,  
Где прах Овдиев пустынный мой сосед,  
Где слава для меня предмет заботы малой,  
Тебя недостает душе моей усталой.  
Врагу стеснительных условий и оков,  
Не трудно было мне отвыкнуть от пиров,  
Где праздный ум блеснит, тогда как сердце  
дремлет,  
И правду пылкую приличий хлад объемлет.  
Оставля шумный круг безумцев молодых,  
В изгнании моем я не жалел об них;  
Вздохнув, оставил я другие заблужденья,  
Врагов моих предал проклятию забвенья,  
И, сети разорвав, где бился я в плену,  
Для сердца новую вкушаю тишину.  
В уединении мой своенравный гений  
Познал и тихий труд, и жажду размышлений.  
Владею днем моим; с порядком дружен ум;  
Учусь удерживать внимание долгих дум;  
Ищу вознаградить в объятиях свободы  
Мятежной младостью утраченные годы  
И в просвещении стать с веком наравне.  
Богини мира, вновь явились музы мне  
И независимым досугам улыбнулись;  
Цевницы брошенной уста мои коснулись;  
Старинный звук меня обрадовал — и вновь  
Пою мои мечты, природу и любовь,  
И дружбу верную, и милые предметы,  
Пленявшие меня в младенческие леты,  
В те дни, когда, еще не знаемый никем,

Не зная ни забот, ни цели, ни систем,  
Я пеньем оглашал приют забав и лени  
И царскосельские хранительные сени.

Но дружбы нет со мной. Печальный, вижу я  
Лазурь чужих небес, полдневные края;  
Ни музы, ни труды, ни радости досуга —  
Ничто не заменит единственного друга.  
Ты был целителем моих душевных сил;  
О неизменный друг, тебе я посвятил  
И краткий век, уже испытанный судьбою,  
И чувства — может быть спасенные тобою!  
Ты сердце знал мое во цвете юных дней;  
Ты видел, как потом в волнении страстей  
Я тайно изнывал, страдалец утомленный;  
В минуту гибели над бездной потаенной  
Ты поддержал меня недремлющей рукой;  
Ты другу заменил надежду и покой;  
Во глубину души вникая строгим взором,  
Ты оживлял ее советом иль укором;  
Твой жар воспламенял к высокому любовь;  
Терпенье смелое во мне рождалось вновь;  
Уж голос клеветы не мог меня обидеть:  
Умел я презирать, умея ненавидеть.  
Что нужды было мне в торжественном суде  
Холопа знатного, невежды при звезде,  
Или философа, который в прежни лета  
Развратом изумил четыре части света,  
Но, просветив себя, загладил свой позор:  
Отвыкнул от вина и стал картежный вор?  
Оратор Лужников, никем не замечаем,  
Мне мало досаждал своим безвредным лаем.  
Мне ль было сетовать о толках шалунов,  
О лепетанье дам, зоилов и глупцов  
И сплетней разбирать игривую затею,  
Когда гордиться мог я дружбою твоею?  
Благодарю богов: прешел я мрачный путь:  
Печали ранние мою теснили грудь;  
К печалям я привык, расшелся я с судьбою  
И жизнь перенесу стоической душою.

Одно желание: останься ты со мной!  
Небес я не томил молитвою другой.  
О скоро ли, мой друг, настанет срок разлуки?  
Когда соединим слова любви и руки?  
Когда услышу я сердечный твой привет?  
Как обниму тебя! Увижу кабинет,  
Где ты всегда мудрец, а иногда мечтатель  
И ветреной толпы бесстрастный наблюдатель.  
Приду, приду я вновь, мой милый домосед,  
С тобою вспоминать беседы прежних лет,  
Младые вечера, пророческие споры,  
Знакомых мертвецов живые разговоры;  
Поспорим, перечтем, посудим, побраним,  
Вольнолюбивые надежды оживим,  
И счастлив буду я; но только, ради бога,  
Гони ты Шепинга от нашего порога.

1821

А. С. Пушкин.

4

ЧААДАЕВУ

*(С морского берега Тавриды)*

К чему холодные сомненья?  
Я верю: здесь был грозный храм,  
Где крови жаждущим богам  
Дымились жертвоприношенья;  
Здесь успокоена была  
Вражда свирепой Эвмениды:  
Здесь провозвестница Тавриды  
На брата руку занесла;  
На сих развалинах свершилось  
Святое дружбы торжество,  
И душ великих божество  
Своим созданием возгордилось.

. . . . .



Чедаев, помнишь ли бывшее?  
Давно ль с восторгом молодым  
Я мыслил имя роковое  
Предать развалинам иным?  
Но в сердце, бурями смиренном,  
Теперь и лень и тишина,  
И, в умиление вдохновенном,  
На камне, дружбой освященном,  
Пишу я наши имена.

1824

*А. С. Пушкин.*

5

Получил письмо от Чаадаева.— Друг мой, упреки твои жестоки и несправедливы; никогда я тебя не забуду. Твоя дружба мне заменила счастье, одного тебя может любить холодная душа моя.— Жалею, что не получил он моих писем: они его бы обрадовали. Мне надобно его видеть.

*А. С. Пушкин. Дневник (9 апреля 1821).*

6

Мое самое ревностное желание, друг мой,— видеть вас посвященным в тайну века. Нет в мире духовном зрелища более прискорбного, чем гений, не понявший своего века и своего призвания. Когда видишь, что человек, который должен господствовать над умами, склоняется перед повадками и косностью черни, чувствуешь, что сам останавливаешься в пути. Спрашиваешь себя: почему человек, который должен указывать мне путь, мешает мне идти вперед? Право, это случается со мной всякий раз, когда я думаю о вас, а думаю я о вас так часто, что устал от этого. Дайте же мне возможность идти вперед, прошу вас. Если у вас не хватает терпения следить за всем, что творится на свете, углубитесь в самого себя и в своем внутреннем мире найдите свет, который, безусловно, кроется

во всех душах, подобных вашей. Я убежден, что вы можете принести бесконечное благо этой бедной, сбившейся с пути России. Не измените своему предназначению, друг мой... (Франц.)

*П. Я. Чаадаев — Пушкину.  
Март — апрель 1829.*

7

Вот, друг мой, мое любимое сочинение. Вы прочтете его, так как оно написано мною, — и скажете свое мнение о нем. Покамест обнимаю вас и поздравляю с новым годом. (Франц.)

*Пушкин — П. Я. Чаадаеву. 2 января 1831.*

8

Ну что же, друг мой, куда девалась моя рукопись? Я не имею от вас известий со дня вашего отъезда. Сначала я не хотел писать вам о ней, решив, согласно моим правилам, предоставить все течению времени; но, размыслив, рассудил, что на этот раз дело обстоит иначе. Я, друг мой, завершил все, что обязан был сделать, сказал все, что имел сказать: мне не терпится иметь все это под рукой. Постарайтесь, пожалуйста, чтобы мне не пришлось долго ждать моего сочинения, и напишите мне поскорее, что вы с ним сделали. Вы знаете, к чему я стремлюсь. Мною руководит не честолюбие, а желание принести пользу. Это не значит, что мне не хотелось бы выйти немного из неизвестности; ведь это — средство дать распространение мысли, которую, я думаю, мне предопределено открыть миру; но главная забота моей жизни — это выносить эту мысль в глубине души и сделать ее своим наследием.

Очень жаль, друг мой, что нам не удалось соединить наши жизненные пути. Я продолжаю думать, что мы должны были идти об руку и из этого получилось бы нечто полезное и для нас, и для других. Мне опять приходит это в голову с тех пор, как я стал иногда ходить — угадайте куда? — в Английский клуб. Вы

говорили мне, что бывали там, я мог встретиться с вами в этом прекрасном помещении, среди колоннад, так похожих на греческие, в тени прекрасных деревьев; это обязательно повлекло бы за собой мощный обмен мыслей. Я часто испытывал нечто подобное.

Будьте здоровы, друг мой. Пишите мне по-русски; вы должны говорить только на языке своего призвания. Я жду от вас хорошего длинного письма; пишите мне обо всем, о чем пожелаете; все, что исходит от вас, будет мне интересно. Надо только начать; я уверен, что у нас найдется тысяча вещей, чтобы рассказать друг другу.

Ваш, весь ваш, от всего сердца. (*Франц.*)

*П. Я. Чаадаев — Пушкину. 17 июня 1831.*

9

Друг мой, я буду говорить с вами на языке Европы, он мне привычнее нашего, и мы продолжим беседы, начатые в свое время в Царском Селе и так часто с тех пор прерывавшиеся.

Вам известно, что у нас происходит: в Петербурге народ вообразил, что его отравляют. Газеты изощраются в увещаниях и торжественных заверениях, но, к сожалению, народ неграмотен, и кровавые сцены готовы возобновиться. Мы оцеплены в Царском Селе и в Павловске и не имеем никакого сообщения с Петербургом. Вот почему я не видел ни Блудова, ни Беллизара. Ваша рукопись всё еще у меня; вы хотите, чтобы я вам ее вернул? Но что будете вы с ней делать в Некрополе? Оставьте ее мне еще на некоторое время. Я только что перечел ее. Мне кажется, что начало слишком связано с предшествовавшими беседами, с мыслями, ранее развитыми, очень ясными и несомненными для вас, но о которых читатель не осведомлен. Вследствие этого мало понятны первые страницы, и я думаю, что вы бы хорошо сделали, заменив их простым вступлением или же сделав из них извле-

чение. Я хотел было также обратить ваше внимание на отсутствие плана и системы во всем сочинении, однако рассудил, что это — письмо и что форма эта дает право на такую небрежность и непринужденность. Всё, что вы говорите о Моисее, Риме, Аристотеле, об идее истинного бога, о древнем искусстве, о протестантизме, изумительно по силе, истинности или красноречию. Всё, что является портретом или картиной, сделано широко, блестяще, величественно. Ваше понимание истории для меня совершенно ново, и я не всегда могу согласиться с вами: например, для меня непостижима ваша неприязнь к Марку Аврелию и пристрастие к Давиду (псалмами которого, если только они действительно принадлежат ему, я восхищаюсь). Не понимаю, почему яркое и наивное изображение политеизма возмущает вас в Гомере. Помимо его поэтических достоинств, это, по вашему собственному признанию, великий исторический памятник. Разве то, что есть кровавого в Илиаде, не встречается также и в Библии? Вы видите единство христианства в католицизме, то есть в папе. Не заключается ли оно в идее Христа, которую мы находим также и в протестантизме? Первоначально эта идея была монархической, потом она стала республиканской. Я плохо излагаю свои мысли, но вы поймете меня. Пишите мне, друг мой, даже если бы вам пришлось бранить меня. Лучше, говорит Экклезиаст, внимать наставлениям мудрого, чем песням безумца. (Франц.)

*Пушкин — П. Я. Чаадаеву. 6 июля 1831.*

10

Вы сказали, что хотите побеседовать; поговорим же. Но предупреждаю вас: я невесел, а вы — вы раздражительны. И притом, о чем нам говорить? Я полон одной мыслью, вы знаете это. Если случайно у меня в голове и появятся какие-нибудь другие мысли, они, наверное, будут связаны в конце концов все с той же, одной: подумайте, устроит ли это вас. Если бы еще вы передали мне какие-либо мысли из вашего

умственного мира, если бы вы вызвали меня как-нибудь. Но вы хотите, чтобы я заговорил первый; будь по-вашему, но еще раз: берегите нервы! Итак, вот что я скажу вам. Заметили ли вы, что в недрах мира нравственного происходит нечто необыкновенное, нечто, подобное тому, что происходит, как говорят, в недрах мира физического? Скажите мне, пожалуйста, как это на вас действует. С моей точки зрения этот великий переворот вещей в высшей степени поэтичен; вряд ли вы можете оставаться к нему равнодушны, тем более, что поэтический эгоизм может найти себе в этом, как мне представляется, обильную пищу: разве можно оказаться незатронутым в самых сокровенных своих чувствах во время этого всеобщего столкновения всех элементов человеческой природы? Я видел недавно письмо вашего друга, великого поэта: его живость, веселость наводят страх. Не можете ли вы мне объяснить, почему теперь в этом человеке, который прежде мог грустить о всякой мелочи, гибель целого мира не вызывает ни малейшей скорби. Посмотрите, друг мой: разве воистину не гибнет мир? разве для того, кто не в состоянии предчувствовать новый, грядущий на его место мир, это не является ужасным крушением? Неужели вы также можете не останавливаться на этом мыслью и чувством? Я уверен, что и чувство и мысль вынашиваются, неведомые вам, где-то в глубине вашей души, только они не могут проявиться, будучи, вероятно, погребены в куче старых идей, привычек, условностей, которыми, что бы вы ни говорили, неизбежно проникнут всякий поэт, во всем, что он делает, вследствие того, друг мой, что со времени индуса Вальмики, певца «Рамаяны», и грека Орфея до шотландца Байрона всякий поэт и посейчас должен повторять одно и то же, в какой бы части земного шара он ни пел.

Ах, как хотелось бы мне пробудить одновременно все силы вашей поэтической личности! Как хотел бы я сейчас же вскрыть все, что, как я знаю, таится в ней, чтобы когда-нибудь услышать от вас одну из тех песен, которых требует наш век! Как тогда все, что

сегодня проходит мимо, не оставляя следа в вашем уме, сразу же поразит вас! Как все примет в ваших глазах новое обличье!..

Я узнал, что вы получили назначение, или как это назвать? что вам поручено написать историю Петра Великого. В добрый час! Поздравляю вас от всей души. Перед тем как высказываться дальше, я подожду, пока вы сами заговорите со мной об этом. Прощайте же.

Я только что прочел ваши два стихотворения. Друг мой, никогда еще вы не доставляли мне столько удовольствия. Вот вы, наконец, и национальный поэт; вы, наконец, угадали свое призвание. Не могу достаточно выразить свое удовлетворение. Мы побеседуем об этом в другой раз, обстоятельно. Не знаю, хорошо ли вы понимаете меня. Стихотворение к врагам России особенно замечательно; это я говорю вам. В нем больше мыслей, чем было высказано и осуществлено в течение целого века в этой стране. Да, друг мой, пишите историю Петра Великого. Не все здесь одного со мною мнения, вы, конечно, не сомневаетесь в этом, но пусть говорят, что хотят, а мы пойдем вперед; когда найдена одна частица подталкивающей нас силы, то второй раз ее, наверное, найдешь целиком. Мне хочется сказать себе: вот, наконец, явился наш Данте... это было бы, может быть, слишком поспешно. Подождем. (Франц.)

*П. Я. Чаадаев — Пушкину. 18 сентября 1831.*

11

Чаадаев всякий день в клобе, всякий раз обедает,— в обхождении и в платье переменял фасон, и ты его не узнаешь,— я опять угадал — что все странное в нем было не что иное, как фантазия, а не случайность и не плод опытного равнодушия ко всему. Еще с позволения Вашего скажу (ибо ты не любишь, чтоб я о нем говорил), рука на сердце говорю правду, что он еще блуждает, что еще он не нашел собственной своей точки, я с ним об многом говорил — основатель-

ности в идеях нет — (но и мое определение) себя часто противоречит. Но что я заметил — и это мне приятно — человек весьма добрый, способен к дружбе, привязчив, честолюбив более, чем я, себя совсем не знает, потому и часто себя будет нужно изменять, что ничего не доказывает, — тебя очень любит, но менее, чем я.

*П. В. Нащокин — Пушкину. 30 сентября 1831.*

12

Я ждал тебя, любезный друг, вчера, по слову Нащокина, а нынче жду по сердцу. Я пробуду до восьми часов дома, а потом поеду к тебе. В два часа хожу гулять и прихожу в 4. Твой Чаадаев.

*П. Я. Чаадаев — Пушкину.  
Первая половина мая 1836.*

13

Благодарю за брошюру, которую вы мне прислали. Я с удовольствием перечел ее, хотя очень удивился, что она переведена и напечатана. Я доволен переводом: в нем сохранена энергия и непринужденность подлинника. Что касается мыслей, то вы знаете, что я далеко не во всем согласен с вами. Нет сомнения, что Схизма отъединила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясали, но у нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена. Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех. Вы говорите, что источник,

откуда мы черпали христианство, был нечист, что Византия была достойна презрения и презираема и т. п. Ах, мой друг, разве сам Иисус Христос не родился евреем и разве Иерусалим не был притчею во языцех? Евангелие от этого разве менее изумительно? У греков мы взяли евангелие и предания, но не дух ребяческой мелочности и словопрений. Нравы Византии никогда не были нравами Киева. Наше духовенство, до Феофана, было достойно уважения, оно никогда не пятнало себя низостями папизма и, конечно, никогда не вызвало бы реформации в тот момент, когда человечество больше всего нуждалось в единстве. Согласен, что нынешнее наше духовенство отстало. Хотите знать причину? Оно носит бороду, вот и всё. Оно не принадлежит к хорошему обществу. Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы — разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов? Татарское нашествие — печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, — как, неужели все это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел вас в Париж? и (положа руку на сердце) разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка? Думаете ли вы, что он поставит нас вне Европы? Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человек с предрассудками — я оскорблен, — но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы пере-



нить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал.

Вышло предлинное письмо. Поспоров с вами, я должен вам сказать, что многое в вашем послании глубоко верно. Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь — грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству — поистине могут привести в отчаяние. Вы хорошо сделали, что сказали это громко. Но боюсь, как бы ваши религиозные исторические воззрения вам не повредили... Наконец, мне досадно, что я не был подле вас, когда вы передали вашу рукопись журналистам. Я нигде не бываю и не могу вам сказать, производит ли статья впечатление. Надеюсь, что ее не будут раздувать. (Франц.)

*Пушкин — П. Я. Чаадаеву. 19 октября 1836.*

14

Сейчас, возвратившись домой, я узнал нижеследующее обстоятельство, которое спешу вам сообщить в дополнение к нашему разговору. Государь читал статью Чедаева и нашел ее нелепою и сумасбродною, сказав притом, что он не сомневается, «что Москва не разделяет сумасшедшего мнения Автора», а генерал-губернатору князю Голицыну предписал ежедневно наведываться о состоянии здоровья головы Чедаева и отдать его под присмотр правительства, цензора отставить, а № журнала запретить.

Сообщаю вам об этом, для того, чтоб вы еще раз прочли писанное вами письмо к Чедаеву, а еще лучше отложили бы посылать по почте; я прошу прислать мне вышесказанный номер для прочтения с подателем этой записки.

*К. О. Россет — Пушкину.  
Октябрь 1836.*

Ты спрашиваешь о Чадаеве? Как очевидец я ничего не могу сказать тебе о нем; я прежде к нему не ездил и теперь не езжу. Я всегда считал его человеком начитанным и, без сомнения, весьма умным шарлатаном в непрерывном пароксизме честолюбия, но без духа и характера, как белокурая кокетка, в чем я и не ошибся. Мне Строганов рассказал весь разговор его с ним; весь, с доски до доски! Как он, видя беду неминуемую, признался ему, что писал этот пасквиль на русскую нацию немедленно по возвращении из чужих краев, во время сумасшествия, в припадках которого он посягал на собственную свою жизнь; как он старался свалить всю беду на журналиста и на цензора: на первого — потому, что он очаровал его (Надеждин очаровал!) и увлек его к позволению отдать в печать пасквиль этот, а на последнего — за то, что пропустил оный. Но это просто гадко, а что смешно, это скорбь его о том, что скажут о признании его умышленным знаменитые друзья его, ученые Balanche, Laméné, Guisot \* и какие-то немецкие Шустера-метафизики! Но полно; если б ты не вызвал меня, я бы промолчал о нем, я не люблю разочаровывать; впрочем, спроси у Тургенева, который на днях поехал в Петербург, он, может, расскажет происшествие это не так, как я...

*Д. В. Давыдов — Пушкину.  
23 ноября 1836.*

Я должна рассказать тебе о том, что занимает все петербургское общество, начиная с литераторов, духовенства и кончая вельможами и модными дамами; это — письмо, которое напечатал Чадаев в «Телескопе», «Преимущества католицизма перед греческим исповеданием», источником, как он говорит, всяческого

---

\* Баланш, Ламене, Гизо (фр.).

зла и варварства в России, стеною, воздвигнутой между Россией и цивилизацией,— исповеданием, принесенным из Византии со всей ее испорченностью и т. д. Он добавляет разные хорошенькие штучки о России, «стране несчастной, без прошлого, без настоящего и будущего», стране, в которой нет ни одной мыслящей головы, стране без истории, стране, в которой возникли лишь два великана: Петр I, мимоходом набросивший на нее плащ цивилизации, и Александр, прошедший победителем через Европу, ведя за собой множество людей, внешняя доблесть и мужество которых были не чем иным, как малодушной покорностью, людей, у которых «человеческое только лицо, и к тому же безо всякого выражения».

Как ты находишь все эти ужасы? Недурно для русского! И что скажешь ты о цензуре, пропустившей все это? Пушкин очень хорошо сравнивает ее с пугливой лошастью, которая ни за что, хоть убейте ее, не перепрыгнет через белый платок, подобный запрещенным словам, вроде слов «свобода», «революция» и пр., но которая бросится через ров потому, что он черный, и сломает там себе шею. Это письмо вызвало всеобщее удивление и негодование. Журнал запрещен, цензор отставлен от должности, приказано посылать ежедневно к Чаадаеву врача, чтобы наблюдать, не сумасшедший ли он, и еженедельно докладывать о нем государю. (Франц.)

*С. Н. Карамзина — А. Н. Карамзину.  
3 ноября 1836.*

\* \* \*

Чаадаев познакомился с Пушкиным у Карамзина. Еще прежде он слышал о нем от своего товарища по Московскому университету А. С. Грибоедова, который хвалил ему стихи Пушкина на возвращение государя из чужих краев в 1815 году (этих стихов Пушкин никак не хотел печатать).

В 1818 году И. В. Васильчиков сказал Чаадаеву, своему адъютанту: «Вы любите словесность. Не знаете ли вы молодого Пушкина? Государь желает прочесть его стихи, ненапечатанные». Чаадаев передал о том Пушкину и с его согласия отдал Васильчикову «Деревню», которая отменно полюбилась государю (была переписана самим Пушкиным, разумеется, с ее последними стихами, которые долго не разрешались к печати).

*П. А. и В. Ф. Вяземские.* Рассказы о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым.

18

Когда вышел его «Руслан и Людмила», за разные вольные стихи, особенно за «Оду на свободу», император Александр решил отправить его в Соловки. Здесь спас его Петр Яковлевич Чаадаев. Он отправился к Карамзиным, упросил жену Карамзина, чтоб она допустила в кабинет мужа (который за своею «Историей» по утрам никого, даже жену, не принимал), рассказал Карамзину положение дела, и тот тотчас отправился к Марии Федоровне, к которой имел свободный доступ, и у нее исходатайствовал, чтобы Пушкина послали на юг. За этот поступок Пушкин благодарил Чаадаева одним стихотворением в четвертом томе «К Ч-ву».

*С. П. Шевырев.* Рассказы о Пушкине.

19

У М. Ф. Орлова был обед. Все гости были в сборе, когда взошел, холодно кланяясь, человек, которого оригинальная наружность, красивая и самобытно резкая, должна была каждого остановить на себе. Орлов взял меня за руку и представил; это был Чаадаев. Я мало помню об этой первой встрече, мне было не до него; он был, как всегда, холоден, серьезен, умен и зол. После обеда Раевская, мать Орловой,

сказала мне: «Что вы так печальны? Ах, молодые люди, молодые люди, какие вы нынче стали!» — «А вы думаете,— сказал Чаадаев,— что нынче еще есть молодые люди?» Вот все, что осталось у меня в памяти.

Возвратившись в Москву, я сблизился с ним, и с тех пор до отъезда мы были с ним в самых лучших отношениях.

Печальная и самобытная фигура Чаадаева резко отделяется каким-то грустным упреком на линючем и тяжелом фоне московской high life\*. Я любил смотреть на него середь этой мишурной знати, ветреных сенаторов, седых повес и почетного ничтожества. Как бы ни была густа толпа, глаз находил его тотчас; лета не исказили стройного стана его, он одевался очень тщательно, бледное, нежное лицо его было совершенно неподвижно, когда он молчал, как будто из воску или из мрамора, «чело как череп голый», серо-голубые глаза были печальны и с тем вместе имели что-то доброе, тонкие губы, напротив, улыбались иронически. Десять лет стоял он сложа руки где-нибудь у колонны, у дерева на бульваре, в залах и театрах, в клубе и — воплощенным veto\*\*, живой протестацией смотрел на вихрь лиц, бессмысленно вертевшихся около него, капризничал, делался странным, отчуждался от общества, не мог его покинуть; потом сказал свое слово, спокойно спрятав, как прятал в своих чертах страсть под ледяной корой. Потом опять умолк, опять являлся капризным, недовольным, раздраженным, опять тяготел над московским обществом и опять не покидал его. Старикам и молодым было неловко с ним, не по себе; они, бог знает отчего, стыдились его неподвижного лица, его прямо смотрящего взгляда, его печальной насмешки, его язвительного снисхождения.

А. И. Герцен. Былое и думы.

---

\* Светская жизнь (англ.).

\*\* Вето, запрет (лат.).



Было бы, вероятно, натяжкой назвать Николая Михайловича Карамзина личным другом Пушкина. Ровесник и старый товарищ дядюшки-поэта — Василия Львовича, Карамзин был скорее наставником Пушкина в литературе и историографии. Тем более, что время их общения ограничивается 1816—1820 годами. Однако это нисколько не отменяет того факта, что Карамзин сыграл огромную, а порой главную, неоценимую роль в развитии Пушкина-писателя и Пушкина-историка. Дело тут не только в самих произведениях Карамзина (хотя и в них, разумеется!), но прежде всего в том, что Николай Михайлович был основателем и центром круга мыслящих людей, который стал потом кругом Пушкина. Влияние Карамзина — писателя, историка, благородного человека — на Жуковского, Батюшкова и даже склонного к скептицизму Вяземского было столь глубоким и всеобъемлющим, что производило впечатление некоего гипнотизма. Несмотря на многие расхождения, подчас носившие идейный и достаточно резкий характер, Пушкин был преемником Карамзина в русской культурной истории, ибо между ними нет литератора или историка, который оказал бы на общественное мнение, на национальное самосознание России такое длительное и такое разностороннее воздействие, как они оба.

Члены семьи Карамзиных были близкими друзьями Пушкина практически на протяжении всей его жизни. В общем виде это с самого начала было известно биографам Пушкина. Но особый интерес к семейству Карамзиных и взаимоотношениям их с великим поэтом вызвала так называемая «тагильская находка», опубликованная и прокомментированная И. Л. Андрониковым, а затем в специальном научном издании — Н. В. Измайловым и другими сотрудниками Пушкинского дома. Дело в том, что перед Великой Отечественной войной в Нижнем Тагиле были найдены и переданы в местный краеведческий музей 65 писем Карамзиных, относящихся к 1836—1837 годам. Письма были опубликованы в выдержках в журнале «Новый мир» (1956, № 1); затем этот материал составил основу рассказа И. Л. Андроникова «Тагильская находка», известного миллионам читателей и телезрителей. В 1960 г. Институтом русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР была издана книга «Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов». Все эти публикации увеличили интерес к семье Карамзиных, помогли литературоведам выяснить и уточнить подробности последних лет, месяцев и дней жизни Пушкина; заново рассмотреть и во многом изменить представления о его дружбе с Карамзинными. Архивные находки такого масштаба и значения в пушкиноведении не столь уж часты. В каждом случае они становятся событием в литературном мире. Так было в 1858 г. при публикации писем Пушкина к брату Льву Сергеевичу; в 1927 г., когда появились в печати письма поэта к Е. М. Хитрово; так обстояло дело и с письмами Карамзиных. Читателям, которые хотели бы во всей полноте познакомиться с этими документами и той огромной работой, которую провели на их основе специалисты, придется обратиться к изданиям, указанным в *Основной литературе*. Мы же коротко расскажем о взаимоотношениях Пушкина с несколькими представителями семейства Карамзиных. Отметим только в виде общей предпосылки, что в их доме царил атмосфера дружбы и семейного взаимопонимания, которой так не хватало Пушкину в разные периоды его жизни.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ КАРАМЗИН  
(1.XII.1766—22.V.1826)

К тому времени, когда родился Пушкин, сын симбирского помещика, отставного капитана Михаила Егоровича Карамзина Николай Михайлович был уже широко известным писателем, главой нового литературного направления, автором повести «Бедная Лиза», которая пользовалась успехом, невиданным в русской литературе; глубоких и тонких путевых дневников, озаглавленных «Письма русского путешественника»; многих популярных стихотворений; наконец, он был журналистом, объединившим молодые литературные силы. Николай Михайлович жил в Москве и, по словам отца Пушкина, частенько навещался в их дом. Совсем еще ребенком Пушкин со вниманием вслушивался в его разговоры со старшими (№ 39). Как бы то ни было, с самого первого приобщения к отечественной словесности Пушкин воспитывался «на Карамзине».

В 1801 г. Николай Михайлович женился на Елизавете Ивановне Протасовой (она была в родстве с семейством Жуковского). Но уже в 1802 г. жена Карамзина скончалась, оставив ему маленькую дочь Софью. В 1804 г. Николай Михайлович вступил во второй брак, оказавшийся долгим, счастливым и многодетным. Женой его стала сводная сестра П. А. Вяземского Екатерина Андреевна.

С того же 1804 г. Карамзин принялся за величайший труд своей жизни — «Историю государства Российского», в котором сумел сочетать мастерство познания истории с литературным талантом. Он подолгу жил в имении Вяземских Остафьево (в 1807—1810 гг. проводил там и зиму и лето). Утренние и вечерние часы посвящались «Истории...», дневные — прогулкам по окрестностям. Карамзин вспоминал: «Остафьево достопамятно для моего сердца: мы там наслаждались всею приятностию жизни... там текли средние, едва ли не лучшие лета моего века, посвященные семейству, трудам и чувствам общего доброжелательства, в тишине страстей мятежных». Близко наблюдавший историка в те годы Вяземский отмечал: «Карамзин — воплощенный труд, воплощенное



терпение». Это и в самом деле было так — не только по контрасту с молодым Вяземским. Поэт Ф. Н. Глинка однажды спросил Карамзина: «Откуда вы взяли, Николай Михайлович, такой великолепный слог?» Он отвечал: «Из камина... Я переводил одно и то же раз, два, три раза и, прочитав и обдумав, бросал в камин, пока наконец доходил до того, что мог издать в свет». В работе над «Историей...» самоотвержение и упорнейший труд были для Карамзина особенно характерны — никогда прежде русская историография не знала такого количества документов, материалов, справок, перекрестных ссылок. Ближайший друг и литературный соратник Карамзина И. И. Дмитриев поражался его способности к сосредоточению. «Он... ни об чем не мог думать, ни о чем не мог говорить, ничего не мог понимать, кроме предмета своих занятий. Спал и видел только его во сне и наяву».

Пожар Отечественной войны 1812 г., к счастью, пощадил черновики «Истории...», хранившиеся в Остафьеве, — московская библиотека Карамзина сгорела. С последними русскими солдатами, покидавшими Москву, историограф ушел из древней столицы, в числе первых вернулся. Карамзин-поэт, еще в 1792 г. восклицавший:

Цепь составьте миллионы, дети одного отца!  
Вам даны одни законы, вам даны одни сердца!

воспринял кровопролитную войну как величайшую трагедию. Карамзин-патриот, закончивший «Письма русского путешественника» словами: «Отечество! Благословляю Вас! Я в России... Всех останавливаю, спрашиваю, единственно для того, чтобы говорить по-русски и слышать русских людей», — ощущал боль и страдания народа в войне, как свои собственные.

Работа над первыми восемью томами «Истории...», которой Карамзин отводил по первоначальному плану 5—6 лет, растянулась почти на 12 лет. Как уже знает читатель из очерка о Вяземском, в начале 1816 г. Карамзин, вместе с В. Л. Пушкиным и П. А. Вяземским, приехал в Петербург для представления восьми томов «Истории...» императору. 25 марта друзья-писатели посетили Лицей — более всего с целью возобновить знакомство с тем «молодым

чудотворцем», которого знали в Москве ребенком, не догадываясь о его недалеком уже великом предназначении. Лето 1816 г. (с 24 мая по 20 сентября) вся семья Карамзиных прожила в «Китайских домиках» дворцового парка в Царском Селе. Пушкин проводил у них едва ли не каждый вечер. Эти месяцы были исключительно важными в выработке мировоззрения Пушкина, его вкуса и пристрастий. Следует сразу же оговориться, что центральная концепция Карамзина о благодетельности и единственной возможности «единодержавного правления» для России, равно как и мысль о сохранении крепостного права, не принималась и не могла быть принята Пушкиным. Но недаром впоследствии говорил поэт о том, что в «Истории...» содержатся «несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным рассказом событий». Вспомним также, что в Царском Селе Николай Михайлович трудился над 9-м томом, охватывающим времена Ивана Грозного. Нет более убедительного примера опровержения предвзятых концепций историографической практикой, чем тот, что дан в 9-м томе. Карамзин писал об Иване IV: «Он любил показывать себя царем, но не в делах мудрого правления, а в наказаниях, в необузданности прихотей; играл, так сказать, милостями и опалами; умножая число любимцев, еще более умножал число отверженных; своевольствовал, чтобы доказывать свою независимость, и еще зависел от вельмож, ибо не трудился в устройении царства и не знал, что государь истинно независимый есть только государь добродетельный. Никогда Россия не управлялась хуже». «Ну Грозный! Ну Карамзин! — восхищался 9-м томом, вышедшим в 1821 г. из печати, К. Ф. Рылеев. — Не знаю, чему больше удивляться, тиранству ли Иоанна или дарованию нашего Тацита». Историческая канва, намеченная Карамзиным, положена в основу рылеевских «Дум». Только ли Ивану Грозному бросал обвинения Карамзин этой блестящей характеристикой «самовластного злодея»?

Как бы то ни было, школа исторического патриотизма, которую прошел юный Пушкин у Карамзина, сказалась потом в каждом его произведении, начиная

от «Руслана и Людмилы» и кончая «Памятником». Мало сказать, что Карамзин открыл Пушкину древнюю Россию, словно Колумб Америку,— он еще научил его ценить летописи как исторический источник; привил уважение к историческому факту как к основе всяких выводов; он доказал своим опытом, что подлинный историк должен быть одновременно и художником слова \*. Наконец, самой личностью своею Николай Михайлович содействовал созданию у Пушкина представления об историке-гуманисте и историке-патриоте. Впоследствии все это в полной мере проявилось в исторических сочинениях Пушкина.

2 февраля 1818 г. восемь томов «Истории...» появились в книжных лавках. Интерес, который они вызвали, дотоле не знала Россия: три тысячи экземпляров до единого были распроданы за 25 дней. После 9-го тома, слышанного в значительной части в Царском Селе, после «политической школы», которую прошел Пушкин к тому времени в среде будущих декабристов, после бесчисленных бесед с Чаадаевым, развивавшим совершенно иные, во многом прогрессивные и притягательные, исторические концепции,— после всего этого восемь томов карамзинской «Истории...» вызвали у Пушкина резко отрицательную реакцию. Позже Пушкин сумел отнестись к «Истории...» объективно и по достоинству оценить небывалый труд и редкостный талант Карамзина. Эволюцию взглядов Пушкина, публицистически и поэтически выраженных им самим, можно проследить по прилагаемой подборке материалов. Здесь же, объективности ради, приведем эпиграммы Пушкина, связанные с появлением «Истории...» и отразившие его настроения 1818—1820 годов. В первой — озорной, но относительно безобидной эпиграмме было сказано так:

«Послушайте: я сказку вам начну  
Про Игоря и про его жену,  
Про Новгород и Царство Золотое,  
А может быть, про Грозного царя...»

---

\* Недаром великий литературный критик В. Г. Белинский полагал, что «История...» Карамзина — это «дивная резьба на меди и мраморе, который не сложен ни время, ни зависть и подобную которой можно видеть только в историческом опыте Пушкина: «История Пугачевского бунта».

— И, бабушка, затеяла пустое!  
Докончи нам «Илью-богатыря».

Богатырская сказка «Илья-Муромец», так и оставшаяся незавершенной, была последним литературным произведением Карамзина, над которым он работал, прежде чем полностью «уйти» в историографию. Некоторые комментаторы справедливо замечают, что в эпиграмме нет ничего обидного, ей мог улыбнуться и сам Карамзин. Вторая эпиграмма не просто резче, она принципиально иная, отражающая глубокие идейные противоречия:

В его «Истории» изящность, простота  
Доказывают нам, без всякого пристрастья,  
Необходимость самовластья  
И прелести кнута.

Трудно сказать, дошла ли эпиграмма до адресата, но, например, Александр Иванович Тургенев, преклонявшийся перед Карамзиным, как перед богом, не мог простить Пушкину этих четырех строк. Правда, Тургенев узнал их гораздо позже, чуть ли не через 6—7 лет после создания. Да и абсолютной уверенности в принадлежности второй эпиграммы Пушкину никогда не было (Вяземский в 1870 г. решительно утверждал, что «стихи не Пушкина»). Василий Львович Пушкин писал Вяземскому в Варшаву в 1818 г.: «Все экземпляры Российской Истории раскуплены. Николай Михайлович пишет, что он награжден за труды свои и что теперь публика доказала, что нелепые критики не действительны,— Пушкин беснуется и говорит все одно и то же, я и повторять не хочу». Еще бы стал «опасливейший» дядюшка-поэт повторять нападки племянника на «необходимость самовластья»!

Сам Пушкин в 1826 г. признавал, что был автором одной эпиграммы. Какой именно? Первая вообще едва ли могла служить предметом столь болезненных обсуждений. Что касается второй, то, если под «самовластьем» понимать «самодержавную форму правления», Пушкин обвинял историографа справедливо. И мог ли судить иначе автор оды «Вольность», автор нозля о кочующем деспоте, первого послания к Чаадаеву (дело не в хронологическом соответствии эпи-

граммы и этих произведений, а во взглядах Пушкина, характерных для преддекабристского периода), друг многих будущих декабристов? «Прелести кнута» Карамзин не проповедовал никогда. Общественные воззрения Карамзина были ограничены его временем и социальной принадлежностью, но его совесть и общественное поведение неизменно были безупречны. И лучше всех понял это Пушкин, когда сделал окончательный вывод о том, что «История...» была «не только созданием великого писателя, но и подвигом честного человека».

Но в 1818—1820 гг. расхождения были слишком глубоки. Недаром Пушкин вспоминал об отчуждении между ними, о том, что Карамзин оскорбительно отстранил его от себя. Возможно, тому были и какие-то личные причины и частные поводы, но главнейшая из причин отдаления Пушкина от Карамзина была в принципиально разной оценке «Истории...» и, что еще более существенно, александровского царствования. Однако никакие разногласия не помешали Карамзину умело вступить за Пушкина, не позволив сослать его в Сибирь или в Соловецкий монастырь. Николай Михайлович сообщил И. И. Дмитриеву 7 июля 1820 г.: «Я просил об нем из жалости к таланту и молодости: авось будет рассудительнее; по крайней мере дал мне слово на два года». Простившись с Петербургом перед отъездом в южную ссылку, Пушкин навсегда простился и с Карамзиным. Когда он был возвращен из ссылки в 1826 г., Карамзина уже не было в живых.

В сущности, все последующее отношение Пушкина к Карамзину, выраженное в письмах, статьях, в черновых и дневниковых записях, но более всего в его произведениях, есть постепенное и неуклонное выяснение огромной роли писателя и историографа в истории культуры, есть преодоление крайностей и установление истины. Уже 24 марта 1821 г. Пушкин спрашивал в письме из Кишинева: «Что делает Николай Михайлович? Здоровы ли он, жена и дети? Это почтенное семейство ужасно недостает моему сердцу».

Глава «почтнного семейства» между тем, не жалея сил, трудился над продолжением «Истории...» и корректурами очередных томов: 10-й и 11-й вышли в 1824 году, 12-й том, который Карамзин не успел за-

кончить, появился через три года после смерти автора — в 1829 г. Последняя фраза его была такая: «Орешек не сдавался». Речь, разумеется, шла о славной русской крепости, но эти слова в какой-то мере символизировали и титанический труд, принятый историографом.

Декабрьское восстание 1825 г. для Карамзина было «античеловеческим заговором». «Безумные либералисты» все вместе, казалось бы, не вызывали его сочувствия. Но среди них были дети близких друзей, в преступные намерения которых он не мог поверить: Николай Тургенев, братья Муравьевы... По одному из мемуарных свидетельств, Николай Михайлович Карамзин, убежденный противник революции и сторонник эволюционных перемен, смело сказал Николаю I: «Ваше величество! заблуждения и преступления этих молодых людей суть заблуждения и преступления нашего века». Он не успел узнать, сколь сурово новый самодержец покарал «заблудившихся».

Между тем Николай I пытался «заигрывать» с историографом. По-видимому, получив от медиков сведения о его близком конце, он назначил Карамзину, вечно нуждавшемуся и никогда не знавшему не только роскоши, но и достатка, неслыханную пенсию — 50 тысяч рублей в год. Эта сумма сохранялась за семьей и в случае кончины историографа. Был даже обещан специальный фрегат, чтобы отвезти тяжело больного Карамзина в Италию. «Благодеение чрезмерно,— отозвался Николай Михайлович,— никогда скромные мои желания так далеко не простирались... Если сам уже не буду пользоваться плодами такой царской, беспримерной\* у нас щедрости, то закрою глаза спокойно: судьба моего семейства решена наилучшим образом».

Фрегат не понадобился. Через неделю после царского указа Карамзина не стало. Друзья Карамзина пережили его смерть тяжело. Вяземский писал Жуковскому: «Чувство, которое имели к Карамзину живому, остается теперь без употребления. Не к кому из смертных приложить его. Любим, уважаем иных,

---

\* Карамзин как в воду глядел: Наталье Николаевне Пушкиной после смерти поэта было назначено пять тысяч рублей в год и каждому из детей по полторы тысячи.

но все нет той полноты чувства. Он был каким-то животворным, лучезарным средоточием круга нашего, всего отечества. Смерть Наполеона в современной истории, смерть Байрона в лице поэзии, смерть Карамзина в русском быту оставила по себе бездну пустоты, которую нам завалить уже не придется... Смерть друга, каков был Карамзин каждому из нас, уже сама по себе бедствие, которое отзовется на всю жизнь, но в его смерти, как смерти человека, гражданина, писателя русского, есть несметное количество кругов, все более и более расширяющихся и поглотивших столько прекрасных ожиданий, столько светлых мыслей».

Письма Пушкина, в которых он откликнулся на кончину Карамзина, близки к этой точке зрения (№ 10). «Драгоценной для россиян памяти» историографа посвятил он любимейшее свое сочинение — трагедию «Борис Годунов». В ответ на сетования о недооценке Карамзина в русском обществе Пушкин писал: «Чистая, высокая слава Карамзина принадлежит России, и ни один писатель с истинным талантом, ни один истинно ученый человек, даже из бывших ему противниками, не отказал ему дани уважения глубокого и благодарности». Перед самой своей смертью Пушкин подготовил к печати для «Современника» фрагмент рукописи Карамзина «О древней и новой России, в ее политическом и гражданском отношениях». Еще в 1811 г. рукопись эта была представлена Александру I и вызвала его неодобрение, а затем и опалу историографа. Пушкин мечтал протащить сквозь цензуру хотя бы небольшую часть сочинения Карамзина. Он снабдил отрывки записки «О древней и новой России» таким примечанием: «Мы почитаем себя счастливыми, имея возможность представить нашим читателям хотя отрывок из драгоценной рукописи. Они услышат, если не полную речь великого нашего соотечественника, то по крайней мере звуки его умолкнувшего голоса». 5-й том «Современника» вышел после того, как умолк голос написавшего эти строки. Самое главное, что сделал Пушкин в память великого писателя и историка, — он, как и Карамзин, но на своем — высочайшем — уровне совершил «подвиг честного человека».

ЕКАТЕРИНА АНДРЕЕВНА КАРАМЗИНА  
(16.XI.1780—1.IX.1851)

Писатель и ученый-литературовед, автор лучшего художественного произведения о Пушкине — романа «Пушкин» Ю. Н. Тынянов с полной убежденностью утверждал, что Екатерина Андреевна Карамзина была самой глубокой, прошедшей через всю жизнь, утаенной от всех любовью великого поэта. Точка зрения Тынянова принадлежит к недостаточно аргументированным гипотезам, она основана скорее на ощущении, на интуиции и догадке. Умерший в 1943 г. Тынянов не знал еще о «тагильской находке», но и она вряд ли подкрепила бы его аргументацию. И все же статья Тынянова «Безыменная любовь» и по сей день представляет интерес по крайней мере по трем причинам. Во-первых, она написана блестящим пушкинистом и увлекательна, как все, что публиковал Тынянов о Пушкине; во-вторых, она вызвала к жизни целый ряд работ пушкинистов, с Тыняновым несогласных, что всегда бывает полезно, если спор ведется на высоком уровне; в-третьих, гипотезу Тынянова, не имеющую документальных доказательств, пока что нельзя считать и окончательно опровергнутой.

Екатерина Андреевна Колыванова, в замужестве Карамзина, была внебрачной дочерью Андрея Ивановича Вяземского и Елизаветы Карловны Сиверс. Родилась она в Ревеле (ныне Таллин), где А. И. Вяземский командовал полком; фамилию получила по старому названию того же города: Колывань. Мать Екатерины Андреевны скоро вышла замуж, оставив ее на попечении отца. Андрей Иванович нежно любил дочь и поселил ее сначала у своей сестры, а потом у себя в доме. Она была умна и необыкновенно красива, хотя мемуаристы употребляют по отношению к ее красоте эпитеты «холодная», «мраморная», «гордая». Выйдя замуж за Н. М. Карамзина, она как родную приняла его маленькую дочь Софью и воспитала ее, ничем не отличая от своих детей. Софья Николаевна звала Екатерину Андреевну «маменькой». Вырастила она, помимо падчерицы, троих сыновей и двух дочерей (несколько детей Карамзиных умерли в младен-



честве). Семья эта была образцом согласия, понимания друг друга и семейного уюта.

С переезда в Петербург, то есть с 1816—1817 гг., Екатерина Андреевна стала хозяйкой литературного салона, где едва ли не ежевечерне сходились самые талантливые, самые яркие люди России. В пушкинское время завсегдатаями Карамзиных были Жуковский, Вяземский, Баратынский, А. И. Тургенев. В бытность Пушкина в Петербурге не существовало для него более близкого и дорогого сердцу дома, чем дом Карамзиных. Тем более, что после смерти историографа Екатерина Андреевна постаралась сохранить все традиции гостеприимства. Ей удавалось поддерживать их на протяжении четверти века. У Карамзиных говорили по-русски (явление необычное для светских встреч того времени), обменивались не пустыми сплетнями, а важными политическими и культурными новостями, против обыкновения не играли в карты. Это была не великосветская, а именно литературная гостиная.

Пушкин познакомился с Екатериной Андреевной летом 1816 г. в Царском Селе. Как ни близок был ему Лицей, а семейной обстановки все-таки не хватало. Его домом ненадолго стал «Китайский домик» Карамзиных. Быть может, есть доля истины в рассуждениях некоторых авторов о том, что едва вышедшему из мальчишеского возраста юному поэту, фактически не знавшему материнской ласки, добрая и обаятельная Екатерина Андреевна в какой-то степени заменила мать. Все это как бы сливалось с погруженностью главы семейства в русскую историю, необычайно притягательную для Пушкина. Кстати сказать, Екатерина Андреевна находила время и для того, чтобы помогать мужу в работе над корректурами. Она всегда знала, над чем именно он трудится, и была участницей обсуждений и споров.

К 1816 г. относится не вполне ясная история о любовной записке, якобы написанной Пушкиным Карамзиной. Николай Михайлович и Екатерина Андреевна пожурили юношу — тем дело и кончилось. Ю. Н. Тынянов проводит как бы прямую линию между этим эпизодом и предсмертными словами поэта: «Карамзина? Тут ли Карамзина?» Ее не было в тот момент, за нею послали. Она тотчас приехала и про-

стилась с умирающим. Потом зарыдала и вышла из комнаты. Тынянов делает такой вывод: «Первая любовь, о которой знали только люди, знавшие всё, о которой он вспомнил, умирая,— вот характер отношений Пушкина к Карамзиной». Другие пушкинисты (например, автор последней по времени биографии Пушкина Ю. М. Лотман) резонно возражают: в последние часы жизни Пушкин обращался мыслью к юности\*, удивительно ли, что он вспомнил и позвал именно Карамзину?

Однако биографические материалы и факты все же свидетельствуют о том, что Екатерина Андреевна в самом деле была для Пушкина прочной, глубокой привязанностью. Поэт обращался к ней в критических жизненных ситуациях. Так было перед ссылкой, когда судьба его висела на волоске; так было в ссылке, когда Пушкин множество раз спрашивал друзей о Карамзиных и передавал им поклоны. Например, в конце октября 1824 г. он писал Жуковскому: «Введи меня в семейство Карамзина (после отчуждения и разлуки.— В. К.), скажи им, что я для них тот же. Обними из них кого можно; прочим — всю мою душу». 29 ноября 1824 г.— снова Жуковскому: «Ты увидишь Карамзиных — тебя да их люблю страстно». 10 августа 1825 г. Пушкин подтверждал это, обращаясь к Вяземскому: «Что Карамзины? Я бы к ним писал, но боюсь приличия — а всё люблю их от всего сердца». В 1830 г. Пушкин просил Вяземского сообщить Екатерине Андреевне о его помолвке (№ 17); после свадьбы Пушкин сам написал ей; в письме, до нас, увы, не дошедшем, была, по-видимому, приписка Натальи Николаевны. Ответ Екатерины Андреевны (№ 18) обнаруживает ее доброе сердце и неподдельную любовь к Пушкину. Забегая несколько вперед, отметим, что и Наталья Николаевна вполне понимала, как много в жизни Пушкина значат его ближайшие друзья. Дочь ее от второго брака А. П. Арапова, основываясь на рассказах матери, писала: «Преклоняясь перед авторитетом Карамзиной, Жуковского или Вяземского, она не пыталась удерживать Пушкина, когда знала, что рвется к ним за советом». Карамзина в этом списке на первом месте.

---

\* См. очерк об И. В. Малиновском.

Таким образом, получается, что прочные дружеские цепи, соединявшие Екатерину Андреевну Карамзину с Пушкиным, не прерывались с 1816 года до дня смерти поэта. Дом Карамзиной в последнее десятилетие жизни Пушкина снова стал для него родным кровом. В черновых вариантах восьмой главы «Евгения Онегина» гостиная Татьяны-княгини напоминает гостиную Карамзиных:

В гостиной истинно дворянской  
Чуждались щегольства речей  
И щекотливости мешанской  
Журнальных чопорных судей.  
Хозяйкой светской и свободной  
Был принят слог простонародный  
И не пугал ее ушей  
Живую странностью своей...

Никто насмешкою холодной  
Встречать не думал старика,  
Заметя воротник немодный  
Под бантом шейного платка.  
И новичка-провинциала  
Хозяйка спесью не смущала:  
Равно для всех она была  
Непринужденна и мила...

Теперь, спустя почти полтора столетия после гибели Пушкина, наивно бросать Екатерине Андреевне упрек в том, что она не поняла истинного характера той трагедии, которая развертывалась на ее глазах в конце 1836-го — начале 1837 года. Она была одной из тех немногих, кому Пушкин решился рассказать о своей семейной драме. Однако, видно, не так просто было разобраться в «этом мире всяческих невероятностей», если мудрая женщина и преданный друг поэта спохватилась слишком поздно. Ее письмо сыну Андрею — один из самых горьких и трогательных документов в той переписке, которая связана со смертью великого поэта: «закатилась звезда светлая, Россия потеряла Пушкина!»

Екатерина Андреевна прожила после этого еще почти 15 лет. Долгое время она продолжала быть радушной хозяйкой карамзинской гостиной, где свято хранили память не только о Карамзине, но и о Пушкине. Лишь за год до смерти Екатерина Андреевна почувствовала, что силы ее иссякают. Летом 1851 г.

она уехала в имение дочери Екатерины Николаевны (Мануилово Ямбургского уезда Петербургской губернии), где и скончалась. Погребена она в Александро-Невской лавре — рядом с мужем.

В 1838 г. поэтесса Е. П. Ростопчина писала о Екатерине Андреевне:

О! кто видал ее, о! кто ей близок был,  
Тот знает, тот постиг, каким обвороженьем  
Она влечет к себе!.. Тот скоро полюбил  
И оценил ее! Тот собственным стремленьем  
Почувствует, зачем своим благоговеньем  
Ее поэтов сонм издавна окружил,—  
Зачем она была меж огненных светил  
Звездою мирною, священным вдохновеньем!

СОФЬЯ НИКОЛАЕВНА КАРАМЗИНА  
(5.III.1802—4.VII.1856)

Старшая дочь Карамзина была образованна, остроумна (хотя порой склонна к злоязычию), необыкновенно общительна и по праву долгие годы считалась как бы второй хозяйкой карамзинского салона. Именно она владела редким искусством подобрать, занять разговором, объединить, даже очаровать гостей. По словам Вяземского, характер у нее был «счастливым и благоразумный».

Софи Карамзина считалась некрасивой — крупные черты лица, густые черные брови, мужской рост, — и это обстоятельство наложило своеобразный отпечаток на ее жизнь. В 1821 г. она была пожалована во фрейлины и, не выйдя замуж, так и осталась в этом звании навсегда. Дважды, в 1819 и 1831 гг., по светским гостиним расползались слухи о предстоящей ее помолвке с Жуковским, но брак этот не состоялся. В 1842 г. у нее был роман со Львом Сергеевичем. Е. Н. Вревская (Вульф) писала об этом: «Недавно Карамзина Софья ему (Льву Пушкину.— В. К.) призналась в своей любви, да еще со слезами. А Наталья Николаевна его бранила серьезно, что очень не морально: сводить с ума, не чувствуя сам к ней ничего».

Вся жизнь С. Н. Карамзиной проходила в светских беседах, чтении, переписке, верховой езде и про-

чих развлечениях. Она неплохо знала русскую и французскую литературу, но, пожалуй, еще лучше подробности жизни многочисленных петербургских знакомых. Ее острый ум и наблюдательность привлекали Пушкина, но того глубокого, душевного расположения, которое испытывал он к Е. А. Карамзиной, в его отношениях с Софьей Николаевной никогда не было. Возвратившись из ссылки, поэт в 1827 г. записал в ее альбом (там обнаружили стихи Жуковского, Баратынского, Лермонтова и многих других) одно из самых прекрасных своих стихотворений «Три ключа». Трудно со всей определенностью утверждать, что это стихотворение посвящено Софье Николаевне, но автограф сохранен в ее альбоме.

Из прилагаемых материалов, а в полном объеме — из книги «Пушкин в письмах Карамзинных», читатель увидит, какое глубокое непонимание предсмертной трагедии Пушкина проявила Софья Николаевна, какое смешение «черного с белым» она допустила. Тем горше было ее прозрение вечером 27 января 1837 г. А ведь в тот самый час, когда раздались выстрелы на Черной речке, она не без иронии сообщала брату, что «Пушкин скрежещет зубами и принимает свое всегдашнее выражение тигра». Неверно было бы считать, что ужасный урок не пошел на пользу таким людям, как С. Н. Карамзина: она многое почувствовала и впервые оценила великое народное значение Пушкина. Но это произошло после его смерти.

Близким другом С. Н. Карамзиной в 1838 — 1841 гг. был М. Ю. Лермонтов. Он вписал в ее альбом непосредственно обращенное к ней стихотворение «Любил и я в былые годы». Бабушка Лермонтова просила Софью Николаевну похлопотать через Жуковского о возвращении поэта с Кавказа; сохранилось дружеское письмо Лермонтова к Карамзиной, написанное за два месяца до кончины.

Софья Николаевна во многом посвятила себя укреплению карамзинских обычаев в доме. В этом она была верной помощницей своей названной матери. Уход из жизни Екатерины Андреевны, а затем и трагическая гибель любимого брата Андрея тяжело на нее подействовали. Она заболела неизлечимой нервной болезнью и вскоре скончалась.

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА МЕЩЕРСКАЯ  
(22.IX.1806—10.XI.1867)

Старшая из родных дочерей Екатерины Андреевны Карамзиной, несомненно, входила в круг друзей Пушкина, особенно в самый последний период. Она в отличие от Софьи Николаевны знала по крайней мере часть действительных обстоятельств, приведших к роковой развязке.

Встретившись с Карамзиными после долгой разлуки («земли достигнув наконец»), Пушкин в день именин Екатерины Николаевны 24 ноября 1827 г. вписал в ее альбом стихотворение «Акафист...» \*

Земли достигнув наконец,  
От бурь спасенный провиденьем,  
Святой владыцице пловец  
Свой дар несет с благоговеньем.  
Так посвящаю с умилением  
Простой, увядший мой венец  
Тебе, высокое светило  
В эфирной тишине небес,  
Тебе, сияющей так мило  
Для наших набожных очес.

В 1828 г. Е. Н. Карамзина вышла замуж за отставного гвардии подполковника, небогатого помещика князя П. И. Мещерского и с тех пор большую часть времени проводила в деревне, лишь на зиму наезжая в столицу. Она всегда была желанной собеседницей Пушкина и его друзей.

26 мая 1834 г. Мещерские вместе с Софьей Николаевной Карамзиной более чем на год отправились в Европу, и Пушкин, которому так никогда и не довелось повидать чужие края, провожал их на пароход. В тот самый день ему исполнилось 35 лет. Он писал Наталье Николаевне в Полотняный завод: «...Мещерские отправились в Италию... Sophie \*\* три дня сряду разливалась, обвиняя себя в жестокосердии и раскаиваясь в том, что оставляет Катерину Андреевну одну. Я провожал их до пироскафа».

---

\* Хвалебное песнопение (церковн.).

\*\* Софи (фр.).

В 1836 г. Екатерина Николаевна возвратилась из деревни в Петербург только в начале декабря. Она постоянно бывала в доме Пушкиных, а вечерами встречалась с ними в салоне своей матери. Екатерину Николаевну поразила перемена, происшедшая с Пушкиным за время ее отсутствия: лихорадочное состояние и «какие-то судорожные движения, которые начинались в его лице и во всем теле при появлении будущего его убийцы». Пушкин сам рассказывал Екатерине Николаевне «темные подробности» «таинственной истории», скоро приведшей его к гибели. Психологически это вполне понятно: Екатерина Николаевна сравнительно редко бывала в светских гостиных, сплетни и пересуды в меньшей степени достигали ее ушей. Для Пушкина умная и сердечно к нему расположенная княгиня Мещерская в известной мере была близким человеком, способным взглянуть на происходящее со стороны.

В пушкиноведческой литературе давно известно «мужское» по своей определенности и резкости характеристик письмо Екатерины Николаевны Мещерской (адресованное сестре мужа), полное сочувствия поэту и отвращения к тем, кто погубил его. «Мы были так жестоко потрясены кровавым событием, положившим конец поприщу Пушкина,— писала Екатерина Николаевна.— В наших позолоченных салонах и раздушенных будуарах едва ли кто-нибудь думал и сожалел о краткости его блестящего поприща. Слышались даже оскорбительные эпитеты и укоризны, которыми поносили память славного поэта... и в то же время раздавались похвалы рыцарскому поведению гнусного обольстителя и проходимца, у которого было три отчества и два имени» \*.

Дочь Карамзина Екатерина Николаевна Мещерская, как видим, была женщиной не только доброго сердца, но ясного ума и широких взглядов. В этом смысле она пошла в мать. Она всегда хранила память о Пушкине и в 1860-х годах, познакомившись со Львом Николаевичем Толстым, рассказывала ему о великом поэте.

---

\* Дантес — Геккерн родился во Франции, был усыновлен голландцем и числился на русской службе.

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ КАРАМЗИН  
(24.X.1814—23.V.1854)

Разумеется, отношения Пушкина с братьями Карамзинными не могли быть ни столь длительными, ни столь глубокими, как с их старшими родственниками. Тому обстоятельству, что Андрей Николаевич Карамзин находился в 1836—1837 гг. за границей, мы, собственно, обязаны «тагильской находкой»: ведь это ему мать, сестры и братья писали письма, в которых нашла прямое или косвенное отражение жизнь Пушкина и его круга. В 1846 г. Андрей Николаевич женился на Авроре Карловне Шернваль-Демидовой. Она незадолго перед тем овдовела после смерти П. Н. Демидова — владельца знаменитых заводов в Нижнем Тагиле. А. Н. Карамзин несколько лет провел на Урале, управляя заводами. Так что письма его родных отыскиались в Тагиле вовсе не случайно.

«На Госпитальной площади, влево от дороги,— писал о Нижнем Тагиле Д. Н. Мамин-Сибиряк,— стоит довольно массивный, чугунный памятник Андрею Николаевичу Карамзину... На заводах о нем сохранилась самая лучшая память, как о человеке образованном и крайне гуманном, хотя он и являлся здесь случайным. Его пребывание на заводах является, кажется, лучшей страницей в их истории, по крайней мере старожилы вспоминают о нем с благоговением». Сохранился рассказ о том, как на одном из торжеств Андрей Николаевич произнес тост, переполошивший почтенное общество: «За здоровье несчастнейшего из людей — русского мужика!».

Выпускник Дерптского университета, а затем офицер конной артиллерии, Андрей Николаевич принадлежал к числу передовых по своим общественным взглядам молодых людей. Его письма к родным из Европы интересны не только с точки зрения пушкинской темы, но и как свидетельства человека, умеющего видеть и умно оценивать окружающий мир. Весточки от Андрея были праздником для всей семьи. В приписке Жуковского, включенной в письмо Карамзиных к Андрею от 25 декабря 1836 г., читаем: «У нас по большинству голосов в экстраординарном заседании решено, чтобы ты — старший и достойный



сын Карамзина — писал свои письма по-русски, а не по-французски. В этом заседании присутствовали две твои сестрицы, твоя единственная родная мать и я, твой родной друг. За русскую грамоту поданы голоса материнский, который считаю за пять, и мой, следовательно шесть голосов, за французскую грамоту стоит один — Софьи Николаевны, по своей похвальной привычке всегда проказничать; Катерина Николаевна изволит с своей обыкновенной флегмою держаться середины».

Ответы А. Н. Карамзина на письма родных, сообщивших ему о гибели Пушкина, говорят сами за себя: «Поздравьте от меня петербургское общество, маменька. Оно сработало славное дело: пошлыми сплетнями, низкою завистью к Гению и к красоте оно довело драму, им сочиненную, к развязке: поздравьте его, оно стоит того...» \*. Позиция братьев Карамзиных, как отметил один из замечательных советских пушкинистов, Н. В. Измайлов, по своему сарказму и горечи близка к позиции Лермонтова, отразившейся в «Смерти поэта».

С Пушкиным Андрей Николаевич был знаком фактически с 1827 г. 16 мая 1828 г. оба брата Карамзины слушали «Бориса Годунова» в авторском чтении в доме Лавалей. В дальнейшем Андрей Николаевич высоко оценивал многие творения Пушкина: в его письмах — восторженные отзывы о «Капитанской дочке» и «Медном всаднике». В начале 1836 г. Пушкину рассказали, будто бы на одном из светских вечеров их общий знакомый, сверстник А. Н. Карамзина, В. А. Соллогуб неуважительно разговаривал с Натальей Николаевной. Решив вызвать Соллогуба на дуэль, Пушкин избрал Андрея Карамзина в качестве посредника-секунданта. К счастью, дело кончилось полным примирением — не без участия Карамзина.

В конце 40-х годов Андрей Карамзин вышел в отставку с чином гвардии полковника и жил мирной жизнью, управляя огромным демидовским хозяйст-

---

\* Ответные письма А. Н. Карамзина родным известны в печати гораздо раньше «тагильской находки». Они были еще в 1914 г. опубликованы в сборнике «Старина и новизна» вместе с другими документами из архива Е. Н. Мещерской.

вом. Но едва началась Крымская война, как, движимый патриотическими идеями, А. Н. Карамзин снова надел военный мундир. 23 мая 1854 г. кавалерийский отряд под его командованием попал в турецкую засаду и был поголовно истреблен. Андрею Николаевичу не исполнилось еще и 40 лет. Смерть его явилась страшным ударом для семьи Карамзиных.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ КАРАМЗИН  
(31.XII.1815—9.VII.1888)

Стоит отметить особенность восприятия Пушкина погодками братьями Карамзиными. Для них он с самого начала был как бы «готовым» первым поэтом России. Личный элемент, присутствовавший в отношении других членов семьи к Пушкину, у обоих братьев несколько ослаблен. Но от этого их письма 1836—1837 гг. становятся еще более характерными документами эпохи.

Воспитывались они вместе в родительском доме; вместе в 1833 г. окончили Дерптский университет и были выпущены в конную артиллерию. Однако в 1836 г. пути их разошлись: Андрей для поправления здоровья был отправлен за границу, Александр служил недалеко от Петербурга — в Красном Селе. Это создало своеобразную ситуацию, связанную с освещением обстоятельств, приведших к дуэли Пушкина: Александр Карамзин был их очевидцем и даже, в отдаленной степени, участником, а Андрей судил обо всем этом издали. Однако взгляды и пристрастия братьев в тот период были весьма схожи.

В последний год жизни Пушкина Александр Николаевич был очень близок к семье поэта: постоянные визиты к Наталье Николаевне и ее сестрам, завтраки у них чуть ли не каждую субботу; частые встречи у Карамзиных; наконец, совместные увеселения — балы, рауты, приемы. Молодой Карамзин — неутомимый танцор и весельчак, вместе с сестрой Софьей Николаевной — желанный участник всех светских развлечений. Все это не мешало ему искренне презирать пустословие большого света, военную муштру и бюрократические порядки.

Александр Карамзин бывал не только на балах и великосветских приемах, но и на литературных вечерах (например, на субботах у Жуковского); он и сам был не чужд литературе, хотя опыты его и оказались посредственными. Лермонтовский скептицизм без лермонтовского таланта — так можно было бы охарактеризовать личность младшего Карамзина. Недаром в рассуждениях о прототипах Печорина обычно упоминают и его имя. Весьма интересен его не лишенный самоиронии отзыв о «Философическом письме» Чаадаева, доказывающий понимание обстановки николаевской России: «Философия самая ужасная вещь настоящего века, станешь философствовать, что вот-де как проводишь время, что-де молодость проходит таким подлым образом, что оскотинился, что чувства душевные тупеют приметно, что начинаешь весьма походить на полону и пр. При этой философии начинает по всему телу проходить какая-то гадость, которая мало-помалу переходит в сонливость, станешь зевать, ляжешь да и всхрапе! А на другое утро в казармы! Видя такую всеобщую гадость в жизни, можно помешаться и даже написать письма, вроде Чедаева...»

Письмо Александра Николаевича брату от 13 марта 1837 г. (№ 38), пожалуй, полнее и острее всех других показывает своего рода отрезвление друзей Пушкина после его гибели. Александр видит теперь истинную сущность Дантеса и понимает, кого потеряла Россия: «Плачь, мое бедное отечество! Не скоро родишь ты такого сына!». Исследователи-пушкинисты по праву ставят это письмо Александра Карамзина в ряд с письмами А. И. Тургенева, П. А. Вяземского, В. А. Жуковского. А ведь Карамзину не было еще 22 лет.

В военной службе Александр Карамзин служил недолго. Он вышел в отставку, поселился в семейном имении в Нижегородской губернии, до старости занимался сельским хозяйством и служил предводителем дворянства.

\* \* \*

Таковы, в самых общих чертах, члены семьи Карамзиных — одной из самых близких к Пушкину. Ес-

ли мысленно сложить общение каждого из них с поэтом, получится величина очень большая по времени и очень значительная по содержанию. Мы уже цитировали стихотворение Е. П. Ростопчиной о Карамзинных. Приведем из него еще один отрывок:

Там говорят и думают по-русски,  
Там чувством родины проникнуты сердца;  
Там чинность модная своею цепью узкой  
Не душит, не теснит. Там памятью отца  
Великого и славного все дышит.

. . . . .

Отбросивши подчас сует и дел оковы,  
Былое вспоминать готовые всегда,  
Там собираются, влекомые туда  
Старинной дружбою (приманкой вечно новой!),  
Все те, кто песнию иль речью, иль пером  
Себя прославили, кто русским путь открыли  
К святой поэзии, кто в сердце не забыли,  
Что этот мирный кров был их родным гнездом.  
Они там запросто и дома, и покойны,  
Их круг разрозненный становится тесней.  
Но много мест пустых!.. Но бури ветер знойный  
Недавно, проходя над головой гостей,  
Унес любимого!..

Любимый — это Пушкин.

### *Основная литература*

Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника. Повести. М., 1980.

Пушкин в письмах Карамзинных 1836—1837 годов. М.—Л., 1960.

В. Э. Вацуро. Подвиг честного человека.— В кн.: В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсон. Сквозь умственные плотины. М., 1972.

Ю. Н. Тынянов. Безыменная любовь.— В кн.: Ю. Н. Тынянов. Пушкин и его современники. М., 1969.

И. Л. Андроников. Тагильская находка.— В кн.: И. Л. Андроников. Избранные произведения. Т. I. М., 1975.

1

Вопрос, чья проза лучшая в нашей литературе. Ответ — *Карамзина*.

А. С. Пушкин. О прозе. 1822.

2

В прежних письмах я забыл сказать тебе, что ты, по моему мнению, не отдаешь справедливости таланту или *поэмке* молодого Пушкина, сравнивая ее с «Энеидою» Осипова: в ней есть живость, легкость, остроумие, вкус; только нет искусного расположения частей, нет или мало интереса; все сметано на живую нитку. Его простили за эпиграммы и за оду на вольность; дозволили ему ехать в Крым и дали на дорогу 1000 р. Я просил об нем из жалости к таланту и молодости: авось будет рассудительнее; по крайней мере, дал мне слово *на два года!*

Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву.  
7 июня 1820.

3

Пушкин написал «Узника»: слог жив, черты резкие, а *сочинение* плохо; как в его душе, так и в стихотворении нет порядка.

Н. М. Карамзин — П. А. Вяземскому.  
13 июня 1822.

4

В поэме либерала Пушкина слог живописен: я недоволен только *любовным походом*. Талант действительно прекрасный: жаль, что нет устройства и мира в душе, а в голове ни малейшего благоразумия.

*Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву.  
25 сентября 1822.*

5

Полюбился ли тебе «Фонтан» Пушкина? Слог жив, черты прекрасные, но в целом не довольно силы и связи. О евнухе слишком много; речь Заремы слаба, кроме пяти или шести стихов; окончание хорошо.

*Н. М. Карамзин — И. И. Дмитриеву.  
7 апреля 1824.*

6

Вчера маленький Пушкин читал нам наизусть *цыганскую* поэмку брата и нечто из «Онегина»: живо, остроумно, но не совсем зрело. От Пушкина к Байрону: его «Дон-Жуан» выпал у меня из рук. Что за мерзость! И даже сколько глупостей!

*Н. М. Карамзин — П. А. Вяземскому.  
3 декабря 1824.*

7

Карамзин очень доволен твоими трагическими занятиями и хотел отыскать для тебя *железный колпак*. Он говорит, что ты должен иметь в виду в начертании характера Борисова дикую смесь: набожности и преступных страстей. Он беспрестанно перечитывал Библию и искал в ней оправдания себе. Эта проти-

воположность драматическая! Я советовал бы тебе прислать план трагедии Жуковскому для показания Карамзину, который мог бы тебе полезен быть в историческом отношении.

*П. А. Вяземский — Пушкину.  
6 сентября 1825.*

8

Мне Карамзины поручили очень благодарить тебя за подарок им твоих Стихотворений. Карамзин убедительно просил меня предложить тебе, не согласишься ли ты прислать ему для прочтения Годунова. Он никому его не покажет, или только тем, кому ты велишь. Жуковский тебя со слезами целует и о том же просит. Сделай милость, напиши им всем по письму.

*П. А. Плетнев — Пушкину.  
21 января 1826.*

9

Ты знаешь о печальной причине приезда моего в Петербург. Хотя ты и шалун и грешил иногда эпиграммами против Карамзина, чтобы сорвать улыбку с некоторых сорванцов и подлецов, но без сомнения ты оплакал его смерть сердцем и умом: ибо всякое доброе сердце, каждый русский ум сделали в нем потерю невозвратную, по крайней мере для нашего поколения. Говорят, что святое место пусто не будет, но его было истинно святое и истинно надолго пустым останется. Завтра едем с Карамзиными в Ревель: не знаю, долго ли там останусь с ними, но буду тебе писать оттуда, а теперь писать нет ни времени, ни мысли, ни духа.

*П. А. Вяземский — Пушкину.  
12 июня 1826.*

Коротенькое письмо твое огорчило меня по многим причинам. Во-первых, что ты называешь моими эпиграммами противу Карамзина? довольно и одной, написанной мною в такое время, когда Карамзин меня отстранил от себя, глубоко оскорбив и мое честолюбие и сердечную к нему приверженность. До сих пор не могу об этом хладнокровно вспомнить. Моя эпиграмма остра и ничуть не обидна, а другие, сколько знаю, глупы и бешены: ужели ты мне их приписываешь? Во-вторых. Кого ты называешь сорванцами и подлецами? Ах, милый... слышишь обвинение, не слыша оправдания, и решишь: это Шемякин суд. Если уж Вяземский etc., так что же прочие? Грустно, брат, так грустно, что хоть сейчас в петлю.

Читая в журналах статьи о смерти Карамзина, бешусь. Как они холодны, глупы и низки. Неужто ни одна русская душа не принесет достойной дани его памяти? Отечество вправе от тебя того требовать. Напиши нам его жизнь, это будет 13-й том Русской истории; Карамзин принадлежит истории. Но скажи *всё*; для этого должно тебе будет иногда употребить то красноречие, которое определяет Гальяни в письме о цензуре.— Я писал тебе в Петербург, еще не зная о смерти Карамзина. Получил ли ты это письмо? отпиши. Твой совет кажется мне хорош—я уже писал царю, тотчас по окончании следствия, заключая прошение точно твоими словами. Жду ответа, но плохо надеюсь. Бунт и революция мне никогда не нравились, это правда; но я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков. Все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные ходят под именем Баркова. Если б я был потребован комиссией, то я бы, конечно, оправдался, но меня оставили в покое, и, кажется, это не к добру. Впрочем, чорт знает. Прощай, пиши.

Что Катерина Андреевна?

*Пушкин — П. А. Вяземскому.  
10 июля 1826.*



Всё русское просвещение начинается, вертится и сосредоточивается в Карамзине. Он лучший наш представитель на сейме европейском. Ты часто хотел писать прозу: вот прекрасный предмет! Напиши взгляд на заслуги Карамзина и характер его гражданский, авторский и частный. Тут будет место и воспоминаниям твоим о нем. Можешь издать их в виде отрывка из твоих записок.

П. А. Вяземский — Пушкину.  
31 июля 1826.

Болезнь остановила на время образ жизни, избранный мною. Я занемог гнилою горячкой. Лейтон за меня не отвечал. Семья моя была в отчаянии; но через шесть недель я выздоровел. Сия болезнь оставила во мне впечатление приятное. Друзья навещали меня довольно часто: их разговоры сокращали скучные вечера. Чувство выздоровления — одно из самых сладостных. Помню нетерпение, с которым ожидал я весны, хоть это время года обыкновенно наводит на меня тоску и даже вредит моему здоровью. Но душный воздух и закрытые окна так; мне надоели во время болезни моей, что весна являлась моему воображению со всей поэтической своей прелестью. Это было в феврале 1818 года. Первые восемь томов *Русской истории* Карамзина вышли в свет. Я прочел их в моей постеле с жадностью и со вниманием. Появление сей книги (как и быть надлежало) наделало много шума и произвело сильное впечатление, 3000 экземпляров разошлись в один месяц (чего никак не ожидал и сам Карамзин) — пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзи-

ным, как Америка — Колумбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили. Когда, по моем выздоровлении, я снова явился в свете, толки были во всей силе. — Признаюсь, они были в состоянии отучить всякого от охоты к славе. Ничего не могу вообразить глупей светских суждений, которые удалось мне слышать насчет духа и слова *Истории* Карамзина. Одна дама, впрочем, весьма почтенная, при мне, открыв вторую часть, прочла вслух: „*Владимир усыновил Святополка, однако не любил его...*» *Однако!*.. Зачем не *но*? *Однако!* Как это глупо! чувствуете ли всю ничтожность вашего Карамзина? *Однако!*” — В журналах его не критиковали. Каченовский бросился на одно предисловие...

У нас никто не в состоянии исследовать огромное создание Карамзина — зато никто не сказал спасибо человеку, уединившемуся в ученый кабинет во время самых лестных успехов и посвятившему целых 12 лет жизни безмолвным и неутомимым трудам. *Ноты русской истории* свидетельствуют обширную ученость Карамзина, приобретенную им уже в тех летах, когда для обыкновенных людей круг образования и познаний давно окончен и хлопоты по службе заменяют усилия к просвещению. — Молодые якобинцы негодовали; несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным рассказом событий, казались им верхом варварства и унижения. Они забывали, что Карамзин печатал *Историю* свою в России; что государь, освободив его от цензуры, сим знаком доверенности некоторым образом налагал на Карамзина обязанность всевозможной скромности и умеренности. Он рассказывал со всею верностью историка, он везде ссылался на источники — чего же более требовать от него? Повторяю, что «История государства Российского» есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека.

Некоторые из людей светских письменно критиковали Карамзина. Никита Муравьев, молодой человек, умный и пылкий, разобрал предисловие или введение:

предисловие!.. Мих. Орлов в письме к Вяземскому пенял Карамзину, зачем в начале *Истории* не поместил он *какой-нибудь блестящей гипотезы о происхождении славян*, т. е. требовал романа в истории — ново и смело! Некоторые остряки за ужином переложили первые главы Тита Ливия слогом Карамзина. Римляне времен Тарквиния, не понимающие *спасительной пользы самодержавия*, и Брут, осуждающий на смерть своих сынов, *ибо редко основатели республик славятся нежной чувствительностию*, — конечно, были очень смешны. Мне приписали одну из лучших русских эпиграмм; это не лучшая черта моей жизни.

---

...Кстати, замечательная черта. Однажды начал он при мне излагать свои любимые парадоксы. Оспаривая его, я сказал: «Итак, вы рабство предпочитаете свободе». Карамзин вспыхнул и назвал меня своим клеветником. Я замолчал, уважая самый гнев прекрасной души. Разговор переменялся. Скоро Карамзину стало совестно, и, прощаясь со мною, как обыкновенно, упрекал меня, как бы сам извиняясь в своей горячности: «Вы сегодня сказали на меня то, чего ни Шихматов, ни Кутузов на меня не говорили». В течение шестилетнего знакомства только в этом случае упомянул он при мне о своих неприятелях, против которых не имел он, кажется, никакой злобы; не говорю уж о Шишкове, которого он просто полюбил. Однажды, отправляясь в Павловск и надевая свою ленту, он посмотрел на меня наискось и не мог удержаться от смеха. Я прыснул, и мы оба расхохотались...

А. С. Пушкин. Воспоминания (Карамзин).

Нам не хватает с некоторого времени нашего настоящего хлеба — Пушкина, прежде всего потому, что он уверяет, как и Вы, что он не любит, когда его лю-

бят, и еще потому, что его амазонка-сестра умудрилась вступить в необыкновенно, исключительно быстрый даже для женщины брак, и, наконец, потому, что он вывихнул себе ногу и лежит в постели...

*Е. Н. Карамзина-Мещерская — П. А. Вяземскому.  
2 февраля 1828.*

14

Вы просите новостей о Пушкине — он в деревне и, как говорят, по собственной воле и желанию. Жуковский мне сообщил, что, еще будучи здесь, он написал поэму в нескольких песнях — «Мазепу», которая, по мнению Жуковского, — самое прекрасное его произведение; надо надеяться, что деревня вдохновит его еще на что-нибудь прекрасное, хотя я огорчена, что он отправился провести все это время в деревню к своей приятельнице, а не в свою собственную, где уединение оказало бы большее действие на его воображение, чем общество некоей доброй провинциалки, которое могло бы доставить не больше чем несколько сцен для «Онегина», а их так много уже.

Софья Вам расскажет об увлечениях, успехах и неудачах его, т. е. Пушкина, если, конечно, она соберется Вам написать, потому что с некоторого времени она ничего не делает...

*Е. А. Карамзина — П. А. Вяземскому.  
28 ноября 1828.*

15

Вы, вероятно, знаете, что Пушкин в настоящую минуту карабкается по Кавказу; это новое безумство, которое взбрело ему в голову; что касается нас, то мы мало сожалели о его отъезде, потому что он стал неприятно угрюмым в обществе, проводя дни и ночи за игрой, с мрачной яростью, как говорят...

Каждое новое известие о нем доказывает, что он никогда не вернется на хорошую дорогу, и вызывает огорчение.

*С. Н. Карамзина — В. Ф. и П. А. Вяземским.  
25 марта 1829.*

16

Что моя трагедия? отстойте ее, храбрые друзья! не дайте ее на съедение псам журнальным. Я хотел ее посвятить Жуковскому со следующими словами: я хотел было посвятить мою трагедию Карамзину, но так как нет уже его, то посвящаю ее Жуковскому. Дочери Карамзина сказали мне, чтоб я посвятил любимый труд памяти отца. Итак, если еще можно, то напечатай на заглавном листе

Драгоценной для россиян памяти  
Николая Михайловича  
Карамзина  
сей труд, гением его вдохновенный,  
с благоговением и благодарностью посвящает  
А. Пушкин.

*Пушкин — П. А. Плетневу.  
Октябрь 1830.*

17

Сказывал ты Катерине Андреевне о моей помолвке? я уверен в ее участии, но передай мне ее слова — они нужны моему сердцу, и теперь не совсем счастливому. Прощай, мой милый, обнимаю тебя и Жуковского.

*Пушкин — П. А. Вяземскому.  
2 мая 1830.*

Задолго до получения вашего письма, дорогой Пушкин, я уже поручила Вяземскому поздравить вас с вашим счастьем и выразить вам мои пожелания, чтобы оно оказалось столь прочным и полным, насколько это вообще возможно в нашем мире. Я очень признательна вам за то, что вы вспомнили обо мне в первые дни вашего счастья, это истинное доказательство дружбы. Я повторяю свои пожелания, вернее сказать надежды, чтобы ваша жизнь стала столь же радостной и спокойной, насколько до сих пор она была бурной и мрачной, чтобы нежный и прекрасный друг, которого вы себе избрали, оказался вашим ангелом-хранителем, чтобы ваше сердце, всегда такое доброе, очистилось под влиянием вашей молодой супруги, словом, чтобы вас осенила и всегда охраняла милость господня. Мне не терпится увидеть собственными глазами ваше сладостное и добродетельное счастье. Не сомневайтесь в искренности этих пожеланий, как вы не сомневаетесь в дружбе, внушившей их той, которая на всю жизнь останется преданной вам Е. Карамзиной.

Я прошу вас выразить госпоже. Пушкиной мою благодарность за любезную приписку и сказать ей, что я с чувством принимаю ее юную дружбу и заверяю ее в том, что, несмотря на мою холодную и строгую внешность, она всегда найдет во мне сердце, готовое ее любить, особенно если она упрочит счастье своего мужа.

Дочери мои, как вы легко можете себе представить, нетерпеливо ждут знакомства с прекрасной Натали. (Франц.).

*Е. А. Карамзина — Пушкину.  
3 марта 1831.*

Вышел второй номер «Современника». Говорят, что он бледен и в нем нет ни одной строчки Пушкина (которого разбранил ужасно и справедливо Булга-

рин, как светило, в полдень угасшее. Тяжко сознавать, что какой-то Булгарин, стремясь излить свой яд на Пушкина, не может ничем более уязвить его, как говоря правду!). (Франц.)

*С. Н. Карамзина — А. Н. Карамзину.  
24 июля 1836.*

20

Не верь Софи в том, что она тебе говорит о «Современнике», он превосходно составлен; правда, Пушкин ничего не написал, но там есть очень хорошие статьи дядюшки и Одоевского. Пушкин собирается выпустить новый роман. (Франц.)

*Ал. Н. Карамзин — А. Н. Карамзину.  
25 июля 1836.*

21

Обед был превосходный; среди гостей были Пушкин с женой и Гончаровыми (все три — ослепительные изяществом, красотой и невообразимыми талиями), мои братья, Дантес, А. Голицын, Аркадий и Шарль Россет (Клементия они позабыли в городе, собираясь впопыхах), Скалон, Сергей Мещерский, Поль и Надина Вяземские (тетушка осталась в Петербурге ожидать дядюшку, который еще не возвратился из Москвы) и Жуковский. Тебе нетрудно представить, что, когда дело дошло до тостов, мы не забыли выпить за твое здоровье. Послеобеденное время, проведенное в таком приятном обществе, показалось очень коротким; в девять часов пришли соседи... так что получился настоящий бал, и очень веселый, если судить по лицам гостей, всех, за исключением Александра Пушкина, который всё время грустен, задумчив и чем-то озабочен. Он своей тоской и на меня тоску наводит. Его блуждающий, дикий, рассеянный взгляд с вызывающим тревогу вниманием останавли-

вается лишь на его жене и Дантесе, который продолжает все те же шутки, что и прежде,— не отходя ни на шаг от Екатерины Гончаровой, он издали бросает нежные взгляды на Натали, с которой в конце концов все же танцевал мазурку. Жалко было смотреть на фигуру Пушкина, который стоял напротив них, в дверях, молчаливый, бледный и угрожающий. Боже мой, как все это глупо! Когда приехала графиня Строганова, я попросила Пушкина пойти поговорить с ней. Он было согласился, краснея (ты знаешь, что она — одно из его «отношений», и притом рабское), как вдруг вижу — он внезапно останавливается и с раздражением отворачивается. «Ну, что же?» — «Нет, не пойду, там уж сидит этот граф». — «Какой граф?» — «Д'Антес, Гекрен что ли!» (Франц.).

*С. Н. Карамзина — А. Н. Карамзину.  
19 сентября 1836.*

22

Здравствуй, дорогой мой, вчера или позавчера мы много говорили о «Современнике»; ты мне так и не написал, получил ли его, а между тем князь Петр тебе его послал; я дала ему для этого тот экземпляр, который ты сам себе присвоил, постараюсь выслать тебе третий том, который только что вышел: все находят, что он лучше остальных и должен вернуть Пушкину его былую популярность; у меня его еще нет, но нам из него читали превосходные вещи самого издателя, очень милые — Вяземского и несказанное сумасбродство Гоголя «Нос»... (Франц.).

*Е. А. Карамзина — А. Н. Карамзину.  
20 октября 1836.*

23

Что до гнусного памфлета, направленного против Пушкина, то он вызвал во мне негодование и отвращение. Не понимаю, как мог найтись подлец, доста-



точно злой, чтобы облить грязью прекрасную и добродетельную женщину с целью оскорбить мужа под позорным покрывалом анонима: пощечина, данная рукой палача — вот чего он, по-моему, заслуживает. — Меня заранее приводит в негодование то, что если когда-либо этот негодяй откроется, снисходительное петербургское общество будет всецело его соучастником, не выбросив мерзавца из своей среды. Я же сам с восторгом выразил бы ему мое мнение о нем. Есть вещи, которые меня всего переворачивают, и эта — из их числа.

*А. Н. Карамзин — Е. А. и С. Н. Карамзиным.  
3 декабря 1836.*

24

Пушкин продолжает вести себя самым глупым и нелепым образом; он становится похож на тигра и скрежещет зубами всякий раз, когда заговаривает на эту тему, что он делает весьма охотно, всегда радуясь каждому новому слушателю. Надо было видеть, с какой готовностью он рассказывал моей сестре Катрин обо всех темных и наполовину воображаемых подробностях этой таинственной истории, совершенно так, как бы он рассказывал ей драму или новеллу, не имеющую к нему никакого отношения. До сих пор он упорно заявляет, что никогда не позволит жене присутствовать на свадьбе, ни принимать у себя замужнюю сестру. Вчера я убеждала Натали, чтобы она заставила его отказаться от этого нелепого решения, которое вновь приведет в движение все языки города; она же, со своей стороны, ведет себя не очень прямодушно: в присутствии мужа делает вид, что не кланяется с Дантесом и даже не смотрит на него, а когда мужа нет, опять принимается за прежнее кокетство потупленными глазами, нервным замешательством в разговоре, а тот снова, стоя против нее, устремляет к ней долгие взгляды и, кажется, совсем забывает о своей невесте, которая меняется в лице и мучается ревностью. Словом, это какая-то непрестанная коме-

дия, смысл которой никому хорошенько не понятен; вот почему Жуковский так смеялся твоему старанию разгадать его, попивая свой кофе в Бадене.

А пока что бедный Дантес перенес тяжелую болезнь, воспаление в боку, которое его ужасно изменило. Третьего дня он вновь появился у Мещерских, сильно похудевший, бледный и интересный, и был со всеми нами так нежен, как это бывает, когда человек очень взволнован или, быть может, очень несчастен. На другой день он пришел снова, на этот раз со своей нареченной и, что еще хуже, с Пушкиным; снова начались кривляния ярости и поэтического гнева; мрачный, как ночь, нахмуренный, как Юпитер во гневе, Пушкин прерывал свое угрюмое и стеснительное молчание лишь редкими, короткими, ироническими, отрывистыми словами и время от времени демоническим смехом. Ах, смею тебя уверить, это было ужасно смешно...

Для разнообразия скажу тебе, что на днях вышел четвертый том «Современника» и в нем напечатан роман Пушкина «Капитанская дочка», говорят, восхитительный. (Франц.)

*С. Н. Карамзина — А. Н. Карамзину.  
29 декабря 1836.*

25

Ведь завтра, в воскресенье, состоится эта удивительная свадьба, мы увидим ее в католической церкви; Александр и Вольдемар будут шаферами, а Пушкин проиграет несколько пар, потому что он, извольте видеть, бился об заклад, что эта свадьба — один обман и никогда не состоится. Все это по-прежнему очень странно и необъяснимо; Дантес не мог почувствовать увлечения, и вид у него совсем невлюбленный. Катрин, во всяком случае, более счастлива, чем он. (Франц.)

*С. Н. Карамзина — А. Н. Карамзину.  
9 января 1837.*

Ну, итак, свадьба Дантеса состоялась в воскресенье; я присутствовала при одевании мадемуазель Гончаровой, но когда эти дамы сказали, что я еду вместе с ними в церковь, ее злая тетка Загряжская устроила мне сцену. Из самых лучших побуждений, как говорят, опасаясь излишнего любопытства, тетка излила на меня всю желчь, накопившуюся у нее за целую неделю от нескромных выражений участия; кажется, что в доме ее боялся, никто не поднял голоса в мою пользу, чтобы по крайней мере сказать, что они сами меня пригласили; я начала было защищаться от этого неожиданного нападения, но в конце концов, чувствуя, что голос мой начинает дрожать и глаза наполняются слезами досады, убежала. Ты согласишься, что, помимо доставленной мне неприятности, я должна была еще испытать большое разочарование: невозможно сделать наблюдения и рассказать тебе о том, как выглядели участники этой таинственной драмы в заключительной сцене эпилога. Александр говорит, что все прошло наилучшим образом, но ты ведь знаешь, он по природе своей не наблюдателен. На другой день они были у нас, на следующий день, вчера, я была у них. Ничего не может быть красивее, удобнее и очаровательно изящнее их комнат, нельзя представить себе лиц безмятежнее и веселее, чем их лица у всех троих, потому что отец является совершенно неотъемлемой частью как драмы, так и семейного счастья. Не может быть, чтобы все это было притворством: для этого понадобилась бы нечеловеческая скрытность, и притом такую игру им пришлось бы вести всю жизнь! Непонятно. (Франц.)

*С. Н. Карамзина — А. Н. Карамзину.  
12 января 1837.*

В воскресенье у Катрин было большое собрание без танцев: Пушкины, Геккерны (которые продолжа-

ют разыгрывать свою сентиментальную комедию к удовольствию общества. Пушкин скрежещет зубами и принимает свое всегдашнее выражение тигра, Натали опускает глаза и краснеет под жарким и долгим взглядом своего зятя,—это начинает становиться чем-то большим обыкновенной безнравственности; Катрин направляет на них обоих свой ревнивый лорнет, а чтобы ни одной из них не оставаться без своей роли в драме, Александрина по всем правилам кокетничает с Пушкиным, который серьезно в нее влюблен и если ревнует свою жену из принципа, то свояченицу — по чувству. В общем, все это очень странно, и дядюшка Вяземский утверждает, что он закрывает свое лицо и отвращает его от дома Пушкиных).  
(Франц.)

*С. Н. Карамзина — А. Н. Карамзину.  
26—27 января 1837.*

28

Милый Андрюша, пишу к тебе с глазами, наполненными слез, а сердце и душа тоскою и горестию; закатилась звезда светлая, Россия потеряла Пушкина! Он дрался в среду на дуэли с Дантезом, и он прострелил его насквозь; Пушкин бессмертный жил два дни, а вчерась, в пятницу, отлетел от нас; я имела горькую сладость проститься с ним в четверг; он сам этого пожелал. Ты можешь вообразить мои чувства в эту минуту, особливо, когда узнаешь, что Арид с первой минуты сказал, что никакой надежды нет. Он протянул мне руку, я ее пожала, и он мне также, и потом махнул, чтобы я вышла. Я, уходя, осенила его издали крестом, он опять мне протянул руку и сказал тихо: «перекрестите еще», тогда я опять, пожавши еще раз его руку, я уже его перекрестила, прикладывая пальцы на лоб, и приложила руку к щеке: он ее тихонько поцеловал и опять махнул. Он был бледен как полотно, но очень хорош; спокойствие выражалось на его прекрасном лице. Других подробностей не хочу писать, отчего и почему это великое не-

шастие случилось: они мне противны; Сонюшка тебе их опишет. А мне жаль тебя; я знаю и чувствую, сколько тебя эта весть огорчит; потеря для России, но еще особенно *наша*; он был жаркий почитатель твоего отца и наш неизменный друг двадцать лет...

Дуэли ужасны! А что они доказывают? Бедного Пушкина нет больше! А через два года никто из оставшихся не будет и думать об этом. Пусть охранит тебя от них небо, и пусть твое доброе сердце и разум тебя от них отдалят! Прижимаю тебя к сердцу, опечаленному и страдающему, жалея тебя, потому что перенесу те же чувства в твое сердце. Благословляю тебя с любовью, поручая тебя милости господней. Я чувствую себя вполне хорошо.

*Е. А. Карамзина — А. Н. Карамзину.  
30 января 1837.*

29

А я-то так легко говорила тебе об этой горестной драме в прошлую среду, в тот день, даже в тот самый час, когда свершалась ужасная ее развязка! Бедный, бедный Пушкин! Сколько должен был он выстрадать за эти три месяца, с тех пор, как получил гнусное анонимное письмо,—причину, по крайней мере наружную, этого великого несчастья. Сказать тебе, что в точности вызвало дуэль, теперь, когда женитьба Дантеса, казалось, сделала ее невозможной,—об этом никто ничего не знает. Считают, что на балу у Воронцовых, в прошлую субботу, раздражение Пушкина дошло до предела, когда он увидел, что его жена беседовала, смеялась и вальсировала с Дантесом. А эта неосторожная не побоялась встретиться с ним опять, в воскресенье у Мещерских и в понедельник у Вяземских! Уезжая от них, Пушкин сказал тетюшке: «Он не знает, что его ожидает дома!» То было письмо Геккерну-отцу, оскорбительное сверх всякой меры, он называл его, отца, старой сводней (тот в самом деле исполнял такую роль), а сына — подлецом, трусом, осмелившимся и после своей женитьбы обра-

щаться вновь к госпоже Пушкиной с казарменными речами и с гнусными объяснениями в любви, и грозил, если этого оскорбления будет недостаточно, оскорбить его публично на балу. Тогда Дантес послал к нему некоего господина д'Аршиака, из французского посольства, своего секунданта, чтобы передать ему вызов; это было во вторник утром, а вечером, на балу у графини Разумовской, я видела Пушкина в последний раз; он был спокоен, смеялся, разговаривал, шутил, он несколько судорожно сжал мне руку, но я не обратила внимания на это.

В среду утром он поехал приглашать в секунданты своего товарища по лицу Данзаса; встретив его на улице, усадил к себе в сани, тут же объяснил, в чем дело, и они отправились драться на парголовскую дорогу, близ дачи Одоевских, между четырьмя и пятью часами. Там, говорят, Пушкин проявил великолепное спокойствие и настойчивость. Дантес стрелял первым и попал ему в середину тела, он упал, а когда тот бросился к нему, чтобы поддержать его, он закричал: «Вернитесь на место, за мной еще выстрел!» Его приподняли и поддерживали; так как первый пистолет выпал из его руки в снег, Данзас подал ему другой; он долго целился; пуля пробила руку Дантеса, но только в мягких частях, и остановилась против желудка — пуговица на сюртуке предоохранила его и он получил только легкую контузию в грудь; но в первый момент он зашатался и упал. Тогда Пушкин подбросил свой пистолет в воздух с возгласом: «браво!» Затем, видя, что Дантес поднялся и пошел, он сказал: «А! значит поединок наш не окончен!» Он был окончен, но Пушкин был убежден, что ранен только в бедро. По дороге домой тряска кареты причиняла ему боль во внутренностях. Тогда он сказал Данзасу: «Кажется, это серьезно. Послушай: если Арендт найдет мою рану смертельной, ты мне об этом скажешь! Меня не испугаешь: я жить не хочу!» Приехав домой, он увидел жену и сказал ей: «Как я рад, что еще вижу тебя и могу обнять! Что бы ни слу-

чилося, ты ни в чем не виновата и не должна себя упрекать, моя милая!»

Арендт сразу объявил, что рана безнадежна, так как перебиты большая артерия и вены, кровь излилась внутрь и повреждены кишки. Пушкин выслушал этот приговор с невозмутимым спокойствием и с улыбкой на устах; он причастился, попрощался; он сохранял полное сознание; он наблюдал отчетливо, как угасала его прекрасная жизнь. Он получил от государя полное участия письмо, с советом умереть христианином и быть спокойным за судьбу жены и детей, заботу о которых государь брал на себя. Он немного страдал, он был неизменно ласков со своей бедной женой и за пять минут до смерти сказал врачу: «Что, кажется, жизнь кончается!» Без всякой агонии он закрыл глаза, и ничто не может быть прекраснее его лица после смерти: чело ясное, задумчивое, словно вдохновенное, и улыбающийся рот. Я никогда не видела такого чистого, такого утешительного и такого поэтического мертвого лица. Его несчастная жена в ужасном состоянии и почти невменяемая, да это и понятно. Страшно об ней думать. (Франц.)

*С. Н. Карамзина — А. Н. Карамзину.  
30 января 1837.*

30

Я получил ваше горестное письмо с убийственным известием, милая, добрая маменька, и до сих пор не могу опомниться!.. Милый, светлый Пушкин, тебя нет!.. Я плачу с Россией, плачу с друзьями его, плачу с несчастными жертвами (виноватыми или нет) ужасного происшествия. Поздравьте от меня петербургское общество, маменька, оно сработало славное дело: пошлыми сплетнями, низкою завистью к гению и к красоте оно довело драму, им сочиненную, к развязке; поздравьте его, оно того стоит. Бедная Россия! Одна звезда за другою гаснет на твоём пустынном не-

бе, и напрасно смотрим, не зажигается ли заря на востоке — темно!

Как пишу вам эти строки, слезы капаят из глаз — мне грустно, неизъяснимо грустно. Я не свидетель того, что теперь происходит у вас, но сердце замирает при мысли *de la masse de désespoir qui déchire en ce moment le coeur de quelques-uns* \*. Пушкин — это высокое создание, оставил мир, в котором он не был счастлив, возвратился в отчизну всего прекрасного; жалки мы, которые его оплакиваем, которые лишились того, который украшал наш круг своим присутствием, наше отечество своею славою, который озарял нас всех отблеском своего света. Нельзя и грешно искать виноватых в несчастных... бедная, бедная Наталья Николаевна! Сердце заливается кровью при мысли о ней. Милая маменька, я уверен, что вы ее не оставили.

*А. Н. Карамзин — Е. А. Карамзиной.  
24 февраля 1837.*

31

Здравствуй, мой милый, дорогой Андрей, вчера вечером я нацарапала тебе, бог знает как, несколько строк, чтобы успеть отослать их, вместе с томиком «Онегина», с д'Аршиаком, который, должно быть, уехал сегодня утром...

Вчера состоялось отпевание бедного, дорогого Пушкина; его смертные останки повезут в монастырь около их псковского имения, где погребены все Ганнибалы: он хотел непременно лежать там же. Государь вел себя по отношению к нему и ко всему его семейству, как ангел. После истории со своей первой дуэлью Пушкин обещал государю больше не драться ни под каким предлогом, и теперь, когда он был смертельно ранен, он послал доброго Жуковского просить прощения у государя в том, что он не сдер-

---

\* О великом отчаянии, которое разрывает теперь некоторые сердца (*фр.*).



жал слова, и государь написал ему карандашом записку в таких выражениях: «Если судьба нас уже более в сем мире не сведет, то прими мое последнее и совершенное прощение и последний совет: умереть христианином! Что касается до жены и детей твоих, ты можешь быть спокоен, я беру на себя устроить их судьбу». Когда Василий Андреевич Жуковский просил государя во второй раз быть секретарем его для Пушкина, как он был для Карамзина, государь призвал Василия Андреевича и сказал ему: «Послушай, братец, я все сделаю для Пушкина, что могу, но писать как к Карамзину не стану; Пушкина мы насилу заставили умереть, как христианина, а Карамзин жил и умер, как ангел».

*Е. А. Карамзина — А. Н. Карамзину.  
2 февраля 1837.*

32

Вечером мы ходили на панихиду по нашему бедному Пушкине. Трогательно было видеть толпу, которая стремилась поклониться его телу. В этот день, говорят, там перебивало более двадцати тысяч человек: чиновники, офицеры, купцы, все в благоговейном молчании, с умилением, особенно отрадным для его друзей. Один из этих никому не известных людей сказал Россету: «Видите ли, Пушкин ошибался, когда думал, что потерял свою народность: она вся тут, но он ее искал не там, где сердца ему отвечали». Другой, старик, поразил Жуковского глубоким вниманием, с которым он долго смотрел на лицо Пушкина, уже сильно изменившееся, он даже сел напротив и просидел неподвижно четверть часа, а слезы текли у него по лицу, потом он встал и пошел к выходу; Жуковский послал за ним, чтобы узнать его имя. «Зачем вам,— ответил он,— Пушкин меня не знал, и я его не видал никогда, но мне грустно за славу России». И вообще это второе общество проявляет столько увлечения, столько сожаления, столько сочувствия,

что душа Пушкина должна радоваться, если только хоть какой-нибудь отзвук земной жизни доходит туда, где он сейчас; среди молодежи этого второго общества подымается даже волна возмущения против его убийцы, раздаются угрозы и крики негодования; между тем в нашем обществе у Дантеса находится немало защитников, а у Пушкина — и это куда хуже и непонятней — немало злобных обвинителей. Их отнюдь не смягчили адские страдания, которые в течение трех месяцев терзали его пламенную душу, к несчастью, слишком чувствительную к обидам этого презренного света, и за которые он отомстил в конце концов лишь самому себе: умереть в тридцать семь лет, и с таким трогательным, таким прекрасным спокойствием! Я рада, что Дантес совсем не пострадал и что, раз уже Пушкину суждено было стать жертвой, он стал жертвой единственной: ему выпала самая прекрасная роль, и те, кто осмеливаются теперь на него нападать, сильно походят на палачей.

В субботу вечером я видела несчастную Натали; не могу передать тебе, какое раздирающее душу впечатление она на меня произвела: настоящий призрак, и при этом взгляд ее блуждал, выражение лица было столь невыразимо жалкое, что на нее невозможно было смотреть без сердечной боли. Она тотчас же меня спросила: «Вы видели лицо моего мужа сразу после смерти? У него было такое безмятежное выражение, лоб его был так спокоен, а улыбка такая добрая! — не правда ли, это было выражение счастья, удовлетворенности? Он увидел, что там хорошо». Потом она стала судорожно рыдать, вся содрогаясь при этом. Бедное, жалкое творенье! И как хороша даже в таком состоянии!

В понедельник, в день похорон, т. е. отпевания, собралась несметная толпа, желавшая на нем присутствовать, целые департаменты просили разрешения не работать, чтобы иметь возможность пойти помолиться, все члены Академии, художники, студенты университета, все русские актеры. Конюшенная церковь не велика, и туда впускали только тех, у кого были биле-

ты, т. е. почти исключительно высшее общество и дипломатический корпус, явившийся в полном составе. (Один из дипломатов сказал даже: «Лишь здесь мы впервые узнали, что значил Пушкин для России. До этого мы встречали его, были с ним знакомы, но никто из вас — он обращался к одной даме — не сказал нам, что он — ваша народная гордость»). Вся площадь была запружена огромной толпой, которая устремилась в церковь, едва только кончилось богослужение и открыли двери; и ссорились, давили друг друга, чтобы нести гроб в подвал, где он должен был оставаться, пока его не повезут в деревню. Один очень хорошо одетый молодой человек умолял Пьера позволить ему хотя бы прикоснуться рукой к гробу, тогда Пьер уступил ему свое место, и тот со слезами его благодарил...

Вот что сделал государь для семьи. Он уплачивает все долги Пушкина, доходящие до 70 тысяч рублей; он выкупает его убогое имение (впрочем, это всего лишь семьдесят душ в Псковской губернии: имение в двести душ, которым он владел в Нижегородской губернии, он отдал в пожизненное владение своей сестре Павлищевой и жил, следовательно, в точном смысле слова, только своим пером!). Он назначил Натали пенсию в 5000 рублей и каждому из четырех детей по 1500 рублей, оба сына записаны в Пажеский корпус; им дают еще сейчас же 10 тысяч рублей единовременно и на казенный счет в пользу детей будет выпущено полное собрание его сочинений, которое, верно, разоидется немедленно. Поверишь ли, что за эти три дня было продано четыре тысячи экземпляров маленького издания «Онегина».

Вчера мы еще раз видели Натали, она уже была спокойнее и много говорила о муже. Через неделю она уезжает в калужское имение своего брата, где намерена провести два года. «Муж мой, — сказала она, — велел мне носить траур по нем два года (какая тонкость чувств! он и тут заботился о том, чтобы охранить ее от осуждений света), и я думаю, что лучше всего исполню его волю, если проведу эти два года

совсем одна, в деревне. Моя сестра едет вместе со мной, и для меня это большое утешение». Потом мы заговорили об анонимных письмах, и я рассказала ей, что ты по этому поводу писал, и о твоём бурном негодовании на их гнусного автора. Она грустно улыбнулась. «Андрей! как я узнаю его в этом. Передайте ему, Софи, мою благодарность и сердечный привет: добрый Андрей, как он будет огорчен». (Франц.)

*С. Н. Карамзина — А. Н. Карамзину.  
2 февраля 1837.*

33

Как я вам благодарен, милая и добрая маменька, и тебе, *ma chère Sophie* \*, за письмо, полученное сегодня. Я очень желал, но не смел надеяться получить его, потому что это более, нежели сколько было обещано. Но вы знали, что, отчужденный от родины пространством, я не чужд ее печалям и радостям и что с тех пор, как роковое известие достигло меня и русскую братию в Париже, наши сердца и взоры с тоскою устремились на великого покойника и мы жадно ожидали подробностей. Если что может здесь утешить друга отечества и друга Пушкина, так это всеобщее сочувствие, возбужденное его смертью: оно тронуло и обрадовало меня до слез! Не все же у нас умерло, не все же холодно и бесчувственно! Есть струны звучные даже и в петербургском народе! Милые, добрые мои сограждане, как я люблю вас! Но с другой стороны то, что сестра мне пишет о суждениях хорошего общества, высшего круга, гостинной аристократии (черт знает, как эту сволочь назвать), меня нимало не удивило; оно выдержало свой характер: убийца бранит свою жертву,— это должно быть так, это в порядке вещей...

---

\* Моя милая Софи (фр.).

Повторяю, что сказал в том письме: бедная Наталья Николаевна! Сердце мое раздиралось при описании ее адских мучений. Есть странные люди, которым не довольно настоящего зла, которые ищут его еще там, где нет его, которые здесь уверяли, что смерть Пушкина не тронет жены его, *que c'est une femme sans coeur* \*. Твое письмо, милая сестра, им ответ, и сердце не обмануло меня. Всеми силами душевными благословляю я ее и молю бога, чтоб мир сошел в ее растерзанное сердце.

*А. Н. Карамзин — Е. А. Карамзиной.  
28 февраля 1837.*

34

Вот стихи, которые сочинил на его смерть некий господин Лермонтов, гусарский офицер. Я нахожу их такими прекрасными, в них так много правды и чувства, что тебе надо знать их:

Погиб поэт! — Невольник чести... \*\*

Прекрасно, не правда ли? Мещерский понес эти стихи Александрине Гончаровой, которая попросила их для сестры, жаждущей прочесть все, что касается ее мужа, жаждущей говорить о нем, обвинять себя и плакать. На нее по-прежнему тяжело смотреть, но она стала спокойней и нет более безумного взгляда. К несчастью, она плохо спит и по ночам пронзительными криками зовет Пушкина: бедная, бедная жертва собственного легкомыслия и людской злобы! Дантеса будут судить в Конной гвардии; мне бы хотелось, чтобы ему не было причинено ничего дурного и чтобы Пушкин остался единственной жертвой... (*Франц.*)

*С. Н. Карамзина — А. Н. Карамзину.  
10 февраля 1837.*

---

\* Что это — женщина без сердца (*фр.*).

\*\* В письме текст стихотворения «Смерть поэта» приведен без последних 16 строк.

Вчера вечером, мой друг, я провожала Натали Пушкину, она тоже просила меня передать тебе, что между ею и тобою вечная дружба. Бедная женщина! Но вчера она подлила воды в мое вино — она уже не была достаточно печальной, слишком много занималась укладкой и не казалась особенно огорченной, прощаясь с Жуковским, Данзасом и Далем — с тремя ангелами-хранителями, которые окружали смертный одр ее мужа и так много сделали, чтобы облегчить его последние минуты: она была рада, что уезжает, это естественно; но было бы естественным также выказать раздирающее душу волнение — и ничего подобного, даже меньше грусти, чем до тех пор! Нет, эта женщина не будет неутешной. Затем она сказала мне нечто невообразимое, нечто такое, что, по моему мнению, является ключом всего ее поведения в этой истории, того легкомыслия, той непоследовательности, которые позволили ей поставить на карту прекрасную жизнь Пушкина даже не против чувства, но против жалкого соблазна кокетства и тщеславия; она мне сказала: «Я совсем не жалею о Петербурге; меня огорчает только разлука с Карамзиными и Вяземскими, но что до самого Петербурга, балов, праздников — это мне безразлично». О! Я окаменела от удивления, я смотрела на нее большими глазами, мне казалось, что она сошла с ума, но ничуть не бывало: она просто бестолковая, как всегда! Бедный, бедный Пушкин! Она его никогда не понимала. Потеряв его по своей вине, она ужасно страдала несколько дней, но сейчас горячка прошла, остается только слабость и угнетенное состояние, и то пройдет очень скоро. Обе сестры увиделись, чтобы попрощаться, вероятно навсегда, и тут, наконец, Катрин хоть немного поняла несчастье, которое она должна была бы чувствовать и на своей совести; она поплакала, но до этой минуты была спокойна, весела, смеялась и всем, кто бывал у нее, говорила только о своем счастье. Вот уж чурбан и дура! Суд над Дантесом еще не окончен, гово-

рят, что он будет разжалован, а затем выслан из России. Геккерт укладывается к отъезду и сам распродает всю свою мебель, фарфор и серебро в своем кабинете, куда является весь город, чтобы их покупать, одни чтобы посмеяться, другие из дружбы. (Франц.)

*С. Н. Карамзина — А. Н. Карамзину.  
16—17 февраля 1837.*

36

Я не сомневалась, что, узнав о трагической гибели Пушкина, ты будешь поражен до глубины сердца. Ты справедливо подумал, что я не оставлю госпожу Пушкину своими попечениями, я бывала у нее почти ежедневно, и первые дни — с чувством глубокого сострадания к этому великому горю, но потом, увы! с убеждением, что если сейчас она и убита горем, то это не будет ни длительно, ни глубоко. Больно сказать, но это правда: великому и доброму Пушкину следовало иметь жену, способную лучше понять его и более подходящую к его уровню. Пусть их рассудит бог, но эта катастрофа ужасна и до сих пор темна; он внес в нее свою долю непостижимого безумия. Сейчас она в деревне у одного из своих братьев, проездом она была в Москве, где после смерти жены поселился несчастный старец, отец ее мужа. Так вот, она проехала, не подав ему никаких признаков жизни, не осведомившись о нем, не послав к нему детей, утверждая, что самый вид ее может произвести на него слишком тягостное впечатление; пусть так, но следовало по крайней мере узнать его волю. Несчастный старец ужасно огорчен, тем более, что он объясняет это небрежностью и отсутствием всякого к нему чувства; согласись, что подобное поведение обнаруживает и недостаток сердечности и недостаток ума; она должна была припасть к стопам Пушкина-отца, чтобы облегчить свое сердце и совесть и чтобы сблизиться со всем, что принадлежало ему, а особенно с отцом

его, который его обожал всем своим существом. Бедный, бедный Пушкин, жертва легкомыслия, неосторожности, опрометчивого поведения своей молодой красавицы-жены, которая, сама того не подозревая, поставила на карту его жизнь против нескольких часов кокетства. Не думай, что я преувеличиваю, ее я не виню, ведь нельзя же винить детей, когда они причиняют зло по неведению и необдуманности. Что касается до предложения господина Соболевского, то доброта и щедрость государя его предупредили, он повелел издать за свой счет полное собрание сочинений дорогого Пушкина и распродать это издание по подписке в пользу его сирот. (*Франц.*)

*Е. А. Карамзина — А. Н. Карамзину.  
3 марта 1837.*

37

Как я была тронута, читая в твоём письме такие печальные и такие верные строки о нашем славном и дорогом Пушкине! Ты прав, жалеть о нём не нужно, он умер прекрасной и поэтической смертью, светило угасло во всем своём блеске, и небо позволило ещё, чтобы в течение этих двух дней агонии, когда оно взидало на землю в последний раз, оно заблестало особенно ярким, необычайно чистым небесным светом — светом, который его душа, без сомнения, узрела в последнее мгновение, ибо (мне кажется, я тебе уже это говорила) после смерти на лице его было такое ясное, такое благодное, такое восторженное выражение, какого никогда ещё не бывало на человеческом лице! «Великая, радостно угаданная мысль», — сказал Жуковский. И в самом деле, о чём здешнем мог он сожалеть? Ведь даже горесть, которую он оставял своей жене, и этот ужас отчаяния, под бременем которого, казалось бы, она должна была пасть, умереть или сойти с ума, все это оказалось столь незначительным, столь преходящим и теперь уже совершенно утихло! — а он-то знал ее, он знал, что это



Ундина, в которую еще не вдохнули душу. Боже, прости ей, она не ведала, что творит; ты же, милый Андрей, успокойся за нее: еще много счастья и много радостей, ей доступных, ждут ее на земле! (Франц.)

*С. Н. Карамзина — А. Н. Карамзину.  
3 марта 1837.*

38

Я очень был доволен твоими письмами, где ты так хорошо пишешь о деле Пушкина. Ты спрашиваешь, почему мы тебе ничего не пишем о Дантесе или, лучше, о Эккерне. Начинаю с того, что советую не протягивать ему руки с такою благородною доверенностью: теперь я знаю его, к несчастью, по собственному опыту. Дантес был пустым мальчишкой, когда приехал сюда, забавный тем, что отсутствие образования сочеталось в нем с природным умом, а в общем — совершенным ничтожеством как в нравственном, так и в умственном отношении. Если бы он таким и оставался, он был бы добрым малым, и больше ничего; я бы не краснел, как краснею теперь, оттого, что был с ним в дружбе, — но его усыновил Геккерн, по причинам, до сих пор еще совершенно неизвестным обществу (которое мстит за это, строя предположения). Геккерн, будучи умным человеком и утонченнейшим развратником, какие только бывали под солнцем, без труда овладел совершенно умом и душой Дантеса, у которого первого было много меньше, нежели у Геккерна, а второй не было, может быть, и вовсе. Эти два человека, не знаю, с какими дьявольскими намерениями, стали преследовать госпожу Пушкину с таким упорством и настойчивостью, что, пользуясь недалекою ума этой женщины и ужасной глупостью ее сестры Екатерины, в один год достигли того, что почти свели ее с ума и повредили ее репутации во всеобщем мнении. Дантес в то время был болен грудью и худел на глазах. Старик Геккерн сказал госпоже Пушкиной, что он умирает из-за нее, заклинал ее спасти его сы-

на, потом стал грозить мстью; два дня спустя появились анонимные письма. (Если Геккерн — автор этих писем, то это с его стороны была бы жестокая и непонятная нелепость, тем не менее люди, которые должны об этом кое-что знать, говорят, что теперь почти доказано, что это именно он!) За этим последовала исповедь госпожи Пушкиной своему мужу, вызов, а затем женитьба Геккерна; та, которая так долго играла роль посредницы, стала, в свою очередь, возлюбленной, а затем и супругой. Конечно, она от этого выиграла, потому-то она — единственная, кто торжествует до сего времени и так поглупела от счастья, что, погубив репутацию, а может быть, и душу своей сестры, госпожи Пушкиной, и вызвав смерть ее мужа, она в день отъезда этой последней послала сказать ей, что готова забыть прошлое и все ей простить!!! Пушкин также торжествовал одно мгновение, — ему показалось, что он залил грязью своего врага и заставил его сыграть роль труса. Но Пушкин, полный ненависти к этому врагу и так давно уже преисполненный чувством омерзения, не сумел и даже не попытался взять себя в руки! Он сделал весь город и полные народа гостинные поверенными своего гнева и своей ненависти, он не сумел воспользоваться своим выгодным положением, он стал почти смешон, и так как он не раскрывал всех причин подобного гнева, то все мы говорили: да чего же он хочет? да ведь он сошел с ума! он разыгрывает удальца! А Дантес, руководимый советами своего старого неизвестно кого, тем временем вел себя с совершеннейшим тактом и, главное, старался привлечь на свою сторону друзей Пушкина. Нашему семейству он больше, чем когда-либо, заявлял о своей дружбе, передо мной прикидывался откровенным, делал мне ложные признания, разыгрывал честью, благородством души и так постарался, что я поверил его преданности госпоже Пушкиной, его любви к Екатерине Гончаровой, всему тому, одним словом, что было наиболее нелепым, а не тому, что было в действительности. У меня как будто голова закружилась, я был заморожен, но,

как бы там ни было, я за это жестоко наказан угрызениями совести, которые до сих пор вкрадываются в мое сердце по много раз в день и которые я тщетно стараюсь удалить. Без сомнения, Пушкин должен был страдать, когда при нем я дружески жал руку Дантесу, значит, я тоже помогал разрывать его благородное сердце, которое так страдало, когда он видел, что враг его встал совсем чистым из грязи, куда он его бросил. Тот гений, что составлял славу своего отечества, тот, чей слух так привык к рукоплесканиям, был оскорблен чужеземным авантюристом., желавшим замарать его честь; и когда он, в негодовании, накладывал на лоб этого врага печать бесчестия, его собственные сограждане становились на защиту авантюриста и поносили великого поэта. Не сограждане его так поносили, то была бесчестная кучка, но поэт в своем негодовании не сумел отличить выкриков этой кучки от великого голоса общества, к которому он бывал так чуток. Он страдал ужасно, он жаждал крови, но богу угодно было, на наше несчастье, чтобы именно его кровь обагрила землю. Только после его смерти я узнал правду о поведении Дантеса и с тех пор больше не виделся с ним. Может быть, я говорил о нем с тобой слишком резко и с предубеждением, может быть, причиной этого предубеждения было то, что до тех пор я к нему слишком хорошо относился, но верно одно — что он меня обманул красивыми словами и заставил меня видеть самоотвержение, высокие чувства там, где была лишь гнусная интрига; верно также и то, что он продолжал и после своей женитьбы ухаживать за госпожой Пушкиной, чему долго я не хотел верить, но, наконец, сдался перед явными доказательствами, которые получил позднее. Всего этого достаточно, брат, для того, чтоб сказать, что ты не должен подавать руку убийце Пушкина.

Суд его еще не кончен.— После смерти Пушкина Жуковский принял, по воле государя, все его бумаги. Говорили, что Пушкин умер уже давно для поэзии. Однако же нашлись у него многие поэмы и мелкие стихотворения. Я читал некоторые, прекрасные до-

нельзя. Вообще в его поэзии сделалась большая перемена, прежде главные достоинства его были удивительная легкость, воображение, роскошь выражений *et une grâce infinie jointe à beaucoup de sentiment et de chaleur*; \* в последних же произведениях его поражает особенно могучая зрелость таланта; сила выражений и обилие великих, глубоких мыслей, высказанных с прекрасной, свойственной ему простотою; читая их, поневоле дрожь пробегает и на каждом стихе задумываешься и чуешь гения. В целой поэме не встречается ни одного лишнего, малоговорящего стиха!!! Плачь, мое бедное отечество! Не скоро родишь ты такого сына! На рождении Пушкина ты истощилось!

*Ал. Н. Карамзин — А. Н. Карамзину.  
13 марта 1837.*

\* \* \*

39

В самом младенчестве он показал большое уважение к писателям. Не имея шести лет; он уже понимал, что Николай Михайлович Карамзин — не то, что другие. Одним вечером Николай Михайлович был у меня, сидел долго, — во все время Александр, сидя против него, вслушивался в его разговоры и не спускал с него глаз. Ему был шестой год.

*С. Л. Пушкин.*

40

В свободное время он любил навещать Н. М. Карамзина, проводившего ежегодно летнее время в Царском Селе. Карамзин читал ему рукописный труд свой и делился с ним досугом и суждениями. От Ка-

---

\* И бесконечное изящество, соединенное с большим чувством и жаром души (фр.).

рамзина Пушкин забегал в кружок лейб-гусарских офицеров и возвращался к лицейским друзьям с запасом новых впечатлений.

*Л. С. Пушкин.* Биографическое известие об А. С. Пушкине до 1826 года.

41

Узнавши, что Пушкину грозит опасность, Чаадаев поспешил к Карамзину, с трудом успел увидеть его (это было утром, а по утрам, занимаясь своею историею, Карамзин никого не принимал), рассказал ему все дело и упрашивал съездить к императрице Марии Федоровне и к начальнику Пушкина по службе, графу Каподистрии. По другому, тоже вполне достоверному рассказу, Пушкин сам, еще раньше Чаадаева, приходил к Карамзину (по выходе из Лицея он реже стал бывать у него), рассказал свои обстоятельства, просил совета и помощи, со слезами на глазах выслушивал дружеские упреки и наставления. «Можете ли вы,— сказал Карамзин,— по крайней мере обещать мне, что в продолжение года ничего не напишете противного правительству? Иначе я выйду лжецом, прося за вас и говоря о вашем раскаянии». Пушкин дал ему слово и сдержал его: не раньше 1821 года прислал из Бессарабии, без подписи, стихи свои: *Кинжал*.

*П. И. Бартенева.*

42

В доме Е. А. Карамзиной собирались литераторы и умные люди разных направлений. Тут часто бывал Блудов и своими рассказами всех занимал. Тут бывали Жуковский, Пушкин, А. И. Тургенев, Хомяков, П. Муханов, Титов и многие другие. Вечера начинались в 10 и длились до 1 и 2 часов ночи; разговор редко умолкал. Сама Карамзина была женщина умная, характера твердого и всегда ровного, сердца

доброе, хотя, по-видимому, с первой встречи холодно-го. Эти вечера были единственные в Петербурге, где не играли в карты и где говорили по-русски.

*А. И. Кошелев.*

43

Самой остроумной и ученой гостиной в Петербурге была, разумеется, гостиная г-жи Карамзиной, вдовы известного историка. Здесь же царствовал элемент чисто литературный, хотя и бывало также много людей светских. Все, что было известного и талантливого в столице, каждый вечер собиралось у Карамзиных; приемы отличались самой радушной простотой; дамы приезжали в простых платьях, на мужчинах фраки были цветные и то потому, что тогда другой одежды не носили. Но, несмотря на это, приемы эти носили отпечаток самого тонкого вкуса, самой высокопробной добропорядочности.

Я ранее обыкновенного отправился вечером к Карамзиным. У них каждый вечер собирался кружок, состоявший из цвета тогдашнего литературного и художественного мира: Глинка, Брюллов, Даргомыжский, словом, что носило известное в России имя в искусстве, прилежно посещало этот радушный, милый, высокоэстетический дом. Едва я взошел в тот вечер в гостиную Карамзиных, Софья Карамзина стремительно бросилась ко мне навстречу, схватила мои обе руки и сказала мне взволнованным голосом:

— Ах, Владимир, послушайте, что Лермонтов написал, какая это прелесть! Заставьте сейчас его сказать вам эти стихи!

Лермонтов сидел у чайного стола; вчерашняя веселость с него «соскочила», он показался мне бледнее и задумчивее обыкновенного. Я подошел к нему и выразил ему мое желание, мое нетерпение услышать тотчас вновь сочиненные им стихи.

Он нехотя поднялся со своего стула.

— Да я давно написал эту вещь,— проговорил он и подошел к окну.

Софья Карамзина, я и еще двое-трое из гостей окружили его, он оглянул нас всех беглым взглядом, потом точно задумался и медленно начал:

На воздушном океане  
Без руля и без ветрил  
Тихо плавают в тумане...

И так далее. Когда он кончил, слезы потекли по его щекам, а мы, очарованные этим едва ли не самым поэтическим его произведением и редкой музыкальностью созвучий, стали горячо его хвалить.

— *C'est du Pouchkine cela \**,— сказал кто-то из присутствующих.

— *Non, c'est du Лермонтов, ce qui vaudra son Pouchkine \*\**,— вскричал я.

Лермонтов покачал головой.

— Нет, брат, далеко мне до Александра Сергеевича,— сказал он, грустно улыбнувшись,— да времени работать мало остается, убьют меня, Владимир.

Предчувствие Лермонтова сбылось; в Петербург он больше не вернулся; но не от черкесской пули умер гениальный юноша, и на русское имя кровавым пятном легла его смерть.

В. А. Соллогуб.

---

\* Это стихи Пушкина (фр.).

\*\* Нет, это Лермонтова, но это достойно Пушкина (фр.).

# ПРИМЕЧАНИЯ



В. Л. ПУШКИН  
(27.IV.1766—20.VIII.1830)

## 1

Акад., XIII.

*Обо мне вспомнил* — предполагается, что это ответ на упоминание о дядюшке в письме Пушкина к Вяземскому от 27.III.1816 г.; *Николай Михайлович* — Карамзин.

## 2

Пушкин, X.

*Нестор Арзамаса* — умудренный опытом старейшина в литературном обществе Арзамас; *Опасный для певцов сосед* — Пушкин обыгрывает название поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед»; *Вот* (варианты: «Вотрушка», «Вот я вас» и «Вот я вас опять») — шутовское прозвище В. Л. Пушкина в обществе Арзамас. Происходит от латинского выражения, употребленного Вергилием: «*riuos ego*»; *рифм бахических* — от Бахуса (Вакх, Дионис) — бога веселья, вина, пиров в греческой мифологии; *девятимесячную беременность* — Пушкин ответил на письмо дяди от 17 апреля 1816 г. только под новый 1817 год; *единственным стихом* — имеется в виду строка из «Опасного соседа»: «Прямой талант везде защитников найдет» (В. Л. Пушкин описывает, каким громким успехом пользуется комедия А. А. Шаховского в «веселом доме»). *Моим незабвенным* — родителям; *Шапель Андреевич* — П. А. Вяземский, которого Пушкин сравнивает с французским поэтом XVII в.

## 3

ЛН, 58.

## 4

ЛН, 58.

*Теща* — Мария Алексеевна Ганнибал; *Надежда Осиповна* — мать А. С. Пушкина; *Оленька* — сестра.



ЛН, 58.

*Кем вы для всех нас являетесь* — Николай Иванович Кривцов был близок кругу Карамзина, дружил с В. Л. и С. Л. Пушкиными, а в 1817—1818 гг. и с А. С. Пушкиным. «Он не был записан в Арзамасском штате, но был приятелем почти всех арзамасцев» (П. А. Вяземский); М. С. Воронцов добился увольнения Пушкина со службы и удаления из Одессы в июле 1824 г. «В 1824 г. явное недоброжелательство графа Воронцова принудило меня подать в отставку», — писал Пушкин Жуковскому.

## 6

Пушкин, Х.

*«Бог»* — антирелигиозная песня Беранже. В. Л. Пушкин перевел не ее, а *«L'homme gangé»* под названием *«Песня»*; *Хвостов* — литературный враг В. Л. Пушкина; *Хвостова* — поэтесса, автор книги *«Камин и ручеек»*, изданной в 1796 г. (у В. Л. Пушкина есть стихотворение *«К камину»*); *Магницкий* — ярый реакционер, религиозный фанатик, которому перевод *«Бога»* показался бы чудовищным кощунством. В последней строчке каламбур (*Опасного соседа — опасаются*).

## 7

Пушкин, Х.

Пушкин вышучивает слог деловых писем своего времени.

## 8

Пушкин, Х.

*Милонов* — поэт, задевший В. Л. Пушкина в одной из сатир. Василий Львович сокрушался: «А ведь сколько раз бывал у меня, чай пил!»; *Аристип* — греч. философ, учивший владеть своими страстями; *Асмодей* — арзамасское прозвище Вяземского. Пушкин рассчитывал, что Вяземский покажет стихи Василию Львовичу, а тот умилился комплиментом (*писатель нежный* и т. д.) и сменит гнев на милость. *Княгине и сестре* — В. Ф. Вяземской и О. С. Пушкиной, находившейся тогда в Москве.

## 9

ЛН, 58.

Март — апрель 1829 г. перед путешествием в Арзрум Пушкин провел в Москве. Вяземский был в это время в одном из своих имений. *«Мазепа»* — поэма Пушкина «Полтава».

## 10

ЛН, 58.

ЛН, 58.

*Огончарован* — этот каламбур (вместо «очарован»), придумал Л. С. Пушкин.

Пушкин, Х.

Акад., XIV.

*Послание твое к вельможе* — речь идет о стихотворении А. С. Пушкина «К вельможе» (1830), посвященном Н. Б. Юсупову, вызвавшем нападки Н. А. Полевого и других литературных противников Пушкина. Дядюшка-поэт становится на сторону племянника; *Ла Бомель* — французский поэт, противник Вольтера (в данном случае В. Л. Пушкин имеет в виду Н. А. Полевого, резко осуждавшего историческую концепцию Н. М. Карамзина); *Нибур* Б.-Г. — немецкий историк; *москвич* — Н. А. Полевой, автор «Истории русского народа»; *венчанный розами ты грации рукою* и т. д. — имеется в виду предстоявшее бракосочетание А. С. Пушкина и Н. Н. Гончаровой.

Приписка после стихотворения в оригинале по-французски.

Пушкин, Х.

Пушкин, Х.

Письмо к дедушке своей невесты А. Н. Гончарову Пушкин написал на другой день после похорон В. Л. Пушкина.

*Нижегородскую деревню* — Кистенево, часть Болдинского имения, которую выделил сыну Сергей Львович в связи с предстоящей женитьбой; *Решение судьбы* — окончательное согласие на свадьбу.

Пушкин, Х.

*Статьи Катенина* — В. Л. Пушкин перед смертью читал «Размышления и разборы» П. А. Катенина, печатавшиеся в 1830 г. из номера в номер в «Литературной газете».

Пушкин, Х.

*Поминали своего старосту вотрушиками* — В. Л. Пушкин был

старостой Арзамаса, «Вотрушка» — одно из его арзамасских прозвищ; *Светлана* — арзамасское прозвище В. А. Жуковского.

18

Анненков, Пушкин...

19

Воспоминания, т. 1.

*Опасного соседа* — у О. С. Павлищевой ошибка: поэма написана, когда автору было 45 лет; в нескольких экземплярах — «Путешествие NN в Париж и Лондон, писанное за три дня до путешествия» было выпущено в 1808 г. в Москве тиражом в 50 экз. См. прим. к № 24.

20

Воспоминания, т. 1.

Воспоминания М. Н. Макарова — один из немногих мемуарных источников о московском, долицейском периоде жизни А. С. Пушкина. Исследователи отмечают, однако, что автор бывает подчас не точен в деталях.

21

Ф. Ф. Вигель, Записки. М., 1892, ч. IV.

22

М. А. Дмитриев, Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869.

Прием Василия Львовича происходил в 1816 г. На груди чучела, в которое стрелял из лука В. Л. Пушкин, висела надпись со строкой Тредиаковского «Чудище обло, озорно, стозевно и лаяй». Эта строка была некогда взята А. Н. Радищевым как эпиграф к «Путешествию из Петербурга в Москву». Это обнаруживало определенные настроения в обществе Арзамас. Подробнее см. М. И. Гиллельсон. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974.

23

Анненков, Материалы...

*декламации у Тальмы*: французский трагический актер Франсуа Жозеф Тальма в самом деле давал уроки декламации В. Л. Пушкину.

Пушкин, VII.

А. С. Пушкин написал эту заметку в 1836 г. и собирался напечатать в «Современнике», но не успел. По мнению современных исследователей, И. И. Дмитриев сочинил «Путешествия NN...» все-таки по возвращении В. Л. Пушкина на родину. Слова «за три дня до...» — это очередной розыгрыш, на который поддался легковверный Василий Львович. А. С. Пушкин был обладателем библиографической редкости — издания «Путешествия NN...» 1808 г. Готовя в 1836 г. заметку-рецензию, поэт, скорее всего, не знал реальных обстоятельств появления этого произведения. См. В. В. Степанов. Заметки о В. Л. Пушкине. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. XI. М.; Л., 1983.

25

Анненков, Пушкин...

26

Воспоминания, т. 1.

Приводимые отрывки вошли также в издания: П. А. Вяземский. Записные книжки (1813—1848). М., 1963. О статьях Катенина см. примеч. к № 16. *Лже-Дмитриев* — так в шутку называли М. А. Дмитриева — племянника поэта И. И. Дмитриева. Его мемуары см. № 22.

О. С. ПАВЛИЩЕВА  
(20.XII.1797—2.V.1868)

1

Пушкин, I.

Пушкин это стихотворение не печатал.

*С угрюмой тишиной* — несколько строк после этой утрачены; *в подарок пук стихов* — точная цитата из стихотворения Жуковского «К Батюшкову»; *Жан-Жак* — Руссо; *Жанлиса* — писательница Жанлис; *Морфей* — бог сна и сновидений; *Светлана* — героиня баллады Жуковского; *увы, в монастыре* — Пушкин нередко сравнивал свое лицейское уединение с жизнью монаха в монастырской келье.

2

Пушкин, X.

*Омфала* и *Бизар* — собаки Ольги Сергеевны; *Корфы* — семейство лицейского товарища Пушкина М. А. Корфа — жили в Пе-

тербурге в одном доме с родителями Пушкина (на Фонтанке у Калинкина моста).

3

Пушкин, Х.

4

Пушкин, Х.

О кончине тетки Пушкина Анны Львовны см. в очерке «В. Л. Пушкин» (там же — о стихах Шаликова); няня Арина Родионовна заказала по просьбе О. С. Пушкиной панихиду по Анне Львовне; *тригорские приятельницы* — А. Н. Вульф и Е. Н. Вульф (см. очерк «Семья Осиповых — Вульф» в т. 2 настоящего издания).

5

Пушкин, Х.

Под предлогом лечения аневризма в ноге Пушкин рассчитывал уехать из Михайловского через Дерпт за границу. Между тем, по совету Вяземского, мать поэта обратилась к Александру I с прошением о дозволении сыну поехать для лечения в «Ригу или какой-нибудь другой город». Александр I разрешил лечиться в Пскове. Это нарушило планы Пушкина и вызвало его раздражение (см. очерк и документальную подборку о Жуковском). *Кое-кому доставит удовольствие* — видимо, отцу поэта — Сергею Львовичу.

6

Акад., XIII.

Единственное дошедшее до нас письмо О. С. Пушкиной поэту было припиской к письму П. А. Вяземского Пушкину от того же числа из Ревеля. *Тарабарщиной* — Вяземский спешил отослать Пушкину при письме свое стихотворение «Море». «Вот тебе, моему барину на Парнасе, мой смиренный ревельский оброк», — писал он. 14 августа 1826 г. Пушкин ответил Вяземскому стихотворением «Так море, древний душегубец...»; *300 верст от Петербурга* — мрачная обстановка в столице после подавления декабрьского восстания и вынесения приговора декабристам (10 июля 1826 г.) угнетала О. С. Пушкину. Из этого письма следует, в частности, что мечты о поездке *за море* были тогда общими для брата и сестры; об *А. Н. Вульф, А. П. Керн, семье Карамзиных* см. соответствующие разделы двухтомника.

Фразы, отмеченные звездочками, написаны О. С. Пушкиной по-русски.

7

П и С, вып. V.

Речь в письме идет о неосуществившемся намерении Пушки-

на в 1831—1832 гг. издавать собственную политическую и литературную газету. См. Пушкин. Письма, т. III. М.-Л., 1935, с. 489—500.

8

Акад., т. XV.

С этого письма началась долгая переписка между Пушкиным и Павлищевым по имущественным вопросам. С весны 1834 г. Пушкин решился взять под свое управление имение отца — Болдино. Он должен был ежегодно от имени отца выплачивать часть доходов сестре и брату.

9

Пушкин, X.

10

Пушкин, X.

11

Акад., XV.

*Фермуар и булавку* — Пушкин исполнил эту просьбу.

12

Акад., XVI.

В начале 1835 г. Пушкин хотел отказаться от ведения дел по нижегородскому имению, однако вынужден был вести их и позже из-за полной беспомощности отца и болезни матери. *Михайла* — М. И. Калашников (управитель с. Михайловского, а потом Болдина).

13

Акад., XVI.

*Польским законам* — Павлищев служил в Варшаве.

14

Пушкин, X.

Н. И. Павлищев требовал от Пушкина раздела Михайловского и выделения сестре причитающейся ей части. Пушкин, стремясь спасти Михайловское, отказывается в пользу Ольги Сергеевны от своей части нижегородского имения Кистенева.

Акад., XVI.

Павлищев стремился во что бы то ни стало получить деньги от Пушкина, бесконечно докучая ему требованиями и расчетами. Подробнее о существовании его предложений см. А. С. Пушкин. Письма последних лет, примеч. к №№ 178, 190, 192, 238.

Пушкин, X.

*На сделку... не могу согласиться*—Павлищев собирался оставить Михайловское за своей семьей, а Пушкину выплатить его часть деньгами; *в последний раз*— другой вариант (продажа Михайловского в чужие руки) также не устраивал поэта, но замученный требованиями Павлищева, он одно время готов был на это согласиться.

Акад., XVI.

Пушкин, X.

*Лев поступил на службу*— в июле 1836 г. Л. С. Пушкин возвратился на военную службу и был назначен в Грузию.

ЛН, 16—18.

Этим письмом Павлищев обнаруживает полное непонимание жизненных обстоятельств и личности Пушкина.

Воспоминания, т. 1.

Воспоминания О. С. Павлищевой написаны в третьем лице, поскольку из-за болезни глаз она диктовала их Н. И. Павлищеву.

Приводимые стихи в оригинале — по-французски; *с июня по октябрь* — В. Л. Пушкин с племянником приехали в Петербург в 20-х числах июля; *одной приятельнице* — речь идет о вдове поэта Н. Н. Пушкиной-Ланской, у которой хранились детские письма Пушкина к сестре. Наталья Николаевна обещала представить эти письма первому биографу поэта П. В. Анненкову, но сделала ли это — неизвестно. Судьба писем не выяснена.

Б. Л. Модзалевский, Пушкин. Л., 1929.

*Бартенева* — Петра Ивановича, одного из первых пушкинистов. *Бантыш-Каменский* — Дмитрий Николаевич, в 1847 г. включил в свой «Словарь достопамятных людей Русской земли» биографию Пушкина, составленную главным образом со слов отца поэта; *Воронцов* — Артемий Иванович (дальний родственник бабушки Пушкина М. А. Ганнибал) был восприемником будущего поэта при крещении.

В целом С. А. Соболевский недооценивает значение воспоминаний О. С. Павлищевой, в которых воссоздана атмосфера детских лет Пушкина.

## Л. С. ПУШКИН (17.IV.1805—19.VII.1852)

### 1

Пушкин, П.

Неоконченный отрывок, близкий по мысли к письму от сентября — октября 1822 г. (№ 6).

### 2

Пушкин, П.

Написано в Михайловском в самый светлый период отношений между братьями. *Лайон* (от англ. Lion — «лев») — Пушкин нередко так называл брата; *Сен Пере, Аи* — марки французских вин; *вспомнил о поэте* — стихотворение сохранилось в черновике с пропусками.

### 3

Пушкин, Х.

*Какой-то француз* — А. А. Дюбрюкс, французский эмигрант, начальник Керченских соляных озер. Подробнее о достопримечательностях, виденных Пушкиным в этих путешествиях, см. А. А. Формозов, Пушкин и древности. М., 1979; *Броневского* — Семена Михайловича, в прошлом градоначальника Феодосии, знатока Крыма; *Старику Вергилия* — в 4-й книге «Георгик» Вергилий рассказывает о старике, питавшемся исключительно плодами своего сада; *Элегию* — «Погасло дневное светило...» Этим письмом, посланным из Кишинева, хронологически открывается переписка братьев Пушкиных.

### 4

Пушкин, Х.



Пушкин, Х.

*Полуфранцузское письмо* — подавляющая часть писем Л. С. Пушкина к брату до нас не дошла; *постараюсь сам быть у вас* — Пушкин надеялся, что друзья, в особенности А. И. Тургенев, добьются для него разрешения хоть ненадолго приехать в Петербург, но попал туда только через пять лет после этого письма.

Пушкин, Х.

*В. И. Козлов* — поэт и критик, которого Пушкин считал примером невежества в литературе; *И сплетней разбирать извивую затею* — строка из послания Чаадаеву (1821 г.). Пушкин имел в виду петербургских сплетников (вероятнее всего, Ф. И. Толстого), однако драматург и поэт П. А. Катенин принял намек на свой счет, поскольку был автором комедии «Сплетни»; *Бестужев* — Александр Александрович; *Пленник* — поэма Пушкина «Кавказский пленник», издание которой готовилось в Петербурге; *Батюшков* — Константин Николаевич, в 1822 г. был уже болен душевной болезнью.

Пушкин, Х.

Это письмо, в известной степени отразившее нравственные представления молодого Пушкина, представляет большой интерес. Пушкинист В. Ф. Саводник заметил: «Мы слишком хорошо знаем Пушкина, для того чтобы думать, что эти поучения вполне соответствовали его действительному образу мыслей и чувств; но они свидетельствуют о его настроении в эпоху увлечения Байроном и о той аффектации мизантропии и разочарования, которую он считал нужным проявлять в обществе» (см. Пушкин. Письма, т. I, 1926, с. 256—257); *чем меньше любим мы женщину* — это почти дословно вошло потом в «Евгения Онегина»: «Чем меньше женщину мы любим, // тем легче нравимся мы ей».

Пушкин, Х.

*Мне стало жаль моих покинутых цепей* — строка из «Шильонского узника» Байрона в переводе Жуковского.

*О Кишиневе я вздохнул* — перефразировка строки из «Шильонского узника»: «Я о тюрьме своей вздохнул»; *жить не могу* — Пушкин получал жалованья 700 р. ассигнациями в год; *он вечно бранился* — отец Пушкина Сергей Львович был чрезвычайно скупым человеком.

Пушкин, Х.

К брату в Одессу Лев Сергеевич не приезжал. В Одессе он провел последнее десятилетие жизни.

Пушкин, Х.

Послано из Михайловского.

*Немецкую критику* — в 1823 г. в немецкой книге «Поэтические произведения русских» появилась небольшая заметка об авторе «Кавказского пленника»; *Талию* — альманах «Русская Талия...», издававшийся Булгариным (дальше у Пушкина каламбур, основывающийся на созвучии имени музы комедии Талии и слова «талиа»).

*Евпраксия* — Евпраксия Николаевна Вульф; *Анеткою* — Анна Николаевна, ее старшая сестра; *перстень* — пушкинский перстень-талисман, подаренный ему Е. К. Воронцовой и, видимо, временно находившийся у Льва Сергеевича; *с Михайлом* — М. И. Калашниковым, управляющим селом Михайловским; *Фонвизин* — в строке «Онегина»: «блистал Фонвизин, друг свободы»; *Беседы Байрона* — Пушкин просит прислать книгу «Разговоры лорда Байрона...» (Париж, 1824), а также романы Вальтера Скотта; *записки* — автобиографические записки, которые Пушкин писал в Михайловском, он сжег (за исключением небольших отрывков) при известии о декабрьском восстании; *Сеньке Разине* — Пушкин записывал в Михайловском народные песни о Степане Разине со слов Арины Родионовны. В этих записях также значится Сенька вместо Стеньки. По-видимому, так говорила няня; *чухонка* — поэма Баратынского «Эда».

Пушкин, Х.

*Не стыдно ли...* — в 3-й книге «Мнемозины» Кюхельбекер печатал стихотворение «Демон» с ошибками. «К морю» — все же было помещено в 4-й книге «Мнемозины», и вновь с опечатками. При этом издатели сделали еще примечание: «отпечатано точно в таком виде, в каком оно вышло из-под пера самого Пушкина»; *издатель «Онегина»* — Л. С. Пушкин печатал в то время в Петербурге 1-ю главу «Онегина» с приложенным к ней «Разговором книгопродавца с поэтом», откуда Пушкин цитирует две строки. По-видимому, он просит внести исправления в тот вариант, который был у брата; *1823 год* — «Разговор книгопродавца с поэтом» был написан в Михайловском в 1824 г., Пушкин просит поставить более раннюю дату скорее всего для того, чтобы утаить личные мотивы, содержащиеся в этом стихотворении; *французская цитата* — из басни Лафонтена «Старик и трое молодых»; *предисловие Истории* — Н. М. Карамзин начал предисловие словами: «История в некотором смысле есть священная книга народов»; *закрытие феатра* — балы и все зрелища в Петербурге были

запрещены после ужасного наводнения 7 ноября 1824 г.; *розданном миллионе* — Александр I пожаловал миллион пострадавшим, новость заслонила в газетах все остальные; *без всякого шума* — Пушкин всегда терпеть не мог разглашения своих добрых дел; *в Инвалиде* — газета «Русский инвалид» печатала списки жертвователей; *Панаевым* — Владимиром Ивановичем, Пушкин отрицательно относился к его стихам; *черкешенки* — героини «Кавказского пленника».

12

Пушкин, Х.

*О моем побеге* — опасаясь перлюстрации письма, Пушкин намеренно утверждает, что у него нет и мысли о побеге из Михайловского; *о банкире...* — Пушкин называет темы разговоров, связанные именно с предполагавшимся побегом (Чаадаев был за границей); стихотворные строки — из стихотворения Пушкина «Уединение» («Блажен, кто в отдаленной сени...»).

13

Акад., XIII.

Пушкин не раз писал Плетневу, что его раздражает необязательность Л. С. Пушкина в ведении дел и его болтливость. В данном случае речь идет о задержке с перепиской «Стихотворений». Те два письма, о которых здесь упоминается, не сохранились.

14

Пушкин, Х.

*Воейковой* — Александрой Андреевной («Светлана» Жуковского); Л. С. Пушкин был влюблен в нее, часто бывал в ее доме и писал в альбом стихи брата.

15

Пушкин, Х.

*Вяземскому* — долг Пушкина Вяземскому Лев не заплатил, это сделал Плетнев в марте 1826 г.; *Заикина* — одного из издателей и книгопродавцев братьев Заикиных (Алексей Иванович или Иван Иванович); *деньги или удавиться* — возможно, что срочная нужда в деньгах объясняется планами побега из Михайловского.

16

Пушкин, Х.

Написано из Москвы в Петербург.

Акад., XIV.

Автор письма — поэт-декабрист Федор Николаевич Глинка (1786—1880). Находясь в ссылке в Петрозаводске, он вспоминает о встречах с Л. С. Пушкиным в первой половине 1820-х гг.

Пушкин, X.

Акад., XIV.

*Паскевича-Эриванского* — генерал-фельдмаршала Ивана Федоровича Паскевича, с 1827 г. (после отставки А. П. Ермолова) командира Отдельного Кавказского корпуса; Приказ о переводе в Финляндский драгунский полк был подписан в мае 1831 г.

*Яр* — владелец лучшего ресторана в Москве; *в Чугуеве* — Л. С. Пушкин находился по дороге на Кавказ, туда ему и адресовал Пушкин письмо.

Пушкин, X.

Пушкин, Исследования и материалы. Т. X. Л., 1982.

Письмо написано из Киева. М. В. Юзефович — товарищ Л. С. Пушкина по службе на Кавказе, впоследствии — ближайший его друг; он был знаком с А. С. Пушкиным и оставил о нем воспоминания. В 20-х годах Юзефович был близок к декабристам. У *Раевских* — Александра Николаевича и Николая Николаевича (мл.). О них см. т. 2; *трагедия* — «Борис Годунов», вышедший из печати в самом начале 1831 г.

Пушкин, Исследования и материалы. Т. X. Л., 1982.

Написано из Варшавы. *Я написал брату* — письмо от 21 февраля 1833 г. См. Акад., XV; Переписка. Т. 2.

Пушкин, Х.

Послано из Болдина в Петербург.

*На стуле в канцелярии* — Пушкин оказался прав; определившись чиновником особых поручений в министерство внутренних дел, Л. С. «усидел» там три месяца, затем уволился и принялся «бить баклуши».

*Луи-Филипп* — французский король после революции 1830 г.

Пушкин, Исследования и материалы. Т. X. Л., 1982.

Написано из Петербурга. *Раевский* — Николай Николаевич (мл.); «в петлицу Станислава» — ордена 3-й и 4-й степени прикреплялись к петлице.

Пушкин, Х.

Послано из Петербурга в Москву, куда выехала Н. Н. Пушкина с детьми.

Акад., XV.

Написано из Варшавы после отъезда Л. С. Пушкина.

Пушкин, Х.

*Сашку* — старшего сына Пушкина.

Пушкин, Х.

*Дюме* — владелец ресторана в Петербурге.

Пушкин, Х.

Пушкин, Х.

Акад., XVI.

Письмо написано из Тифлиса. *Вторичную выключку* — Л. С. Пушкин был исключен из службы за неявку в Финляндский драгунский полк в сентябре 1832 г.

Пушкин, Исследования и материалы. Т. X. Л., 1982.

Написано из Пятигорска. *Есть еще утешение* — Л. С. Пушкин собирался вызвать Дантеса на дуэль; *имение отца* — по приказанию Николая I после смерти Пушкина были выплачены только его личные долги, Михайловское было выкуплено для детей Пушкина в 1842 г.

Воспоминания, т. 1.

Лев Сергеевич написал «Биографическое известие» незадолго до смерти. Опубликовано оно было после его кончины — в 1853 г. в журнале «Москвитянин». Несмотря на ряд фактических неточностей, автор сумел воссоздать многие важные эпизоды жизни А. С. Пушкина.

*Одна иностранка* — быть может, Калипсо Полихрони (гречанка, с которой Пушкин познакомился в Кишиневе). *На языке тебе невнятном* — первая строка стихотворения Пушкина «Иностранке» (1822).

Воспоминания, т. 2.

Воспоминания М. В. Юзефовича написаны в 1880 г. в связи с открытием памятника Пушкину в Москве. Знакомство Пушкина с Юзефовичем ограничивается пребыванием на Кавказе в 1829 г. В «Путешествии в Арзрум» упомянут «поэт Ю» — Юзефович.

Воспоминания, т. 2.

Об А. Н. Вульфе см. т. 2 настоящего издания.

Анненков, Материалы.

Бартенев.

*Французское письмо* — «нравоучительное» письмо Пушкина датируется сентябрем — октябрём 1822 г. (См. № 7).

Н. И. Лорер, Записки. М., 1931.

Николай Иванович Лорер (1795—1873) — декабрист, ближайший сотрудник Пестеля по Южному обществу; с 1837 г. был рядовым на Кавказе.

А. И. Дельвиг. Полвека русской жизни. Воспоминания. Т. II. М., 1930. Автор — двоюродный брат А. А. Дельвига; в детстве и ранней юности встречался с Пушкиным у Дельвигов.

Приводимая эпиграмма принадлежит скорее всего не Дельвигу и Баратынскому, а С. А. Соболевскому. Приписывалась она и А. С. Пушкину. *После его отца* — С. Л. Пушкин скончался 29.VII.1848; *Ланских* — вдова Пушкина Наталья Николаевна и ее второй муж П. П. Ланской.

Воспоминания, т. 1.

Включено в изд.: П. А. Вяземский, Старая записная книжка. Л., 1929. Написано в 50-х годах, когда взгляды Вяземского стали консервативными и даже реакционными. Это в известной степени отразилось в характеристике Пушкина, с которой начинается фрагмент. *Жомини да Жомини* — Жомини Генрих, генерал, военный теоретик и историк (сначала на французской, а затем на русской службе). Вяземский намекает на известные строчки Дениса Давыдова: «Жомини да Жомини // а об водке ни полслова» (см. т. 2); *майорат* — неделимое наследственное владение; *когда-то Баратынский* — Вяземский, видимо, ошибается: на одной квартире жили и бедствовали А. А. Дельвиг и Е. А. Баратынский.

А. Р. ЯКОВЛЕВА  
(10.V.1758—31.VII.1828)

Пушкин, I.

Современные исследователи обоснованно считают, что приведенные строки стихотворения «Сон» (незаконченного) посвящены няне.

Пушкин, II.

*Спой мне песню, как синица* — Арина Родионовна пела Пушкину песню «За морем синичка не пышно жила», сочиненную примерно в середине XVIII века.

Пушкин, II.

Отрывок неоконченного стихотворения, обращенного к Арине Родионовне.

Акад., XIII.

Написано под диктовку Арины Родионовны.

*Архип* — крепостной Пушкиных, садовник.

Акад., XIII.

Написано под диктовку Арины Родионовны.

*Прасковья Александровна* — Осипова (см. т. 2).

Пушкин, X.

В ночь с 3 на 4 сентября 1826 г. к Пушкину прискакал фельдъегерь с приказанием ехать в Москву. «Прощенный» царем, он прожил в Москве до начала ноября, а затем возвратился в Михайловское по собственным делам. Встречу с крестьянами Пушкин описывает в этом письме.

Пушкин, X.

7 сентября 1835 г. Пушкин уехал в Михайловское. 25 октября вернулся в Петербург. На следующий день после этого письма Пушкин написал «Вновь я посетил» (см. очерк).

Воспоминания, т. 1.

М. А. Цявловский, Книга воспоминаний о Пушкине. М., 1931.

*Николай Сергеевич* — брат Пушкина Николай, умерший в шестилетнем возрасте; *Осип Абрамыч* и *Петр Абрамыч* — сыновья А. П. Ганнибала — прадеда Пушкина, «царского арапа».

Воспоминания, т. 1.



Воспоминания записаны в 1859 г. со слов бывшего кучера Пушкина, дворового села Михайловского Петра Парфенова.

11

Воспоминания, т. 1.

Автор — дочь П. А. Осиповой (см. т. 2).

Пушкин выехал по вызову Николая I в Москву в ночь с 3 на 4 сентября 1826 г.

12

Анненков, Материалы.

«Жених» написан в Михайловском в июле 1825 г.

13

Н. М. Языков, Стихотворения и поэмы. Л., 1958.

Поэт Н. М. Языков провел в гостях у однокашника по Дерптскому университету А. Н. Вульфа лето 1826 г. Он подружился с Пушкиным и был тронут заботой Арины Родионовны о поэте. *Камена* — муза; *Ареевых наук* — военных наук (от греческого бога войны Арея).

14

Н. М. Языков, Стихотворения и поэмы. Л., 1958.

*Краса ночей застольных* — А. Н. Вульф.

*К своей весне переносилась* — Арина Родионовна рассказывала Пушкину, Языкову и Вульфу о своей юности.

И. И. ПУЩИН  
(4.V.1798—3.IV.1859)

1

Пушкин, I.

4 мая день рождения Пущина; *Старик крылатый* — бог сна и сновидений Морфей (греч.); *Эрот* (греч.) — бог любви; *демон метроманов* — склонность к стихотворству; *Вот кубок; наливай!* — строка из стихотворения К. Н. Батюшкова «Мои пенаты».

2

Пушкин, I.

5 сентября 1814 г. Пушкин, Пущин и Малиновский устроили «гоголь-моголь» с ромом. Об этом стихотворение; *ум и сердце на устах* — лицеисты тотчас признались в своей проделке; *Вакх* —

прозвище бога Диониса (греч.), покровителя растительности, виноградарства и виноделия.

3

Пушкин, I.

4

Пушкин, II.

Закончено в Пскове 13 декабря 1826 г.— в канун первой годовщины декабрьского восстания. В черновом варианте послания, над которым Пушкин работал в 1825 г., после первых пяти строк следовало:

Забывтый кров, шалаш опальный  
Ты вдруг отрадой оживил,  
На стороне глухой и дальней  
Ты день изгнания, день печальный  
С печальным другом разделил.  
Скажи, куда девались годы,  
Дни упований, дни свободы,  
Скажи, что наши? что друзья?  
Где ж эти липовые своды?  
Где ж молодость? Где ты? Где я?  
Судьба, судьба рукой железной  
Разбила мирный наш лицей,  
Но ты счастлив, о брат любезный,  
На избранной чреде своей.  
Ты победил предрассужденья  
И от признательных граждан  
Умел истребовать почтенье,  
В глазах общественного мненья  
Ты возвеличил темный сан.  
В его смиренном основаньи  
Ты правосудие блюдешь,  
Ты честь...

5

Акад., XIII.

*Деньги* — Пушкин передал с Пушным П. А. Вяземскому 600 р., которые брал взаймы у В. Ф. Вяземской в Одессе. *Кюхельбекер* — В. К. Кюхельбекер не смог приехать к Пушкину в Михайловское.

6

Акад., XIII.

*Рылеев поручил...*—7 апреля Пушкин получил с этим письмом «Войнаровского» и «Думы» К. Ф. Рылеева; *по... изданию*

с Селивановским. С. И. Селивановский — московский издатель. Пушкин хлопотал об издании стихов Рылеева. Пушкин отказался от предложения Селивановского.

7

Пушкин, Х.

*Тевтон Кюхля* — Пушкин как бы подтверждает, что Кюхельбекер не был членом тайного общества. Эта фраза, как и последующие, рассчитана на то, что письмо может быть прочитано цензурой. *Великого князя* — брат царя Михаил Павлович был знаком с семейством Кюхельбекера, что давало друзьям надежду на его заступничество, которая не осуществилась; *участь их должна решиться* — Верховный уголовный суд вынес приговор только 10 июля 1826 г.

8

Пушин, Записки...

Письмо Жуковского к С. Л. Пушкину о смерти Пушкина было напечатано в «Современнике», 1837, т. V (с существенными искажениями). Отчеты врачей И. Т. Спасского и В. И. Даля Пушин получил в рукописных копиях.

9

Пушин, Записки...

9 июня — день окончания выпускных экзаменов в Лицее в 1817 г.; *чугунное кольцо* — это прощальные сувениры, которые получили все лицеисты 1-го выпуска; *Егор Антонович* — Энгельгардт.

10

Пушин, Записки...

11

Пушин, Записки...

*Соседа* — поэта П. П. Ершова, через которого Пушин отправил стихотворения Пушкина «Мой первый друг...» и «В альбом Пушину» П. А. Плетневу для публикации в «Современнике».

12

Пушин, Записки...

*Брата Михайлы* — Михаил Иванович Пушин; *покойница А. Г. Муравьева* — Александра Григорьевна Муравьева умерла 22.XI.1832 г.; *Одоевского* — Александра Ивановича.

Пушин, Записки...

Адресат письма — сестра А. Г. Муравьевой, Надежда Григорьевна Долгорукая.

Пушин, Записки...

*Лоди* — П. Д. Лодий, профессор Петербургского педагогического института; *Кошанского* — Николая Федоровича, профессора русской и латинской словесности в Лицее. *Народные песни* — национальными (народными) песнями называли лиценсты куплеты, сочинявшиеся ими, как правило, коллективно; *Ода на свободу* — «Вольность. Ода» (1817); *Захаржевского* — Я. В. Захаржевский занимал должность начальника Царскосельского управления; *шарло* — собака; *Орлов* Алексей Федорович, *Чернышев* Александр Иванович, *Киселев* Павел Дмитриевич — высокопоставленные государственные деятели; *Алексей* — слуга Пушина, бывший с ним в Михайловском; *портрет... в Северных цветах* — речь идет о портрете работы О. А. Кипренского, впервые помещенном в альманахе «Северные цветы» (1828); *был стенограф* — Пушин намекает на Е. И. Якушкина, который записывал впоследствии рассказы декабристов, по его настойчивой просьбе были написаны «Записки о Пушкине»; *майором Раевским* — Владимиром Федосеевичем, близким знакомым Пушкина по Кишиневу; *Розенберг* — В. В., офицер в тюрьме, где были заточены декабристы.

У Пушина описка — Розенберг не мог вернуться в Петровский завод из Петербурга в *январе* 1837 г. Пушкин умер 29 января, тело отпевали 1 февраля.

Пушин, Записки.

Автор воспоминаний о Пушкине — Евгений Иванович Якушкин (1826—1905), сын декабриста, участник общественно-революционного движения 60-х годов, автор научных и библиографических трудов. Ему принадлежит настойчивая инициатива в появлении «Записок» И. И. Пушина, к нему они обращены и ему посвящены. Воспоминания Е. И. Якушкина о Пушкине были напечатаны впервые в 1899 г.

*Моим отцом* — Иваном Дмитриевичем Якушкиным, находившимся на поселении в Ялуторовске вместе с Пушиным.

А. А. ДЕЛЬВИГ  
(6.VIII.1798—14.I.1831)

Пушкин, I.

В 1826 г. Пушкин включил это стихотворение в свой сбор-

ник. По этому тексту оно обычно и печатается. Более раннюю лицейскую редакцию см.: Пушкин, I, с. 453. *Камены* — музы.

2

Пушкин, I.

Подписано под акварельным портретом Дельвига. Стилизовано под надпись к портрету, характерную для начала XIX в. *Нерон* и *Тит* — римские императоры. Первый стал символом тирании и жестокости, второй считался самодержцем просвещенным и умевшим скрывать свои намерения под личиной милосердия. Вполне вероятен здесь намек на Павла I и Александра I.

3

Пушкин, II.

Отрывок из стихотворения «19 октября 1825 года». Пушкин вспоминает приезд Дельвига в Михайловское. *Пермесских* дев — муз (от реки Пермесса, стекающей с горы Геликон). Последние четыре строки продолжают мысль, выраженную в послании «Дельвигу» (№ 1).

4

Пушкин, III.

Стихотворение печаталось под названием «Загадка». *Феокрыт* — греческий поэт, родоначальник жанра идиллий, любимого Дельвигом. *Эдип* — греческий герой (впоследствии — царь Фив), отгадавший загадку Сфинкса, иносказательно — проницательный человек, мудрец. В четырех строчках гекзаметра Пушкин дал характеристику творчества и личности Дельвига. Отгадка: «Дельвиг».

5

Пушкин, III.

Пушкин не отделал окончательно это стихотворение и не печатал его. *Киприда* — одно из прозвищ Афродиты, греческой богини любви и красоты; *Феб* — одно из имен Аполлона, бога света, покровителя поэзии и искусств; *На ипподром, а не на торг* — т. е. на благородное соревнование, а не на стезю торговых писак.

6

Пушкин, III.

25 марта 1836 г. Пушкин посетил мастерскую Б. И. Орловского. *Зевс* — верховный бог греков; *сатир* — низшее лесное божество, демон плодородия; *цевница* — свирель, дудка; *зачина-*

тель *Барклай... совершитель Кутузов* — Б. И. Орловский создал памятники, которые стоят у Казанского собора в Ленинграде; *Ниобея* (Ниоба) — супруга царя Фив, олицетворение горя, страдания. Дельвиг был знатоком и ценителем изящных искусств.

7

А. А. Дельвиг, Стихотворения. М.-Л., 1963.

*Авзония* — поэтическое название Италии (от древнего племени авзонов); *Арей* — бог войны в греч. мифологии; *Паллада* — одно из имен богини мудрости Афины; *Олимп* — священная гора древних греков, считавшаяся обиталищем богов. Дельвиг говорит в этом стихотворении о предназначении поэта, способного подняться над суетой жизни и отличить добро от зла, истину от лжи.

8

А. А. Дельвиг, Стихотворения. М.-Л., 1963.

*Амур* — бог любви; *певца Пиров* — Е. А. Баратынского. Дельвиг не только первым разглядел великое дарование Пушкина, но и ввел в литературу Баратынского и Языкова.

9

Пушкин, Х.

*Парнасский брат* — брат по поэзии; *прозой... утешен* — т. е. письмом; *Гнедич* — Николай Иванович, поэт, издатель «Руслана и Людмилы», приславший Пушкину в Кишинев несколько экземпляров. О путешествии Кюхельбекера см. очерк «В. К. Кюхельбекер». *Четыре части дня...* — перефразировка послания А. Ф. Воейкова В. А. Жуковскому («напиши четыре части дня // Напиши четыре времени // Напиши поэму славную»); *своего «Монаха»* — Дельвиг собирался написать поэму того же названия, что и лицейское стихотворение Пушкина, но своего намерения не осуществил.

10

Пушкин, Х.

Пушкин, вероятно, имеет в виду сонет Дельвига «Вдохновение», напечатанный в «Полярной звезде» в 1823 г.

11

Пушкин, Х.

Письма Дельвига и Пушкина, о которых здесь упоминается, не сохранились. Несколько сонетов Дельвига Пушкин прочитал в журнале «Соревнователь». Среди них был и сонет «Н. М. Язы-

кову», в котором упоминается Пушкин (см. № 8); *новую поэму* — «Евгения Онегина»; *Бируков* — Александр Степанович, петербургский цензор.

12

Акад., XIII.

«Прозерпину» Пушкин окончил 26 августа 1824 г. и послал Дельвигу для альманаха «Северные цветы»; *из Элизея* — из рая (в Прозерпине говорится о «двери Элизея»); *стихов двадцать* — Пушкин послал для «Северных цветов» 40 строк «Онегина»; *Козлов* — Иван Иванович, поэт.

13

Акад., XIII.

Ответ на несохранившееся письмо Пушкина. *Воронцова* — Михаила Семеновича, добившегося высылки Пушкина из Одессы; *Мертво и холодно* — Дельвиг имеет в виду разгул реакционных сил в Петербурге.

14

Акад., XIII.

Написано из Витебска, где Дельвиг гостил у родителей. *Прасковья Александровна* — Осипова, приезжавшая в Петербург и по просьбе Пушкина приглашавшая Дельвига в Михайловское; *в субботу* — Дельвиг задержался еще на две недели.

15

Пушкин, X.

Письмо писалось в те дни, когда Дельвиг гостил в Михайловском; Вяземский исполнил просьбу Пушкина и прислал стихи для «Северных цветов»; *о Полярной* — Пушкин получил от Дельвига альманах «Полярная звезда» (1825), издававшийся К. Ф. Рылевым и А. А. Бестужевым.

16

Пушкин, X.  
См. очерк.

17

Пушкин, X.

*Никита* — слуга Дельвига (см. № 14); *Чичерина* — Варвара Васильевна, двоюродная бабушка Пушкина; *Петр Львович* —

Пушкин, брат отца поэта. Слова об «ужасном положении» — ирония и намеки на сочиненные Пушкиным и Дельвигом стихи о смерти тетушки Анны Львовны (см. очерк В. Л. Пушкин); *Разные стихотворения* — цензор А. С. Бируков подписал разрешение только 8 октября 1825 г.

18

Пушкин, Х.

19

Пушкин, Х.

*Новый Никита* — имеется в виду: полбеда, если письмо потерялось, хуже если оно попало в руки властей; *Салтыкова* — Михаила Александровича.

20

Пушкин, Х.

*Без толку* — письмо Дельвига, о котором пишет Пушкин, не сохранилось, но в любом случае Дельвиг по цензурным условиям не мог написать «с толком», т. е. рассказать о положении дел в Петербурге и о хлопотах об освобождении Пушкина; *две строчки...* — одним из поводов высылки Пушкина из Одессы было перехваченное властями его письмо с атеистическими высказываниями; Alfieri (В. Альфиери) — итальянский писатель. В книге «Пушкин в александровскую эпоху» П. В. Анненков писал о настроении, связанном с этим письмом Пушкина: «Круг арестов все более и более расширялся, захватывая большинство его знакомых. Каждый день приносил известия, часто самые неожиданные, об арестовании лиц, всего менее подозревавшихся кем-либо в дерзких замыслах против государства. Мало-помалу вокруг Пушкина начинало образовываться нечто похожее на пустоту, которая является в среде товарищей после жаркого дела. Несколько разрозненных и чудом уцелевших личностей поглощено было теперь мыслию о спасении самих себя в общем крушении их дружины».

21

Пушкин, Х.

*Апостол Павел* — Пушкин перефразирует выражение из Библии (1-е послание к коринфянам, гл. 7, ст. 8—9). Этим заканчиваются приводимые в подборке письма Пушкина к Дельвигу из ссылки.

22

Акад., XIII.

*Другое письмо* — возможно, что речь идет о письме Анны



Николаевны Вульф (см. т. 2); *Осипова* — Прасковья Александровна; *проводить Льва* — Л. С. Пушкин отправлялся к месту службы в Грузию; *жениться* — Пушкин сватался в 1826 г. к С. Ф. Пушкиной.

23

Пушкин, X.

Письмо написано из Михайловского в Ревель, куда Дельвиг повез на воды заболевшую жену. При письме переслана элегия «Под небом голубым...», предназначенная для «Северных цветов». *Погодина* — Михаила Петровича, редактировавшего журнал «Московский вестник», в котором принимал участие Пушкин. *Послание о черепе* — стихотворение «Череп»; за *прозу* — Пушкин начал «Царского арапа» («Арапа Петра Великого»); *Булгарин* Фаддей Венедиктович, «полицейский литератор» (выражение Вяземского), связанный с III Отделением; *Сомов* — Орест Михайлович, писатель, сотрудник Дельвига по «Северным цветам». Сочинение Булгарина о Карамзине в «Северных цветах» напечатано не было; *наше молчание* — правдивая статья о Карамзине в тех условиях не могла быть напечатана.

24

Акад., XIV.

*Фаддей Венедиктович* — Булгарин, публиковавший лживые, а подчас и клеветнические отзывы о произведениях Пушкина. В этом письме Дельвиг шутливо пародирует евангельский стиль.

25

Акад., XIV.

26

Пушкин, X.

Это письмо из Болдина стало последним обращением Пушкина к Дельвигу. «Цветочная подать» из Болдинского «урожая» (т. е. произведения, предназначенные для «Северных цветов») — «Монастырь на Казбеке», «Обвал», «Ответ анониму», «На холмах Грузии лежит ночная мгла» и др. *Полевого* — Николая Алексеевича, журналиста и историка, литературного противника Дельвига и Пушкина.

27

Пушкин, X.

Пушкин, Х.

Пушкин, Х.

Баратынский биографию Дельвига не завершил (наброски не сохранились). *Что душу волнует...* — не совсем точная цитата из баллады «Граф Габсбургский» в переводе Жуковского.

Пушкин, Х.

*Два брата* — двоюродные братья Дельвига: Андрей Иванович и Александр Иванович; *потерявшей...* — у С. М. Дельвиг были украдены ломбардные билеты на большую сумму. Вяземский принял участие в «Северных цветах» 1832 года, изданных в пользу семьи Дельвига.

Пушкин, VII.

Пушкин статью о Дельвиге не закончил и не печатал ее. *Рахмановой* — это ошибка, фамилия матери Дельвига — Красильникова. У Дельвига были родственники Рахмановы, которых знал Пушкин. Поэтому и возникла неточность; *живым лексикон* — В. К. Кюхельбекером; *первые опыты* — ода «На взятие Парижа» напечатана в «Вестнике Европы» в 1814 г.; *опресноки* — лепешки из пресного теста; *стихи одного из его товарищей* — Пушкин скорее всего имеет в виду А. Д. Илличевского, но некоторые исследователи предполагают, что он говорит о своих собственных ранних стихах.

Пушкин, VII.

Текст входит в «Отрывки из писем, мысли и замечания», напечатанные в «Северных цветах» за 1828 г. Однако издатель альманаха — Дельвиг воспротивился публикации этих строк, как комплиментарных по отношению к нему. Близкие мысли высказаны Пушкиным в стихах 1829 г. (см. № 4).

Пушкин, VIII.

«Русские писатели о Пушкине», М., 1936.

«Русские писатели о Пушкине», М., 1936.

Над статьей о «Борисе Годунове» Дельвиг работал в последние дни жизни. Она была напечатана в «Литературной газете» (1831, ч. III, № 1, 2) без имени автора. В № 4 сообщено, что эти незаконченные заметки принадлежат перу Дельвига.

«Дмитрий Самозванец» — роман Ф. В. Булгарина (1830).

Керн, Воспоминания.

Речь идет о 1828 г.

Керн, Воспоминания.

Стихотворение Дельвига «Прекрасный день...» было напечатано в «Полярной звезде» за 1824 г.

Б. Л. Модзалевский, Пушкин. Л., 1929.

Переписка Софьи Михайловны Дельвиг с ее подругой Александрой Николаевной Семеновой (в замужестве Карелиной) содержит ряд ценных наблюдений и бытовых деталей, связанных с жизнью и литературной работой Пушкина и Дельвига. Письма опубликованы и прокомментированы Б. Л. Модзалевским в книге «Пушкин». Воспроизводим фрагменты нескольких писем.

Анненков, Материалы...

Воспоминания, т. 2.

*В своем месте* — по утверждению А. И. Дельвига, архив А. А. Дельвига был уничтожен его друзьями, в частности М. Л. Яковлевым, из опасений жандармского обыска, и это было сделано без согласия Пушкина и Баратынского; *Раевская* — Степанида Алексеевна; *Ланская* — Ольга Степановна, жена В. Ф. Одоевского; *сколько очистилось* — выручка от издания «Северных цветов» 1832 г. была очень небольшая; *исполнено не было* — Пушкину, несмотря на все усилия, не удалось выпустить еще один альманах в пользу семьи Дельвига; *несколько надменно* — А. И. Дельвиг во многом субъективно и неверно оценивает характер Пушкина; *бывший шеф жандармов* — Бенкендорф умер

в 1844 г., над воспоминаниями А. И. Дельвиг работал вплоть до 1880-х годов; «*Аристократов на фонарь*» — песня, популярная во Франции в период революции 1789 г.

В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР  
(10.VI.1797—11.VIII.1846)

1

Пушкин, I.

Стихотворение было впервые напечатано под заголовком «Кюхельбекеру» в 1820 г.

2

Пушкин, II.

3

В. К. Кюхельбекер. Избранные произведения в 2-х т. Т. I, М., 1967.

*Кронида* — Зевс; *хариты* — три богини красоты и веселья, спутницы Афродиты.

4

В. К. Кюхельбекер. Избранные произведения. Т. I.

*Клеврет* — в старинном употреблении: сторонник, сотоварищ,

5

В. К. Кюхельбекер. Избранные произведения. Т. I.

*Ахилл* — герой Троянской войны, олицетворение красоты и силы; Грибоедов был убит в 1829 г.

6

Акад., XIII.

*из Алкорана* — «Подражания Корану»; *Как он молод и свеж* — неточная цитата из песни Земфиры («Цыганы»).

7

Пушкин, X.

«*Духов*» — драматическую шутку Кюхельбекера «Шекспировы духи»; *Калибан* — персонаж «Бури» Шекспира, выведенный и в пьесе-шутке Кюхельбекера; *пародировать Жуковского* — одно из основных литературных разногласий между Пушкиным и Кюхельбекером заключалось в разном отношении к творчеству

Жуковского. Кюхельбекер писал: «Не позволим ни ему, ни кому другому, если бы он владел и вдесятеро большим перед ним дарованием, наложить на нас оковы немецкого или английского владычества!» «Шекспировы духи» — во многом пародия на Жуковского; *Цертелеву* — Николаю Андреевичу, поэту и критику с консервативных позиций критиковавшему Жуковского; *Сир* — господин. Пушкин цитирует строку из «Шекспировых духов»: «Сир слово старое; прочтут иные! сыр»; *Стада главы моей* — Кюхельбекер имел в виду «мысли»; *Ариель* — персонаж «Бури» Шекспира; *Шихматов* — С. А. Ширинский-Шихматов, литературный противник писателей пушкинского круга. Кюхельбекер отводил ему «одно из первых мест» в русской поэзии.

Кюхельбекер не успел до ареста получить это письмо.

8

Акад., XIII.

*Негодных Славян* — Дельвиг отправляет письмо почтой и потому так именует тайное общество: если письмо будет прочитано, такая аттестация может принести пользу Кюхельбекеру. Ответ на это письмо см.: «Пушкин», № 7.

9

Пушкин, VIII.

*Шиллерова «Духовидца»* — «Духовидец, история, взятая из записок графа О\*\*\* и изданная Фридрихом Шиллером» (1818); *поляки* — члены национального патриотического товарищества, связанного с декабристами. Последняя встреча Пушкина с Кюхельбекером произошла на ст. Залазы.

10

Акад., XIV.

*Позмы* — мистерии «Ижорский»; *С. Бегичеву* — Степану Никитичу, близкому другу Грибоедова.

11

Акад., XIV.

*Помфрет* — замок, упоминаемый в «Ричарде II» Шекспира; *Мицкевич, Одынец, Немцевич* — польские писатели; *узники Двинском* — Динабург (Даугавпилс), где был заточен Кюхельбекер, находится на Западной Двине (Даугаве); *историографа* — Н. М. Карамзина.

12

Пушкин, X.

*Девница Кюхельбекер* — Юлия Карловна, младшая сестра Кюхельбекера. Бенкендорф отказал Пушкину в его просьбе.

Пушкин, Х.

*А. Н. Мордвинов* — управляющий третьим отделением, ближайший помощник Бенкендорфа. На обе просьбы Пушкина был дан положительный ответ.

Акад., XVI.

*Не писал к тебе* — высказывались предположения, что Кюхельбекер намеренно умалчивает о письмах, переправленных им Пушкину из Динабурга (см.: Переписка, Т. 2, с. 247), однако не исключено, что он просто позабыл о них.

Акад., XVI.

*Кюхельберга* — в III Отделении спутали фамилию Кюхельбекера. Письма от него Пушкин получал через семью Ю. К. Глинка или их дальнего родственника С. Н. Дирина. Комментарий см.: А. С. Пушкин. «Письма последних лет», с. 305—306.

Акад., XVI.

Нет сведений, получил ли Пушкин это письмо. Ответные его письма Кюхельбекеру не сохранились.

Акад., XVI.

Свадьба Кюхельбекера состоялась 15 января 1837 г.

*Бенедикт и Беатриче* — персонажи комедии Шекспира «Много шума из ничего». Стихи — ответ Кюхельбекера на пушкинское «19 октября 1825 года» (У Пушкина: «мой брат родной по музе, по судьбам!»; у Кюхельбекера: «О брат мой!»). *Назон* — древнеримский поэт Овидий, Публий Назон; *Лейнус* — река в Эстонии; *Торкватовой судьбою* — итальянский поэт Торквато Тассо — узник и в старости слепец.

В. К. Кюхельбекер, Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979.

*Три поэмы* — «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан»; издателя «Северного архива» — Ф. В. Булгарина.

В. К. Кюхельбекер, Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979.

Пушкин, VII.

Неоконченная статья. Пушкин возражал против чрезмерного возвеличения Кюхельбекером жанра оды и противопоставления ее элегии.

В. К. Кюхельбекер, Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979.

*Оаза* — оазис; *Уленька* — младшая сестра; *Робертсона* — сочинение английского автора У. Робертсона «История правления Карла V»; «*нападки на\*\*\**» — Кюхельбекер был уверен, что под тремя звездочками, которые стояли раньше в 14-й строфе 8-й главы «Онегина», Пушкин подразумевал его, т. е.: «Вильгельм, прости...» и т. д. (теперь во всех изданиях уточнено: «Шишков, прости»); *Сен-Прё* — герой романа Ж.-Ж. Руссо «Новая Элоиза»; *Фонтенель* — французский писатель; *четыре повести Пушкина* — Кюхельбекер получил книгу «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П.» СПб., 1831; *Упрекает Булгарин* — речь идет о статье «Письма о русской литературе», напечатанной в «Сыне отечества», 1833, ч. 33. *Илличевский* — А. Д. Илличевский умер 6.X.1837 г.

ЛН, 16—18.

Большая семья старшей сестры Кюхельбекера любила и поддерживала поэта. К Глинкам-племянницам обращены многие письма Кюхельбекера.

ЛН, 16—18.

«*Чернь*» — имеется в виду стихотворение «Поэт и толпа» (1828).

ЛН, 16—18.

*Полевые* — Кюхельбекер скорее всего имеет в виду не братьев Н. А. и К. А. Полевых, а литературных противников Пушкина вообще.

ЛН, 16—18.

*Пенаты* — боги-покровители семьи и домашнего очага, здесь — родные места Кюхельбекера; *Терпсихора* — муза танца.

Пушкин, Записки.

Пушкин, Записки.

*Наш город* — Ялutorовск; *на гласисе крепостном* — 13 июля 1826 г. осужденных декабристов собрали для объявления приговора на насыпи (гласисе) Петропавловской крепости.

Я. К. Грот, Пушкин.

ЛН, 16—18.

Этот отрывок интересен как свидетельство доброй памяти и любви дочери Кюхельбекера к отцу. *Греч* — Николай Иванович, автор «Записок о моей жизни». Дуэль была не с Пушиным, а именно с Пушкиным.

ЛН, 16—18.

И. В. МАЛИНОВСКИЙ  
(1796—10.II.1873)

## 1

Пушкин, I.

Обращаясь в этой строфе к «Казaku» — Малиновскому, Пушкин вспоминает казацкого атамана времен войны 1812 г. М. И. Платова.

## 2

ЛН, 58.

«Ворон» — имеется в виду стихотворение «Ворон к ворону летит» (1828), где есть строки:

Сокол в рощу улетел,  
На кобылку недруг сел,



А хозяйка ждет милого  
Не убитого, живого.

*С рыжим пламенем во взоре* — Малиновский имеет в виду бесстрашие Пушкина и его готовность постоять за свою честь; *доказал бы... на месте* — т. е. не допустил бы гибели Пушкина; *едва ли и прокурор бы пропустил* — т. е. убийца Пушкина не ушел бы от наказания.

3

Воспоминания, т. 2.

Воспоминания К. К. Данзаса впервые были собраны в книге: А. Аммосов, Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина. Со слов бывшего его лицейского товарища и секунданта Константина Карловича Данзаса. СПб., 1863. *Арендт Н. Ф.*, лейб-медик, лечивший раненого Пушкина.

4

Пушкин, Записки.

*Тырков А. Д.* — лицеист.

5

Пушкин, Записки.

Фрагменты нескольких писем И. И. Пущина, не имеющие прямого отношения к Пушкину, публикуются здесь, поскольку содержат характеристику ближайших лицейских друзей поэта (см. также: «Ф. Ф. Матюшкин»).

6

Пушкин, Записки.

*Бывший предводитель* — И. В. Малиновский (почерк его был очень неразборчив).

7

Пушкин, Записки.

*К тебе одному* — Мария Ивановна Малиновская (Пущина) скончалась в 1844 г.; *Тони* — Антон, сын Малиновских; *Бедная Варя* — Варвара Ивановна Пущина, сестра декабриста; *Мария Васильевна* — сестра И. В. Малиновского, вдова (с 1841 г.) их общего лицейского товарища В. Д. Вольховского; *Оболенский Е. П.* — декабрист, близкий друг Пущина; *Аннет* — Анна Ивановна, сестра Пущина.

Пушкин, Записки.

Пушкин, Записки.

Пушкин, Записки.

*Катерина Федосеевна*—Малиновская, племянница В. Д. Вольховского, вторая жена И. В. Малиновского.

Пушкин, Записки.

*Калинич Ф. П.*—учитель чистописания в Лицее.

Ф. Ф. МАТЮШКИН  
(10.VII.1799—16.IX.1872)

Пушкин, П.

*На долгую разлуку*—напоминание о прощальной лицейской песне Дельвига: «Судьба на вечную разлуку, // Быть может, съединила нас».

В. К. Кюхельбекер, Избранные произведения.

*Ианет* (Япет) — титан, отец Прометея.

Я. К. Грот, Пушкин.

Пушкин, Записки.

Написано из Ялutorовска.

Два товарища, с которыми Пушкин совершал путь из Шлиссельбурга в Сибирь: А. В. Поджио и П. А. Муханов.

*Аннет*—сестра Пушкина; *Муравьев-Апостол*—Матвей Иванович; *Энгельгардтова книга*—4 тома материалов о России, изданных Е. А. Энгельгардтом в 1828—1832 гг.

Пушкин, Записки.

*Лицейский Жанно*—портрет Пушкина в юности работы

М. И. Терebeneва; *Екатерина* — Е. И. Набокова, сестра Пущина; *Аннушка* — дочь И. И. Пущина; *Михайло* — брат И. И. Пущина, Михаил Иванович, помогавший ему материально; *Зырянов* — тюменский знакомый Пущина; *Балакишн* — житель Ялуторовска, постоянно помогавший декабристам; *Аннет* — А. И. Пущина, ездившая с Матюшкиным в Царское Село.

6

Пущин, Записки.

7

Пущин, Записки.

*Зике* — владелец магазина музыкальных инструментов в Петербурге.

8

Пущин, Записки.

Письмо написано, когда возвратившийся из Сибири Пущин работал над записками о Пушкине. *Елизавета Алексеевна* — императрица, жена Александра I. Стихотворение «На лире скромной, благородной» относится к 1818 г.

9

ЛН, 16—18.

10

Бартенев, Пушкин...

11

Я. К. Грот, Пушкин.

12

Я. К. Грот, Пушкин.

М. Л. ЯКОВЛЕВ  
(19.IX.1798—4.I.1868)

1

Пушкин, I.

Акад., XIV.

*Софья Михайловна* — вдова Дельвига уезжала в Москву; по мнению Л. Б. Модзалевского (Письма, III), Пушкин оставался должен ей за свой портрет работы О. А. Кипренского, который принадлежал Дельвигу и был выкуплен Пушкиным после его смерти.

Пушкин, X.

Пушкин писал из Царского Села в Петербург. *Северные цветы* — Пушкин имеет в виду альманах 1832 г., изданный в пользу семьи Дельвига; *трагедии...* *Кюхли* — «Аргивяне» и «Архилох»; *баллада* — «Жил на свете рыцарь бедный».

Акад., XIV.

*Незваной госты* — холеры.

Пушкин, X.

*Нижегородское имение* — Кистенев, деньги из Опекунского совета («ломбарда») Пушкин получил 20 июля.

Пушкин, X.

Официальная бумага от Пушкина была необходима Яковлеву для того, чтобы получить от начальства соответствующую резолюцию. Начальник II Отделения распорядился: «В рассуждении заготовления бумаги на печатание сочинения г. Пушкина, формата оной, шрифта и вообще издания книги исполнить по желанию сочинителя».

Пушкин, X.

Записка написана на обложке 1-й главы рукописи «Истории Пугачева». Внося небольшую правку, Пушкин глава за главой возвращал рукопись Яковлеву для набора.

Пушкин, X.

Возвратившись в середине октября 1834 г. из Болдина, Пушкин

кин участвовал в праздновании 23-й годовщины Лицея у Яковлева. Записка подписана лицейским номером Пушкина: № 14.

9

Акад., XVI.

*Перепечатки* — Яковлев перепечатал ряд листов, в которых были обнаружены ошибки.

10

Пушкин, X.

Об этом письме см. очерк.

11

Пушкин, X.

*Записка о святых* — возможно, «Словарь исторический о святых...» или какие-либо материалы, с ним связанные.

12

Акад., XVI.

*Краевский А. А.* — журналист, редактор «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду»; *за книгу* — возможно, Пушкин послал Яковлеву новое полное издание «Евгения Онегина», вышедшее в первые дни 1837 г.

13

К. Я. Грот, Пушкинский лицей (1811—1817). СПб., 1911.

14

К. Я. Грот, Пушкинский лицей.

Протокол празднования 25-й годовщины до пункта 5-го включительно написан рукой Пушкина, с пункта 6-го — Яковлева.

15

П. А. Вяземский, Старая записная книжка. Л., 1929.

16

Я. К. Грот, Пушкин...

М. И. Глинка, Записки. М.-Л., 1930.  
*Лигле* — пианистка.

Е. А. Сушкова, Записки. 1812—1841. Л., 1928.  
 Екатерина Александровна Сушкова (в замужестве Хвостова) — предмет юношеского увлечения М. Ю. Лермонтова. Мемуаристка рассказывает о вечере у Сушковых в декабре 1834 г.

Н. Гастфрейнд, Товарищи Пушкина по имп. Царскосельскому лицей. Т. 1. СПб., 1912.  
 Рукопись была передана в Лицей, положив начало его музею.

В. А. ЖУКОВСКИЙ  
 (29.I.1783—12.IV.1852)

Пушкин, I.

В 1818 г. Жуковский издавал в ограниченном количестве экземпляров, с надписью «для немногих», книжки своих переводов параллельно с оригинальными текстами.

Пушкин, I.

Пушкин имеет в виду портрет Жуковского работы О. А. Кипренского, гравированный в 1818 г. Вендрамини.

В. А. Жуковский, Сочинения в трех томах. М., 1980. Т. 1.  
 В 1838 г. Жуковский подарил поэтессе Е. А. Ростопчиной альбом для стихов, принадлежавший Пушкину, и вписал в него несколько своих стихотворений — в том числе и это, представляющее собой поэтическое переложение соответствующего места из письма Жуковского к отцу поэта Сергею Львовичу (№ 40).

ЛН, 58.

*Послание* — речь идет о стихотворении «К Жуковскому»: «Благослови, поэт!..»

ЛН, 58.

Акад., XIII.

*Сверчок* — арзамасское прозвище Пушкина; письма Пушкина Жуковскому из южной ссылки не обнаружены; *Сафианос* — Пушкин просил Жуковского помочь с устройством в одно из казенных заведений 8-летней сироты, дочери греческого революционера (см. № 7). *Демона* — стихотворение Пушкина «Демон» было напечатано в 1824 г. в 3-й книге «Мнемозины»; *завтра... твой ангел* — именины Александра Пушкина.

Пушкин, X.

Это письмо, написанное уже из Михайловского, еще полно «южных» забот и треволнений.

*Русского подполковника* — дядя девочки-гречанки служил в дивизии М. Ф. Орлова; *Марии* — вдовствующей императрицы Марии Федоровны; *что у меня на сердце* — Пушкин имеет в виду свою высылку из Одессы.

Пушкин, X.

*Пещуров А. Н.* — уездный предводитель дворянства, которому был поручен надзор за Пушкиным в первые месяцы пребывания поэта в Михайловском. В конце октября 1824 г. Пушкин обратился к псковскому губернатору Б. А. Адеркасу с просьбой ходатайствовать перед царем о переводе его в одну из своих крепостей (т. е. тюрем). Однако по стечению обстоятельств письмо Пушкина не было доставлено губернатору. Сергей Львович впоследствии отказался от своих абсурдных обвинений (см. № 10).

Акад., XIII.

*Онегина и Разговор* — Лев Сергеевич передал Жуковскому в рукописи 1-ю главу «Евгения Онегина» и «Разговор книгопродавца с поэтом».

Пушкин, X.

*Глупого письма* — письмо Пушкина к Вяземскому из Одессы, где было сказано: «Беру уроки чистого афеизма» (т. е. атеизма); *гречанки* — см. № 6; *полумилорд Воронцов* — Пушкин име-

ет в виду собственную эпигramму на М. С. Воронцова; *твоими стихами* — какие именно стихи Жуковского имел в виду Пушкин, неизвестно.

11

Пушкин, Х.

*Бестужев* — Александр Александрович; *статье Плетнева* — имеется в виду опубликованная в «Северных цветах» за 1825 г. статья П. А. Плетнева «Письмо... о русских поэтах»; *строгим приговором* — в кругах декабристов существовало мнение об упадке творчества Жуковского и об отсутствии в нем русской самобытности; *Батюшкова* — речь идет о душевной болезни поэта К. И. Батюшкова.

12

Акад., XIII.

*Аневризм* — см. примечание к № 5 в подборке материалов об О. С. Павлищевой. Стремление Жуковского прислать опытного врача в Псков или добиться разрешения на приезд Пушкина в Ригу для операции шло вразрез с планами Пушкина; *Пауллучи Ф. О.* — губернатор остзейских провинций (в том числе и Рижской губернии).

13

Пушкин, Х.

*Романтиком, а не греком* — мечтателем, а не человеком действия.

14

Пушкин, Х.

*В «Телеграфе»* — статья Вяземского «Жуковский. Пушкин. О новой пиитике басен» («Телеграф», 1825, № 4). Вяземский писал: в Пушкине «нет ничего Жуковского, но между тем Пушкин есть следствие Жуковского»; *В бореньях с трудностью* — из послания Вяземского к Жуковскому; *Voss* — И. Г. Фосс, немецкий переводчик Гомера.

15

Акад., XIII.

Жуковский думал, что Пушкину необходима срочная хирургическая операция. *Мойер*, Иван Филиппович — дерптский хирург, муж покойной племянницы Жуковского М. А. Протасовой (см. очерк). Пушкин вынужден был письмом извиниться перед Мойером и просить его не приезжать. См. также «О. С. Павлищева», № 5.



Акад., XIII.

Жуковский считал, что новые обращения к царю с просьбой вернуть Пушкина из ссылки в тот момент не дадут результата.

Пушкин, X.

Ответ на письмо Жуковского (№ 16).

Пушкин, X.

*Раевские* — друзья Пушкина, Александр Николаевич и Николай Николаевич (мл.), см. очерк в т. 2; *майором Раевским* — Владимиром Федосеевичем, членом Южного общества; *генералом Пуцциным* — Павлом Сергеевичем, управляющим масонской ложей в Кишиневе, закрытой правительством в 1821 г.; *Орловым* — Михаилом Федоровичем, декабристом; *в безверии* — см. прим. к № 10.

Акад., XIII.

*Письмо серьезное* — Пушкин отправил такое письмо Жуковскому 7 марта 1826 г. Оно должно было помочь Жуковскому начать хлопоты о возвращении Пушкина из ссылки.

Пушкин, X.

Акад., XIII.

Ответ на письмо Пушкина (№ 18). Жуковский был потрясен декабрьскими событиями 1825 г. и участью многих друзей. Этим объясняется тон письма. Хлопоты Жуковского и других друзей Пушкина о возвращении его из ссылки вскоре возобновились.

ЛН, 58.

Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895.

Пушкин и Жуковский встретились в Петербурге в конце октября 1827 г.

24

Пушкин, X.

Письмо написано из Москвы вскоре после женитьбы, Пушкин благодарит Жуковского за переданные поздравления. После возвращения Пушкина из ссылки они с Жуковским не переписывались. *Новых баллад* — после десятилетнего перерыва Жуковский готовил к печати книгу баллад; *былое с ним сбывается опять* — цитата из Жуковского: «Не умерло очарование // Былое сбудется опять».

25

Акад., XIII.

Записка относится к периоду жизни обоих поэтов в Царском Селе.

Жуковский знакомился с «урожаем» Болдинской осени 1830 г. Он читал маленькие трагедии, «Домик в Коломне» («сказку октавами», «Повести Белкина» («прозаические сказки»).

26

Пушкин, X.

*Для журнала* — в то время планы Пушкина издавать журнал не осуществились.

27

Акад., XV.

25 июня 1834 г. Пушкин через А. Х. Бенкендорфа подал царю прошение об отставке. Это было связано с материальными, семейными делами, а главное — со стремлением к независимости. Унизительное для поэта пожалование в камер-юнкеры также сыграло свою роль. Неудовольствие царя было столь явным и запрещение пользоваться архивами столь категоричным, что Жуковский вынужден был предупредить Пушкина об опасности ссоры с Николаем I. Жуковский советовал забрать просьбу назад, обратившись прямо к царю. Но Пушкин вновь написал Бенкендорфу «сухое» письмо, соглашаясь остаться на службе.

28

Пушкин, X.

29

Акад., XVI.

Этим письмом начинается последний «цикл» переписки двух поэтов, которая возникала почти исключительно в кризисные мо-

менты жизни Пушкина. 4 ноября друзья Пушкина получили «подметное письмо» (пасквиль). В тот же день Пушкин вызвал Дантеса на поединок. И в тот же день Дантес сделал предложение сестре жены Пушкина. В улаживании всего дела Жуковский играл первостепенную роль. Вместе с Е. И. Загряжской он добился отсрочки поединка, а потом и отказа от него. *Вельгорского* — Михаила Юрьевича Вельгорского.

Подробности последних месяцев жизни Пушкина см.: П. Е. Щеголев, *Дуэль и смерть Пушкина*. Изд. 3-е. М.-Л., 1928; В. А. Соллогуб, *Воспоминания*. М.-Л., 1931; М. И. Яшин, *Хроника преддуэльных дней*. — «Звезда», 1963, № 8—9; см. также *Воспоминания*, т. 2.

### 30

Акад., XVI.

*Загряжская* — Екатерина Ивановна, тетка Н. Н. Пушкиной, имела большое влияние на Н. Н. Пушкину, пользовалась уважением поэта. *Вчерашний твой приход* — получив записку Жуковского (№ 27), Пушкин отправился к Вельгорскому для встречи с Жуковским, где, вероятно, и высказал предположение, что III Отделение может вмешаться в его личные дела; *брульон* — черновик; *с письмом его* — Пушкин отказывался вести всякие переговоры с Геккернами, и переданное через Жуковского письмо Геккерна-старшего пришлось возвратить обратно.

### 31

Акад., XVI.

*Екатерине Андреевне и Софье Николаевне* — Карамзиным. Пушкин отчасти посвятил их в историю с вызовом и переговорами, понимая, насколько невыгодно выглядят в ней Геккерны; *дело о коем... идут толки* — сватовство Дантеса к свояченице Пушкина Е. Н. Гончаровой; *с этой стороны... чист* — т. е. Дантес женится не потому, что испугался дуэли; *тайна... умерла навсегда* — Жуковский надеялся, что, сохранив тайну вызова Пушкиным Дантеса на дуэль, удастся, после свадьбы Дантеса с Е. Н. Гончаровой, навсегда покончить с этой историей.

### 32

Акад., XVI.

*Подвиги Раевского* — скандал, учиненный А. Н. Раевским Е. К. Воронцовой в Одессе; *твоей тетушки* — Е. И. Загряжской; *добрый гений* — возможно, что В. Ф. Вяземская, посвященная в намерения Пушкина. Пушкин не верил ни в то, что Геккерны не причастны к пасквилю, ни в то, что сами Геккерны хранят тайну. В этих условиях его молчание означало бы спасение Геккернов от общественного суда. Жуковский в стремлении во что бы то ни стало уладить дело миром не придавал значения мотивам Пушкина.

Акад., XVI.

Никакие обиды не затмевали для Жуковского главное: необходимость спасти Пушкина.

Щеголев, Дуэль.

*Дубельт* — Л. В., начальник корпуса жандармов, принимавший участие в «посмертном обыске» у Пушкина. Просьба Жуковского о разборе бумаг у него дома была исполнена. Подробно см.: М. А. Цявловский, Статьи о Пушкине. М., 1962.

Щеголев, Дуэль.

Щеголев, Дуэль.

*Указы... данные кн. Долгорукову* — князь В. В. Долгоруков передал Пушкину письма и рескрипты Петра I его предкам.

Воспоминания, т. 2.

*Корбова рукопись* — запрещенная в России книга И. Корба «Дневник поездки в Московское государство в 1608 г.», Вена, 1700 (у Пушкина, по-видимому, была рукопись русского перевода); *тайные агенты* — друзей Пушкина обвиняли в том, что они намеренно раздувают народное возмущение гибелью Пушкина, стремясь достичь собственных политических целей; *за государя, очистившего, успокоившего конец Пушкина* — Жуковский сознательно распространял версию о том, будто Пушкин умер верно-подданным христианином, примирившимся с царем. Это, как считал Жуковский, поможет обеспечить будущее семьи Пушкина, издать его сочинения и отвратить удар от его друзей.

Щеголев, Дуэль.

Деревня, о которой пишет Жуковский, — Михайловское. Она не была выкуплена для вдовы и детей Пушкина. С. Л. Пушкин «пенсiona» не получил. Долги поэта были погашены, единовременное пособие выдано. *Строганов* — Г. А., родственник Н. Н. Пушкиной.

Щеголев, Дуэль.

Воспоминания, т. 2.

Как и другие материалы Жуковского, это письмо — один из первоисточников всех сведений о смерти Пушкина. Вместе с тем это художественный документ, равный которому трудно отыскать среди мемуарных и эпистолярных свидетельств о Пушкине. *Шольц, Задлер, Саломон, Спасский* — врачи, осматривавшие раненого Пушкина; *Даль* — Владимир Иванович, близкий знакомый Пушкина, врач, писатель, лексикограф; *Барант* — французский посол в Петербурге; *Люцероде* — саксонский посланник в Петербурге; *снять маску* — это сделал скульптор Гальберг.

ЛН, 58.

*Дмитриев* — Иван Иванович, сановник в отставке, поэт, близкий знакомый семейства Пушкиных, друг Н. М. Карамзина. И. И. Дмитриев жил в Москве, и Жуковский считал необходимым сообщить ему, что все подробности дуэли и смерти Пушкина изложены в письме к отцу поэта.

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ  
(12.VII.1792—10.XI.1878)

1

Пушкин, П.

2

Пушкин, П.

Начальные строки неоконченного послания к Вяземскому.

3

Пушкин, П.

Отправлено Вяземскому в письме от 14 августа 1826 г. Это ответ на большое стихотворение Вяземского «Море», посланное Пушкину из Ревеля в Михайловское с письмом от 31 июля 1826 г.:

Как стая гордых лебедей  
На синем море волны блещут,  
Лобзаются, ныряют, плещут  
По резвой прихоти своей;

Как упивается мой слух  
Их говором необычайным.  
Как сладко передается дух  
Мечтам пленительным и тайным.

Как раз в это время до Пушкина дошел слух (оказавшийся ложным), что в Петербург везут морем из Лондона выданного английским правительством Николаю I декабриста Н. И. Тургенева. Отсюда: «На всех стихиях человек — // Тиран, предатель или узник».

4

П. А. Вяземский, Сочинения в двух томах. М., 1982. Т. 1.

5

П. А. Вяземский, Сочинения в двух томах. М., 1982. Т. 1. *Мемнонова статуя* — именем Мемнона, героя Троянской войны, греки называли статую одного из египетских фараонов, которая при восходе солнца издавала звук, похожий на жалобный человеческий голос. Говорили, что это Мемнон зовет свою мать Эос (Зарю); *Старец-Бард* — Державин. Стихотворение осталось незавершенным.

6

Пушкин, Х.

*Славенскими глупцами* — деятелями «Беседы любителей русского слова»; *Россиада* — поэма М. М. Хераскова (символ скуки и архаизма); *Мерзлякова* — А. Ф. Мерзляков опубликовал статью о поэме Хераскова в 1815 г.; *Разумовский* — А. К., министр просвещения; *Не всем быть можно в равной доле* — цитата из послания Вяземского к Д. В. Давыдову; *стихотворцев на Ш.* — А. С. Шишкова, С. А. Ширинского-Шихматова, А. А. Шаховского; *Обнимите Батюшкова* — К. Н. Батюшков посетил больного Пушкина в лицейском лазарете в феврале 1815 г., Пушкин «уступил» ему сюжет поэмы «Бова».

7

Переписка А. И. Тургенева с князем П. А. Вяземским. Пг., 1921.

Речь идет об элегии «Погасло дневное светило» (1820).

8

Пушкин, Х.

*Ежемесячная слава Прадтов* — Прадт, французский священнослужитель, сочинявший злободневные политические памфлеты; *образуй наш метафизический язык* — т. е. создай отечественные общие понятия.

Пушкин, Х.

*Щелчок цензуры* — в статье Вяземского «О «Кавказском пленнике»» упоминалась «бдительная цензура, которую нельзя упрекнуть у нас в потворстве»; *послание Бирукову* — «Послание цензору» (1822); *должность надзирателя...* — критика; *дядя прислал... стихотворения* — сборник стихотворений В. Л. Пушкина, вышедший в 1822 г.; *ущипнуть Дмитриева* — Ивана Ивановича, поэта (он отрицательно отозвался о «Руслане и Людмиле»); *Дорат* — французский поэт.

## 10

Пушкин, Х.

*О тяжбе... с цензурою* — цензор А. И. Красовский отказался пропустить одну из полемических статей Вяземского; *Отечества и грязь* — Пушкин шутливо переиначивает строку из стихотворения Державина «Арфа»:

Мила нам добра весть о нашей стороне:  
Отечества и дым нам сладок и приятен.

## 11

Пушкин, Х.

Вяземский был издателем «Бахчисарайского фонтана», за который Пушкин впервые получил значительный гонорар. Поэма с предисловием Вяземского вышла 10 марта 1824 г.; *замечания на Булгарина* — статья «Замечания на краткое обозрение русской литературы 1822 года...»; *Жизни Дмитриева* — предисловие Вяземского к книге стихов И. И. Дмитриева; *унижать... Крылова* — Вяземский считал, что «Крылов шел по пути, приуготовленному для него Дмитриевым».

## 12

Акад., XIII.

Вероятно, ответ на письмо Пушкина, написанное в начале мая 1824 г., в котором Пушкин говорил об «уроках чистого афеизма». Это письмо Пушкина, послужившее поводом к высылке поэта из Одессы, по-видимому, встревожило Вяземского.

## 13

Пушкин, Х.

*Эпиграмму Грибоедова* — в 1824—1825 гг. Вяземский и Грибоедов вели «эпиграмматическую войну» против поэта М. А. Дмитриева и некоторых других литераторов. Резким нападкам литературных противников подверглось предисловие Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану», а также «Горе от ума».

В эпиграмме Вяземского есть строки: «Скажите, стоило ль из шуток // Вам страшный писк такой поднять?» (поправка Пушкина принята); *насчет журнала* — Пушкин и Вяземский много лет мечтали издавать собственный журнал, но это осуществилось лишь в 1836 г., когда был разрешен «Современник».

14

«Остафьевский архив князей Вяземских». Т. V. СПб., 1909.  
*Важную для него особу* — М. С. Воронцова.

15

Пушкин, Х.

Вяземский в Одессу не приехал; хлопоты об устройстве на службу в Одессу Кюхельбекера не удались; «Братья-разбойники» в «Мнемозине» не печатались.

16

«Остафьевский архив». Т. V.

17

Пушкин, Х.

*Выполнение обязанностей* — надзор за Пушкиным.

18

Акад., XIII.

*Новый журнал* — «Московский телеграф», издаваемый Н. А. Полевым; С. Е. Раич в журнале не участвовал.

19

Пушкин, Х.

*О несчастии* — смерти сына Николая; «Онегин» — 2-я глава; *тревогах и предположениях* — возможно, связанных с планами побега Пушкина из ссылки; не исключено также, что речь идет об отношениях Пушкина с Е. К. Воронцовой.

20

Пушкин, Х.

*Голицыной* — Евдокия Ивановна, в которую Пушкин был влюблен в 1817—1820 гг.; *кюхельбекерский Державин* — в послании Кюхельбекера А. П. Ермолову есть строки:

Так пел, в Суворова влюблен  
Бард дивный, исполни Державин.



Акад., XIII.

Пушкин, X.

Стихотворение «Нарвский водопад», исправленное автором по замечаниям Пушкина, было напечатано в «Северных цветах» за 1826 г. *Шишков* — А. С., *Глинка* — С. Н. (издатель журнала «Русский вестник»), оба они резко выступали против «французомании» в русском обществе.

Акад., XIII.

Отрывок из письма Вяземского, связанного с «аневризмом» Пушкина и отказом его ехать лечиться в Псков (Полный текст см.: Переписка. Т. 1).

Пушкин, X.

*Мойер* — И. Ф., врач-хирург, который по просьбе Жуковского готов был отправиться в Псков, чтобы оперировать Пушкина; *Асмодей* — арзамасское прозвище Вяземского; *Марина* — Марина Мнишек, персонаж «Бориса Годунова»; *Екатерина Орлова* — дочь генерала Н. Н. Раевского, жена М. Ф. Орлова; *конец десятого и весь одиннадцатый том* — т. е. канва событий в «Борисе Годунове», соответствует изложению Карамзина в «Истории государства Российского».

Пушкин, X.

Акад., XIII.

Первое письмо Вяземского к Пушкину после разгрома восстания декабристов.

ЛН, 58.

Переписка А. И. Тургенева с князем П. А. Вяземским. Пг., 1921.

ЛН, 58.

Совместное путешествие не состоялось: Николай I ответил категорическим отказом на просьбу Пушкина и Вяземского о поездке за границу; *осажи* — краснокожие индейцы, которых демонстрировали за деньги в Париже в 1827 г.

Пушкин, Х.

Приписка Пушкина к письму П. А. Вяземского, посланному из Петербурга в Мещерское, где жила тогда Вяземская.

*Его сиятельство Павел* — восьмилетний сын Вяземских.

ЛН, 58.

16 мая 1828 г. Пушкин читал «Бориса Годунова» в петербургском салоне И. С. Лаваля; *Одоевская-Ланская* — Ольга Степановна, жена В. Ф. Одоевского; *Балк* — Балк-Полев П. Ф., дипломат; *две княгини Мишель* — Прасковья Андреевна и Мария Аркадьевна Голицыны, их называли «княгини Мишель» по имени мужей — Михаила Михайловича и Михаила Андреевича Голицыных; *юноши* — Андрей Николаевич и Александр Николаевич Карамзины.

Пушкин, Х.

Написано из Москвы в Петербург.

*Проект новой организации* — Пушкин тщетно надеялся на какие-либо прогрессивные реформы Николая I; *контрреволюции революции Петра* — речь идет об ограждении дворянства от проникновения в него чуждых элементов (против такого проникновения выступал Пушкин); *будешь ли в службе новой?* — Вяземский стал чиновником министерства финансов в апреле 1830 г.

Пушкин, Х.

*Полина* (Прасковья) — больная туберкулезом дочь Вяземских (скончалась в 1835 г. в возрасте 18 лет).

ЛН, 16—18.

*Погодин* — Михаил Петрович, историк, близкий знакомый Пушкина.

ЛН, 58.

Пушкин, VIII.

Пушкин получил журнал «Сын Отечества» (1821, № 10), в котором были помещены послание Вяземского к Жуковскому («О ты, который нам явить с успехом мог...»), а также стихотворения Баратынского «Лиде» и «Страшно воеет, завывает».

Пушкин, VII.

Предисловие Вяземского к «Бахчисарайскому фонтану» вызвало анонимное возражение в «Вестнике Европы». Автором статьи был М. А. Дмитриев. Пушкин счел нужным публично поддержать Вяземского.

Пушкин, VII.

Пушкин, VII.

*Некоторые журналы* — «Московский телеграф» Н. А. Полевого и «Северная пчела» Ф. В. Булгарина.

Вяземский. Сочинения в двух томах. М., 1982. Т. 2.

Вяземский. Сочинения в двух томах. М., 1982. Т. 2.

Вяземский. Сочинения в двух томах. М., 1982. Т. 2.

Воспоминания т. 1.

Воспоминания т. 1.

*Известною эпиграммою* — по-видимому, «Прозаик и поэт».

Воспоминания т. 1.

См. дневниковую запись Пушкина (№ 36).

*При последних издыханиях холеры* — в декабре 1830 и январе 1831 г.

*Гиббон* — английский историк XVIII в.

Воспоминания т. 1.

*Козловский* — Петр Борисович, дипломат, историк, литератор; *Переводы Дмитриева* — Пушкин имел в виду «Сокращенный перевод Ювеналовой сатиры о благородстве» и «Послание от английского стихотворца Попа к доктору Арбутноту»; Александр Поп — английский поэт (1688—1744).

Воспоминания т. 1.

См. очерк и подборку материалов о В. А. Жуковском.

*Щечил* — болтунов, бойких говорунов.

П. П. Вяземский. Пушкин. По документам Остафьевского архива. М., 1885.

Воспоминания принадлежат перу сына Вяземского Павла Петровича.

Воспоминания, т. 2.

*Полетика* — Идалия Григорьевна, приятельница и дальняя родственница Н. Н. Пушкиной, занимавшая враждебную позицию по отношению к Пушкину и сыгравшая неблагоприятную роль в истории дуэли.

А. И. ТУРГЕНЕВ  
(27.III.1784—3.XII.1845)

# I

Пушкин, I.

*Верный покровитель* — по должности Тургенев занимался религиозными и национальными общинами в России; иезуиты

были удалены из России после долгих споров, в которых участвовал Тургенев; *Лунику* — Екатерину Сергеевну, сестру будущего декабриста; *де Лаваль* — хозяин петербургского салона.

2

Пушкин, Х.

*Без вас двух* — Александра и Николая Тургеневых; *Голицыной* — Евдокии Ивановны; *Каменного острова* — летней резиденции императора; *Пафмос* — на этот остров древние римляне ссылали осужденных, просьба Пушкина приехать на несколько дней из Кишинева в Петербург была неосуществима.

3

Пушкин, Х.

*Кипренского* — в «Письме из Рима» художник О. А. Кипренский упомянул А. И. Тургенева.

4

Пушкин, Х.

*Инзов* — Иван Никитич, генерал-лейтенант, к канцелярии которого был прикомандирован Пушкин в Кишиневе. Инзов благожелательно, отечески относился к поэту; *Кортесы* — парламент в Испании.

5

Пушкин, Х.

Тургенев отсутствовал из России 5 лет, а с Пушкиным не виделся 11 лет; *едет к тебе* — в Москву; *порастрепать его портфель* — Пушкин имел в виду использовать материалы Тургенева для предполагавшегося журнала.

6

ЛН, 58.

По ходу переговоров о содержании парижской хроники для пушкинского «Современника» Тургенев настаивал на включении в нее политических новостей. *Тьер* — реакционный французский политик и историк; *Фиески* — организатор бонапартистского заговора против французского короля в 1835 г.; *Гизо* — французский историк и политик.

7

ЛН, 58.

*Лейв-Веймар* — Лёве-Веймар, французский литератор, историк и дипломат, посетивший Россию летом 1836 г. и, по реко-

мендации Тургенева, познакомившийся с Пушкиным и Вяземским; *к. Мещерского* — князь Элим Петрович Мещерский побывал у Пушкина летом 1836 г. и получил в подарок экземпляр «Бориса Годунова»; *Нессельроде* — Мария Дмитриевна, жена министра иностранных дел К. В. Нессельроде.

8

ЛН, 58.

Искажения и пропуски в корреспонденциях Тургенева из Парижа, опубликованных в первой книжке «Современника», во многом объяснялись вмешательством цензуры. Впоследствии недоразумение было улажено и в 4-й книжке «Современника» появилось продолжение «Хроники русского». *К сестрице* — А. И. Нефедьевой.

9

Прометей. Т. 10.

10

Пушкин, X.

Последняя записка Пушкина к А. И. Тургеневу.

11

Воспоминания, т. 2.

Отрывки из «Дневника» Тургенева, несмотря на их конспективность, передают многие подробности жизни Пушкина и его друзей, в ряде случаев оказываясь единственным источником наших сведений. Не всегда ясный, этот дневник интересен и как документ эпохи и как подтверждение многообразия контактов и сложности обстоятельств жизни Пушкина и его друзей. Более полный текст и комментарии см. Воспоминания, т. 2. и «Основную литературу».

1831 г. 7 декабря: княгине Мещерской — Екатерине Николаевне, урожденной Карамзиной (см. очерк «Семья Карамзиных»); *Вордсворт* — английский поэт, о котором Тургенев беседовал со свекровью Е. Н. Мещерской. 8 декабря: оба правы — Пушкин и Вяземский резко расходились по польскому вопросу, занимавшему тогда умы; 24 декабря: 9-я глава соответствует нынешней 8-й.

1832 г. 29 апреля: *Фикельмон* — австрийский посол (см. т. 2); *Грабовский С. Ф.* — сановник; *Данилевский* — Михайловский-Данилевский А. И., военный историк; 13 мая: *Толстая А. М., Опочинин К. Ф.* — родственники Д. Ф. Фикельмон; о каком заплещении говорил Пушкин — не выяснено; 28 мая: *Смирнова* —

Россет-Смирнова А. О.; 4 июня: Пушкин хлопотал об издании журнала или газеты «Дневник», где предполагал печатать материалы Тургенева; 17 июня: накануне отъезда из России Тургенев заехал проститься к Н. Н. Пушкиной, не выезжавшей еще после родов; 9 июня: *Велгурский* — Мих. Ю. Виельгорский. *Бобринский* — Алексей Алексеевич — светский знакомый Пушкина; *Адуевский* — так пишет Тургенев фамилию В. Ф. Одоевского.

1834 г. 15 октября: поэма — «Медный всадник»; 16 октября: *Михайловский* — теперь Малый оперный театр в Ленинграде; «*Родольф...*» — пьеса Скриба; «*Белая дама*» — опера Буальде; 10 декабря: *Чернышев-Кругликов* — Иван Гаврилович; 17 декабря: *Орловы* — Алексей Федорович и Ольга Андреевна; *Уваров* — Сергей Семенович, с апреля 1834 г. — министр просвещения.

1836 г. 26 ноября: *Бравура* — Людовик, знакомый Тургенева; *Козловский* — Петр Борисович; *Эмилия Пушкина* — Эмилия Карловна Мусина-Пушкина, одна из первых красавиц Петербурга (ее постоянно сравнивали с однофамилицей — Н. Н. Пушкиной); 27 ноября: *Толстой* — Александр Николаевич; *семейство Сусанина* — опера Глинки «Иван Сусанин» (называлась тогда: «Жизнь за царя»); *Экерт* — Геккерт; 2 декабря: «*быть без мест*» — значит сделать исключение и не соблюдать обычной иерархии, т. е. права бояр на должности в зависимости от знатности рода; 15 декабря — Пушкин передал для Н. И. Тургенева издание «Слова о полку Игореве»; прочитал А. И. Тургеневу «Памятник»; М. Ф. Орлов, П. Д. Киселев, А. П. Ермолов и А. С. Меньшиков считали, что в случае успеха восстания декабристы обратились бы к ним за помощью в управлении государством; о непосланном письме см. очерк «П. Я. Чаадаев»; 24 декабря: *графиня Пушкина* — Э. К. Мусина-Пушкина; *Ланская* — Надежда Николаевна; *Мейендорф* — Егор Федорович (эпизод, о котором идет речь, исследователями не расшифрован); *роман Пушкина* — «Капитанская дочка».

1837 г. 6 января: *англичанин* — Лондондерри Ч. В.; 9 января: *пастиш* — Пушкин читал Тургеневу свою статью «Последний из свойственников Иоанны д'Арк»; генерал А. П. Ермолов предупредил Грибоедова об аресте, позволив уничтожить бумаги; *Татаринов* — А. Н., родственник Тургенева; *письмо о Жолвекуре и т. д.* — материалы для публикации в последующих номерах «Современника»; 18 января: *Люцероде* — саксонский посланник; 21 января: № 20 — т. е. письмо под этим номером; *письмо о дуэли* — письмо Пушкина В. А. Соллогубу; *татарщина* — Тургенев обрадовался, увидев пароход, направлявшийся из Нижнего Новгорода к Астрахани, усматривая в этом приобщение к европейской цивилизации; 27 января: *Скарятин* — Г. Я., знакомый Пушкина и Тургенева; *только показать ему* — Николай I не позволил оставить записку Пушкину, так как это превратило бы ее в «рескрипт» — признак высочайшего благоволения к подданному: Пушкин этой «чести» не удостоился; 5 февраля: *дочь пленяла меня* — Мария Ивановна Осипова; 6 февраля: *о Сереже* — т. е. о покойном брате Сергее Ивановиче.

П. и С., вып. 6.

Адресат писем Тургенева о смерти Пушкина, как и многих других его писем, — Александра Ильинична Нефедьева, двоюродная сестра Тургеневых. Через нее А. И. Тургенев пересылал ряд документов в свой московский архив.

С... — Г. Я. Скарятин.

П. и С., вып. 6.

*С новорожденным* — Пушкин умер в день рождения Жуковского.

П. и С., вып. 6.

*Канане* — кушетка.

П. и С., вып. 6.

П. и С., вып. 6.

*Каратыгин* — Василий Андреевич, трагический артист. Бенфис его 1 февраля 1837 г., на котором должен был исполняться «Скупой рыцарь», не состоялся.

П. и С., вып. 6.

Письмо это частично повторяет дневниковые записи (№ 11) Тургенева, однако многие детали представляют самостоятельный интерес.

*Дядька Пушкина* — Никита Козлов.

П. и С., вып. 6.

*Издание «Онегина»* — миниатюрное 2-е полное издание «Евгения Онегина» вышло в свет незадолго до гибели Пушкина, тираж его мгновенно разошелся после смерти поэта; *И в самых горестях вас будет утешать* — строки из стихотворения умерше-



го брата Тургеневых Андрея Ивановича; *стихи на кончину поэта* — А. И. Тургенев прислал Осиповым список стихотворения М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта».

19

П. и С., вып. 1.

*И меланхолии печать...* — неточная цитата из стихотворения Жуковского «Сельское кладбище» (1802). У Жуковского: «И меланхолии печать была на нем».

*«Она прощает Пушкину»* — слова Екатерины Николаевны Геккерн (урожденной Гончаровой), жены Дантеса и свояченицы Пушкина перед отъездом навсегда из России; *в кордегарде* — в помещении для содержания арестованных; *первый приговор* — Дантес был разжалован в рядовые и выслан из России; Данзас был подвергнут двухмесячному аресту; *письмо Вяземского к А. Я. Булгакову* — один из важнейших документов о дуэли и смерти Пушкина; *с вашей милой дочерью* — Е. Н. Вревской (см. Т. 2 «Семья Осиповых-Вульф»).

20

П. и С., вып. 6.

*Письма Пушкина* — А. И. Тургенев переслал брату копию письма Пушкина к Л. Геккерну от 26 января 1837 г., после которого дуэль стала неизбежной; *одной даме* — Е. Н. Вревской.

21

К. Я. Грот, Пушкинский лицей.

22

Воспоминания, т. 2.

23

Пушин, Записки.

О причинах, побудивших Тургенева удерживать Пушина от поездки к Пушкину, см. очерк.

24

Литературные салоны и кружки. М. Л., 1930.

Автор воспоминаний — Антонина Дмитриевна Блудова, фрейлина, дочь Д. Н. Блудова (члена общества «Арзамас», впоследствии — дипломата и министра), рассказывает о своих детских впечатлениях; *огр (ogre — фр.)* — людоед (в сказках).

Воспоминания, т. 1.

Автор воспоминаний — Екатерина Ивановна Фок, младшая дочь Осиповой; когда Пушкин уехал из Михайловской ссылки, ей было всего три года, а когда Тургенев приезжал хоронить его — 14 лет. 15 февраля — дата указана по новому стилю.

П. Я. ЧААДАЕВ \*  
(27.V.1794—14.IV.1856)

## 1

Пушкин, I.

*Брут* — римский республиканец I в. до н. э., участник заговора против Цезаря; *Перикл* (Периклес) — афинский государственный деятель V в. до н. э., олицетворение справедливости и благородства.

## 2

Пушкин, I.

## 3

Пушкин, II.

*Прах Овидиев* — римский поэт Овидий, по преданию, был сослан в Молдавию. После строки «Тебя недостает душе моей усталой» в черновике следовало:

Тебя, хранителя моих душевных сил,  
Тебя, которому давно я посвятил  
И жизнь, и твердый дух, испытанный судьбою,  
И чувства чистые, спасенные тобою.

*Или философа, который в прежни лета...* — речь идет о Ф. И. Толстом, которого Пушкин обвинял в клевете; *Оратор Лужников* — М. Т. Каченовский, писавший под псевдонимом «Лужницкий»; *Шепинг* — Д. А., петербургский офицер, приятель Чаадаева.

## 4

Пушкин, II.

*К чему холодные сомненья?* — в стихотворении идет речь о разрушенном храме богини Дианы в Крыму. Ученые спорили о его

---

\* Корреспонденты Чаадаева и мемуаристы нередко употребляют другие варианты написания этой фамилии: «Чедаев», «Чадаев».

местонахождении (Пушкин прочитал об этом в книге И. М. Муравьева-Апостола «Таврида»); *Эвмениды* (Эринии) — богини мщения (греч.); *провозвестница Тавриды* — Ифигения, героиня греческих мифов. Брат Ифигении Орест и неразлучный с ним друг Пиллад приплыли в Тавриду и увезли Ифигению на родину; *помнишь ли былое* — см. № 2.

5

Пушкин, VIII.

Переписка Пушкина и Чаадаева начала 1820-х годов не сохранилась.

6

Акад., XIV.

Преклоняясь перед гением Пушкина, Чаадаев не понимал его идейных устремлений и мечтал наставить поэта на путь «религиозного обновления», который считал единственно верным.

7

Пушкин, X.

Записка Пушкина написана на предтитульном листе книги «Борис Годунов».

8

Акад., XIV.

Пушкин надеялся напечатать хотя бы отрывки из «Философических писем» и с этой целью взял рукопись 6-го и 7-го писем с собой, уезжая из Москвы в Петербург в мае 1831 г.; *Английский клуб* — на Тверской ул. в Москве (ныне здание Музея Революции).

9

Пушкин, X.

Ответ на письмо Чаадаева (№ 8). Письмо написано в разгар эпидемии холеры. *Ни Блудова, ни Беллизара* — к Д. Н. Блудову, занимавшему важный пост, Пушкин собирался обратиться за содействием в публикации «Философических писем», через книгопродавца Ф. М. Беллизара — осуществить само издание; *Некрополею* (городом Мертвых) называл Чаадаев Москву; *Марк Аврелий* — римский император; *Давид* — израильский царь; *Экклезиаст* (Екклезиаст) — библейский пророк.

Акад., XIV.

*Одной мыслью* — Чаадаев имеет в виду нравственное, религиозное прозрение, в котором видел он спасительный путь человечества, уходя от социальных проблем своего времени; *письмо вашего друга* — В. А. Жуковского; *ваши два стихотворения* — «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина».

Акад., XIV.

О Павле Воиновиче Нащокине см. т. 2.

Акад., XVI.

Пушкин, X.

Об этом не отосланном письме см. очерк.

*Схизма* — разделение христианства на западную и восточную церкви; *Феофан* — Прокопович, церковный и политический деятель; *драма, начавшаяся в Угличе...* — убийство царевича Дмитрия в 1591 г. и коронование на царство Михаила Романова в 1613 г.; *я нигде не бываю* — еще не зная конкретно о реакции Николая I на сочинение Чаадаева, Пушкин предвидел, какие последствия может оно иметь для автора, и проявлял осторожность в письме, которое собирался доверить почте.

Акад., XVI.

Автор письма — Клементий Осипович Россет, брат А. О. Россет-Смирновой, близкой знакомой Пушкина в последние годы жизни. Он был одним из немногих, знавших содержание письма Пушкина к Чаадаеву. *Голицын* — Дмитрий Владимирович, московский военный генерал-губернатор.

Акад., XVI.

*Строганов* — Сергей Григорьевич, попечитель Московского учебного округа, имевший официальную беседу с Чаадаевым после того как разразился скандал с «Философическим письмом»; *Надеждин* — Николай Иванович, издатель журнала «Телескоп», опубликовавший «Философическое письмо». Д. В. Давыдов, рез-

ко отрицательно относившийся к Чаадаеву, вместе с тем правдиво описывает его растерянность после объявления «высочайшей воли»; *Тургенева* — Александра Ивановича (см. Тургенев, № 11).

16

Пушкин в письмах Карамзиных. М.-Л., 1960.

17

Воспоминания, т. 2.

«Деревня» была передана Александру I не в 1818 г., а в конце 1819 г.; *с последними стихами* — начиная от строки: «Но мысль ужасная здесь душу омрачает».

18

Воспоминания, т. 2.

Автор воспоминаний — писатель, историк литературы Степан Петрович Шевырев. *Мария Федоровна* — вдовствующая императрица.

19

А. И. Герцен, Сочинения в девяти томах. М., 1956, т. 5. Обед у Орловых происходил 10 июля 1834 г.

## СЕМЬЯ КАРАМЗИНЫХ

1

Пушкин, VII.

2

Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866.

*Поэмке* — «Руслану и Людмиле»; *Осипов* — Николай Петрович, поэт XVIII в., автор «Виргилиевой Енеиды, вывороченной наизнанку».

3

Письма Н. М. Карамзина к князю П. А. Вяземскому 1810—1826. СПб., 1897.

4

Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву.

Речь идет о «Кавказском пленнике».

Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву.

Письма Н. М. Карамзина к князю П. А. Вяземскому.

*Маленький Пушкин* — Лев Сергеевич; *Цыганскую поэмку* — «Цыганы».

Акад., XIII.

*Железный колпак* — рукопись о жизни московского юродивого Блаженного Иоанна. Пушкин работал тогда над сценой «Бориса Годунова», где выведен юродивый Николка.

Акад., XIII.

Плетнев передал Карамзиным книгу «Стихотворения Александра Пушкина» (1826).

Акад., XIII.

Пушкин, X.

*Статьи о смерти Карамзина* — в некрологах, как правило, подчеркивалась и утрировалась приверженность Карамзина самодержавному правлению; *Гальяни* (Галиани) — итальянский публицист, утверждавший, что существует «искусство сказать всё и не попасть в Бастилию в стране, где запрещено говорить всё»; *Твой совет* — Вяземский советовал Пушкину подтвердить царю, что он не был связан с тайными обществами; *Барков* — Иван Семенович, известный автор неприличных стихов.

Акад., XIII.

Пушкин, VIII.

По-видимому, отрывок воспоминаний (написанных в 1824—1825 гг.), основную часть которых Пушкин уничтожил после вос-

стания декабристов. *Лейтон* — Яков Иванович, лейб-медик; *Одна дама* — Е. И. Голицына; *Каченовский* — М. Т., подвергший резкой критике даже не само предисловие, а его французские переводы; *Ноты русской истории* — примечания и ссылки в «Истории» Карамзина; *Никита Муравьев* — декабрист, один из руководителей Северного общества, автор критического разбора предисловия к «Истории», ходившего в списках; *Тит Ливий* — римский историк; *Тарквиний Гордый* — последний правитель Древнего Рима; *Мне приписали...* — «В его истории изящность, простота...» (Об эпиграммах Пушкина на Карамзина см. статью Б. Томашевского в кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Т. 1); *Шихматов* — Сергей Александрович; *Кутузов* — Голенищев-Кутузов Павел Иванович; *Шишков* — Александр Семенович: литературные и политические противники Карамзина.

Текст из воспоминаний Пушкина с некоторыми изменениями вошел в «Отрывки из писем, мысли и замечания» (1827 г.).

13

ЛН, 58.

14

ЛН, 58.

«*Мазепу*» — «Полтаву»; Пушкин ездил осенью 1828 г. в тверское имение П. А. Осиповой Малинники.

15

ЛН, 58.

16

Пушкин, X.

Разрешение на издание «Бориса Годунова» было получено 28 апреля 1830 г. Однако, находясь в Болдине, Пушкин не знал, как идут дела с печатанием книги. Посвящение поспело вовремя и было напечатано.

17

Пушкин, X.

18

Акад., XIV.

Письмо Пушкина (с припиской Натальи Николаевны), на которое отвечает Е. А. Карамзина, не сохранилось. Н. В. Измай-

лов справедливо отмечает: «В этом письме так много подлинной любви к Пушкину, тонкого понимания его положения, тревоги за него и надежды на его светлое будущее, что его одного достаточно, чтобы понять совершенно особое, ни с каким другим, пожалуй, не сравнимое отношение поэта к этой женщине» («Пушкин в письмах Карамзиных», с. 22).

19

Пушкин в письмах Карамзиных. М.-Л., 1960.

С этого отрывка начинаются выдержки из писем семьи Карамзиных к А. Н. Карамзину, составляющих «Тагильскую находку».

Второй том «Современника» вышел в начале июля 1836 г. Ф. В. Булгарин лицемерно сетовал в «Северной пчеле» на то, что «поэт променял золотую лиру свою на скрипучее, неумолкающее, труженическое перо журналиста... князь мысли стал рабом толпы». Целью этих излияний было не только оклеветать Пушкина, но и отвлечь внимание читателей от «Современника». С. Н. Карамзина судит о «Современнике», не читая.

20

Пушкин в письмах Карамзиных.

*Пушкин ничего не написал* — в номере журнала две неподписанные статьи Пушкина: о Французской и Российской академиях; *дядюшки* — П. А. Вяземского; *новый роман* — «Капитанская дочка».

21

Пушкин в письмах Карамзиных.

Речь идет о праздновании именин С. Н. Карамзиной в Царском Селе 17 сентября 1836 г., где был Пушкин. *Голицын* — Александр Сергеевич, сослуживец братьев Карамзиных; *Россет* — братья Александр-Карл Осипович, Аркадий Осипович, Клементий Осипович; *Скалон* Николай Александрович — офицер; *Мещерский* — Сергей Иванович, брат мужа Е. Н. Карамзиной; *Поль и Надина* (Павел и Надежда) — дети П. А. и В. Ф. Вяземских; *дядюшка* — П. А. Вяземский; *Строганова* — Наталья Викторовна (урожд. Кочубей). Пушкин, знакомый с Н. В. Строгановой с 1813 г., одно время был увлечен ею.

22

Пушкин в письмах Карамзиных.

Третий том «Современника» вышел в начале октября 1836 г.

23

Пушкин в письмах Карамзиных (текст ответных писем Андрея Карамзина дан в примечаниях).



Пушкин в письмах Карамзиных.

*Юпитер* — верховный бог-громовержец в римской мифологии; четвертый том «Современника» вышел в конце ноября 1836 г.

Пушкин в письмах Карамзиных.

*Александр и Вольдемар* — братья Карамзины; *Катрин* — Е. Н. Гончарова.

Пушкин в письмах Карамзиных.

Свадьба Дантеса и Е. Н. Гончаровой состоялась 10 января 1837 г. Пушкин отсутствовал, Наталья Николаевна была в церкви, но не осталась на ужин; Е. И. Загряжская любила племянниц, сочувствовала Пушкину и ее раздражало любопытство С. Н. Карамзиной. *Александр* — А. Н. Карамзин.

Пушкин в письмах Карамзиных.

По записи П. И. Бартенева, К. О. Россет рассказывал об этом вечере у Е. Н. Мещерской: «Ну что,— обратился Пушкин к Россету,— вы были в гостиной; он уже там, возле моей жены?» Даже не назвал Дантеса по имени. Этот вопрос смутил Россета, и он отвечал, заминаясь, что Дантеса видел». *Катрин* — в первом случае Е. Н. Мещерская, во втором Е. Н. Геккерн (Гончарова); *Александрина* — А. Н. Гончарова.

Пушкин в письмах Карамзиных.

Первая часть письма написана по-русски, орфография сохранена. Со слов: «Дуэли ужасны!» — по-французски.

Пушкин в письмах Карамзиных.

У *Воронцовых* — бал у Ивана Илларионовича Воронцова-Дашкова и его жены Александры Кирилловны был 23 января; бал у графини М. Г. Разумовской был вечером 26 января. Свидетельства Жуковского и Тургенева о смерти Пушкина более точны (С. Н. Карамзина пишет со слов близких к ней людей, но не по собственным впечатлениям).

Пушкин в письмах Карамзиных.

Пушкин в письмах Карамзиных.

Письмо частично по-русски. Орфография сохранена.

Пушкин в письмах Карамзиных.

*Пьера* — П. И. Мещерского; *долги Пушкина* — общая сумма долгов Пушкина была вдвое больше названной Карамзиной; распоряжения о выкупе имения Николай I не давал.

Пушкин в письмах Карамзиных.

Пушкин в письмах Карамзиных.

Стихи Лермонтова распространялись во множестве списков по Петербургу. С М. Ю. Лермонтовым Карамзины познакомились позже — в 1838 г.

Пушкин в письмах Карамзиных.

С. Н. Карамзина осуждает Н. Н. Пушкину, словно забыв о том, как она сама относилась ко всей этой истории меньше месяца назад.

Пушкин в письмах Карамзиных.

*Предложение Соболевского* — см. т. 2.

Пушкин в письмах Карамзиных.

*Ундина* — мифическое существо, русалка, якобы вступающая в любовную связь с людьми.

Пушкин в письмах Карамзиных.

Не зная истинного характера дуэльной истории, Андрей Карамзин в письмах из Парижа не только сокрушался о гибели Пушкина, но и тревожился о том, не будет ли слишком сурово наказан Дантес. Александр Карамзин из Петербурга дает верную характеристику Дантеса, называя его «совершенным ничтожеством». Письмо Александра Карамзина отличается глубоким проникновением в суть событий, погубивших Пушкина.

*Жуковский принял бумаги* — Николай I, не доверяя Жуковскому, приказал ему разбирать бумаги Пушкина в присутствии начальника штаба корпуса жандармов Л. В. Дубельта.

Щеголев, Дуэль.

Воспоминания, т. 1.

Бартенев.

А. И. Кошелев, Записки. Берлин, 1884.

Автор воспоминаний — Александр Иванович Кошелев, чиновник Московского архива министерства иностранных дел, знакомый Пушкина. *Хомяков* — Алексей Степанович, писатель, впоследствии один из идеологов славянофильства; *Титов* — Владимир Павлович, литератор.

В. А. Соллогуб, Воспоминания. М.-Л., 1931.

Владимир Александрович Соллогуб, близкий знакомый Пушкина и Карамзиных. Отрывок его воспоминаний воспроизводит обстановку в салоне Карамзиных в 1841 г., когда Лермонтов в последний раз приезжал в Петербург.

---

*Список сокращений*

- Акад.— А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. I—XVII. М.-Л., 1937—1959.
- Анненков, Материалы — П. В. Анненков. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина. СПб., 1855.
- Анненков, Пушкин — П. В. Анненков. Александр Сергеевич Пушкин в александровскую эпоху. СПб., 1874.
- Бартенев — П. И. Бартенев. Пушкин в Южной России. М., 1914.
- Воспоминания — А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1—2. М., 1974.
- Я. К. Грот, Пушкин.— Я. К. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Статьи и материалы. Изд. 2-е. СПб., 1899.
- Керн. Воспоминания — А. П. Керн. Воспоминания. Дневники. Переписка. М., 1974.
- ЛН — Литературное наследство.
- П. и С. — Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Вып. I — XXXIX. СПб.; Л., 1903—1930.
- Пушкин — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. М.-Л., 1949.
- Пушин, Записки — И. И. Пушин. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956.
- Щеголев, Дуэль — П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. Исследования и материалы. Изд. 3-е. М.-Л., 1928.

# СОДЕРЖАНИЕ



От составителя . . . . .	5
Василий Львович Пушкин . . . . .	9
Ольга Сергеевна Павлищева . . . . .	40
Лев Сергеевич Пушкин . . . . .	71
Арина Родионовна Яковлева . . . . .	115
Иван Иванович Пущин . . . . .	134
Антон Антонович Дельвиг . . . . .	174
Вильгельм Карлович Кюхельбекер . . . . .	223
Иван Васильевич Малиновский . . . . .	263
Федор Федорович Матюшкин . . . . .	280
Михаил Лукьянович Яковлев . . . . .	301
Василий Андреевич Жуковский . . . . .	318
Петр Андреевич Вяземский . . . . .	378
Александр Иванович Тургенев . . . . .	437
Петр Яковлевич Чаадаев . . . . .	480
Семья Карамзиных . . . . .	512
Примечания . . . . .	570
Список сокращений . . . . .	638

# ДРУЗЬЯ ПУШКИНА

Том 1

Составитель  
Виктор Владимирович  
КУНИН

Редактор *Н. Н. Ермолаева*  
Оформление художника *Д. Б. Шимилиса*  
Художественный редактор *Н. Н. Каминская*  
Технический редактор *Л. Ф. Молотова*

ИБ 926

---

Сдано в набор 08.04.84. Подписано к печати 26.09.84.  
Формат 84×108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Бумага книжно-журнальная.  
Гарнитура «Литературная». Печать офсетная.  
Усл. печ. л. 34,02. Усл.-кр. отт. 34,44. Уч.-изд. л. 30,28.  
Тираж 500 000 экз. (2-й завод: 250 001—500 000).  
Заказ № 157. Цена 2 р. 20 к.

---

Набор и фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена  
Октябрьской Революции типографии имени В. И. Ленина  
издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва,  
А-137, ул. «Правды», 24.

Отпечатано в типографии изд-ва «Уральский рабочий»,  
620151, г. Свердловск, проспект Ленина, 49.

## ***Уважаемые товарищи!***

***С 1974 года организован сбор макулатуры с одновременной продажей популярных книг отечественных и зарубежных авторов.***

***Применение макулатуры для производства бумаги дает возможность экономить остродефицитное древесное сырье, значительно уменьшить расходы по производству бумаги.***

***Использование одной тонны макулатуры позволяет получить 0,7 тонны бумаги или картона, заменить 0,85 тонны целлюлозы или 4,4 кубического метра древесины. Кроме того, при этом сберегаются леса нашей Родины, чистота ее рек, озер, воздушного пространства.***

***Сбор и сдача макулатуры — важное государственное дело.***

***Сдавайте  
макулатуру  
заготовительным  
организациям!***

**ВТОРМА**  **СОЮЗ  
ГЛАВ  
ВТОР  
РЕСУРСЫ**





2 p. 21 r.